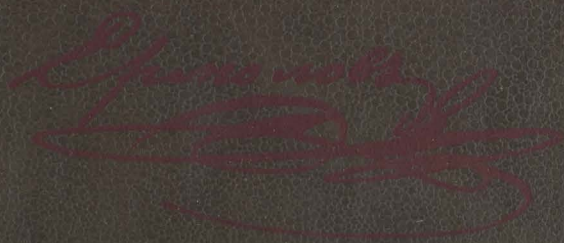


ЗАПИСКИ А. П. ЕРМОЛОВА

ЗАПИСКИ
А. П.
ЕРМОЛОВА
1798-1826



ЗАПИСКИ
А. П.
ЕРМОЛОВА
1798—1826



Москва «Высшая школа» 1991

ББК 63.3(2)51
З-32

Составитель доктор исторических наук *В. А. Федоров*

Рецензент:
ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР,
д-р истор. наук *О. В. Орлик*

Рекомендовано Государственным комитетом СССР
по народному образованию

**Записки А. П. Ермолова. 1798—1826 гг./Сост.,
З-32** подгот. текста, вступ. ст., коммент. *В. А. Федорова*. — М.: Высш. шк., 1991. — 463 с.: ил.
ISBN 5-06-002005-3

Книга включает Записки видного военного и государственного деятеля генерала Алексея Петровича Ермолова, содержащие ценные сведения о военных кампаниях 1805—1807 гг., об Отечественной войне 1812 г. В них даны живые описания наиболее крупных сражений, яркие характеристики М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, М. Б. Барклая де Толли, М. И. Платова, П. Х. Витгенштейна и др. В данное издание вошли также Записки 1816—1826 гг., когда Ермолов был командующим Кавказским корпусом и главнокомандующим в Грузии во время Кавказской войны.

3 0503020200(4309000000) — 195 43—91
001(01)—91

ББК 63.3(2)51
9(С)15

ISBN 5-06-002005-3

© В. А. Федоров, составление, 1991

А. П. Ермолов и его «Записки»

Алексей Петрович Ермолов бесспорно принадлежит к числу выдающихся военных и государственных деятелей России. По отзыву декабриста М. Ф. Орлова, имя Ермолова «должно служить украшением нашей истории». «Подвиги Ваши — достояние Отечества, и Ваша слава принадлежит России», — писал Ермолову А. С. Пушкин. Ермолов был воспет в стихах Пушкина, Лермонтова, Жуковского, декабристов Кондратия Рылеева, Федора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера.

Это была сложная и противоречивая личность. А. С. Грибоедов, служивший при Ермолове адъютантом «по дипломатической части», близкий к нему и хорошо его знавший, называл его «сфинксом новейших времен», намекая на глубину и загадочность этой личности. Человек сильной воли и независимых взглядов, не признававший никаких авторитетов, преданный патриот, горячо любивший Россию и все русское, находившийся в оппозиции к аракчеевскому режиму, Ермолов импонировал декабристам. С некоторыми из них он был связан узами личной дружбы и несомненно знал о существовании тайных декабристских обществ. Не случайно декабристы в своих планах рассчитывали на Ермолова как на авторитетного члена будущего Временного революционного правительства. Но оппозиционность Ермо-

лова не поднималась до признания несправедливости существовавших феодально-абсолютистских порядков, необходимости их устранения. Он верно служил монарху на военном и государственном поприще во время коалиционных войн России против Наполеона в 1805—1814 гг. и будучи «проконсулом Кавказа» в 1816—1827 гг., где должен был проводить колониальную политику самодержавия.

А. П. Ермолов происходил из старинной, но небогатой дворянской семьи. Его отец, Петр Алексеевич Ермолов (1747—1832), был владельцем небольшого имения из 150 душ крестьян в Мценском уезде Орловской губернии. В царствование Екатерины II он занимал должность правителя канцелярии генерал-прокурора графа А. Н. Самойлова, а с вступлением на престол Павла I вышел в отставку и поселился в своей деревне Лукьянчикове. Мать А. П. Ермолова, урожденная Давыдова, находилась во втором браке за его отцом. По матери А. П. Ермолов находился в родстве с Давыдовыми, Потемкиными, Раевскими и Орловыми. Знаменитый партизан и поэт Денис Давыдов доводился ему двоюродным братом.

А. П. Ермолов родился 24 мая 1777 г. в Москве. Поначалу он получил домашнее образование. Первым его учителем был дворовый крестьянин. Далее Ермолов проходил обучение у богатых и знатных родственников, приглашавших домашних учителей. Свое образование Ермолов завершил в Благородном пансионе при Московском университете.

Как тогда было принято, еще в младенчестве Ермолов был записан в военную службу: в 1778 г. уже числился каптенармусом лейб-гвардии Преображенского полка, а вскоре — сержантом этого полка. Начал А. П. Ермолов военную службу в 15-летнем возрасте: в 1792 г. он был привезен в Петербург, произведен в капитаны и зачислен в Нежинский драгунский полк старшим адъютантом к генерал-поручику А. Н. Самойлову.

С 1794 г. начинается боевая служба Ермолова. В тот год он отличился при штурме предместья Варшавы Праги и был замечен командующим русскими войсками против повстанческой армии Тадеуша Костюшко А. В. Суворовым. По личному распоряжению Суворова Ермолов был награжден орденом Георгия 4-й степени. В 1795 г. Ермолов был возвращен в Петербург и опре-

делен во 2-й бомбардирский батальон, но в том же году по протекции влиятельного графа А. Н. Самойлова был направлен в Италию, где находился при главнокомандующем австрийскими войсками генерале Девисе, действовавшими против французских войск, находившихся в Италии. Однако вскоре Ермолов был вызван в Петербург и назначен в Каспийский корпус графа В. П. Зубова, направленный против вторгнувшейся в Закавказье армии Ага Мохаммед-хана Каджара (с 1796 г. шаха Ирана). После смерти Екатерины II корпус Зубова был выведен Павлом I из Закавказья.

На первых порах военная карьера А. П. Ермолова складывалась удачно. В 1797 г. он уже в чине майора, а 1 февраля 1798 г. ему присваивают чин подполковника и назначают командиром конноартиллерийской роты, расквартированной в небольшом городке Несвиже Минской губернии. Но вскоре ему было суждено выдержать суровые испытания.

Распространение просветительских идей в России в конце XVIII в. захватило и молодого Ермолова. Он стал членом политического кружка, руководимого его братом (по линии матери) А. М. Каховским, который оказывал большое влияние на своего младшего брата. В кружке занимались чтением запрещенных книг, «восхвалением» Французской республики, сочинением и переписыванием сатирических стихов, в которых высмеивался Павел I. Кружок просуществовал недолго и был раскрыт тайной полицией Павла. А. М. Каховского арестовали, при обыске в его бумагах было обнаружено письмо А. П. Ермолова к нему, который резко «аттестовал» своих начальников. Письмо явилось поводом для ареста и допроса Ермолова, который был доставлен в Петербург и посажен в каземат Алексеевского рavelина. Через два месяца он был выпущен из каземата и направлен в виде царской «милости» в ссылку в Кострому. Здесь он познакомился с М. И. Платовым, также находившимся в ссылке, впоследствии знаменитым атаманом Войска Донского, героем войны 1812 г. В костромской ссылке Ермолов интенсивно занимался самообразованием: много читал, самостоятельно изучил латинский язык, сделал ряд переводов с сочинений римских классиков. О годах этой ссылки он рассказывает в «Заметках» о своей молодости, публикуемых в настоящем издании.

Арест, каземат и ссылка сильно подействовали на

Ермолова. По его признанию, Павел I «в ранней молодости мне дал жестокий урок». После этого скрытность, осторожность, умение лавировать стали характерными чертами Ермолова. Он признавался, что его «бурной, кипучей натуре» впоследствии было бы «не сдобровать», если бы не этот «жестокий урок». Позже он будет демонстративно подчеркивать свою лояльность к режиму, незаинтересованность политическими делами.

При воцарении Александра I в числе многих опальных и сосланных при Павле I был возвращен из ссылки и А. П. Ермолов. 9 июня 1801 г. он вновь был принят на службу и отправлен в Вильну, где находился до 1804 г. Несмотря на прощение и «милость» нового царя, высшее военное начальство долго препятствовало дальнейшему продвижению Ермолова по службе. Здесь несомненно сказалось и нерасположение всемогущего А. А. Аракчеева, невзлюбившего «дерзкого» подполковника артиллерии, а также великого князя Константина Павловича, который так отзывался о Ермолове: «Очень остер и весьма часто до дерзости». Скрытность и осторожность Ермолова вполне уживались с его острыми, язвительными афоризмами и репликами, которые потом передавались из уст в уста и способствовали популярности его, особенно среди офицерской молодежи, видевшей в нем человека независимых взглядов, презирающего лесть и угодничество.

XIX век начался наполеоновскими войнами, в которые были втянуты почти все европейские государства, в том числе и Россия. В 1805 г. против Наполеона оформилась новая, третья, коалиция, которую составили Россия, Англия, Австрия, Швеция и Неаполитанское королевство. Однако фактически против Наполеона были направлены лишь русские и австрийские войска. Во главе русской армии был поставлен М. И. Кутузов. В составе ее находилась и конная артиллерийская рота под командованием подполковника А. П. Ермолова. В ходе этой войны Ермолов со своей ротой участвовал в сражениях с французами при Амштеттене и Кремсе. Храбрый и распорядительный артиллерийский подполковник был замечен Кутузовым.

Находившиеся при соединенной русско-австрийской армии императоры Александр I и Франц I настаивали на генеральном сражении против превосходивших французских сил. Вопреки советам дальновидного Кутузова 20 ноября (2 декабря) 1805 г. было дано сражение

на неудачно избранной для русско-австрийских войск позиции при г. Аустерлице близ Вены, закончившееся победой Наполеона. В этом сражении стремительной атакой французов была захвачена артиллерийская рота Ермолова вместе с ее командиром, но подоспевшие русские гренадеры контратакой освободили его из плена.

После Аустерлица Австрия капитулировала и заключила с Наполеоном унижительный мир. Коалиция против Наполеона фактически распалась. Начались и русско-французские переговоры о мире. Но заключенный в Париже 8 (20) июня 1806 г. мир Александр I отказался ратифицировать. Летом того же года Наполеон захватил Голландию и западные германские княжества. Королем Голландии он поставил своего брата Луи, а из 16 западногерманских княжеств создал Рейнский союз под своим «протекторатом». Наполеон готовился к вторжению в Пруссию. Англия и Швеция обещали ей поддержку. К ним примкнула и Россия. Так, в сентябре 1806 г. создалась четвертая коалиция против Франции (Пруссия, Англия, Швеция и Россия).

Упреждая подход русских войск, Наполеон в середине октября в двух сражениях (при Иене и Ауэрштедте) нанес сокрушительное поражение прусской армии. Прусский король Фридрих Вильгельм III бежал к границам России. Почти вся Пруссия была занята французскими войсками. В последующие семь месяцев русской армии одной пришлось вести упорную борьбу против превосходивших сил Наполеона. В этой войне уже в чине полковника и командира 7-й артиллерийской бригады принимал участие А. П. Ермолов, о чем подробно он рассказывает в своих «Записках». Ермолов находился на самых опасных участках сражений при Прейсиш-Эйлау 26—27 января (7—8 февраля) и под Фридландом 2 (14) июня 1807 г. Артиллерия Ермолова оказала существенную поддержку русским войскам в этих сражениях. В эту кампанию русской армией командовал не отличавшийся военными талантами Л. Л. Беннигсен (М. И. Кутузов после Аустерлица попал в опалу и был назначен киевским генерал-губернатором).

Хотя в ходе кровопролитных сражений Наполеону удалось отеснить русские войска к Неману (границе России), он понес столь значительные потери, что сам предложил Александру I заключить мир. Мир и секрет-

ный оборонительный и наступательный союз России с Францией были заключены в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. Так завершилось участие России в четвертой коалиции европейских держав против Наполеона.

В войне 1806—1807 гг. Ермолов получил уже широкую известность как талантливый и храбрый штаб-офицер. Благоволивший к нему П. И. Багратион дважды представлял его к присвоению звания генерал-майора, но всякий раз на пути стоял Аракчеев. В конце 1807 г. всесильный временщик неожиданно сменил гнев на милость, и в начале 1808 г. Ермолову присваивают звание генерал-майора, а затем он получает назначение на должность начальника резервного отряда, расквартированного в Волынской и Подольской губерниях. Ермолов переезжает в Киев и всецело отдается своим служебным делам. Здесь он познакомился с благовоспитанной и высокообразованной девушкой из местной дворянской среды. Горячая взаимная любовь, однако, не завершилась браком. В своих «Записках» он объясняет, что главным препятствием к браку послужило его незавидное материальное положение, не позволявшее ему безбедно содержать семью. Так навсегда и остался он холостяком.

Уже тогда Ермолов пользовался большой популярностью. По свидетельствам общавшихся с ним современников, его острый ум, непринужденность в обращении и внушительная внешность производили на собеседника большое впечатление. Любопытно свидетельство сестры А. С. Грибоедова М. С. Дурново, встречавшейся в 1811 г. с Ермоловым в Киеве: «Прием генерала был весьма ласков и вежлив. Обращение Ермолова имеет какую-то обворожительную простоту и вместе с тем обаятельность. Я заметила в нем черту, заставляющую меня предполагать в Ермолове необыкновенный ум... Черты лица и физиономия Ермолова показывают душу великую и непреклонную».

В конце 1811 г. Ермолова вызывают в Петербург и назначают командиром гвардейской бригады, которую составляли Измайловский и Литовский полки, а в марте 1812 г. он назначен командиром гвардейской пехотной дивизии. Военная карьера Ермолова вновь стала складываться успешно.

Грянула «гроза двенадцатого года». В ночь на 12 (24) июня 1812 г. многоязычная 600-тысячная

«Великая армия» Наполеона вторглась в пределы России. 1 июля 1812 г. Ермолов назначен начальником штаба 1-й Западной армии, которой командовал военный министр М. Б. Барклай де Толли. С этого времени Ермолов непосредственный участник всех более или менее крупных сражений и боев Отечественной войны 1812 г., как во время наступления французской армии, так и в период ее изгнания из пределов России. Особенно он отличился в сражениях при Витебске, Смоленске, Бородине, Малоярославце, Красном, Березине. После Смоленского сражения 7 августа ему присваивают звание генерал-лейтенанта. Слава Ермолова как талантливого военачальника росла. С прибытием 17 августа к соединенной армии М. И. Кутузова Ермолов становится начальником его штаба — в этой должности он находился вплоть до изгнания французов из пределов России, при этом помимо «штабной» работы во время контрнаступления русской армии он командует ее авангардом.

25 декабря 1812 г. был издан царский манифест, возвещавший об окончании Отечественной войны. Но это не означало прекращения военных действий против Наполеона, которые теперь были перенесены за пределы России. Вступление русской армии в Западную Европу послужило сигналом к восстанию народов ряда стран против наполеоновского ига. Один за другим отпадали от Наполеона его бывшие союзники и присоединялись к России. Начались знаменитые заграничные походы русской армии 1813—1814 гг., завершившиеся крахом наполеоновской империи, отречением Наполеона от власти и его изгнанием.

Уже в самом начале заграничного похода А. П. Ермолов был поставлен во главе всей артиллерии русской армии. В кампанию 1813 г. он участвовал в сражениях при Дрездене, Люцене, Бауцене, Лейпциге, Кульме. После кульмской победы над французскими войсками, в которой особенно отличился Ермолов, Александр I спросил его, какой награды он желает. Острый на язык Ермолов, зная приверженность царя к иностранцам на русской службе, ответил: «Произведите меня в немцы, государь!» Эта фраза потом с восторгом повторялась патриотически настроенной молодежью.

В декабре 1813 г. французские войска отступили за Рейн, и кампания 1814 г. началась уже в пределах Франции. 18 (30) марта под стенами Парижа произо-

шла последняя битва между войсками коалиции и Наполеона. Ермолов здесь командовал русской и прусской гвардиями. На следующий день союзные войска вступили в Париж. В мае 1814 г. он назначается командующим 80-тысячной резервной армией, дислоцированной в Кракове.

В начале марта 1815 г. собравшиеся на Венский конгресс представители держав, победительниц Наполеона, получили известие, что он, покинув место своей ссылки, о. Эльбу, высадился на юге Франции и стремительно приближается к Парижу. Отошли на второй план споры и разногласия между участниками конгресса, спешно готовилась новая армия против Наполеона. Ермолов получил предписание о движении его корпуса к пределам Франции. 21 мая он уже был в Нюрнберге, а 3 июня — в пограничном с Францией г. Аюбе. Но принять непосредственное участие в военных действиях против войск Наполеона корпусу Ермолова не пришлось. 2(18) июня 1815 г. армия Наполеона была разгромлена англо-прусскими войсками в знаменитой битве при Ватерлоо. Наполеон вновь подписал отречение от престола, сдался англичанам и был отправлен в ссылку на о. Святой Елены. Союзные войска вновь вступили в Париж. В их составе находился со своим корпусом и Ермолов.

В ноябре 1815 г. Ермолов сдал корпус генералу И. Ф. Паскевичу и вернулся в Россию. Взяв отпуск, он отправился к отцу в Орел.

6 апреля 1816 г. последовал рескрипт Александра I о назначении Ермолова командиром отдельного Грузинского (с 1820 г. — Кавказского) корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Одновременно состоялось и назначение его главой чрезвычайного посольства в Иран для выполнения важной миссии — проведения скорейшего разграничения земель между Ираном и Россией согласно Гюлистанскому мирному договору 1813 г. Для получения официальных бумаг и инструкций Ермолов прибыл в Петербург. В начале августа он покинул столицу, по дороге на несколько дней заехал в Москву, а оттуда отправился к месту своей новой службы — в Тифлис.

12 октября Ермолов официально вступил в свою должность, приняв дела у своего предшественника генерала Н. Ф. Ртищева.

Российское самодержавие прекрасно понимало огромное значение Кавказа как важного военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. Этому также способствовало и влияние международных факторов в начале XIX в.: укрепление позиций европейских государств, в первую очередь Англии и Франции, на Ближнем и Среднем Востоке, рост прорусской ориентации ряда кавказских народов, страдавших как от междоусобиц, так и от разорительных нападений со стороны Османской Турции и шахского Ирана.

Назначая Ермолова наместником Кавказа, Александр I преследовал далеко идущие военно-политические цели: он рассчитывал на то, что Ермолов, талантливый и энергичный государственный и военный деятель, наиболее подходящая кандидатура, способная выполнить задачи укрепления позиций России на Кавказе и приведения в подданство российскому императору непокорных горских народов. В исследовательской литературе высказывается и такое предположение: Александр I преследовал также и другую цель — удалить на Кавказ очень популярного в передовых кругах России генерала. После Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии известность Ермолова настолько возросла, что его рассматривали как наиболее вероятную кандидатуру на пост военного министра.

17 апреля 1817 г. Ермолов со свитой 200 человек выехал в Иран. 19 мая в Тавризе произошла его встреча с наследником престола Аббас-Мирзой, а в июле — переговоры с самим шахом в его летней резиденции. Миссия Ермолова завершилась успешно: были решены спорные пограничные и территориальные вопросы, установлены дипломатические отношения России с Ираном. Дипломатическая миссия Ермолова в Иран подробно описана им в официальной «Записке», представленной Александру I.

При вступлении в должность командующего отдельным Грузинским корпусом и генерал-губернатора Кавказа и Астраханской губернии Ермолов представил Александру I план своей военной и административной деятельности на Кавказе. План был одобрен царем. Он включал в себя приведение в подданство горских

народов Северного Кавказа и завершение образования российского административного устройства на Кавказе. Именно с этого времени началась долгая и упорная Кавказская война (1817—1864) — завоевание русским царизмом Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа.

Ермолов начал с покорения Чечни и Горного Дагестана. Оно проводилось суровыми военно-колониальными методами. Непокорные селения сжигались, сады вырубались, скот угонялся, покоренные народы приводились к присяге на верность российскому императору, облагались данью, у них брались заложники («аманаты»). Ермолов заново создал укрепленную Кавказскую линию как опору для планомерного наступления на территории горских народов Кавказа. В 1818 г. была заложена крепость Грозная (ныне г. Грозный), затем цепь других крепостей по рекам Сунже, Тереку, Кубани, где были поселены казаки и расквартированы регулярные войска. Прокладывались дороги, в лесах прорубались просеки. Строительство крепостей и дорог проводилось не только силами русских солдат: для этих работ массами сгонялось и местное население, для которого возведение укрепленной линии явилось тяжелой повинностью.

В начале 1818 г. народы Дагестана подняли восстание, заключили между собой союз о совместных действиях против русских войск. К нему примкнули Аварское, Казикумыкское ханства, владения Мехтулинское, Каракайдакское, Табасаранское и вольное Акушинское общество. Восстание охватило обширный район. Действуя решительно, Ермолов зимой 1818 г. разгромил Мехтулинское ханство, а в 1819 г. генерал В. Г. Мададов покорил Табасарань и весь Каракайдаг. Битва 19 декабря 1819 г. русских войск с повстанческими отрядами решила судьбу Северного Дагестана, который был присоединен к России. Решительными мерами Ермолов подавил сепаратистские выступления в 1819—1820 г. местной светской и церковной знати в Имеретии, Гурии и Мингрелии.

В 1822 г. Ермолов начал наступление на Кабарду, одновременно создавая линию крепостей в этом регионе. Попытка народов Чечни и Кабарды в 1825 г. поднять восстание была пресечена.

Вместе с тем военно-административная деятельность Ермолова на Кавказе бесспорно имела и положитель-

ные стороны. Была прекращена межнациональная рознь, сопровождавшаяся разбойными набегами, покончено с работорговлей. Немало было сделано Ермоловым для развития сельского хозяйства, промышленности, торговли и культуры Закавказья. Ермолов поощрял развитие шелководства и виноградарства, строительство в городах, обеспечил безопасность дорог, реконструировал Военно-Грузинскую дорогу через Кавказский хребет и проложил ряд новых дорог, имевших большое стратегическое и хозяйственное значение. В Тифлисе были построены монетный двор, меднолитейный и пороховой заводы. В 1819 г. стала выходить первая грузинская газета. Ермолов много занимался устройством сети школ в Грузии.

В 1822 г. он освободил крепостных крестьян, принадлежавших мятежным кабардинским феодалам. Впрочем, это была скорее всего мера наказания непокорной кабардинской знати, ибо право других феодалов, верных российскому престолу, на своих крепостных крестьян было полностью сохранено. Ермолов много занимался благоустройством Тифлиса, Дербента, Шемахи.

В Тифлисе им был открыт офицерский клуб с богатой библиотекой. На 100 тыс. руб., выданных ему на посольство в Иран в 1817 г., он построил для солдат госпиталь в Тифлисе. Были построены или благоустроены курорты в Ессентуках, Пятигорске, Железноводске, Кисловодске.

В 1819 г. Ермолов направил в восточное побережье Каспия экспедицию во главе с капитаном Н. Н. Муравьевым для исследования и выбора места торговли с туркменами, Хивой и Бухарой. По ходатайству Ермолова через Закавказье был введен транзит для европейских товаров, что существенно оживило торговлю края. Для развития земледелия в Прикубанье были поселены 500 немецких колонистов. В 1822 г. на Кубань была переселена из Полтавской и Черниговской губерний часть казаков. Ермолов учредил особый комитет, «дабы обеспечить участь поселенцев и предупредить их нужды». В 1824 г. Ермолов составил Правила об управлении калмыками в Астраханской губернии, чтобы оградить этот народ от произвола местного чиновничества. 28 ноября 1824 г. по представлению Ермолова Александр I утвердил указ о праве выкупа в Грузии крепостных крестьян на волю во время продажи их

с публичного торга: крестьянам давалась возможность с помощью субсидий от казны вносить за себя на торгах требуемую сумму и тем самым приобрести свободу со всем имуществом. Он был в 1847 г. положен в основу аналогичного указа и для русских губерний.

В 1820 г. вспыхнули революции в Португалии, Испании, Неаполе, а в 1821 г. — в Пьемонте. Проходивший в конце 1820 — начале 1821 гг. в Троппау — Лайбахе конгресс «Священного союза» европейских монархов принимает решение о «праве» вмешательства во внутренние дела других государств с целью подавления у них революций. Конгресс дал санкцию Австрии для подавления революции в Неаполе и Пьемонте. Александр I предложил военную «помощь» Австрии и готовил армию для похода в Италию. Он вызвал в Лайбах Ермолова и предложил ему пост командующего этой армией. Ермолов отрицательно отнесся к иностранной интервенции в Италию для подавления в ней революции и применил всю свою дипломатию, чтобы Россия не участвовала в этой акции. Следует заметить, что европейские державы, особенно Австрия, не желая усиления влияния России в делах Европы, сделали все, чтобы отклонить Александра I от посылки его армии в Италию. Революция в итальянских государствах была подавлена силами австрийских войск.

Александр I, чтобы вознаградить Ермолова за несостоявшееся его назначение командующим русской экспедиционной армией, назначил ему «аренду» с годовым доходом 40 тыс. рублей. Ермолов убедил царя отменить подписанный им рескрипт и употребить указанную сумму для помощи бедным служащим.

Ермолов отвергал всякие титулы и отличия. «Боже, избави, если меня вздумают обезобразить графским титулом», — заявил он в ответ на ходившие упорные слухи о возможном возведении его в графское достоинство. Высокие нравственные качества, ум и порядочность — вот что он ценил в человеке. «Пред лицом справедливости не имеет у меня преимуществ знатный и богатый пред низкого состояния бедным человеком», — писал он в одном из писем своему другу.

В марте 1821 г. против османского ига восстали греки. Вся передовая Россия (и особенно декабристы) выступила с требованием защитить восставших греков. Советовал Александру I оказать поддержку грекам и Ермолов, но царь не внял его советам, считая греков

«мятежниками», восставшими против своего «законного» государя.

Исследователи-декабристоведа неоднократно обращались к выяснению вопроса о взаимоотношениях Ермолова с декабристами. Выявленные ими данные свидетельствуют о том, что Ермолов был близок со многими из них, прекрасно осведомлен об их взглядах и настроениях, сочувствовал этим взглядам, хотя и не принимал их революционных методов борьбы. Первыми его адъютантами были декабристы П. Х. Граббе и М. А. Фонвизин. Позже Ермолов был в близких отношениях со многими декабристами, в том числе с К. Ф. Рылевым, С. Г. Волконским, М. Ф. Орловым. На Кавказе под его начальством служили в разное время декабристы А. А. Авенариус, П. Г. Каховский, Е. Е. Лачинов, А. И. Якубович, В. К. Кюхельбекер, П. М. Устимович, П. А. Муханов, Г. И. Копылов и другие, которые составляли его «окружение».

Ближайшим другом Ермолова был А. С. Грибоедов, тесно связанный с декабристами и, возможно, как считала академик М. В. Нечкина, член их тайных организаций. Ермолов сразу отметил обаяние личности Грибоедова: его острый ум, глубокие познания, открытое, благородное поведение, что не могло не вызвать к Грибоедову симпатии прославленного генерала, который скоро принял его в свой «ближний кружок». Когда начались аресты декабристов и на Кавказ прибыл фельдъегерь с приказом доставить в Петербург Грибоедова, Ермолов дал возможность своему другу уничтожить «опасные» для него документы.

Ермолов давно уже знал о существовании тайных декабристских обществ. В конце 1820 г., когда стали поступать первые доносы на них Александру I, Ермолов первым делом предупредил своего адъютанта полковника П. Х. Граббе: «Оставь вздор, государь знает о вашем обществе». Такое же предупреждение он сделал и М. А. Фонвизину. При проезде своем из Лайбаха на Кавказ в начале 1821 г. он обратился к Фонвизину со следующими словами: «Поди сюда, величайший карбонари! Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он (т. е. Александр I. — В. Ф.) вас так боится, как я бы желал, чтобы он меня боялся». Рылев говорил своим собратьям по тайному обществу: «Генерал Ермолов знает о существовании нашего общества», «Ермолов наш».

Близость А. П. Ермолова (как и некоторых других генералов — Н. Н. Раевского, П. Д. Киселева) к «вольнодумцам» не была тайной для правительства. В 1826 г. при разборе бумаг покойного Александра I была обнаружена записка, датируемая 1824 г., в которой говорилось: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит, или по крайней мере разливается, между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при том миссионеров для распространения своей партии — Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов...» Николай I, будучи тогда великим князем, говорил о Ермолове: «Этот человек на Кавказе имеет необыкновенное влияние на войско, и я решительно опасаясь, чтобы он не вздумал когда-нибудь отложиться» (т. е. выйти из повиновения. — *Сост.*).

Опасения Николая возросли в дни междуцарствия в декабре 1825 г. Утром 12 декабря Николай получил из Таганрога донесение начальника Главного штаба И. И. Дибича, который на основании поступивших к Александру I новых доносов сообщал о раскрытом заговоре декабристов на юге России, а через несколько часов к Николаю явился с доносом на тайное общество в Петербурге Я. И. Ростовцев — он говорил о вероятности выступления против Николая отдельного Кавказского корпуса во главе с Ермоловым. В тот же день Николай отправил предписание Дибичу направить для наблюдения за Ермоловым «под каким-нибудь предлогом кого-либо из флигель-адъютантов». Николай весьма откровенно выражал свои опасения по поводу Ермолова («я, виноват, ему меньше всего верю»). Ермолов давно уже был окружен густой сетью осведомителей, которые, однако, из-за его крайней осторожности не смогли добыть о нем каких-либо компрометирующих данных. Любопытен ответ Дибича Николаю: «Насчет Кавказского корпуса я должен сказать, что по всем сведениям, кои доходили к нам до сего времени, я не могу предполагать от командира оного и малейшего отклонения от пути закона... Я посему опасаясь, что отсылка кого-либо из флигель-адъютантов могла бы возродить подозрение в таком человеке, который действует в хорошем смысле и по уму своему может, наверно, проникнуть [во] всякий предлог, и по известному честолюбию его могла бы возродить в нем дурные мысли».

Николай I с тревогой ожидал известий о том, как пройдет присяга на верность ему в корпусе Ермолова. У декабристов была надежда на то, что Ермолов со своим корпусом «пойдет на Петербург», и они были разочарованы, когда их надежды не оправдались. В то время ходили упорные слухи о том, что корпус Ермолова откажется от присяги Николаю I и двинется на Петербург. А. И. Кошелев в своих воспоминаниях говорит о широко распространявшихся тогда в Москве слухах: «Ермолов не присягает и со своими войсками идет с Кавказа на Москву». Эти слухи зафиксировала и тайная агентура: «Все питаются надеждой, что Ермолов с корпусом не примет присяги».

22 декабря 1825 г. доносчик на декабристов А. И. Майборода среди прочих показаний следствию упомянул о существовании Кавказского общества, о котором он «слышал от Пестеля». Пестель сначала отрицал показание Майбороды, но доставленный 4 января 1826 г. в Петербург сообщил Следственному комитету, что он слышал о существовании этого общества и о причастности к нему Ермолова от С. Г. Волконского и А. И. Якубовича. Начались интенсивные допросы всех декабристов, которые что-либо знали или слышали о Кавказском тайном обществе, особенно Волконского и Якубовича. Наиболее подробные показания следствие получило от С. Г. Волконского, который в бытность свою в 1824 г. на Кавказе встречался неоднократно с А. И. Якубовичем, и тот рассказал ему о Кавказском тайном обществе, его структуре, не назвав, впрочем, ни одного из членов. Допрошенный Якубович категорически отрицал существование Кавказского общества и свел все дело к тому, что он якобы «в хмельном угаре» решился «похвастаться» перед Волконским, рассказав ему «небылицы» об этом обществе. Кавказское общество было признано следствием «мнимым» (т. е. не существовавшим).

М. В. Нечкина, проанализировав все данные по этому вопросу, пришла к следующему выводу: «Николай I счел опасным вести следствие о Ермолове в обычном порядке и повел дознание особым, секретным путем. У него в руках было более чем достаточно данных для ареста и допроса Ермолова. Но Ермолов был слишком крупной военной и политической фигурой... Николай I разработал в дальнейшем план дискредитации Ермолова по военной линии, снятия его с постов и отставки».

В июне 1826 г. иранский шах, подстрекаемый Англией, начал военные действия против России. 60-тысячная армия под командованием Аббас-Мирзы вторглась в Карабах и повела наступление по направлению на Тифлис. Ей удалось дойти до Гянджи, где она была наголову разбита в сентябре 1826 г. 12-тысячным отрядом русских войск при поддержке ополчения из местного населения.

Однако первые военные неудачи русских войск послужили Николаю I благоприятным предлогом направить на Кавказ своего фаворита генерала И. Ф. Паскевича. Вскоре между Ермоловым и Паскевичем возник конфликт, для разрешения которого был послан И. И. Дибич. Он принял сторону Паскевича, вел себя по отношению к Ермолову развязно и даже оскорбительно, чуть ли не устраивая ему пристрастные допросы. В своих донесениях царю Дибич писал, что «пагубный дух вольномыслия и либерализма разлит между войсками» корпуса Ермолова. Не остался без внимания и факт благосклонного приема Ермоловым сосланных на Кавказ и разжалованных в рядовые декабристов, которые были даже «званы на некоторые офицерские обеды». Судьба Ермолова была решена. 27 марта 1827 г. он был освобожден от всех должностей. Уведомляя Ермолова об отставке, Николай I писал ему: «По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого Главного начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления». Вместе с Ермоловым были уволены в отставку и его сподвижники («ермоловцы»), признанные «вредными».

Ни для кого не были тайной истинные причины смещения Ермолова — подозрения царя в причастности Ермолова к заговору декабристов. «По наговорам, по подозрению в принятии участия в замыслах тайного общества сменили Ермолова», — писал декабрист А. Е. Розен. Тайная агентура доносила, что «войско жалует Ермолова», «люди (т.е. солдаты) горюют» в связи с его отставкой. Преданность ему солдат и офицеров были столь велики, что Николай I всерьез опасался возможных волнений в Кавказском корпусе. Отставка Ермолова вызвала большой резонанс в передовых общественных кругах. В архиве III отделения сохранилась сводка сведений под названием «Общие рассуждения о Ермолове, собранные из различных сторон». Здесь гово-

рится о «сильнейшем впечатлении», которое произвело на русскую общественность «падение» Ермолова, о «негодовании на правительство» различных лиц в связи с этой отставкой, об «участии» к Ермолову. И впоследствии III отделение продолжало собирать секретные сведения о поведении опального генерала, а также и о лицах, его посещавших.

После отставки Ермолов до начала мая 1827 г. находился в Тифлисе, приводя в порядок свои дела, затем в простой кибитке выехал на жительство к своему престарелому отцу в его орловское имение Лукьянчиково. Здесь он занялся хозяйством, много времени проводил за чтением книг, изредка наезжал в Орел. Однажды он посетил Орловское дворянское собрание, что явилось событием для этого провинциального города. Ермолов принял за правило не принимать у себя только городских чиновников, «а всякому другому доступ свободен».

В августе 1827 г. Ермолова посетил его ближайший родственник и большой друг Денис Давыдов. В 1829 г. А. С. Пушкин по пути на Кавказ специально сделал крюк в 200 верст, чтобы заехать в село Лукьянчиково к Ермолову, который принял его «с обыкновенною любезностью». Позже, также по пути на Кавказ, у Ермолова бывал М. Ю. Лермонтов.

В 1831 г. Ермолов приехал в Москву, где в это время находился Николай I. Здесь состоялась аудиенция опального генерала с царем, который намекнул ему о своем желании снова видеть его на службе. После двухчасовой беседы Николай I вышел из кабинета под руку с Ермоловым. Все восприняли это как знак монаршей милости к Ермолову, пророчили ему «скорое возвышение», и, по свидетельству современника, «придворные паразиты посыпали к нему с визитами». Но ни о каком «возвышении» речь не шла. Военный министр А. И. Чернышев предложил Ермолову занять «спокойную должность» в генерал-аудиториате (военном судебном ведомстве). Ермолов ответил: «Я не приму этой должности, которая возлагает на меня обязанности палача».

По распоряжению Николая I Ермолов был введен в состав Государственного совета. Ермолов переехал в Петербург. В Государственном совете он сблизился с Н. С. Мордвиновым, которого ценил как «человека высоких сведений и замечательного ума». Ермолов также пользовался у Мордвинова большим авторитетом: пре-

старелый адмирал искренне любил Ермолова. Служба Ермолова в Государственном совете продолжалась недолго. Он тяготился словопрениями, стал безучастно относиться к своим обязанностям, под разными предлогами уклоняться от заседаний. В 1839 г. Ермолов подал прошение об увольнении («до излечения болезни») от дел Государственного совета. Это вызвало неудовольствие Николая I, однако увольнение было дано, и Ермолов вернулся в Москву.

После смерти отца Ермолов продал село Лукьянчиново своему бывшему адъютанту и душеприказчику Н. П. Воейкову и приобрел небольшое подмосковное имение Осоргино, где и проводил каждое лето, а зимой жил в собственном деревянном доме по Гагаринскому переулку недалеко от Пречистенского бульвара.

В 1848 г. Ермолову было дано разрешение на поездку за границу для лечения, но из-за революционных событий, разразившихся в тот год в западноевропейских странах, поездка не состоялась.

Возникший в октябре 1853 г. военный конфликт между Россией и Турцией, на стороне которой затем выступили Англия и Франция, положил начало тяжелой и изнурительной Крымской войне. В помощь регулярной армии в России стали формироваться ополчения. 15 февраля 1855 г. московское дворянство единогласно избрало Ермолова начальником Московского ополчения. Через несколько дней Ермолов получил уведомление об избрании его начальником Петербургского ополчения, а вслед за этим — начальником ополчений Новгородской, Калужской, Орловской и Рязанской губерний, что свидетельствовало о большой популярности Ермолова. Он согласился возглавить Московское ополчение. Было сформировано два его батальона, которые Ермолов даже представлял наследному датскому принцу, приезжавшему в Москву. Но вскоре Ермолов отказался от этой должности, мотивируя отказ своим преклонным возрастом.

До самой смерти Ермолов живо интересовался происходившими в мире событиями, приводил в порядок свои мемуарные записки, вел обширную переписку с друзьями, много времени уделял чтению и любимому занятию — переплетению книг, любил посещения старых солдат-ветеранов. Установились дружеские отношения Ермолова с историком М. П. Погодиным, который впоследствии издал сборник биографических материалов о Ермолове. С Ермоловым в Москве познакомился

и писатель Л. Н. Толстой, приступивший в 1859 г. к написанию романа «Декабристы» и эпопеи о войне 1812 г. В 50-х годах Ермолов встречался с вернувшимися из сибирской ссылки декабристами М. А. Фонвизиним и С. Г. Волконским. В 1860 г. в Москву был привезен сдавшийся русскому командованию Шамиль^{1*}. Первый его визит был к Ермолову, к которому он относился с большим уважением.

Скончался Ермолов 11 апреля 1861 г. в Москве. Он завещал похоронить его в Орле рядом с могилой отца, «как можно проще», но жители Орла устроили грандиозную панихиду: массы людей в день его похорон заполнили церковь, где шло отпевание, площадь перед церковью и прилегающие улицы. Память о Ермолове глубоко почтили и в других городах России. Так, из Петербурга писали, что после кончины Ермолова «на Невском проспекте во всех магазинах выставлены его портреты, и он как будто воскрес в памяти России в минуту смерти».

Архив А. П. Ермолова перешел по наследству к его племяннику Николаю Петровичу Ермолову, а после его смерти в 1879 г. — к его сестре Екатерине Петровне Ермоловой. Она в 1907 г. передала основную часть архива в Московский Главный архив Министерства иностранных дел^{**}. Ценную библиотеку А. П. Ермолова, состоящую преимущественно из книг по военному делу, политике, философии и новой истории, на русском и основных европейских языках, с многочисленными заметками ее владельца, купил Московский университет (где и поныне она находится).

Мемуарные «Записки» А. П. Ермолова охватывают период 1798—1826 гг. Это были годы активной военно-административной деятельности Ермолова. В те годы, как выше говорилось, Ермолов непосредственно участвовал в войнах России в союзе с Австрией, Пруссией и Англией против наполеоновской Франции. Ермолов занимал важный пост начальника штаба русской армии в Отечественную войну 1812 г., командовал крупным отрядом русских войск в кампании 1813-1814 гг., был заместителем Кавказа и главнокомандующим Кавказским отдельным корпусом, выполнял важные диплома-

* Цифра обозначает порядковый номер комментария, помещенного в конце книги.

** Ныне Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Фонд 1406 (Ермоловых).

тические поручения. Его «Записки» отличаются точностью, объективностью, а в описании его действий на Кавказе — предельной откровенностью.

В свое время Ермолов вел дневник, лишь частично сохранившийся. Детальное описание в «Записках» буквально по дням и по часам военных событий тех лет и других эпизодов в его биографии позволяет судить, что дневники несомненно послужили основой для написания Ермоловым мемуарных «Записок». Он с полным правом мог утверждать, что его «Записки» содержат «самые точные сведения, не подлежащие сомнению». К сожалению, Ермолов не оставил мемуарных свидетельств о военных действиях русских войск под командованием А. В. Суворова в 1794 г. в Польше, о походе в 1796 г. В. П. Зубова в Закавказье, о кампаниях 1813—1814 гг., в которых он принимал непосредственное участие сначала как штаб-офицер, а потом как генерал русской армии, а также о начале русско-иранской войны 1826—1828 гг., об обстоятельствах отставки и о последующих годах своей жизни. Они могли бы служить таким же ценным историческим источником, как и написанные им «Записки» о войнах 1805—1807, 1812 гг. и о его деятельности в качестве наместника на Кавказе в 1816—1826 гг.

В «Записках» Ермолова наибольший интерес представляет описание Отечественной войны 1812 г. Без привлечения их не может обойтись ни один историк, исследующий эту войну. Как крупный военный деятель, Ермолов дает глубокий анализ военным действиям; его пронизательный ум отразился в интересных и тонких наблюдениях событий, говоря его языком, «не до одного управления армии касающихся». Здесь мы находим и интересные характеристики таких известных русских полководцев, как М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, П. И. Багратион, Н. Н. Раевский, равно как и генералов меньшего ранга и более скромного таланта — П. Х. Витгенштейна, Л. Л. Беннигсена, А. П. Тормасова, П. В. Чичагова, меткие штрихи к портретам наполеоновских маршалов и генералов, некоторых государственных деятелей Ирана и Турции. Ермолов с документальной точностью описывает факты и события, и в этом особая ценность его «Записок» как исторического источника.

А. П. Ермолов писал свои мемуары «не для печати» и только в последний год своей жизни, уступая прось-

бам близких ему людей, приступил к доработке и подготовке «Записок» к печати, с тем чтобы они были изданы после его смерти. Однако при жизни Ермолова ходили по рукам три варианта его «Записок» о войне 1812 года, подлинность которых он не признавал. Именно эти искаженные варианты легли в основу публикаций «Записок» Ермолова в России и за рубежом в 1863—1864 гг.

В 1864—1868 гг. племянником А. П. Ермолова Николаем Петровичем Ермоловым было осуществлено наиболее точное, по оригиналу, исправленному самим А. П. Ермоловым, издание «Записок» за 1801—1826 гг.* До сих пор это единственное и наиболее полное издание «Записок» А. П. Ермолова, с него они и воспроизводятся в данной публикации. В нее включены и помещенные в 1867 г. в «Русском архиве» «Заметки Ермолова о его молодости», содержащие воспоминания Ермолова о его ссылке в Костроме в 1799—1801 гг.

В приложении приведена автобиография Ермолова, написанная им в 1858 г. и содержащая в основном сведения о его службе в бытность наместником на Кавказе. Здесь интересен подтекст документа, где сообщается о поводе отставки Ермолова в 1827 г.

Издание снабжено комментарием, библиографией и именным указателем.

В «Заметках» и «Записках» А. П. Ермолова в квадратные скобки заключены недостающие части слов и слова, уточняющие содержание текста.

В. А. Федоров

* См.: Чтения Императорского общества истории и древностей российских. 1864, № 3—4; 1865, № 3—4; 1868, № 1. См. также отдельные оттиски в двух томах (М., 1865 и 1868).



Заметки

А. П. Ермолова
о его молодости

Всем обязан он* единственно милосердию государя¹. Спрашивая о многих обстоятельствах, относившихся до его брата², но как они совершенно не были известны Ермолову и были даже вымышлены, то ответы его заключались в одних отрицаниях. Генер [ал] Л.³, призвав к себе офицера, сопровождавшего Ермолова, объявил ему о дарованной ему свободе и чтобы он отправился обратно, если Ермолов пожелает возвратиться один. Ласково простиаясь с Ермоловым, он сказал, что посланному навстречу ему офицеру приказано отдать бумаги Смоленскому коменданту генер [ал]-майору князю Долгорукову, в случае если еще он не препровожден из Несвижа. Сказал он, что между возвращенными бумагами недостает журнала и нескольких чертежей, составленных во время пребывания в австрийской армии в Альпийских горах⁴, которые государь изволит рассматривать. Проезжая обратно [через] Смоленск, Ермолов получил бумаги, доставленные разъехавшимся, вероятно, в ночное время офицером, и привез в Несвиж данное шефу батальона повеление.

Прошло не менее двух недель, как исполненный чувств благодарности, прославляющий великодушие

* Здесь А. П. Ермолов говорит о себе то в третьем, то в первом лице (сост.).

монарха, Ермолов, призванный к своему шефу, получает приказание отправиться в Петербург с фельдъегерем, нарочно за ним присланным. Я не был отставлен от службы, не был выключен, ниже арестован, и объявлено, что государь желает меня видеть.

Без затруднения дано мне два дня на приуготовление к дороге: до отъезда не учреждено за мною никакого присмотра; прощаюсь с знакомыми в Несвиже и окрестности и отправляюсь.

В жизни моей нередко весьма уловлял я себя в недостатке предусмотрительности, но в 22 года, при свойствах и воображении, от природы довольно пылких, удостоенный всемилостивейшего прощения, вызываемый по желанию государя меня видеть, питающий чувства совершеннейшей преданности, я допускал самые обольщающие мечтания и видел перед собой блистательную будущность. Пред глазами было быстрое возвышение людей неизвестных и даже многих, оправдавших свое ничтожество, и меня увлекали надежды!

В дороге фельдъегерь оказывал мне угодливость; на последней к П[етер]бургу станции, куда приехали мы до обеда, советовал дождаться вечера, говоря, что могу быть встречен знакомыми, и неприятно будет мне дать повод к невыгодным о себе заключениям. Тут начало мне представляться положение мое совсем в другом виде. В П[етер]бурге привезли меня прямо в дом генерал-губернатора Петра Васил[ьевича] Лопухина. Долго расспрашиваемый в его канцелярии, фельдъегерь получил приказание отвезти меня к начальнику тайной экспедиции. Оттуда препроводили меня в С.-П[етер]бургскую крепость и в Алексеевском рavelине посадили в каземат. В продолжение двухмесячного там пребывания один раз требован я был генерал-прокурором: взяты от меня объяснения начальником тайной экспедиции, в котором неожиданно встретил я г. Макарова, благороднейшего и великодушного человека, который, служа при графе Самойлове, знал меня в моей юности и наконец его адъютантом. Ему известно было о дарованном мне прощении, о взятии же меня в другой раз он только то узнал, что по приказанию государя отправлен был дежурный во дворце фельдъегерь, и причина отсутствия его покрыта тайною. Объяснения мои изложил я на бумаге; их поправил Макаров, конечно не прельщенный слогом моим, кото-

ЗАПИСКИ
АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ИЗДАВІЕ

Н. П. Ермолова.

ЧАСТЬ II.

1816—1827 г.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстновъ бульварт.

1868.

Титульный лист к «Запискам А. П. Ермолова»
(к части II) 1868 года издания.

рого не смягчало чувство правоты, несправедливого преследования и заточения в каземате. Я переписал их и возвратился в прежнее место.

Нескоро однако же после того прислан фельдъегерь принять арестанта из 9 нумера и отправиться в означенный путь. Мне приказано одеваться теплее в дорогу. Из убийственной тюрьмы я с радостью готов был в Сибирь. В равелине ничего не происходит подобного описываемым ужасам инквизиции, но конечно многое заимствовано из сего благодетельного и человеколюбивого установления. Спокойствие ограждается могильною тишиною, совершенным безмолвием двух недремлющих сторожей, почти неразлучных. Охранение здоровья заключается в постоянной заботливости не обременять желудка ни лакомством пищи, ни излишним его количеством. Жилища освещаются неугасимою сальною свечою, опущенною в жестяную с водою трубкою. Различный бой барабана при утренней и вечерней заре служит исчислением времени; но когда бывает он не довольно внятнм, проверка производится в коридоре, который освещен дневным светом и солнцем, незнакомыми в преисподней.

В дороге фельдъегерь сообщил мне, что должен сдать меня костромскому губернатору, но что весьма нередко поручается им отправлять несчастных далее и даже в Сибирь.

По прибытии в Кострому мне объявлено назначение вечного пребывания в губернии по известному собственному государю императору преступлению. По счастью моему при губернаторе⁵ находился сын его, с которым в молодости моей учились мы вместе. По убеждению его он донес генерал-прокурору, что находит нужным оставить меня под собственным надзором для строжайшего наблюдения за моим поведением, и мне назначено жить в Костроме.

Некоторое время жил я в доме губернского прокурора Новикова, человека отлично доброго и благороднейших свойств, и вскоре вместе Войска Донского с генерал-майором Платовым⁶, впоследствии знаменитым войсковым атаманом, которому по воле императора назначена также Кострома местопребыванием. Полтора года продолжалось мое пребывание; жители города оказывали мне великодушное расположение, не находя в свойствах моих, ни в образе поведения, ничего обнаруживающего преступника. Я возвратился к изучению латинского

языка, упражнялся в переводе лучших авторов, и время протекло почти неприметно, почти не омрачая веселости моей. Судьба, не благоприятствующая мне, возбуждала сетования мои в одном только случае, когда вспоминал я, что баталион артиллерийский, которому я принадлежал, находился в Италии, в армии, предводимой славным Суворовым, что товарищи мои участвуют в незабвенных подвигах непобедимой нашей армии. В чине подполковника был я 22-х лет в царствование Екатерины, имел орден Св. Георгия и Св. Владимира. Многим Суворов открыл быструю карьеру: неужели бы укрылись от него добрая воля, кипящая, пламенная решительность, не знавшая тогда опасностей?

В Костроме получил я уведомление от одного из лучших приятелей, сослуживца, который по супружеству своему был в тесных связях родства с любимцем императора графом Кутайсовым⁷, что, склонив внимание его к несчастному положению моему, имеет от него поручение дать мне знать, чтобы, изобразив его в самых трогательных выражениях, я обратился к нему с письмом моим и что он надеется испросить мне прощение. Конечно неблагоразумием назову я твердую волю мою в сем случае, но не дорожил я свободою, подобным путем снисканною, и не отвечал на письмо приятеля моего.

Незадолго до кончины Павла прислан к Платову фельдъегерь с приказанием прибыть в П[етер]бург. Чрезвычайно милостиво был принят императором, взят на службу, пожалован орденом и назначен начальником войск, отправляемых для покорения Бухарии.

С горестью простился я с Платовым, но завидовать счастью не мог, ибо оно обращалось к человеку, известному отличною храбростию и способностями.

Скончался имп[ератор] Павел⁸, и на другой день восшествия на престол Александр I освободил Каховского и меня в числе прочих соучастников вымышленного на него преступления. Ему известны были понесенные нами наказания. В числе не одной тысячи ищущих службы, которым ненавистное наименование исключенных из службы заменено названием уволенных, явился я в Петербург.

Тогда военною коллегиею управлял генерал Ламб⁹, бывший в царствование Екатерины генер[ал]-майором и костромским губернатором. По выезде его из Костромы остались там две дочери, в семействах которых принимаем я был благосклонно. Приезжая для свидания с отцом, они

тронули его описанием участи молодого изгнанника, и достойный старик желал случая оказать мне благотворение. Недолго являлся я просителем незамечаемым, наконец позвал меня в кабинет и, показав изготовленную докладную записку, сказал: «Я не спешу изыскивать благоприятную минуту, желая, чтобы ты принят был с вознаграждением чином, которого ты лишился». Вскоре лично изъявил мне сожаление, что не успел в желании своем и что я принят в артиллерию в прежнем чине подполковника. Недолго был я праздным и мне дана конноартиллерийская рота: назначение для молодого человека чрезвычайно лестное, ибо в России тогда был один конный баталион, состоявший из пяти рот. Этому способствовал приятель мой, заботившийся о свободе моей посредством гр [афа] Кутайсова (который легко мог иметь в том успех; но мне надлежало обратиться к нему с письмом, в котором было бы изображено положение мое самым трогательным. Он говорил, что изберет благоприятную минуту доложить ему о том и может наперед поздравить меня с свободой. Неблагорассудительность молодости истолковала мне поступок низким, и я даже не отвечал приятелю на письмо. Я просидел в Костроме лишний год до кончины императора!).

Когда граф Аракчеев¹⁰ назначен был инспектором всей артиллерии, по неизвестным мне причинам подпал я полной его немилости и преследованию. В самом производстве в чин сделана была мне преграда и на которую я не мог жаловаться, ибо когда по старшинству надлежало дать мне чин, он приглашал из отставки и в списке ставил впереди меня. Я помышлял уже оставить службу, и конечно не встретил бы затруднений в том, но дабы при отставке обратить на себя внимание и может быть найти возможность объяснить причину, понуждающую меня к этому, я прибегнул к странному способу: по осмотре роты моей инспектором конной артиллерии генер [ал]-майором Богдановым¹¹ я подал ему рапорт, что отец мой, будучи немолодых лет, имея меня единственного сына и состояние расстроенное, желает, чтобы я находился при нем, что, ускоряя несколькими месяцами подание прошения вопреки установленного на то время, я не только не почитаю себя вправе воспользоваться при увольнении чином, но, будучи семь лет подполковником, прошу отставить меня майором. Инспектор, хороший мой приятель, склонял меня взять обратно рапорт, справедливо называя его бумажным, но я не согласился, и он должен

был представить его графу Аракчееву. Рота моя расположена была тогда в Вильне, где военный губернатор барон Беннингсен^{12*} был в то же время начальником литовской инспекции, [к] которой я принадлежал; зная меня с самых молодых лет моих, он оказывал мне особенное благорасположение, и я уверен был в благоприятном отзыве его, если бы поручено ему было освидетельствовать, в полном ли я разуме? Этого я должен был ожидать непременно, но граф Аракчеев написал мне собственноручно весьма благосклонное письмо, изъявляя желание, чтобы я остался служить. Я исполнил волю его и не раз имел причину раскаиваться...

* Беннингсен. В «Записках» у Ермолова — Беннингсен (сост.).



Записки

артиллерии полковника Ермолова,
с объяснением по большей части
тех случаев, в которых он находился,
и военных происшествий
того времени [1801—1807 гг.]

Исполнилось желание России! Взошел на престол ныне царствующий император, прекратились четырехлетние ее страдания!

At vos incertam, mortales, funeris horam
Quaeritis, et qua sit mors aditura via*.

Propertius.

1801. Со смертью императора Павла I-го множество несчастных увидели конец бедствий, в числе коих и я получил свободу. По справедливости время сие могу я назвать возрождением, ибо на 21 году жизни содержался я под караулом как преступник; найден невинным и обращен по именному повелению на службу; взят менее, нежели через две недели, вторично; исключен из списков как умерший; заключен в С.-Петербургскую крепость и впоследствии отправлен в ссылку в Костромскую губернию, где начальством объявлено мне вечное пребывание¹. Всемогущий во благодати своей, царям мира, равно как и нам, положил предел жизни, и мне суждено воспользоваться свободой. Радость заставила во мне молчать все другие чувства; одна была мысль: посвятить жизнь на службу государю, и усердию моему едва ли могло быть равное. Я приезжаю в Петербург, около двух месяцев ежедневно скитаюсь в Военной коллегии, наскучив всему миру секретарей и писцов. Наконец доклад обо мне вносится государю, и

* А вы, смертные, пытаетесь узнать неведомый для вас час кончины,

И спрашиваете, по какому пути приблизится смерть.

Проперций (лат.).

я принят в службу. Мне отказан чин², хотя принадлежащий мне по справедливости; отказано старшинство в чине, конечно, не с большею основательностью. Президент Военной коллегии генерал Ламб, весьма уважаемый государем, при всем желании ничего не мог сделать в мою пользу. С трудом получил я роту конной артиллерии, которую колебались мне поверить как неизвестному офицеру между людьми новой категории. Я имел за прежнюю службу Георгиевский и Владимирский ордена, употреблен был в войне в Польше и против персиян³, находился в конце 1795 года при австрийской армии в приморских Альпах⁴. Но сие ни к чему мне не послужило; ибо неизвестен я был в екзерциргаузах⁵, чужд смоленского поля, которое было защитою многих знаменитых людей нашего времени.

Я приезжаю в Вильну, где расположена моя рота. Людей множество, город приятный; отовсюду стекаются убежавшие прежнего правления насладиться кротким царствованием Александра I-го; все благословляют имя его, и любви к нему нет пределов! Весело идет жизнь моя, служба льстит честолюбию и составляет главнейшее мое управление; все страсти покорены ей! Мне 24 года; исполнен усердия и доброй воли, здоровье всему противостоящее! Недостает войны. Счастье некогда мне благоприятствовало!

1803. Мирное время продлило пребывание мое в Вильне до конца 1804 года. Праздность дала место некоторым наклонностям, и вашу, прелестные женщины, испытал я очаровательную силу; вам обязан многими в жизни приятными минутами!

1804. Я получил повеление выступить из Вильны. Неблагосклонное начальство меня преследовало, и в короткое время мне назначены квартиры в Либаве, Виндаве, Бирже, Гродне и Кременце на Вольни; я веду жизнь кочевую, и должен был употребить все способы, которые дала мне служба, при моей воздержности и бережливости. У меня рота в хорошем порядке, офицеры отличные, и я любим ими, и потому мне казалось все сносным, и служба единственное было благо.

1805. Проходя из местечка Биржи, инспектор всей артиллерии граф Аракчеев делал в Вильне смотр моей роты, и я, неблагоразумно и дерзко возражая на одно из его замечаний⁶, умножил неблаговоление могущественного начальника, что и чувствовал впоследствии. За год

до того рапортом чрез частного инспектора просил я увольнения в отставку, и чтобы воспользоваться оною за четыре месяца до узаконенного времени, я предлагал отставить [меня] майором, хотя почти уже семь лет находился в чине подполковника. Я думаю, что подобной просьбы не бывало и, кажется, надлежало справиться о состоянии моего здоровья!

Война против французов в Австрии. Спокойное России состояние было прервано участием в войне Австрии против французов. С 1799 года, знаменитого блистательными победами Суворова в Италии⁷, уклонялась она от всех войн, бурным правительством Франции порожденных. Двинулись армии наши против нарушителей общего спокойствия. В помощь Австрии пошел генерал Голенищев-Кутузов⁸; армия его должна была состоять из 50 т[ысяч] человек. Войска под начальством генерала Михельсона⁹ вошли в области польские, приобретенные Пруссиею. Отряд войск в команде генерал-лейтенанта графа Толстого¹⁰ отправлен в Ганновер; Пруссия должна была нам содействовать.

Генералу Кутузову назначено было соединиться с австрийскою армиею, расположенною в Баварии, под предводительством генерала Мака¹¹.

Австрия, в надежде на дружественное расположение курфюрста¹² баварского и обольщенная им, заложила знатные магазины в его владениях, предпринимая вынести войну сколь возможно далее от областей своих. Эрцгерцог Карл¹³ с другою армиею находился в Италии. Ожидаема была наша армия, и военные действия не начинались.

1805. Генерал Кутузов находился еще в Петербурге, а генерал-адъютанту барону Винценгероде¹⁴ поручено было армию его ввести в Австрию и сделать с оною все нужные условия касательно перехода войск. По новому вещей порядку генералы, старшие чинами, должны были ему повиноваться, чего достаточно уже было, чтобы посеять неудовольствие; но генерал Винценгероде умел прибавить к тому надменность и дерзкое обращение, и негодование сделалось общим. Солдаты роптали за то, что когда полки были в движении, он приказал обозы обратить в квартиры, продать излишнее имущество солдат и уничтожить артели¹⁵. Все было продано за бесценок и без ведома солдат. Весьма редки примеры, чтобы между немцами братья родные жили без строгих расчетов, и потому неудивительно, что барон

Винценгероде не имел понятия об артелях. Подобные распоряжения, по счастью, вскоре прекращены были прибытием генерала Кутузова, и радость войск избразить невозможно!

Пришедши с моею ротою к Радзивиллову, я уже не застал армии и догонял ее ускоренными маршами, почему ехавшему из Петербурга генералу Кутузову попался я на дороге, и он, осмотрев роту, два уже месяца находившуюся в движении, одобрил хороший за нею присмотр, ободрил приветствием офицеров и солдат, расспросил о прежней моей службе и удивился, что, имевши два знака отличия времен Екатерины, я имел только чин подполковника, при быстрых производствах прошедшего царствования. Он, сказав мне, что будет иметь меня на замечании, приказал поспешить в соединение с армиею.

Между тем войска наши проходили австрийскую Галицию в полном избытке, в порядке совершеннейшем, и уже не в дальнем были расстоянии от Браунау.

По распоряжению главнокомандующего, отпущено было в войска большое число подвод и учреждены станции для перемены оных другими. Войска в каждый день делали удвоенный переход, ибо половина пехоты попеременно садилась на подводы, артиллерия половину пути делала на обывательских лошадях. Армия следовала пятью колоннами, в одном марше расстоянии между собою.

Таким образом армия наша собралась в окрестностях Браунау, и в сем городе учредилась главная квартира; авангард был в Баварии на 13 часов пути.

Известно было, что собирается французская армия, и уже не весьма в далеком расстоянии от австрийской, почему войска наши получили маршруты до Ульма, и мы готовились к выступлению.

Генералу Кутузову представляют немолодого человека, имеющего сообщить ему важное известие. Мог ли ожидать г[енерал] Кутузов, что то был сам генерал Мак с известием о совершеннейшем уничтожении армии, бывшей под его начальством?

Наполеон напал на австрийскую армию при Ульме. Генерал Мак, худо извещенный о движениях неприятеля, не довольно был осторожным, войска его были разбросаны и собраться не успели. Внезапная атака такое произвела замешательство, что армия, довольно многочисленная, в хорошем весьма состоянии, вся по

частям и почти без сопротивления разбита была совершенно и большею частью досталась в плен; взята вся артиллерия и все обозы¹⁶. Спаслись от поражения небольшие части войск под начальством эрцгерцога Фердинанда¹⁷, генералов Кинмейера и Мерфельда. Не избежал плена и сам генерал Мак; но давши реверс¹⁸ не служить против французов, он получил увольнение и за паспортом их отправился в свои поместья. Перевязанная белым платком голова его давала подозрение, что главного подвига сохраняет он по крайней мере некоторую память. Но он успокоил насчет опасности, объяснив, что от неловкости почталюна он более потерпел, нежели от неприятеля. В дороге опрокинута была его карета, и он ударился головою так, однако же, счастливо, что она сохранена на услуги любезному отечеству.

Генерал Мак в штаб-офицерских чинах замечен был предприимчивым и храбрым в войне против турок под Белградом¹⁹, и с того времени, сделавшись известным, нашел он у двора сильное покровительство, и ко всем впоследствии по службе назначениям продолжил путь интригами. По его нелепым планам предпринята кампания против Французской республики в Бельгии²⁰ под начальством принца Кобургского. Он пользовался особенным благоволением императрицы, первой жены Франциска II-го²¹.

Узнавши все подробности происшествия, генерал Кутузов, поблагодаря г[енерала] Мака за известие, с ним расстался. Кажется, никому лучше нельзя было поверить в сем случае.

Генерал Мак и то заслужил удивление, что скоростью путешествия своего предупредил и самую молву. Австрийская армия не имела на сей раз расторопнейшего беглеца.

Генерал Кутузов нашелся в необходимости переменить сделанные им распоряжения, и положение его час от часу делалось затруднительнее. Неприятель шел с большею скоростью и уже не в дальнем находился расстоянии. Быстрое отступление было единственным средством, но с нами была вся тяжелая артиллерия, госпитали и обозы. Дабы сколь возможно облегчить войска при отступлении, приказано все тягости отправить обратно; но г[енерал] Кутузов с войсками оставался в Браунау, ожидая присоединения австрийских войск, спасшихся от поражения при Ульме.

Ретирада из Баварии. Наконец вышли мы из Браунау, и началось знаменитое отступление, которому и сам неприятель не отказал удивляться.

Глубокое осеннее время и непрерывные дожди до такой степени разрушили дороги, что войска на третьем переходе от Браунау догнали отправленные вперед тягости, и по необходимости умедлилась скорость движения.

Войска нашей армии состояли из 27 тыс. человек, ибо кавалерии большая часть осталась назади, по причине скорого движения из Браунау, и сильная колонна генерал-лейтенанта Шепелева, возвращенная с походу в Россию, хотя впоследствии поступила вновь в состав армии, но еще не присоединилась к ней.

В городе Ламбахе армия остановилась один день, дабы тягостям дать время удалиться. Здесь достиг нас авангард неприятельский, и мы в царствование Александра I в первый раз сразились с французами. Мы занимали выгодное местоположение, войска нашего арриергарда* противостали с наилучшим духом, потеря была незначительна; отличился 8-й егерский полк, коего начальник полковник граф Головкин умер от полученной раны. Потеряно одно орудие конноартиллерийской роты полковника Игнатьева, под которым лопнула ось от излишней экономии в коломази. Начальство точной причины не узнало, а полковник Игнатьев в донесении своем рассудил за благо подбить его неприятельским выстрелом. Авангард французский был не в больших силах, ибо войска, не имевши продовольствия, разбросались по дороге и производили грабеж.

При отступлении от Ламбаха войскам нашим дано следующее распределение:

Арриергард остался в команде генерал-майора князя Багратиона²².

Под начальством генерал-майора Милорадовича²³ состоял отряд, наименованный отдельной бригадою, которая, назначена будучи в подкрепление арриергарду, должна была находиться поблизости от оною.

Прочие войска разделены были на две дивизии и подчинены генерал-лейтенантам Дохтурову²⁴ и Мальтицу²⁵.

Конная моя рота и еще две пешей артиллерии в моей команде, не принадлежа ни к какой части войск,

* Так в оригинале (сост.).

остались в особенном распоряжении главнокомандующего как резерв артиллерии. Сие особенное благоволение, привязывая меня к главной квартире, делало последним участником при раздаче продовольствия людям и лошадям, и тогда как способы вообще были для всех недостаточны и затруднительны, а мне почасту и вовсе были отказываемы, то, побуждаемый голодом, просил я о присоединении моей команды к которым-нибудь из войск. Мне в сем было отказано. Австрийский генерал Кинмейер²⁶, не имея при войсках конной артиллерии, просил о присоединении к оным моей роты, и я должен признаться, что совсем не жалел, когда главнокомандующий не изъявил на то согласия, ибо лучше хотел я терпеть вместе с товарищами.

В следовании от Ламбаха жители Зальцбурга, бежавшие от французов, известили, что они, заняв город, пошли поспешно далее по направлению к Вене. Неприятель должен был знать о нашей малочисленности и что нигде не встретит сопротивления австрийцев, чтобы, ослабляя себя, взять подробное направление. До города Вельса арриергард наш имел непрерывные, но весьма неважные, перестрелки, которые всегда начинались по прошествии нескольких часов дня, ибо, делая в ночное время переходы, мы далеко за собою оставляли неприятеля. Таким образом сокращали мы перестрелки, которые, по малому количеству войск наших, производили чувствительную потерю.

Далее, продолжая отступление чрез город Линц, нашли мы, при местечке Эберсберг, удобную к обороне позицию, прикрытую быстрою рекою Траун, и армии дан один день отдохновения.

В Эберсберге случилось странное происшествие: расположенные на передовых постах кавалерийские отряды, которым приказано было отступать за реку, когда переправятся все тяжести, наскучив продолжительным их движением, распустили слух, что близко неприятель и готов ударить на мост. Вдруг сделалось величайшее замешательство: бросились в беспорядке обозы, многие в поспешности упали с моста, а в лагере начался сильный ружейный огонь, хотя ни одной неприятельской души не было на нашем берегу реки. Главнокомандующий не в состоянии был остановить беспорядка, но и виновные в оном не были изыскиваемы.

Неприятель занял город Линц. Маршал Мортье²⁷ с 11 000 человек перешел на левый берег Дуная с тем

намерением, чтобы предупредить нас в городе Кремсе, овладеть там на Дунае мостом и принудить нас идти на Вену, ибо нигде в другом месте не было моста, и мы, преследуемы будучи шаг за шагом, не могли решиться на другого рода переправу или бы все конечно не успели совершить без препятствия и не подвергаясь большой опасности. В Вену прежде нас должна была прийти посланная через Зальцбург колонна и превосходящая нас в силах.

О движении маршала Мортье неизвестно было главнокомандующему, и тем затруднительнее было наше положение. К тому же в продовольствии был ужаснейший недостаток, который дал повод войскам к грабежу и распутствам; вселились беспорядки и обнаружилось неповиновение. От полков множество было отсталых людей, и мы бродягам научились давать название мародеров: это было первое заимствованное нами от французов. Они собирались толпами и в некотором виде устройства, ибо посланный один раз эскадрон гусар для воспрепятствования грабежа видел в них готовность без страха принять атаку. Конница нередко внимательна к подобной решительности.

Австрийский император, прибывший к отступающим нашим войскам в город Вельс, отправился в обратный путь. Повсюду сопровождали его отчаяние и вопль жителей, которых до прибытия французов оставляли мы нищими. Он свидетелем был опустошения земли, и уже не зависело от него дать помощь. Жителям Вельса советовал он прибегнуть к Наполеону, в великодушии которого найдут они пощаду. Император, видя малые силы наши, не мог сомневаться, что столица его будет добычею неприятеля.

В городе Энсе армия наша перешла на правый берег реки того же имени, арриергард остановился, не доходя до города. Неприятель, расположась против него, пребыл в бездействии; но вскоре открыто, что отправлен им значительный отряд войск на монастырь С [вятиго] Флориана, дабы воспрепятствовать движению армии, или по крайней мере, умедлить оное. Но главнокомандующий, будучи извещен о том, успел предупредить неприятеля, и отряд генерал-майора Штрика, пришедши прежде к монастырю, закрыл собою следование армии. При сем произошло горячее сражение, и хотя по превосходству неприятеля потеря наша была чувствительна, но армия беспрепятственно совершила предпринятое

движение. Неизвестно мне, в чем главнокомандующий винил генерала Штрика, но он был весьма недоволен.

Арриергард наш, угрожаемый быть отрезанным, поспешно отошел за реку Энс; некоторое время удержал усилия неприятеля и после продолжал отступление сколь возможно медленнее. Артиллерия и излишние тягости армии успевали также удаляться. Раненые отправляемы были Дунаем до города Кремса.

Главнокомандующий поспешал к переправе чрез Дунай; ибо с малыми силами не было средств удерживаться против неприятеля превосходного, и если бы даже встречи с ним оканчивались в нашу пользу, то обыкновенная потеря должна бы привести нас в совершенное бессилие. К тому же из армии генерала Михельсона шел в подкрепление нам с значительною частью войск генерал от инфантерии Буксгевден²⁸, из С.-Петербурга с гвардиею приспевал великий князь Константин Павлович²⁹, и вскоре должна была сблизиться колонна войск в команде генерал-лейтенанта Шепелева³⁰. Малейшее замедление в отступлении было для нас пагубно; одна скорость, соединяя с идущими подкреплениями, могла вывести нас из гибельного положения. Имея прикрытием Дунай, можно было войскам, изнуренным трудами, дать необходимое отдохновение.

Неприятель имел все причины желать дать нам сражение, не допустив нас усилиться. Ему известна была малочисленность наша, и вероятно, что услужливые немцы доставляли ему точные о нас сведения. Сверх того армия под предводительством эрцгерцога Карла, одержавшая в Италии над маршалом Массеною³¹ успехи, поспешала к Вене, услышавши о поражении генерала Мака. Эрцгерцог Карл, будучи генералиссимусом и много раз начальствуя прежде, в состав своей армии избрал храбрейшие полки и лучших генералов и офицеров.

Октября 22-го арриергард князя Багратиона при местечке Амштеттене атакован был большими силами. Невзирая на храбрость, с каковою дрались Киевский и Малороссийский гренадерские и 6-й егерский полки, несмотря на все усилия князя Багратиона, не могли они устоять против стремления превосходного неприятеля и, потерпев большой урон, приведены были в замешательство. Артиллерия сбита была с своих мест,

и войска в нестройных толпах теснились на дороге. Лесистое местоположение скрывало от глаз неприятеля отряд генерал-майора Милорадовича, и, когда думал он только преследовать разбитый арриергард, встретил свежие, твердо ожидающие его войска. Внезапность привела неприятеля в некоторую робость, и ею воспользовался генерал-майор Милорадович удачно. Он приказал коннице ударить на колеблющегося неприятеля, и Мариупольского гусарского полка подполковник Игельстром, офицер блистательной храбрости, с двумя эскадронами стремительно врезался в пехоту, отбросил неприятеля далеко назад, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь — и одним храбрым стало меньше в нашей армии! После смерти его рассыпались его эскадроны, и неприятель остановился в бегстве своем; за два дня перед тем, как добрые приятели, дали мы слово один другому воспользоваться случаем действовать вместе, и я, лишь узнал о данном ему приказании атаковать, бросился ему на помощь с конною моею ротою, но уже не застал его живого и, только остановив неприятеля движение, дал способ эскадронам его собраться и удержаться на месте. Я продолжал канонаду, и между тем устроились к атаке гренадерские батальоны Апшеронского и Смоленского полков, и сам Милорадович повел их в штыки. Ободренные присутствием начальника, гренадеры ударили с решительностию, и неприятель, далеко прогнанный, скрылся в лес и не смел показаться. Неподалеку в других местах стоявшие его войска, ничего не предприняв, также удалились; некоторые продолжали бесполезную перестрелку, сопровождаемую безвредным действием артиллерии, но к вечеру все отступили, и мы провели ночь на поле сражения. Вместе со светом пошли мы назад, и вскоре появился неприятель, но преследовал не с тою, как прежде дерзостию. С сего времени отдельная бригада генерала Милорадовича заступила место арриергарда, а войскам князя Багратиона приказано составить подкрепление, и они по справедливости имели нужду в некотором отдохновении.

При Амштеттене в первый раз был я в сражении против французов, и в службу мою в первый раз с конною артиллериею, которой употребление я столько же мало знал, как и все другие. Возможность двигаться удобнее прочей артиллерии истолковала мне обязанности поспевать всюду, и потому я попал с гусарами. Впрочем, мне удалось предупредить неприятеля, и я, заняв одно воз-

вышение, не допустил устроить батарею, которая могла бы делать нам большой вред.

Генерал Милорадович чрезвычайно благодарил меня, конечно, не за исполнение его приказаний, ибо удачное действие принадлежало случаю, и я смею подозревать, что ему нелегко было приказать что лучшее. Не менее того мне как офицеру неизвестному весьма приятно было, что начальник отзывается с похвалою.

Подходя к монастырю Мёлк (Mölk), лежащему на Дунае, арриергард усмотрел идущую на другой стороне колонну войск. Отделение не позволяло распознать их, и думали мы, что то австрийцы, спасающиеся от французов; но как у самого монастыря Дунай протекает в тесных берегах, и дорога с обеих сторон лежит почти по самому краю оных, то легко было удостовериться, что колонна была неприятельская и в не малых силах: то был маршал Мортъе, который, как сказано выше, в городе Линце перешел на левый берег Дуная.

Главкомандующий неравнодушно получил сие известие, ибо положение наше становилось крайне опасным. С нашей стороны гористые места, прилежащие к берегу Дуная, удаляя от оною дорогу, отклоняли ее на город Санкт-Пёлтен и понуждали нас к довольно большому обходу. Одною чрезвычайно быстротою могли мы предупредить неприятеля в Кремсе и иметь удобную переправу. По счастью нашему, французы встретили трудный путь по левому берегу.

При войсках наших находились австрийские генералы Мерфельд и Ностиц с частию конницы, избегшей поражения при Ульме. Доселе полагали они, что главнокомандующий идет защищать Вену и в приближении к ней дать сражение. Вероятно генерал Кутузов не старался вывести их из сего заблуждения, и, хотя генерал Мерфельд известен был своею проницательностию, до сего не достиг он точных его намерений. У города Санкт-Пёлтена дорога разделяется, и одна идет на Вену, другая на Кремс, в четырех немецких милях отстоящий. Здесь Кутузов объявил, что он идет за Дунай в соединение с приспевающими к нему из России войсками, и армия, поворотив на Кремс, поспешно переправилась на левый берег Дуная.

Явно было негодование австрийских генералов и столько же неосновательно, ибо невозможно было сомневаться, что французы прежде нас будут в Вене. Давно приметно было, что австрийские генералы столько же действовали

нечистосердечно, сколько солдаты их дрались боязливо. и уже случилось, что генерал Ностиц с венгерскими гусарскими полками, содержащий передовые посты в арриергарде князя Багратиона, по ложному извещению французского генерала о заключенном будто бы перемирии, не предупредил войск наших, снял посты и удалился с своими полками. Князь Багратион был в затруднении, но генерал-майор Уланиус, находившийся не в дальнем расстоянии с частью войск от арриергарда, скоро то заметил, и действуя искусно, вышел с небольшою потерей и с арриергардом соединился.

По отступлении армии к Кремсу, арриергард генерала Милорадовича остался при самом разделении дорог, дабы сколько возможно продлить неведение неприятеля о направлении нашей армии. Его усилили конницею, и князю Багратиону приказано находиться в самом ближайшем расстоянии. Передовые посты наши из венгерских гусар довольно далеко впереди занимали между лесами выгодное расположение, и неприятель не мог видеть ни малочисленности нашей, ни занимаемого нами места. С передовых постов дано знать, что прислан парламентар, объявляющий желание французского авангарда переговорить о деле с генералом Милорадовичем. Приехавши на место, г [енерал] Милорадович не застал уже французского генерала, который, долго дожидавшись, отправился в свой лагерь, оставив капитана с данным от него поручением. После довольно несвязного разговора и множества неуместных приветствий, на которые французский капитан отвечал предложением свести наши передовые посты, присоединяя обещание, что они в продолжение дня со стороны своей ничего не предпримут. Отвратительная наружность негочиятора³² определяла меру заслуживаемого им доверия. Милорадович, исполненный мечтаний о рыцарских блаженных временах, когда на каждом перекрестке первый встретившийся выставлял себя за образец чести и добродетели, где между неизвестными заключались вечные узы дружбы и малейшее сомнение в верности было преступлением, Милорадович не дерзнул оскорбить рыцаря недоверием к словам его, и, как должно, не спросив его о имени, приказал снять посты.

Я был свидетелем сего свидания и подозревал, что нам выгоднее бы было иметь дело вместо Наполеона с Франциском I³³.

Только что стали мы приближаться к своему лагерю, как получили известие, что когда оставили места свои

войска, составлявшие передовую стражу, и начали собираться, неприятель напал на них в больших силах, преследует их не в дальнем уже расстоянии, и что вслед идет немалое число войск.

Вскоре появился неприятель и занял все окрестные возвышения, так что в виду его отступление делалось весьма опасным. Не знаю, кто умел склонить Милорадовича отменить приказание послать помощь отступающим гусарам, ибо иначе произошло бы дело, и по неудобству местоположения для нас, без сомнения, невыгодное. Итак, не выходя из лагеря, устроились мы в боевой порядок и приуговетились к отражению. Неприятель двинул сильную пехоту на правый наш фланг, ослабевший положением, и заставил нас обратить в ту сторону и силы наши и внимание, а в то самое время против левого крыла большим отрядом кавалерии произвел обозрение в тылу нашем, где не могло укрыться от него, что кроме войск князя Багратиона не имели мы другого подкрепления. По счастью нашему неприятель не мог прежде вечера кончить обозрение, по той причине, что кавалерия его принуждена была сделать большой обход вокруг леса, мимо коего кратчайший путь лежал под выстрелами наших батарей. Итак, наставший вечер не допустил ничего предпринять решительного, и Милорадович избавился наказания за непростительную ошибку, которую надобно было поправлять потерей многих голов. Неприятель не застал бы головы у Милорадовича, ибо, не взирая на бесстрашие, она была в величайшем замешательстве. В полночь, разложив весьма большие огни, мы беспрепятственно отступили, и я признаюсь, что не менее рад был многих; не знаю, воспользуется ли рыцарь благоклонного счастья вразумительных уроков.

Проведши всю ночь не останавливаясь, на другой день в десять часов утра арриергард переправился за Дунай; на правом берегу оставались одни кавалерийские посты. Неприятель прибыл гораздо после полудня, и мы, отозвав последние войска, сожгли прекраснейший на Дунае мост.

Положив Дунай между собою и неприятелем, главнокомандующий в первый раз мог допустить надежду соединиться с войсками, идущими из России; ничего не знал о переходе маршала Мортье в городе Линце, и если бы не были они осмотрены в окрестностях монастыря Мёлк, мог он для сбережения солдат худую погоду и трудным отступлением изнуренных употребить

обыкновенную скорость движения, и тогда французы успели бы овладеть мостом при Кремсе.

Главнокомандующий, превозмогши трудности и спасши войско от гибели, приобрел полную его доверенность. Начальники не были довольны его строгостью, но увидели необходимость оной и утвердились в уважении к нему. Мне случалось видеть, как давал он наставления генералам, сколько вначале был снисходительным и сколько нетерпеливо сносил, когда его не так понимали. Один раз сказал он им: «Вижу, господа, что я говорю вам на арабском языке». И точно, можно было заметить, что некоторые, вопреки всем его усилиям, постоянно сохраняли способность не разуметь его. В особенном внимании его были генерал-лейтенант Дохтуров и генерал-майоры князь Багратион и Милорадович. Последние два доселе были одни действующие и наиболее переносили трудов; словом, на них возлежало охранение армии.

На другой день по прибытии в Кремс заняли мы арриергардом предместье Штейн. Маршал Мортье, занявши виноградники, простирающиеся на крутизне гор над самым городом, с частью войск приблизился к самым воротам оною, и началась весьма горячая перестрелка.

Главнокомандующий предполагал дать войскам отдохновение, и нужно было исправить одежду и обувь солдат, поврежденные непрерывными дождями в продолжение целого месяца, и для того нельзя было терпеть неприятеля в столько близком расстоянии.

Генерал Милорадович получил повеление атаковать его, и только его неустрашимость и предприимчивость могли восторжествовать. Полки наши должны были штурмовать крутые горы, где неприятель, совершенно скрытый за каменными стенами*, одна за другою в несколько рядов устроенными, защищался упорно. Встречая на каждом шагу ужасные препятствия, войска наши, не раз опрокинутые, обращались с потерей, и артиллерия, не имея удобного места для устройства батарей, долго не могла им содействовать. Наконец удалось отеснить неприятеля от одного пункта и овладеть частью его лагеря; тогда орудия введены были в

* Такие стены строятся по крутизне гор, дабы не могла осыпаться земля, на коей виноградники и помещаются уступами в несколько рядов.

действие, чем приобретено было равновесие в бою, но неприятель, имея верное отступление за ближайшими стенами, возобновлял упорное сопротивление, и мы не иначе, как большими пожертвованиями, достигали малейших выгод. Урон наш был очевиден, и в особенности в офицерах несоразмерный*.

Главкомандующий вознамерился обойти неприятеля, однако же нельзя было сделать дорогою, лежащею по берегу Дуная, ибо она была под выстрелами неприятеля, а потому надлежало проходить горами, дабы попасть на левое крыло. Австрийский генерал-квартирмейстер Шмидт, после долговременной отставки, незадолго перед тем призванный императором на службу, человек отличных дарований, предложил намерение главнокомандующего привести в исполнение. Будучи уроженцем Кремса, он знал хорошо окрестности и взялся сам провести колонну войск, которая поручена была в команду генерала Дохтурова. Скрытым путем сблизилась войска наша с неприятелем, и он не прежде мог их приметить, как уже левое его крыло охватили и простирались в тыл. Движение сие наклонило победу на нашу сторону. Неприятель сделал слабое сопротивление, не в состоянии будучи отвратить вселившегося беспорядка, и войска его от всех занимаемых им мест бросились в совершенное бегство. В руки наши достались генерал Грен д'Орж, пять орудий артиллерии, знамена и более сорока штаб- и обер-офицеров.

Маршал Мортье с малым числом людей спасся в горы. Некоторая часть искала на лодках спуститься вниз по Дунаю, но истреблена была расположенными по берегу батареями, или, будучи течением принесена к сваям сожженного нами моста, испросила пощаду. К числу весьма значительного урона с нашей стороны надобно с горестию прибавить потерю генерал-квартирмейстера Шмидта, который убит одним из первых выстрелом из неприятельской батареи. Артиллерия по неудобству местоположения мало была в употреблении, и потому во все время сражения находился я при генерале Милорадовиче и могу судить, что оно в своем роде одно из жесточайших, и войска наши оказали возможную степень мужества.

Решительное окончание дела произведено искусным

* Места их заступали многие из офицеров Мариупольского гусарского полка.

направлением войск, в команде генерала Дохтурова бывших, но генералу Милорадовичу по справедливости принадлежит большое участие в успехе, ибо до того сбил он неприятеля со всех высот, ближайших к городу, не взирая на твердость его позиции.

Здесь генерал Дохтуров положил основание военной своей репутации; но не могу однако умолчать о случившемся с ним странном происшествии, которое, не знаю почему, не обратило на себя внимания. Когда обошел он неприятеля и уже уверен был в успехе, имея со стороны своей выгоды внезапного нападения, он так распорядил войска, что потерял почти весь баталион Вятского мушкетерского полка и одно знамя.

От взятых в плен узнали мы, что маршал Мортье имел с собою от семи до восьми тысяч человек и что по причине быстрого движения от Линца оставил он по дороге больными и усталыми до четырех тысяч. Количество войск, ему порученное, доказывает, что назначение его состояло в том, чтобы истребить мост на Дунае и может быть препятствовать, если бы вознамерились мы переправиться на судах, но всеконечно не искать сражения, когда уже перешли мы и все силы наши в совокупности. Что же заключить должно о действии господина маршала?

Пребывание наше и отдохновение в Кремсе не должно было продлиться, ибо вскоре после сражения получено известие, что неприятель овладел Венюю без сопротивления. Малое число бывших там войск перешли на левый берег Дуная, но мост не истреблен по немецкой расчетливости, хотя возбранить перехода нельзя было иначе. Редкий из немецких генералов не примет перемирия, и потому не отказано предложенное французами. В продолжение оного маршал Ланн³⁴ обманул стоящий на мосту австрийский пикет, и колонна французских войск бегом захватила мост.

Императорская фамилия заблаговременно удалась в Венгрию³⁵, но французы в потере сей искали утешиться взятою в городе ужасною контрибуциею, приобретением богатейшего арсенала, изобильнейшими запасами продовольствия и многими другими для войск потребностями.

По овладении мостом на Дунае неприятель имел свободную дорогу на Брюнн и возможность предупредить нас в следовании от Кремса, буде бы главнокомандующий промедлил там несколько дней. И потому,

оставивши часть войск в Вене, неприятель со всеми силами пошел поспешно на наши сообщения.

Еще раз необходимо было для спасения единственное средство — необыкновенная скорость. Но в сем случае нельзя было надеяться на отступление, ибо до Брюнна не было уже мостовой (chaussée), но дорога чрезвычайно грязная и во многих местах топкая, которую мы проходили прежде*.

Испытали ужасные трудности тогда, как не было неприятеля, который бы беспокоил. Предстояла глубокая осень, переходы тяжелые, и почти нельзя было сомневаться, что мы потеряем большую часть артиллерии и тягостей. Надлежало поспешить перейти тот пункт, где соединяется дорога, из Вены идущая, и главнокомандующий дал повеление войскам выступить.

Арриергард поручен был князю Багратиону. Обесиленная последним сражением отдельная бригада генерала Милорадовича назначена ему в подкрепление.

Мы отступили из Кремса. Не имея средств увести раненых, мы оставили их, и один из офицеров с письмом ожидал неприятельского начальника, великодушию которого они поручались.

За несколько часов до выхода нашего сделался сильный мороз, и дорога, к счастью нашему, была как наилучшая мостовая.

Неприятель, имея в готовности множество судов, перешел Дунай в короткое время, и арриергард наш был еще в малом от города расстоянии, как уже появился он для преследования. В тот же день возвратился офицер, оставленный с письмом в Кремсе, и дал знать, что уже при нем расположилась в городе неприятельская главная квартира и вступило в оный большое число войск.

Главнокомандующий уведомился, что генерал-лейтенант Шепелев, идущий из России с колонною войск, скоро к нему присоединится, и как при ней не было конницы, то послан в подкрепление кирасирский ее величества полк и вместе с ним моя артиллерийская рота, которые, сделав большой переход, с колонною соединились, и разъезды наши открыли неподалеку отряд неприятельской кавалерии от войск, следовавших из Вены.

* Когда переходили мы к Горуну, отпускалось большое число бывательских лошадей для подвоза артиллерии и обозов.

Главнокомандующий ускорил отступление и перешел местечко Ецельсдорф, при коем расположился генерал Милорадович. Итак, мы со стороны Вены не опасались уже быть отрезанными.

Дабы избежать сражения всеми силами и по превосходству неприятеля не подвергнуться без всякого сомнения поражению, главнокомандующий решил противопоставить неприятелю арриергард князя Багратиона, и он оставлен близ города Коллабрюнна.

Между тем силы неприятеля очевидно умножались прибывающими от Кремса войсками, и Наполеон командовал сам авангардом. В лагере его находился для переговоров генерал-адъютант барон Винценгероде, и в тот же день заключено перемирие до четырех часов пополудни. Наполеон не прежде согласился на оное, как войска собрались уже в большом количестве, и не хотел продолжать более, чтобы в тот же день иметь время истребить наш арриергард. С основательностью предположить возможно, что в расчет его входило то, что войска, идущие от Вены, успеют атаковать на пути нашу армию, и остановя ее, ему дадут время приспеть со всеми силами, которых князь Багратион не в состоянии был удержать в самое короткое время.

Пользуясь перемирием, князь Багратион хотел отойти назад, дабы не быть слишком удаленным, а паче отрезанным от армии, и уже некоторые части войск его приведены были в движение. Но он должен был возвратить их, ибо неприятель настоял, что должны находиться в том самом положении, в котором застало их перемирие, или в противном случае они немедленно пойдут вперед. Нельзя было отказать требованию, хотя явною была грозящая опасность.

В четыре часа пополудни выстрелом из пушки неприятель дал знать о прекращении перемирия, и двинулся отовсюду неприятельские колонны.

Невозможно было ни минуты терять времени, и князь Багратион приказал начать отступление.

Правое крыло арриергарда расположено было по хребту небольших возвышений, на которых стоял 6-й егерский полк, простираясь по всей широте оных. Начальнику сего крыла генерал-майору Уланиусу подчинена была конница, состоящая из Павлоградского гусарского, Черниговского драгунского полков и небольшого количества казаков. Центр и левое крыло устроенные были в долине, и сей последний составляла бригада

генерал-майора Селихова из Подольского и Азовского мушкетерских полков с одною ротою легкой артиллерии. Князь Багратион находился в центре с Киевским и Малороссийским гренадерскими полками, при коих соединена была вся артиллерия. В трех верстах позади арриергарда простирался глубокий ров, чрез который трудна была переправа. Кавалерии приказано немедленно перейти за овраг, дабы прочих войск не остановить в отступлении. Генерал-майор Уланиус, отходя вслед за кавалерию, удерживал под выстрелами долину и по хребту достиг до оврага почти без всякой потери. На равной с ним высоте отходили гренадерские полки, вспомоществуемые артиллериею, которой часть отправлена прежде к переправе. Стрелки от оных были в действии. На левом крыле происходило величайшее замешательство. Генерал-майор Селихов имел неосторожность распустить людей за дровами и за водою и терял время в ожидании их. Они большею частию достались в плен, и полки, отсутствием их ослабленные, окружены были большими силами. Храбрые полки, отчаянно защищаясь, продлили сражение до глубокой ночи, но большая часть людей побита, взяты знамена и восемь пушек. Пользуясь темнотою, спаслись малые только остатки полков и четыре орудия. Причиною столь чувствительной потери было невежество в ремесле своем генерал-майора Селихова. Он и того не разумел, что он мог спасти войска, если бы решился оставить людей, посланных в лес и за водою, которые легко весьма могли уйти, не будучи даже обременены ружьями. Неприятель, окружив левый фланг, хотел отрезать гренадерские полки от переправы, и если бы не мог в том успеть, то по крайней мере произвел бы в них большой беспорядок; но Киевского гренадерского полка командир 2-го баталиона майор Экономов, занявши селение, которое прикрывало переправу, встретил сильным ружейным огнем неприятеля, который, не полагая в нем войск наших, искал овладеть им. Сие действие майора Экономова (по собственному его соображению), уничтожив предприятие неприятеля, было причиною, что не только гренадерские полки прошли без потери, но даже могли спастись и самые остатки левого фланга.

Итак, сверх чаяния дело кончилось гораздо счастливее, нежели можно было ожидать, и князь Багратион прославился. Под начальством его было менее семи тысяч человек, неприятель имел в действии более двад-

цати тысяч, и Наполеон сам ими командовал. Конечно, не упущение со стороны Наполеона, не недостаток средств воспрепятствовали воспользоваться полною победою. Одна скорость движения спасла арриергард наш.

В продолжение ночи арриергард прошел известное соединение дорог при Ецельсдорфе, и оставя далеко назади неприятеля, находился вне всякой опасности.

Армия, будучи в далеком расстоянии от войск, преследовавших из Кремса и даже тех, которые могли приспеть со стороны Вены, избежала сражения, которого выдержать не была в состоянии и на которое решиться тем более было бы неблагоприятно, что армия генерала графа Буксгевдена, шедшая на помощь, уже близко находилась.

На место арриергарда поступила бригада генерала Милорадовича, и хотя неприятель вскоре догнал оную, но кроме перестрелок, не имевших никаких последствий, ничего важного не произошло.

Между тем главнокомандующий прошел город Брюнн и соединился с армиею графа Буксгевдена. Часть войск от оной пришла сменить нас в арриергарде, когда прибыли мы к местечку Вишау. Государь вместе с австрийским императором находились в крепости Ольмюц. Великий князь Константин Павлович вскоре должен был присоединиться с российской гвардиею.

Таким образом, в происшедших с неприятелем делах, во все время отступления от Браунау и до Брюнна, генерал Кутузов, против многочисленных сил приобретши успехи и при Ламбахе и Амштеттене и совершенную победу при Кремсе, довел войска, если несколько и утомленные быстротою движения, но с наилучшим духом и ничего не потерявши, кроме одной пушки при Ламбахе. Сия ретирада по справедливости поставляется в числе знаменитых военных событий нынешнего времени.

Между соединившимися армиями приметна была чрезвычайная разность. Пришедшая из России была совершенно сбережена и в наилучшем устройстве. Наша, напротив, потерпела от продолжительных трудов, изнемогла от недостатка продовольствия, от ненастного времени, глубокой осени. Одежда войск истреблена была на бивуаках, обуви почти вовсе не было. Самые чиновники были в различных и даже смешных нарядах.

Государь выехал навстречу армии и, судя по привет-

ствиям, которыми удостоил многих, казалось доволен был службою храбрых и верных войск его. Между прочими изъявлял и мне за службу благоволение. Приказал дать армии отдохновение.

Армии, по соединении, расположились у самой крепости Ольмюц, под покровительством коей занят выгодный лагерь и во многих местах оно устроены были укрепления.

Продовольствие отпускаемо было правильным образом. На пополнение в войсках недостатков приняты деятельные меры, и мы в продолжение одной недели приметно пришли в лучшее состояние.

Главная квартира обоих императоров была в крепости.

Составился новый авангард под командою генерала князя Багратиона и расположился против местечка Вишау.

В Вишау вступил неприятельский авангард, но далее не предпринимал.

В Ольмюце нашел я инспектора всей артиллерии графа Аракчеева, в том же могуществе при государе, с тем же ко мне неблагоприятием, не взирая на лестное свидетельство главнокомандующего на счет мой. Едва имел я к нему доступ и никогда ни малейшего ободрения, тогда как многим другим оказывал он сильное свое покровительство. Тут по сравнению выгод, приобретенных другими, почувствовал я, как невыгодно не нравиться сильному начальнику, который и то считает за благодеяние, что, утесняя невинно, не погубляет!

В продолжение пребывания армии в Ольмюце около Вишау происходили небольшие перестрелки. Князь Багратион, заметив, что неприятель мало имеет в городе пехоты, но более кавалерии, приказал шефу Мариупольского гусарского полка генерал-майору графу Витгенштейну³⁶ расположиться при выездах из оною, так чтоб неприятель не мог уйти, а пехоте приказал атаковать город. Кавалерия неприятельская вырвалась с малою весьма потерею, и граф Витгенштейн не успел ничего сделать. Оставленную его пехоту, с небольшим сто человек, взял в плен находившийся в авангарде генерал-адъютант князь Долгорукий (Петр Петрович)³⁷. Дело представлено было гораздо в важнейшем виде, и князь Багратион, как ловкий человек, приписал успех князю Долгорукому, который, поль-

зуюсь большою доверенностию государя, мог быть ему надобным. Неприятель отошел к Брюнну, где, как известно было, находились главные его силы. В главной нашей квартире восхищены были победою и готовились к приобретению новых.

Армия наша получила повеление выступить вперед. Генерал Кутузов был противного мнения, и рассуждения на сей предмет были различные. Многие предполагали, что неприятель отступает с намерением отвлечь войска от выгодной позиции при Ольмюце, где он не смел атаковать их, и что потому должно остаться на месте и дать время генерал-лейтенанту Эссену 1-му³⁸ присоединиться с корпусом, идущим из Шлезии. Думали некоторые, что если бы неприятель решился атаковать нас в позиции, то невзирая на выгоды оной, отступить, дабы армия эрцгерцога Карла, поспешно приближающаяся к Вене, могла стать в тылу неприятеля, если бы он дерзнул нас преследовать. Вероятно Наполеон не поставил бы себя в сие опасное положение, и потому оставалось ему или тотчас отступить, или, наблюдая за нами частию войск, со всеми силами обратиться на эрцгерцога Карла. Должно предполагать, что Наполеон скорее избрал бы сие последнее средство, ибо отступить не мог он иначе, как тою же дорогою, которую мы проходили через страну, совершенно опустошенную, где армию его встретил бы голод неотвратимый. Одержав победу над эрцгерцогом Карлом, не мог Наполеон сомневаться, что отклонит императора австрийского от союза с нами, а мы одни не решимся противостать ему. Не мог Наполеон предпочесть средство отступления, ибо вместе с ним лишился бы он важных выгод, приобретенных победою при Ульме, которая власти его покорила большое пространство земли, самую столицу, заставила австрийцев оставить Италию и даже очистить Тироль. Наполеон, обратясь на эрцгерцога Карла, не мог составить против нас таких сил, которые бы в состоянии были нас удерживать, и потому думали некоторые, что, прогоняя их, надлежало идти по следам Наполеона, дабы поставить его между двух армий, не в далеком расстоянии между собою находящихся. Было также мнение некоторых, что надлежало идти вперед не иначе, как приближаясь сколь возможно левым флангом армии к границам Венгрии, дабы войти в скорейшее сообщение с эрцгерцогом Карлом и получить помощь от венгров, народа воин-

ственного, между которыми французы имели людей, себе приверженных. В сем случае, если бы Наполеон обратился на нашу армию и нам невыгодно было принять сражение: Венгрия, гористая земля, имеющая твердые границы, представляла большие удобства к обороне, и тут всегда верный расчет в том, что Наполеон не мог терять время и не мог допускать никакого предприятия иначе, как скорого и решительного.

По малому значению, или лучше сказать, по совершенному назначению моему в армии, не мог я знать точных намерений начальства; но общая молва была, что государь не согласен с мнением генерала Кутузова и склонился на предложение австрийцев.

Армия наша двинулась вперед. Расположение движений поручено было австрийскому генерал-квартирмейстеру Вейнроту. Мы делали небольшие марши, но таким непонятным образом были они расположены, что редко оканчивали мы их скорее десяти или двенадцати часов, ибо все колонны непременно одна другую перерезывали и даже не по одному разу, и которая-нибудь напрасно теряла время в ожиданиях.

В продолжение трех дней виден был один слабый неприятельский отряд по дороге к городу Брюнну, где проходил наш авангард, но, не делая упорного сопротивления, он уступал место.

Я с конноартиллерийскою ротою находился при кавалерийской дивизии генерал-адъютанта Уварова³⁹, которая пред некоторою частью армии составляла передовое войско. На четвертый день, около вечера, встретились мы с неприятельскою кавалериею в малых силах; перестрелка была незначущая, и кавалерия прогнана.

Темнота ночи остановила нас на вершине одного возвышения, в хорошем местоположении. Недалеко позади стала в бивуаках вся армия. Впереди нас изредка видны были неприятельские огни, которые, казалось, означали цепь передовой стражи. В армии был слух, и почти все верили, что неприятель уходит. Около полуночи у подошвы возвышения, на котором стояла наша дивизия, в одно мгновение загорелись огни, охватившие большое пространство. Мы увидели обширные бивуаки и движение великого числа людей, что наиболее утвердило многих во мнении, что неприятель не ищет даже скрывать своего отступления. Напротив того, некоторым казалось сие подозрительным. Мы узнали

вскоре, что огни означали торжество в честь Наполеона, и зажжены в его присутствии.

Генерал-адъютант Уваров позван был в главную квартиру, откуда возвратился в скором времени. Немедля за ним прислан офицер с диспозицією на нескольких листах, наполненную трудными названиями селений, озер, рек, долин и возвышений и так запутанною, что ни помнить, ни понимать не было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успеть прочитать многим из начальников и весьма мало было экземпляров. Я признаюсь, что, выслушав оную, столько же мало получил о ней понятия, как бы и совсем не подозревал о ее существовании; одно то ясно было, что назавтра атакуем мы неприятеля.

Еще до рассвета выступила армия, опасаясь по-видимому, чтобы неприятель не успел уйти далеко. Войска на марше должны были войти в места, по диспозиции для них назначенные, и потому начали колонны встречаться между собою и проходить одна сквозь другую, отчего произошел беспорядок, который ночное время более умножало. Войска разорвались, смешались, и конечно не в темноте удобно им было отыскивать места свои. Колонны пехоты, состоящие из большого числа полков, не имели при себе ни человека конницы, так что нечем было открыть, что происходит впереди, или узнать, что делают и где находятся ближайшие войска, назначенные к содействию. Генерал Милорадович на моих глазах выпросил по знакомству у одного шефа полка двадцать гусар для необходимых посылок. К сему прибавить надобно, что ни одна из колонн не имела впереди себя авангарда. Общий авангард всей армии находился весьма мало впереди и на самой конечности правого фланга, так что собою не закрывал он ни одной колонны, и армия в движении своем совершенно была открыта. Дивизия генерал-адъютанта Уварова отведена была довольно далеко назад, чтобы потом перейти ближе к правому флангу, где вся почти кавалерия соединена была особенно.

Таким образом колонны подвигались вперед в полной безопасности и между ними допущены были большие пространства в том предположении, что, приближаясь к неприятелю, войдут они в надлежащее боевое устройство.

С началом дня, когда полагали мы себя в довольном расстоянии от неприятеля и думали поправить нарушен-

ный темнотою ночи порядок, мы увидели всю французскую армию в боевом порядке, и между нами не было двух верст расстояния.

Из всего заключить можно, сколько достоверные имели мы известия об отступлении неприятеля и в чем обязаны премудро начертанной австрийской диспозиции, которая более похожа была на топографическое описание Брюннского округа, нежели на начертание порядка, приуготовляющего целую армию к бою.

Совершенная готовность неприятеля доказывает, что он предуведомлен был о нашем предприятии, ибо не предпочитал за нужное открывать следования нашего, и даже до самой занимаемой им позиции не было ни одного пикета. Войска его оставались в бездействии, удивленные странным явлением, ибо трудно предположить, чтобы могла армия в присутствии неприятеля, устроенного в боевой порядок, совершать подобное движение, не имея какого-нибудь хитрого замысла. К тому же неровности местоположения скрывали силы наши. Когда же перешли мы болотистый и топкий ручей, и многие из колонн вдались в селения, лежащие между озер по низменной долине, простирающейся до подошвы занимаемых неприятелем возвышенностей, когда обнаружились все наши силы и несоразмерные между колонн промежутки, — открылся ужасный с батареей огонь, и неприятель двинулся к нам навстречу, сохраняя всегда выгоду возвышенного положения. Некоторые из колонн наших в следовании их были атакованы во фланг и не имели времени развернуться. Другие хотя и устроили полки свои, но лишены будучи содействия и помощи других войск, или даже окруженные, не могли удержаться против превосходных сил, и в самое короткое время многие части армии нашей приведены были в ужаснейшее замешательство. Самые начала действий, собственно по предположению, что неприятель в отдалении, и войска успеют соединиться, не согласовались с диспозициею, а потому и перемены необходимо не соответствовали предначертанной цели.

Действия сделались частными, связи между войск [ами] не существовало, и сблизиться не имели они возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейский корпус под начальством его высочества цесаревича, назначенный составлять резерв, должен был при самом начале сражения вступить в первую линию и по необходимости столько за-

нять места, что не мог он отделить ничего на составление второй линии. Левый фланг под командою генерала графа Буксгевдена, занимая ту самую высоту, где прежде находилась дивизия генерал-адъютанта Уварова, удерживался довольно долго и отступил с меньшею потерею людей; но батарейные 24 орудия, бывшие в долине, и часть пехоты у прикрытия их достались во власть неприятеля. Изломавшийся под передним орудием мост остановил прочие в следовании. Колонна, находившаяся в центре генерала Милорадовича, по долгом сопротивлении рассеяна; генерал-лейтенанта Пришибышевского, неосторожно проходя селение, окружена и, потерпев весьма большой урон, чрезвычайно много потеряла пленными, в числе коих попался и сам начальствующий колонною; генерал-лейтенанта графа Ланжерона⁴⁰, по неудобству места, недолго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейб-гвардии сделали несколько неудачных атак, но в них не было связи, и люди, не обывшие к войне, увлечены будучи храбростию и бесполезно истощив усилия, понесли большой урон. С отличною неустрашимостью действовали полки кавалергардский и конной гвардии, и часть сего последнего, врубившись в конницу, взяла одного орла, но общий испытан жребий, была опрокинута с потерею. Неприятель, одержав сии успехи, умножил войска свои против авангарда князя Багратиона, расположенного на конечности правого фланга, и против кавалерийских дивизий генерал-лейтенанта Эссена 2-го и генерал-адъютанта Уварова, которые до того сохранили места свои единственно по той причине, что неприятель не обратил внимание в другую сторону, а их истребление определил впоследствии. Вся сия кавалерия состояла в команде австрийского генерала князя Лихтенштейна. Многие из полков врубались в неприятельские войска, но должны были уступать превосходным силам. При самом начале сражения генерал-майор барон Меллер-Закомельский⁴¹ с уланским полком его высочества цесаревича сделал блистательную атаку, опрокинул противостоящую кавалерию, рассеял часть ближайшей пехоты, но тяжелая рана, пресекающая его успехи, оставила его во власти неприятеля у самых пушек, которым угрожала его храбрость, и полк рассеянный обратился. В кавалерии нашей, точно как и в других войсках, действия по большей части были частные, без всякого взаимного вспомоществования.

И так с одного крыла до другого войска наши по очереди, одни после других, были расстроены, опрокинуты и преследуемы. Потеря наша наиболее умножилась, когда войска стеснились у канала чрезвычайно топкого, на котором мало было мостов, а иначе, как по мосту, перейти чрез оный было невозможно. Здесь бегущая конница наша бросилась вброд и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коих я находился, остановил свою батарею, предполагая своим действием оной удержать преследующую нас конницу. Первые орудия, которые я мог освободить от подавляющей их собственной кавалерии, сделав несколько выстрелов, были взяты, люди переколоты, и я достался в плен. Дивизия генерал-адъютанта Уварова, столпившись у моста, имела время осмотреться, что она бежала от малого числа неприятеля и что главные его силы остановились на возвышении, не спускаясь в долину. Прогнавшие нас были обращены в бегство и истреблены, и мне чрез самое короткое время возвращена свобода, когда я уже был близко от французской линии.* Присоединясь к остаткам истребленной моей роты, нашел я дивизию в величайшем беспорядке у подошвы холма, на коем находился государь. Холм занят был лейб-гренадерским полком и одной ротой гвардейской артиллерии, которые участвовали в сражении и потому сохранили устройство. При государе почти никого не было из приближенных, на лице его изображалась величайшая горечь, глаза были наполнены слезами. Здесь можно было видеть части почти всей армии, и если премудрая диспозиция нас разделила, то бегство соединило многих. На месте сражения оставили мы более шестидесяти орудий, и армия отступила. Войска князя Багратиона потерпели урон несравненно менее прочих; часть пехоты его приведена была в замешательство неприятельскою конницею, но она, не будучи поддержана в своих успехах, дорого заплатила за свою дерзость, не менее однако же потеряно несколько пушек. Из сих войск составлен аррьергард в команде князя Багратиона. На прямой до-

* Я обязан свободою Елисаветградского гусарского полка полковнику Василью Ивановичу Шау, который догнал меня с несколькими человеками Харьковского драгунского полка. При нем не было ни одного человека, которому он принадлежал, почему судить должно о беспорядке.

роге к городку Аустерлицу, чрез который должны были проходить наши войска, учрежден большой пост, который поручен мне в команду, вероятно потому, что никто не желал принять сего неприятного назначения*.

По счастью нашему время клонилось к вечеру, и неприятель далее болотистого канала нас не преследовал.

Я с отрядом своим обязан спасением тому презрению, которое имел неприятель к малым моим силам, ибо в совершеннейшей победе не мог он желать прибавить несколько сотен пленных. Но когда нужен был ему водопой, он довольствовался тем, что отогнал передовую мою стражу от канала. Я должен был выслушивать музыку, песни и радостные крики в неприятельском лагере. Нас дразнили русским криком «ура!». Пред полночью я получил приказание отойти, что должно было последовать гораздо прежде, но посланный офицер ко мне не доехал. В городке Аустерлице, давшем имя незабвенному сражению⁴², нашел я арриергард князя Багратиона, который не хотел верить, чтобы могли держать одного меня в шести верстах впереди, и не восхитился сим распоряжением генерал-адъютанта Уварова. Прощедши далее четыре версты, прибыл я к армии, но еще не все в оной части собраны были и о некоторых не было даже известия; беспорядок дошел до того, что в армии, казалось, полков не бывало: видны были разные толпы. Государь не знал, где был главнокомандующий генерал Кутузов, а сей беспокоился насчет государя. Я должен был явиться к генерал-адъютанту Уварову, и сей был в восхищении, что украшенным донесением мог придать важность отряду его собственного изобретения. Не дожидаясь присоединения оторвавшихся частей, армия в продолжение ночи пошла далее. На рассвете стали собираться разбросанные войска, и около десяти часов утра появилась неприятельская кавалерия, наблюдавшая за нашим отступле-

* Пост сей состоял из одной роты лейб-гренадерского полка, одной сотни лейб-казаков, одного эскадрона спешенных драгун Черниговского полка, одного эскадрона лейб-кирасирского ее величества, одного эскадрона Елисаветского гусарского полков и двух орудий конной артиллерии. Приказано разложить большие огни и петь песни: сего последнего не было исполнено, ибо не было расположения к веселости.

нием. В сей день, по причине совершенного изнурения лошадей, оставили мы на дороге не менее орудий, как и на месте сражения.

Вскоре узнали мы, что австрийский император заключил перемирие с Наполеоном, обязавшись немедленно приступить к переговорам о мире, и мы уже не могли ожидать вспомоществования австрийцев.

Армия наша прибыла в местечко Голич, на границе Венгрии, чрез которую предлежал нам путь. Отовсюду окружены мы были французскими отрядами конницы, и арриергард наш находился уже в самом близком расстоянии от армии, дабы не подвергнуться опасности быть отрезанным.

В перемирии, заключенном с австрийским императором, упомянуто было, что русские беспрепятственно отступают в свои пределы, но время и направление были назначены, что у французов называется à j'opnées d'etapes*.

Кажется, в сем снисходительном позволении не имели мы нужды, ибо неприятель не смел следовать за нами в такую страну, какова Венгрия, и в позднее время осени. Не мог также быть уверенным, чтобы Австрия, имея в готовности армию эрцгерцога Карла и войска эрцгерцога Фердинанда, расположенные в Знайме, не усмотрела выгоды прервать перемирие, что Наполеона поставило бы в самое затруднительное положение.

Итак, армия наша трудными путями, в худое время, самую беднейшую часть Венгрии, прошла чрез города Кашау, Эпериес и, переправясь чрез Карпатские горы близ Бартфельда, спустилась в Галицию, неподалеку от местечка Дукли.

Повсюду в Венгрии армия наша принята была самым дружественнейшим образом, и ни в чем не отказано к успокоению утомленных войск.

Главнокомандующий встречаем был дворянством с изъявлением совершенного уважения.

Были даны два праздника и, к удивлению, находились многие, которые могли желать забав и увеселений

* Дневные переходы (фр.). Мне случалось видеть, что главнокомандующий, отправляя в С.-Петербург курьера, должен был дать бумагу, в которой были следующие выражения: «Дружественно прошу господ командующих передовыми войсками большой французской армии дать свободный пропуск».

после постыднейшего сражения и тогда, как неприятель должен был найти поражение и гибель.

Венгры, смотря на войска наши, удивлялись, как могли французы преодолеть их; видна была досада их; но они не уничтожили нас чувством сожаления. Не могли они предположить другой причины нашей неудачи, как измену австрийских генералов, и одна таковая мысль доказывает, какое они имеют к нам доверие! Не подозревая, что мне знаком латинский язык, они изъяснялись насчет сих последних с большим чистосердечием, и не о многих слышал я похвалы.

В день сражения при Аустерлице корпус генерал-лейтенанта Эссена находился в расстоянии небольшого перехода, и он, отступив другою дорогою, соединился с нами в Галиции. Туда же благополучно прибыла батареинная артиллерия, которая для удобнейшего следования отправлена была на крепость Ольмюц.

Государь не находился при армии и из Голича отправился в Россию.

Я не описал Аустерлицкого сражения с большою подробностью, ибо сопровождали его обстоятельства столько странные, что я не умел дать ни малейшей связи происшествиям. Случалось мне слышать рассуждения о сем сражении многих достойных офицеров, но ни один из них не имел ясного о нем понятия, и только согласовались в том, что никогда не были свидетелями подобного события. Нет сомнения, что впоследствии составятся описания, но трудно будет дать им полную доверенность, и скорее могут быть с точностию определены частные действия, нежели соотношения их между собою и согласование действий со временем. О сражении Аустерлицком можно сказать, что каждой части войск предоставлено было действовать отдельно, с условием при том ни себе не ожидать, ни другим не давать вспомоществования, и для лучшего успеха полезно было бы даже забыть, что на том же самом поле и в то же самое время были еще и другие русские войска.

Так разделенных нас и лишенных взаимного вспоможения представила судьба пред лицо неприятеля, и он, трепещущий именем русского, осмелился быть победителем.

Не должен россиянин простить поражения при Аустерлице, и сердце каждого да исполнится желанием отмщения!

Non adeo has exosa manus victoria fugit.

*Virgilius**.

В половине генваря месяца армия наша, возвратясь в свои пределы, расположилась на квартирах в Волынской губернии. Главная квартира заняла местечко Дубно.

1 8 0 6. Армия генерала от кавалерии Михельсона, проходившая чрез польские области, принадлежащие Пруссии, не видав неприятеля, также возвратилась в свои границы. Начальство над нею принял генерал от кавалерии Беннингсен.

До весны пробыли мы на Волыни, где, после трудов тяжелой кампании, отдохновение и покой, раскрыв таившиеся болезни, армию нашу уменьшили чрезвычайно, и мы, претерпев от стеснения неудобство и большой недостаток, расположились наконец на большом пространстве. Я с ротою моею отправлен в 3-ю дивизию генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена⁴³, расположенную около местечка Шавель Виленской губернии.

В непродолжительном времени вышли за прошедшую войну награды. Многие весьма щедрые получили за одно сражение при Аустерлице; мне за дела во всю кампанию дан орден Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менее.

Напоследок, по отличному отзыву обо мне главнокомандующего и по ходатайству генерал-адъютанта Уварова, я произведен в полковники, обойдя одного старее меня в чине. По расположению ко мне начальства я должен был и то принять за величайшую награду, хотя в одном чине был я без малого девять лет.

По новому преобразованию артиллерии в бригады и по присоединении их к пехотным дивизиям я назначен командиром 7-й бригады в дивизии генерал-лейтенанта Дохтурова, расположенной в окрестностях Дубна на Волыни и принял вновь сформированную конную роту.

Деятельные меры, принятые к укомплектованию войск после сделанной потери в минувшую кампанию, подтвердили носящиеся слухи о приуготовлении к войне.

Наконец в помощь Пруссии назначена армия под начальством генерала барона Беннингсена.

* Из рук ускользает изменившая вам победа.

Вергилий (лат.).

Война против французов в Пруссии. В состав сей армии поступили свежие войска, не бывшие в прошедшем походе, и она состояла из:

2-й дивизии генерал-майора графа Остермана-Толстого⁴⁴.

3-й генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена.

4-й генерал-лейтенанта князя Голицына⁴⁵.

5-й генерал-майора Седморацкого.

Кавалерия непосредственно принадлежала дивизиям, но по обстоятельствам, отделяемая от оных, составлялась особыми частями. Несколько донских казачьих полков присоединены были к армии.

В начале октября армия переправилась за реку Неман в местечке Юрбурге и Олите.

Под начальство генерала графа Буксгевдена поручена другая армия, также из четырех дивизий состоящая; войска, их составившие, находились в сражении при Аустерлице и незадолго до похода пополнены были весьма большим количеством рекрут.

Армия сия в конце ноября вошла в пределы Пруссии чрез Брест-Литовский.

Генерал Беннингсен в то время находился уже на реке Нареве, и одною дивизиею занимал предместье города Варшавы, именуемое Прага. Отряд кавалерии находился на левом берегу Вислы в 12 часах расстояния.

Наполеон, лично предводительствуя сильною армиею, при городке Ауэрштедте совершенно разбил прусские войска. Сражение неудачнее было потерянного австрийцами при Ульме. Также потеряна была вся почти артиллерия, и в плену было необыкновенно большое число войск. Преследуемые остатки армии или рассеяны или принуждены сдаться. Лучшие крепости взяты и некоторые даже без сопротивления. Неприятель овладел Берлином, и король с малым числом войск, поспешно набранных, находился в Кенигсберге. Уничтоженною армиею предводительствовал принц Брауншвейгский⁴⁶, один из знаменитейших полководцев времени Фридриха Великого⁴⁷. Мгновенно пала слава войск, преодолевших страшный союз могущественнейших в Европе государей⁴⁸.

В прошедшем году Пруссия уклонилась от содействия нам⁴⁹, боясь, как будто, славу победить Наполеона затмить нашим участием.

Наполеон, продолжая успехи, послал особенный

корпус для покорения лежащих в Шлезии крепостей; сам, ускоряя движение, пошел с армиею к Варшаве, извещен будучи о приближении к ней войск наших.

Достиг слух о его движении, и обеим нашим армиям приказано соединиться.

В Белостоке сошлись армии, и начальствующие ими, не будучи приятелями прежде, встретились совершенно злодеями. Никогда не было согласия в предприятиях, всегдашняя нестройность в самых ничтожных распоряжениях, и в таком состоянии дел наших ожидали мы скорого прибытия неприятеля, ободренного победами.

Отряд кавалерии нашей, бывшей впереди, перешел обратно на правый берег Вислы.

Наполеон занял Варшаву и овладел в ней знатными магазинами, которых не приказано было истреблять в том предположении, что впоследствии могут быть нам полезными. Но командовавший в Праге генерал-майор Седморацкий должен был или взять их в пользу войск наших, или, если уже не доставало для того времени, по крайней мере сжечь их, дабы не воспользовался ими неприятель, но он не почитал себя вправе того сделать и умел ожидать особенного разрешения. Он также не истребил судов, чтобы не дать неприятелю способов к переправе и, опасаясь, чтобы не перешел он Вислы в границах австрийских, весьма близко лежащих к Варшаве, оставил предместье Прагу и отдалился на некоторое расстояние, довольствуясь одним наблюдением Вислы конными патрулями*. Другая наша дивизия, стоявшая с правой стороны, также посылала к Висле свои разъезды, но они не всегда исправно съезжались с первыми, и неприятель, имея в своем распоряжении суда и пользуясь местом, где Висла двумя неравными рукавами, обтекая обширный остров, закрывала его движения, построил мост и перешел на правый ее берег. Поздно с нашей стороны примечено было его намерение, и тогда только могли противостать ему некоторые силы, когда уже встречены были превосходнейшие.

* Генерал Седморацкий принадлежит к числу офицеров, известных под именем гатчинских, и познание военного ремесла приобрел в классе Канабиха⁵⁰, обучавшего тактике, которую некто весьма остроумно назвал наукою о свертывании плаща, ибо не далее простирались сведения самого наставника.

В сие время прибыл к командованию обеими армиями генерал-фельдмаршал граф Каменский⁵¹. Опытный начальник при первом взгляде увидел, сколько опасно положение войск наших, рассыпанных на большом пространстве, тогда как неприятель имел свои силы в совокупности и уже владел правым берегом Вислы. Он приказал поспешнее собрать войска. Близость неприятеля не допускала сделать того иначе, как отступивши на некоторое расстояние.

Армия наша чрезвычайно нуждалась в продовольствии, и единственную пищу составлял картофель, который надобно было отыскивать вдалеке и терпеть для того отлучки большого числа людей. Нередко войска направляемы были не туда, где присутствия их требовали обстоятельства, но где надеяться можно было сыскать несколько лучшее продовольствие. Повсюду селения были пусты, глубокая осень и непрерывные дожди разрушили дороги, и без пособия жителей не было средств делать подводы.

Армия наша начала сосредоточиваться, отступая, и сколько очевидно опасность ни заставляла ускорить соединение сил, не могли однако же некоторые части наших войск избежать неравной борьбы с неприятелем. Под местечками Чарновым и Сероцким генерал-майор граф Остерман-Толстой вытерпел горячее нападение, и со всею его неустрашимостию и храбростию его войск, при чувствительной потере, должен был лишиться нескольких пушек. При местечке Лопацине атакован был превосходными силами генерал-майор граф Пален (Петр Петрович)⁵². Он шел на сборное место дивизии и от оногo находился не более одной мили с половиною. Столько небезопасны были сообщения между войск наших! Граф Пален имел к отступлению кратчайшую дорогу на местечко Голимин и ту выгоду, что лесистые места препятствовали неприятелю действовать многими силами, а сверх того в Голимине он мог найти войска. Но должно отдать справедливость благоразумной предусмотрительности его, что, не взирая на большие гораздо трудности, он взял направление на отряд генерал-майора Чаплица⁵³, расположенный у местечка Цеханова, который иначе был бы отрезан и впоследствии мог быть уничтожен. При сем отряде находился я с тремя ротами артиллерии и легко мог видеть, что направление его на Цеханов не приносило никакой пользы, но было следствием одного неблагоприятного

распоряжения графа Буксгевдена. Фельдмаршал, узнав о том и сделав строгое замечание за нелепое раздробление сил, приказал отряду немедленно возвратиться, но уже мы были на месте и утомленные грязною чрезвычайно дорогою не могли тотчас выступить обратно.

По счастью генерал граф Пален искусным сопротивлением продлил сражение и не прежде присоединился к отряду генерала Чаплица, как уже поздно вечером, и потому неприятель не мог воспрепятствовать нам соединиться с войсками при местечке Голиimine.

Когда на другой день возвращались мы к оному, неприятель проходил по той прямой дороге, о которой сказал я выше, но мы одним часом времени его предупредили.

Прибыв в Голимин 14 числа декабря, нашли мы 7-ю дивизию генерал-лейтенанта Дохтурова, 5-ю генерал-лейтенанта Тучкова 1-го⁵⁴ и часть 4-й дивизии генерал-лейтенанта князя Голицына из армии генерала Беннингсена.

Неприятель начал перестрелку. Войска его были в малых силах и по большей части состояли из кавалерии под начальством принца Мюрата⁵⁵. Ужасное превосходство было на его стороне, и если топкие места покоряли нас, не самому выгодному устройению войск, которые расположились по двум дорогам, почти под прямым углом сходящимся, то неприятель еще менее имел удобства, занимая средину, лесом и мелким кустарником покрытую. Против восьми его пушек имели мы до восьмидесяти орудий, вся 5-я дивизия нашлась излишнею по тесноте местоположения и составляла резерв, тогда как неприятель не имел других стрелков, кроме спешенных конных егерей. Совершенно от нас зависело уничтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрелкою, и Мюрат был атакующим. В течение непродолжительного времени пришла сильная неприятельская артиллерия, но число артиллерии его не увеличилось, ибо она по причине болотистых мест и дорог, в то время года непроходимых, не могла следовать равною с нею скоростью. Та же самая причина препятствовала пехоте, и она прибыла в весьма незначительном количестве. По старшинству, думать надобно, командовал с нашей стороны генерал Дохтуров, но справедливее сказать, не командовал никто: ибо когда послал я бригадного адъютанта за приказанием, он, отыскивая начальника и переходя от одного к друго-

му, не более получаса времени был по крайней мере у пяти генералов и ничего не успел испросить в разрешение.

Между тем неприятель сделался предприимчивее и непонятным образом успел обойти левое наше крыло, что не иначе могло произойти, как от нашей оплошности; но избыток сил вскоре восстановил порядок. Должно отдать справедливую похвалу храбрости генерал-майора князя Шербатова⁵⁶: когда полк его Костромской мушкетерский, расстроен будучи большою потерей, должен был уступить удачной атаке неприятеля, он, взяв знамя, бросился вперед, и неприятель обратился в бегство. К вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши и заметны были многие в линиях интервалы. Легко было понять, что не таков должен быть порядок при отступлении, и что войска отходили, конечно, не по приказанию, но по произволу. Долго не смел я отступить без приказания, но не видя необходимости оставаться последним, согласил я подполковника князя Жевахова с двумя эскадронами Павлоградского гусарского полка идти вместе, и мы отправились в ту сторону, где видно было более отступающих. Пройдя местечко Голимин, взял я направление на местечко Маков. Правый фланг войск наших, состоявший из отряда генерал-майора Чаплица, видя, что левый фланг отступил, и никак не ожидая, чтобы местечко Голимин, занимавшее центр нашей позиции, могло быть оставлено нами прежде, нежели пройдут последние войска, беспечно подошел к нему, но у самого местечка встречен был картечными выстрелами. Внезапный сей случай привел в замешательство Екатеринославский гренадерский и Владимирский мушкетерский полки, темнота способствовала беспорядку, и два орудия остались в добычу неприятеля.

Таким образом окончилось наше сражение, имевшее для нас одну ту пользу, что мы развлекли силы неприятеля и собою заняли некоторую часть оных. Но простителен ли подобный расчет, когда употреблены на то средства в три раза более тех, что имел неприятель? Надобно было видеть, что бы с таковыми сделал Наполеон.

В пяти верстах от Голимина, в селении Ключницы, нашел я в господском доме несколько генералов, и конечно они не все вместе с нами приехали, ибо застал уже их спящих, а на полу остатки кушанья свидетель-

ствовали, что сон не происходил от голода. В подобных случаях, тот, кто приезжает последний, является с некоторыми преимуществами и правами, и пробужденные почтили меня бутылкою портера. Я видел, что спутник мой гусар князь Жевахов недоволен был излишне скромным приветствием.

В отступлении от Голимина, не будучи только преследуемы, ниже почти и наблюдаемы неприятелем, оставили мы около сорока пушек, большею частию батарейной артиллерии, единственно по причине крайнего изнурения лошадей и дорог, не проходимых от чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота; но, захватя выпряженных лошадей, брошенных от рот, я избавился стыда лишиться орудий без выстрела.

В тот же самый день, как при Голимине, произошло в Пултуске главное сражение⁵⁷. Наполеон, собрав все силы, за исключением бывшей кавалерии с принцем Мюратом, сблизился с генералом Беннингсеном, и сей, не имея возможности отступить, не подвергаясь крайней опасности, решился дожидаться неприятеля. Наполеон употребил все усилия; войска, присутствием его ободренные, действовали с возможною решительностью и бесстрашием. Уже ослабевали войска наши, ибо превосходство сил было на стороне неприятеля и победа очевидно склонялась в его пользу. Оттесненные на некоторых пунктах, уже истощали они последние средства невыгодной обороны, но по счастью, неприятель не мог противопоставить равного действия нашей артиллерии, ибо его за худыми дорогами оставалась назади, и сие одно не только могло продлить сражение, но в некоторых местах даже восстановить оное с большою для нас выгодой. Генерал Беннингсен непоколебим в твердости своей и самым отчаянным положением возбуждаемый, прибегнул к последним средствам, и резерву, состоявшему из двух пехотных полков, приказал ударить в штыки. Начальнику полков истолковано было, что от сего последнего усилия зависит спасение прочих войск, и полки бросились стремительно. Неприятель отступил, не устояв против штыков. Войска его, потеряв взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успехи в сем пункте, искали в скором удалении средства спасти от поражения разорванные части, и мгновенно часть лучшей позиции неприятеля была в руках наших. Клонившийся к самому вечеру день не

допустил Наполеона поправить неудачу, ибо необходимо было некоторое время для приведения в порядок расстроенных войск, прежде нежели приступить к какому-либо предприятию. Итак, твердость генерала Бенningсена самое опасное положение обратила в победу совершенную. Отразить превосходные силы под личным Наполеона предводительством есть подвиг великий, но преодолеть и обратить в бегство есть слава, которую доселе никто не стяжал из его противников.

Выгоды, дарованные победою при Пултуске, если бы воспользовались ими, должны были освободить Варшаву и польские границы, принадлежащие Пруссии, и отдалить неприятеля за реку Одер.

После сражения при Пултуске и Голиimine армиям надлежало идти за неприятелем или, по крайней мере, остановиться. Генерал граф Буксгевден первый обязан был то сделать, ибо против войск его в Голиimine неприятель был бессилен, и если не умел он его уничтожить, то всеконечно уже бежать было не от чего; а если почитал он отступление необходимым, то столько же нужно было согласовать его с действиями генерала Бенningсена, о которых должен был дожидаться известия. О направлении главных сил неприятеля были точные сведения, и потому бесполезно употребленными при Голиimine силами можно было подкрепить генерала Бенningсена и усовершенствовать его победу; но генерал граф Буксгевден, по вражде ли с генералом Бенningсеном, желая сделать ему вред, или собственно по недоумению, продолжал выполнять повеление фельдмаршала об отступлении, вынужденное самою крайностию, дабы сосредоточить рассеянные войска, но силу коего изменить должны были необходимо происшествия того дня, слишком разительно объяснившие выгоду противного действия. Если не понимать сего, не надобно братья за командование армиею. Если для удовлетворения вражды пренебрегать общими выгодами, надобно быть наказану, и в обоих случаях армия избавилась бы [от] тяжелого весьма начальника, к посредственным коего способностям не могла она иметь доверенности, и известного одною храбростию, которая в звании вождя не заменяет необходимых дарований.

В день сражения фельдмаршал граф Каменский в девять часов поутру был в Голиimine и сам назначил посты для казачьего Малахова поста, предвидя важность сего места, к которому приказал войскам прибыть

поспешнее; а дабы не потерять время в переписке, послал от себя прямо к начальнику штаба, отправленного в Цеханов, чтобы он скорее возвратился в Голимин, поставя ему на вид, что одною быстротою движения может избежать опасности быть отрезанным. Фельдмаршал был также в Пултуске во время сражения; но когда после оного необходимо было войскам общее распоряжение согласно переменившимся неожиданно обстоятельствам, уже дан был приказ армиям, что он оставляет их по причине болезни, и отправился в Гродно. Во всяком случае сделал он непростительный поступок: ибо присутствие его при армии тем необходимое было, что он не полагал возможным кончить с выгодою сражение при Пултуске, а по отъезде его и малейшая неудача, при несогласии начальников, могла бы иметь бедственные последствия. Армия сожалела об его отъезде, ибо на опытность его и прежнюю знаменитость полагала большие надежды. Между начальниками были рассуждения, что ни к чему доброму не поведет известная вражда командующих армиями.

Генерал Беннингсен, лишен будучи выгод одержанной победы, нашелся в необходимости оставить место, ибо граф Буксгевден, отступая, открывал неприятелю дорогу в тыл его расположения, и потому, взяв направление на местечко Рожан, в городе Остроленке перешел на левый берег Нарева.

Генерал граф Буксгевден туда же отступил чрез местечко Маков. Здесь оставлен был арриергард в команде генерал-майора Маркова для прикрытия армии, переходившей за реку. До самой ночи с чрезвычайною медленностию продолжалось ее движение. В беспорядке теснились обозы на длинном мосту, а уже неприятель, вышедший из окружающих лесов, в больших силах занял позицию недалеко от местечка. Нельзя было в короткое время разрушить мост, и потому опасно было, чтобы неприятель, пользуясь темнотою ночи, не овладел им. С позволения начальника послал я команду и приказал ей зажечь два квартала, принадлежащие к месту, дабы осветить приближение неприятеля, если бы покусился он на оный. Два раза подходили его войска и в некоторых местах осматривали броды, но большая часть сорока орудий, которыми я командовал, употреблены были на защиту оных, и нетрудно было успеть в том. Потеря от канонады должна была быть значительною, и мы успели разрушить часть моста.

Мне грозили наказанием за произведенный пожар, в главной квартире много о том рассуждали и находили меру жестокою. Я разумел, что после хорошего обеда, на досуге, а особливо в 20 верстах от опасности, нетрудно щеголять великодушием. Вняли однако же моим оправданиям. Арриергард отошел на селение Новалесь, где расположена была дивизия генерала Дохтурова. Посланный им Ингерманландский драгунский полк по направлению к местечку Рожану, встретившись с отрядом неприятельской кавалерии, не удержал одного и привел его за собою к квартире генерала, который, занимая неподалеку от лагеря дом католического священника, сидел весьма покойно у окна. Он видел скачущих около забора французов, но по счастью дом был на дворе и ворота заперты. Движение в лагере устрало неприятеля, и он отошел поспешно. Хозяин дома подозреваем был, что дал известие.

Когда граф Буксгевден пришел к Нареву, река покрыта была сильным льдом, мосты истреблены, и с другим берегом не было сообщения. В сем положении оставались мы несколько дней, и с приближением неприятеля час от часу умножалась опасность. Он мог иметь известие, что армии разделены были рекою и не в состоянии вспомоществовать одна другой. Надобно было, однако, уже думать, что расстройство войск воспрепятствовало атаковать, ибо, несмотря на все выгоды, неприятель ограничился одним осторожным наблюдением, и передовые наши посты в команде генерал-майора Палена удерживали его в большом отдалении.

Генерал Беннингсен употреблял все старания, дабы между армиями учредить сообщение. Чрез реку натянуты были канаты и настилаемая солома, поливаема будучи водою, замерзла так, что пехота, хотя с осторожностью, могла однако же переправиться на нашу сторону, а вскоре потом и мосты учреждены были и к радости армии соединились.

Император с неудовольствием получил известие об отъезде фельдмаршала из армии, весьма обрадован был приобретенными под Пултуском успехами. Фельдмаршалу впредь до повеления назначено пребывание в городе Гродно. Обе армии составлены в одну под начальством генерала барона Беннингсена, а граф Буксгевден отозван в Россию. Армия обрадована была известием, ибо он не приобрел привязанности войск. Может быть немногие знали и ум и способности

ограниченные сего начальника, но гордость несносная и грубости слишком чувствительны были каждому.

1807. Главнокомандующий получил приказание вступить в Пруссию, и армия в самых последних числах декабря пошла по направлению на Кольно, Бялу, Иоганнесбург и далее. Составлены три передовые отряда: из коих сильнейший дан в команду генерал-майора Маркова⁵⁸, другие два поручены генерал-майорам Баркляу де Толли⁵⁹ и Багговуту⁶⁰. Авангарду генерал-майора Маркова, в котором определен я начальником артиллерии, назначено следовать на Арис, Рейн, Растенбург, Рессель — до Гейльсберга. Армия в близком расстоянии двинулась по тому же направлению.

Слышно было, что неприятель левым крылом своим потянулся также в Пруссию. В скором времени около Николайкена и Зеебурга появились конные его партии для наблюдения за движениями нашими. От нас отряжены таковые же, и они при помощи жителей, в земле малооткрытой, изрезанной множеством озер, приносили большую пользу. В Николайкене схватили они несколько человек.

Генваря 12-го числа авангард, прибывши в селение Эльдиттен, узнал от жителей, что в городе Либштадте расположен отряд французских войск, от которого не более получаса назад приходил в селение разъезд для узнания, нет ли о русских каких-либо слухов. Мы в сей день сделали довольно большой переход, и потому генерал Марков, дабы употребить людей менее усталых, приказал вызвать охотников. Большое число объявили себя таковыми, но когда предложено было 5-му егерскому полку, и люди узнали, что идет сам шеф полковник Гогель, общий отзыв был, что не останется ни один человек, равно все идти желают, и, не сделав даже привала, полк выступил немедленно. Я упросил послать два орудия и с ними пошел сам, чтобы свидетелем быть происшествия. В двух верстах от Либштадта возвышенности, которые должны мы были проходить, открыли нас неприятелю, и тотчас по городской стене и в воротах начала пехота приуготовляться к обороне, но приметно было, что она не в большом количестве. Егеря наши, заняв прилежащее к городу кладбище, вошли в перестрелку, а между тем приспела и линейная пехота и расположилась против ворот, от которых продолжалась главная улица. Полковник Юрковский⁶¹ с двумя эскадронами Елисаветградского гусарского полка вор-

вался в город с боковой стороны оною, и в то же время пехота ударила в штыки. Неприятель приведен был в замешательство, и столпясь в тесных и кривых улицах, потерпел большой урон, а те, кои бежали из города, ожидаемы были казаками храброго подполковника Сысоева, который стремительно их преследовал. Из пушек наших не сделано ни одного выстрела. В плен досталось нам 22 штаб- и обер-офицера и более 300 человек нижних чинов. Гусарский красный полк, неизвестно почему называемый просто Парижским, почти истреблен при сем случае. Оставивши в городе небольшой кавалерийский пост, генерал Марков возвратил полки в селение Эльдиттен, где утомленным войскам готова была пища и покойный ночлег. Мы в сии сутки в походе и действии были 16 часов.

По диспозиции из главной квартиры 13 генваря авангарду назначен ночлег в городке Морунген, и мы выступили с рассветом. Впереди с Елисаветградским гусарским и двумя донскими полками полковник Юрковский, прогоняя перед собою неприятельские пикеты только лишь взошел на хребет небольших возвышенностей, у подошвы коих оканчивается пространная равнина, в которой лежит Морунген: увидел он устроенного в боевой порядок неприятеля довольно сильного. Полковник Юрковский имел неосторожность спуститься в равнину, и неприятель встретил его своею кавалериею. Прибыл ускоривший движение авангард и нашел, что теснимый превосходною кавалериею отступает он к одной мызе, в которой прямая улица могла быть обстреливаема неприятельскою артиллериею. Немедленно привел я конную свою роту, и превосходством огня и преимуществом возвышенного местоположения, отогнав батарею, доставил я нашей коннице удобное отступление. Ей приказано расположиться позади войск, часть же казаков, рассыпавшись в равнине, производила перестрелку. Генерал-майор Марков войска авангарда устроил на возвышенностях. Неприятель повел атаку на левый наш фланг. Колонна пехоты двинулась к мызе (о которой сказано выше), и дабы менее испытывать действия артиллерии, взяла направление через озеро, прилежащее с правой стороны и покрытое весьма твердым льдом. Заняв мызу, пехота расположилась в саду, окруженном высоким забором и рвом. Обнаженные деревья открыли небольшое число стрелков наших, они немедленно выгнаны, и ружейный огонь неприятеле-

ля вредил нашим линиям. Полковнику Вуичу с 25-м егерским полком приказано было ударить на неприятеля. Полк сей, сформированный пред самою войною и не познакомившийся с опасностями, расстроился при переходе чрез ров и не мог удержаться; некоторые из храбрейших перелезли чрез ограду, но не будучи поддержаны, остались на месте. Тогда шесть рот Екатеринославского гренадерского полка с храбрым майором Фишером и две роты 5-го егерского полка бросились вперед, не сделав выстрела, перелезли забор и почти всех бывших в саду и мызе истребили. При сем случае взято знамя 9-го полка легкой пехоты*, которого малые весьма остатки спаслись бегством к озеру. В сие время Донского полка подполковник Малахов дал знать, что в расстоянии восьми верст открыл он неприятеля, который имел много пехоты и большие орудия, а в трех верстах от правого фланга осмотрел залегшую в скрытых местах пехоту от полутора до двух тысяч человек. Всего более неприятно было сие последнее известие, ибо к сей стороне лежала единственная дорога, по которой могли мы отступить.

Не прошло и двух часов, как увидели мы на расстоянии двух пушечных выстрелов по дороге от местечка Голланд выходящую из лесу пехоту. Против правого фланга нашего, устроясь в боевой порядок, прикрытая кавалериею, начала она продвигаться вперед. Схваченные фланкеры показали, что прибывшие войска составляли корпус маршала Бернадотта, им лично предводимый. За час до сего могли мы отойти безопасно, пропуская время, едва можно было надеяться спастись, хотя бы и с большим уроном. Открытые отовсюду, не могли мы обмануть неприятеля насчет сил наших и заставить его действовать с осторожностью. При первом взгляде мог он видеть, что мы не в состоянии были противиться силам его, по крайней мере втрое превосходным. Колонны его двинулись отовсюду против занимаемых нами возвышенностей, и хотя некоторые опрокинуты картечным огнем и штыками, свежие войска возобновляли немедленно нападение, и мы, принуждены будучи уступить, не могли уже удержаться. Несколько баталионов, находившихся на правом фланге, недалеко от дороги, пошли на селение Георгиенталь, которое неприятель не

* Знамя сие во время Республики дано за храбрость полубригаде, которая именована l'insomprable (несравненная — фр.).

успел занять значительными силами, но одними стрелками от той пехоты, которая открыта была подполковником Малаховым, и потому они не могли быть остановлены. С семи батальонами отправился генерал Марков. Неприятель под сильным огнем своих батарей теснил остальную часть авангарда, и мы отступали шаг за шагом. Артиллерия наша не делала других выстрелов, кроме картечных. Уже было очень темно, когда вошли мы в лес, и тогда неприятель прекратил преследование, вероятно в надежде иметь нас на другой день в своих руках. По отбытии генерала Маркова не оставалось другого генерала, и потому полковники Турчанинов (Павел Петрович), Вуич и я явились в команду старшего полковника Юрковского. Первое старание наше было отыскать дорогу, и я не менее других заботился о том, дабы не иметь стыда потерять более двадцати орудий артиллерии; но, встречая по лесу или глубокие снега или незамерзшие болота, мы не находили средства выйти. Командир Донского полка храбрый Сысоев отыскал место, по которому артиллерия могла довольно удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко от неприятельского бивуака при селении Георгиенталь. Конечно, средство сие спасти артиллерию было сомнительно, но как не было другого, то решились мы испытать его. В следовании мимо бивуака французы произвели по нас ружейный огонь, и мы имели несколько раненых людей, но далее мы шли в совершенной безопасности. Вскоре нашли мы кавалерию, бывшую в команде генерала Анрепа, вместе с которою возвратились в Либштадт.

Главкомандующий в сей день назначил в подкрепление авангарду кавалерию генерала Анрепа. Поздно дошло до него приказание, но он, желая поправить то скоростию, шел на рысях. В расстоянии полутора мили от места сражения встретился он с генералом Марковым, который уверял его, что дело уже кончено, войска наши отступают беспрепятственно, и что уже ничего не застанет. Генерал Анреп не умел согласить уверения генерала Маркова с сильною пушечною пальбою, которую он слышал, и приказал полкам ускорить движение. В селении Георгиенталь нашел он сильную пехоту неприятельскую; фланкеры его начали перестрелку: а он лишь только выехал на пригорок, дабы удобнее сделать обозрение, убит ружейным вы-

стрелом в голову. Судя по времени, можно уже было начать что-нибудь важное, и невозможно уже было подать помощь авангарду, а потому и обозрение, им принятое, бесполезно было.

Удивительно весьма, что неприятель не возбранил нам путь мимо его лагеря, что мог сделать не подвергаясь большой потери, и мы, конечно, оставили бы всю артиллерию.

В Либштадте, в доме Амтманна нашли мы генерал-майора Маркова, покойно спящего после хорошего ужина, и с ним несколько спутников, которые все съели, ничего нам не оставляя, как будто мы уже не должны были возвратиться. В утешение голодному оставалась любоваться пригожим станом и прелестными глазами жены Амтманна, но как я был герой, совершивший ретираду, то и не был я удостоен взгляда, который, как мне сказали, мог принадлежать победителю и с самым сердцем. Побежденные не налагают контрибуций! Генерал Марков как человек весьма ловкий не показал удивления, видя нас возвратившихся, как будто мы только что исполнили его распоряжения. Мы заплатили ему столь же малым удивлением, когда через час времени приехал генерал-лейтенант князь Багратион принять от него начальство над авангардом. Под Морунгеном имели мы большой урон, и Псковский мушкетерский полк потерял одно орудие из полуроты, при нем состоявшей. В авангарде было под ружьем 5400 человек, неприятель имел 19 000 войск.

Надобно заметить, что по дислокации в сей день самые отдаленные от Морунгена войска находились в трех милях, и никто не пришел к нам на помощь. В главной квартире слышали пушечные выстрелы, и один генерал Анреп поспешал к нам, но и то потому, что ему назначен был ночлег в селении Георгиенталь.

От дивизии генерал-лейтенанта князя Голицына, по прибытии ее на место ночлега, послано было несколько эскадронов разведать о канонаде. С ними отправился генерал-майор Пален, и звук пушек привел его к Морунгену в то время, как неприятель, наступая на нас, отдалился от города. Граф Пален вскакал в Морунген прямо к квартире, занятой для маршала Бернадотта, захватил его обоз, взял секретаря и собранную контрибуцию с некоторых городов Пруссии. Найден был готовый ужин, ожидавший победителя. Граф Пален имел время удалиться от неприятельской конницы,

посланной против него с поля сражения. Вот доказательство, что могли бы и другие войска, взяв участие в сражении, кончить оное блистательною победою. Генерал князь Голицын не ближе многих других был от Морунгена. Не надобно было случиться, что в сей день все войска вообще выступили с ночлега позже обыкновенного.

Генерал Марков посылал несколько офицеров в главную квартиру, но никакого не получил ответа, и не последовало особенного распоряжения, вероятно потому, что главнокомандующий не имел достоверных о неприятеле известий.

14-го числа генваря к девяти часам утра собралось к Либштадту по крайней мере до 50 000 человек, и мы ожидали нападения на твердую позицию, занятую нами на крутых высотах, прилежащих к городу, тогда как неприятель, лучше извещенный, оставив Морунген, отступал постепенно далее.

Авангарду князя Багратиона приказано идти вперед, и мы ночевали в Морунгене, из которого незадолго вышли последние войска неприятеля.

Выступив перед рассветом 15-го числа, около селения Зонненвальд догнали мы неприятеля, но он не держался, разменявшись со мною несколькими пушечными выстрелами. Далее в местечке Любешиль передовые войска авангарда застав маршала Бернадотта⁶² обедающего, и без гасконской лжи можно похвастать оказанным в сем случае проворством. Найдены разбросанные в торопливости на полу салфетки, и кушанье еще не остыло. Имея в виду неприятеля, дошли мы, прогоняя его, до города Дейч-Эйлау, передовые наши посты распространились до местечка Неймарк, где неприятель, истребивши мост, остановил дальнейшее наше следование.

Авангард расположился на квартирах и отдыхал при изобильном продовольствии из Эльбингской провинции. Армия вся следовала за авангардом по одной дороге.

Главнокомандующий передовыми постами полковник Юрковский препроводил князю Багратиону перехваченного курьера от Наполеона к маршалу Бернадотту с повелением прекратить отступление, которое до сего времени нужно для того было, чтобы армию нашу отвлечь за собою по направлению на Грауденц, а что между тем Наполеон соберет всю свою армию у местеч-

ка Алленштейн 2-го числа февраля нового стиля и со всеми силами нападет на растянутую нашу армию.

Особенное счастье дало нам в руки сего курьера, ибо иначе следовавшая по одной дороге наша армия, не в состоянии будучи собраться скоро, или разбита была бы по частям или, по крайней мере, разрезана будучи в котором-нибудь пункте, понуждена к отступлению, удаляясь от своей операционной линии и всех сделанных запасов. В сем последнем предположении спаслась бы одна та часть войск, которая до того недалеко перешла Либштадт; все прочие, оторванные от сообщений с Россиею и непременно отброшенные к морю, подверглись бы бедственным следствиям или необходимости положить оружие.

Предприятие Наполеона, сколько впрочем ни хорошо соображенное и на правдоподобном расчете основанное, не должно было иначе исполниться, как от совершенной и едва ли извинительной неосторожности с нашей стороны.

Когда из Остроленки армия наша вошла в Пруссию, мы оставили неприятеля близ реки Нарева, и по скорости движения нашего к Либштадту и далее к Дейч-Эйлау не мог неприятель иначе собраться с своими силами, как на нашем левом фланге. Корпус маршала Бернадотта до того действовал отдельно и с главною армиею не соединился, а потому не мог свидетельствовать присутствия всех сил неприятельских, следовательно, до точного о них известия не надлежало предпринимать движение к Дейч-Эйлау. Если в предмете было истребление корпуса маршала Бернадотта, случай представился в Морунгене, но конечно уже не далее одного, ибо он бежал сколько можно поспешно, но впрочем, если бы и то возможно было, то не все силы армии были для того потребны.

Князь Багратион отправил перехваченные бумаги к главнокомандующему, и как уже оставалось не более двух суток до назначенного Наполеоном, то, не ожидая разрешения, разделил он авангард для скорейшего движения на две колонны, из коих одна пошла на Бергфриде, другая в команде генерала Маркова чрез Остероде; в сей последней находился я с большею частию артиллерии, и мы, пройдя 26 часов и сделав два привала, по три часа каждый, прибыли 1-го числа февраля нового стиля весьма поздно вечером к селению Янково, в малом расстоянии от Алленштейна. Тут присоедини-

лась к нам другая колонна, и обеим приказано остановиться до повеления.

В сей день части 8-й дивизии под командою генерал-майора графа Каменского (Николая Михайловича)⁶³ и 3-й дивизии с генерал-майором Титовым имели небольшое и по неудобству местоположения невыгодное для них дело. Канонада с обеих сторон была сильная.

Утро 22-го числа генваря открыло нам сильную неприятельскую армию, и наша стояла, готовая к бою.

Неприятель поражен был внезапным сим явлением, ибо конечно не ожидал, чтобы могли мы собраться со всеми силами. Он не решился атаковать нас, а главнокомандующий, имея нужду сблизиться со своими магазинами, дал армии приказание отступить, и она с настоящим (наступившим.— *Сост.*) вечером двинулась по направлению на местечко Ландсберг.

Авангард, к которому с некоторого времени присоединен был отряд войск генерал-майора Багговута, выступил с рассветом. Он по диспозиции назначен прикрывать движение колонны, составленной из всех батарейных рот нашей артиллерии, к которой присоединена прусская. Странно весьма было распоряжение, что фланговая и самая ближайшая к неприятелю колонна состояла из артиллерии, которой утомленные лошади чрезвычайно умедливали движение.

Авангард в скором времени догнал ее и должен был расположиться в позиции, чтобы дать ей время удалиться и свободную иметь к отступлению дорогу. Неприятель не прежде начал преследование, как пред полуднем, и хотя довольно сильно, но авангард перешел небольшое расстояние. Генерал-майор Багговут с частью войск имел горячую сшибку при селении Варлак.

24-го числа генваря с самого утра догнал нас неприятель и в таких силах, что с трудом можно было удержать некоторый порядок при отступлении. При селении Вольфсдорф неприятель стремительно напал на нашу позицию, и одно действие штыками левый наш фланг поставило в возможность противиться, хотя впрочем с некоторою потерею. 7-я дивизия генерал-лейтенанта Дохтурова, которую закрывал арриергард, шла в большом беспорядке, обозы ее стесняли позади дорогу, и мы, беспрестанно занимая позиции и весьма мало удаляясь, дрались до самой глубокой ночи. Проходя лес в темноте, смешались мы до такой степени, что по одному крику можно было или распознавать

неприятеля или своим собраться. Генерал-майор граф Ламберт⁶⁴, думая собрать разбросанных по лесу наших стрелков, подъехал к французским и едва было не попался в руки их.

Артиллерия во весь день была в ужасном огне, и если бы перебитых лошадей не заменяли гусары отнятыми у неприятеля, я должен был бы потерять несколько орудий. Конную мою роту, как наиболее подвижную, употреблял я наиболее. Нельзя было обойтись без ее содействия в лесу, и даже ночью она направляла свои выстрелы или на крик неприятеля или на звук его барабана. Войска были ею чрезвычайно довольны, и князь Багратион отозвался с особенною похвалою. Урон наш во весь день был весьма значителен и по крайней мере равен неприятельскому. Против нас дрался корпус маршала Даву⁶⁵. Отряд генерал-майора Барклая де Толли преследовал корпус маршала Сульта⁶⁶, но действие большею частию происходило стрелками.

25-го числа генваря выступили мы пред рассветом, чтобы прежде, нежели начнет неприятель преследование, успеть пройти соединение дорог, по коим отходили арриергард и отряд генерала Барклая де Толли, что и удалось по желанию. От соединения дорог арриергард князя Багратиона следовал в местечко Ландсберг проселочною и мало битую дорогою, а туда же, но по большой дороге, чрез деревню Гоф отправился отряд генерала Барклая де Толли. Не прошло одного часу, как показались корпуса обоих маршалов. За арриергардом пошла небольшая часть войск и, малое пройдя расстояние, скрылась, и в тот день арриергард остался совершенно покойным, что ему, утомленному действием прошедших дней, было необходимо. У местечка Ландсберга присоединились мы к армии, которая стояла в боевом порядке.

Совсем не в том положении был отряд генерала Барклая де Толли. Против него соединились оба маршала с силами в пять раз превосходными. Ему оставалось отходить поспешнее, но он предпочел удерживать неприятеля; занимая позиции, принуждаем будучи оставлять оные, не всегда мог он то делать в порядке, и таким образом, потерявши множество людей и в положении весьма расстроенном, достиг он селения Гоф, лежащего в виду нашей армии. Тут он остановился, но выбрал для войск весьма порочную позицию. Селение Гоф простирается по долине, стесненной с обеих

сторон крутыми возвышенностями. Он оставил его в тылу своем, и тогда как в продолжение дня неприятель беспокоил его многочисленною своею кавалерию, он усталую свою конницу расположил впереди селения, и ей не было другого отступления, как вдоль тесной улицы оною.

Пехоту, которую гораздо выгоднее было поместить в селении и окружающих его огородах, обнесенных забором, он растянул линиями вне оною, и она иначе не могла отступить, как чрез селение, ибо по сторонам оною лежал довольно глубокий снег. Из сего произошло, что неприятель при первых атаках на нашу конницу опрокинул ее на пехоту и на батареи. Одна из сих последних схвачена им мгновенно. Начальник другой батареи поручик Марков, рассыпав картечью подавляющий его Ольвиопольский гусарский полк, остановил неприятеля, его преследующего, и обратил с уроном. Пехота на сей раз отразила с твердостью нападение. Неприятельская конница проникла до самых ее линий. В непродолжительном времени неприятель сделал новое покушение и с лучшим успехом. Днепровский и Костромской мушкетерские полки противостояли атаке кавалерии, но утомленные трудами целого дня, недолго сохранили надлежащую твердость, и приведенные в беспорядок, уступили место и, по крайней мере, половина людей изрублена. Взяты знамена и состоящие при полках пушки. Люди, которые успели укрыться за оградю садов, и егерские полки, при начале сражения в огородах расположенные, весьма ничтожную имели потерю. Сие служит доказательством, сколь велика погрешность в расположении линейной пехоты на открытом месте, когда надлежало всеми пользоваться средствами, дабы придать ей защиту. В подкреплении генералу Барклаю де Толли отправлены из армии пять батальонов пехоты под команду генерал-майора князя Долгорукова (Василия Юрьевича), но средства сии недостаточны при всеобщем замешательстве, и его батальоны не менее рассеяны и много потерпели. Стесненные войска при отступлении чрез селение Гоф подверглись ужаснейшему действию неприятельской артиллерии. Неустрашимый генерал Барклай де Толли, презирая опасность, всюду находился сам; но сие сражение не приносит чести его распорядительности; конечно, не мудрено было сделать что-нибудь лучшее!

Вместе с поздним вечером окончившееся сражение

не допустило неприятеля беспокоить армию, расположенную при Ландсберге. Главнокомандующий рассудил за благо оставить занимаемую ею позицию по причине весьма важных в ней недостатков. Место не было довольно обширно, и войска не имели свободного размещения.

Вторая линия от первой отделена речкою, в крутых берегах протекающею, которая несмотря на сильные морозы не замерзла и чрезвычайно затрудняла сообщение. Правый фланг прилегал к лесу, и часть даже самого фронта была им охвачена, что должно было подвергнуть невыгодному употреблению стрелков, которых французы превосходят в искусстве. Близость леса препятствовала выгодному действию артиллерии и закрывала движение неприятеля. Для отступления предлежали две дороги, и обе с оконечности левого фланга: одна чрез гору, которой крутой въезд сделался от морозов невозможным, другая чрез тесные ворота по кривым и тесным улицам Ландсберга, что не могло пройти без расстройства войск и большой потери.

В ночи на 26-е генваря дивизия генерала Тучкова 1-го начала отступление чрез гору, которое нерадиво исполняя, долго задерживала позади идущие войска. Колонны чрез Ландсберг направленные, мало заботясь о соблюдении порядка, так смешались в тесных улицах, что не без труда выпроводили их из местечка, и сколь ни продолжительна зимняя ночь, но пред рассветом оставались еще войска, которые не отступили, ибо впереди не подвигались. Легко представить можно положение арриергарда, остающегося в виду большей части французской армии, и который не иначе должен был отступать, как шаг за шагом, дабы не только дать время армии удалиться, но даже стать в боевой порядок, ибо главнокомандующий объявил начальникам войск, чтобы готовились к генеральному сражению, и что армия делает последний переход назад.

Отряд генерала Баркляя де Толли отступил вместе с армиею.

Арриергард князя Багратиона в прежнем числе войск оставлен пред входом в Ландсберг. Чрез час после рассвета арриергард, пройдя Ландсберг, расположился в ближайшей к нему позиции, в местечке оставлен был сильный отряд пехоты и у ворот несколько орудий. Спустя довольно долгое время в больших силах неприятель приблизился к местечку, и отвлекая внимание ка-

нонадою, двинул гораздо большие силы на правый наш фланг. Обратившись против оных и способствуемы местоположением, долго дрались мы упорно; наконец быстро перешли поле, отделявшее нас от леса. Вслед за нашею пехотою неприятель вошел в Ландсберг, и его армия в глазах наших стала собираться на прежней нашей позиции. Видно было, что в сей день не с одним неприятельским авангардом предстояло нам дело, но, к счастью нашему, пространство между Ландсбергом и Прейсиш-Эйлау по большей части покрыто частым лесом. Князь Багратион отпустил назад всю кавалерию и часть артиллерии, дабы свободнее быть в движениях. Все егерские полки соединены вместе, линейная пехота составляла подкрепление. До одиннадцати часов утра дрались мы с умеренною потерею, но по дороге нашедши разбросанные бочки с вином, которые идущие при армии маркитанты оставляли для облегчения своих повозок, спасая более дорогой товар, невозможно было удержать людей, которых усталость и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков до того сделались пьяны, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка. Они останавливались толпами там, где не надобно было, шли вперед, когда нужно отступить поспешнее. Неприятель, приметив замешательство, напал решительнее, охватывал по возможности более пространства, и не было в лесу тропинки, на которой бы не появлялся; в защиту пьяных надлежало употребить артиллерию, и движения сделались медленнее. Храбрые генералы граф Пален и граф Ламберт употребляли кавалерию, заменяя их; но невозможно было отвести их назад, и мы теряли их во множестве и убитыми и пленными. Приближаясь к местечку Прейсиш-Эйлау, арриергард вышел на открытые места, и ему показана позиция, которая заслоняла собою местечко, позади которого на обширной равнине армия наша устраивалась в боевой порядок. В подкрепление арриергарду прислано несколько полков от 8-й дивизии и полки конницы. Мы расположились по обеим сторонам дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудиями занял я хребет довольно крутых возвышений на левом фланге. К подошве оных простиралась долина, по коей должен был проходить неприятель; стрелки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правом фланге была часть кавалерии, большая часть оной поставлена

назади. Неприятель, устроив на противоположной высоте батареи, открыл сильную канонаду, на которую ответствовано изредка, по разности калибров, ибо не имел я ни одного батарейного орудия. Во многих пунктах спустились с высоты неприятельские колонны, но действием более сорока орудий остановлены некоторые и с приметною потерею обращены картечью. Около двух часов имели мы выгоды на нашей стороне; наконец двинулся неприятель большими силами; идущие впереди три колонны направлены одна по большой дороге, где у нас мало было пехоты, другая против Псковского и Софийского мушкетерских полков, и третья против моей батареи из 24-х орудий. Шедшая по большой дороге проходила с удобностию и угрожала взять в тыл твердейший пункт нашей позиции. Прочие медленно приближались по причине глубокого снега, лежащего на равнине, и долго были под картечными выстрелами. Однако же дошла одна, хотя весьма расстроенная, и легла от штыков Псковского и Софийского полков, другая положила тела свои недалеко от фронта моей батареи. Полковник Дегтярев с Санкт-Петербургским драгунским полком пошел против колонны, следующей по большой дороге, которая, дабы отнять у кавалерии выгоду скорости движения по битой дороге, стала сходить в сторону на глубокий снег. Торопливость была причиною расстройства; полк им воспользовался, и испытал слабый ружейный огонь, имел наградою за смелое предприятие одного орла и пятьсот пленных. Столько же, по крайней мере, убито, и в числе их генерал, начальствовавший колонною.

Мне не случалось видеть столько решительной кавалерийской атаки; не менее удивлен я был, видевши, как полк, не расстроившись, быстро спустился с крутой, покрытой снегом, высоты, с которой несколько раз до того съезжал, и с осторожностью. Недолго пользовались мы приобретенными успехами, ибо неприятель атаковал гораздо в больших силах; умножились батареи, которые покровительствовали движению колонн, и мы, не в состоянии будучи противиться, получили приказание отступить и присоединиться к армии. Неприятель тотчас явился на нашей позиции и по следам шел за нами. Удачно исполнил я приказание с конными орудиями прикрывать войска, пока войдут они в Прейсш-Эйлау. Лишь только вошел я в ворота, неприятель подвел свои колонны и приступил к атаке местечка,

которого оборона возложена на генерала Баркляя де Толли, и отряд его умножен свежими войсками. Несообразность сил не позволила извлечь пользу из стен и заборов, окружающих местечко; стрелки неприятельские явились на них, вредили в улицах и толпами спускались в ближайшие дома. Не раз наша пехота выгоняла их штыками, и местечко сохранили мы во власти до тех пор, как храбрый генерал Барклай де Толли получил тяжелую рану. Ослабленный уроном его отряд оставил неприятелю местечко, удерживаясь в одной части оною. Бригадный командир 4-й дивизии генерал-майор Сомов приспел с подкреплением, штурмовал дома, вырезал засевших в них и возвратил местечко, но имел неблагоразумие ударить в сбор в задней части оною, и по мере того, как на звук барабана стекались войска, оставляя занятые места, где войска наши, собираясь, не имели еще времени устроиться в порядок. Появление неприятеля произвело замешательство, карточные выстрелы его умножили, а темнота ночи довершила. Местечко оставлено и к чувствительному урону в людях прибавлена потеря нескольких пушек.

Обстоятельство сие понудило главнокомандующего переменить боевой порядок армии, и в продолжение ночи она приняла совсем другой вид расположения. Он и потому считал сие нужным, что примечено было, как неприятель по овладении высотами, где дрался арриергард, особенною колонною кавалерии произвел обозрение нашей позиции.

Настало 27-е число генваря, и сражение при Прейсиш-Эйлау было одно из кровопролитнейших в последние времена. Из описаний оною можно видеть все подробности происшествий. Я скажу вкратце о некоторых и о невыгодах нашего расположения. Главный недостаток состоял в том, что весь левый фланг имел против себя высоты, где неприятель поставил свою артиллерию, за ними скрывал свои движения, сосредоточивал свои силы, и трудно было отвращать нападение их, от чего при самом начале мы потеряли некоторое расстояние. По причине близких позади лесов нельзя было отодвинуться далее. Местечко Прейсиш-Эйлау, занимая большое пространство, способствовало неприятелю скрытным образом приблизиться к самому нашему центру, в защиту которого по необходимости надлежало употребить большое количество батарейной артиллерии и держать постоянно на одном месте. Правый фланг был совершенно

в пользу нашу, ибо впереди простиралась обширная равнина болотистая, для действия неудобная, на которой показывались одни стрелки. Непонятно, как генерал-квартирмейстер не знал о сем болоте, и следствием того было, что не менее 12 000 войск стояли бесполезно, ограничиваясь пустою перестрелкою против отдаленных батарей, тогда как войска сии во многих местах были необходимее. И я между прочим стоял с двумя конно-армейским ротами, до полудня стреляя изредка и без нужды.

Неприятель сделал несколько бесполезных атак на центр наш, уступая действию 60 поставленных вместе орудий. Нападение на левый фланг было успешнее. Не остановили его благоразумные распоряжения генерала барона Сакена, ни сопротивление неустрашимого генерал-майора графа Остермана-Толстого. Левый фланг отошел назад и составил почти прямой угол с линиею армии. Около одиннадцати часов густой снег затмил свет, и действия прекратились на четверть часа. В сие время обманутые темнотою два эскадрона французских гвардейских кирасир заехали между наших линий пехоты и конницы, и едва из них некоторые спаслись. Рассеявшийся мрак открыл пред 7-ю дивизию колонну французской пехоты во ста не более шагах. Внезапно представшие полки наши остановили ее в совершенном от удивления бездействии. С ужаснейшим ожесточением, изъявленным громким хохотом, Владимирский мушкетерский полк бросается в штыки, и не остается могущий оплакать гибель товарищей.

Во многих местах дрались войска наши с переменным счастьем и нигде, кроме левого фланга, на шаг не уступили им места. Между центром и левым флангом семь полков кавалерии нашей стремительным ударом опрокинули все, что было против них; пехота неприятельская, бросая ружья, спасалась в лес; уже была она на батарее, но от беспорядка в минуту потеряны успехи; и не без стыда надобно было бежать от такой части неприятельской кавалерии, которую мог остановить Александрийский гусарский полк.

Вскоре после начала сражения на правом нашем фланге слышна была в отдалении канонада. Известно было, что маршал Ней⁶⁷ преследует корпус прусских войск в команде генерала Лестока, которому главнокомандующий приказал сколько можно ранее присоединиться к армии, но чего он не выполнил. Когда

неприятель около двух часов после полудня возобновил усилия, главнокомандующий послал подтверждение, чтобы он шел сколько можно поспешнее, но между тем надобно было чем-нибудь умедлить успехи неприятеля на левом нашем крыле. Посланная туда 8-я дивизия отозвана к центру, где необходимо было умножение сил; резервы наши давно уже были в действии. Итак, мне приказано идти туда с двумя конными ротами. Дежурный генерал-лейтенант граф Толстой махнул рукою влево, и я должен был принять сие за направление. Я не знал, с каким намерением я туда отправляюсь, кого там найду, к кому поступаю под начальство. Присоединив еще одну роту конной артиллерии, прибыл я на обширное поле на оконечности левого фланга, где слабые остатки войск едва держались против превосходного неприятеля, который подвинулся вправо, занял высоты батареями и одну мызу почти уже в тылу войск наших. Я зажег сию последнюю и выгнал пехоту, которая вредила мне своими выстрелами. Против батарей начал я канонаду и сохранил место своей около двух часов. Тогда начал приближаться корпус генерала Лестока, в голове колонны шли два наши полка, Калужский и Выборгский, направляясь на оконечность неприятельского фланга. Против меня стали реже выстрелы, и я увидел большую часть орудий, обратившихся на генерала Лестока. Я подвигал на людях мою батарею всякий раз, как она покрывалась дымом, отослал назад передки орудий и всех лошадей, начиная с моей собственной, объявил людям, что об отступлении помышлять не должно. Я подошел почти под выстрелы и все внимание обращал на дорогу, лежащую у подошвы возвышения, по которой неприятель усиливался провести свою пехоту, ибо по причине глубокого снега нельзя было пройти стороною. Картечными выстрелами из тридцати орудий всякий раз обращал я его с большим уроном. Словом, до конца сражения не прошел он мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо генерал Лесток, встретив умеренные силы, опрокинул их, обошел высоту и батареи, которые неприятель, оставив во власти его, предался совершенному бегству, и мрачная ночь покрыла поле сражения. Главнокомандующий, желая видеть ближе действия генерала Лестока, был на левом фланге и удивлен был, нашедши от моих рот всех лошадей, все передки и ни одного орудия; узнавши о причине, был чрезвычайно доволен.

Корпус маршала Нея, преследуя войска генерала Лестока, на самой почти дороге, идущей в Кёнигсберг, в тылу нашей армии занял одно селение большим отрядом войск. Генерал-адъютанту князю Долгорукому с Таврическим гренадерским полком приказано его выгнать. Два раза будучи отбит, когда прислал он донесение об упорной защите, неприятель неприметным образом оставил селение, думать надобно, следуя общему отступлению.

Армия наша в ту же ночь пошла к Кёнигсбергу. Атаману Платову, прибывшему за день до того с Войском Донским, приказано остаться на месте сражения.

Неприятель тогда же с поспешностью отступил, и в продолжение ночи арриергард его дошел до местечка Ландсберга. Обозревши на другой день, что армия наша оставила Прейсиш-Эйлау, он возвратился, чтобы собрать брошенные им орудия и тяжести. Мы вскоре узнали достоверно, что в день сражения всюду отправлены были курьеры с приказанием вывозить госпитали, комиссариат и кассы армии. После сего наглость и бесстыдство Наполеона приписали Прейсиш-Эйлавскую баталию к числу им выигранных⁶⁸!

Главнокомандующий хотел тотчас после сражения преследовать неприятеля, и о том объявлено было частным начальникам, но невозможно было скоро собрать рассеянные на большом пространстве войска; к тому же они чрезвычайно были утомлены и обессилены большою потерею. Известно было, что Наполеон имел войска, не участвовавшие в сражении, состоявшие в корпусе маршала Бернадотта, и при таком превосходстве способов можно было усомниться в успехе с нашей стороны. Сверх того самый недостаток продовольствия не допускал никакого предприятия. Не избежал однако же главнокомандующий порицаний; и как не менее рассуждают те, кои не имеют понятия о вещах, то много было обвиняющих.

Армия, пришедши к Кёнигсбергу, расположилась в окрестностях оного, авангард в 12 верстах впереди.

Неприятель на последнем марше к Кёнигсбергу показал малое число кавалерии, но вскоре весьма умножив оную, близко нас расположился.

В первых числах февраля отряд от авангарда разбил отделение неприятельских войск при селениях Мансфельд и Бохерсдорф. Генерал граф Ламберт отличился в сем случае особенною распорядительностию.

Замечено, что французская кавалерия была в самом изнуренном состоянии, так что два эскадрона оной, будучи принуждены отступать по озеру, попадали на льду и взяты в плен по большей части лежащими. В эскадронах не более было, как по шестидесяти человек.

Генерал князь Багратион отправлен главнокомандующим в С.-Петербург с подробным объяснением о Прейсиш-Эйлавском сражении, которое по разным интригам представлено было государю в несправедливом виде. Слышно было, что генерал-лейтенант граф Толстой посредством брата, весьма приближенного государю, доводил до сведения вымыслы, вредные главнокомандующему. Мнение было однако же в пользу последнего, и с графом Толстым ни в каком отношении не сравнивали.

Менее двух недель пробывши около Кёнигсберга, армия выступила вперед. Авангард в команде генерал-майора Маркова в два перехода прибыл к Прейсиш-Эйлау. Его подкреплял с кавалериею генерал князь Голицын.

С любопытством осматривал я поле сражения.

Я ужаснулся, увидевши число тел на местах, где стояли наши линии, но я более нашел их там, где были войска неприятеля, и особенно, где стеснялись (т. е. плотно, тесно стояли. — *Сост.*) его колонны, готовясь к нападению, не взирая, что в продолжение нескольких дней приказано было жителям местечка (как то они сами сказывали) тела французов отвозить в ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать в землю замерзлую. Как артиллерийский офицер примечал я действие наших батарей и был доволен. В местечке не было целого дома; сожжен квартал, где, по словам жителей, сносились раненые, причем много их истреблено.

При нашем приближении к Прейсиш-Эйлау неприятель тотчас вышел. Поспешное его отступление свидетельствовали разбросанные во множестве обозы, снаряды и лазареты с ранеными и больными. Сильная оттепель сделала дороги непроходимыми, и как в подобных случаях терпит наиболее отступающий, то французы в городах и селениях оставили все свои лазареты.

Прибывши в Ландсберг, нашли мы госпиталь офицерский, и к удивлению их, они видели в нас гораздо большее о них пощечение. Многие по несколько дней были не перевязаны. Хозяин моей квартиры, знающий французский язык, сказывал, что он слышал француз-

ских офицеров, рассуждающих, в каком состоянии была армия их, когда после сражения в ту же ночь прошла она Ландсберг. Они говорили, что если бы не корпус маршала Бернадотта, не бывший в деле, который оставлен был в арриергарде, то некому было бы прикрыть отступление, ибо войска были в ужаснейшем беспорядке и число мародеров неимоверное. Во многих корпусах недоставало снарядов. Арриергард также ночью пришел в позицию к Ландсбергу.

Авангард наш пришел быстро до селения Аренсдорф, отряд от оного был в Гутштатте. Атаман Платов с своими казаками, баталионом гусар и баталионом егерей стоял у селения Бенерн. Генерал граф Пален находился у одной из переправ чрез реку Пасаргу, содержа сообщение арриергарда с местечком Ворсмит, куда с отрядом послан полковник Виуч. Дивизия барона Сакена, ближайшая к авангарду, занимала селение Лаунау. Прочие войска приближались к городу Гейльсбергу и его окрестностям; главная квартира располагалась в Бартенштейне.

Неприятель был за рекою Пасаргою; главная квартира Наполеона в местечке Остероде. 18 числа февраля неприятель, собравшись на правом своем фланге, перешел Пасаргу и в одно время показался в силах перед Гутштаттом и против Аренсдорфа. Сие последнее место оставили мы поспешно, но уже не могли соединиться ни с атаманом Платовым, ни с генералом графом Паленом. Генерал-майор Багговут не мог удержаться в Гутштатте, и неприятель, вытеснив 5-й егерский полк, вслед за ним занял селение Цехерн. При сей внезапности едва ли не потеряны были пушки. Генерал Багговут соединился в Лаунау с генералом бароном Сакеном, куда прибыл с кавалерию генерал-адъютант Уваров.

Авангард не имел к отступлению другой дороги, как мимо самых бивуаков французских при селении Петерсвальде; все другие дороги были далее и на них осмотрен неприятель. Французы не любят ночью ничего предпринимать важного, избегая беспорядка, и благодаря тому прошли мы беспрепятственно у самых бивуаков.

Авангард, пришедши в селение Лаунау, поступил в команду генерала барона Сакена, куда вскоре собрались и все отделенные отряды от авангарда, не имевшие никакого между собою сношения.

19-го числа мы были в Лаунау с большими довольно силами. Против нас находился корпус маршала Нея, коего квартира в Гутштатте. Неприятель от стороны Петерсвальде занял стрелками лес, лежащий пред самым нашим лагерем. Из Цехерна беспокоил нас он своими батареями, хорошо расположенными и окопанными. Генерал барон Сакен равномерно и с своей стороны употребил стрелков, но французы с большим навыком в сем роде действия в продолжение двух дней причинили нам весьма чувствительный урон. Почему генерал Сакен предпринял сделать во время ночи нападение на Цехерн в том предположении, что неприятель, выгнан будучи из оною, оставит Петерсвальде, и мы будем иметь пребывание выгодное и покойное. Пехота, назначенная к атаке, не довольно близко подойдя к батарее, закричала ура, пробудила неприятеля, и он приугодился к обороне. Открылся картечный и ружейный огонь; люди в голове колонны оробели и легли, задние продолжали идти и до такой степени смешались, что долго невозможно было вывести из выстрела. При сем случае было потеряно несколько офицеров и немало нижних чинов. Здесь в первый раз случилось мне видеть, что в ночное время отступающую пехоту прикрывала кавалерия. Не знаю, почему рассеявшихся людей не собрали барабаном, но подбирал их генерал граф Пален с Сумским гусарским полком. На другой день французский начальник в Цехерне прислал сказать, что он позволяет похоронить тела, и с насмешкою дано заметить, как они далеко были от батареи. Надобно было молчать; зато по обыкновению бранили возобновившего ночные экспедиции давних времен! Авангард усилен был несколькими полками, а генералу барону Сакену дано другое назначение. Генерал-майор Марков приказал против Цехерна построить батарею, которую я делал весьма прилежно, ибо до того на сем месте много потерпела моя рота. Осмотревши часть леса, которую удерживал за собою неприятель в продолжение ночи, в опушке ближайшего леса расположил я шесть орудий моей роты, и заслоня их нарубленным ельником, ожидал рассвета, когда неприятель обыкновенно приводил свою пехоту из лагеря от Петерсвальде. С самого начала дня вышла сильная колонна из лагеря и беспечно подвигалась к той части леса, где всегда на ночь оставалась небольшая часть войск. В движении своем дала она фланг моей батарее, и картечь из шести орудий на

весьма близком расстоянии произвела такое поражение в колонне, что, оставив на месте тела, колонна обратилась в поспешное бегство к лагерю, провожаемая выстрелами. Мы заняли остальную часть леса, и неприятель не покушался уже возвратить оный. Мы уже не держали в нем, как до того было, шести полков пехоты. Батареи против Цехерна часто отвечали французским и часто без пользы. Перехвачен курьер маршала Нея к начальнику главного штаба принцу Бертье⁶⁹ с известием, что русские правдоподобно намереваются удерживать позицию, ибо построили во многих местах батареи. Вскоре неприятель оставил Цехерн и Петерсвальде и, отступая в ближайший лес, устроил по опушке оногo сильные окопы.

Генерал Марков занял Цехерн двумя егерскими полками, в Петерсвальде полки ходили посменно и два эскадрона гусар. Часто бывали сшибки с французами, которые приходили в пустое селение за сухими дровами. Рота конная имени моего, много потерпевшая в делах авангарда, отправлена назад для починки и укомплектования людьми; на место ее прислана другая. Вскоре происками старших по артиллерии полковников, из которых ни один не имел ни столько большой, ни столько видной команды, мне дано приказание отправиться к моей роте. Главнокомандующему доложено, что смена назначена для того, чтобы дать мне отдохновение. Так объяснил он сам генералу князю Багратиону, который, возвратясь в сие время из С.-Петербурга, просил, чтобы меня не переменяли, и я остался у начальника, который обладал полною всех нас доверенностию.

До прибытия его к авангарду случилось неприятное весьма происшествие. Четыре полка егерей под командою генерал-майора Корфа*⁷⁰, расположенные в Петерсвальде, страшным образом лишились своего начальника. Он занимал лучший в селении дом священника, принялся за пунш, обыкновенное свое упражнение, и не заботился о безопасной страже. Гусарского офицера, присланного для разъезда, удержал у себя. Несколько человек вольтижеров, выбранных французами, в темную ночь вошли через сад в дом, провожаемые хозяином, и схватили генерала. Сделался в селении шум, бросились

* Барон Корф служил некогда в Генеральном штабе, почитаем был в числе весьма хороших офицеров; почему находился волонтером в прусской армии в кампанию 1792 года против Французской республики.

полки к ружью, произошла ничтожная перестрелка, и неприятель удалился с добычею.

Наполеон не упустил представить в бюллетене выигранное сражение и взятого в плен корпусного начальника, а дабы придать более важности победе, превознесены высокие качества и самое даже геройство барона Корфа. Но усомниться можно, чтобы до другого дня могли знать французы, кого они в руках имели, ибо у господина генерала язык не обращался. Я в состоянии думать, что если бы не было темно, то барон Корф не был бы почтен за генерала в том виде, в каком он находился, и нам не случилось бы познавать достойным своего генерала из иностранных газет.

После сего происшествия около трех месяцев продолжалось с обеих сторон совершенное бездействие; не было ни цепи стрелков, ни одного выстрела, хотя перемирия не было.

Генерал передовых французских войск предлагал князю Багратиону оставить селение Петерсвальде нейтральным, или будет оно причиною всегдашних беспокойств, и он должен будет овладеть им. Генерал князь Багратион отвечал, что он согласен; что легче сказать, нежели сделать, и доказательство того находит в его предуведомлении. Угрозы оставались в словах, а Петерсвальде за нами.

Расположенные против нас французы имели в довольствии величайший недостаток, кавалерия их отправлена назад для поправления. 27-й драгунский полк, изнуренный голодом, большею частию перебежал к нам. Не менее терпели войска авангарда; не было ни хлеба, ни соли; выдавались сухари совершенно гнилые и чрезвычайно в малом количестве. Солдаты употребляли в пищу воловьей кожи, которые две или три недели служили покрышкою шалашей; в 23-м и 24-м егерских полках начинали есть лошадей, и из последнего были большие побег.

Князь Багратион посылал меня доложить главнокомандующему о сей крайности. Даны строгие приказания, и все осталось в прежнем виде. Не понравилось дежурному по армии генерал-майору Фоку мое донесение, и я приобрел его вражду, которой подвергался я и потому, что не удивлялся весьма посредственным его способностям, тогда как уже многие находили выгоды превозносить их. По служению в артиллерии мы давно были знакомы.

Государь император прибыл к армии, и пришла гвардия под начальством цесаревича. Главная квартира императора расположилась в Бартенштейне, великого князя в Шипенбейле. Начались разводы, щегольство, и мы в авангарде с тощими желудками принялись за перестройку амуниции.

К нам прежде приехал великий князь, который со времени кампании Суворова в Италии имел к князю Багратиону дружественное расположение. Увидевши недостатки наши, он взялся заботиться об улучшении продовольствия. Первый транспорт с провиантом, по настоянию его отправленный в авангард, взят по дороге другими войсками; но всем прочим давал он свои конвои, и они доходили исправно, и чрез некоторое время от недостатка мы перешли к изобилию.

Между многими чиновниками, представленными великому князю, удостоился и я его приветствия, по засвидетельствованию князя Багратиона о моей службе. До того не был я ему известен, никогда не служивши в столице.

Вскоре приказано приготовиться к встрече государя вместе с королем прусским.

Перестроив единообразно шалаши, дали мы им опрятную наружность и лагерю вид стройности. Выбрав в полках людей менее голых, пополнили с других одежду и показали их под ружьем. Обнаженных спрятали в лесу и расположили на одной отдаленной высоте в виде аванпоста. Тут увидел я удобный способ представлять войска и как уверяют государя, что они ни в чем не имеют недостатка. Подъезжая к каждой части войск, он называл начальников по фамилии королю прусскому и между прочим сказал обо мне, что и в прежнюю кампанию доволен моей службою. Все восхищены были вниманием и благосклонностию государя. И я, не желая льстить, скажу, что он умел ободрить всех. Я был вне себя от радости, ибо не был избалован в службе приветствиями. Король прусский дал орден за достоинство (*pour le mérite*) трем штаб-офицерам*, в числе коих и я находился. Ордена сии были из первых и еще не были унижены чрезвычайным размножением.

Вышли награды за Прейсиш-Эйлауское сражение.

* Шефу 5-го егерского полка полковнику Гогелю⁷¹, мне и командующему Псковским мушкетерским полком подполковнику Лошкареву.

Вместо 3-го класса Георгия, к которому удостоен я был главнокомандующим, я получил Владимира. В действии сделан участником мне артиллерии генерал-майор граф Кутайсов. Его одно любопытство привело на мою батарею, и как я не был в его команде, то он и не мешался в мои распоряжения. Однако же, не имевши даже 4-го класса, ему дан орден Георгия 3-го класса. В реляции хотели написать его моим начальником, но генерал-квартирмейстер барон Штейнгель⁷², зная обстоятельства, тому воспрепятствовал. Князь Багратион объяснил главнокомандующему сделанную несправедливость, и он, признавая сам, что я обижен, ничего однако же не сделал. Вот продолжение тех приятностей по службе, которыми довольно часто я наделяем!

Наполеону выгодно было продолжающееся бездействие, ибо отправил он большой корпус в помощь войскам, осаждающим крепость Данциг. Корпуса маршала Даву, расположенный в Алленштейне, и маршала Нея в Гутштатте и против авангарда, были малочисленны, и от них часть конницы и артиллерии отосланы назад для прокормления. По сим причинам предположено 1-го мая атаковать корпус маршала Нея. За день до того, прибыла гвардия в Лаунау, пришли прочие войска, и все расположено к наступлению. Авангард занял лес с тем, чтобы на рассвете захватить равнину, простиравшуюся до Альткирхена, и отрезать отступление неприятеля из города Гутштатта.

Государь прибыл к войскам авангарда, осмотрел их, объехал в сопровождении главнокомандующего передовые посты, оставленные впереди Цехерна и Петерсвальде, дабы неприятель не мог подозревать о движении авангарда. Неизвестно мне, почему вдруг дано приказание отменить атаку. Государь возвратился в главную квартиру, все прочие пошли в свои прежние места, и авангард вступил в свои позиции при Лаунау.

Неприятель между тем беспрепятственно продолжал осаду Данцига, и хотя генерал-майор граф Каменский послан был с сильным отрядом пройти в крепость в помощь ослабевающему гарнизону*, но неприятель в

* Данциг защищали прусские войска, к которым генерал-майор князь Щербатов присоединен был с тремя гарнизонными батальонами и двумя казачьими полками. Войска сии выпущены по сдаче крепости с тем, чтобы не служили против французов в продолжение кампании. Генерал князь Щербатов, не согласясь на сие условие, прибыл к армии.

таких был при осаде силах, что граф Каменский был отбит с большим весьма уроном и до крепости не допущен. Предприятие имело бы полный успех, если бы ранее приведено было в исполнение. Вскоре затем по причине недостатка в снарядах и потому, что английское судно, которое с оными приходило в крепость, захвачено французами, крепость сдалась на капитуляцию.

Неприятно было известие о сдаче Данцига, и не было сомнения, что Наполеон присоединит большую часть осаждавших войск.

Я не мог узнать, что могло понудить, упустив 1-го мая время, удобное к нападению, не прежде произвести оное, как 24-го числа, когда армия неприятельская весьма усилилась. Не могло побуждать к тому ожидание сикурсов⁷³, ибо ни малейших не прибыло войск, ниже продовольствие не сделалось лучше прежнего, и мы не могли выйти на продолжительное предприятие.

Движение 24-го мая столько хорошо было соображено, что корпус маршала Нея весь должен был достаться в наши руки. Направление главных частей армии было следующее:

Авангард шел на Альткирхен и отрезывал французов в лесу, простирающемся от Петерсвальде к Гутштатту, в то время, как оставленные два полка егерей на них ударят. Действия его не должны быть решительны, дабы войскам, назначенным обойти неприятеля, дать время совершить движение.

С правой стороны генерал-лейтенант барон фон дер Остен-Сакен должен обойти неприятеля и не допустить к реке Пасарге.

С левой стороны генерал-лейтенант князь Горчаков⁷⁴, (Алексей Иванович), переправясь через реку Алле, обходит Гутштатт.

Генерал-лейтенант Дохтуров, выгнав неприятеля, занимающего пост с небольшими силами в некотором расстоянии от нашего правого фланга, присоединяется к армии.

Генерал князь Голицын с кавалериею подкрепляет барона Сакена.

Гвардейские полки составляют резерв армии. Атаман генерал Платов наблюдает за движением корпуса маршала Даву к стороне Алленштейна.

24 числа мая рано поутру авангард выступил к Альткирхену. По левую сторону в опушке леса видели мы

французских часовых, весьма покойно сменяющихся. Вскоре слышны были во многих местах пушечные сигнальные выстрелы, и вслед за ними видно было поспешное движение войск по разным направлениям к Альткирхену. Авангард дал им свободу собираться, что совершенно согласовалось с намерением главнокомандующего. Началась сильная канонада, которую мы продолжали, ничего не предпринимая решительного. Судя по времени, князь Багратион полагал, что генерал барон Сакен успел бы обойти неприятеля, но не слышно было ни одного выстрела, и самое спокойствие между войсками, которые стояли против нас, заставляло в том сомневаться. Посланы офицеры собрать сведения, и никаких не усмотрено войск, кроме идущей недалеко кавалерии генерала князя Голицына.

Между тем у Альткирхена собрались довольно значительные силы, и авангард получил повеление атаковать их. Дело началось весьма горячее. Неприятель, долго защищавшись, отступил. Левое крыло авангарда с генералом Багговутом встретило жестокий огонь. Он прошел чрез Амт-Гутштатт или предместье Гутштатта, где было 600 французов, за которыми он оставил наблюдение. Мы не получили должного содействия от генерала князя Горчакова, который, нашедши неприятеля у переправы через реку Алле, не скоро отошел от оной, и потом, занявшись приобретением Гутштатта, опоздал прийти к назначению. Заметить должно, что город без укреплений и для защиты имеющий 600 человек; сверх того, находясь уже позади войск наших, мог бы достаться нам, не требуя усилий целого корпуса. Но как во время продолжительного бездействия доходили в главную квартиру слухи, что французы укрепили город и что пункт сей большой для них важности, то князь Горчаков расчел, что приобретение оного почтется за великий подвиг. Но если бы, не вдаваясь в сей причудливый расчет, князь Горчаков, оставивши меньшую часть войск, поспешил далее, то маршал Ней имел бы гораздо большую потерю.

Авангард, преследуя неприятеля до вечера, остановился на ночлег пред селением Квец. В продолжение дня захватили мы довольно пленных или которые не успели прийти на сборное место к Альткирхену, или на марш от пунктов отдаленных нашли дорогу уже отрезанную.

Причиною, что диспозиция не выполнена, был гене-

рал-майор Сакен. Он не пришел в назначенное время, отговариваясь далеким обходом и будто бы ожидал повелений. Но общий был слух, что имея неудовольствие на главнокомандующего, он нарочно сделал, чтобы лишить его успеха в предприятии. Многие чрезвычайно негодовали, что упущен благоприятнейший случай уничтожить целый неприятельский корпус.

Главнокомандующий был свидетелем, как часть французской пехоты, не более 600 человек, неустрашимо противостала атакам нашей кавалерии. Пехота стояла фронтом у селения. Три полка, один после другого, атаковали ее, каждый отбит в свою очередь, и всякий раз весьма хладнокровно являлся начальник, командующий сомкнуть ряды. Приспевши два орудия понудили картечью оставить место. Иначе надобно бы было отказаться или от французской пехоты, или от нашей кавалерии и искать других средств. Пехота сия не досталась в наши руки.

Генерал Дохтуров нашел неприятеля в малых силах, но прикрытого твердыми засеками, и вступил в перестрелку, употребляя баталион за баталионом поодиночке. Лейб-гвардии егерского полка два баталиона бросились стремительно в штыки, и мгновенно вытеснен неприятель.

25-го мая против неприятеля, устроенного в крепкой позиции, собрались наши войска в больших силах; со стороны нашей была в действии многочисленная артиллерия. Егерским полкам авангарда в команде генерал-майора Раевского⁷⁵, приказано обойти лесом правый фланг неприятеля. Он отступил, когда стрелки подошли к его батареям, и часть пехоты при нескольких орудиях, занявши сады при селении Квец, расположился несколько далее. Авангард поспешно двинулся по большой дороге. Картечными выстрелами выгнал я неприятеля из селения Квец; но когда на открытом месте атаковал его Гродненский гусарский полк, два выстрела картечью его рассеяли*. Не смотря на весьма жаркое время, егерские наши полки все движения делали бегом, и неприятель не успел удалиться. Защищаясь весьма

* Полк составлен был во время кампании из эскадронов, взятых из старых полков, но еще ни разу не дрался в новом своем составе. Офицеры в полку были отличные. Шеф, полковник Шепелев, давая роскошные завтраки и обеды, нередко говаривал, что при первой встрече с неприятелем сделает он в нем большую прореху.

упорно, не мог он удерживаться долго, ибо войска были в ужаснейшем беспорядке. Лесистые места препятствовали согласию наших действий, ему способствовали спасти артиллерию. Он пожертвовал для того арриергардом, некоторыми частями войск, которые достались в плен, имел много убитых, оставил всех раненых и бросил все обозы. Отбиты только два орудия: одно казаками, другое храбрым майором Кульневым⁷⁶, который с двумя слабыми эскадронами Гродненского гусарского полка догнал на реке Пасарге артиллерийский парк и с ним несколько пушек и овладел им. Уведомлен будучи пленными, что недалеко впереди спасается артиллерия, он бросился за нею, но обманувшись в лесу дорогою, он соткнулся с сильным отрядом кавалерии, от которого должен был ретироваться. Возвращаясь по той же дороге, зажег он парк, взятый им прежде. Преследующий его неприятель не смел приблизиться к переправе, и он обратно перешел беспрепятственно. Он при сем случае взял немало офицеров.

Казакам достались обозы и между ними экипаж* маршала Нея, его серебряный сервиз и другие вещи. Найдены серьги и браслеты, и трудно было бы понять, какое употребление делал из них господин маршал, если бы не истолковали вырезанные на серебре гербы разных польских фамилий и беспристрастие его к самым верным слугам Наполеона. Пруссия не успела еще умножить сих сокровищ!

Авангард пришел на ночлег к селению Деппен на речке Пасарге. На противоположном берегу селение Каллистен и довольно крутые возвышения занял неприятель. Передовые наши посты простирались по берегу до селения Эльдиттен, в котором неприятель имел укрепленный пост с несколькими пушками. Генерал Дохтуров, будучи близко с своим корпусом, не почел за нужное овладеть им, и он, оставаясь один на нашем берегу, прикрывал лучшую переправу, которая в прочих местах или была не столь удобна или охраняема нами.

Вскоре за авангардом пришла армия и стала поблизости.

* Надобно заметить, что казакам достаются обозы не всегда потому, что они бывают впереди всех войск, но потому, что найдя оные, при них остаются, когда прочие войска, овладев ими, бросают их и идут за неприятелем.

26-го мая неприятель, пользуясь выгодными высотами, беспокоил нас канонадою, продолжающеюся весь день, на которую мы отвечали, по берегу цепь егерей была в сильной перестрелке. У неприятеля примечено умножение войск. Казацьи пикеты дали знать, что то же замечено на правом фланге особенно при селении Эльдиттен. День кончился без важных происшествий.

27 мая с самого рассвета в войсках неприятеля против авангарда и далее примечено общее движение. Стекались отовсюду войска, парки артиллерии, обозы. В десять часов усилены передовые посты и сильная загорелась перестрелка. Две колонны пехоты двинулись к селению Каллистен и колонна кавалерии с левого нашего крыла. Однако колонна, опрокинув 7-й егерский полк под командою весьма не храброго подполковника Лаптева*, так проворно пришла к батарее, где я случайно находился, что я почитал ее за свои войска, и только по белым перевязям можно было узнать, ибо на сем пункте были одни егеря. Встреченная картечью двенадцати орудий, она обратилась в замешательство. Егерские полки, 5-й полковника Гогеля и 20-й полковника Бистрома, встретив ее у переправы, многих перекололи и вслед за нею ворвались в селение Каллистен, в котором вырезали все, что находилось. Другая неприятельская колонна пехоты, видя подспевающие наши войска, возвратилась. Кавалерия, несмотря на огонь стрелков, спустилась в реку, но 26-й егерский полк полковника (фамилию его забыл), расстроив его батальным огнем, бросился на штыках с берегу. Лошади, увязая в топкой реке, не могли обращаться проворно, и урон был значителен. После сего на несколько часов остались мы в покое. Князь Багратион приказал всему авангарду быть в готовности** и осторожность была полезна! В шесть часов пополудни неприятель начал канонаду против селения Каллистен, которое мы удер-

* Не надобно смешивать его с отлично храбрым полковником Лаптевым, в команде которого 8-й егерский полк известен был неустрашимостью и особенным устройством.

** По требованию моему прислано мне несколько батарейных орудий, ибо часто с трудом выдерживал я действие сильнейших калибров неприятельской артиллерии. Под Кёнигсбергом испытал я, что могут значить трехфунтовые единорожки против порядочной артиллерии, и я уверен, что неприятель удивился, что не с первым выстрелом обратил нас в бегство.

живали за собою. С большими силами приступил к нему, дабы вытеснить егерей наших. Они защищались отчаянно, и несколько раз переходило из рук в руки селение; наконец досталось превосходным его силам. Мы перешли на свой берег, и сражение прекращено заставшею темнотою. В сие время генерал-майор Иловайский 4-й⁷⁷ дал знать, что корпус маршала Сульта, переправившись у селения Эльдиттен, не менее трех верст подвинулся вперед. Движение сие могло отрезать дорогу авангарду, но мы готовы были отступить, ибо армия пред вечером отправилась к Гельсбергу чрез Гутштатт и частию чрез Лаунау.

Пред рассветом вышел авангард двумя колоннами. При первой генерала Маркова находился князь Багратион. Со второю генерал Багговут следовал по большой дороге, и я был при ней с большею частию артиллерии. На половине дороги догнал нас неприятель: конница и казаки вступили в дело; из армии прислано нам несколько полков кавалерии. Между тем армия выходила из Гутштатта. Дороги чрез лес не были удобны, и движение было медленным. Она в сей день двинулась по крайней мере четырьмя часами позже, нежели могла и должна была, а главная квартира, населенная множеством существ, не для одной только армии бесполезных, в то время как мы дрались, и не с выгодой, против неравенства сил, весьма покойно предавалась разным прихотям, и для защиты их дежурный генерал привез князю Багратиону приказание удерживаться сколь можно долее, и еще присланы кавалерийские полки. Некоторые атаки были совершенно в пользу нашу. Один драгунский Италианский полк, отброшенный к болоту хотел спешиться и уйти, но окруженный, почти весь попал в плен. Но когда в большом количестве пришла пехота, мы только что могли удержаться на высотах у самого Гутштатта. В сей день с моею ротою я был в ужаснейшем огне, и одну неприятельскую батарею сбил, не употребляя других выстрелов, кроме картечных. Прикрывавший роту С.-Петербургский драгунский полк стоял под выстрелами с невероятным хладнокровием. Мы последние отступили за арриергардом и мост чрез реку Алле сожгли за собою. Неприятель занял город. Пехота его наполнила дома, лежащие по берегу. Я вытерпел ружейный огонь и не прежде отошел от города, как загорелся он в нескольких местах. Я платил негодным жителям, приверженным к французам, за то, что в

феврале, когда 5-й егерский полк был вытеснен из города, они изъявили радость рукоплесканиями и делали насмешки.

Отступивши к Гейльсбергу по следам армии, авангард расположился, не переходя реки.

29 мая авангард послан к селению Лаунау, где уже находился отряд, дабы остановить неприятеля, если возьмет он сие направление. В сем не должно было сомневаться, ибо дорога сия гораздо лучше всех проходящих лесом, которые сверх того оканчиваются плоскостию, слишком тесною, чтобы на оной могла поместиться армия.

Неприятель, не допустив до Лаунау, встретил авангард у селения Беверникен. Между тем армия начала располагаться в окопах, устроенных у Гейльсберга, и по обыкновению тою же погрешила медленностию, ибо авангард по крайней мере лишних два часа должен был удерживать неприятельские силы, платя за несоразмерность их большою потерею людей. От Беверникен к стороне Гейльсберга местоположение идет постепенно понижаясь, и все возвышения остаются в пользу неприятеля. Авангард всю линейную пехоту расположил на левом фланге по обеим сторонам большой дороги; егерские полки размещены на правом, подкрепляя сильную кавалерию, присланную нам из армии. При ней была моя конная рота. Долго удерживались мы с выгодою, а конница наша сделала несколько блистательных атак. Но когда неприятель привел все войско, с которым после напал на наши окопы*, когда против сорока орудий стало 150 пушек, и кавалерия протянулась далее оконечности правого нашего крыла, положение наше сделалось весьма опасным. Неприятельская кавалерия прорывала наши линии, и с тылу взяты были некоторые из моих орудий. Одна из атак столько была решительна, что большая часть нашей конницы опрокинута за селение Лангевизе. Но расположенные в оном егерские полки генерала Раевского остановили успех неприятеля, и конница наша, устроившись, возвратилась на свое место, и отбиты потерянные орудия. Я спасся благодаря быстроте моей лошади, ибо во время действия батареи часть конницы приехала с тылу и на меня броси-

* Окопы Гейльсберга, обширные и твердые, устроены во время продолжавшегося три месяца бездействия, но еще не все части оных были усовершенствованы.

лось несколько человек французских кирасир. Между тем пехота наша, вытерпевшая ужаснейший огонь и потеряв много людей, начала отступать. Приезжает дежурный генерал-майор Фок и с негодованием спрашивает князя Багратиона, отчего отступает он, не имея приказа, тогда как армия не успела еще расположиться в укреплениях? Неприятно было князю Багратиону подобное замечание от г. Фока, который только не в больших чинах известен был смелым офицером и далее нигде употреблен не был. Князь Багратион повел его в самый пыл сражения, чтобы показать причину, понуждающую к отступлению и в глазах его приказал идти вперед. Не прошло пяти минут, как генерал Фок получил тяжелую рану, и мы преследованы до самых окопов. Войска авангарда потеряли, конечно, не менее половины наличного числа людей; не было почти полка, который бы возвратился с своим начальником, мало осталось штаб-офицеров.

Великий князь был свидетелем сражения, и ему поручено главнокомандующим пехоту и артиллерию авангарда перевести за реку Алле на отдохновение и кавалерию, менее утомленную или мало потерпевшую, присоединить к армии для дальнейшего действия. В числе особенно отличившихся в сей день замечены генерал-майоры Багговут, под начальством его командовавший всеми егерями Раевский и шеф Ливенского драгунского полка Ливен. Главнокомандующий благодарил меня за службу, а великий князь оказал мне особенное благоволение*.

Вслед за авангардом двинулись неприятельские колонны к окопам. По направлению от селения Лангевизе были самые большие усилия. Французы, не раз отбитые, возобновляли нападение; войска рассеянные сменялись свежими. Пред вечером произведена жесточайшая атака, и некоторые из батарей, лежащих к правому флангу, взяты. На них не мог удержаться неприятель, ибо ближайшие укрепления тотчас обратили на них огонь, а паче одно, построенное на возвышении в виде кавальера, господствующее над всею окрестностью. Не имея во власти сего укрепления, неприятель не мог

* Ему понравился ответ, сделанный мною присланному от него адъютанту с замечанием, что французская колонна слишком приближается к батарее: «Я буду стрелять, когда различу белокурых от черноволосых». Он видел опрокинутую колонну!

приобрести никаких успехов, и потому сильная колонна гренадер пошла на оное. На некоторое расстояние широкая лощина укрывала от выстрелов, но когда вышла она из оной, встречена была перекрестным действием батарей и картечью с главного укрепления. Несмотря на произведенное в ней расстройство, дошла она до самого рва оного; но полки, составлявшие прикрытие укрепления, ударили на оную в штыки и обратили в бегство в величайшем замешательстве. Вся долина устлана мертвыми. Нелегко было бы опрокинуть отличное сие войско, но не могло оно противустать соединенному действию нескольких батарей. Другие атаки, в то же время произведенные, не лучший имели успех, и неприятель преследовал далеко за укрепления. На правом фланге не были построены окопы, и там по удобности расположена вся наша конница. Неприятель не успел на сем пункте собрать достаточного количества кавалерии, и потому главнокомандующий приказал на нее ударить: не устояла она против стремительного нападения нашей конницы и отброшена к самому лесу, где стоящая пехота сильным огнем прикрыла бегущих и конницу нашу обратила. При сем случае два полка прусской конницы действовали с отличным мужеством. Во многих местах пехота выходила из укреплений, и в одном пункте целыми линиями произведен был батальный огонь. Наставшая ночь прекратила сражение, и войска наши торжествующие возвратились в укрепления.

Неприятель по дошедшим сведениям потерял в сем сражении убитыми и ранеными до двенадцати тысяч человек; урон со стороны нашей несравненно был менее. Наполеона не было при войсках, и сражение дано соединенными маршалами.

30-го мая неприятель, занимая довольно большою частию войск позицию при селениях Беверникен и Лангевизе, послал главные силы по направлению на Кёнигсберг. Наша армия имела отдохновение в окопах, но в ночи на 31 число выступила к Бартенштейну, ибо неприятель движением своим угрожал операционной нашей линии. Наполеон, понудивши оставить поспешно укрепленную позицию, доказал, сколько неблагоприятны маршалы, решившиеся атаковать, при всех со стороны нашей выгодах, и сколько бесполезно данное сражение.

Вместе с рассветом отошел арриергард, который не-

приятельская конница догнала в 10 часов поутру, но только издали наблюдала за следованием. Арриергард провел ночь, не доходя Бартенштейна.

1-го июня около вечера арриергард прошел местечко Шипенбейль. Неприятельская кавалерия была уже гораздо в больших силах, но день кончился пустою перестрелкою.

В Шипенбейле князь Багратион получил повеление идти поспешнее к местечку Фридланд.

Многие удивлены были направлением армии, но открылось, что часть кавалерии, зашедши неосторожно в Фридланд, схвачена эскадронами Татарского уланского полка, и пленные показали, что армия идет к Кёнигсбергу, и только один корпус расположен неподалеку, а потому полагали, что главнокомандующий, вознамерясь истребить сей корпус из предосторожности, что будет он подкреплён другими войсками, собирает всю армию для вернейшего успеха.

Арриергард прошел всю ночь не останавливаясь, и с рассветом приближаясь к Фридланду, слышны были изредка пушечные выстрелы. Князь Багратион послал вперед егерские полки с генералом Раевским и мне приказал идти с конною артиллериею. Перешедши за реку в самом Фридланде, нам показано место на левом фланге, где мы нашли гренадер лейб-гвардии Измайловского полка в перестрелке. Войска собираются отовсюду, но их было еще мало. Мы сменили стрелков гвардейских, и полк отошел назад. Неприятель, как после дознано, состоял в десяти тысячах сводных гренадер маршала Удино⁷⁸, который скрыл недостаток сил своих в лесах, протягающихся параллельно занятой нами позиции. Вскоре собралось большое количество наших войск, а неприятель оставался в том же числе. По несчастию, главнокомандующий был в сей день очень болен; генерал-квартирмейстер барон Штейнгель и новый дежурный генерал-лейтенант Эссен 1-й (Иван Николаевич) при обозрении позиции получили одним выстрелом контузии, и мы некоторое время не получали никаких приказаний.

Надлежало напасть решительно на французский корпус, который, будучи весьма разбросан, не мог ни защищаться упорно, ни отступить с удобностию. Армия, растянутая в следовании на Кёнигсберг, не могла подкрепить в скором времени, и приходящие в помощь войска, не иначе являясь, как поодиночке, не в состоянии

были бы устоять против соединенных сил всей армии*. Предположа, что по превосходству сил неприятеля не входило в намерение главнокомандующего разрезать армию на марше, но конечно не упустил бы он случая истребить один корпус. Напротив, мы занялись продолжительною бесплодною перестрелкою и бесполезно потеряли столько времени, что прибыла кавалерия против правого нашего фланга, и лес против арриергарда наполнился пехотою. Кавалерия наша опрокинута и не иначе собралась, как за линиями пехоты. Но храбрый генерал граф Ламберт с Александрийским гусарским полком, воспользовавшись расстройством преследующего неприятеля, обратил его, а прочие полки, присоединившись, прогнали до самого леса, откуда, не выходя во весь день, иногда показывался на опушке. На левом фланге лес переходил несколько раз в руки арриергарда, который подкреплен был многими полками, но наконец мы уступили очевидно возраставшим силам. Лейб-гвардии егерский полк дрался с отличною неустрашимостию. На всем вообще протяжении войск наших многие были весьма удачные атаки, однако же по несвязности действий ничего решительного не произвели. В шесть часов вечера прибыл Наполеон, и вся армия соединилась. Скрывая за лесом движения, главные силы собрались против левого крыла; в опушке леса неприметно устроилась батарея в сорок орудий, и началась ужасная канонада. По близости расстояния выстрелы были горизонтальные, и первые не могли выдержать конные полки арриергарда. Вскоре он отступил также. Все вообще войска начали отступать к мостам; к главному из них дорога лежит через город; и в улицах от стеснения происходил величайший беспорядок, который умножал действие неприятельской артиллерии, обращенной на город. Из направления колонн видно было, что неприятель ищет отрезать от переправы, и чтобы остановить его, лейб-гвардии Измайловский и Павловский гренадерские полки ударили на них, но та же ужасная батарея остановила храбрый порыв, и полки обратились.

Не далее провожала конную гвардию отличная ее храбрость. С артиллериею арриергарда успел я перейти

* Французская армия почти в том же положении находилась, как и наша, когда, преследуя корпус маршала Бернадотта к Дейч-Эйлау, растянута она была на одной дороге.

по ближайшему понтонному мосту, не доходя города, но уже он был под выстрелами, и часть его повреждена*. Городской мост (который я назвал главным) неизвестно как зажжен раньше времени и без приказа. Оставался один мост, а еще большая часть войска и артиллерии не переходила. Неприятель теснил их к берегу, и потеря малейшего времени была опасна. Артиллерию спас отысканный поблизости брод**, которую иначе надобно было оставить. Итак, вся потеря подбитыми, оставленными на месте и потонувшими от беспорядка на броду состоит в тринадцати орудиях. Из последних перешедших войск 7-я дивизия генерал-лейтенанта Дохтурова, но ею в то время командовал шеф Владимирского пехотного полка полковник Бенардос, неустрашимый грек***.

Застигла ночь, но две батарейные роты не успели переправиться, и уже к броду была захвачена дорога. Генерал-майор граф Ламберт, взяв их под прикрытие Александрийского гусарского полка, прошел более двух миль неприятельским берегом до местечка Алленбурга и рано утром, перешедши реку Алле, присоединился к армии.

Так, вместо того, чтобы разбить и уничтожить слабый неприятельский корпус, которому за отдалением не могла армия дать скорой помощи, мы потеряли главное сражение. Не могу не повторить еще, что если бы при самом начале сражения главнокомандующий не испытал припадка болезни, дела наши были бы совсем в другом положении. Нами в продолжение сражения наконец командовал генерал-лейтенант князь Горчаков (Алекс[андр] Иван[ович]). Но ни он в себе не нашел, ни войска к нему не могли иметь доверенности.

3-го июня поутру арриергард прибыл в Алленбург. Еще застал он остатки выступавшей далее армии, и

* Часть артиллерии арриергарда не имела уже возможности отступить на дороге, и орудия спускались к реке прямо с крутого берега. Несколько ящиков воткнулись оглоблями в землю и брошены разбитые.

** Брод показал артиллерии полковник Бегунов, который, долгое время находясь во Фридланде для исправления роты, часто ходил на охоту с ружьем и потому имел знакомство с жителями, от которых узнал о нем.

*** Надобно однако же утешиться, ибо генералы дивизии все были живы. Они вероятно хотели испытать первые, какова была переправа.

беспорядок был ужаснейший. Неприятель занимался построением мостов и потому им не воспользовался. По обеим сторонам реки видны были части его кавалерии, но они не имели между собою сообщения.

Без препятствий дошли мы до Велау. Не знаю, справедлива ли молва, что главнокомандующий намеревался дать сражение, но видно было, что строились редуты; однако сближающийся неприятель не допустил их кончить.

При отступлении арриергарда посланные разезды открыли отряд генерала графа Каменского, идущий от Кёнигсберга, и за ним неприятеля в силах. В нескольких местах позади соединялись дороги, и граф Каменский, прошедши прежде, мог привести за собою неприятеля, который занял бы нашу дорогу. Князь Багратион, благосклонно выслушивающий мои рассуждения, позволил мне сделать предложение, чтобы всю нашу кавалерию послать на левый фланг преследующего нас неприятеля, новостью сего движения остановить или, по крайней мере, умедлить ход его и, с пехотою пройдя поспешнейшим образом соединение дорог, ожидать графа Каменского. Князь Багратион приказал привести сие в исполнение, и мы едва могли предупредить графа Каменского, а потом кавалерия наша прибыла в одно время с последними его войсками. Он отправился к армии, и арриергард остался один.

При селении Таплакен, по удобству местоположения, дождались мы неприятеля, и довольно горячая сшибка с передовыми его войсками была совершенно в пользу нашу.

В двенадцати верстах не доходя Тильзита, нашли мы ожидающиеся полки кавалерии и приказание главнокомандующего удерживать неприятеля, дабы армия имела время перейти за Неман. Широкая река сия протекает у самого Тильзита, и на ней только один мост. Нельзя было по обширности города превратить его в мостовое укрепление (*tête du pont*), и потому каждый из нас видел, сколько трудное поручение возложено на князя Багратиона и какой опасности подвержено отступление арриергарда, имея один мост и такое множество кавалерии. Арриергард расположился в боевой порядок, дано повеление, во что бы то ни стало удерживаться до ночи. Князь Багратион, оставив при арриергарде прежнюю его конницу и казаков, к общему всех удовольствию отпустил всю прочую кавалерию,

дабы она не сделала препятствий при переправе. Мы готовились к последнему сражению на земле союзников! Передовые наши посты, отстреливаясь, привели наконец неприятеля довольно на близкое расстояние. Решительность, с которою мы его ожидали, надобно думать, внушила к нам уважение, и конечно неприятель одного был с нами мнения, что неравными силами преодолеть нас было невозможно, а потому остаток дня провел в бездействии. Он ожидал прибытия своей армии, мы нетерпеливо ожидали приближения ночи.

Арриергард пришел поутру в Тильзит, и тотчас вся конница. Казаки и артиллерия отправлены за Неман, за ними перешла линейная пехота. В городе остались одни егерские полки, мост приготовлен к скорейшему сожжению. Около девяти часов утра неприятель в больших весьма силах подошел к городу и начал обозрение. Мы оставили его, и едва успели егерские полки перейти мост, как на оном явился с кавалериею маршал принц Мюрат, и мост загорелся почти под самую его лошадью.

Неприятель занял город. По берегу, несравненно возвышенному над нашим, стала многочисленная артиллерия; в продолжение дня собралась вся армия и охватила всю окрестность, и мы, не угадывая последствий, не без страха ожидали происшествий.

Армия наша была малочисленна и в беспорядке. Ее крайне ослабили отлучившиеся от полков люди при отступлении от Фридланда⁷⁹ и по пути до Немана. Собираясь большими толпами, они проходили разными дорогами, снискивая грабежом себе пропитание, и в числе нескольких тысяч перешли Неман в Юрбурге, Олите, Мерече и некоторые даже в Гродне. В доказательство беспорядка приведу следующие примеры. Изюмский гусарский полк забыт в Пруссии на квартирах, где находился для поправления лошадей; узнавши от жителей о Фридландском сражении, пошел он к армии, но встречающиеся повсюду наши и французские мародеры истолковали ему, что армия отступает, и полк отправился за Неман и перешел его благополучно. Также забыт полковник Сысоев с донскими полками, но гораздо далее. Он встречался с войсками неприятеля, дрался с ними, проходил их квартирами, брал пленных и за Неманом присоединился к армии. Не исключая и самой артиллерии, часть оной, не получившая во время приказанья, сама избрала направление, и отдельно следуя от

армии, перешла в Юрбурге через Неман, изыскавши брод, который до того был неизвестен*.

Армия не в большом расстоянии от берега расположилась лагерем; лесистое пространство местоположения весьма к стати ее бессилию. Авангарду приказано стать на самом берегу. Князь Багратион по приказанию главнокомандующего послал от имени своего адъютанта с предложением перемирия. Он представлен к принцу Мюрату, потом к принцу Бертье, и ему объявлено, что Наполеон желает мира, не перемирия! На другой день с объяснением о том приехал в главную квартиру принц Бертье, и послано донесение государю, который находился в местечке Шавле. Через два дня прибыл государь к армии, и генерал от инфантерии князь Лобанов-Ростовский⁸⁰ отправлен к Наполеону, вскоре после чего заключено перемирие и приступлено к переговорам о мире.

Между тем положено свидание государя с Наполеоном, и оно приурочено на середине Немана, где съехались они в одно время. Король прусский находился с ними на берегу! Через несколько дней государь переехал в Тильзит, где среди французской армии караул его состоял из одного батальона гвардии Преображенского полка и двух эскадронов лейб-гусарского полка. Вскоре заключен мир⁸¹; все выгоды оного были на стороне Наполеона; им все изъявления почтения, то есть, все оного наружности оказаны государю. Не отказано желание, чтобы был принят и король прусский. Наполеон показывал маневры своих войск. Государь в лагере их был принят с блистательною почестью, каковая отдается самому Наполеону. Свиту государя составляли все маршалы и множество генералов. Наконец приглашаема к обеду королева прусская⁸². Красавица с наполненными слез глазами, стараясь казаться веселою, предстала победителю, против которого возбуждала она к войне свои ополчения. Между тем армии начали возвращаться в свои пределы и назначен день прощания. Вся гвардия Наполеона в новой одежде (благодаря Пруссии), в блистательнейшем порядке, и в голове колонны батальон Преображен-

* Простительно желать знать, кому принадлежит честь подобных распоряжений? Кажется, полковнику Адеркассу. И кто же осмелился бы оспаривать ее у немца? Ибо с давних времен не умеют найти русского в генерал-квартирмейстеры.

ского полка, прошла мимо обоих императоров, и они, простившись, в одно время выехали из Тильзита.

Войска арриергарда возвращены в дивизии, коим они принадлежали; мы все, служившие под командою генерала князя Багратиона, проводили любимого начальника с изъявлением искренней приверженности. Кроме совершенной доверенности к дарованиям его и опытности, мы чувствовали разность обхождения его и прочих генералов. Конечно, никто не напоминал менее о том, что он начальник, и никто не умел лучше заставить помнить о том подчиненных. Солдатами он был любим чрезвычайно. Я, простясь с товарищами, отправился в Россию.

Итак, кончил я войну с самого начала оной и до заключения мира в должности начальника артиллерии в авангарде. По особенному счастью моему, не потерял я в роте моей ни одного орудия, тогда как многие, в обстоятельствах гораздо менее затруднительных, лишались оных. Вообще из артиллерии, бывшей в команде моей, брошено одно орудие Псковским мушкетерским полком, но и тут нельзя упрекнуть артиллерийского офицера*. Я имел счастье приобрести благоволение великого князя Константина Павловича, который о службе моей отзывался с похвалою. Князя Багратиона

* В сражении при Гейльсберге⁸³ многие из орудий впадали в руки неприятеля, ибо приказано было мною офицерам менее заботиться о сохранении пушек, как о том, чтобы в самом близком расстоянии последними выстрелами заплатили за себя, если будут оставлены. Истолковано им, что гораздо менее вреда потерять пушки, нежели для спасения их, увозя заблаговременно, лишать войска покровительства, а часто и самого охранения, единственно от них зависящего. Поставлены были офицерам в доказательство случаи, собственно в авангарде происшедшие, что батареи, оставаясь на месте до последней крайности, не взяты неприятелем при всех возможных усилиях. Приведены примеры, что самые малые части войск не могли быть преодолены превосходными силами единственно от того, что неприятель не мог устрашить артиллерии и заставить ее удалиться; что если бы офицер, боясь потерять орудия и для того оставил свое место, войска были бы преданы неминуемому истреблению. Я выдавал артиллерийским штаб-офицерам свидетельства, когда отбивали они захваченные неприятелем орудия, и они получали по оным надлежащую награду. По таковым свидетельствам дан орден Св. Георгия Финляндского драгунского полка полковнику Фитингофу, Конно-Польского полка подполковнику Буняковскому и Лифляндского драгунского полка майору Римскому-Корсакову. Сими офицерами возвращены все потерянные при Гейльсберге орудия. О распоряжении моем, спасающем ответственность за оставленные орудия, известно было начальству и доведено до сведения самого государя, который впоследствии весьма милостиво о том меня спрашивал.

пользовался я особенным благорасположением и доверенностию. Он делал мне поручения по службе, не одному моему званию принадлежащие. Два раза представлен я им к производству в генерал-майоры, и он со стороны своей делал возможное настояние, но потому безуспешно, что не было еще до того производство за отличие, а единственно по старшинству. Между товарищами я снискал уважение, подчиненные были ко мне привязаны. Словом, по службе открывались мне новые виды и надежда менее испытывать неприятностей, нежели прежде. В продолжение войны я получил следующие награды: за сражение при Голиimine золотую шпагу с надписью «За храбрость», при Прейсиш-Эйлау Св. Владимира 3-й степени, при Гутштатте и Пасарге Св. Георгия 3-го класса и при Гейльсберге алмазные знаки Св. Анны 2-го класса.



Записки

артиллерии генерал-майора Ермолова.
От окончания войны в Пруссии
до кампании 1812 года

Отправившись из Тильзита в Россию, проезжал я в Вильну, где нашел генерала Беннингсена. Он принял меня с тою же благосклонностию, каковую оказывал мне с самой моей молодости. Разговаривая о войне, он сказал мне, что летняя кампания в Пруссии производилась совершенно не так, как он желал. Ему обещано было подкрепление из 30 тысяч человек, с которыми намеревался он вместе с раннею весною начать действительную кампанию, когда силы Наполеона развлечены были осадю Данцига. Подкрепление умедлено и назначено наконец к первому числу мая непременно, но совсем тем по день заключения мира не прибыло к армии ни одного человека. Подкрепление сие состояло из двух дивизий рекрут, пред самым походом получивших оружие, употребление коего совершенно им было незнакомо. Не менее половины сих рекрут, проходя Минскую и Виленскую губернии, оставлены в госпиталях.

Генерал Беннингсен говорил мне, что он предлагал государю после сражения при Прейсиш-Эйлау отправить к Наполеону ловкого человека, который, предложив о размене пленных, старался бы изведать средства склонить его к миру и надеялся заключить выгодный*.

* Он назначил на сие генерал-майора Хитрово (Николая Феодоровича), который в пребывание свое в Париже был весьма ласкаем Наполеоном.

В местечке Шклове присоединился я к дивизии (названия не помню), расположенной лагерем. В конце августа прибыл инспектор всей артиллерии граф Аракчеев, осмотрел артиллерию, распределил укомплектование оной и, продолжая прежнее неблаговоление, приказал мне оставаться в лагере по 1-е число октября, когда всем прочим артиллерийским бригадам назначено идти по квартирам 1-го сентября. К сему весьма грубым образом прибавил он, что я должен был приехать к нему в Витебск для объяснения о недостатках. Я отвечал, что неблагорасположение ко мне не должно препятствовать рассмотрению моих рапортов. Оскорбили меня подобные грубости, и я не скрывал намерения непременно оставить службу. Узнавши о сем, граф Аракчеев призвал меня к себе и предложил дать мне отпуск для свидания с родственниками, приказал приехать в Петербург, чтобы со мною лучше познакомиться.

Я поступил в 9-ю дивизию генерал-лейтенанта князя Италийского, графа Суворова-Рымникского¹, сына великого Суворова, и квартира моя назначена в местечке Любаре на Волыни.

1 8 0 8. Вскоре получил я высочайший рескрипт на мое имя и деньги для награждения нижних чинов, отличившихся храбростью. Это был первый пример подобной награды!

В то же время граф Аракчеев писал мне, что о награде ходатайствовал он, желая доказать уважение его к отличной моей службе.

В Петербург приехал я, когда граф Аракчеев из инспекторов всей артиллерии поступил в звание военного министра². Он принял меня с особенным благоволением и встретил объявлением новой награды. Государь пожаловал в знак отличия нашивки на мундир конным артиллерийским ротам моей и князя Яшвиля. Сам представлял меня императору, и мне нетрудно было видеть, что предупредил его в мою пользу.

Пробыв в Петербурге три дня, я подал графу Аракчееву записку о том, что во время ссылки моей при покойном государе Павле I-м многие обошли меня в чине, и что потому состою я почти последним полковником артиллерии. Я объяснил ему, что если не получу я принадлежащего мне старшинства, я почту и то немалою выгодою, что ему как военному министру известно будет, что я лишен был службы не по причине неспо-

собности к оной. Не получив ответа на поданную записку, в тот же день выехал я из Петербурга. Остановившись в Орле у моих родных, получил известие, что я при общем производстве по артиллерии пожалован генерал-майором и назначен инспектором части конноартиллерийских рот, с прибавлением к жалованью двух тысяч рублей.

1809. В сем новом звании отправился я для осмотра конной артиллерии в Молдавской армии под начальством отличного долголетием фельдмаршала князя Прозоровского³, коего главная квартира находилась в Яссах. Военные действия были прекращены на некоторое время. Я был свидетелем перехода войск в лагерь при Катени, знаменитый зарождением ужасных болезней в войсках и истреблением большого числа оных. Никакие убеждения не сильны были отклонить от занятия убийственного сего лагеря. Войска делали марши не более 15 верст и редко употребляли на то и менее десяти часов, ибо устроенные в большие каре и в середине оных имея тяжелые обозы, медленно двигались они, по большей части без дорог. Фельдмаршал не переставал твердить, что он приучает войска к маневрам. Подверженные нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и фельдмаршал, вскоре переселившийся в вечность, отправил вперед себя армию не менее той, каковую после себя оставил. В Валахии начальствовал генерал-лейтенант Милорадович, и редкий день не было праздника, которые он делал сам и других заставлял делать для забавы своей любезной. Я жил очень весело, бывал на праздниках, ездил на гулянья, выслушивал рассказы его о победах и между прочим о сражении при Обилешти⁴. «Я, узнавши о движении неприятеля, — говорит он, — пошел навстречу; по слухам был он в числе 16 000 человек; я написал в реляции, что разбил 12 000, а их в самом деле было турок не более четырех тысяч человек». Предприимчивость его в сем случае делает ему много чести!

Из армии поехал я чрез Бендеры — Одессу — Крым. Обозрев все древности, прелестный полуденный берег, пробыл я некоторое время в Карасу-Базаре, где стояла одна рота моей инспекции. Возвратясь чрез Харьков, я видел довольно большую часть полуденного края России.

В состав армии, назначенной против австрийцев под команду генерала князя Голицына (Сергея Феодоро-

веча)⁵, поступила дивизия, к которой я принадлежал; но я оставлен начальником отряда резервных войск в числе 14 000 человек в губерниях Волынской и Подольской*.

Военным министром дано повеление занять войсками границы обеих сих губерний, ибо многие из дворян перебежали и уводили с собою большое число людей и лошадей в герцогство Варшавское, где формировалась польская армия. По сему поручению доносил я непосредственно военному министру графу Аракчееву, и им одобрены мои распоряжения. Для обуздания своевольных дана мне власть захватываемых при переходе через границу, не взирая на лица, отсылать в Киев для препровождения далее в Оренбург и Сибирь. Я решился приказать тех из переходящих через границу, которые будут вооружены и в больших партиях, наказывать оружием, и начальство довольно было моею решительностью. Я употреблял строгие весьма меры, но не было сосланных.

По окончании войны против австрийцев армия наша возвратилась из Галиции, и часть оной, расположась в Волынской губернии, понудила отряд мой вывести в Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губернии. Квартира моя из Дубно перенесена в Киев. Вместе с Волынской губерниею оставил я жизнь самую приятную. Скажу в коротких словах, что я страстно любил W., девицу прелестную, которая имела ко мне равную привязанность. В первый раз в жизнь приходила мне мысль о женитьбе, но недостаток состояния с обеих сторон был главным препятствием, и я не в тех уже был летах, когда столько удобно верят, что пищу можно заменить нежностями. Впрочем господствующею страстию была служба, и я не мог не знать, что только ею одною могу достигнуть средств несколько приятного существования. И так надобно было превозмочь любовь! Не без труда, но я успел.

1810. Дивизия, к которой я принадлежал, вскоре по возвращении из Галиции отправлена в Молдавию, но я по-прежнему оставлен с резервом. Я писал о перемене назначения моего графу Аракчееву, но в самое то время на место его военным министром назначен

* В первый раз в состав резервов взяты от полков два батальона и от кавалерийских полков по одному и по два эскадрона, артиллерия же полными ротами.

генерал Барклай де Толли, которому я мало был известен. Все занятия мои в Киеве ограничивались употреблением порученных мне войск на построение новой крепостцы на Звериной горе. Избавляясь ужасной скуки, объезжал я войска в квартирном их расположении и занимался сформированием двух коннотатарских полков, Евпаторийского и Симферопольского. При росписании всей кавалерии непонятным образом поручены артиллерийскому генералу два полка иррегулярной конницы.

Около двух лет прожил я в Киеве, и тяготила меня служба ничтожная и чести не приносящая. С другой стороны, льстило меня благосклонное мнение начальства, и генерал князь Багратион, назначен будучи главнокомандующим Молдавской армиею⁶, просил об определении меня начальником артиллерии в армии, на что не последовало соизволения. Поступивший на место его главнокомандующим генерал граф Каменский⁷, проезжая Киев, предложил мне служить с собою. За величайшее благодеяние принял я предложение его и ожидал в звании бригадного командира иметь два полка, на которые весьма охотно променявал я отряд из 14 тысяч человек, преобразованных в лопатники. Прибывши в армию, граф Каменский представлял государю о назначении меня дежурным генералом. Свыше ожидания моего было сие назначение, и я с восхищением ожидал повеления отправиться в армию. Главнокомандующий был в особенной доверенности у государя, и все представления его были утверждаемы, но в рассуждении меня он получил отказ, и ему ответствовано, что я надобен в настоящей должности.

Также сделано было предложение заменить мною умершего генерал-майора графа Пукато, который с отдельною частью войск действовал вместе с сербами против Видинского паши⁸. На сие сказано, что я молод. Надлежало разуметь в сем случае старшинство в чине, ибо многим в меньших летах не было упрекаемо в молодости. Не могло счастье представить более случаев, льстящих честолюбию, особенно служащему без покровительства; но тем более огорчала меня неудача, что в настоящем чине, не будучи еще употреблен против неприятеля, я желал первые опыты сделать против турок, где ошибки легко поправляемы или, по крайней мере, менее вредны. Мне нужна была опытность и случай оказать некоторые способности, ибо, служа во

фронте артиллерийским офицером, я мог быть известен одною смелостию, а одна таковая в чине генерал-майора меня уже не удовлетворяла.

Итак, оставаясь по-прежнему в Киеве, должен я был назначение мое почитать продолжительным.

1811. Получивши на короткое время увольнение в отпуск, проехал я в Петербург. Я представлен был государю в кабинете, что предоставляемо было не менее, как дивизионным начальникам. Слух носился о рождающихся неудовольствиях с Наполеоном, с которым редко можно кончить их иначе, как оружием. Многие к сим причинам относили благосклонный прием, делаемый военным. Не имея сего самолюбия, боялся я в душе моей на случай войны остаться в резерве. Инспектор всей артиллерии барон Меллер-Закомельский хотел употребить старание о переводе меня в гвардейскую артиллерийскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовал я себя годным, и возвратился в Киев. Вскоре за сим военный министр уведомил письмом, что государь желает знать, согласен ли я служить в гвардии командиром артиллерийской бригады? Я отвечал, что, служа в армии и более будучи употребляем, я надеюсь обратить на себя внимание государя, что по состоянию не могу содержать себя в Петербурге, а без заслуг ничего выпрашивать не смею. Высочайший приказ о переводе меня в гвардию был ответом на письмо мое! Не мог я скоро отправиться к новому моему назначению, ибо, переломив себе в двух местах руку, я долго был болен.

По донесении о сем государю прислан курьер узнать о моем здоровье, и военному губернатору приказано каждые две недели уведомлять о нем. Удивлен я был сим вниманием и стал сберегать руку, принадлежащую гвардии. До того менее я заботился об армейской голове моей!

За два месяца до окончания года приехал я в Петербург и вступил в командование бригадою, не входя в хозяйственную часть оной, желая показать, что я не ищу выгод. Государь принял меня с обыкновенною милостию, и сего довольно, чтобы фигура моя не казалась чужеземною в столице. Великий князь⁹ со времени последней кампании постоянно был мне благосклонным. Изломанная рука моя доставляла мне возможность не во всех участвовать ученьях и разводах, которые большую часть времени отнимают у служащих в Петер-

бурге, и я был довольно свободным. Вскоре вновь сформирован Литовский гвардейский полк, поступивший вместе с Измайловским полком в бригаду, в которую государь назначил меня командиром с сохранением артиллерийской бригады. К жалованью моему прибавлено в год по 6000 рублей.

1812. Таким неожиданным образом переменилось вдруг состояние бедного армейского офицера, и я могу служить ободряющим примером для всех, подобных мне. В молодости моей начал я службу под сильным покровительством и вскоре лишился оного. В царствование императора Павла I-го содержался в крепости и отправлен в ссылку на вечное пребывание. Все младшие по службе сделались моими начальниками, и я при нынешнем государе вступил в службу без всяких выгод, испытывал множество неприятностей по неблаговолению начальства, всего достигал с большими усилиями, по очереди, и нередко с равными правами на награду неравные имел успехи со многими другими. В доказательство сего скажу пример, теперь со мною случившийся. Отряды резервных войск поручены были артиллерии генерал-майорам князю Яшвилю и Игнатьеву, но по расположению моего отряда на границе на мне одном возлежала стража оной, и с большою властью большая ответственность. Им обоим дан орден Св. Анны первого класса, мне даже не изъявлено благодарности.

О сделанной мне обиде объяснился я с военным министром Барклаем де Толли, который с важностию немецкого бургомистра весьма хладнокровно отвечал мне: «Правда, что упустил из виду службу вашу». Я желал бы в сию минуту видеть в нем знатного человека, и отказ, мне сделанный, был бы приправлен вежливостию. Не менее сего досаден мне был отказ в представлении инспектора всей артиллерии, коим просил он определить меня начальником артиллерии в Молдавскую армию под предводительством генерала Кутузова, благосклонно расположенного ко мне. После сего поданною запискою военному министру объяснил я необходимость лечиться кавказскими минеральными водами и просил об определении меня на линию бригадным командиром. Он сказал мне, что по собственному благоволению ко мне государя я хочу заставить дать себе награду и прошу об удалении, зная, что на оное не будет согласия. Итак я успел только, к общему всех

удивлению, разгорячить ледовитого немца*, который изъяснился с великим жаром. Вскоре за сим я удостоверился, что весьма трудно переменить мое назначение, ибо когда инспектор всей артиллерии (по согласию моему) вошел с докладом о поручении мне осмотра и приведения в оборонительное положение крепости Рижской и мостового укрепления в Динабурге**, государь, не изъявив соизволения, приказал мне сказать, что впредь назначения мои будут зависеть от него, и что я ни в ком не имею нужды. Когда же увидел меня, спросил, сообщено ли мне его приказание, и прибавил: «За что гонять тебя из Петербурга? Однако же я помещал, и без того много будет дела». Не смел я признаться, что желал сим переменить род моей службы, и доволен был, что военный министр не довел до сведения о поданной мною записке.

В таком положении прошло время до марта месяца, в начале коего выступила гвардия в Литовскую губернию. Его высочество цесаревич повел колонну, составленную из гвардейской кавалерии. Под моей командою в особенной колонне следовала вся гвардейская пехота.

Quo fata trahunt retrahunque, sequamur***.

Virgilius

* Барклай де Толли по происхождению шотландец (сост.).

** Инспектор всей артиллерии желал доставить мне случай получить награду, которая дана генерал-майорам князю Яшвилю и Игнатьеву.

*** Направимся туда, куда влечет нас наша судьба.

Вергилий (лат.).



Записки

генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й
Западной армии,
в Отечественную войну 1812 года

Настал 1812 год, памятный каждому русскому, тяжкий потерями, знаменитый блистательною славою в роды родов!

В начале марта месяца гвардия выступила из С.-Петербурга. Чрез несколько дней получил я повеление быть командующим гвардейскою пехотною дивизиею*. Назначение, которому могли завидовать и люди самого знатного происхождения и несравненно старшие в чине. Долго не решаюсь я верить чудесному обороту положения моего. К чему однако же не причает счастье? Я начинал даже верить, что я того достоин, хотя, впрочем, весьма многим позволяю я с тем не согласоваться. Скорое возвышение мало известного человека непременно порождает зависть, но самолюбие умеет истолковать ее выгодным для себя образом, и то же почти сделал я, не без оскорбления, однако же, справедливости.

Дивизионным начальником прихожу я на маневры

* Дивизию составляли полки:

1-я бригада: Преображенский Семеновский	} бригадный командир генерал-майор Розен ¹ . бригадн[ый] командир флигель-адъютант Удом ² . бригадный командир полковник Бистром ³ .
2-я бригада: Измайловский Литовский	
3-я бригада: Егерский Финляндский	

К сей бригаде присоединен гвардейский Морской экипаж.

в Вильну. Все находят гвардию превосходною по ее устройству, и часть похвалы, принадлежавшей ей по справедливости, уделяется мне, без малейшего на то права с моей стороны.

После краткого пребывания в Вильне гвардия возвратилась на свои квартиры в город Свенцяны.

Французы в больших силах находились близ наших границ. Слухи о войне не были положительны; к нападению по-видимому никаких не принималось мер, равно и с нашей стороны не было особенных распоряжений к возбранению перехода границ. Ближайшие из окружающих государя допускали мысль о возвращении графа Нарбонна⁴, адъютанта Наполеона, присланного с поручениями, который в разговорах своих ловким весьма образом дал некоторые на то надежды. Были особы, совершенно в том уверенные.

В тот самый день, когда государю императору дан был праздник знатнейшими сановниками и составляющими его свиту (*la maison de l'empereur*), в загородном гулянье близ Вильны (в Закрете), среди великолепия и роскошных увеселений, приехал из Ковно чиновник с известием, о котором немедленно доведено до сведения государя⁵. Не могло укрыться смятение между окружающими, и дало повод к заключениям о причине внезапного прибытия, а вскоре затем разгласила молва, что французы перешли Неман недалеко от Ковно, что город занят ими, и казаки на передовой страже отступают, разменявшись выстрелами. Исчез обоюдный страх, долгое время в нерешимости удерживавший, и мы огромным неприятеля ополчением, ступившим на нашу землю, прежде Вильну и вскоре всю Литву, едва сопротивляясь, уступили!

В Вильне должен был генерал-адъютант Балашов⁶ с письмом от государя к Наполеону дожидаться его прибытия.

Государь прибыл к гвардии, и ей приказано расположиться при Свенцянах лагерем.

1-й Западной армии, сильнейшей числом войск, назначен главнокомандующий генерал от инфантерии военный министр Барклай де Толли, главная его квартира в Вильне.

Составляющие ее корпуса находятся под команду:

1-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна. Корпусная его квартира в местечке Кейданах.

2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута в Вилкомире.

3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го (Николая Алексеевича) в городе Троках.

4-й корпус генерал-адъютанта графа Шувалова⁷ в городе Лиде.

5-й корпус великого князя Константина Павловича в городе Видзах.

6-й корпус генерала от инфантерии Дохтурова в местечке Слониме.

Кавалерийские корпуса:

1-й генерал-адъютанта Уварова.

2-й генерал-адъютанта барона Корфа.

3-й генерал-майора графа фон дер Палена (Петра Петровича).

Донское войско под начальством атамана генерала от кавалерии Платова в городе Гродно и Белостокской области.

2-й Западной армии главнокомандующий генерал от инфантерии князь Багратион. Главная его квартира в местечке Пружанах.

3-я Западная армия под начальством генерала от кавалерии Тормасова⁸. Главная его квартира в Дубне.

Молдавская армия, предводительствуемая адмиралом Чичаговым⁹, находилась большею частью в Валахии, где оставалась до заключения мира с Оттоманскою Портою, коего прелиминарные пункты были уже подписаны¹⁰.

Первые две армии расположены были по европейской нашей границе и должны были противостоять вторжению армий, лично предводимых Наполеоном; но столько несоразмерны были силы, и так на большом пространстве рассеяны наши войска, что единственное средство было отступление без потери времени.

Известны были огромные приуготовления Наполеона к войне, с поспешностию делаемые. Могущественно было влияние его на Рейнский союз¹¹, и после блистательных успехов его в последнюю войну против австрийцев не мог он ожидать, чтобы император Франциск I дерзнул поднять на него оружие, и даже сама Пруссия, долго льстившая соединением с нами, должна была склониться на его сторону.

Война России совокупно с Пруссией против Наполеона в 1806—1807 годах, конченная Тильзитским миром, грозила разрушением Пруссии¹². Могущественное

посредничество государя сохранило ее, но при всем том взяты в обеспечение некоторые из главных крепостей и заняты французскими гарнизонами, ограничено количество войск, которое не должна превосходить прусская армия.

Россия тщетно старалась избежать войны; должна была наконец принять сильные против нее меры.

Мнения насчет образа войны были различны. Не смея взять на себя разбора о степени основательности их, я скажу только то, что мне случалось слышать.

Военный министр предпочитал войну наступательную. Некоторые находили полезным занять Варшавское герцогство и, вступивши в Пруссию, дать королю благовидную причину присоединиться к нам, средство усилить армию и далее действовать сообразно с обстоятельствами. Если бы превосходные силы неприятеля заставили перейти в войну оборонительную, Пруссия представляет местность особенно для того удобную, средства, продовольствие изобильные, и война производилась бы вне границ наших, где приобретенные от Польши области не допускают большой степени к ним доверенности.

Несравненно большие могли предстоять выгоды, если бы годом ранее, заняв герцогство Варшавское, вступили мы в союз с королем прусским. Польская армия, с невероятною деятельностью сформированная, не более имела тогда пятидесяти тысяч человек и не дерзнула бы противостать нам или могла быть уничтожена; французские войска в Германии под начальством маршала Даву не были многочисленны и, в надежде на содействие Пруссии, на большом пространстве рассыпанные, не успели бы к спасению ее. Гарнизоны по крепостям, из них составленные, были малолюдны и некоторые из крепостей совсем не заняты. Жестокая война с Гишпаниею¹³, гибельная для французских ополчений, требовала непрерывно значительных подкреплений, и только за год до начала войны с нами (1811) допустила заняться составлением громадных армий [—] французской и Рейнского союза. Члены сего понуждаемы были к чрезвычайным усилиям, к отяготительным издержкам, которые не могли поощрять к добровольному соучастию. Австрия, видя в руках наших Варшавское герцогство, Пруссию, подъявшую оружие, вероятно не осталась бы в виновном бездействии, и тогда, смилив всеобщего врага, можно бы дать мир утомленной бедствиями Европе, исхитить царей из порабощения и

страх, вселенный в них Наполеоном, обратить ему в ужас и отмщение. Преткнулись бы шаги его на той земле, где каждый из них провождал к победам и торжествам. Предположив, что Австрия, не смея решиться соединить оружие свое с нашим, будет упорствовать в сохранении нейтралитета, и тогда Наполеон в борьбе с армиями, нашею и прусскою, и понуждаемый сверх того разбросать немалое число войск для наблюдения за крепостями и для удержания в повиновении занятых областей, лежащих в тылу армии, мог почитать вступление в наши границы небезопасным и способы его не довольно для того благонадежными.

В настоящее время (1812) казалось все приуготовленным со стороны нашей к войне наступательной: войска приближены к границам, магазины огромные заложены в Белостокской области, Гродненской и Виленской губерниях, почти на крайней черте наших пределов. В то самое время однако же, не отвергая возможности отвратить войну переговорами и демонстрациею, ожидали даже вторичного приезда присланного Наполеоном графа Нарбонна¹⁴, но полученные наконец достоверные сведения о чрезвычайных силах, сосредоточиваемых в близком расстоянии от границ, решили отступление наших армий.

Некто бывшей прусской службы генерал Фуль¹⁵, теперь в нашей генерал-лейтенантом, снискавший доверенность, которой весьма легко предаемся мы в отношении к иноземцам, готовы будучи почитать способности их всегда превосходными, между разными соображениями и проектами предложил, как многие утверждают, мысль о приуготовлении укрепленного лагеря на реке Двине близ местечка Дриссы. Направление, на котором устроен сей лагерь, при первом взгляде сообщает понятие о воинских соображениях господина Фуля. Ему же приписывают возражение против сближения 1-й армии со 2-ю армиею в том предположении, чтобы могла она действовать во фланге неприятеля, когда он устремится на нашу 1-ю армию.

Не только не смею верить, но готов даже возражать против неосновательного предположения, будто военный министр одобрял устройство укрепленного при Дриссе лагеря, и что еще менее вероятно, будто не казалось ему нелепым действие двух разобщенных армий на большом одна от другой расстоянии, и когда

притом действующая во фланг армия не имела полных пятидесяти тысяч человек.

Если бы Наполеон сам направлял наши движения, конечно не мог бы изобрести для себя выгоднейших.

Генерал от кавалерии барон Беннингсен, бывший главнокомандующий в последнюю войну с французами в Пруссии, всемерно старался склонить на сближение армий, так чтобы от нас зависело или стать на прямой дороге, идущей на Смоленск, или избрать такое положение, которое бы препятствовало неприятелю отклонить нас от оной; но при всей настойчивости успел только согласить на перемещение 2-й армии из окрестностей Луцка, что на Волыни, в местечко Пружаны.

Войска наши, приближенные к границе, охватывая большое пространство, могли казаться Наполеону готовыми возбранить переправу чрез Неман, и конечно трудно было предположить, чтобы такое размещение их сделано было для удобнейшего отступления, которое раздробление сделает необходимо затруднительным, подвергая опасности быть разрезанным по частям.

Наполеон, с главными силами перешедши Неман от Ковно, направлением их обнаружил намерение корпуса наши не допустить соединиться, в чем, конечно, успел бы частью, если бы мог скорее совершить переправу, не будучи принужденным дожидаться с войсками. Имея между поляков много людей приверженных, без сомнения извещен был обстоятельно о расположении войск наших*, быть может и о намерении оставить Литву.

6-й корпус, для содержания сообщения между обеими армиями расположенный довольно далеко, присоединился не по причине принятых со стороны нашей мер, но единственно по медленности переправы неприятеля. Отряд гусар из окрестностей Гродно догнал 6-й корпус на пути его, потому что им командовал генерал-майор граф Пален, прошедший в продолжение трех дней почти двести верст**.

* В бумагах, взятых у неприятеля, найдено квартирное расписание войск, расположенных в Литве, список наших генералов и верное исчисление войск наших, которые довольствовались хлебом, собираемым взамен податных недоимок. Это могло казаться намерением не оставить в краю средств для неприятеля.

** Надобно знать графа Палена, чтобы не казалось это чрезвычайным. При отличных способностях, пламенный и ледовитый по обстоятельствам, предприимчивый и осмотрительный, когда требуется.

Войско Донское под начальством самого атамана генерала Платова, расположенное близ Гродно, будучи назначено действовать вместе с 1-ю армиею, при всей свойственной ему быстроте, не могло к ней присоединиться, и движением корпуса маршала Даву отброшенное, должно было обратиться к армии князя Багратиона. В команде атамана Платова находился отряд генерал-майора Дорохова из одного гусарского и двух егерских полков.

Таким образом, 1-я армия, хотя слабо преследуемая, защищаясь на каждом шагу, взяла направление на славный по слухам при Дриссе лагерь*. Арриергард имел при селении Давгелишки довольно горячую схватку. Далее неприятель являлся в малых силах и более наблюдал, нежели преследовал. За отсутствием атамана только три донских казачьих полка находились при армии, а потому в арриергарде употреблена была легкая гвардейская кавалерийская дивизия.

Наконец армия вступила в лагерь. Авангард остановился не в далеком расстоянии. 1-й корпус перешел на правый берег Двины и стал у местечка Друи, авангард от него по направлению к Опсе. Также перешел и 6-й корпус, стал у городка Дриссы, авангард от него у местечка Дисны. Следование армии было так быстро, что далеко позади оставила она неприятеля и должна была посылать партии отыскивать, где он. Узнали, что в Бельмонте главная квартира Наполеона при небольших силах, но что главные направляются на Дисну по левую сторону нашего лагеря.

Главкомандующий, обзревая лагерь, нашел, что он устроен на число войск гораздо превосходнейшее, нежели с каким прибыла армия. Генерал барон Беннингсен осмотрел в подробности и заметил, что многие части укреплений не имели достаточной между собою связи, и потому слаба была взаимная их оборона; к некоторым из них доступ неприятелю удобен, сообще-

* Лагерь, требовавший продолжительного времени для работ, свидетельствует дальновидность предложившего оный. Но выбор направления, самого места для лагеря и образ укреплений, по мнению многих, не мог не быть соображением здравого ума. Господин Фуль может найти утешение в одобрении немалого числа наших генералов и пренебрегать мнением французов, которые назвали лагерь образцом невежества в науке укрепления мест. Мне не случилось слышать возражений против того.

ние между наших войск затруднительно. Были места близ лагеря, где неприятель мог скрывать свои движения и сосредоточивать силы. Профили укреплений вообще слабы. Три мостовые укрепления чрезмерно стеснены, профили так худо соображены, что с ближайшего возвышения видно в них движение каждого человека. Все описанные недостатки не изображают еще всех грубых погрешностей, ощутительных для каждого, разумеющего это дело. Лагерь требовал немало времени для построения, трудов и издержек, и сверх того к нему проложены военные дороги.

Здесь у места упомянуть о прочих укреплениях, прежде войны предпринятых. В Риге мостовое укрепление распространено и прибавлены некоторые вновь; крепость приведена в оборонительное состояние.

Крепость Динабургская на реке Двине строилась более года, сделано мостовое необширное укрепление, пороховой погреб и караульня. Линии самой крепости едва были означены. По обыкновенному порядку отчеты в издержанных суммах даны исправные; иноземец, давший проект и управлявший работами, признан за человека с превосходными дарованиями, и прежде всяких заслуг дан ему чин. Укрепление сие в продолжение войны два или три дня противостало небольшим неприятельским партиям легких войск, после чего орудия и снаряды были потоплены и мост сожжен.

На правом берегу реки Березины против города Борисова устроено укрепление, дабы не допустить неприятеля овладеть мостом, впоследствии у неприятеля взятое нашими войсками.

Крепость Бобруйская на реке Березине, хотя непродолжительное время строившаяся, в такое же однако приведена состояние, что требовала бы осады, для произведения которой не доставало средств у неприятеля, и он ограничился обложением.

При Киевской крепости, на горе, называемой Зверинецкою, вновь построена небольшая крепостца, при работах которой находился я сам с отрядом войск от резервной армии, и потому знаю все безобразные ее недостатки. От старой крепости в 400 сажнях расстояния мало вспомоществует ей собою и даже сообщения довольно свободного не имеет; не представляет собой даже и той пользы, что далеко удерживает неприятеля

от крайностей, ибо овладевши ею неприятель чувствительного вреда крепости нанести не может*.

Сила описанных крепостей по-видимому не заключается в них собственно, но в отдалении способов неприятеля для предпринятия осад.

Сему обязаны мы целостию Риги, сохранением Бобруйска и можем принимать их за твердыни непреодолимые.

Во время пребывания 1-й армии в укрепленном лагере неприятель собирался на левом нашем крыле, направляясь на Дисну. Маршал Даву поспешал к Минску с сильным корпусом, но только еще голова оного приближалась к городу. Князь Багратион мог бы предупредить Даву в Минске, и если бы даже встретился с его войсками, то конечно с одними передовыми, как то известно сделалось после; надобно было, и он должен был решиться атаковать, предполагая даже понести некоторую потерю, чтобы овладеть дорогою на Смоленск. Изменила князю Багратиону всегдашняя его предприимчивость. К тому же скорость движения его умедливали худые от Несвижа дороги и переправа чрез Неман у местечка Николаева. Также получая о неприятеле вести преувеличенные, он возвратился к Несвижу и чрез Слуцк пошел на Бобруйск. За ним последовали войска в команде короля вестфальского и князь Понятовский¹⁶ с польскою конницею. С сего времени на соединение обеих армий отняты были все надежды. Государь император изволил сообщить мне полученное им известие и не скрыл, сколько горестно оно было для его сердца, но утешительно мне было видеть, что можно надеяться на его твердость.

Определено отступление 1-й армии из укрепленного лагеря. Июля 1-го дня возложена на меня должность начальника главного штаба армии. От назначения сего употребил я все средства уклониться, представляя самому государю, что я не приуготавливал себя к многотрудной сей должности, что достаточных для того сведений не имею и что обстоятельства, в которых находится армия, требуют более опытного офицера и более известного армии. Конечно, нетрудно было во

* Мысль устроить крепостцу принадлежит инженер-генерал-лейтенанту Опперману, и на него непосредственно возложено составление проекта и приведение его в исполнение. Не решаюсь думать, чтобы у инженеров новейшего времени нельзя было заниматься чего-нибудь достойного подражания.

множестве генералов найти несравненно меня способнейших, но или надобны́ они были в своих местах, или, видя умножающиеся трудности, сами принять должности не соглашались.

Я просил графа Аракчеева употребить за меня его могущественное ходатайство. Он, подтвердивши, сколько трудна предлагаемая мне должность, не только не ободрил меня в принятии оной, напротив, нашел благорассудительным намерение мое избавиться от нее, говоря, что при военном министре она несравненно затруднительнее, нежели при всяком другом. Известно было, что он поставлял на вид государю одного из старших генерал-лейтенантов Тучкова 1-го (Николая Алексеевича), основательно полагаясь на опытность его, приобретенную долговременным служением*. Государь, сказавши мне, что граф Аракчеев докладывал ему по просьбе моей, сделал мне вопрос: «Кто из генералов, по мнению моему, более, способен?» — «Первый встретившийся, конечно, не менее меня годен», — отвечал я. Окончанием разговора была решительная его воля, чтобы я вступил в должность. «Если некоторое время буду я терпим в этом звании, то единственно по великодушию и постоянным ко мне милостям Вашего величества», — сказал я и одну принес просьбу: не лишить меня надежды возвратиться к командованию гвардейскою дивизиею, от которой показывался я в командировке. Мне это обещано.

Итак, в звании начальника главного штаба армии состоял при главнокомандующем, который был вместе и военным министром, имел я случай знать о многих обстоятельствах, не до одного укрепления армии касающихся, а потому все, описываемое мною, почерпнуто или из самых источников или основано на точных сведениях, не подверженных сомнению. В должности прежде меня находился генерал-лейтенант маркиз Пауллуччи¹⁷, и после шести дней удален из армии к другому назначению по настоянию недовольного им главнокомандующего. Первый помощник мой по делам службы, исправляющий должность дежурного генерала, флигель-адъютант полковник Кикин, бывший при вве-

* Многими отличными качествами приобрел он общее уважение, но в течение продолжительного служения его не представился случай, в котором мог бы он обнаружить особенные способности военного человека.

дении нового образа управления по изданному незадолго положению о большой действующей армии, не желая служить с моим предместником, сказался больным, и в должность его вступил комендант главной квартиры полковник Ставраков. Если возможно понимать смысл следующих слов «сие судеб преисполненное имя», то, кажется, более всех может оно ему приличествовать, ибо судьба преследовала им всех бывших главнокомандующих. Суворов превыше своих современников один смел взять его по собственной воле, прочие не могли от него избавиться. Он находился при нем в Италии при графе Буксгевдене, а потом при бароне Беннингсене в Пруссии, перенёсся в Финляндию ко всем переменившимся главным начальникам, а теперь не избег от него генерал Барклай де Толли! За что же, по крайней мере, терпят его в должности дежурного генерала? Я прошу переменить его, главнокомандующий находит его весьма способным. Сколько ни стараюсь уговорить полковника Кикина, не соглашается избавить меня от Ставракова!

В должности генерал-квартирмейстера находился полковник Толь¹⁸, офицер отличных дарований, способный со временем оказать большие заслуги; но смирять надобно чрезмерное его самолюбие, и начальник его не должен быть слабым, дабы он не сделался излишне сильным. Он при полезных способностях, по роду служебных его занятий, соображение имеет быстрое, трудолюбив и деятелен, но столько привязан к своему мнению, что иногда вопреки здравому смыслу не признает самых здравых возражений, отвергая возможность иметь не только превосходные способности, ниже допускает равные.

Июля 2-го дня армия перешла за Двину и расположилась у Дриссы. Слишком ощутительно было неудобство иметь в тылу реку, какова Двина, ибо армия, двигаясь без малейших препятствий, не в одно время и не теснимая неприятелем, не избегла однако же некоторых замешательств. Половина мостов сохранена для артиллерии генерал-адъютанта барона Корфа.

1-й корпус расположился против правого фланга бывшего лагеря, отряд от него у Друи и наблюдательные посты у Динабурга. 6-й корпус приблизился к Дисне, дабы подкрепить авангард графа Палена на левом берегу Двины, открывающий неприятеля отражаемыми вдале разъездами.

Государь поручил флигель-адъютанту графу Потоцкому в случае надобности истребить против Дисны переправу, и он, пылая усердием исполнить поручение, сообщил пламень и провиянтскому магазину довольно значительному, тогда как французы были не ближе 70 верст расстояния и с такою возвратился поспешностию, что не заметил, как жители растащили запасы, которые довольствовались после и авангард 6-го корпуса и самый корпус.

Вероятно подвигу своему он успел дать хорошую наружность; но мне неизвестно, было ли особое описание его (mémoire). После того не было уже моста, но за рекою был авангард графа Палена, усиленный дивизиею пехоты от 4-го корпуса, и должен был оставаться долее, дабы под закрытием его армия могла отступить к Полоцку.

Июля 4-го числа армия двинулась и в три дня пришла к Полоцку. Оставленный в прежнем расположении арриергард генерал-майора барона Корфа, не видав неприятеля, перешел на правый берег Двины.

4-й корпус графа Витгенштейна из 24 тысяч человек, расположенный близ Друи, имел повеление, в случае действия против него превосходных сил, отступить к Пскову, прикрывая Петербург. Если бы неприятель не помышлял о нем, то довольно робости столицы, чтобы предпринять меры к рассеянию страха. Подобные маневры можно по справедливости назвать придворными. Неприятель показал небольшую часть легких войск, занял отрядом местечко Друю и в небольших силах приблизился к Динабургу. Граф Витгенштейн донес главнокомандующему, что он намерен усилить расположенный против Друи отряд и удерживать Динабург. Начальник штаба 1-го корпуса генерал-майор Довре¹⁹ уведомил меня, что для усиления отряда назначается десять баталионов пехоты с приличным числом артиллерии и конницы, которой и без того было весьма недостаточно. Главнокомандующий позволил мне сказать мое мнение и подтвердил возражение мое против раздробления сил. Странно намерение, зная движение неприятеля на левый фланг, защищать Динабург отдаленный и к обороне не приуготовленный, когда впереди его невозможно маневрировать.

В сие время корпус прусских войск генерала Йорка²⁰ вступил в Курляндию, занял Митаву, и легкие его войска появились у предместия Риги. К нему присоеди-

нились войска других наций, составляя вообще до сорока тысяч человек под начальством маршала Макдональда²¹.

3-я западная армия генерала Торماسова была около Бреста Литовского против корпуса саксонских войск в команде французского генерала Ренье²², вступившего в границы наши совокупно с австрийскими войсками под начальством генерала князя Шварценберга²³, который находился еще в некотором расстоянии.

Отряд генерал-лейтенанта Эртеля²⁴ около четырнадцати тысяч человек стоял в бездействии в Мозыре; слабое от него отделение у города Пинска. Проходя служение в должности полицейских и в них достигнув чина генерал-лейтенанта и других наград, он упражнял полицейские свои способности в утеснении жителей в окрестностях Мозыря.

Армия Молдавская под начальством адмирала Чичагова по заключении мира с Оттоманскою Портою начинала оставлять пределы Валахии, но дальний путь, ей предлежащий, отдалял ее на долгое время от содействия прочим армиям, и передовые ее войска едва еще приближались к Днестру.

Из Полоцка государь император отправился в Москву, сопровождаемый графом Аракчеевым, министром полиции генералом Балашовым и государственным секретарем Шишковым²⁵. При нем были генерал-адъютант князь Трубецкой²⁶ и флигель-адъютант Чернышев²⁷. Все прочие, особе государя принадлежащие чиновники, остались при армии. Остался и генерал Фуль с горьким в сердце чувством, что он не столько уже необходим государю, с отчаянием в душе, что лагерь при Дриссе найден бесполезным и усмотрены его недостатки. Ни раб-почитатель его, флигель-адъютант полковник пруссак Вольцоген²⁸, ни генерал-адъютант граф Ожаровский²⁹, им в ремесле военном просвещаемый, не проповедовали его славы. Умолкли мудрые его предложения продолжать отступление даже за Волгу; уже не внемлют благодетельным попечениям его о России. Судьба казнит неблагодарность вашу, россияне; вы не узрите берегов Волги!*

* Не была предусматриваема необходимость отступления, но достоверное сведение об изумляющей многочисленности ополчений Наполеона определило отступление необходимым средством до некоторого времени.

Отъезд государя произвел на войска неприятное впечатление. Появляясь каждый день веселым и сохранявшим спокойную наружность, не только не было мысли об опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми, и каждый оживлялся его присутствием. Но оно не менее нужно было и внутри России. Надобно было унылый дух возбудить к бодрости или постепенно приуготовить к перенесению больших бедствий. Москва, в сердце коей двести лет тишины и благоденствия, целый век величия и славы, закрыли прежних несчастий глубокие раны, ожидала утешения. Москва! Когда сретала (встречала.— *Сост.*) ты царя своего без восхищения? Где более являема была ему сынов его приверженность? Отъезд был необходим! Сетующу войску обещано скорое его возвращение, и все возвратилось к прежнему порядку, или, по крайней мере, не увеличился беспорядок.

При выступлении из Полоцка известно уже было, что неприятель в силах показался у Дисны и следовал вверх по левому берегу Двины. Арриергард графа Палена перешел уже на правый берег и защищал переправу до вечера того дня. 6-й корпус, и при нем одна дивизия от 4-го пехотного корпуса, занимали на ночлеге средину расстояния между арриергардом и армиею.

Следование армии продолжалось к Витебску. 6-й корпус в одном марше назад. Граф Пален, отправивши к армии довольно большое количество провианта, оставил берег Двины. Неприятель, переправившись у Дисны, на другой день начал преследование меньшими силами. В подкрепление графу Палену обращен кавалерийский корпус барона Корфа и несколько егерей. Много уже неприятельских войск усмотрено на левом берегу против Полоцка, но арриергард наш прошел благовременно сей пункт.

В Полоцке погрозил я кандалами комиссионеру 7-го класса Юзвицкому, который отправлялся с суммою денег уплатить за купленный будто им у евреев провиант на том берегу, где неприятель, и откуда никто не помышлял перевезть его на нашу сторону, хотя в армии чувствуем уже был недостаток. Благоразумны были распоряжения генерал-интенданта Канкрин³⁰, который во время пребывания армии в укрепленном лагере, заготовил большое весьма количество печеного хлеба, но много из него принужден был оставить,

потому что время отступления армии было не определено, и невозможно было собрать средств, перевозке соразмерных*.

Г. Канкрин, человек отлично умный, далек, однако же, той расторопности, которую люди ловкие в изворотах провиантской промышленности находят необходимою для искусного прикрытия казенного ущерба. Не решусь однако же предположить, чтобы могло укрыться от него, если кто другой отличается знанием сего ремесла, как и предузнать трудно, всегда ли он будет упреком для других.

В Полоцке также на прочном основании утвердилась вражда между великим князем Константином Павловичем и главнокомандующим. Опоздавший выступить в назначенное время командир конной гвардии полковник Арсеньев был им арестован. Довольно сего, чтобы возродить вражду; слишком много, чтобы усилить давно существующую. Великий князь воспылил гневом, ледовитый Барклай де Толли не охладил горячности.

В Полоцке по отъезде государя случилось мне обедать вместе с оставшеюся свитою, и я заметил разность в тоне, какую перемену в обращении! Государь увез с собою все величие и оставил каждого при собственных средствах. Люди, осужденные быть придворными, умеете снискать уважение собственными достоинствами, или, заимствуя блеск другого, умеете отражать его! Не мое дело толковать смысл сказанного одним из древних писателей:

...exeat aula
qui vult esse pius**.

Неужели думать надобно, что много было сходства между придворными людьми всех времен! С нами вместе обедал и генерал Фуль. Готическую свою важность, вывеску общего ко всем неуважения переменивший на придворную вежливость. Он кланялся прежде, не ожидая приносимых ему в дань поклонов. Исчезло рабственное к нему почтение, были уже приметившие в нем признаки сумасшествия, а Виллие³¹ уверял, что

* В продолжение четырех дней в каждый день три тысячи человек нижних чинов, при полковнике и офицерах, снаряжаемы были для хлебопечения; причем соблюдался строгий порядок.

** ...да удалится от двора тот,
кто хочет быть благочестивым (лат.).

испытанные средства не восстановили ума в полной мере; воля государя присвоила и не бывалый (ум. — *Сост.*)!

Армия прибыла к переправе при Будилове. Проходя, небольшой отряд оставила против Бешенковичей для обеспечения следования 6-го корпуса и далеко отстающего арриергарда графа Палена, равномерно и для прикрытия производившейся перевозки хлеба с другого берега. Неприятель не близко еще был от сего места, по причине трудной и весьма гористой дороги по левому берегу, и сверх того река к стороне его делает большой изгиб, что сокращало путь нам, а местоположение совершенно ровное скорости движения способствовало.

Между тем корпус французского войска маршала Даву, прошедши Борисов, овладел Могилевым и занял Оршу небольшим отрядом войск.

Армия князя Багратиона в следовании от Несвижа к Бобруйску имела схватки в арриергарде.

Атаману генералу Платову представился первому случай 27 и 28 июля при местечке Мире и после при местечке Романове доказать польской коннице, что в нас сохранилась прежняя поверхность над поляками, казакам предоставлена честь возобновить в сердцах их сие чувство.

Со времени уничтожения Польши, с 1794 года³², исчезло имя ее с лица земли и не существовало поляков. В 1807 году заключенный с Франциею мир в Тильзите произвел на свет герцогство Варшавское, вместе с надеждою распространить его, в случае несогласия между соседственными державами. Наполеон исчислил меру страха, коим господствовал он над сердцами царствующим его современникам: понесенные каждым из них в войнах огромные потери, блистательные и постоянные оружия его успехи, страх тот более и более распространившие, и дал надежду возрождения Польше. Воспламенились умы, и в короткое время все употреблены усилия надежде сей дать вид правдоподобия! В 1809 году Варшава уже союзница наша против Австрии, и мы в пользу ее, вопреки пользе собственной, исторгаем часть Галиции³³. В нынешней войне она уже против нас в общем союзе Европы и содействует Австрии. Мы умножили силы ее и вооружили против себя; для пользы ее попеременно вонзаем меч в сердце один другого, и судьба к ослеплению нашему прибавляет сетование, что недовольно глубоки наносимые

раны! Неужели не исполнится мера наказания Бога мстителя?

Князь Багратион, проходя Бобруйск, оставил в крепости больных из всей армии и от скорости движения усталых в большом количестве; из числа гарнизона присоединил к армии шесть баталионов пехоты; командующего в оной артиллерии генерал-майора Игнатьева утвердил в звании военного губернатора. В окрестности начали появляться неприятельские отряды, но до того генерал Игнатьев, удерживая народ в послушании и порядке, не отягощая его, собрал возможные пособия для снабжения крепости, и его распорядительности обязаны, что проходившая армия немалые получила вспоможения. Крепость не подверглась опасности, ибо неприятель, не имея средств предпринять осады, должен был ограничиться обложением. Итак, осталось неразрешенною проблемою, мог ли генерал Игнатьев быть более упорным, окруженный крепостным валом, нежели в сражении при Аустерлице, где быть таковым он не находил надобности? Судьба отсрочила испытание до другого времени.

Армия князя Багратиона следовала от Бобруйска на Быхов; преследовавший ее вестфальский король с своим корпусом и польские войска или утомленные продолжительным походом, или неудобные к равной скорости, далеко отставши, потеряли ее из виду. Она беспрепятственно продолжала свой путь.

Корпус генерал-лейтенанта Раевского атаковал при селении Дашковке часть войск маршала Даву, овладевшего Могилевым³⁴. В начале сражения силы неприятеля слабые, в продолжение умножились значительно; напротив, войска Раевского ослабевали, но в нем та же была неустрашимость и твердость, и он, шедши в голове колонны, ударил на неприятеля. Самый упорный бой происходил на левом крыле, где не мог неприятель остановить 26-ю пехотную дивизию, которую генерал-майор Паскевич³⁵ с неимоверною решительностию, неустрашимо, при всем удобстве местности, провел чрез частый лес и угрожал уже конечности неприятельского фланга, но должен был уступить несоразмерным силам. Действие генерала Раевского, заслоня совершенно движение армии, представляло князю Багратиону удобство, которым не помыслил он легко воспользоваться и, сделав беспрепятственно ускоренный переход, выиграть расстояние для избежания преследования.

Но вместо того армия расположилась на ночлег на той позиции, которую генерал Раевский* занял после сражения. Маршал Даву, приняв корпус Раевского за авангард и вслед за сим ожидая армии и генерального сражения, отошел к главным своим силам в Могилев, где и остался, приуговляясь к обороне. В сем положении долгое время удерживал его атаман Платов, появившийся с своими войсками у самых окопов Могилева. Князь Багратион, отправляя его на соединение с 1-ю армиею, дал ему сие направление. Грубая ошибка Даву была причиною соединения наших армий; иначе никогда, ниже за Москвою, невозможно было ожидать того, и надежда, в крайности не оставляющая, исчезала!

Если бы кто из наших генералов впал в подобную погрешность, его строго осудило бы общее мнение. Маршал Даву, более 10 лет под руководством великого полководца служащий, сотрудник его в знаменитых сражениях, украшавший неоднократно лаврами корону своего владыки, лавры себе снискавший и имя побед в прозвание, сделал то, чего избежали бы конечно многие из нас. Князю Багратиону оставалось единственное средство пробиваться, дабы соединиться с 1-ю армиею. Цель Даву — не допускать к тому, и он должен был стоять упорно, зная, что князь Багратион преследуем весьма сильными войсками. Конечно, ничего славного не ожидал Даву от короля вестфальского, но предполагать не мог, что он даже ходить не умеет и выпустит из виду неприятеля.

Убедитесь посвятившие себя военному ремеслу, а паче звания генерала достигшие, изумитесь, что навык один (routine) достоинства военного человека не заменяет, не подчинен правилам, управляем случайностию. Конечно, частое повторение одних и тех же происшествий или сходство в главных обстоятельствах дает некоторую удобность с большею ловкостию и приличием приравнивать или, так сказать, прикладывать употребление прежде в подобных случаях меры; но сколько маловажной надо быть разнице, чтобы приравнивание необходимо подверглось важнейшим изменениям! Убедитесь в истине сего, достигшие звания генерала!

* Под сильным картечным огнем генерала Раевского сопровождал сын его в самом юном возрасте.

Наполеон в маршалах своих имел отличнейших исполнителей его воли; в присутствии его не было места их ошибкам или они мгновенно им исправляемы были. Даву собственные распоряжения его изобличают.

В Будилове представил я главнокомандующему мысль мою перейти на левый берег Двины; основывал ее на том расчете, что неприятель проходил по берегу реки путем трудным и неудобным, что только кавалерия неприятельская усмотрена была против Полоцка, но главные силы и артиллерия были назади и от нас не менее как в трех переходах. Переправившись, следовать поспешно на Оршу, заставить маршала Даву развлечь силы его, в то время когда все его внимание обращено было на движение 2-й армии, и тем способствовать князю Багратиону соединиться с 1-ю армиею. Уничтожить расположенный в Орше неприятельский отряд, и перейдя на левый берег Днепра, закрыть собою Смоленск. Отправить туда прямою из Витебска дорогою все обозы и тяжести, дабы не препятствовали армии в быстром ее движении. Все сие можно было совершить, не подвергаясь ни малейшей опасности, по отдалению их; уверен будучи, что не имею права на полную главнокомандующего, и я получил приказание возвратить два кавалерийские корпуса, прошедшие вперед, и две понтонные роты для устройства моста при Будилове*.

Все приуготовлялось к переправе, и пришедшим нам успех предстоял верный. Не прошло часу после отданных приказаний, главнокомандующий переменял намерение. Я примечал, кто мог отклонить его, и не подозреваю другого, кроме флигель-адъютанта Вольцогена. Сей тяжелый немецкий педант пользовался большим его уважением. Разумея, что теряются выгоды, которые редко дарует счастье и дорого иногда стоит упущение их; уверен будучи, что не имею права на полную главнокомандующего ко мне доверенность, собственно по летам моим, с которыми опытность несовместима, я склонил некоторых из корпусных командиров представить ему о том собственные убеждения, но он остался непреклонным, и армия продолжала путь к Витебску. В Будилове оставлен сильный пост: ему приказано

* Государь, отъезжая из армии, между данными мне наставлениями приказал доводить до сведения его обо всех чрезвычайных случаях. Первое письмо мое его величеству было о сделанном главнокомандующему предложении. Оно послано с генерал-адъютантом Кутузовым³⁶ (Павел Васильевич, генерал-майор).

поступить в арриергард, когда он приблизится. Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов³⁷ послан за Двину с лейб-казачьим полком для наблюдения за неприятелем: ему приказано сведения о приближении его доставлять прямо в Витебск и отступать по той стороне реки.

Армия пришла в Витебск. 6-й корпус оставался в большом марше, при селении Старом. Арриергард выгодно расположился, прикрытый речкою и озерами. Пост из Бешенковичей присоединен. Действия преследующего неприятеля были незначительны. Между тем французская конница на левом берегу Двины оказалась на равной высоте с арриергардом, но пехота была в малом еще количестве.

Армия два уже дня покойно пребывала в Витебске, полагая, что граф Орлов-Денисов [за]благовременно предупредит о приближении неприятеля; но вероятно нехорошо расставлены были передовые посты и нерадиво делались разъезды, так что в трех верстах от нашего лагеря усмотрена неприятельская партия. Это побудило главнокомандующего послать навстречу неприятелю несколько полков конных при одном корпусе пехоты. Я предложил генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого, который отличился в последнюю войну храбростию и упорством в сражении. Надобен был генерал, который дождался бы сил неприятельских и они бы его не устрашили. Таков точно Остерман, и он пошел с 4-м корпусом.

Дано приказание 6-му корпусу расположиться против города. Мост чрез Двину был цел и еще устроен понтонный. Арриергард приблизился, чтобы не быть отрезанным с левого берега.

Граф Остерман встретил в двенадцати верстах часть передовых неприятельских постов и преследовал их до Островны. Здесь предстали ему силы несоразмерные, и дело началось весьма жаркое. Неприятель наступал решительно. Войска наши, роптавшие на продолжительное отступление, с жадностию воспользовались случаем сразиться; отдаление подкреплений, казалось, удвоило их мужество. Лесистые и скрытые места препятствовали неприятелю развернуть его силы; кавалерия действовала частями, но по малочисленности нашей они совершенно были в пользу нашу. Граф Остерман, имея против себя всегда свежие войска, должен был наконец уступить некоторое расстояние, и ночь прекратила

сражение. Неосмотрительностью командира двух эскадронов лейб-гусарского полка потеряно шесть орудий конной артиллерии*. Урон был значителен с обеих сторон. В подкрепление графу Остерману послан с 3-й пехотной дивизией генерал-лейтенант Коновницын**. В другой день рано поутру, заняв выгодную позицию, с свойственно ему неустранимостью, он удержал ее долгое весьма время, ни шагу неприятелю не уступая. Граф Остерман, ему содействуя, составлял резерв; прибыла кирасирская дивизия, но по свойству местоположения не была употреблена. Артиллерия постоянно оказывала большие услуги. Главнокомандующий, желая иметь точные сведения, приказал мне отправиться на место боя. Вскоре после прислан генерал-лейтенант Тучков 1-й с гренадерской дивизией, и положение наше было твердо! В два дня времени неприятель сражался с главными своими силами, которых чувствуемо было присутствие по стремительности атак их. Ни храбрость войск, ни самого генерала Коновницына бесстрашие не могли удержать их. Опрокинутые стрелки наши быстро отходили толпами. Генерал Коновницын, негодуя, что команду над войсками принял генерал Тучков, не заботился о восстановлении порядка, последний не внимал важности обстоятельств и потребной деятельности не оказывал. Я сделал им представление о необходимости вывести войска из замешательства и обратить к устройству. Они отдали кирасир, прибывших с генерал-адъютантом Уваровым, и другие излишние войска, производившие тесноту, и сделали то, по крайней мере, что отступление могло быть не бегством. Невозможно оспаривать, что, продолжая с успехом начатое дело, приятно самому его кончить, но непростительно до того простирать зависть и самолюбие, чтобы допустить беспорядок, с намерением обратить его на счет начальника. В настоящем случае это было слишком очевидно!

* Эскадроны введены в лес, преследуя неприятельские аванпосты, внезапно атакованные опрокинуты, орудия захвачены, не снятые с передков.

** В царствовании Екатерины II командовал пехотным полком; в последнюю против поляков кампанию, действуя им отдельно, дал заметить себя отлично храбрым и предприимчивым офицером. Дивизия под начальством его обращала на себя внимание примерным порядком.

Пославши генерала Коновницына с дивизиею к графу Остерману, главнокомандующий приказал 6-му корпусу и арриергарду графа Палена присоединиться к армии; сообщение с правым берегом прервано, мост разрушен и понтоны сняты.

В тот же день утром осматривал главнокомандующий занимаемую для армии позицию полковником Толем. Я сопровождал его и удивлен был, что он не обратил внимания на множество недостатков, которые заключала в себе позиция. Местоположение по большей части покрыто было до того густым кустарником, что квартиры, не видя один другого, откликались на сигналы; позади трудный переход чрез глубокий ров; сделать спуски не доставало времени. Главною целию было закрыть город. Я возразил против неудобств позиции, объяснив следующее мое мнение. Дать генеральное сражение опасно, будучи отдаленными от средств пополнить потери. Еще не уничтожена совершенно надежда соединиться с 2-ю армиею — главным предметом с некоторого времени, нашего отступления. При неудаче большая часть войск должна проходить чрез город, остальная — необходимо чрез ров. Если решено принять сражение, то лучше несравненно устроить армию по другую сторону города, имея во власти своей кратчайшую на Смоленск дорогу. Уступивши Витебск, мы прибавим одним городом более ко многим потерянными губерниям, и легче пожертвовать им, нежели другими удобствами, которых сохранение гораздо важнее. Главнокомандующий изъявил согласие, но готовился дать сражение и приказал избрать место за городом на дороге к Смоленску.

Сражение при местечке Острове началось с наступлением вечера и, возвратясь уже ночью, я донес обо всем главнокомандующему, а от него узнал о приуготовлении новой позиции. Я осмотрел ее с началом дня, когда в нее вступили уже войска. Нашел, что она также лесистая, также трудные между войск сообщения, обширная и требует гораздо большего числа сил. На правом фланге два корпуса — графа Остермана и Багговута — отрезаны глубоким оврагом, чрез который и в отсутствие неприятеля с трудом перевозили артиллерию. На левом фланге были высоты, на которых устроенные батареи могли действовать в продолжение наших линий; переменить боевой порядок невозможно, не затрудняя отступления. Предположив атаку правого

крыла, надобно было подкрепить его, а с поспешностью совсем невозможно, разве без артиллерии.

Генералу графу Палену составлен особый авангард, с которым вступил он в дело, сменивши войска генерала Тучкова 1-го, графа Остермана и Уварова, недалеко уже от занятой армиею позиции. Долго в виду ее удерживал стремление неприятеля. Наконец, отступивши за речку Лучесу, искусно воспользовался крутыми ее берегами для защиты находящихся в нескольких местах бродов. Французская армия, заняв все против лежащие возвышения, казалось, развернулась для того, чтобы каждому из своих воинов дать зрелище искусного сопротивления с силами несравненно меньшими, показать пример порядка, словом, показать графа Палена и вразумить их, что если российская армия имеет ему подобных, то нужны им усилия необычайные, опыты возможного мужества! Не были вы свидетелями, достойные его сотоварищи: Раевский, равный ему непоколебимым хладнокровием и предусмотрительностью, граф Ламберт, подобный мужеством и распорядительностью, и ты, Меллер-Закомельский, в коем соединены лучшие их свойства, достоинства замечательные, по которому можно упрекнуть одною чрезмерною скромностью.

Неприятель успел переправить часть войск, и видно было намерение его, отброся авангард к реке, заставить его отходить чрез город.

Приближалась та минута, в которую все усилия графа Палена могут сделаться тщетными. Не опрокинув авангарда, не мог неприятель сделать наблюдение позиции, занимаемой нашею армиею. Главнокомандующий послал в подкрепление несколько баталионов пехоты: приказал генерал-майору Шевичу с полками 1-го кавалерийского корпуса приблизиться к левому флангу авангарда, наблюдая пространство между им и армиею.

Внимательно рассмотрев невыгодное расположение армии, решился я представить главнокомандующему об оставлении позиции немедленно. Предложение всеко-нечно смелое, предприимчивость молодого человека, но расчет впрочем был с моей стороны: лучше пред-принять отступление с некоторым сомнением, совершить его беспрепятственно, нежели принять сражение и, без сомнения, не иметь надежды на успех, а может быть подвергнуться совершенному поражению. В одном

случае, по мнению моему, можно не отвергнуть сражения, если другая армия готова остановить торжествующего неприятеля и преодолеть его, обессиленного потерей. Мы были совсем в другом положении. Ближайшие к нам войска в Калуге — малые числом, слабые составом, и начальствовавший ими генерал от инфантерии Милорадович по единообразному одеянию называл их воинами. Если бы дождался мы неприятеля в позиции, вероятно, не с фронта начал бы он атаку, но частью войск занимая нас, перешел со всеми силами через реку Лучесу выше, где повсюду есть броды, и обратился бы на левое наше крыло — слабейший пункт, о котором сказал я выше. Невозможно предположить неудачи со стороны неприятеля, но и тогда беспрепятственно отходил он на дорогу к Борисову, усиливался всем корпусом маршала Даву и переходил к наступательным действиям.

Сей день сделал я первый над собой опыт и удостоверился, что крайность — лучшее побуждение к решительности, и что самая трудность предприятия в глазах исчезает. Надобно, чтобы то же убеждение, тот же дух руководил исполнителями. Нет времени размышлению, где одному действию место. Решит часто одна минута!

Главкомандующий колебался согласиться на мое предложение. Ему как военному министру известно было во всем объеме положение наше и конечно требовало глубокого соображения! Генерал-квартирмейстер Толь, вопреки мнению многих, утверждал, что позиция соединяет все выгоды, что должно принять сражение. Генерал Тучков 1-й, видя необходимость отступления, об исполнении его рассуждал не без робости. Решительность не была его свойством: он предлагал отойти ночью*. Генерал-адъютант барон Корф был моего мнения, не смея утверждать его. Не ищет он стяжать славу мерою опасностей. Подобно мне и многим душа его доступна страху и ей сражение не пища. Простительно чувство боязни, когда опасность угрожает общему благу! Я боялся непреклонности главнокомандующего, боялся и его согласия. Наконец он дает мне

* Надобно быть уверену, сказал я, что дозволит вам Наполеон дожидать до вечера. Но для нас необходимо было выиграть время, чтобы не быть преследуемым по пятам большими силами неприятеля, чему легко подвергнуть замедление с нашей стороны.

повеление об отступлении. Пал жребий, и судьба исхитила у неприятеля лавр победы!

Был первый час пополудни, авангард в жесточайшем огне, между армиями близкое расстояние, и о присутствии Наполеона возвестили нас пленные.

О дерзость, божество, пред жертвенником которого человек не раз в жизни своей должен преклонить колена! Ты иногда спутница благоразумия, нередко оставляя его в удел робкому, провождаешь смелого к великим предприятиям; тебе в сей день принесена достойная жертва!

В нашем лагере всеобщее движение. Войска тремя колоннами совершают выступление: левая из 5-го и 6-го корпусов и большей части резервной артиллерии кратчайшею на Смоленск дорогою. В арриергарде ее был генерал-майор Шевич с полками 1-го кавалерийского корпуса, граф Остерман со 2-м и 4-м корпусами большою дорогою на Поречье; ему приказано подкрепить арриергард, если бы неприятель решительно преследовал его. Среднюю колонну составляли 3-й корпус и главная квартира; в арриергарде его 2-й кавалерийский корпус барона Корфа. Через полчаса времени лесистое местоположение скрыло все войска от глаз неприятеля. Все шли ускоренным шагом. Генерал-лейтенант Лавров, командующий пешей гвардиею, должен был пробудить летами усыпленную живость, чтобы явить нужное по обстоятельствам проворство. Таковы требования всех и каждого усилия!

Не скрою некоторого чувства гордости, что главнокомандующий, опытный и чрезвычайно осторожный, нашел основательным предположение мое об отступлении.

Глаза мои не отрывались от авангарда и славного графа Палена. Отдаляющаяся армия, вверив ему свое спокойствие, не могла оградить его силами, неприятелю соразмерными, но поколебать мужества его ничто не в состоянии! Я скажу с Горацием: «Если разрушится вселенная, в развалинах своих погребет его неустрашенными». До пятого часу продолжалось сражение с равным упорством, и арриергард отошел на другую сторону города, оставя неприятеля, удивленного порядком, и город им занят не прежде следующего утра с большою осторожностью.

В самый день отступления от Витебска прибыл князя Багратиона адъютант князь Меньшиков с из-

вестием о сражении при селении Дашковке, и что армия его идет беспрепятственно в соединение. Отправляя атамана Платова с его войском, князь Багратион приказал ему ускорить движение, и по расчету времени он должен был скоро прийти.

В одном переходе от Витебска арриергард имел сильное кавалерийское дело. Граф Пален, лично распорядив действиями конницы, удержал успех на нашей стороне, и далее неприятель ограничился одним наблюдением за движением наших колонн.

Посланные от меня с письмом к атаману Платову Бугского казачьего полка один офицер и урядник привезли ответ. На возвратном пути не раз проезжали они вблизи неприятеля. Главнокомандующий наградил их чинами.

Маршал Даву, пропустя князя Багратиона, мог войсками своими, расположенными в Орше и Дубровне, занять временно Смоленск, воспрепятствовать составлению ополчения, приуготовляемого в нем, истребить запасные магазины и разорить город. Потеря магазина была бы нам чувствительна, ибо продовольствие армии производилось и недостаточное и неправильное. Главнокомандующий, имея сие в виду, 5-му и 6-му корпусам приказал следовать поспешнее, а атаману Платову заслонить их движение.

Из Витебска главнокомандующий дал поручение великому князю Константину Павловичу отправиться в Москву к государю. Неизвестно мне, но сомневаюсь, чтобы он сделал то по собственному побуждению. Великий князь весьма огорчен был, подозревая, что поручение не заключало в себе такой важности, чтобы не могло быть исполнено другим. Я заметил многих, сожалевших об его отъезде, и к чести его, людей, непосредственно ему подчиненных. Командуя гвардейскою дивизиею, я в том же был отношении к его особе и не припомню случая ни малейшего неудовольствия или неприятностей.

Армия выступила в Поречье; 5-й и 6-й корпуса прибыли в Смоленск. Государь, проезжая сей город, поручил генерал-адъютанту барону Винценгероде составление ополчения. Часть небольшая одного, весьма худо вооруженная, с несколькими резервными эскадронами, формирования генерал-адъютанта барона Меллер-Закомельского, и запасною, бывшею в Смоленске артиллериею, составляла отряд под командою генерал-

майора Оленина, вступившего пред тем в службу. Отряд, к которому прислан один полк от войска атамана Платова, расположился далее Красного у селения Ляд.

Неприятель с несколькими эскадронами ворвался в город Велиж, изрубил часть рекрут построенного на площади баталиона и, рассеявши прочих, захватил мост чрез реку Двину. Проходивши из Невеля с восемью баталионами рекрут штаб-офицер, имея сведения о близости французов, расставил в городе караулы, строго смотрел за исправностию их, всю ночь держал баталион под ружьем, а патроны уложены были в возах и ни одного на людях! Прочие все баталионы, бывши на правом берегу, уклонившись с дороги, избежали поражения.

Неприятель истребил один артиллерийский небольшой парк на 166 лошадях, по худому их состоянию отставший от прочих. Посланный за сим парком из Поречья артиллерии полковник Тишин едва спасся бегством*.

В Поречье генерал-провиантмейстер Лаба³⁸ докладывал военному министру, что комиссионер, в похвальном намерении не допустить неприятеля воспользоваться магазином, сжег его. В нем находилось несколько тысяч четвертей овса и 64 тысячи пудов сена. Не восхитился министр восхваляемою расторопностию, а я испросил позволения его справиться по делам, как давно об учреждении магазина дано было повеление: нашлось, что от подписания бумаги две недели. Есть ли возможность в один пункт свезти такое большое количество запасов в том месте, где во множестве взяты обывательские подводы в пособие армии? Я осмелился сказать министру, что за столь наглое грабительство достойно бы вместе с магазином сжечь самого комиссионера**.

Поречье — первый старый русский город на пути нашего отступления, и расположение к нам жителей

* Еще допускает судьба артиллерийскую экспедицию иметь его в числе ее членов, и едва ли может быть искуснейший для всех таинственных ее хозяйственных изворотов.

** Генерал-провиантмейстер Лаба выслушал все, не смущаясь; во время отправления им должности происшествие сие, конечно, не первое, ему встретившееся. Искусное употребление провиантских регулов нередко утомляло преследующее правосудие и спасало преступника. Беззаконие, соделываемое компаниею, менее страшно. Комиссионер один никогда не погрешает.

было другое. Прежде проходили мы губернии литовские, где дворянство, оболыщенное мечтою восстановления Польши, возбуждало против нас слабые умы поселян, или губернии белорусские, где чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемены. Здесь, в Смоленской губернии, готовы были видеть в нас избавителей. Невозможно было изъявлять ни более ненависти к врагам, ни живейшего усердия к преподаванию нам всех способов, предлагая содействовать, ни собственности не жалея, ни жизни самой не щадя!

Поселяне приходили ко мне с вопросом: позволено ли им будет вооружиться против врагов и не подвергнуться ли за то ответственности? Главкомандующий приказал издать воззвание к жителям Смоленской губернии, приглашая их противостать неприятелю, когда дерзнет поругаться святыне, в жилища их внесет грабеж, в семейства бесчестие.

Из Поречья вышли мы ночью, избегая сильных жаров. Желая знать дух солдата и мысли о беспорядках и грабеже, которые начали размножаться посреди их в темноте, не узнаваемый ими я спрашивал: солдат роптал на бесконечное отступление и в сражении ожидал найти конец ему; недоволен был главнокомандующим, виновным в глазах его, почему он не русский³⁹. Если успехи не довольно решительны, не совсем согласны с ожиданием, первое свойство, которое русский солдат приписывает начальнику иноземцу, есть измена, и он не избегает недоверчивости, негодования и самой ненависти. Одно средство примирения — победа! Нескольких их дают неограниченную доверенность и любовь. Обстоятельства неблагоприятны были главнокомандующему, и не только не допускали побед, ниже малых успехов. В Поречье тогда оставалось мало очень жителей; в опустелых домах рассеянные солдаты производили грабеж и разбой. Я сам выгонял их и скажу, к сожалению, даже из церкви. Никого не встретил я из ближайших начальников их, которые должны были заметить их отлучку. В равнодушии сем к исполнению обязанностей надобно искать причин чрезвычайного уменьшения людей во фронте. В этом возможно упрекнуть не одних командиров полков.

На первом переходе от Поречья неожиданно возвратился великий князь Константин Павлович из Москвы. Получено известие от князя Багратиона, что он приближается беспрепятственно к Смоленску и, если

нужно, вступит одним днем после нас. Непонятно намерение, с каким сообщил мне главнокомандующий следующее рассуждение: «Как уже соединение армий не подвержено ни малейшему затруднению, полезнее, полагает он, действовать по особенному направлению, предоставив 2-й армии операционную линию на Москву. Продовольствия для двух армий будет недостаточно. В Торопце и по Волге большие заготовлены запасы, и Тверская губерния пожертвовала значительное количество провiantа, что потому, предполагает он, с 1-ю армиею и идти по направлению на Белый и вверх по Двине». Легко было найти возражение, но по недостатку во мне благоразумия, труднее было сделать его с покорностию. Я с горячностью сказал ему: «Государь от соединения армий ожидает успехов и восстановления дел наших. Соединения желают войска с нетерпением. К чему послужили 2-й армии перенесенные ею труды, преодоленные опасности, когда вы повергаете ее в то же положение, из которого вырвалась она сверх всякого ожидания? Движение ваше к Двине выгодно для неприятеля: он, соединивши силы, уничтожит слабую 2-ю армию, отдалит вас навсегда от полуденных областей, от содействия прочим армиям! Вы не смеете сего сделать; должны, соединясь с князем Багратионом, начертать общий план действий и тем исполнить волю и желание императора! Россия, успокоенная насчет участи армий, ни в чем упрекнуть не будет иметь права!» Главнокомандующий выслушал меня с великодушным терпением. Мне казалось, что я проникнул настоящую мысль его. Соединение с князем Багратионом не могло быть ему приятным; хотя по званию военного министра на него возложено начальство, но князь Багратион по старшинству в чине мог не желать повиноваться*. Это был первый пример в подобных обстоятельствах и конечно не мог служить ручательством за удобство распоряжений.

Власть — дар Божества бесценнейший! Кто из смертных не вкушал сладостного твоего упоения?

* Трудно лучше меня знать князя Багратиона — и сколько беспредельна преданность его к государю, для которого жизнь почитал он малою жертвою; но со всем тем ничто не заставило бы его подчиниться Барклаю де Толли, в кампанию 1806 и 1807 годов служившему под его начальством. Война отечественная, в его понятии, не должна допускать расчетов честолюбия и находила его на все готовым.

Кто, недостойный, не почитал тебя участником могущества Божия, его благодатью уделяемого? Но для чего ты украшаешь не одних, идущих путем чести? Для чего одаряешь исторгающих тебя беззаконием?

Главнокомандующий после разговора моего с ним не переменял расположения своего ко мне, или нелегко было то заметить, ибо ни холоднее, ни менее обязательным в обращении быть никак невозможно.

Армия продолжала путь к Смоленску. Главнокомандующий отправился туда с последнего перехода. На другой день прибыла армия, и тотчас приступлено к заготовлению хлеба и сухарей. Магазины были скудны, из губерний не могли привозить вдруг большого количества припасов.

Итак в Смоленске, там, где в ребячестве жила я с моими родными, где служил в молодости моей, имел многих знакомых между дворянством, приветливым и гостеприимным. Теперь я в летах, прешедших время пылкой молодости, и если не по собственному убеждению, то, по мнению многих, человек довольно порядочный и занимаю видное в армии место. Удивительные и для меня самого едва ли постижимые перевороты!

На другой день по прибытии армии к Смоленску еще в 12-ти верстах от города находилась 2-я армия. Князь Багратион приехал к главнокомандующему, сопровождаемый несколькими генералами, большой свитой, пышным конвоем. Они встретились с возможным изъявлением вежливости, со всеми наружностями приязни, с холодностию и отдалением в сердце один от другого. Различные весьма свойства их, нередко ощутительна их противоположность. Оба они служили в одно время, довольно долго в небольших чинах и вместе достигли звания штаб-офицеров.

Барклая де Толли долгое время невидная служба, скрывая в неизвестности, подчиняла порядку постепенного возвышения, стесняла надежды, смиряла честолюбие. Не принадлежа превосходством дарований к числу людей необыкновенных, он излишне скромно ценил хорошие свои способности и потому не имел к самому себе доверия, могущего открыть пути, от обыкновенного порядка не зависящие. Он замечен был в чине генерал-майора, бывши шефом егерского полка, который превосходно был им приурочен к службе в военное время. Многих офицеров полка он не оста-

новил на изучении одного фронтального мастерства, но сообщал им необходимые по званию сведения.

Князя Багратиона счастье в средних степенях сделало известным и на них его не остановило. Война в Италии дала ему быстрый ход; Суворов, гений, покровительствовавший ему, одарил его славой, собрал ему почести, обратившие на него общее внимание. Поощряемые способности внушили доверие к собственным силам.

Барклай де Толли, быстро достигнув чина полного генерала, совсем неожиданно звания военного министра, и вскоре соединя с ним власть главнокомандующего 1-ю Западною армиею, возбудил во многих зависть, приобрел недоброжелателей. Неловкий у двора, не расположил к себе людей, близких государю; холодною в обращении не снискал приязни равных, ни приверженности подчиненных. Приступивши в скором времени к некоторым по управлению переменам, изобличая тем недостатки прежних распоряжений, он вызвал злобу сильного своего предместника⁴⁰, который поставлял на вид малейшие из его погрешностей. Между приближенных к нему мало имел людей способных, и потому редко допуская разделять с ним труды его, все думал исполнить свою деятельность. Вначале произошло медленное течение дел, впоследствии несогласное частей и времени несоразмерное действие, и наконец запутанность неизбежна!

Князь Багратион, на те же высокие назначения возведенный (исключая должности военного министра), возвысился согласно с мнением и ожиданиями каждого. Конечно, имел завистников, но менее возбудил врагов. Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей. Обогащенный воинской славой, допускал разделять труды свои, в настоящем виде представляя содействие каждого. Подчиненный награждался достойно, почитал за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большею приятностию. Обхождение его очаровательное! Нетрудно воспользоваться его доверенностию, но только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его самостоятельный. Недостаток познаний или слабая

сторона способностей может быть замечается только людьми, особенно приближенными к нему.

Барклай де Толли до возвышения в чины имел состояние весьма ограниченное, скорее даже скудное, должен был смирять желания, стеснять потребности. Такое состояние, конечно, не препятствует стремлению души благородной, не погашает ума высокие дарования; но бедность однако же дает способы явить их в приличнейшем виде. Удаляя от общества, она скрывает необходимо среди малого числа приятелей, не допуская сделать обширные связи, требующие нередко взаимных услуг, иногда даже самых пожертвований. Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединения: жена немолода, не обладает прелестями, которые могут долго удерживать в некотором очаровании, все другие чувства покоряя. Дети в младенчестве, хозяйства военный человек не имеет! Свободное время он употребил на полезные занятия, обогатил себя познаниями. По свойствам воздержан во всех отношениях, по состоянию неприхотлив, по привычке без ропота сносит недостатки. Ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле; нетверд в намерениях, робок в ответственности; равнодушен в опасности, недоступен страху. Свойств души добрых, не чуждый снисходительности; внимателен к трудам других, но более людей, к нему приближенных. Сохраняет память претерпленных неудовольствий: не знаю, помнит ли оказанные благодеяния. Чувствителен к наружным изъявлениям уважения, недоверчив к истинным чувствам оного. Осторожен в обращении с подчиненными, не допускает свободного и непринужденного их обхождения, принимая его за несоблюдение чинопочитания. Боязлив пред государем, лишен дара объясняться. Боится потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожидания воспользовавшись. Словом, Барклай де Толли имеет недостатки, с большею частию людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов. Он употребляет их на службе с возможным усердием, с беспредельною приверженностью государю наилучшего верноподданого!

Князь Багратион с равным недостатком состояния брошен был случайно в общество молодых людей, в вихрь рассеянности. Живых свойств по природе,

пылких склонностей к страстям, нашел приятелей и сделал с ними тесные связи. Сходство свойств уничтожало неравенство состояния. Расточительность товарищей отдаляла от него всякого рода нужды, и он сделал привычку не покоряться расчетам умеренности. Связи сии облегчили ему пути по службе, но наставшая война, отдаляя его от приятелей, предоставляя собственным средствам, препроводила в Италию под знамена Суворова. Война упорная требовала людей отважных и решительных, тяжкая трудами — людей, исполненных доброй воли. Суворов остановил на нем свое внимание, проник в него, отличил, возвысил! Современники князя Багратиона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными. Сколько ни умеренны были требования Суворова, но ловкий их начальник, провожая их к общей цели, отдалил столкновение частных их выгод. Багратион возвратился из Италии в сиянии славы, в блеске почестей. Неприлично уже было ни возобновить прежние связи, ни допустить прежние вспомоществования: надобно было собственное состояние. Государь избрал ему жену прелестнейшую*, состояние огромное, но в сердце жены не вложил он любви к нему, не сообщил ей постоянства! Нет семейного счастья, нет домашнего спокойствия! Уединение — не свойство Багратиона; искать средств в самом себе было уже поздно, рассеянность сделалась потребностью; ее усиливало непрерывное в службе обращение. С самых молодых лет без наставника, совершенно без состояния, князь Багратион не имел средств получить воспитание. Одаренный от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился в военную службу. Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности; нередко однако же мнение его было основательным. Неустрасим в сражении, равнодушен в опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу; решителен в продолжении его. Неутомим в трудах. Блюдет спокойствие подчиненных; в нужде требует полного употребления сил. Отличает достоинство, награждает соответственно. Нередко однако же преимущество на стороне тех, у кого сильные связи,

* Графиня Екатерина Павловна Скавронская (? — 1857). — Сост.

могущественное у двора покровительство. Утонченной ловкости пред государем, увлекательно лестного обращения с приближенными к нему. Нравом кроток, несвоеобычлив, щедр до расточительности. Не скор на гнев, всегда готов на примирение. Не помнит зла, вечно помнит благодеяния. Короче сказать, добрые качества князя Багратиона могли встречаться во многих обыкновенных людях, но употреблять их к общей пользе и находить в том собственное наслаждение принадлежит его невыразимому добродушию! Если бы Багратион имел хотя ту же степень образованности, как Барклай де Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним.

Наконец 2-я армия прибыла к Смоленску; совершенно соединение! Тебе благодарение, знаменитый Даву, столько пользам России послуживший⁴¹!

Радость обеих армий была единственным между ними сходством. Первая армия, утомленная отступлением, начала роптать и допустила беспорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладели к главному, низшие чины колебались в доверенности к нему. Вторая армия явилась совершенно в другом духе! Звук неумолкающей музыки, шум не перестающих песней оживляли бодрость воинов. Исчез вид понесенных трудов, видна гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых. Начальник — друг подчиненных, они — сотрудники его верные!

По духу 2-й армии можно было думать, что пространство между Неманом и Днепром она не отступая оставила, но прошла торжествуя! Какие другие ополчения могут уподобиться вам, несравненные русские воины? Верность ваша не приобретается мерою золота, допущением беспорядков, терпимостью своевольтв. Не страшит вас строгая подчиненность, и воля государя творит [вас] героями! Когда пред рядами вашими станет подобный Суворову, чтобы изумилась вселенная!

Во время расположения армии в Смоленске войска Донские под командованием атамана Платова, подкрепленные одним гусарским и двумя егерскими полками, находились в 15 верстах по дороге на Рудню. Недалеко от него расположен авангард графа Палена. Полковник Крейц с драгунским полком по направлению на Катань. В селении Холме, по дороге к Поречью, генерал-майор Иловайский 4-й с казачьими полками и Елисаветградским гусарским полком бесперывным движением

партий обеспечивал правое крыло армии, генерал-адъютант Винценгероде с Казанским драгунским полком и тремя казачьими наблюдал неприятеля со стороны Велижа. В городе Красном расположен отряд генерал-майора Оленина, посылая разъезды до селения Ляд. Армия оставалась в бездействии.

В Смоленске по званию моему имел я частые сношения с гражданским губернатором бароном Аш. В звании его невозможно было найти человека более бесполезного для армии; беспечность его до того простиралась, что, он, не зная о прибытии ее к Поречью, отправлял в Витебск обозы с хлебом для ее продовольствия. Я должен был заметить ему, что грозящая опасность губернии могла бы допустить большее со стороны его любопытство. Немного более пользы извлекла армия из губернского предводителя дворянства Лесли, и многие остались удивленными, что отличное заслугами и благородством смоленское дворянство выбрало его своим представителем.

В Смоленске нашли мы начало составления земского ополчения: собранные толпы мужиков без всякого на лета их внимания, худо снабженные одеждою, совсем невооруженные. В начальники ополчения назначен генерал-лейтенант Лебедев, старый человек, совершенно неспособный, ожесточившийся против смерти и долголетием достигший сего звания. По распоряжению главнокомандующего отобранные от кавалерии негодные ружья обращены на ополчение*. Некоторые из начальников жалели о них; многим казалось странным, как можно расстаться с ними; никто не смел назвать их бесполезною ношею! Из конного ополчения составлена команда для исправления дорог и мостов; пешая милиция обращена на производство земляных при армии работ. В Смоленске в одно время получено известие о победах, одержанных графом Витгенштейном и генералом от кавалерии Тормасовым, и сим последним доставлены приобретенные знамена.

Наполеон, проходя Полоцк, оставил в нем корпус войск маршала Удино (Duc de Reggio), превосходящий силами войска под начальством графа Витгенштейна, расположенный против Дриссы. В то же время корпус маршала Макдональда вступил в Курляндию, и уже

* От великого князя Константина Павловича, генерал-инспектора кавалерии, ожидаемо было возражение, и без него не обошлось, но исполнение не остановлено.

передовые войска его начали показываться около Крейцбурга. Положение делалось затруднительным: ни долее остаться у Дриссы, ни отойдя оставаться в бездействии, равно было невозможно, ибо неприятель, поставя его между двух огней, подвергал опасности неизбежной. Граф Витгенштейн решился предупредить соединение, вышел к селению Клястицы, лежащему на дороге от Полоцка к Себежу, и, закрывши себя от маршала Макдональда небольшим отрядом, с главными силами обратился на корпус маршала Удино.

Большое расстояние между неприятельскими корпусами, трудность от того в соглашении действий, внутреннее положение между ними давали графу Витгенштейну превосходство выгод. Удино вышел из Полоцка, но Макдональд не перешел Двины. Гора свалилась с плеч Витгенштейна! Приняв за решительное отступление движение к селению Клястицам, Удино не всеми преследовал силами и неосмотрительно; встретив наши силы в совокупности, не мог удержаться, побежал! Войска его, в отдалении разбросанные, поспевая в подкрепление частями, уничтожались! Потеряв приобретенные при начале действия выгоды, понесли весьма большой урон, Удино возвратился в Полоцк. Граф Витгенштейн, преследовавши, остановил авангард в одном марше от Полоцка и возвратился в прежнюю позицию. Долгое время оставался Удино в бездействии. Макдональд ничего не предпринял, или не вверяясь войскам прусским, составлявшим его корпус, и другим Рейнского союза, с малым числом при них французских войск, имея в виду наш десантный корпус, перевезенный из Финляндии, или приуготовляясь к осаде Риги, главному назначенному предмету его действий. Графу Витгенштейну принадлежит слава победы и самого предприятия, основанного на искусном соображении. Многие относят его на счет начальника корпусного штаба генерал-майора Довре. Суждение... внушаемое завистью. Я точного о том сведения не имею.

Генерал Тормасов напал на корпус саксонских войск под команду французского генерала Ренье, перешедший границы наши в Брест-Литовском, и, не допустивши его соединиться с австрийцами под начальством князя Шварценберга*, встретил сопротивление упорное,

* В случае даже соединения их он был гораздо сильнее. Потеря могла быть значительнее, но в успехе ни малейшего сомнения.

но силы превосходные преодолел. Неприятель понес решительный урон и отступил в беспорядке с поспешностью. В руках наших оставил пленными одного генерала и более двух тысяч человек, восемь пушек и четыре знамени.

Во время четырехдневного пребывания армии в Смоленске употреблены все средства запастись хлебом. Главнокомандующий, пригласивши великого князя и главнейших из генералов, предоставил суждению их предстоящие действия армии. Общее всех мнение было атаковать. С особенным уважением замечено рассуждение Константина Павловича, скромно изложенное, с соображением основательным*. Главнокомандующий всех других менее охотно дал согласие свое на атаку, ожидая точнейших известий о неприятеле от передовых войск. Достоверно знали, что небольшим количеством конницы занимают французы Поречье; в Велиже, равномерно как в Сураже, находятся в больших силах; против атамана Платова расположена кавалерия и начальствующий ею Мюрат, король неаполитанский, находился недалеко. Главная квартира Наполеона была в Витебске; при ней вся гвардия и парк многочисленной резервной артиллерии. Корпус маршала Даву медленно собирался при Орше; в Лядах сильный от него отряд. Все благоприятствовало предпринимаемой со стороны нашей атаке. Рассеянные на большом пространстве неприятельские войска, обеспеченные нашим бездействием и в надежде продолжительного нашего отдохновения покоящиеся, способствовали успеху. Не тотчас неприятель мог быть извещен о нашем движении, и ему не менее трех дней надобно было на соединение сил, не говоря об отдаленнейших, тогда как передние были уже атакованы. Дано повеление к походу, и радость войск описать невозможно! С изумлением смотрит Смоленск на силы ополчений; шумит Днепр, гордясь согласным пути их течением!

Первая армия наступала двумя колоннами по направлению на Рудню чрез селение Приказ Выдра. С левой ее стороны, недалеко от Днепра, проходила вторая армия. Отряд из нескольких егерских полков от обеих армий в команде генерал-майора Розена

* На случай могущих встретиться затруднений предлагал различные меры, подкрепляемые дальновидным и весьма благоразумным соображением.

занимал позицию у селения Катань и большие леса, прилежащие к нему. Равномерно как сей отряд, другой несколько меньший, с генерал-майором князем Шаховским⁴², послан был [за]благовременно в селение Касплю. При выходе из Смоленска от 2-й армии послана в город Красный пехотная дивизия генерал-майора Неверовского⁴³ в подкрепление отряда генерал-майора Оленина, и придан Харьковский драгунский полк. В дивизии, недавно из рекрут составленной, два полка переменены старыми. В Смоленске собраны хлебопеки от всех полков обеих армий. Оставлен один полк для удержания порядка; раненые и больные вывезены в Вязьму.

В расстоянии небольшого перехода от Рудни армии остановились. Главнокомандующий колебался идти вперед, князь Багратион требовал того настоятельно. Вместо быстрого движения в предприятии нашем лучшего ружательства за успех дан армиям день бесполезного отдыха, неприятелю лишний день для соединения сил! Он мог уже узнать о нашем приближении!

Атаман Платов, подкрепленный авангардом графа Палена, встретил при селении Лешне сильный отряд французской конницы, разбил его и преследовал до Рудни, которую неприятель оставил. В плен взято: один израненный полковник, несколько офицеров и 500 человек нижних чинов*. Полковник сообщил, что о приближении нашем они не имели известия и на то особенных распоряжений не сделано, равномерно в других корпусах никаких движений не происходит. Из взятых бумаг в квартире командовавшего генерала Себастиани видно было распоряжение для передовых постов и наставление генералам, кто из них, для которой части войск и с какими силами должен служить подкреплением для сохранения общей связи. Еще обстоятельства благоприятствовали нам, если бы главнокомандующий тверд был в намерении. Поражение при Лешне, конечно, пробудило неприятеля, но близки были новые ему удары и кратко время для избежания их. Главнокомандующий не только отклонился от исполнения условленного плана, но и переменял его совершенно.

* Великий князь Константин Павлович принял храброго полковника с особенным вниманием и сделал ему вспомоществование. Узнавши после, что с ним говорил родной брат императора, он удивлен был чрезвычайно деликатностию.

1-я армия отошла в селение Мощинки, в 18 верстах от Смоленска, на дороге в Поречье. Отряд князя Шаховского остался в Каспле. В подкрепление ему и для обеспечения сообщения его с армиею часть авангарда графа Палена расположена в селении Луще. Взятые от него обратно к армии пять егерских полков остановлены в деревне Лавровой. Войска атамана Платова, занявши левым крылом Иньково и закрывая отряд в Каспле, протянулись до селения Вороны.

2-я армия стала на месте первой; авангард ее впереди селения Гавриков, имея передовые посты левее Инькова, чрез Лешню на Катань и до Днепра. Отряд барона Розена упразднен, и место его занял сильный пост от авангарда. Чрез день 2-я армия, по причине худого качества воды, вредного для войск, и не менее по недостатку оной, возвратилась в Смоленск. Авангард ее под командою генерал-адъютанта Васильчикова остался в своем месте, и подкрепление ему корпус генерал-лейтенанта князя Горчакова.

В селении Мощинках 1-я армия находилась четыре дня без действия. Полки передовых постов ничего важного не открыли. Из отряда генерал-адъютанта барона Винценгероде посланные партии к Велижу донесли, что стоявший в окрестности 4-й корпус вице-короля италийанского вышел и до самого Суража не было французских войск. Одна партия от атамана Платова ворвалась в Поречье, но была изгнана. Вскоре затем уведомили жители, что французы удалились из города.

Невозможно было постигнуть причины, которая заставляла главнокомандующего предпочитать действия армии со стороны Поречья. Ни одного из корпусов неприятельских нельзя было отбросить так, чтобы не мог он соединиться с другими. Неприятель, если бы в необходимости нашелся отступить, конечно, не избрал бы направления на Витебск или бы в нем не остановился, ибо дорога на Борисов представляет все выгоды. Корпус маршала Даву, присоединяя к себе корпус вестфальских войск и польскую кавалерию князя Понятовского, идет навстречу главной армии, и она до такой усилится степени, что ей слишком достаточно средств и нашу опрокинуть армию, и значительную часть войск отправить кратчайшим путем для занятия Смоленска. Допуская самые грубые ошибки со стороны Наполеона (чего, кажется, ожидать безрассудно), сос-

редоточась у Витебска, он будет иметь не менее того числа войск, от которого наша армия весьма недалеко отступала. Допуская, что опрокинутый он будет брошен в те самые места, которыми шел вперед, то и в сем случае театра войны нельзя перенести в Литву, где неприятель оставил бы землю опустошенную и истребивши последние ее способы. Гораздо с большим правдоподобием предположить можно, что расположенный в Велиже корпус вице-короля италийского, оттуда вышедший уже, и другой, бывший в Сураже, отступая перед нашею армиею, и вели бы ее к Витебску, и Наполеон, присоединяя к своей гвардии войска, расположенные к стороне Рудни и Любавичей, перешел бы на левый берег Днепра, где селение Ляды занято уже было войсками от корпуса маршала Даву и был под стенами Смоленска, прежде нежели Барклай де Толли мог приспеть к нему. 2-я армия, одна не в состоянии будучи защищать город, должна была бы поспешно отступить к Дорогобужу. Возвращающаяся 1-я армия, отброшенная движением Наполеона, теряла бы возможность соединиться с князем Багратионом. Движение наше к Рудне не было известно неприятелю, как видно из показаний пленных; атака разбросанных войск и истребление немалого числа их легко могли совершиться, и армия, как то предположено было, должна была тотчас возвратиться в свою позицию около Смоленска. Я думаю, что главнокомандующий, отличающийся опытностию и благоразумною осторожностию, не сделал бы иначе и не был бы увлечен успехом с опасностию лишиться приобретенных выгод.

Не забуду я странного намерения твоего, Барклай де Толли; слышу упреки за отмену атаки на Рудню. За что терпел я от тебя упреки, Багратион, благодетель мой! При первой мысли о нападении на Рудню не я ли настаивал на исполнении ее, не я ли убеждал употребить возможную скорость? Я всеми средствами старался удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласие, боясь малейшего охлаждения одного к другому. Скажу и то, что в сношениях и объяснениях ваших, чрез меня происходивших, нередко холодность и невежливость Барклая де Толли представлял я пред тебя в тех видах, которые могли казаться приятными. Твои отзывы, иногда грубые и колкие, передавал ему в выражениях обязательных. Ты говаривал мне, что сверх ожидания нашел в Барклае де Толли много хо-

рошего*. Не раз он повторял мне, что он не думал, чтобы можно было, служа вместе с тобою, не встречать неудовольствий. Благодаря доверенности ко мне вас обоих я долго удержал бы вас в сем мнении, но причиною вражды между вами помощник твой граф Сен-При. Он с завистью смотрел на то, что я употребляем более, нежели он. Должность моя при главном начальнике и в то же время военном министре давала мне род некоего первенства над ним и занятиям моим более видную наружность. Он в суждении своем не первое дал место общей пользе; хотел, значит, более, нежели должно, более, нежели мог! Ты, почтенный благодетель мой, излишне уважал связи при дворе избалованного счастием молодого человека и в доверенности к нему не всегда был осмотрительным!

Потерявши много времени напрасно, 1-я армия выступила из Мощинок по той же дороге обратно к Рудне. Неизвестно, было ли намерение искать неприятеля, чтобы дать сражение, или дожидаться его прибытия, но довольно двинуться вперед, чтобы князь Багратион спешил присоединиться.

1-я армия прибыла к селению Гаврики, где стоял авангард генерал-адъютанта Васильчикова; войска 2-й армии были уже на втором переходе от Смоленска и должны были занять крыло позиции. Корпус генерал-лейтенанта Раевского в первый день не более 15 верст отошел от Смоленска, выступивши тремя часами позднее надлежащего. Впереди его приказано было идти 2-й гренадерской дивизии, но она не трогалась с места**. Промедление сие было впоследствии важнейшею пользою, ибо генералу Раевскому предстояло совсем другое назначение.

В день прибытия армии к с. Гаврики атаман Платов сделал усиленный переход от с. Холма до с. Инькова; не остановясь у него, вышел вперед авангарда генерал-адъютанта Васильчикова, открыл Рудню, где не было уже неприятеля, который, по показанию жителей, выступил полторы сутки назад и у селения Расасни пере-

* О Барклае де Толли князь Багратион всегда спрашивал «Что делает твой Даву?»

** Дивизию начальствовал генерал-лейтенант принц Карл Мекленбургский. Накануне он, проведя вечер с приятелями, был пьян, проспался на другой день очень поздно и тогда только мог дать приказ о выступлении дивизии. После этого винный откуп святое дело, и принц достоин государственного напитка!

правляется на левый берег Днепра. Передовые посты авангарда ничего о том не знали*. Одна из партий, посланных атаманом Платовым, настигла последние войска, идущие к Расасне; другая, по следам неприятеля, опустясь по правому берегу речки Березины, его уже не застала. Остановясь сам в Рудне, атаман донес обо всем главнокомандующему и ожидал дальнейших приказаний.

В сие время князь Багратион получил рапорт генерала майора Неверовского, что 3-го числа июля неприятель в больших силах атаковал его в г. Красном, где он, упорно защищавшись, вытеснен, стремительно преследуем, потерпел большой урон, потерял несколько пушек и отступает к Смоленску. Офицер с рапортом был сутки в дороге, и потому можно было полагать, что неприятель уже в движении к Смоленску. Слышен был глухой звук выстрелов: ближайšie к Днепру передовые посты известили о сильной канонаде.

Г[енерал]-л[ейтенанту] Раевскому приказано идти с корпусом в подкрепление г[енерал]-м[айору] Неверовскому; 2-я армия немедленно последовала к Смоленску и вслед за нею 1-я армия. Атаман Платов, собравши партии, расположился у с. Приказ Выдра. Отряд г[енерал]-м[айора] князя Шаховского возвратился к армии; часть егерей и кавалерии отходила дорогою по берегу Днепра, наблюдая броды. Ротмистру Чеченскому, известному храбростию, приказал я, выбрав охотников из конвойной команды Бугского казачьего полка, отправиться на левый берег Днепра и осмотреть на марше силы неприятельские. Возвращаясь от селения Гаврики, склонил и флигель-адъютанта полковника Кикина вступить в должность дежурного генерала, оставленную им по болезни и неприятностям**.

Прощай, Ставраков, плачевный дежурный генерал, комендант главной квартиры несравненный! Ты не будешь уже доставлять беспрерывные упражнения моей

* Авангардом командовал генерал-адъютант Васильчиков, из числа отличных офицеров армии, недавно храбростию обративший на себя внимание, но мало имеющий опытности, не прежде как в чине генерал-майора начавши служить против неприятеля. До того — шеф блистательного Ахтырского гусарского полка, подвигаемый к почестям сильными связями.

** Полезных способностей, деятельности неутомимой, строгих правил чести, находился при образовании Главного штаба армии и введении нового порядка управления о больших действующих армиях.

деятельности, и благодаря полковнику Кикину я буду иметь минуты отдохновения! О лень, всегда мною чтимая! Прими меня, возвращающегося к тебе; клянусь вечным постоянством!

Г[енерал]-л[ейтенант] Раевский прибыл с корпусом к Смоленску и расположился в предместьях города. Г[енерал]-м[айору] Неверовскому, с отрядом бывшему только в семи верстах впереди, приказал присоединиться к своему корпусу. Если бы г[енерал]-л[ейтенанту] Раевскому не воспрепятствовала 2-я гренадерская дивизия выступить ранее, как то надлежало, он, сделавши большой переход, возвратился бы в Смоленск слишком поздно, и мог даже найти в нем французов.

Город Красный защищаем был авангардом генерал-майора Оленина, которому в подкрепление дана была 27-я пехотной дивизии егерская бригада флигель-адъютанта полковника Воейкова. Французы были уже в улицах и не раз изгнаны. Полки, никогда не видавшие неприятеля, не знающие опасности, дрались отчаянно; но, уступая наконец возобновляемым усилиям, авангард отошел к отряду, стоящему на большой дороге в двух верстах за городом. Неприятель продолжал преследовать одною конницею весьма сильною с некоторым количеством орудий. Пехота не прежде появилась, как подходя уже к Смоленску. Генерал-майор Неверовский, офицер отлично храбрый, и его не устрашали опасности, но весьма редко и в малых чинах бывши в действии, при способностях очень обыкновенных, нашелся в таком трудном положении, которое требовало, по крайней мере, навыку и сметливости. Если кто немного знает французскую конницу, поверит некоторой возможности удерживать порывы ее шестью тысячами пехоты, отступающей по волнистому местоположению, дорогою, обсаженною по бокам двумя рядами деревьев, и когда при ней батарейная рота. Генерал-майор Неверовский, имея один Харьковский драгунский полк, подверг его значительному урону. Не довольно связным действием пехоты и отправивши назад батарейную артиллерию, он дал возможность неприятельской коннице делать удачные атаки. Она, пользуясь многочисленностию своею, действовала в тылу его и овладела большею частию отосланной назад артиллерии в ее движении. Если бы генерал-майор Неверовский к знаниям своим военного ремесла присоединил искусство построения каре, прославившее многих в войнах против турок,

оно, покоряя обыкновенному ходу дела, не допустило бы до бегства, и ты, Апушкин, батарейную роту свою не исчислял бы дробями. Со всем этим неприятель не мог не уважать неустрашимости генерал-майора Неве-ровского и, по счастью, пехота французская появилась пред ним в близком от Смоленска расстоянии, и он поступил в распоряжение генерал-лейтенанта Раевского.

4-го числа июля генерал-лейтенант Раевский с одним своим корпусом и 27-ю дивизиею дрался в продолжение целого дня и не только защитил город, но и, занявши предместья, не допустил овладеть ими при всех усилиях превосходного в числе неприятеля, при возможной со стороны его предприимчивости. Немногие из генералов решились бы на то, что Раевскому не казалось исполнить трудным. Могло казаться удобнейшим, уступя Смоленск, защищать переправу через Днепр, ибо армия не могла в скором времени прийти на помощь. Защищаясь в крепости, надобно было разместить артиллерию по бастионам и в случае отступления опасаться потерять ее, имея к выходу одни ворота. Силы неприятеля очевидно умножились, но он не знал положения города и окрестностей и продолжал бесплодные усилия по большой дороге от Красного против Малаховских ворот. Если бы обратился он к левому флангу крепости, прилежавшему к реке, и взяв продолжение стены, учредил сильную против моста батарею, Раевский нашелся бы в затруднении действовать с большими силами, препятствуемый теснотою улиц, и войска подверглись бы ужасному истреблению [со стороны] артиллерии. Поздно вечером прибыла 2-я армия, не прежде ночи пришла 1-я армия, и обе расположились на правом берегу Днепра. Раевский до того не допустил овладеть ни одною частию предместий, не потерял ни одного шагу. На другой день сменивший его генерал Дохтуров с корпусом, присоединив 27-ю пехотную дивизию, долгое время удерживался в тех же предместиях, не допуская к стенам города. Раевский 5 числа присоединился к армии. В десять часов утра войска наши должны были войти в крепость и расположились под защитою зубцов стены у прикрытия батарей и составляли из себя резервы. Артиллерия в большом числе заняла земляные пред стенами бастионы. Незадолго пред тем присланный на подкрепление генерал-лейтенант Коновницын с 3-ю дивизиею занял часть города, лежащую

направо. Ближайшие дома форштадта, простирающегося к Днепру, были еще в наших руках, и стрелки наши вне окружения стен. Превосходством сил неприятель в одно время обнял весь город, атаковал предместье с правого фланга, и со всех сторон загорелся ужасный пушечный и ружейный огонь; во многих частях города начались пожары. По распоряжениям генерал-лейтенанта Коновницына 3-я дивизия опрокинула неприятеля; им же направленный отряд генерал-майора Оленина немало способствовал отражению, и егерская бригада полковника Потемкина действовала отлично. Неприятель, усмотревши удобство местоположения, главнейшие силы направил на левое крыло и не раз уже был у самых Никольских ворот. Одно мгновение могло решить участь города, но неустранимость генерал-майора Неверовского и присутствие генерал-майора графа Кутайсова, начальника артиллерии 1-й армии, направлявшего действие батарей, всегда торжествовали над усилиями неприятеля. Устроенная на правом берегу батарея подполковника Нилуса много вредила его атакам. Постоянное стремление на один пункт, умножаемое количество артиллерии обнаружили намерения неприятеля и побудили послать в подкрепление левого крыла 4-ю дивизию принца Евгения Виртембергского⁴⁴. Полетели полки по следам молодого начальника, отличного храбростию, ими любимого! Главнокомандующий поручил мне осмотреть, в каком положении дела наши в городе. Сражение продолжалось с жесткостью; урон с нашей стороны чувствителен; урон неприятеля несравненно больший, ибо нас от действия артиллерии охраняли крепостные стены. За час до вечера неприятель был близко к стенам; часть предместья по левой стороне во власти его; единственный мост наш на Днепре осыпаям был ядрами; город во многих местах объят пламенем; вне стен не было уже ни одного из наших стрелков. Не пощадил Наполеон Польские войска в сем случае, и они, рабственно покорствуя его воле, понесли на себе главнейшую часть всей потери. С началом дня сильная часть войск неприятельских отправилась вверх по левому берегу Днепра по дороге на Ельню. За движением сим наблюдала 2-я армия, 5-го числа перешедшая на московскую дорогу, имевшая целью обеспечить переправу через Днепр, в 40 верстах отстоящую от Смоленска. Авангард ее под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова расположен был в шести верстах

от города; казачьи войска ее большею частию на левом берегу Днепра, не выпуская из глаз неприятеля; сообщение с 1-ю армиею содержали кавалерийские посты. Неприятель, прошедши 12 верст по дороге на Ельню, возвратился к городу, а потому 2-я армия имела ночлег поблизости.

Князь Багратион склонил главнокомандующего еще один день продолжать оборону города, переправиться за Днепр и атаковать неприятеля, и что он то же сделает с своей стороны. На вопрос главнокомандующего отвечал генерал-квартирмейстер полковник Толь, что надобно атаковать двумя колоннами из города. Удивило меня подобное предложение человека с его взглядом и понятиями. Я сделал замечание, что в городе весьма мало ворот и они с поворотами на башнях. Большое число войск скоро пройти их не может, равно как и устроиться в боевой порядок, не имея впереди свободного пространства и под огнем батарей, близко к стене придвинутых. Скоро ли может приспеть сопровождающая атаки артиллерия, и как большое количество войск собрать без замешательства в тесных улицах города, среди развалин домов, разрушенных бомбами? Я предложил на рассуждение случай необходимого отступления, когда все неудобства и затруднения предстоят в гораздо большем размере. Военный министр нашел основательными мои замечания. Рассуждаемо было, что если необходимо нужно атаковать, то удобнее перейти за Днепр у самого города, с правой его стороны, устроив мосты под защиту батарей правого фланга крепости. Предместие не было еще оставлено нами; против него была одна только неприятельская батарея, и к ней удобный доступ садами, далеко простирающимися. В случае отступления, заняв монастыри и церкви в предместьи, можно не допустить натиска его на мосты. 2-я армия не должна переправиться за Днепр выше города и еще менее атаковать правый фланг неприятеля, как то предполагал князь Багратион. Легко было воспрепятствовать переправе армии, или, отбросивши атаку, разорвать сообщение с 1-ю армиею, уничтожить согласие в действиях войск и способы взаимного вспомоществования. Небольшими силами неприятель мог войска наши не выпускать из крепости и свои войска сосредоточить по произволу. Предоставленные мною рассуждения не воздержали меня от неблагоприятного в свою очередь поступка. Я поддерживал

мнение гг. корпусных командиров еще один день продолжить защиту города. Желание их доведено до сведения чрез генерал-майора графа Кутайсова. Защита могла быть необходимою, если главнокомандующий намеревался атаковать непременно. Но собственно удержать за собою Смоленск в разрушении, в котором он находился, было совершенно бесполезно. Сильного гарнизона отделить армия не могла, а в городе и слабый не нашел бы средств к существованию. Итак решено главнокомандующим оставить Смоленск! Встретились затруднения собрать войска, по всему пространству города рассеянные, артиллерию, размещенную во всех его частях. Долго вечером продолжалось сражение; войска вышли из города ночью беспрепятственно, последние из полков пред рассветом и истребили мост. Вслед за ними неприятель вступил в город.

Несколько егерских полков расположились в предместии на правом берегу Днепра, защищая переправу. Сообщившийся от моста огонь охватил ближайшие дома. Воспользовавшийся замешательством неприятель под прикрытием своих батарей, перешедши вброд у моста, занял предместие и мгновенно показался на горе у батареи, которая, его не ожидая, не была готова его встретить; но генерал-лейтенант Коновницын приказал ближайшим батальонам ударить в штыки, и неприятель опрокинут. Устроившиеся в порядок егеря преследовали бегущих в замешательстве, и многие из них потонули. В продолжение дня не прерывалась канонада и перестрелка. Сгоревшие по берегу дома, не закрывая уже егерей наших, подвергали их картечным выстрелам. По маловажности действия потеря наша была очень чувствительна. Неприятельская конница во многих местах испытывала броды, но важного ничего не предпринимала.

Я приказал вынести из города образ Смоленской Божией Матери, укрывая его от бесчинств и поругания святыни! Отслужен молебен, который произвел на войско полезное действие.

6-го числа августа сделано распоряжение об отступлении 1-й армии. Того же дня 2-я армия отошла к селению Пнева Слобода, где, переправясь чрез Днепр, должна была дожидаться 1-й армии. Оставленный на шестой версте от города под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова авангард не прежде должен был оставить место, как по смене его войсками от 1-й ар-

мии, ибо он закрывал собою дорогу, на которую должна выйти одна его колонна. Генерал-майор Тучков (Павел Алексеевич)⁴⁵ отправлен с отрядом занять его место. Трудный путь умедлил движение отряда, и он, вышедши на большую дорогу, на двенадцатой версте от города, не застал уже генерал-лейтенанта князя Горчакова, который отправился в соединение со 2-ю армиею, не давши о том знать и снявши посты, содержавшие сообщение между им и 1-ю армиею. Князь Багратион приказал ему отступить перед светом, чтобы не утомлять людей ночным переходом, но не иначе, как по смене его*. Неприятель его не беспокоил; ему на диспозиции на то число видно было направление 1-й армии и что, если неприятель захватит тот пункт, где с большою дорогою соединяется проселочная дорога, по которой идут войска 1-й армии, ей не остается другого пути, ни даже обратного, ибо ее должен был преследовать неприятель. Все сии обстоятельства должны были объяснить генерал-лейтенанту князю Горчакову необходимость держаться в своем расположении, если бы даже то совсем не сходствовало с приказанием князя Багратиона. Генерал-майор Тучков, вышедши на большую дорогу, хотел подвинуться к Смоленску, чтобы закрыть собою важный пункт соединения дорог, но не далее как в одной версте встретил неприятеля, и началась перестрелка. В таком положении он ожидал прибытия войск**.

Главнокомандующий в полной уверенности, что движение армии совершенно закрыто отрядом генерал-майора Тучкова и что князь Горчаков конечно дождался его, приказал некоторым войскам отступать в 8 часов вечера; тем же, кои были на виду у неприятеля, тогда, как начнет быть темно. Генерал-адъютант барон Корф должен был, сняв до свету все посты, отступить с аррьергардом от города.

Итак, оставили мы Смоленск, привлекли на него все

* Князь Горчаков всякое поручение, при исполнении которого надобно храбрость и настойчивость, совершит наилучшим образом, и вид опасности его не устрошит, но с этими достойными уважения преимуществами не в равной степени может быть способность распорядительная.

** Генерал-майору Тучкову представились совершенно неожиданные обстоятельства и опасность в высшей степени, но они нашли в нем соответственную им твердость. Неприятель был в силах и близко, он от армии отдален и скорой помощи ожидать не мог. Он решился удерживать место и тем уничтожил затруднения армии.

роды бедствий, превратили в жилище ужаса и смерти. Казалось, упрекая нам, снедающим его пожаром, он, к стыду нашему, расточал им мрак, скрывающий наше отступление.

Разрушение Смоленска познакомило меня с новым совершенно для меня чувством, которого войны, вне пределов отечества выносимые, не сообщают. Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов моего отечества. В первый раз жизни коснулся ушей моих стон соотчичей, в первый раскрылись глаза на ужас бедственного их положения. Великодушные почитаю я даром Божества, но едва ли бы дал я ему место прежде отмщения!

Началось седьмое число, происшествиями памятное! Главнокомандующий, полагая, что войска, отступившие с вечера, успели отдалиться, удивлен был, найдя на месте весь корпус генерал-лейтенанта Багговута. Проселочная дурная дорога, худые переправы, ночь необычайно темная затрудняли движение артиллерии, и войска едва подвигались вперед. Ночи оставалось уже непродолжительное время, и до рассвета едва возможно было удалиться из виду неприятельской армии. Не было сомнения, что французы станут сильно преследовать, и положение наше очевидно делалось опасным*. Он приказал мне ехать, употребил даже просьбу, чтобы я старался всячески ускорить движение войск. Проехав версты три, понуждая вперед артиллерию, нашел я среди колонны пехоты два эскадрона Сумского гусарского полка, и офицер донес мне, что в трехстах шагах отсюда из занимаемого им поста он вытеснен французами и имеет раненых; что бывшие с ним егеря от авангарда князя Горчакова отошли прежде, нежели отряд генерал-майора Тучкова прошел сие место, и неприятель скоро появился. Поправить сего было невозможно, темнота не позволяла видеть места и сил неприятеля; оставалось только спешить пройти это место, где и переправа около мельницы была неудобна. Я донес обо всем главнокомандующему и поехал далее. Начинало рассветать, когда войска, прошедши около десяти верст, остановились, потому что генерал-

* Понятна опасность нашего положения, ибо приказание дал он на французском языке, чтобы не все разуместь могли подробности наставления, мне данного. Я готов был не найти ничего трудного, чтобы делать угодное начальнику, одушевлен бывши его примером заботливости и рвения.

адъютант Уваров приказал 1-му кавалерийскому корпусу запастись фуражом и выючить на лошадей сено. Самую вежливую послал я ему записку, а по званию моему предложил, не ожидая пехоты, идти на место, где наша проселочная дорога выходит на большую. Вскоре, услышавши пушечные выстрелы, приказал я пехоте следовать сколько возможно поспешнее. Не могли сыскать начальствовавшего всею колонною генерал-лейтенанта Тучкова (Николая Алексеевича), который весьма покойно ночевал в деревне; я объяснился с генерал-лейтенантом Коновницыным и был уверен, что по известной его неумоимости и любви к порядку он все исполнил наилучшим образом. Если пушечные выстрелы были со стороны арриергарда, мы могли подвергнуться потере, но никаким другим следствиям; но ежели в действии отряд генерал-майора Тучкова, он может быть опрокинут, соединение дорог захвачено, мы атакованы на марше, и без потери артиллерии нет средства соединиться с другою колонною армии, которая отправлена прямо на переправу чрез Днепр у Пневой Слободы. Изъяснив опасения мои главнокомандующему, я послал ему моего адъютанта. Для ускорения движения приказал я посадить людей на орудия и идти рысью. Вскоре главнокомандующий уведомил меня, что арриергард сильно преследуем, что занявши высоты, у дороги лежащие, отрезал его так, что часть кавалерии его должна была проскакивать под выстрелами, и он принужденным нашелся возвратить 2-й корпус генерала Багговута, который вытеснил неприятеля из занимаемой им позиции и открыл путь арриергарду, но что сражение продолжается с упорством и что присутствие его там необходимо. Между тем генерал-лейтенант Уваров вышел с кавалерийским корпусом на большую дорогу, вслед за ним 1-я гренадерская и 3-я пехотная дивизии. На самом соединении дорог стоял Елисаветградский гусарский полк из отряда генерал-майора Тучкова, которого полагали в шести верстах впереди, на месте, где был авангард князя Горчакова. Командир полка донес, что отряд не далее версты впереди, и подтвердил, что, не дождавшись его, князь Горчаков отправился к армии, оставивши три полка донские под командою генерал-майора Карпова, которым также приказано следовать к армии. Полки сии оставлены мною и, закрывая отряд наш, продолжали слабую перестрелку с неприятелем, который вперед не подавался. Поль-

зуюсь сим, генерал-майор Тучков выиграл небольшое расстояние. На представление мое о необходимости подкрепить его, генерал-лейтенант Тучков 1-й, согласясь, приказал полковнику Желтухину идти с полками лейб-гренадерским графа Аракчеева и полуротою батарейной артиллерии. Все прочие войска отошли на ночлег в шести верстах позади. Было десять часов утра, и со стороны Смоленска довольно спокойно, но сомнительно было, чтобы во весь день продолжалось спокойствие, ибо неприятелю явно было намерение наше выйти на большую дорогу, и что, не допустив нас к тому, он приобретал неисчислимые выгоды. Еще не прибыл до того корпус генерал-лейтенанта графа Остермана, и много разбросано по дороге артиллерии; арриергард был в далеком расстоянии, и корпус генерал-лейтенанта Багговута, служивший ему опорой, вместе с ним. Итак, не взирая на все выгоды занимаемой нами позиции, необходимо было удерживать ее до соединения наших войск. Правый фланг ее простирался по холму, коего защита была существенно для нас важностию, ибо он закрывал у подошвы его сходящиеся дороги; имея его, удобно было подкреплять каждую часть войск всего боевого устройства. Центр покрывался густым кустарником по низкому и частию болотистому месту; к левому крылу несколько вперед выдавался необширный, но весьма густой лес, на оконечности которого пространное поле, для действия кавалерии удобное, склонялось назад к ручью очень тенистому. Надобно было занять поле и иметь на нем значительную артиллерию, дабы не допустить неприятельских батарей, которым представлялся тыл большей части нашей линии и к ней ведущая дорога. Генерал-майор Тучков дал знать, что замечено умощение неприятельских сил, и прислал схваченных двух виртембергских гусар, которые показали, что собранная конница ожидает прибытия пехоты, и тогда начнется атака. Донского войска генерал-майор Карпов известил, что посланные от него разъезды осмотрели французскую армию, переходящую на правый берег Днепра по нескольким устроенным мостам. По представлению моему генерал-лейтенанту Тучкову 1-му возвращены войска, отошедшие на ночлег, а главнокомандующему донес я об известиях и получил повеление вступить в сражение, и что он поспешит прибыть, устроив дела арриергарда.

В реляции подробно изложены все обстоятельства

сего сражения. Предоставив ее главнокомандующему, я получил приказание его представить ее прямо от себя светлости фельдмаршалу князю Кутузову*.

Важные обстоятельства, сопровождавшие сие сражение, не лишили войск наших возможности кончить его с честью и выгодами, тогда как сами они находились в величайшей опасности. Особенное чувство удовольствия производит во мне воспоминание о сем происшествии; ибо главнокомандующий изъявил мне в сей день высокую степень доверенности и большую часть успеха обратил собственно на счет мой.

Реляция о сражении 7 числа августа при селении Заболотье или Валутине.

«По трехдневном защищении города Смоленска определено было отступление армии. 2-я армия прикрывала переправу чрез Днепр, большими силами неприятеля угрожаемую; авангард ее был в 6 верстах от Смоленска на Московской дороге. 1-я армия следовала двумя колоннами: первая под командою генерала от инфантерии Дохтурова из 5 и 6-го корпусов и арриергарда генерала от кавалерии Платова, проходила дорогою, от неприятеля отклонившеюся и безопасною. 2, 3 и 4-й корпуса и арриергард генерал-адъютанта барона Корфа должны были сделать фланговый марш для достижения большой Московской дороги путями трудными и гористыми, ход их умедлявшими. В продолжение сего авангард 2-й армии отошел, и на смену его заблаговременно посланный отряд генерал-майора Тучкова 3-го, состоящий из 20 и 21 егерских, Ревельского пехотного и Елисаветградского гусарского полков, встретил уже неприятеля на одиннадцатой версте от города.

Арриергард генерал-адъютанта барона Корфа в близком от Смоленска расстоянии был атакован большими неприятеля силами. Ваше высокопревосходительство, свидетель сего упорного сражения, должны были ввести в дело 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута; прочие корпуса продолжали путь свой. Я получил повеление вашего высокопревосходительства ускорить их движение. Важность обстоятельств того требо-

* Медленно доставленные начальниками войск списки об отличившихся были причиною, что я не прежде мог представить реляцию, как 22 сентября № 501. Главнокомандующий, готовый к отъезду из армии, не мог заняться ею и приказал мне обратиться с нею к князю Кутузову, что и исполнено.

вала: надобно было захватить соединение дорог. Невозможно было употребить довольно поспешности. Соединение было близко от Смоленска. Отряд генерал-майора Тучкова 3-го слаб против неприятеля. Именем вашего высокопревосходительства приказал я 1-му кавалерийскому корпусу генерал-адъютанта Уварова поспешно занять соединение дорог, что было исполнено без замедления. 3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, горящий желанием встретить неприятеля, пришел по свежим следам кавалерии. Генерал-майору Пассеку поручил я проводить артиллерию рысью. 4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого пришел мало времени спустя. Я нашел отряд генерал-майора Тучкова 3-го в двух только верстах от соединения дорог, приказал часть пехоты отодвинуть вперед, подкрепил его бригадою полковника Желтухина из лейб-гранадерского и графа Аракчеева полков и 6-ю батарейнными орудиями. Передовые посты были в перестрелке, но неприятель был слаб. 3-и и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлег в 6 верстах расстояния. В два часа пополудни усилился огонь на передовых постах, и два дезертира объявили, что неприятель в числе двенадцати полков пехоты и конницы готов сделать нападение, коль скоро большие силы, переправляющиеся с левого берега Днепра, к ним придут. Командующий передовыми постами Войска Донского генерал-майор Карпов дал известие, что неприятель со многими силами переходит реку. Я известил о сем генерал-лейтенанта Тучкова 1-го и 3-му корпусу приказал идти поспешнее. Передовые посты уступили силам неприятеля, и к пятому часу должен был уже и 4-й корпус приблизиться. Я донес вашему высокопревосходительству, и вам угодно было приказать мне расположить войско в боевое устройство в ожидании вашего прибытия из арриергарда. Вскоре началось дело во всей силе. Неприятель употребил все усилия по большой почтовой дороге, но выгодное положение с нашей стороны и не приспевшая еще дотолде неприятельская артиллерия дали возможность удержаться. Неприятель умножил стрелков на левом фланге отряда генерал-майора Тучкова 3-го, но по распоряжению его употребленный 20-й егерский полк с генерал-майором князем Шаховским удержал его и дал время 3-й дивизии полкам Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому приспеть и утвердиться.

Вскоре прибыла неприятельская артиллерия, и канонада с обеих сторон усилилась чрезвычайно. Ваше высокопревосходительство изволили прибыть к сражающимся войскам. Появилась неприятельская кавалерия и как туча возлегла на правом крыле своем. Всю бывшую при корпусе кавалерию, кроме 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на левом нашем крыле. Силы неприятеля были превосходны, местоположение в его пользу. Позади нашей кавалерии болотистый ручей, трудная переправа артиллерии. Но бригада под командою генерал-майора князя Гуриела, быстро вытеснившая неприятельскую пехоту из лесу, к которому принадлежала его кавалерия, сделала атаки его нерешительными, робкими; паче же Перновский полк с генерал-майором Чоглоковым⁴⁶, выстроенный в колонне, среди самого неприятеля, подкрепляя нашу кавалерию, удвоил ее силу. 24 орудия сделали ее непреодолимою. По силам неприятельской кавалерии, казалось, должно было одной лишь быть атаке и вместе с нею истреблению левого нашего крыла, но по храбрости войск наших каждая атака обращена была в бегство, как с потерею, равно со стыдом неприятеля. Кавалериею и казаками приказал я командовать генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову. С обеих сторон повторенные атаки и отражения продолжались довольно долго. В сие время прибыла 17-я дивизия генерал-лейтенанта Олсуфьева, и утомленные в деле с арриергардом генерал-адъютанта барона Корфа полки употреблены были в подкрепление правого крыла, как пункта, от главных неприятеля атак удаленного. На центре усилились батареи неприятеля, но противостоявшие неустрашимо 3-й дивизии полки Черниговский, Муромский и Селенгинский, удержав место, отразили неприятеля, который, бросаясь на большую дорогу, привел в замешательство часть войск, оную прикрывавших. В должности дежурного генерала флигель-адъютант полковник Кикин, адъютант мой лейб-гвардии конной артиллерии поручик Граббе и состоящий при мне штабротмистр Деюнкер, адъютант генерала Милорадовича, собрав рассеянных людей, бросились с барабанным боем в штыки и в короткое время очистили дорогу, восстановив тем связь между частями войск. Не успевший в намерении неприятель отклонил атаку и устремил последнее усилие на правое наше крыло. Батарея наша из четырех орудий была сбита, и я, неверя утомленным

полкам 17-й дивизии восстановление прервавшегося порядка, лейб-гренадерский полк в присутствии вашего высокопревосходительства повел сам на батарею неприятельскую. Полковник Желтухин, действуя отлично, храбро, опрокинул все, что встретилось ему на пути. Я достигал уже батареи, но сильный картечный огонь, храброму сему полку пресекавший путь, привел его в расстройство. Атаки неприятеля однако же прекратились. Полк занял прежнее свое место, и с обеих сторон возгорелся сильный ружейный огонь. Екатеринославский гренадерский полк пришел в помощь, и полки 17-й дивизии участвовали больше стрелками. Генерал-майор Тучков 3-й, опрокинув сильную неприятельскую колонну и увлеченный успехом, во время, к ночи уже клонящееся, взят в плен. Генерал-лейтенант Коновницын, не взирая на сильный повсюду неприятельский огонь, оттеснил неприятеля на всех пунктах правого крыла на большое расстояние, место сражения и даже далее удержал за нами. Он учредил посты, отпустил артиллерию, снял войска с позиций в совершеннейшем порядке, и армия беспрепятственно отступила к Дорогобужу и соединилась со 2-ю армиею.

Списки об отличившихся чиновниках, господами начальниками на имя вашего высокопревосходительства препровожденные, имею честь представить, с моей стороны доверенность вашего высокопревосходительства стараясь заслужить справедливостию моего донесения».

В продолжение сражения были минуты, в которые невозможно было допускать уверенности в счастливом окончании оною. Я послал к великому князю записку, что необходимо ускорить движение к переправе чрез Днепр и тотчас перейти его, дабы сражающиеся войска не встретили препятствий при переправе, ибо надлежало ожидать, что неприятель будет нас преследовать стремительно.

Командующий арриергардом барон Корф, далеко еще не дошедши до большой дороги, заметил, что неприятель не только не понуждал его к скорейшему отступлению, напротив старался, занимая перестрелкою, его задерживать, в том вероятно предположении, что отбросит сражающиеся наши войска от пункта соединения дорог, и арриергард наш останется отрезанным. Не имели успеха сии соображения его, и арриергард прибыл к войскам.

8-го числа арриергардом командовал генерал-

адъютант граф Строганов* (Павел Александрович⁴⁷); 1-й кавалерийский корпус и гренадерские полки Павловский, С.-Петербургский и Таврический с достаточной артиллерией его составляли. Судя по силам, употребленным в сражении, по кратковременности его, нельзя было потерю неприятеля полагать чрезвычайною, но таковою утверждали ее все, доставшиеся нам пленные офицеры. Итак, неприятель ограничился одним за нами наблюдением. Большую часть дня я оставался с арриергардом, страшась и за слабость его состава и сомневаясь в искусстве начальствующего им. Невдалеке назад главнокомандующий приказал на случай подкрепления иметь готовые войска.

Медленно отступающий арриергард я оставил далеко, и поздно уже возвратясь к армии, удивлен был, найдя ее еще не переправившеюся за Днепр, ибо опоздавший со своею колонною генерал Дохтуров занимал переправу. Можно почесть весьма счастливым случаем, что неприятель не пришел к переправе в одно время с нами, чему, по положению места, трудно было препятствовать, или не иначе, как с чувствительным весьма уроном.

9-го числа вся 1-я армия, соединясь за Днепром, пришла к селению Усвятъ. Днем прежде 2-я армия расположилась недалеко от Дорогобужа. В состав арриергарда поступили многие егерские полки и кавалерия. Им командовал генерал-майор барон Розен, состоя в полном распоряжении генерала от кавалерии Платова, которому приказано оставаться у самой переправы долее, дабы собрались люди усталые. Сильные партии должны отправиться вверх по Днепру, наблюдая, чтобы не беспокоил неприятель отправленные из Смоленска обозы и транспорты чрез Духовщину на Дорогобуж. Все прочие тяжести и все раненые отправлены из Духовщины в Вязьму и были вне опасности.

10-го числа войска имели растаг⁴⁸. Арриергард был далеко. Главнокомандующий вместе с великим князем и князем Багратионом, сопровождаемые всеми корпусными командирами и многими из генералов, осматри-

* Быстрый ход по службе не допустил нужной опытности, не представились случаи обнаружить особенные способности военного человека. Из всех наилучших качеств, украшающих Строганова, военные не суть превосходнейшие. Никому не уступая в отважности, готовый встречать опасность, но не среди звука оружия может возгреть имя его.

вали выбранную полковником Толем для армии позицию. Главнокомандующий заметил ему, что на правом фланге находится высота, с которой удобно действовать на протяжении первой линии и что надлежит избежать сего недостатка. На предложение его занять высоту редутом ему указано на озерцо между высотой и конечностью линии, препятствующее давать подкрепление редуту и даже способствовать ему действием батарей, расположенных ниже его. Если устроить обширное укрепление, на оборону его обращенная часть войск будет свидетелем сражения, участия в нем не принимая. Вытесненная, может лишиться средств отступления. Полковник Толь отвечал, что лучшей позиции быть не может и что он не понимает, чего от него требуют, давая разуметь, что он знает свое дело. Главнокомандующий выслушал его с неимоверною холодностью, но князь Багратион напомнил ему, что, отвечая начальнику и сверх того в присутствии брата государя, дерзость весьма неуместна и что за то надлежало слишком снисходительному главнокомандующему надеть на него солдатскую суму, и что он, мальчишка, должен бы чувствовать, что многие не менее его знакомы с предметом. Найден также левый фланг позиции весьма порочным, и потому войска, не занимая позиции, перешли на ночлег, не доходя Дорогобужа, а полковнику Толю приказано расположить их на другой день подле города. Между тем село Усвятье заняла пехота арриергарда. Передовые посты были уже недалеко и теснимы неприятелем. Отряд генерал-адъютанта Васильчикова⁴⁹, оставшийся на левом фланге прежней позиции, вступил в дело, и корпус генерал-лейтенанта Раевского готов был ему в помощь, но кончилось незначущею перестрелкою, и далее ничего не предпринял неприятель. Арриергард атамана Платова остался в с. Усвятье и отряд генерал-адъютанта Васильчикова на прежнем месте — на левом крыле.

Атаман Платов сказывал мне о показании взятого в плен унтер-офицера польских войск, что будучи у своего полковника на ординарцах, видел он два дни сряду приезжавшего в лагерь польский под Смоленском нашего офицера в больших серебряных эполетах, который говорил о числе наших войск и весьма невыгодно о наших генералах. Разговорились мы с генералом Платовым о других, не совсем благонадежных и совершенно бесполезных людях, осаждавших главную квар-

тиру и между прочими о флигель-адъютанте полковнике Вольцогене, к которому замечена была особенная привязанность главнокомандующего. Атаман Платов в веселом расположении ума, довольно смешными в своем роде шутками говорил мне: «Вот, брат, как надобно поступать. Дай мысль поручить ему обозрение французской армии и направь его на меня, а там уже мое дело, как разлучить немцев. Я дам ему провожатых, которые так покажут ему французов, что в другой раз он их не увидит». Атаман Платов утверждал, что знает других, достойных равной почести. «Не мешало бы, — сказал он, — если бы князь Багратион прислал к нему г. Жамбара, служащего при начальнике Главного штаба графе Сен-При⁵⁰, в распоряжения которого он много вмешивается». Много посмеявшись с атаманом Платовым, я говорил ему, что есть такие чувствительные люди, которых может оскорбить подобная шутка, и филантропы сии, облакаясь наружностью человеколюбия, сострадания, выставляют себя защитниками прав человека.

Обе армии находились у Дорогобужа. Отряд 2-й армии на правом берегу Днепра против города сменен корпусом генерал-лейтенанта Багговута. Полки кавалерийские в команде генерал-майора графа Сиверса⁵¹ замещены драгунским полком полковника Крейца и часть казаков. Позиция занята была стесненная и обращенная в противную сторону. Главнокомандующим отмечена грубая ошибка полковника Толя: не доставало места для расположения войск, при других ее недостатках. Ему сделан жесточайший выговор, исправить ошибки поручено другому. Последствий от того не было, и намерение ожидать неприятеля вскоре отменено. Полковник Толь, отличные имеющий познания своего дела, не мог впасть в подобную ошибку иначе, как расстроен будучи строгим замечанием князя Багратиона за неприличные, излишне смелые, ответы главнокомандующему, военному министру. Чрезмерное самолюбие его поражено было присутствием многих весьма свидетелей.

1-я армия осталась до вечера; 2-я армия тотчас начала выступать и потянулась вверх по левому берегу реки Осьмы, дабы занять идущую от стороны Ельни дорогу и не дать неприятелю воспользоваться ею, также и для удобнейшего движения обеих армий. Князь Багратион имел неосторожность приказать арриергарду своей армии следовать за нею. Командующий оным

генерал-адъютант Васильчиков, отходя, оставил однако же небольшой отряд конницы с генерал-майором Панчулидзевым⁵² (Черниговского драгунского полка) для удержания связи с главным арриергардом атамана Платова и чтобы скрыть отступательное движение наших войск. Генерал-майор Панчулидзеv отошел, не известя атамана Платова. Неприятель занял его место на фланге нашего арриергарда и небольшою частию конницы наблюдал его движение. Она, обманувшись дорогою, обошла генерал-майора князя Панчулидзева, совсем того не желая, и нашлась между им и армиею. Встретившись внезапно и не без опасения, открыли один другому путь свободный не сделавши выстрела.

Во время пребывания армии при Дорогобуже неприятель в некоторых силах, далеко оставя наш арриергард, прошедши по дороге, называемой старою Смоленскою, в трех верстах от города расположился на левом нашем крыле. Беспечная охранением арриергарда наша армия не знала о столько близком присутствии неприятеля, но и он ничего предпринять не смел против сил наших в совокупности. Сие происшествие может служить наставлением, что если арриергарды в близком расстоянии один от другого, они все должны быть подчинены одному начальнику для содержания общей между ними связи. Бывают случаи, что по мере обширности цепи в состав ее входящие разного рода войска имеют своих частных начальников, которые не согласуют своих действий с общим распоряжением. Из самого опыта усмотрев сии неудобства, начальство удалило их введением полезных изменений.

При отступлении армии от Дорогобужа арриергард атамана Платова имел горячее с неприятелем дело. Пехота наша, состоявшая из егерей, получила новое право на уважение неприятеля, и дан ему урок быть осмотрительным. После многих неудачных усилий, понесши приметный урон, неприятель остановился. Арриергард удержался в позиции и отступил, когда армия уже довольно удалилась. Наконец прошел чрез Дорогобуж не более двух верст, давши армии достигнуть селения Семлева. Никогда армия не бывала в таком отдалении, и для того предположено остановиться два дня для отдохновения утомленным войскам и нужно было починить обувь солдатам. Было также в виду, чтобы спасающиеся жители из городов и селений, обозами своими затруднявшие движение армии, могли

отойти далее. В первый день отдохновения атаман Платов прислал занимать лагерь для арриергарда, донося, что стремительно атакующий его неприятель допустил его остановиться в восьми верстах, а в ночи он придет в селение Семлево. Причина столько скорого отступления заключалась в том, что пехота арриергарда не была употреблена в продолжение дня, и неприятеля должна была удерживать одна застава (так была названа) из двухсот казаков при одном есауле. Места были довольно лесистые, и несколько стрелков достаточно, разгоняя казаков, беспрепятственно открывать себе путь.

1-я армия должна была оставить Семлево; равномерно отошла и 2-я армия, на одной с нею высоте по левую сторону находившаяся. Атаман Платов не раз уже был замечаем нерадиво исполняющим свои обязанности, а князь Багратион сказал мне, что когда находился он с ним в отступлении из Литвы, он изыскивал* способ возбуждать его к предприимчивости и деятельности чрезвычайной, проведая непреодолимое его желание быть графом. Мне причиною недеятельности его казалось простое незнание распоряжаться разного рода регулярным войском, особенно в действиях продолжительного времени. Быть начальником казаков решительным и смелым не то, что быть генералом, от которого требуется другой род распорядительности в связи с искусством непременно. Атаман Платов, принадлежа к числу людей весьма умных и отлично проницательных, не мог не видеть, что война 1812 года в свойствах своих не сравнивается с теми, в которых он более многих других оказал способностей.

От генерала от инфантерии Милорадовича получено известие, что с войсками, сформированными им в городе Калуге в числе шестнадцати тысяч человек, большею частью пехоты, поспешает прибыть к армии. Сняв ранцы и с пособием подвод, пехота проходила не менее сорока верст в сутки. Войска сии нужны были для пополнения убыли в полках, особенно в кавалерии, беспрерывно употребляемой в арриергарде.

* Поставляя на вид одного из генералов войска Донского (Денисова), который, не будучи атаманом, имел графское достоинство. Я сделал то же. После сего всегда спрашивал он меня о получаемых повелениях императора и какие кому назначаемы были награды, при всей хитрости не умея скрыть нетерпеливых ожиданий.

Атаману Платову приказано удерживать неприятеля сколько возможно, не оставляя пехоты без действия. Генерал-лейтенанту Багговуту*, идущему с корпусом на правом фланге армии, предписано наблюдать идущего за ним в больших силах неприятеля; его арриергарду иметь связь с передовыми войсками атамана Платова с левой стороны; с правой — с донскими полками генерал-майора Краснова⁵³, также преследуемыми особенною частию войск по направлению от Духовщины. От сих полков должен быть сильный пост в селе Покрове, где пересекаются дороги из Дорогобужа в Сычевку и из Вязьмы в Белый.

Отправлен отряд из двух драгунских полков, двух гренадерских баталионов и четырех орудий конной артиллерии в команде генерал-майора Шевича⁵⁴, которому приказано, пройдя Вязьму, выйти на дорогу к Духовщине и подкрепить генерал-майора Краснова, дабы дать время обозам и тяжестям 1-й армии пройти Вязьму, куда проникнув небольшая партия могла бы произвести замешательство.

Отряду генерал-адъютанта барона Винценгероде, весьма легкому по его составу, предоставлено действовать на фланге неприятеля и по возможности угрожать его тылу. Из расположения его между Духовщиною и Белым, в случае если усилится неприятель, он должен отступить к Сычевке и давать о себе известие чрез генерал-майора Краснова.

Инженер-генерал-лейтенант Трузсон⁵⁵ и обеих армий генерал-квартирмейстеры отправлены в Вязьму для изыскания позиции армиям и укрепления оной.

Все вообще распоряжения принимали вид важных приуготовлений. Начальнику артиллерии приказано иметь запасные парки ближе к армии.

Главнокомандующему при рапорте моем представил я в подлиннике рапорт полковника Толя, просившего увольнения от должности генерал-квартирмейстера, чувствуя будто бы себя неспособным отправлять оную. Я объяснил при том, что имею его под начальством, я свидетелем был трудов его, усердия и деятельности; в сражениях же он являл опыты предусмотритель-

* Неприятель захватывал все возможные дороги, желая огромные силы свои иметь на одной высоте и в теснейшей связи между собою. Это представляло ему удобство угрожать части войск наших быть обойденной и понуждало нас необходимо раздробляться.

ности. Должность его не поручена никому другому, и он продолжал отправлять ее. Впрочем непродолжительно было снисхождение главнокомандующего к просьбе моей, и он получил приказание выехать из армии, и отправился в Москву, где оставался без всякой должности.

Благовременно сделал я распоряжения, чтобы раненые, находившиеся в Вязме, были все вывезены далее. По настоятельности главного по медицинской части инспектора Виллие должен я был также дать направление раненым 2-й армии, избегая столкновения на одной дороге. Москве, столице уstraшенной, горестно было бы зрелище нескольких тысяч страждущих*.

Атаман Платов доставил взятого в плен французского полковника, посланного вице-королем италийским к неаполитанскому королю Мюрату в село Семлево, из которого намеревался он вытеснить наш арриергард. Пехота наша дралась упорно, неприятель с большим уроном оставил село Семлево в наших руках. Часть успеха принадлежит генерал-майору барону Розену, которому атаман Платов предоставил полное действие.

Инженер-генерал-лейтенант Трузсон не нашел позиции, которая бы закрывала Вязму. По превосходству сил неприятель мог, обходя фланг армии, угрожать дороге на Гжатск.

Главнокомандующий, пробывши один день в Вязме, переехал в село Федоровское в десяти верстах от города.

Раненых отправлено большое количество; оставалось еще 1600 человек, но благодаря деятельности дежурного генерала Кикина, которому много вспомоществовал Ставраков, комендант главной квартиры, ни один из них не достался неприятелю. Успели даже увезти сто тысяч аршин холста, который один купец предложил на госпиталь, и 70 пудов разных лекарств из вольной аптеки. Заметить надобно, что неприятель приближался, и купец, для оказания великодушия защитникам отечества, ожидал сигнала французской пушки. Главнокомандующий занимал прекрасный дом богатого откупщика; в погребе у него было столового хорошего вина

* При отправлении раненых было целию обойти Москву; дальнейшее о них попечение и размещение в военные госпитали возложено было на распоряжение Военного министерства непосредственно. Раненые, которые могли возвратиться в скором времени, содержались в ближайших госпиталях.

более нежели на 20 т [тысяч] рублей, и ни за какую цену нельзя было достать одной бутылки. Откупщик опасался выказать, где оно было закопано. Впоследствии расторопные французы дали свет сокрытым сокровищам на сожаление бережливому откупщику и конечно не менее всем уездным собственникам.

Позиция при селе Федоровском имела немалые выгоды и уже воздвигнуты некоторые укрепления. Недостаток воды — малейший порок ее. Озеро на левом крыле армии заключалось в берегах болотистых и топких, с трудом доступных. Полковник Манфреди, по части путей сообщения при армии, сделал насыпь, входящую в озеро, но по причине отдаления была она для людей затруднительна. Неприятель, приблизясь к позиции, мог овладеть водоемом, в чем воспрепятствовать ему невозможно было. Итак, армия продолжала отступление.

Около селения Царево-Займище усмотрена весьма выгодная позиция, и главнокомандующий определил дать сражение. Начались работы инженеров, и армия заняла боевое расположение. Места открытые препятствовали неприятелю скрывать его движения. В руках наших возвышения, давая большое превосходство действию нашей артиллерии, затрудняли приближение неприятеля; отступление было удобно.

Много раз армия наша, приуготовляемая к сражению, перестала уже верить возможности оною, хотя желала его нетерпеливо; но приостановленное движение армии, ускоряемые работы показывали, что намерение главнокомандующего решительно, и все возвратились в надежде видеть конец отступления.

Получено известие о назначении генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова главнокомандующим всеми действующими армиями и о скором прибытии его из С.-Петербурга*. Почти вслед за известием приехал в Царево-Займище князь Кутузов⁵⁶ и принял начальство над 1-ю и 2-ю Западными армиями. Если единоначалие не могло совершенно прекратить несогласие между командующими армиями, по крайней мере оно было уже безвредно и продолжалось под лучшими формами. Но возродило оно ощутительным

* Всех тяготило бесконечное отступление, и общее было желание решительного боя. Казалось твердым намерение Кутузова, хотя люди опытные усматривали неудобства местоположения.

образом в каждом из подчиненных надежду на прекращение отступления, большую степень порядка и успехи. Несправедливо было бы упрекать генерала Баркляя де Толли отступлением. При Смоленске видно было превосходство сил неприятельских и точнейшие полученные сведения делали его необходимым.

Князь Кутузов на пути своем к армии приказал Московскому ополчению следовать в соединение с армиею.

Главкомандующий, справедливо недовольный беспорядочным командованием атамана Платова арриергардом, уволив его от оногo, позволил отправиться из армии, и он находился в Москве, когда князь Кутузов дал ему повеление возвратиться к донским казакам в армии. Арриергард поручен генерал-лейтенанту Коновницыну, и он, отступая от Вязьмы, упорно защищался на каждом шагу. Первый приказ князя Кутузова был об отступлении по направлению на Гжатск. В нем объяснена была потребность присоединить идущие к армии подкрепления.

От Гжатска в арриергарде было несколько горячих сшибок с чувствительною с обеих сторон потерею, но генерал-лейтенант Коновницын доставлял армии несравненно более спокойствия, нежели прежде атаман Платов.

В Гжатск прибыли войска под команду генерала Милорадовича в числе 16-ти тысяч человек и разделены по полкам.

Князь Кутузов вознамерился дать сражение близ Колоцкого монастыря*. Также производилось построе-

* Сомнительно, чтобы главнокомандующий не имел известия о назначении князя Кутузова. Ускорение работ на занимаемой позиции обнаруживает намерение его дать сражение до его приезда. Как военный министр он знал, что армия никаких подкреплений иметь не будет, что Кутузов равными, как он, распоряжаясь способами, не большую может допускать надежду на успех; решился предупредить его в том, что конечно было поставлено на вид одним из важнейших предметов.

1805 года Кутузов с малочисленною армиею, посланною в помощь Австрии, совершил знаменитое отступление из Баварии среди сильных ополчений неприятельских, старавшихся отрезать ему пути. Командовал при Аустерлице, где понесенные несчастья не должны изгладиться из памяти русского, в коих хотя не имел участия, бывши не согласен с намерением атаковать, понес однако же неблаговоление государя, присутствовавшего при армии. Был военным губернатором в Литве⁵⁷, без уважения, в забвении. Впоследствии главнокомандующим против турок, которых при ужасном их поражении заставил

ние укреплений и также позиция оставлена. Она имела свои выгоды и не менее недостатков. Правый фланг, составляя важнейшие возвышения, господствовал местами на протяжении всей линии, но если бы невозможно было удержать его, отступление делалось затруднительным, тем более, что в тылу лежала тесная и заселенная долина. Здесь оставлен был арриергард, но в 12 верстах назад избрана для обеих армий позиция при селении Бородине, лежащем близ Москвы-реки. Знаменитость сего места требует некоторого описания. Впереди правого фланга протекала в крутых берегах, местами неприступных, речка Колоча; самый фланг упирался в лес, где сделаны большие засеки; на обширном поле, прилежащем [к] лесу, устроены укрепления, охраняющие и конечность и тыл фланга. Поле, для действия кавалерии удобное, обнаруживало всякое движение. Недалеко от Бородина, по большой дороге, на высоте у селения Горки, находилась батарея; подошва высоты обнесена окопом под защиту пехоты. Впереди село Бородино, занятое передовыми войсками, соединялось с позицией мостом чрез реку Колочу. В центре позиции, пред линиями войск, лежала главнейшая высота, господствующая [над] окрестностию во всех направлениях, и занята была сильною батареею от 2-й армии. Здесь была конечность левого фланга 1-й армии. Пред батареею на картечный выстрел простиралось чистое поле, пресеченное широкою и глубокою долиною, совершенно от нас сокрытою; до спуска в сие углубление, с противоположной стороны, доходил весьма частый лес. В левую сторону от батареи незначительные возвышения оборонялись построенным твердым редутом*. Конечность левого крыла 2-й армии обращалась к обширному и весьма частому лесу, отделенному от редута тесною долиною, единственно для действия кавалерии на всем крыле. На малое расстояние в тылу войск протягивалась глубокая лощина, неудобная для сообщений. В версте от левого крыла проходила чрез лес старая

желать мира, подписал прелиминарные его пункты⁵⁸ и, отозванный в столицу, получил поручение приуготовить С.-Петербургское ополчение. (Назначение конечно не весьма лестное.) В настоящее время возведение его в достоинство главнокомандующего армиями против сильного и опасного врага, проникшего в Россию, было следствием общего всех желания, и хвала государю, имевшему великодушие не воспротивиться ему.

* При селении Шевардине.

почтовая на Можайск дорога, склоняясь в обход позиции.

Князь Кутузов, осматривая расположение войск, приказал отклонить левое крыло так, чтобы глубокая лощина пролегла пред его фронтом; конечность оною, в новом месте, приказал укрепить несколькими флешами. За сею переменою редут, оставаясь далее пушечного выстрела, сделался совершенно для нас бесполезным, и потому защищать и удерживать его не нужно было. В прямой линии устроения армии сделан перелом у самого центра позиции.

Августа 24-го числа арриергард, стремительно атакованный, долго защищаясь против собравшихся превосходных сил неприятеля, должен был наконец вступить рано в позицию. На левом крыле часть арриергарда, составленная из войск 2-й армии, отступала так поспешно и о движении своем не предвояря армию, что преследующий неприятель появился на высотах прежде, нежели переменена была позиция по указанию князя Кутузова. Передвижение производилось пред лицом неприятеля, и как ни быстро было совершено, дан был неприятелю повод к атаке. Бесполезный редут надлежало удерживать по необходимости, чтобы войскам дать время занять назначенную им линию, иначе мог неприятель препятствовать и даже привести войско в замешательство. По устроении их должно было тотчас оставить редут. Командующий 27-ю дивизиею генерал-майор Неверовский не смел сделать того без приказа. Частный начальник генерал-лейтенант князь Горчаков не усмотрел пользы его оставить. Продолжались атаки неприятеля на редут и лес, устойчиво нами защищаемые, и вскоре, превратясь в дело весьма упорное, заставили большую часть войск 2-й армии принять в нем участие, и оно продолжалось до глубокой ночи. Видно было решительное намерение неприятеля овладеть редутом, и не раз нами потерянный, был он возвращен штыками. Не раз взяты были у неприятеля орудия, но огонь сильнейших батарей исторгал их из рук, овладевших ими. Атака на батарее наших кирасир 2-й дивизии имела полный успех, и взято несколько пушек, но, обращаясь между лесом и высотами, сильно занятыми, дивизия подверглась чувствительному урону. Отчаянно оборонявшая редут пехота должна была наконец оставить его в руках неприятеля с малым числом орудий, и сражение прекратилось⁵⁹.

25-го августа армии в полном бездействии обзирали одна другую. В ночи взят у нас редут при селении Шевардине; из него видно левое наше крыло со всеми недостатками местности, недостроенными укреплениями*, и не могло быть сомнения, что оно будет предметом атак, и уже в том направлении замечены генералом Бенningсеном главные силы неприятеля, хотя по превосходству повсюду было их достаточно. Исправляя должность начальника главного штаба всех действующих войск при князе Кутузове, он предложил как меру предосторожности сократить линию заблаговременно, оставя на правом крыле, в лесу и засеках, несколько егерских полков, два пехотные корпуса, бесполезно стоящие поблизости, передвинув к центру, дабы могли вспомоществовать 2-й армии; предложение не уважено!

Неприятель на левом фланге устраивал Италианскую армию в оборонительное положение; воздвигались окопы и батареи против довольно открытой местности, удобной для наступательного действия нашей конницы в большом количестве.

Рано утром князь Кутузов осматривал армию. Не всюду могли проходить большие дрожки, в которых его возили. Немногие из генералов и малая свита его сопровождали; я ехал у колеса для принятия приказаний. Генерал Беннингсен** остановил его у возвышения, господствующего над окрестностию, на котором конечность крыла 2-й армии (правого) занимала только что начатое укрепление, вооруженное 12-ю батареями и 6-ю легкими орудиями. Прикрытием служила пехотная дивизия корпуса генерала Раевского***. Возвышение это называл генерал Беннингсен ключом позиции,

* В инженерных парках соединенных армий не было достаточно шанцевого инструмента, и все укрепления вообще производились ничтожными способами частных начальников, назначаемых для обороны их. Военный министр требовал из Москвы шанцевый инструмент, но он доставлен в самый день сражения. Беспольный в настоящее время, обращен в состав запаса впоследствии.

** Главнокомандующий против Наполеона в 1806 и 1807 годах, до заключения мира в Тильзите. Из современных военачальников наших неоспоримо опытнейший, обладающий знанием военного ремесла, изученного на основании глубокой теории. Императрице Екатерине II он был известен с полковничьего чина не одною отличною храбростию.

*** Поэтому называли укрепление батареею, иногда люнетом, Раевского.

объясняя необходимость употребить возможные средства удерживать его, ибо потеря его может быть причиной гибельных последствий. Князь Кутузов ограничился тем, что, не изменяя положение 1-й армии, приказал левое ее крыло довольно далеко отклонить назад, отчего конечность избегала внезапных атак скрывающегося в лесу неприятеля и возможности быть обойденною. Но в то же время преломление линии, образуя исходящий угол, давало неприятелю выгоду продольных рикошетных выстрелов. Никаких более не сделавши распоряжений, князь Кутузов возвратился в квартиру.

26-го августа. Настал наконец желанный день!

Скрывающееся в тумане солнце продолжило до шести утра обманчивое спокойствие. Первые лучи его осветили то место, где с полным самоотвержением готовы русские принять бестрепетно неравный бой!

Здесь, величественная Москва, участь твоя ввернется жребию. Еще несколько часов, и если твердою грудью русских не будет отвращена грозящая тебе опасность, развалины укажут место, где во времена благоденствия ты горделиво воздымалась!

Боевое устроение 1-й и 2-й наших армий.

На конечности правого крыла, в лесу, засеках и укреплении, три егерских полка, которые, не принимая прямого участия в действии, потеряли несколько человек с самых отдаленных батарей без цели сделанными выстрелами. От них по направлению к центру пехотные корпуса: II-й генерал-лейтенанта Багговута, IV-й генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого и VI-й генерала от инфантерии Дохтурова заключал протяжение 1-й армии. Далее по отклоненной назад линии войска 2-й армии: VII-корпус генерал-лейтенанта Раевского, VIII-й корпус генерал-лейтенанта Бороздина и, на оконечности левого крыла, под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го⁶⁰ дивизии сводная гренадерская генерал-майора графа Воронцова⁶¹ и 27-я пехотная генерал-майора Неверовского.

В состав общего резерва для армий назначены: вся вообще кавалерия; исключается небольшая ее часть при пехотных корпусах и гвардейская конница; III-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го; 2-я гренадерская дивизия принца Карла Мекленбургского⁶²;

пехота V-го гвардейского корпуса великого князя Константина Павловича* в команде генерал-лейтенанта Лаврова⁶³; гвардейский резервный кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Уварова и атаман Платов с полками Войска Донского на правом крыле 1-й армии. Московское ополчение в числе двадцати пяти тысяч человек, вооруженных пиками, прибывшее за два дня, разделено по корпусам для принятия раненых, не отвлекая для того людей от фронта**.

В шесть часов утра замечено движение в неприятельских войсках против правого нашего крыла, и вскоре началась атака на село Бородино. Впереди его гвардейского егерского полка баталион, содержащий передовые посты, опрокинут, и менее, нежели в полчаса, весь полк в замешательстве отброшен до моста чрез речку Колочу, и по левому ее берегу рассыпали стрелки его во множестве. Стоявший против моста 1-й егерский полк стремительно бросился вперед, обратил неприятеля и пропустил гвардейских егерей, которые тотчас отосланы в свою дивизию***. Опасно было положение 1-го егерского полка, отдаленного от прочих войск, почему приказано командиру оно****, не занимая села Бородина, отойти за речку и сжечь мост. Стоявшая близ него рота легкой артиллерии отогнала стрелков, и тем ограничилось действие на этом пункте. Видно было, что не здесь ожидать надлежало важнейших предприятий.

Вдруг загорелся на левом нашем крыле пушечный и ружейный огонь. Двинулись страшные громады сил и, не взирая на сопротивление наше, в ужасающем виде, медленными подойдя шагами, овладели укреплениями

* Великий князь отправлен военным министром с донесением к императору о состоянии армии, вероятно, по испрошенному предварительно соизволению. По взаимным отношениям нет сомнения, что военный министр не желал его присутствия в армии.

** Раненые отправлялись в учрежденные прежде военные госпитали. Для отвоза их в губерниях, занятых неприятелем, сняты станции с почтовых трактов с исправными повозками, полным числом погонщиков и лошадей. Не менее шестисот троек находилось при главной квартире для разных потребностей.

*** В баталионе на аванпостах до того была велика беспечность, что многие нижние чины спали, снявши мундиры. Прочих баталионов в равной степени была неосторожность, но немного менее беспорядков. Доселе храброму полку не было упрека.

**** Полковник Карпенко неустрашимый, но умственные его способности ограничиваются понятием повеления: «Вперед!» Последнего не всегда выжидает.

нашими впереди села Семеновского. Недолго однако же могли удерживаться в них изгнанные, с беспримерным уроном отступили. Раздраженный неудачей неприятель собрал рассеянных, присоединил к ним свежие войска и возобновил нападение. Полки наступающие, разрушаемые губительным огнем наших батарей и пехоты, шли бестрепетно вперед. Дивизии графа Воронцова и Неверовского встретили их штыками, и любимое оружие русского солдата одно могло продлить сопротивление. Из рук в руки переходили батареи: потеря с нашей стороны выше вероятия и граф Воронцов ранен. Командир сводной гренадерской бригады полковник князь Кантакузин, изгоняя неприятеля из захваченного им укрепления, убит. Распоряжающий сими войсками на оконечности левого крыла армии генерал-лейтенант князь Горчаков 2-й (Андрей Иванович) получил рану.

Главкомандующий князь Багратион, одушевляя войска, идущие вперед, своим присутствием, чувствует себя пораженным и, избегая вредного действия на дух боготворящих его войск, скрывает терзающую его боль, но, ослабевая от истекающей крови, в глазах их едва не упадет с лошади. В мгновение пронесся слух о его смерти, и войск невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет (не беспокоится. — *Сост.*) о собственной защите: одно общее чувство — отчаяние! Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые части ее не иначе, как отдаля на выстрел, возможно было привести в порядок.

Прибыл с донесением к князю Кутузову полковник князь Кудашев и обстоятельно представил положение 2-й армии.

Князь Кутузов дал повеление корпусу графа Остермана идти туда поспешнее и соединиться с корпусом Багговута, незадолго пред сим посланным; отправлены полки гвардейской пехотной дивизии. Генералу от инфантерии Дохтурову поручил начальство над войсками 2-й армии и всеми вообще находящимися на левом крыле. Мне приказал отправиться немедленно во 2-ю армию, снабдить артиллерию снарядами, в которых оказался недостаток. Удостоил меня доверенности представить ему замечания мои, если усмотрю средства полезные в местных обстоятельствах настоящего времени.

Известно мне было, что начальник главного штаба 2-й армии граф Сен-При ранен, и немногих весьма имея знакомых между заменившими прежних начальников, ожидал я встретить большие затруднения, и чтобы не появиться вполне бесполезным, предложил начальнику артиллерии 1-й армии графу Кутайсову назначить в распоряжение мое три конноартиллерийские роты с полковником Никитиным, известным отличной своей храбростию. Во весь карьер неслись роты из резерва, и Никитин уже при мне за приказанием.

Между тем генерал Тучков, видя совершенное расстройство 2-й армии, потерявшей главного и важнейших частных начальников, и что невозможно рассчитывать на твердое сопротивление раздробленных частей ее*, велел III-му его корпусу немедленно войти в бой, занял конечность левого крыла армии 1-ю гренадерскую дивизию и успел стать на Можайской старой почтовой дороге, где близ селения Утицы находились уже польские войска, предводимые князем Понятовским. Началась канонада против слабой нашей батареи, стоявшей на кургане, и остановлены быстрые шаги неприятеля к успехам. Допустить его утвердиться на этом пункте было для нас опасно. Генерал Тучков 1-й, лично указывая путь храбрым гренадерам 1-й дивизии под картечным огнем, удержал место, охранил укрепление, но тяжелая нанесенная ему рана не допустила подвига более прочного. При селении Утице 3-я пехотная дивизия, опрокинув стрелков, долго боролась с подкреплявшими их массами. Мужество генерала Коновницына явилось в сей день в полном его блеске. Под начальство его поступил III-й пехотный корпус. Генерал Багговут со II-м корпусом вышел на старую Можайскую дорогу.

Когда послан я был во 2-ю армию, граф Кутайсов желал непременно быть со мною. Дружески убеждал я его возвратиться к своему месту, напомнил ему замечание князя Кутузова, с негодованием выраженное, за то, что не бывает при нем, когда наиболее ему

* Если бы по настоянию генерала Беннингсена II-й и VI-й корпуса прежде сражения поставлены были ближе и в непосредственное сношение со 2-ю армию, при содействии их войска, их составляющие, не одни противостояли бы непрестанно возобновляемым с чрезвычайными усилиями атакам неприятеля. Армия не подверглась бы ужасному раздроблению. Не так далеки были соображения Кутузова, и то доказали последствия.

надобен*: не принял он моего совета и остался со мною.

Приближаясь ко 2-й армии, увидел я правое крыло ее на возвышении, которое входило в корпус генерала Раевского. Оно было покрыто дымом и охранявшие его войска рассеянные. Многим из нас известно было и слишком очевидно, что важный пункт этот, по мнению генерала Беннингсена, невозможно оставить во власти неприятеля, не подвергаясь самым губительным последствиям. Я немедленно туда обратился. Гибельна была потеря времени, и я приказал из ближайшего VI-го корпуса Уфимского пехотного полка 3-му батальону майора Демидова идти за мною развернутым фронтом, думая остановить отступающих.

Долго при неравных средствах слабое укрепление наше держалось против сосредоточенного огня сильных неприятельских батарей, но при находящихся в нем восемнадцати орудиях не было уже ни одного заряда, и угасший огонь их облегчил приближение французов. По тесноте укрепления весьма мало пехоты помещалось в нем во внутренности его; стоявшая снаружи, истребляемая картечью, рассеяна. Недостаточны были способы для защиты местности, при всех усилиях известного неустрашимого генерал-майора Паскевича, командующего дивизиею. Позицию осматривал генерал Раевский, но лично не находился во время атаки, которая произведена совершенно внезапным образом.

Подойдя к небольшой углубленной долине, отделяющей занятое неприятелем возвышение, нашел я егерские полки 11-й, 19-й и 40-й, служившие резервом. Несмотря на крутизну восхода, приказал я егерским полкам и 3-му батальону Уфимского полка атаковать штыками, любимым оружием русского солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса: сопротивление встречено отчаянное, возвышение отнято, орудия возвращены, и не было слышно ни одного ружейного выстрела.

Израненный штыками, можно сказать снятый со штыков неустрашимый бригадный генерал Бонами⁶⁴ получил пощадную**; пленных не было ни одного, из всей

* Граф Кутайсов с самоотвержением наблюдал за действием батарей, давая им направление, находился повсюду, где присутствие начальника необходимо, преимущественно, где наиболее угрожала опасность.

** Я отправил его в Орел и просил отца моего иметь непрерывно особенное о нем попечение.

бригады спаслись бегством немногие*. Признательность генерала за оказанное ему уважение была совершенна. Урон со стороны нашей весьма велик и далеко несоразмерный численности атаковавших батальонов**. Три конноартиллерийские роты прибывшего со мною полковника Никитина много содействовали успеху. Расположенные по левую сторону от возвышения, долго обращали они на себя огонь неприятельских батарей сильнее калибра.

Граф Кутайсов расстался со мною при самом начале атаки возвышения, и я уже не видал его более. Не встретился со мною и генерал Паскевич, которого разбросанная дивизия по сторонам возвышения толпами нестройными погналась за спасающимися, и, как слышно было, их видели вместе среди толпы. По занятии возвышения я приказал бить сбор, и ко мне явился раненый полковник Савоини с малым числом офицеров и нижних чинов. Опасаясь, что опрокинутые толпы наши приведут за собою сильного неприятеля, и он лишит нас приобретенных успехов, послал я адъютантов моих и других офицеров, дабы поспешнее возвратить их и тем обнаружить лежащую впереди местность***. После жестокой схватки батальоны мои были малочисленны, при орудиях в укреплениях ни одного заряда, нападение угрожало очевидно. Всюду, где есть опасность, находился главнокомандующий военный министр. Внимательно наблюдая за действиями, он видел положение мое, и не ожидая требования помощи, прислал немедленно батарейную роту и два полка пехоты, так что под руками у меня было все готово и все в излишестве. Сосредоточив доста-

* Не раз случалось мне видеть, как бросаются подчиненные за идущим вперед начальником: так пошли и за мною войска, видя, что я приказываю самим их полковым командирам. Сверх того я имел в руке пук георгиевских лент со знаками отличия военного ордена, бросал вперед по нескольку из них, и множество стремились за ними. Являлись примеры изумительной неустрашимости. Внезапность происшествия не дала места размышлению; совершившееся предприятие не допускало возврата. Неожиданно была моя встреча с егерскими полками. Предприятие перестало быть безрассудною дерзостью, и моему счастью немало было завистующих!

** Полки в действующих армиях состояли из двух батальонов, средний второй батальон отделялся для составления резервной армии, формирующий собираемых по губерниям рекрут.

*** Некоторые из адъютантов военного министра и служившие при нем, также и чиновники главного штаба, сделали мне честь находиться при мне, и заслуги их поистине выше похвалы.

точные силы, он предотвратил попытки Италианской армии.

Ставши довольно твердою ногою и заменив свежими войсками утомленные, я отправил их в резерв; три конноартиллерийские роты с полковником Никитиным, понесшие урон в неравном бою, обратил в прежнее их место.

На левом нашем крыле прибыла из резерва 2-я гренадерская дивизия принца Карла Мекленбургского, служившая большою помощью, но вскоре он ранен.

Генерал Дохтуров повсюду среди опасности ободрял своим присутствием войска, свидетели его неустрашимости и твердости*, но заменить не мог князя Багратиона, его быстрой распорядительности, верования в него приверженных ему войск. По свойству местности, сражаясь частями, кирасирские полки и вообще конница наша быстротою атак имела очевидные выгоды на своей стороне, но лишалась их от многочисленности неприятеля и возобновляемых им свежими силами нападений. Преследуя опрокинутую, являлся он пред полками нашей гвардии. Измайловский и Литовский, устроенные в каре, стояли твердо, но не остановили его залпы, многие нашли смерть на штыках, и значительный урон мог один понудить удалиться. Тогда же полки — Преображенский подвергся действию артиллерии, Семеновский — несравненно с меньшею потерю, Финляндский рассыпан был в стрелках.

Облегчая действия 2-й армии, несколько прежде приказал князь Кутузов генерал-адъютанту Уварову с гвардейским резервным кавалерийским корпусом и атаману Платову со всеми казаками и их артиллериею действовать на левый фланг неприятеля. Внезапное появление произвело общее в лагере движение: стремительно собиралась пехота, выдвигалась артиллерия, со многих позиций направлены в помощь отряды. По всей линии действия неприятеля были менее настойчивы, и многим им казалось это время отдохновением. Командующий гвардейскою легкою кавалерийскою дивизиею генерал-адъютант граф Орлов-Денисов, следуя собственному соображению обстоятельств, не мог извлечь из них никакой пользы; остановил пол-

* Не в тех войсках, которые удивляли Европу славою нашего оружия, испытаны его способности; не под знаменами бессмертного Суворова, не на полях Италии, не среди теснин и пропастей Альпийских гор, пожинал он лавры!

ки, открыл батареи далекие и слабые, потерял время и потом, хотя под сильным огнем, отважно пошли полки за ручей Вóйну, протекающий в крутых берегах в речку Колочу. Итальянская армия была вся под ружьем, некоторые части ее устроены в каре, и в одном из них находился вице-король итальянский*.

Атамана Платова совершенно одинаковы были сообщения и более распорядительности. Войска наши не приобрели успеха, мало нанесли вреда и подверглись урону. Генералу Уварову приказано возвратиться. Атаман Платов за ним последовал**.

Временно смягчившийся бой возгорелся с обеих сторон; гром более тысячи орудий артиллерии производил непрерывный рев; не слышны были ружейные выстрелы; повсюду, где возможно было, кавалерия заменяла пехоту. На старой Можайской дороге II-й корпус неустрашимого Багговута в борьбе с превосходным неприятелем удерживался с твердостью, но слабая наша батарея против селения Утицы была уже в его руках; чрезвычайная густота леса была единственным препятствием обойти его с тылу. Очевидно было, что не иначе мог он удержаться в расположении своем, разве при чрезвычайных пособиях. Недостаточны были средства наши, и князь Кутузов, пребывающий постоянно на батарее у селения Горки, не видя близко мест, где явно было, сколько сомнительно и опасно положение наше, допускал надежду на благоприятный оборот. Военный министр, все обозревая сам, давал направление действиям, и ни одно обстоятельство не укрывалось от его внимания.

В третьем часу пополудни, находясь на занятом мною возвышении, обеспеченный с избытком всеми средствами к обороне, я получил известие о смерти графа Кутайсова. Верховая лошадь его прибежала в лагерь, седло и чепрак на ней были обрызганы кровью

* Каре, служащее убежищем, и возводимые укрепления объясняют, что левое крыло французской армии признается пунктом, подверженным опасности.

** В тылу армии соединены были экипажи главной квартиры Наполеона, знатнейших особ, канцелярия министров, письменные дела штабов главных частных начальников, подвижные госпитали, артиллерийские парки, пекарни, огромные обозы с запасами разного рода. Заметно было смятение между ними. Платов, угрожая им, понудил бы, для охранения их, употребить значительное количество кавалерии.

и мозгом*. Недолго после я получил рану и принужден удалиться**. Но прежде из ближайшего VI-го корпуса вызвал я командующего дивизиею генерал-майора Лихачева***⁶⁵, и он заступил мое место.

Престав быть действующим очевидцем, продолжаю я описание происшествий, заимствуя сведения от участвовавших в них лиц, мною собственно употребленных для наблюдений, которые сообщаемы мне были до конца сражения. Не одно со стороны моей любопытство могло быть побуждением, успех был невозможен; обстоятельства, сопровождающие ход дела, указывали на неизбежность пожертвований.

Пехота наша на левом фланге, предводимая Милорадовичем, Коновницыным и графом Остерманом — генералами испытанной неустрашимости — при чрезвычайных усилиях должна была оставить в руках неприятеля потерянные укрепления, и большие встречая затруднения в действии, не взирая на все то, успела твердостью своею оборону нашу сделать менее сомнительною. VII-й корпус генерал-лейтенанта Раевского при малочисленности своей удерживал свое место и сообщение обеих армий с примерною непоколебимостию. В четвертом часу пополудни почти повсюду прекратились атаки пехоты или ничего не обнаруживали решительного. Их заменили действия кавалерии. Местоположение не представляло пространства для больших масс. Частные атаки давали нам большое преимущест-

* В лета цветущей молодости, среди блистательного служения, занима явное место, пресеклась жизнь его. Не одним ближним горестна потеря его: одаренный полезными способностями мог он впоследствии оказать отечеству великие услуги. Мне предоставлено было судьбою познакомить его с первыми войны опасностями (1806). Вечным будет сожаление мое, что он не внял убеждениям моим возвратиться к своему месту, и если бы не желание непременное быть со мною, быть может, не пал [бы] он бесполезно жертвою. На другой день офицер, принявший его упавшего с лошади уже без дыхания, доставил мне ордена и саблю, которые отправил я к родному его брату.

** Картечь, поразившая насмерть унтер-офицера, прошед сквозь его ребра, пробила воротник моей шинели, разодрала воротник сюртука, но шелковый на шее платок смягчил удар контузии. Я упал, некоторое время был без чувств, шея была синего цвета, большая вокруг опухоль и сильно помятые на шее жилы. Меня снесли с возвышения, и отдых возвратил мне чувства.

*** Командовал егерским полком на Кавказской линии под начальством знаменитого князя Цицианова⁶⁶. Офицер в равной степени неустрашимый и предприимчивый; ныне командующий дивизиею в VI-м пехотном корпусе.

во, которое могла преодолевать одна многочисленность и возможность заменять свежими войсками утомленные. Не могли французы сравниться с нами в стремительности атак легкой нашей кавалерии. Полки лейб-гвардии кавалергардский и конный, также прочие кирасирские полки действовали с особенным мужеством.

В пять часов пополудни, после жестокой борьбы неприятельской кавалерии с нашею, отрезанный от сообщения с прочими войсками люнет, который защищал генерал-майор Лихачев с слабою своею дивизиею, отовсюду окруженный большими силами, не мог долго противиться и впал во власть неприятеля. Генерал-майор Лихачев взят в плен и потеряно несколько пушек. Опасаясь со стороны нашей усилий возвратить люнет, неприятель не решился занять высоты артиллериею, которая могла нанести величайший вред, и потому только войска наши остались в прежнем расположении. II-й корпус генерал-лейтенанта Багговута употреблен был на оконечности левого нашего крыла, дабы не допустить неприятеля обойти нас старою почтовою дорогою. Много способствовало нам лесистое местоположение, ибо неприятель встречал затруднение употребить большие силы. В конце дня однако же II-й корпус потерял много расстояния и мог бы даже лишиться связи с прочими войсками, что по темноте ночи не тотчас было замечено.

Таким образом, прекратился бой Бородинский. Князь Кутузов приказал объявить войскам, что завтрашний день он возобновляет сражение*. Невозможно выразить более признательности к подвигам войск, как уверенностию в мужестве и твердости их во всяком случае! Начальники и подчиненные, вообще все, приняли объявление с восторгом!

Получивши обстоятельное донесение, что II-й корпус отброшен и левое наше крыло открыто совершенно, князь Кутузов отменил намерение, и приступлено к составлению диспозиции об отступлении. Резервная артиллерия, раненые и все тяжести отправлены немедленно, желая облегчить ожидаемые препятствия, ибо дороги от мест, занимаемых армиею, соединялись

* Адъютант мой артиллерии поручик Граббе⁶⁷ был послан с сим объявлением. В нескольких полках приглашаем он был сойти с лошади, офицеры целовали за радостную весть, нижние чины приняли ее с удовольствием.

в одну, приближаясь к Можайску; при самом городе неудобный при крутизне спуск, не допускающий скорости движения, и потому еще ночь непродолжительная. Отступление произошло довольно порядочно.

В день битвы Бородинской российское воинство увенчало себя бессмертною славою! Огромное превосходство сил неприятельских по необходимости подчиняло действиям оборонительным, ему несвойственным. Потеря отличных начальников, во множестве товарищей, все казалось соединившимся против него, но конечно не было случая, в котором оказано более равнодушия к опасности, более терпения, твердости, решительного презрения к смерти. Успех долгое время сомнительный, но чаще клонящийся в сторону неприятеля, не только не ослабил дух войск, но воззвал к напряжениям, едва силы человеческие превосходящим. В этот день все испытано, до чего может возвыситься достоинство человека. Любовь к отечеству, преданность государю никогда не имели достойнейших жертв; беспредельное повиновение, строгость в соблюдении порядка, чувство гордости быть отечества защитником не имели славнейших примеров!

Неприятель одержал победу, не соответствующую его ожиданиям, и утомленный отчаянным сопротивлением, находил отдохновение необходимым, и когда прошло уже несколько часов дня, начал преследовать весьма медленно арриергард наш в команде атамана Платова, составленный из регулярных войск с артиллериею и всех полков Войска Донского*.

В Можайске нашли мы всех раненых прошедшего дня и большие обозы 2-й армии, также множество повозок Московского ополчения, и с этого времени начались в армии разного рода, доселе неизвестные, беспорядки. Нестройно двигались армии по одной дороге, с боков теснимые обозами.

Государю представлено донесение о совершенной победе. Князь Кутузов видел возможность спасти Москву; хитро приуговаривал к тому общее мнение; он высказывал, что потеря Смоленска была преддверием падения Москвы, не скрывая намерения набросить не-

* Взятый на перестрелке пленный показал, что взятая ими возвышенность (которую защищал генерал Лихачев) была оставлена ночью, в том предположении, что русские овладеют ею. Казаки были на ней ночью, и о том донесено атаману Платову.

выгодный свет на действия главнокомандующего военного министра, в котором и нелюбящие его уважали большую опытность, заботливость и отличную деятельность.

С прибытием к армиям князя Кутузова известны мне были неприятности, делаемые им Барклаю де Толли, который негодовал на беспорядок в делах, принявших необыкновенный ход. Сначала приказания князя отдавались начальникам главного штаба, мне и генерал-адъютанту графу Сен-При, чрез полковника Кайсарова, исправляющего при нем должность дежурного, чрез многих других, и даже чрез капитана Скобелева, нередко одни другим противоречащие, из которых происходили недоразумения, запутанности и неприятные объяснения. Случалось иногда, что приказания доставлялись непосредственно к корпусным и частным начальникам, которые, приступая к исполнению, извещали для доклада главнокомандующим, когда войска выступали из лагеря или возвращались. Приказания объявляемы были также генерал-квартирмейстером 2-й армии Толем*, гвардии полковником князем Кудашевым**.

После сражения при Бородине осталось одно наименование 2-й армии: войска присоединены к 1-й армии, главные штабы составляли один; я остался в прежнем звании.

27-го числа августа армия имела ночлег недалеко от Можайска. Занявший город арриергард атамана Платова был из него вытеснен неприятелем, но в сей день он не преследовал далее.

28-го числа армия продолжала отступление, неприятель преследовал сильнее, и в арриергарде была схватка довольно горячая.

Князь Кутузов показывал намерение, не доходя до Москвы, собственно для спасения ее дать еще сражение. Частные начальники были о том предуведомле-

* Полковник Толь, офицер отличных способностей, пользовался особенным благоволением князя Кутузова, который, выказывая свою прозорливость, говорил, что, бывши главным директором кадетских корпусов, в самых молодых летах Толя предвидел в нем необыкновенные дарования военного начальника. Узнав его впоследствии, ничего не предвидел!

** Князь Кудашев, зять Кутузова, много геряющий тесною этою связью; ибо на счет ее относится по большей части то, что, по строгой справедливости, принадлежит его достоинствам.

ны. Генералу барону Бенningсену поручено избрать позицию; чины квартирмейстерской части его сопровождали. Кто мог иметь сведения о средствах неприятеля, о нашей потере, конечно, не находил того возможным; многие однако же ожидали, и сам я верил несколько. Нескромны были обещания князя Кутузова: «Скорее пасть при стенах Москвы, нежели предать ее в руки врагов». Не обманулся ими начальствующий в Москве генерал от инфантерии граф Растиопчин⁶⁸, который хотя делал известною переписку свою с князем Кутузовым, показывал вид спокойствия и безопасности, но всех менее тому верил. Москву старался приуготовить к такому состоянию, чтобы неприятель не мог извлечь из нее ничего для себя полезного.

Я позволил себе некоторые предположения, о которых не сообщил никому, в той уверенности, что по недостатку опытности в предмете, требующем обширных соображений, могли они подвергаться большим погрешностям. Я думал, что армия наша от Можайска могла взять направление на Калугу и оставить Москву. Неприятель не смел бы занять ее слабым отрядом, не решился бы отделить больших сил в присутствии нашей армии, за которой должен был следовать непременно. Конечно не обратился бы к Москве со всею армиею, оставя тыл ее и сообщение подверженными опасности.

Если бы неприятель, наблюдая движение наше на Москву, со всеми силами пошел по направлению на Калугу, нам предстояли другого рода неудобства. Из Калуги он доставал бы продовольствие, в большом количестве заготовленное. С армиею адмирала Чичагова и войсками под начальством генерала от кавалерии Торماسова сношения наши подвергались бы медленности. Богатейшие провинции, снабжающие армию потребностями, были бы отрезаны. Неприятель сохранил бы в полной безопасности прежние свои сообщения, отклонив их из Смоленска чрез Ельню по направлению к Калуге, местами, не опустошенными войною. Москва могла бы быть спасена таким образом, но армия наша поставлена в необходимость дать сражение, прежде нежели усилена была свежими подкреплениями и во множестве излечившимися ранеными. Сражение надобно было выиграть против мало еще расстроенной, сравнительно с нашею, по ее численности.

Наполеон, заняв Москву, вероятно думал поразить

Россию ужасом и положить скорейший конец войне трудной и жестокой. Не знал он хорошо мужественного характера императора Александра, не знал свойств русского народа, твердого в опасности, в несчастии терпеливого, и Бог, мститель ненасытного властолюбия Наполеона, назначил Москву быть гробом его и славы!

Армия наша, теснимая неприятелем, имея арриергард в непрерывном огне, и все места, ею перейденные, не находя довольно твердыми позициями, ни на одной из них не остановясь, приблизилась к самым предместьям Москвы.

Место, на котором предположено было устроить армию, простиралось от урочища Фили, впереди селения того же имени, чрез речку Карповку и на Воробьевы горы. Позиция была осмотрена полковником Толем и им найдена довольно хорошею. Трудно предположить, чтобы князь Кутузов не видел ее слишком ощутительных недостатков; но желая уверить в решительном намерении своем дать сражение, он показывал вид согласия с мнением полковника Толя, и рассуждая, количество войск, несоразмерное обширности местоположения, вознаградить избытком артиллерии.

1-го сентября рано поутру вместе с прибывшими войсками к селению Фили приехал князь Кутузов и тотчас приказал строить на возвышении, называемом Поклонная гора, обширный редут и у самой большой дороги батареи, назначая их быть конечнотию правого фланга; лежащий недалеко по правую сторону лес наполнить егерями, прочие войска расположить по их местам. В присутствии окружающих его генералов спросил он меня, какова мне кажется позиция? Почтительно отвечал я, что по одному взгляду невозможно судить положительно о месте, назначаемом для шестидесяти или более тысяч человек, но что весьма заметные в нем недостатки допускают мысль о невозможности на нем удержаться. Князь Кутузов взял меня за руку, ощупал пульс и сказал: «Здоров ли ты?» Подобный вопрос оправдывает сделанное с некоторой живостью возражение. Я сказал, что драться на нем он не будет, или будет разбит непременно. Ни один из генералов не сказал своего мнения, хотя немногие могли догадываться, что князь Кутузов никакой нужды в том не имеет, желая только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя.

Князь Кутузов, снисходительно выслушав замечание мое, с изъявлением ласки приказал мне осмотреть позицию и ему донести. Со мною отправились полковники Толь и генерального штаба Кроссар.

По тщательном обозрении я доложил князю вкратце следующие замечания: местоположение от правого фланга к центру имеет довольно хорошую наклонность, частью для нас выгодную, частью под сильным огнем. Его разрезывает речка Карповка, крутоберегая к стороне Воробьевых гор; въезды на них неудобны, требуют время для исправления. Устроенные на речке мосты подвергаются неприятельским батареям; удаленные от них умедлят сообщения между войск. Левый фланг армии, занимая вершину Воробьевых гор, должен иметь весьма сильные укрепления, защищаемые главною частью войск, ибо на противоположной равнине может неприятель расположить тридцать и более тысяч человек, готовых к атаке. В тылу у нас Москва-река, единственное отступление фланговым движением к речке Карповке. Князь Кутузов, выслушав, приказал сделать вторичное обозрение, и по возвращении я доложил ему, что, расположив армию на Воробьевых горах, перехватя Калужскую дорогу впереди заставы, можно удерживать Серпуховскую дорогу и отступить на нее, проходя малую часть Замоскворечья. В заключение я сказал, что позиция чрезвычайно невыгодна, отступление очень опасно и трудно арриергарду удержаться столько времени, чтобы армия успела отдалиться. Отступление войск, защищающих Можайскую дорогу не иначе как через город, надобно согласовать с общим движением армии. Князь Кутузов, выслушавши мое объяснение, ничего не сказал, а войска продолжали устраиваться по прежнему его приказанию. IV-й корпус генерала Дохтурова направлен на Воробьевы горы, работа окопов продолжалась.

Я нашел у князя генерала графа Ростопчина, с которым он (как я узнал) долго очень объяснялся. Увидевши меня, граф отвел в сторону и спросил: «Не понимаю, для чего усиливаетесь вы непременно защищать Москву, когда, овладев ею, неприятель не приобретет ничего полезного. Принадлежащие казне сокровища и все имущество вывезены; из церквей за исключением немногих, взяты драгоценности, богатые золотые и серебряные украшения. Спасены важнейшие государственные архивы. Многие владельцы

частных домов укрыли лучшее свое имущество. В Москве останется до пятидесяти тысяч самого беднейшего народа, не имеющего другого приюта». Весьма замечательные последние его слова: «Если без боя оставите Москву, то вслед за собою увидите ее пылающую*!» Граф Ростопчин уехал, не получив решительного отзыва князя Кутузова. Ему по сердцу было предложение графа Ростопчина, но незадолго пред сим клялся он своими седыми волосами, что неприятелю нет другого пути к Москве, как чрез его тело. Он не остановился бы оставить Москву, если бы не ему могла быть присвоена первая мысль о том. Данная им клятва его не удерживала, не у преддверия Москвы можно было помышлять о бое; не доставало времени сделать необходимые укрепления; едва ли достаточно было, чтобы порядочно расположить армию. 29-го числа августа им подписано повеление калужскому губернатору о направлении транспортов с продовольствием из Калуги на Рязанскую дорогу.

Князь Кутузов рассказал мне разговор его с графом Ростопчиным, и со всею простотою души своей и невинностью уверял меня, что до сего времени он не знал, что неприятель приобретением Москвы не снищет никаких существенных выгод, и что нет, конечно, причин удерживать ее с чувствительною потерю, и спросил, как я думаю о том? Избегая вторичного испытания моего пульса, я молчал; но когда приказал он мне говорить, подозревая готовность обойтись без драки, я отвечал, что прилично было бы арриергарду нашему в честь древней столицы оказать некоторое сопротивление.

День клонился к вечеру, и еще не было никаких особенных распоряжений. Военный министр призвал меня к себе, с отличным благоразумием, основательностию истолковал мне причины, по коим полагает он отступление необходимым, пошел к князю Кутузову, и мне приказал идти за собою. Никому лучше военного министра не могли быть известны способы для продолжения войны, и какими из них в настоящее время пользоваться возможно; чтобы употребить более

* Конечно, звание мое обратило внимание на меня; до того гордый вельможа не знал меня. Вежливо отвечал я: «В [аше] с [иятельство] во видите во мне исполнителя воли начальника, не допускающего свободы рассуждения». Он не скрыл от меня подозрения, что Кутузов далек от желания дать сражение.

благонадежные, надобно выиграть время, и для того оставить Москву необходимо.

Князь Кутузов, внимательно выслушав, не мог скрыть восхищения своего, что не ему присвоена будет мысль об отступлении, и желая сколько возможно отклонить от себя упреки, приказал к восьми часам вечера созвать гг. генералов на совет*.

В селении Фили⁶⁹, в своей квартире, принял князь Кутузов собравшихся генералов. Совет составили: главнокомандующий военный министр Барклай де Толли, генерал барон Беннингсен, генерал Дохтуров, генерал-адъютант Уваров, генерал-лейтенанты граф Остерман-Толстой, Коновницын и Раевский; последний, приехавший из арриергарда, бывшего уже не в далеком расстоянии от Москвы, почему генерал Милорадович не мог отлучиться от него. Военный министр начал объяснение настоящего положения дел следующим образом: «Позиция весьма невыгодна, дожидаться в ней неприятеля весьма опасно; превозмочь его, располагающего превосходными силами, более нежели сомнительно. Если бы после сражения могли мы удержать место, но такой же потерпели урон, как при Бородине, то не будем в состоянии защищать столько обширного города. Потеря Москвы будет чувствительною для государя, но не будет внезапным для него происшествием, к окончанию войны его не наклонит и решительная воля его продолжать ее с твердостью. Сохранив Москву, Россия не сохраняется от войны жестокой, разорительной; но сберегши армию, еще не уничтожаются надежды отечества, и война, единое средство к спасению, может продолжаться с удобством. Успеют присоединиться, в разных местах за Москву приуготовляемые, войска; туда же [за] благовременно перемещены все рекрутские депо. В Казани учрежден вновь литейный завод; основан новый ружейный завод Киевский; в Туле оканчиваются ружья из остатков прежнего металла. Киевский арсенал вывезен; порох, изготовленный в заводах, переделан в артиллерийские снаряды и патроны и отправлен внутрь России». Военный министр предпочитал взять направление на город Владимир в намерении сохранить сообщение с Пе-

* Князь конечно не полагал, чтобы известно было суждение насчет его знаменитого Суворова, который говорил: «Его и Рибас⁷⁰ не обманет». Впрочем в нынешнее время многие его угадывают.

тербургом, где находилась царская фамилия. Князь Кутузов приказал мне, начиная с младшего в чине, по прежнему порядку, объявить мое мнение. Совершенно убежденный в основательности предложения военного министра, я осмелился заметить одно направление на Владимир, не согласующееся с обстоятельствами. Царская фамилия, оставя Петербург, могла назначить пребывание свое во многих местах, совершенно от опасности удобных*, не порабощая армию невыгодному ей направлению, которое нарушало связь нашу с полуденными областями, изобилующими разными для армии потребностями, и чрезвычайно затрудняло сообщение с армиями генерала Торماسова и адмирала Чичагова. Не решился я, как офицер, не довольно еще известный, страшась обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы и, не защищая мнения моего, вполне не основательного, предложил атаковать неприятеля. Девятьсот верст непрерывного отступления не располагают его к ожиданию подобного со стороны нашей предприятия; что внезапность сия, при переходе войск его в оборонительное состояние, без сомнения произведет между ними большое замешательство, которым его светлости как искусному полководцу предложит воспользоваться, и что это может произвести большой оборот в наших делах. С неудовольствием князь Кутузов сказал мне, что такое мнение я даю потому, что не на мне лежит ответственность. Слишком поспешно изъявил он свое негодование, ибо не мог сомневаться, что многих мнения будут гораздо благоумнейшие, на которые мог опираться. Генерал-лейтенант Уваров дал одним словом согласие на отступление. Генерал-лейтенант Коновницын был мнения атаковать. Оно принадлежало ему как офицеру предприимчивому и неустрашимому, но не была испытана способность его обнимать обширные и многосложные соображения. Генерал Дохтуров говорил, что хорошо бы идти навстречу неприятелю, но после потери в Бородинском сражении многих из частных начальников, на места которых поступившие другие, мало известные, будучи по необходимости исполнителями распоряже-

* Великому князю Константину Павловичу доказывал я о совершенно безопасном пребывании в Петербурге, в опровержение слов его: «Сестра Екатерина Павловна не знает, где во время родов может быть покойна». Я осмелился предложить шутя заклад, и видно из происшествий, что могла она не оставлять Петербурга.

ний, не представляют достаточного ручательства в успехе их, и потому предлагает отступить. Генерал барон Беннингсен, известный знанием военного искусства, более всех современников испытанный в войне против Наполеона, дал мнение атаковать, подтверждающее изложенное мною. Уверенный, что он основал его на вернейших расчетах правдоподобия в успехе, или по крайней мере на возможности не быть подавленными в сопротивлении, много я был ободрен им, но конечно были удивленные предложением. Генерал-лейтенант граф Остерман был согласен отступить, но, опровергая предложение действовать наступательно, спросил барона Беннингсена, может ли он удостоверить в успехе? С непоколебимою холодностию его, едва обратясь к нему, Беннингсен отвечал: «Если бы не подвергался сомнению предлагаемый суждению предмет, не было бы нужды сзывать совет, а еще менее надобно было бы его мнение». Приехавшему после всех генерал-лейтенанту Раевскому приказано мне было пересказать рассуждение военного министра и мнение каждого из членов совета. Он изъявил согласие на отступление. Всем одинакового мнения служило руководством предложение военного министра, без всякого со стороны их объяснения причин, и конечно не могло быть места более основательному рассуждению. Разделяя его вполне, князь Кутузов приказал сделать диспозицию к отступлению. С приличным достоинством и важностию, выслушивая мнения генералов, не мог он скрыть удовольствия, что оставление Москвы было требованием, не дающим места его воле, хотя по наружности желал он казаться готовым принять сражение.

В десять часов вечера армия должна была выходить двумя колоннами. Одна под командою генерал-адъютанта Уварова чрез заставу и Дорогомилловский мост. При ней находился князь Кутузов. Другая колонна под начальством генерала Дохтурова проходила чрез Замоскворечье на Каменный мост. Обе колонны направлены чрез Рязанскую заставу. Переправы, тесные улицы, большие за армиею обозы, приближенные в ожидании сражения, резервная артиллерия и парки, и в то же время толпами спасающиеся жители Москвы до того затрудняли движение войск, что армия до самого полудня не могла выйти из города.

Князь Кутузов послал меня к генералу Милорадовичу, чтобы он сколько возможно удерживал неприятеля,

теля или бы условился с ним, дабы иметь время вывезти из города тяжести. У Дорогомиловского моста с частью войск арриергарда нашел я генерал-лейтенанта Раевского, которому сообщил я данное мне приказание для передачи его генералу Милорадовичу*.

Арриергард наш был преследуем; генерал Милорадович скорее отступал, потому что неприятель, усиливаясь против отряда генерал-адъютанта барона Винценгероде, показывая намерение ворваться в город, мог прийти в тыл арриергарду. Он послал сказать неприятельскому генералу Себастиани⁷¹, что если думает он преследовать в самых улицах города, то его ожидает жесточайшее сопротивление, и, защищаясь в каждом доме, прикажет он наконец зажечь город. В условленное время вступил неприятель без боя, и обозы армии, равно как и самих жителей, выходили беспрепятственно; все заставы заняты.

Я наблюдал, какое действие произведет над войсками оставление Москвы, и заметил с радостью, что солдат не терял духа, не допускал ропота. Начальников поражала потеря древней столицы**. В Москве было уже мало жителей, и по большей части не имеющих пристанища в другом месте. Дома были пусты и заперты; обширные площади уподоблялись степям; в некоторых улицах не встречалось человека. В редкой из церквей не было молящихся жертв, остающихся на произвол врагов бесчеловечных. Душу мою раздирали стон раненых, оставляемых во власти неприятеля. В городе Гжатске князь Кутузов дал необдуманное повеление свозить отовсюду больных и раненых в Москву, которых она до того не видала, и более двадцати тысяч их туда отправлено***. С негодованием смотрели на это войска. На поле сражения иногда видит солдат остающихся товарищей, не разумеет другой причины, как недостаток средств к их сохранению. Но в Москве, где есть способы успокоить раненого воина, жизнь иску-

* Сойдя с лошадей, поговорили мы некоторое время; смотря на Москву, погрустили о ней. Впереди ничего не представлялось нам утешительное, и большой перемены в положении нашем предвидеть было невозможно. От князя Кутузова чего-то ожидали, но не с полною предавались доверенностию.

** Нижние чины Московского гарнизонного полка, известного некогда под именем Архаровского, пережившие, с семействами, занимавшиеся торгом и ремеслами, совершенно подобные янычарам, выходили из Москвы в порядке, пестельники впереди!

*** Распоряжение, не соответствующее его прозорливости!

пающего отечество, где богач в неге вкушает сладкий покой за твердою его грудью, где под облака возводятся гордые чертоги его, воин оmyвает кровию свои последние ступени его лестницы или последние истощает силы на каменном помосте двора его. Оскорбительное равнодушие столицы к бедственному состоянию солдат не охладило однако же усердия их, и все готовы были на ее защиту.

Итак, армия прошла наконец Москву.

Недалеко за городом нашел я князя Кутузова и доложил ему о переданном мною повелении его генералу Милорадовичу. Вскоре затем слышны были в Москве два взрыва и обнаружился большой пожар. Я вспомнил слова графа Ростопчина, сказанные мне накануне, и Москва стыд поругания скрыла в развалинах своих и пепле! Собственными нашими руками разнесен пожирающий ее пламень. Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь народа. Россиянин каждый частно, весь город вообще, великодушно жертвует общей пользе. В добровольном разрушении Москвы усматривают враги предзнаменование их бедствий. Все доселе народы, счастию Наполеона более пятнадцати лет покорствующие, не явили подобного примера. Судьба сберегла его для славы россиян! Пятнадцать лет побеждая все противоборствующие народы, в торжестве проходил Наполеон столицы их; чрез Москву назначен путь к падению славы его и могущества! В первый раз уstraшенная Европа осмелилась увидеть в нем человека!

Армия наша имела ночлег и растаг 3-го числа в 15 верстах от Москвы. Арриергард, пройдя спокойно чрез Рязанскую заставу и расположив передовые посты в трех верстах от города, ночевал поблизости.

Переправа армии чрез Москву-реку у Боровского переезда, по множеству обозов спасающихся из Москвы жителей, совершилась с чрезвычайным затруднением и в неимоверном беспорядке. Слышны были пушечные выстрелы в арриергарде, но неприятель не теснил его. Здесь отменено было предложенное военным министром направление на Владимир и решено выйти на Тульскую дорогу*. Мысль сия принадлежит генералу барону

* Многие присвоили себе это соображение, но оно принадлежит собственно генералу Беннингсену, что мне известно со всеми, сопровождавшими мелочными, обстоятельствами. Князь Кутузов желал отнести это любимцу своему Толю.

Беннингсену, и он настаивал, чтобы скорее перейти на Калужскую дорогу. Смелое и решительное фланговое сие движение, по близости неприятеля небезопасное, совершенно беспрепятственно, и армия в самое ненастное время, гнусными проселочными дорогами была у города Подольска. Здесь без всякой надобности князь Кутузов пробыл двое суток, не переходя на Калужскую дорогу не от того, что уверен он не был, что неприятель не может предупредить его. За одну сию ошибку неприятель сделал две грубейшие. Удержанный в Москве грабежом, пьянством и распутством, он имел в виду одну отступающую нашу армию и ни о чем не заботился. По медленности движения нашего из Москвы он правым берегом Москвы-реки мог предупредить нас на переправе или по крайней мере отбросить нас на Рязань, преграждая все прочие пути. Сверх того, приняв за арриергард нашей армии небольшой казачий отряд в команде храброго полковника Ефремова⁷², преследовал его к Бронницам и, поздно увидев себя обманутым, возвратился поспешно в Москву, но армия была уже на Калужской дороге у селения Красной Пахры.

Фланговое движение наше к Подольску прикрывал корпус генерал-лейтенанта Раевского; далее впереди его находился отряд генерал-майора Дорохова, от которого казаки под начальством полковника Иловайского 2-го (Тимофея)⁷³, опрокинув часть французской конницы, вогнали ее в селение и атаковали с тылу, много истребили и взяли в плен. Первый удар встретила она, не допущенная устроиться в порядок.

Армия наша совершенно спокойно дошла до селения Красной Пахры, но, нашедши позицию неудобную, следовала далее на Вороново и далее до Тарутина. Арриергард расположился в с. Красной Пахре, наблюдаемый до того весьма слабым, ничего не предпринимавшим неприятелем, и потому довольно оплошно размещены были передовые наши посты. Не были высланы разезды. Недалеко от лагеря, отделенного непроходимым оврагом, находился прекрасный господский дом с обширным садом, который посетивши генерал Милорадович, начальствующий арриергардом, едва не попал в плен*.

* Милорадович, не довольствующийся избою, вздумал роскошествовать и занял под свою квартиру великолепный дом, пригласил к обеду многих из генералов, в полной уверенности весело отдохнуть

Вскоре после в схватке с кавалериею лейб-гвардии драгунский полк совершенно разбил два эскадрона драгун гвардии Наполеона.

Близ селения Мочи арриергард был сильно тесним неприятелем; трудная позади переправа у селения Воронова была причиною большого в войсках беспорядка, и правому флангу угрожала опасность быть отрезанным. До того странно было распределение войск арриергарда, что генерал-лейтенант Раевский, полагая иметь впереди себя всю кавалерию, не знал, что с целым корпусом пехоты и всею батарейною артиллериею проводил ночь, составляя собою передовые посты. Кавалерия, не завися от него, не почла нужным закрыть корпус собою, и если никаких от того не произошло последствий, то единственно потому, что арриергард должен был назавтра отойти назад.

21-го числа сентября армия прибыла в селение Тарутино. После упорного дела у деревни Чириково неприятель заставил арриергард наш отойти на последние возвышения в виду из Тарутина в расстоянии трех верст.

22-го числа в армии при селении Тарутино производились земляные работы для укрепления позиции. Неприятель с жестокостию возобновил атаки против нашего авангарда; генерал Милорадович отражал их мужественно. Невозможно было уступить одного шагу, ибо позади на большое пространство к стороне лагеря продолжающая покатость оканчивалась речкою, и неприятель, овладевши возвышениями, мог видеть всякое движение в нашем лагере, а по речке расположа передовые посты, препятствовать водою. Во время сражения со стороны нашей сохранен был отличный порядок. Неприятель, переменяя направление атак своих, всегда был предупреждаем силами соразмерными, которые, соединясь с чрезвычайною быстротою, не допустили воспользоваться малейшею выгодою; резервы не вступали в дело. Генерал-майор Шевич, с искусством распорядясь кавалериею на правом фланге, выиграл даже некоторое расстояние; французские кирасиры не могли сдержать стремительного нападения не-

от трудов. В это время эскадрон неприятельский, прошедши через сад, приблизился к дому; другой был в резерве. Стоявший на дворе конвой успел сесть на коня и отразил ближайший эскадрон, другой не пришел на помощь. Схваченные в плен показали, что эскадроны были прусские.

скольких эскадронов гвардейских наших улан, которых пики притуплены были о их железную броню. 1-й егерский полк в команде полковника Карпенко открывал себе штыками путь к успехам; артиллерия была превосходна; две батарейные роты с подполковником Гулевичем, не будучи никак охраняемы, закрывали собою движение войск, и неприятель ничего не предпринял против них. Около вечера неприятель отступил на всех пунктах и неподалеку расположился лагерем. В продолжение войны обстоятельства, возлагая на нас горькую необходимость отступления, облегчали неприятелю достижение его намерений. Здесь в первый раз безвозмездны были его усилия!

По окончании сражения войска авангарда возвратились в соединение с армиею; на месте оставлена сильная кавалерия с несколькими конными батареями.

На другой день совершенное спокойствие в лагере неприятельском заставляло думать, что ожидается прибытие больших сил. Напротив, от сего дня, на некоторое время, без всякого условия, прервались действия, и не сделано ни одного выстрела. Гг. генералы и офицеры съезжались на передовых постах с изъяснением вежливости, что многим было поводом к заключению, что существует перемирие*.

Лагерь при Тарутине был укреплен тщательно. Фронт прикрыт сильными батареями; на левом крыле лежащий близко лес прорезан засеками; на правом крыле, вне лагеря, открытое место, удобное для кавалерии. Ощутительны также были и невыгоды позиции; лагерь весьма тесный, внутри его перемещение войск затруднительно, по множеству земляных изб; к

* Государь император был сим не доволен, и в письме к князю Кутузову собственноручно выразил, сколько неприличны подобные свидания между генералами, и в особенности приказал заметить генералу барону Беннингсену, что ему это более других непозволительно.

Генерал Милорадович не один раз имел свидание с Мюратом, королем неаполитанским. Из разговоров их легко было заметить, что в хвастовстве не всегда французам принадлежало первенство. Если бы можно было забыть о присутствии неприятеля, казалось бы свиданье их представлением на ярмарке или под качелями. Мюрат являлся то одетый по-гишпански, то в вымышленном преглупом наряде, с собольей шапкою, в глазетовых панталонах. Милорадович — на казачьей лошади, с плетью, с тремя шальями ярких цветов, не согласующихся между собою, которые, концами обернутые вокруг шеи, во всю длину развевались по воле ветра. Третьего подобного не было в армиях!

левому крылу прилежащие возвышения в пользу неприятеля; отделяющий их ручей, в крутых берегах, кавалерии нашей, в случае действия на той стороне, не представлял удобного отступления. Если бы неприятель атаковал позицию и был отбит повсюду, то, отступая под огнем батарей, расположенных им на возвышенном берегу речки, господствующем всею долиною, и не более как в трехстах саженях встречая нас картечью, мог остановить успехи наши. Мы, со стороны своей, впереди позиции, не имели места противопоставить наши батареи. Ничто не могло побуждать неприятеля атаковать сильно укрепленную позицию, а менее с правого крыла, как того многие ожидали. Довольно было неприятелю показать силы на Калужской дороге, которую мы слабо наблюдали, и мы оставили Тарутино.

По совершении армиею флангового движения, когда прибыла она в город Подольск, генерал барон Беннингсен предполагал расположиться у г. Боровска или в укрепленном при Малоярославце лагере. Нет сомнения, что сие беспокоило бы неприятеля и нам доставало бы выгоды, особенно когда его кавалерия истощалась от недостатка фуража, когда умножившиеся партизаны наши наносили ей вред и истребление. Не взирая на это, кажется не совсем бесполезно было уклониться от сего предложения, ибо неприятель пребывание наше у Тарутина сносил терпеливее, нежели у Малоярославца или паче у Боровска. Он не уважил слабый отряд генерал-майора Дорохова, имея против него небольшую часть войск в г. Верее, дал нам время для отдохновения, возможность укомплектовать армии, поправить изнуренную конницу, учредить порядочное доставление всякого рода припасов. Словом, возродил в нас надежды, силы на сопротивление и даже на преодоление потребные. Если бы с теми силами, которые имели мы под Москвою, не соединясь впоследствии с пришедшими подкреплениями, с двадцатью шестью полками прибывших с Дону казаков, в расстроенном состоянии конницы, с войсками, продолжительным отступлением утомленными, остановились мы в Боровске, тем скорее атаковал бы нас неприятель и был в необходимости то сделать, дабы отдалить нас от своих сообщений, и без того подверженных опасности от восстающих во многих местах поселян, раздраженных грабеджом и неистовством.

Вскоре по оставлении Москвы докладывал я князю

Кутузову, что артиллерии капитан Фигнер⁷⁴ предлагал доставить сведение о состоянии французской армии в Москве и буде есть какие чрезвычайные приготовления в войсках; князь дал полное соизволение. В штабе армии приказал я дать ему подорожную в Казань, не переставая признавать главную квартиру врагом всякой тайны.

Возвратившись из Москвы, он явился в Подольске к генерал-лейтенанту Раевскому, который в прошедшую с турками войну, зная Фигнера храбрым и предприимчивым офицером*, не усомнился в показании его, что ему приказано от меня, у первого из частных начальников, к которому найдет он возможность пройти, просить о назначении ему небольшого кавалерийского отряда для действия на коммуникациях неприятеля, и тотчас отправился на дорогу между Можайском и Москвою. Он прибыл к армии в Тарутино. Князь Кутузов был весьма доволен первыми успехами партизанских его действий, нашел полезным умножить число партизан, и вторым после Фигнера назначен гвардейской конной артиллерии капитан Сеславин⁷⁵, и после него вскоре гвардии полковник князь Кудашев⁷⁶. В короткое время ощутительна была принесенная ими польза. Пленные в большом количестве приводились ежедневно; не проходили транспорты и парки без сильного прикрытия; французы на фуражирование не иначе выходили, как с пехотою и пушками, никогда не возвращались без потери. На всех сообщениях являлись отряды партизанов; жители служили им верными проводниками, доставляли обстоятельные известия и наконец, взяв сами оружие, большими присоединялись к ним толпами. Фигнеру первому справедливо можно приписать возбуждение поселян к войне, которая имела пагубные для неприятеля следствия.

* При выходе из Москвы Фигнер достал себе французский билет как хлебопашец г. Вязьмы, возвращающийся на жительство. Переодетый в крестьянское платье, взят он в проводники небольшим отрядом, идущим от Можайска. Целый переход следует с ним, рассматривает, что пехоту составляют выздоровевшие из госпиталей, сопровождающие шесть орудий италийской артиллерии, идущей из Павии. С ночлега Фигнер бежал, ибо в лесу, недалеко от дороги скрыт был отряд его, и он решился сделать нападение. Все взято было почти без сопротивления. В числе пленных был полковник, уроженец из Ганновера. Я был свидетелем свидания его с генералом бароном Беннингсеном, знакомым его с самой юности, по связи семейств их.

В Москве скудные найдены французами припасы, и чрез короткое время войска даже половинной дачи продовольствия не получали, никаких особенных мер предпринимать не было, и совершенное во всем бездействие изобличало надежды Наполеона на мир, в котором мнил он начертать условия. Не знаю достоверно, в чем могли состоять оные, но легко понимали все, что присланный от Наполеона генерал Лористон⁷⁷, пред войною бывший послом при нашем дворе, конечно имел поручение объяснить желание прекратить войну. Москва, древняя столица, собственными руками превращенная в пепел, доказывала, что нет тяжелых жертвований для русского народа, и готовность его отметить войну несправедливую войною жестокою. Генерал Лористон приехал чрез несколько дней после прибытия армии в Тарутино. В самое это время между прочими и я находился в квартире Кутузова, но всем нам приказано выйти. После носилась молва, будто князь обещал довести о том до сведения государя положить конец войне, долженствующей возгореться с большим против прежнего ожесточением. Хитрый военачальник уловил доверчивость посланного, и он отправился в ожидании благоприятного отзыва. Таким образом дано время для отдохновения утомленным войскам, прибыли новонабранные и обучались ежедневно, кавалерия поправилась и усилена, артиллерия в полном комплекте.

В Тарутине генерал-лейтенант Коновницын назначен дежурным генералом при князе Кутузове. Справедливо приобрел он известность отлично храброго и твердо в опасности офицера, но многие обманулись, ожидавшие в нем соответствующих способностей и распорядительности. В царствование Екатерины II служил он полковником и командовал полком; долго потом, живши в отставке, возвратился он на службу; войны настоящего времени предоставили ему новую сцену, на которой при чрезмерном честолюбии и неукротимом желании возвыситься одной храбрости было уже недостаточно; он как человек очень умный и еще более хитрый ловко умел пользоваться слабостию князя, в чем способствовал ему полковник Толь, сильное имевший влияние, с которым вошел он в тесную связь*.

* Совсем другого человека видел я в Кутузове, которому удивлялся в знаменитое отступление его из Баварии. Лета, тяжелая рана и потерпенные оскорбления ощутительно ослабили душевные его

После производства князя Кутузова генерал-фельдмаршалом за Бородинское сражение нашел он нужным иметь при себе дежурного генерала с намерением, как угадывать легко, не допускать близкого участия в делах (по новому положению о действующих армиях) генерала барона Беннингсена, к которому отношения его были очень неприязненные, но звание, последним носимое, необходимо к нему приближало.

Получено известие о кончине достойнейшего и незабвенного князя Багратиона. В память его осталось имя 2-й армии на некоторое время, но она уже не существовала.

22-го числа сентября военный министр генерал Барклай де Толли оставил армию и чрез Калугу отправился далее. Не стало терпения его: видел с досадою продолжающиеся беспорядки, негодовал за недоверчивое к нему расположение, невнимательность к его представлениям*. Мне известно было намерение его удалиться, и потому незадолго пред отъездом его подал я рапорт, что, чувствуя себя к отправлению моей должности неспособным, прошу возвратить меня в армию. Представленный в подлиннике рапорт мой фельдмаршалом оставлен без ответа. Вместе с Барклаем де Толли уехал директор его собственной канцелярии флигель-адъютант гвардии полковник Закревский⁷⁸, офицер отлично благородных свойств, с которым был я в отношениях совершенно дружеских, разделяя и горести неудачной войны и приятные в ней минуты. Остался

силы. Прежняя предприимчивость, многократными опытами оправданная, дала место робкой осторожности. Легко неискусною лестию могли достигнуть его доверенности, столько же легко лишиться ее действием сторонних внушений! Люди приближенные, короче изучившие его характер, могут даже направлять его волю. Отчего нередко происходило, что предприятия при самом начале их или уже проводимые в исполнение уничтожались новыми распоряжениями. Между окружавшими его, не свидетельствующими собою строгой разборчивости Кутузова, были лица с весьма посредственными способностями, но хитростию и происками делались надобными и получали значение. Интриги были бесконечные; пролазы возвышались быстро; полного их падения не замечая было.

* На другой день после Бородинского сражения главнокомандующий Барклай де Толли, самым лестным для меня образом одобряя действия мои в сражении, бывши ближайшим свидетелем их и говоря о многих других обстоятельствах, сказал мне: «Вчера я искал смерти, и не нашел ее». Имевши много случаев узнать твердый характер его и чрезвычайное терпение, я с удивлением увидел слезы на глазах его, которые он скрыть старался. Сильны должны быть огорчения!

один близкий мне человек, исправляющий должность дежурного генерала флигель-адъютант полковник Кикин, почтенный благородными свойствами, искренно мною уважаемый. Едва ли кому мог я нравиться, бывши точным исполнителем воли взыскательного начальника, и я не видел доброжелательствующих мне, но завидующих многим. Генерал-лейтенант Коновницын в новой должности своей, встретившись с делами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашел облегчение в том, что препровождал их ко мне огромными кучами, чтобы на них надписывал я приличествующие решения. Некоторое время исполнял я это из уважения к нему, не взирая на чрезмерную ограниченность его способностей. Но когда самолюбие воспрещало ему разделять труды со мною, и он думал продолжать мои занятия, для него весьма выгодные, я объяснял ему, что не нахожу удовольствия изыскивать зависимости, когда могу ее избавиться. Не скрывал в то же время сожаления, что должности его обширной и многосложной он исправить не в состоянии.

Коновницын со врожденною ему хитростию, искусно придавая ей наружность простосердечия, говорил всем, что вопреки его желанию, сколько ни старался он уклониться от возложенной на него должности, не мог успеть в том. Напротив, он в восхищении был от назначения.

До сего доклады фельдмаршалу делал я, и приказания его мною отдаваемы были, но при новом вещей порядке одни только чрезвычайные случаи объяснял я ему лично и заметил, сколько много переменилось прежнее его особенное ко мне расположение*. Пронырством не искал я обратить его к себе милости и воспользовался возможностью переехать к себе жить в

* В главную квартиру при селении Красной Пахре прислан от государя генерал-адъютант князь Волконский⁷⁹ собрать подробные сведения о состоянии армий. От него узнал я, что, отправляя из Петербурга Кутузова к армиям, государь отдал ему подлинные мои к нему письма, дабы мог он составить некоторое понятие о делах и обстоятельствах до прибытия его на место. Это истолковало мне совсем не прежнее расположение ко мне Кутузова, сколько впрочем ни было оно прикрито благовидною со стороны его наружностью. Пред отъездом своим князь Волконский объявил мне, что государь, желая узнать, отчего Москва оставлена, без выстрела, сказал: «Спроси Ермолова, он должен это знать». По просьбе его я обещал ему записку, но с намерением уехал из главной квартиры.

ближайшую от главной квартиры маленькую деревню, к фельдмаршалу являлся не иначе, как по его приказанию; с Коновницыным видался нередко, но чаще переписывался, отталкивая поручения его, которые я не имел обязанности исполнять, и в переписке со мною он конечно не выигрывал. Без ошибки могу предположить, что он вредил мне втайне и прочнее! Природа мало создает людей, у которых наружность всегда спокойная, неразгаданная. Коновницын имеет лицо на всякого рода впечатления одинаково составленное, на котором является изменническое равнодушие, улыбка уловляющей простоты, располагающая к откровенности. Одного не может он покорить — чувства завистливости: оно обнаруживается бледностью, покрывающею лицо его.

В таких отношениях был я с Коновницыным, который охладил ко мне полковника Толя, в дружбе ко-его доселе не имел я причины сомневаться: обоим им надобно было полное на князя Кутузова влияние, и они вместе успели поселить вражду между ним и генералом Беннингсеном. Уменьшившиеся мои занятия заставили меня повторить рапорт мой об удалении от должности, но без успеха; итак, остался я принадлежать главной квартире, свидетелем чванства разных лиц, возникающей знатности, интриг, пронырства и происков.

По сведениям, доставленным партизанами, видно было, что неприятельский авангард, состоящий в команде неаполитанского короля Мюрата, до самой Москвы не имел никаких войск в подкрепление и потому не мог вовремя иметь помощи. Фельдмаршал решился атаковать его. Невозможно было устранить от составления диспозиции генерала Беннингсена, начальника главного штаба всех действующих армий; не хотелось допустить участия в успехе, в чем по превосходству сил наших не было сомнения; он же сверх того предлагал вести сам войска, предназначенные к первой атаке. Положение места тщательно осмотрено, сделана диспозиция; первые войска, назначенные к действию, выступили из лагеря в ночи на 6-е число октября, все прочие 6-го числа пред рассветом переправились чрез речку Нару и были в готовности. 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Меллер-Закомельского, впереди которого генерал-адъютант граф Орлов-Денисов со многими полками донских ка-

заков должны были обходить левый фланг неприятеля и по возможности действовать в тыл; в то же самое время на оконечность фланга направлена была атака генерал-лейтенанта Багговута со II-м пехотным корпусом, вслед за которым шел VI-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого; резервом для них служил III-й корпус пехотный генерал-адъютанта графа Строганова; VI-й корпус генерала Дохтурова назначен в центр; левое крыло под начальством генерала Милорадовича составлено из VII-го корпуса генерал-лейтенанта Раевского и войск, бывших в авангарде. В резерве были вся гвардия и кирасирские полки; фельдмаршал при них находился.

Вскоре по рассвете услышаны были редкие пушечные выстрелы. Неприятель, расположенный спокойно, без всякой предосторожности, при внезапном ударе казачков пришел в замешательство и, не допущенный устроиться в порядок, защищался слабо. II-й корпус без затруднений вышел из лесу и ударил. Казаки с храбрым полковником Сысоевым бросились на пушки и взяли несколько орудий. При самом начале сражения из первых выстрелов убит ядром генерал-лейтенант Багговут*. IV-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана, по недостатку распорядительности с его стороны, не прибыл вовремя к своему назначению и в деле почти не участвовал. Сражение могло кончиться несравненно с большею для нас выгодой, но вообще мало было связи в действии войск. Фельдмаршал, уверенный в успехе, оставался при гвардии, собственными глазами не видал; частные начальники распорядились по произволу. Огромное количество кавалерии нашей близко к центру и на левом крыле казалось более собранным для парада, красуясь стройностью более, нежели быстротою движения. Можно было не допустить неприятеля соединить рассеянную

* Известный блистательною храбростию и предприимчивостию, уважаемый за отлично благородные его свойства; фельдмаршал дал повеление дежурному генералу Коновницыну отправиться и, по обозрению, что происходит, ему донести; мне также приказал ехать и остаться при действующих войсках. Мне встретились случаи, в которых нашел я нужным употребить имя фельдмаршала: видел, что делалось и что должно быть сделано. Генерал барон Беннингсен, назначив войскам правого крыла цель их действий, не взял на себя общих распоряжений, полагая, что ими озаботится сам фельдмаршал, которому подробно объяснил обстоятельства, лично находившись при атаковавших войсках и давши им направление.

по частям его пехоту, обойти и стать на пути его отступлению, ибо между лагерем его и лесом было немалое пространство. Неприятелю дано время собрать войска, свезти с разных сторон артиллерию, дойти беспрепятственно до лесу и пролегающею чрез него дорогою отступить чрез селение Вороново. Неприятель потерял 22 орудия, до 2000 пленных, весь обоз и экипажи Мюрата, короля неаполитанского. Богатые обозы были лакомою приманкою для наших казаков: они занялись грабежом, перепились и препятствовать неприятелю в отступлении не помышляли⁸⁰.

За день пред сим неприятель имел сведение о намерении нашем сделать нападение; войска были в готовности и строгая повсюду осторожность в продолжение всей ночи, но ожидание было напрасно. Нынешнюю ночь неприятелем сделано распоряжение об отступлении артиллерии и обозам дано было повеление; войска собраны на своих местах. Адъютант, присланный с приказанием к начальнику артиллерии, нашедши его спящим, не хотел разбудить его, не зная важности приказания и, подобно прошедшему дню, вместе с рассветом войска были распущены и отдохали, и потому наши войска нашли их почти сонными, стражу оплошную, лошадей в кавалерии неоседланных.

Первое наступательное действие армии нашей в продолжение кампании весьма ободрило войска наши и противное влияние произвело на неприятеля, который наказан за дерзость стоять против нас с силами столько слабыми и в далеком расстоянии от прочих его войск.

С места сражения верхом у колеса дрожек фельд-маршала сопровождал я его до лагеря, и из слов его легко мог понять, в каком смысле готовился он сделать донесение государю*. На другой день, не дожидая рапорта генерала Беннингсена, который по начертан-

* Разговор его со мною начинался выражением «голубчик», особенно когда намеревался он не высказать настоящей мысли своей, и только по различной степени, всегда, впрочем, смягчаемого звука голоса, можно было ожидать более или менее притворства. Было уже темно, сокрыта игра его физиономии, и он свободнее. «Какой дал Бог славный нам день! Неприятель потерял ужасно. Взято много пушек и, говорят, по лесам разбросано их много, а пленных — толпами их гонят! Надобно собрать точные сведения». Пушек всех и пленных я не видел. Неприятель не был тесним в отступлении и не был в положении бросать пушки. Выслушавши рассказ, я не обманусь, заключая, что донесение будет не без украшений.

ному им плану предводил войска, назначенные к атаке, и начал сражение, не сказавши ему ничего, отправил донесение. С сего времени неприязнь между ними усилилась. Вероятно, не отдано ему должной справедливости и об нас, подчиненных его, не упоминается.

Генерал-майор Дорохов, с отрядом на левом крыле нашем находящийся, донес, что занял город Верею, взял штурмом устроенный в нем редут и защищающий его неприятельский гарнизон, и что поспешавший к нему на помощь отряд отступил.

Партизаны Сеславин и Фигнер, осмотревши неприятеля при селении Фоминском, обратились к генерал-майору Дорохову, прося его с отрядом подкрепить их атаку. Обнадеженные им, начали они перестрелку, но он, прибывши один, был свидетелем их неудачи и по несоразмерности средств некоторой потери. Партизан Фигнер объяснил о сем поступке дежурному генералу Коновницину, но генерал-майор Дорохов не только не подвергся замечанию, но, надеясь на позволение непосредственно по собственному распоряжению овладеть Фоминским, сделал следующее представление 9-го числа октября, что неприятель занимает село Фоминское, деревню Котово, и небольшая часть сил его расположена около города Боровска, что повсюду его не более восьми тысяч человек, и что он разобьет его, если к отряду его прибавлено будет два полка пехоты с артиллериею. По дружественному распоряжению генерал Коновницын, готовый исполнить его желание, доложил фельдмаршалу, но всегда осторожный, он рассудил за благо поручить исполнение генералу от инфантерии Дорохову. С ним назначен VI-й пехотный корпус, I-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Меллер-Закомельского, рота конной артиллерии полковника Никитина и несколько казачьих полков. Мне приказано находиться при генерале Дохтурове*.

Партизаны Сеславин и Фигнер отправлены прежде осмотреть, нет ли неприятеля близко к селу Фоминскому, который мог бы прийти на помощь.

Войска выступили 10-го числа октября. Мелкий осенний дождь портил очевидно худую проселочную

* Фельдмаршал, призвавши меня, встретил обыкновенным, ничего не значащим приветствием «голубчик», говорил, что желает очень овладеть селом Фоминским, и заключил словами: «Ты пойдешь с Дохтуровым, я буду покоен, уведомляй чаще о том, что будет!»

дорогу. Труден был переход, движение замедляла батаре́йная артиллерия, беспрестанно вытаскиваемая пехотой из грязи. Генерал согласился на предложение мое оставить ее под небольшим прикрытием впредь до назначения, куда ей следовать. Легкая артиллерия при войсках была в огромном количестве.

Присоединившийся с своим отрядом генерал-майор Дорохов донес, что неприятель в числе двух тысяч пехоты от города Боровска преследует Войска Донского подполковника Власова с тремя казачьими полками. Около деревни Котовой бивуак на четыре тысячи человек. Близ села Фоминского лагерь в лесу, почему невозможно определить сил; ночью видны огни, у моста чрез Нару стоит батарея.

Не доходя до селения Котова, войска расположились на ночлег так, чтобы на рассвете взявши его, атаковать тотчас село Фоминское. Всем войскам запрещено разводить огни, чтобы зарево не обнаружило близкое их пребывание. 1-й кавалерийский корпус и все казачьи полки остановились впереди. Я был с генерал-адъютантом бароном Меллером.

Давно прошла полночь и сближалось время двинуть войска. Не было известия от партизанов, которые должны были отыскать меня. Вскоре услышан топот лошадей по грязной равнине. На оклик часового отозвался Сеславин. Совсем неожиданны были доставленные им известия, изменившие план всех вообще действий нашей армии.

В четырех верстах, не доходя села Фоминского, укрывшись в лесу близ дороги, Сеславин видел Наполеона с огромною его свитою, за ним его гвардию и другие многочисленные войска. Пропустивши их, схватил несколько пленных и расторопнейшего из них, гвардейского унтер-офицера, привез с собою, который показал следующее: «Уже четыре дня, как мы оставили Москву. Маршал Мортье⁸¹ с его отрядом, по взорвании кремлевских стен, присоединился к армии. Тяжелая артиллерия, кавалерия, потерявшая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге под прикрытием корпуса польских войск в команде генерала князя Понятовского. Завтра главная квартира императора в городе Боровске. Далее направление на Малоярославец».

Немедленно доложено о том генералу Дохтурову, и тогда же дежурный генерал штаб-офицер корпуса от-

правлен им с донесением к фельдмаршалу, спокойно пребывающему в Тарутине. Он не имел никаких известий от генерал-адъютанта барона Винценгероде, находящегося с отрядом в окрестностях Москвы.

Если бы партизан Сеславин не мог предупредить [за]благовременно, VI-й пехотный корпус и прочие с ним войска при атаке села Фоминского понесли бы неизбежно сильное поражение, и был бы Малоярославец беспрепятственно занят неприятелем.

Весьма благосклонно принял генерал Дохтуров мое представление: вместе с рассветом следовать обратно и, присоединив оставленную батарейную артиллерию, поспешить в Малоярославец. Согласился также, чтобы генерал-майор Меллер с 1-м кавалерийским корпусом, конноартиллерийскою ротою полковника Никитина и казачьими полками произвел обозрение к стороне Боровска и потом возвратился к корпусу. Я отправился с ним.

Туманно было утро и не рано начали проясняться предметы. Мы увидели Боровск, окрестности его, занятые войсками и артиллериею в больших силах; часть пехоты, вышедшую из города по почтовой дороге; по речке Протве во многих местах конные пикеты, которые тотчас сбиты, но подкрепленные скрытыми в лесу резервами, усилили перестрелку. Генерал барон Меллер*, хотя и не желал по краткости дня завязать дело, принужден был однако же послать часть войск и половину артиллерийской роты. Проскакавши с версту молодым березником, еще сохранившим лист, представилась нам невдалеке почтовая из Боровска дорога и на ней бивуак армии италианского вице-короля Евгения и французский корпус маршала Даву. Не теряя времени возвратились мы на левый берег речки Протвы. Войска Донского храброго Сысоева полка избранному расторопному офицеру приказал я с несколькими казаками неприятельским берегом доехать до Малоярославца, узнать, что происходит в городе, и ночью отыскать нас на возвратном пути к генералу Дохтурову. Гораздо за полночь догнал он нас и донес, что мост через речку Лужу у самого Малоярославца разобран

* С бароном Меллер-Закомельским служили мы вместе в одних чинах прежде Отечественной войны в дивизии светлейшего князя Суворова, утонувшего в Рымнике⁸², всегда хорошими приятелями, теперь действуем мы единомышленно.

жителями, с которыми он переговаривался чрез речку. От атамана Платова прислан в город разъезд казаков. У моста стоят три батальона неприятельской пехоты. В девять часов утра городничий и другие гражданские чиновники были при своих местах, но вскоре потом удалились, и в городе большое смятение.

Проведши всю ночь, с краткими для отдохновения привалами, рано поутру соединились мы с VI корпусом. Он расположен был близ города на дороге в Калугу. С левого же фланга стоящей батареей артиллерии действие направлено было на мост, который неприятель старался всячески исправить.

Первый полк, присланный генералом Дохтуровым, был 33-й егерский. Долго противился он, выгодно расположенный на вершине крутого от речки подъема, но часть города, прилежащая к мосту, оказывалась постоянно в руках неприятеля, и он успел по брошенным кладкам перевезти в город два орудия. Войска его умножились и начинали вступать в улицы. Противлежащий берег покрылся войсками вице-короля италианского.

В помощь 33-му егерскому присланы под командою полковника Вуича 6-й и 19-й егерские полки. Генерал Дохтуров войска, находящиеся в городе, поручил в мое распоряжение. Неустрашимо защищались они, но преодолеваемые превосходством, должны были отступить и, теснимые, с трудом вывезли мы нашу артиллерию, и наших уже не было в городе. Неприятель занимал крайнюю черту его при ограниченном числе артиллерии.

В это время против правого фланга нашего лагеря появилась пехота, вероятно высланная для обозрения сил наших и расположения их, ибо в короткое время действием батарей наших вынуждена возвратиться в город. По приказанию генерала Дохтурова с невероятною быстротою явились ко мне пехотные полки Либавский и Софийский. Каждый полк особенно приказал я построить в колонны, лично подтвердил нижним чинам не заряжать ружья и без крику ура ударить в штыки. Генерал-майору Талызину назначил вести Либавский полк, с Софийским послал полковника Халяпина. Вместе с ними пошли все егерские полки. Атаке их предшествовала весьма сильная канонада с нашей стороны. С большим уроном сбитый неприятель оставил нам довольно пространство города, в середине которого храб-

рый полковник Никитин* занял возвышенность, где было кладбище, и на ней поставил батарейные орудия. Долго неприятель не мог употребить против нас равного количества артиллерии, вероятно остерегаясь подвергнуться опасности по затруднению в случае отступления.

Прошло уже за половину дня. Большие массы войск французской армии приблизились к городу и расположились за речкою Лужею; умножилась артиллерия, и атаки сделались упорнее. Я приказал войти в город Вильманстрандскому пехотному и 2-му егерскому полкам, составлявшим резерв. Они способствовали нам удержаться, но уже не в прежнем выгодном расположении, и часть артиллерии я приказал вывезти из города.

Испросивши позволение генерала Дохтурова, я поручил генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову от имени моего донести фельдмаршалу во всей подробности о положении дел наших и о необходимости ускорить движение армии, или город впадет во власть неприятеля. Армия стояла на реке Протве у села Спасского. Неприятным могло казаться объяснение мое фельдмаршалу, когда свидетелями были многие из генералов. Он отправил обратно графа Орлова-Денисова без всякого приказанья.

Не с большою благосклонностью принят был вторично посланный от меня (также многие из генералов находились при фельдмаршале), и с настойчивостию объясненная потребность в скорейшем присутствии армии могла иметь вид некоторого замечания или упрека. Он с негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланнику, что тот достал из кармана платок, и замечено, что лицо его имело более в том надобности.

Небесполезно однако же оказалась употребленная мною настойчивость, ибо к трем часам прибыли генерал-лейтенант Раевский с своим корпусом**. Занявши

* Состоявшие в распоряжении его мои адъютанты: гвардии поручик Фон-Визин на передовых постах наблюдал за движениями неприятеля, артиллерии поручик Поздеев, сидя на ближайшей колокольне, направлял действия батареи на колонны, которые, закрываемы будучи рядами домов, подвигались в улицах.

** Давно уже был он близко к Малоярославцу, но корпус его не иначе мог выступить, как по собственному повелению фельдмаршала. Я видел его, как любопытного зрителя, приезжавшего прежде, и от него я знал, что корпус его не в дальнем расстоянии.

с правого фланга довольно большую часть города и устроив свои резервы, он дал возможность войскам, прежде там бывшим, подвинуться вперед.

Прежде вечера прибыл фельдмаршал с армиею*, которая заняла позицию по обеим сторонам дороги, идущей в Калугу, по возвышенностям в двух верстах с половиною от города. Приказал генерал-лейтенанту Бороздину I-му вступить с корпусом в город, сменив утомленные полки, с самого начала сражения защищавшие город, после чего и я не возвращался уже туда; приказал также на ближайший от черты города пушечный выстрел строить несколько редутов и тотчас приступить к работам.

С величайшим упорством дрались французы, и в особенности теснимый корпус генерала Бороздина не мог уже противостоять. Место его заняли свежие войска в значительных силах. Окончательно введены гренадерские полки, и почти до полуночи продолжалась жесточайшая борьба. Войсками распоряжался дежурный генерал Коновницын, с обычною его неустрашимостию, и из последних сил оставил город. Овладев им неприятель, в крайней черте его (в опушке) расположил артиллерию и в продолжение ночи ничего не предпринял!

13-го числа октября поутру армия занимала ту же позицию. Атаман генерал Платов, собравши на оконечности левого нашего крыла большое количество Донских войск, перешел речку Лужу и ударил на неприятельскую конницу. Внезапное нападение произвело большой беспорядок и смятение. Казаки взяли пленных,

* Генерал Дохтуров, из доставленных известий партизаном Сеславиним усмотрев невозможность атаковать село Фоминское, 11-го числа октября отправился обратно, чтобы поспешнее прибыть к Малоярославцу. Донесение о том получил фельдмаршал рано утром того же 11-го числа.

Если бы немедленно выступившей из Тарутина армии приказано было ускорить движение и не останавливаться в селе Спасском на реке Протве, она пришла бы к Малоярославцу по крайней мере три часа ранее, заняла бы ту же позицию на дороге в Калугу. Не надлежало приступать к устройению редутов, которые казались всем неуместными, и не только умножать в большом количестве свежие войска для удержания за собою города, напротив, полезно было вывести те, которых необходима была упорная защита до прибытия армии. Это сократило бы потерю не одной тысячи человек, и доказывается тем, что Наполеон, имевши во власти город, видевши удаление армии нашей, ничего предпринять не решился, и ясно видно было, что не существовало ни малейших приуготовлений к наступательным действиям.

тридцать пушек и одно знамя. Отступили тогда, как большие массы войск обратились на них. При сем случае понес огромную потерю уланский полк польской армии.

Атаман Платов оставил несколько полков, приказавши им находиться и по возможности действовать в тылу неприятельской армии.

По приказанию фельдмаршала взятые пушки и знамя провезены по лагерю для показания войскам.

Призвавши меня, князь Кутузов сказал о намерении его отойти с армиею по направлению на Калугу. Стараясь убедить его остаться в позиции если не на весь день, по крайней мере несколько часов, я должен был войти в подробности и говорил, что с самого начала дня не умножена артиллерия на опушке города, ничто не обнаруживает приуготовлений к действиям наступательным. Не от Наполеона можно ожидать безрассудной решительности атаковать нашу армию в ее выгодной позиции, имея в виду город, в малом числе тесные улицы, повсюду неудобные к речке спуски, пагубные в случае отступления, мосты под нашими выстрелами. Армия наша превосходила в силах, особенно после отправления на Можайск польской армии и тяжелой артиллерии*. Кавалерия наша свежая и в хорошем состоянии; у неприятеля большой в ней недостаток. Можно было подозревать, что город занят одним авангардом, ибо главные массы обозрены были за речкою Лужею. Фельдмаршал настаивал доказать выгоду отступления армии. Меня спросил он, как я думаю. Я допускал движение армии, но только на малое расстояние по направлению на Медынь. «Как можно это в виду неприятеля?» Я отвечал, что Платов взял пушки на той стороне речки Лужи. «Я люблю говорить с тобою, ибо никогда обстоятельства не представляются тебе в худом виде». Таковыми конечно казались они всякому. Я уверен, что Кутузов не ожидал атаки со стороны Наполеона; не противоречил рассуждению моему, что недостаточно целого дня, чтобы подвинуть через весь город всю армию с артиллериею и необходимо иметь пространство, где бы расположить ее в каком-либо предварительном порядке. Со всем тем армия на один переход отошла по Калужской дороге,

* Вскоре из показания пленных объяснилось, что князь Понятовский с польскою армиею и малым весьма числом кавалерии находился при Наполеоне, но что вся прочая вместе с французскою и всех других союзников конницею отправлена спешенна из Москвы чрез Можайск.

где уже находился Кутузов 14-го числа октября при самом начале дня. Оставлен арриергард под начальством генерала Милорадовича, составленный из II-го пехотного корпуса, бывшего генерала Багговута; IV-го пехотного корпуса графа Остермана; кавалерийского корпуса генерал-адъютанта барона Корфа и нескольких донских полков с генерал-майором Карповым⁸³.

14-го числа октября пред полуднем выслан из города небольшой отряд пехоты; бывшая при нем артиллерия перестреливалась с артиллериею передовых постов нашего арриергарда. Прочие войска не приняли в том участия, и день кончился без последствий*.

Ночью уже возвратился я в главную квартиру, и отогреваясь в своей избе, не имел нужды быть у фельдмаршала. Вдруг неожиданно требует он меня к себе. Первые слова его: «Милорадович доносит, что неприятелем оставлен Малоярославец и занят нашими войсками. Наполеон с армиею в пяти верстах за городом». С покорностию изъявил я ему, что без внимания оставлена просьба моя не отдалять армии к Калуге. Фельдмаршал продолжал: «Неприятеля наблюдают одни передовые казацьи посты. Милорадович приказал генерал-адъютанту барону Корфу с кавалерийским корпусом и донскими казаками генерала Карпова следовать за неприятелем по исправлении мостов через речку Лужу, в самом городе обоим пехотным корпусам не сделал назначения. Отправляйся теперь же к Милорадовичу, объяви на то мое повеление. Мне обо всем давай знать подробно. Впредь до особенного приказания оставайся у Милорадовича! Ты знаешь, голубчик, что в рапорте не все можно писать и потому уведомляй меня просто записками! Движение армии я буду согласовывать содействиями авангарда». Отправляясь, я доложил фельдмаршалу, что как уже объяснилось решительное отступление Наполеона, то полезно усилить авангард и выпросил генерал-майора Паскевича, известного храбростию, с командуюмою им 26-ю пехотною дивизиею, и ему приказано тотчас следовать. Милорадовича нашел я в Малоярославце и за ужином у барона Корфа веселую беседу. Много ос-

* Один из генералов, командующий дивизиею, давал обед корпусному своему командиру графу Остерману, где я находился также. На открытом месте воздух чрезвычайно свежий не противился некоторому умножению тостов. Не рано кончилась беседа, и я, севши в телегу, приказал везти себя шагом, чтобы отдохнуть и даже уснуть немного, и спокойно отправился в главную квартиру.

тавалось еще ночи, и в расположении войск не было никакой перемены. На том же месте стоял лагерь Наполеона, вероятно давая время собраться разбросанным в разные стороны отрядам. Известия от окрестных жителей противоречили одни другим. Слышно было, что большие силы замечены к стороне Боровска и Вереи. Я объявил волю фельдмаршала, чтобы с рассветом II-й и IV-й пехотные корпуса выступили по направлению в город Медынь. С началом дня кавалерийский корпус, с ним генерал барон Корф и все донские полки были в виду неприятеля. Наполеон продолжал отступление, далеко в правой стороне оставляя город Верею, но точного направления нелегко было угадать. Не дошедши до Медыни, я получил сведения, что атаман Платов преследует неприятеля, взял уже фланг его, что посланный от него с частью казаков генерал-адъютант граф Орлов-Денисов нанес совершенное поражение выступившему из Медыни отряду польских войск.

Генерал Милорадович, ускорив движение свое, прошел чрез село Одоевское, село Кременское на речке Луже и село Георгиевское, местами спокойными, где жители не оставляли домов своих, и нам ни в чем не было недостатка.

Атаман Платов между тем близ Колоцкого монастыря на дороге от Можайска на Гжатск отнял двадцать пять орудий без больших усилий; во множестве пленные доставлялись ежедневно; всякого рода недостатки обнаруживали худое состояние поспешно отступающей французской армии. Преследуя до Гжатска, Платов сблизился с авангардом Милорадовича, который доходил до села Никольского на дороге от Гжатска до Юхнова. Здесь установлено между нами сношение. Из села Георгиевского писал я фельдмаршалу, что армия может сократить путь прямо на Вязьму, будучи совершенно закрытою авангардом. Он взял предложенное мною направление, но ничего не отвечал, и мы знали только, что армия из лагеря при селе Дичине пошла на Медынь. По известиям атамана Платова и по показаниям пленных подтверждалось, что Наполеон, сопровождаемый своею гвардиею, идет впереди на целые сутки; три корпуса его армии вместе, но в величайшем беспорядке. Начальствующий ими Евгений, вице-король италийский⁸⁴, видя всегда одних казаков, не подозревает, чтобы на левом фланге его могла быть пехота наша в значительных силах, скрытно наблюдавшая его в близком расстоянии от

большой дороги. Недостаток кавалерии у французов лишил их возможности обозревать окрестности.

Основательно заключал генерал Милорадович, что отрезав у неприятеля единственную дорогу, стать одним авангардом против всей армии было небезопасно: он решился идти к селению Царево-Займище, где хорошо известное нам местоположение представляло нам большие выгоды. На последнем переходе к селению особенно подтверждено было начальникам идущих в голове войск, чтобы место ночлега их скрыто было непременно; воспрещены были огни на бивуаке. Никогда не было более необходимо присутствие при них самого Милорадовича, но вот что произошло.

При Милорадовиче находился отлично способный и храбрый полковник Потемкин, нечто вроде начальника штаба. В этот день на переходе давал он обед Милорадовичу; восхваляем был искусный его повар; не без внимания смотрели на щеголеватый фургон, в котором хранился фарфоровый сервиз и во множестве разные лакомые припасы. Было место и для шампанского. Полки проходили с песнями и кричали ура! Короток был день и ночлег неблизок. Не доехавши еще до него, услышали мы ружейные выстрелы. Поспешно прискакавши, мы нашли сильную уже перестрелку. Начальник 4-й дивизии принц Евгений Виртембергский вопреки распоряжению не только не старался скрыть пребывания своего, но так близко к дороге, по которой беспечно проходил неприятель, подвинул посты свои, что он должен был взять предосторожности, выслать стрелков и составленные с поспешностью массы в особенном устройстве. Безрассудное действие принца Евгения, любимого войсками, неустрашимого, но мало способного к соображениям, хотя несколько сложным, поставило в необходимость графа Остермана подкрепить его IV-м корпусом и всем прочим войскам приказал быть в готовности. Неприятель, пользуясь темнотою продолжительной ночи и не остановясь на ночлег, с поспешностью продолжал движение. Генерал Милорадович, человек при дворе ловкий, сообразив, что принц Евгений принадлежал царскому нашему дому, был к нему весьма снисходительным. Я, объяснив важность последствий неисполненного распоряжения, сообщил, что в звании моем я обязан донести обо всем фельдмаршалу, и уверен был, что принц почитал его несравненно превосходящим ловкостю генерала Милорадовича.

Если бы неприятель не был встревожен неожиданным нашим появлением, он расположился бы на ночлег и на другой день был атакован на марше. Авангард мог напасть на часть войск, соразмерную своим силам, и ее уничтожить.

Выступивши рано на другой день, мы нашли за селом Царево-Займище весьма длинное дефиле, состоящее из высокой насыпи, по которой пролегла вязкая дорога, обсаженная огромными тополями. Видно было, какие она представляла затруднения проходившему ночью неприятелю. Во многих местах оставлены в грязи тяжелые орудия, фуры с зарядами и обозы, или сброшены с дороги, чтобы не препятствовали последующим. Не менее двух часов употребили мы, чтобы авангард продвигнуть чрез дефиле.

После записки моей фельдмаршалу, посланной из села Георгиевского, послал я другую, прося убедительно прийти с армиею к городу Вязьме 22-го октября. Теперь, как видно, я вполне оправдан самими обстоятельствами, и конечно не иначе можем мы встретить сопротивление, как приближаясь к Вязьме. От имени фельдмаршала получил я письмо полковника Толя, в котором чувствительно было негодование за настойчивость моих представлений, и что князь конечно предупредил бы сам таким распоряжением, если бы чаще извещаем был о действиях авангарда, и сообщил, что армия прибывает 21-го числа октября в окрестности города Вязьмы.

Генерал Милорадович получил повеление фельдмаршала: 26-ю пехотную дивизию с генерал-майором Паскевичем* и три кавалерийские полка отправить к войскам атамана Платова, действующим по большой дороге. Он желал**, чтобы я был с ним, и 22-го числа я переехал к нему.

Неприятель во весь день отступал поспешно, слабо

* Дивизия тогда находилась еще в следовании к авангарду.

** Я готов был сделать это по собственному побуждению, находя нужду в отдохновении от беспорядков, каких не видывал я в жизни моей, и с которыми Милорадович не мог разлучиться [ни] на одну минуту. В ежедневной дислокации войск авангарда назначалась его квартира, и ни одного раза он в ней не находился. Посылаемые за приказаниями офицеры, сталкиваясь по дорогам, его разыскивали. В квартире Милорадовича помещался граф Остерман, и я вместе с ним. Пробуждаясь нередко ранее их, в той же избе, под их глазами, писал Милорадовичу, сообщал распоряжения фельдмаршала, никаких от него не получая, и которые без сомнения присвоит себе его окружающие.

защищаясь, и атаман Платов имел ночлег в 27 верстах от города Вязьмы. Известно было от пленных, что неприятель немеревался удерживать город и что Наполеон впереди на расстоянии небольшого перехода. Милорадович и Платов, желая вознаградить потерянные труды четырех переходов верным успехом при селении Царво-Займище, не могли им воспользоваться и потому на-завтра 22-го октября условились действовать всеми силами соединенно. Авангард, проселочною дорогою ускорив движение, должен быть в готовности атаковать правый фланг неприятеля, когда отступая придет он к селу Феодоровскому. Платов тот день начал преследовать позже обыкновенного, рассчитывая, что авангард не прежде одиннадцати часов может прийти к назначенному месту, отправил два отряда казаков с артиллериею и при них генерал-майоров Иловайского 5-го⁸⁵ и Кутейникова⁸⁶. Из 26-й пехотной дивизии, бывшей еще в некотором отдалении, посадив на конь 300 человек 5-го егерского полка, приказал прибыть поспешнее, и сам выступил с ночлега в семь часов. Неприятель показал арриергард слабый. В девять часов слышна была с левой стороны канонада, предполагаемая против отрядов Иловайского и Кутейникова, но вскоре они присоединились и известили, что неприятель в больших силах удерживает движение авангарда. Прибыли посаженные на конь егеря и с чрезвычайною скоростью приближался генерал-майор Паскевич с дивизиею. Атаман Платов поручил в распоряжение мое регулярные войска, придав им несколько казачьих полков. Неприятель упорно защищал выгодную возвышенность, умножил на ней силы. Я подвинул прибывшие с полковником князем Вадбольским кавалерийские полки, и началась канонада. Курляндский драгунский полк ударил на приближавшуюся пехоту, и не взирая на картечный огонь рассеял с большим ее уроном, но полки наши не только оттеснены были, но и самой батарее было угрожаемо. В это самое время прибежали полки 26-й пехотной дивизии, восстановили порядок и неприятеля весьма усилившегося отразили. Авангард Милорадовича, встречая менее сопротивления, подвинулся вперед. Донские полки с частию артиллерии посланы были обойти собравшуюся не в большой массе неприятельскую конницу с правого фланга. Она не допустила атаки нашей кавалерии, поддерживаема будучи сильною пехотою. Одну из ее колонн храбро атаковал и опро-

кинул Каргопольский драгунский полк. Войска атамана Платова вошли в связь с войсками авангарда, по всей линии загорелась сильная канонада, и неприятель, упорно сопротивляясь, отступил во всех пунктах, направляясь на лежащую недалеко гораздо лучшую позицию, сосредоточив свои силы. Сократилась и наша линия. Происходили между частей войск удачные и не вполне успешные схватки. Казалось нам всем, что вспомоществуемый выгодой местоположения он удержится до ночи и займет город для удобнейшего отступления. Но совершенно удивлены мы были, увидев, что по мере приближения нашего неприятель оставлял позицию. Быстро преследовали войска наши, умножая на каждом шагу замешательство в полках неприятельских, и не останавливаясь на лежащей перед городом равнине, соединился весь авангард генерала Милорадовича. Сильно занята была опушка города, и некоторое время одна артиллерия была в действии. На оконечности правого нашего крыла Войска Донские с их артиллериею находились под личным предводительством атамана. Нам известно было, что фельдмаршал стоял с армиею в близком расстоянии, но с места не двигался. Но в продолжение канонады нашей прибыла кирасирская дивизия с гвардейскою конною артиллериею и открыла батареи свои с малым весьма вредом неприятелю, который приметно уменьшил принятые им вначале предосторожности, увидев одну только кавалерию. Командующий генерал-адъютант Уваров благоразумно избегал бесполезной потери в лучших полках армии кавалергардском и конной гвардии. Когда видел я генерала Беннингсена, который говорил мне, что армия наша недалеко, что он здесь любопытным зрителем происшествий. В то же время приезжал Коновницын, но в звании дежурного генерала ни во что не вмешивался. Становилось уже темно, и генерал Беннингсен, чувствуя холод, сказал, что отогреется чаем в главной квартире.

Замечено, что слабее охраняема опушка города, и решена общая атака по всей линии. Со стороны авангарда назначен г[енералом] Милорадовичем начальник 11-й пехотной дивизии генерал-майор Чоглоков, и полки Перновский и Кексгольмский ударили в штыки и вошли в город. Встретившая их колонна гренадер италийской армии поражена и преследована в городе. В то же самое время и в ближайшую улицу из войск, порученных атаманом в мое распоряжение, генерал-майор Паскевич с

26-ю дивизиею штыками открыл себе путь по телам противоставшего неприятеля, и минуты не остановясь, перешел реку, преследуя бегущих до крайней черты города. Сам атаман Платов с правой оконечности нашей вступил в город и, перейдя реку, занял большую часть оного. Мгновенно ворвались в город; состоявший при Милорадовиче адъютант мой поручик Граббе с командою стрелков и двумя орудиями конной артиллерии, а с противоположной стороны партизаны Сеславин и Фигнер. Повсюду уступал неприятель; поспешно удаляясь, зажег несколько домов, где была артиллерийская лаборатория, и пламя, распространяясь, охватило большой военный госпиталь, сделавшийся жертвою. Войска наши, занимая город, частью сил расположились по наружности. В этот день взято нами в плен: один генерал, много офицеров и нижних чинов более двух тысяч⁸⁷, два знамени и несколько пушек. Пленные показали, что их было три корпуса: вице-короля италианского Евгения, маршалов Даву и Нея, всего сорок тысяч человек. Маршал Ней был уже в 17 верстах за городом, но, услышав канонаду, возвратился в помощь сражающимся. Говорят, но не утверждая, что и сам Наполеон был в городе, когда мы приближались к нему, но отправился к гвардии своей и войскам, продолжающим отступление к Смоленску.

Неприятель, оставивши город, занял ближайшее к нему кладбище и на нем учредил батарею. На главной площади города стояла наша пехота, большое число казаков при атамане Платове и я вместе с ним. Огни бивуака служили целью, и часто не без вреда упали ядра. В опушку города выслана рота артиллерии, но мы должны были оставить площадь*.

Если бы стоявшая вблизи армия присоединилась к авангарду, на первой позиции был бы опрокинут неприятель; оставалось большое пространство для преследования; могли быть части войск совершенно уничтоженные, и гораздо прежде вечера город в руках наших.

* Фельдмаршал, узнавши, что Наполеон оставил Малоярославец, занятый уже нашими войсками, медленно двинул армию, в двадцати верстах стоящую при селении Дичине, и усматривая с известною своею прозорливостию, что огромное пространство, начинающееся жестокое время года, голод и всякого рода лишения уготовят гибель французской армии, не намеревался теснить ее. При Вязме же находилась гвардейская кирасирская дивизия, и конечно, полагает государь, что могла быть в действии и вся армия! Тут всякий узнает Кутузова!

С превосходством сил наших нетрудно было отбросить часть неприятеля на Духовщину и всегда предупредить ее на худой дороге в следовании к Смоленску.

В Вязме в последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас повсюду и в самих нас уважение. Еще видели мы искусство их генералов, повиновение подчиненных и последние усилия их.

На другой день не было войск, ни к чему не служила опытность и искусство генералов, исчезло повиновение солдат, отказались силы их, каждый из них более или менее был жертвою голода, истощения и жестокости погоды. В четырех верстах далее Вязмы, на переправе через небольшой ручей, нашли мы несколько брошенных орудий. Поспешность в отступлении не происходила от того, чтобы авангардом нашим тесним был неприятель, всю ночь шедший беспрепятственно.

23-го числа октября авангард в прежнем его составе под начальством Милорадовича, при котором дано мне приказание находиться, преследовал неприятеля по большой дороге на Дорогобуж. Атаман с казаками и их конною артиллериею пошел в правую сторону от большой дороги. Фельдмаршал с армиею взял направление на город Ельню. Мороз был необыкновенный.

Авангард, не сделав выстрела до села Семлева, взял в плен более тысячи нижних чинов и несколько офицеров, совершенно изнуренных и больных. По всей дороге разбросаны были пушки, зарядные фуры и обозы без упряжи. Единственная пища людей была лошадиное мясо, но и того было мало, ибо чуть годных лошадей брали под артиллерию. Неприятель отступил поспешно; отдыхал немного днем, не достигаемый нашим авангардом; в ночи, тревожимый казаками, продолжал движение. Следы его означали разрушение спасающейся бегством армии.

Не дошедши восьми верст до города Дорогобужа, неприятель, переправясь за речку Осьму, расположился на ночлег; мост сохранен был для последних его войск. Передовые наши отряды, стремительно преследуя их, в такое привели замешательство, что они, стеснясь на мосту, бросили пушки в воду, и лагерь подвергся ближнему действию наших орудий. Но сильная колонна неприятельской пехоты быстро кинулась чрез мост на нашу сторону, и немалая опасность угрожала нашим батареям.

Атаман Платов из Вязьмы отправился на Духовщину по известиям, что туда идет парк тяжелой артиллерии, высланной в Можайск пред выступлением Наполеона из Москвы. Медленно было его движение по причине огромного количества повозок под канцеляриями различных штабов и экипажей множества чиновников (non combattans). Прикрытие состояло большею частью из войск армии вице-короля италийского и прочих союзников. Уклоняясь от большой дороги, они почитали себя в безопасности, не соблюдая порядка, ни малейшей осторожности. Внезапное появление тучи казаков с самим атаманом Платовым привело все в замешательство; никто не помышлял о защите, всякий искал спасения. Взятые в плен: один генерал, занимающий важное место в армии, все чиновники, много нижних чинов и многочисленная коллекция карт и планов*. Казакам при самой незначительной потере достались в руки шестьдесят три орудия и богатая весьма добыча.

Атаман Платов, пришедши на правый берег Днепра, остановился против предместья Смоленска, укрепленного французами. Наполеон с гвардиею и вся армия занимали город.

Из Дорогобужа предписано генералу Милорадовичу с авангардом следовать к армии, а мне приказание приехать в главную квартиру.

От реки Осьма до Дорогобужа генерал-майор Юрковский⁸⁸ с двумя егерскими полками и легкою кавалериею преследовал неприятельский арриергард, который, слабо защищаясь, оставил несколько пушек. Далее, разбивши его у Соловьевой переправы, отнял много орудий и от Смоленска возвратился к своему месту в авангард.

Прежде прибытия армии нашей в город Ельню генерал-адъютант граф Орлов-Денисов послал с отрядом овладеть французскими рекрутскими депо, расположенными в разных местах окрестности, частью осмотренными уже партизанами Давыдовым, Фигнером и Сеславиным.

В Ельне находился генерал-майор князь Яшвиль (Владимир Михайлович), командовавший милициею

* Из числа их карту большей части Германии огромного размера, изящно во всех подробностях отделанную (рисованную и отгущеванную кистью), видел я и у князя Волконского, начальника главного штаба государя императора. Наше депо карт обогатилось такими съемками, которых тогда уже, конечно, не было во Франции.

Калужской губернии. Узнавши о движении генерала Ожеро⁸⁹, он оставил город, но наступивший, должен был принять неравный бой против сильного рекрутского депо. Внезапно прибывший генерал граф Орлов-Денисов охранял милицию и, преследуя генерала Ожеро, атаковал его, упорно защищавшегося в занимаемом селении. Графу Орлову-Денисову содействовали трое наших партизанов. Огнем артиллерии нашей взорваны фуры с патронами, и генерал сдался. Взято пленными более полутора тысяч человек. Спешивший на помощь с рекрутскою своею конницею генерал Шарпантье⁹⁰, потеряв часть ее, отброшенную в болото, удалился. В селении Клементине сожжены магазины с заготовлениями разного рода. Встреченный нашими партизанами с рекрутским пехотным депо генерал Бараге д'Илье⁹¹, узнавши о сдаче генерала Ожеро, разменявшись несколькими ружейными выстрелами, поспешно отступил.

В движении от Смоленска до Москвы неприятельская армия для обеспечения сообщений располагала военные посты, достаточно укрепленные против внезапных нападений в церквях и отдельных строениях, где удобно могли храниться запасы продовольствия и другие снабжения для войск, идущих к армии. Но беззаботливость до такой простиралась степени, что нигде и никаких запасов заготавливаемо не было.

Не прежде окрестные поселяне Москвы взяли за оружие, как по занятии ее Наполеоном. Быстрое движение его армии не давало времени тревожить деревни, лежащие по обеим сторонам большой дороги. Жители не покидали домов своих, производили сельские работы, и ни в чем не терпели недостатка. Неприятелю могли служить чрезвычайно важным пособием находящиеся в тылу армии селения, если бы шедшие за нею нестройные толпы развратной союзной сволочи воздерживаемы были от бесчинств и разбоев. Между народом спокойным и не раздраженным рассыпанные ловким образом деньги в уплату за доставляемые припасы если бы и не могли предотвратить восстания, то конечно не сделалось бы оно общим и столько гибельным; но даже нет сомнения, что нашлись бы и готовые усердствовать.

Наполеон, видевши нашу армию в грозном порядке отступившую после ужасной битвы Бородинской, Москву, оставленную без защиты, обреченную произвольно на истребление пламенем, должен был убедиться, что продолжение войны неизбежно, и особенно когда, долго

ожидаая тщетно предложений о мире со стороны фельдмаршала, прислал он с объяснениями генерала Лористона* в главную его квартиру селение Тарутино.

Правдоподобно было, что он умножит армию идущими свежими войсками, призваны будут недалеко расположенные сильные во множестве резервы. Но каждый далек был от мысли, чтобы так скоро и в самое неблагоприятное время предпринял он отступление.

Главная квартира фельдмаршала была в городе Ельне; графу Остерману с IV-м пехотным корпусом приказано быть недалеко впереди для наблюдений. Доходили слухи, что в Смоленске собраны огромные запасы, и фельдмаршал допускал мысль, что Наполеон, давши отдых армии, восстановит в ней порядок; но конечно нелепыми казались ему толки главной квартиры, что если наша армия приблизится к Красному, тогда Наполеон пойдет из Смоленска чрез Мстиславль, и в городе Могилеве, присоединивши к себе польские войска генерала Домбровского⁹², возьмет дальнейшее направление к Литве местами неопустошенными.

В Смоленске Наполеон не нашел никаких заготовлений, даже гвардии его недоставало полных рационов; направился на Красный, занял его своею гвардиею и слабым корпусом маршала Даву в ожидании главных своих сил, которые медленно двигались по большой дороге, каждый корпус особенно, без всякой между собой связи, без взаимной обороны, в совершенном расстройстве, со множеством людей, бессильных владеть оружием, до невероятности изнуренных голодом.

Фельдмаршалу докладывал я, что из собранных от окрестных поселян показаний, подтвержденных из Смоленска выходящими жителями, граф Остерман доносит, что тому более уже суток, как Наполеон выступил с своею гвардиею на Красный. Не могло быть более приятного известия фельдмаршалу, который полагал гвардию гораздо сильнейшую, составленную из приверженцев, готовых на всякое отчаянное пожертвование. Выслушавши доклад мой, он предложил генералу Бенningсену завтракать с собою, и положивши на тарелку котлету, с обыкновенною приветливостию подал мне ее и вместе рюмку вина. С ними отправился я к окошку, ибо по тесноте негде было посадить меня. При сем

* Бывшего при нашем дворе послом пред самую войною, всеми отлично уважаемого за вежливое и обязательное обращение.

случае барон Беннингсен представлял необходимость скорейшего движения армии на Красный. Он удивлен был грубою ошибкою Наполеона, который, если бы в Смоленске не потерял напрасно трое суток, успел бы по устроенному в местечке Дубровне мосту, перейти на правый берег Днепра, не только не преследуемый, ниже замеченный нашими армиями*.

Приказано составить под начальством генерала Милорадовича авангард из корпусов 1-го и 2-го кавалерийских, II-го и IV-го пехотных, сильной артиллерии и нескольких казачьих полков. На меня возложена обязанность находиться в авангарде.

Испрашивая снисхождение к чувству некоторого самодовольства со стороны моей, я должен объяснить, что оно произведено лестным одобрением генерала Беннингсена, когда изложил я ему соображение мое насчет предстоящих действий. Я полагал, что Наполеону выгоднее было выступить из Смоленска правым берегом Днепра. Морозы, скрепившие болота, сделали пути столько же удобными, как почтовая дорога. Направление на Смольяны оставляло в стороне город Оршу и Дубровну, сокращало расстояние и ускоряло сближение с маршалом Удино. Наполеону не могло быть известно, что город Полоцк уже в руках наших, и что происходит с войсками, защищавшими его, и теми, которые содействовали гарнизону по сдаче города. Много было причин, побуждавших к поспешности.

Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов доносил, что по болезни не в состоянии заниматься бывшим в его распоряжении отрядом, просил о передаче его. Не скрывая негодования своего, он принимал за оскорбление, что при разбитии рекрутского депо генерала Ожеро и рассеянии других его частей, признано содействие наших партизанов, а не одному ему приписан весь успех. В командование отрядом его вступил генерал-майор Бороздин. Составлен новый отряд из 19-го егерского полка, шести орудий артиллерии и достаточного количества казаков под начальством генерал-адъютанта

* По окончании завтрака просил я генерала Беннингсена с настойчивостию объяснить необходимость предложенного им. «Если бы не знал я тебя, Ермолов, — отвечал он мне, — с самого ребячества твоего, впоследствии долгое время под начальством моим, я мог бы думать, что ты желаешь противного, ибо что предлагаю я, по мнению моему, полезное, по большей части оно приводится иначе в исполнение. Ты можешь не знать этого».

графа Ожаровского. Приблизившись к Красному, не соблюл он должной осторожности, полагая, что отступающий неприятель ничего не предпримет. Ночью граф Ожаровский атакован стремительно гвардией Наполеона в больших силах. Велика была потеря в храбром егерском полку; особенным счастьем уцелела артиллерия, и при общем замешательстве темнота была спасительным покровом. Молве о случившейся неудаче старались дать желанное направление, что впрочем не препятствовало самым подробностям сделаться известными. Государю описано происшествие с выгоднейшим истолкованием, и все остались довольными! Неприятель сам торжествовал победу в своем лагере. Итак, прославленному вождю открыт путь к возобновлению подвигов!

Генералу Милорадовичу с авангардом приказано уже было идти к городу Красному.

Атаман Платов по занятии Вязьмы и блистательном набеге на Духовщину, где овладел огромным парком артиллерии и другими важными предметами, явился пред укрепленным французами предместьем города Смоленска на правом берегу Днепра, когда Наполеон находился в городе. Следуя этим берегом, атаман полагал предупредить Наполеона в Дубровне или Орше и, затрудняя его при переправе, сколько возможно замедлить его движение, но узнав, что, спокойно перешедши Днепр, Наполеон находится в Орше. Не мог представить себе атаман Платов, чтобы армия наша, знавшая в подробности состояние неприятеля, с невероятною поспешностью уходящего, не тронулась даже с места.

Ноября 3-го числа авангард генерала Милорадовича, не дойдя десяти верст до Красного, приблизился к идущей от Смоленска дороге. Место IV-го корпуса заступил VI-й корпус генерала Раевского. Часть кавалерии авангарда вступила в дело, неприятель скрылся в лес. Взяты пленные и в обозе богатая из Москвы добыча.

В этот день наша пехота мало была употреблена, и авангард отошел на ночлег в ближайшее, разоренное, селение, оставленное жителями. Передовые извещательные посты наблюдали дорогу.

Ноября 4-го числа вице-король италийский, следовавший из Смоленска с остатками своей армии, к которой присоединено было несколько частей других войск, миновавши правую оконечность нашего авангарда, сошел с большой дороги и решительно атаковал VI-й

пехотный корпус. Генерал Раевский со свойственною ему твердостью встретил неприятеля, которому картечный огонь нашей артиллерии, в количестве гораздо превосходном, наносил ужасный вред, но корпус Раевского потерпел значительный урон. Прежде прошедшая в Красный неприятельская колонна возвратилась на звуки выстрелов в тыл слабой части 4-й пехотной дивизии храброго принца Евгения Виртембергского, угрожая отличному Белозерскому полку. Горяча была схватка, но приспели полки 1-го кавалерийского корпуса генерал-адъютанта барона Меллер-Закомельского, и колонна опрокинута в расстройстве.

В то время, когда атака вице-короля италийского была отражена и он принужден был удалиться, Московский драгунский полк под командою неустрашимого полковника Давыдова (Николая Владимировича) врубился в отдалившуюся колонну пехоты из двух тысяч человек; но до того изнурены были лошади в полку, что из среды колонны не могли проникнуть до ее хвоста. В таковой же степени истощения и усталости была неприятельская пехота, что не имела сил не только защищаться, но даже двигаться, бросила оружие и сдалась в плен. Взят орел, принадлежавший одному из знаменитых полков. Успех оружия нашего в действии нынешнего дня мог иметь важные последствия, но наступившая темнота заставила войска отойти на отдохновение, для всех необходимое, на прежний ночлег. Расположенные сторожевые казачьи посты известили, что вице-король прошел ночью в Красный.

Ноября 5-го числа на рассвете авангард, возвратясь к большой дороге, стал параллельно ей, но к Красному ближе прежнего. Войска наши в этот день были очень умножены: присоединились дивизии гренадерская и 3-я пехотная, полки гвардейской легкой кавалерии и кирасирские.

Главной квартире фельдмаршала служила прикрытием гвардия. Из полков ее два пешие с артиллериею, два полка кирасирские и казаки составляли отряд генерал-майора барона Розена (командира лейб-гвардии Преображенского полка). Под начальством его находились отряды генерал-адъютанта графа Ожаровского и генерал-майора Бороздина. Состав этого войска наименован авангардом, и ему назначено быть у селения Доброе, весьма близко от Красного.

Усмотренный вдали неприятель в продолжение боль-

шей части дня проходил отдельными толпами, из которых редкие были свыше двух тысяч человек, в совершенном расстройстве. Под огнем батарей наших оставляли они орудия, бросали обозы и рассеянные, с огромною потерю, спасались в леса. Некоторые отважно прошли далее, но пали под штыками дивизии гренадерской графа Строганова и 3-й пехотной. Одну из колонн атаквали полки лейб-гвардии драгунский, гусарский и уланский, и хотя нанесли ей чувствительный урон, но глубокий снег во рвах по бокам дороги не допустил истребить ее, и, прикрываясь ружейным огнем, не отклоняясь даже с дороги, она прошла в Красный.

Против генерала барона Розена, ближайшего к городу, высланы из него колонны. Недолго и нетвердо противлялись они, бросили пушки и удалились пораженные. Упорно дрались части наполеоновской молодой гвардии и корпуса маршала Даву, но не выдержали они стремительного удара и лейб-гвардии егерского полка; когда барон Розен ворвался в город, он взял оставленные орудия, все тяжести, экипажи маршалу Даву, секретную его переписку и его маршальский жезл. Войскам досталась богатая добыча.

Подвигом этим заключилось 5-е число. Гвардия наша вошла в Красный. Армия, сосредоточенная, провела ночь у самого города. Барон Розен, имея подкрепление, мог следовать за неприятелем, наблюдая, по крайней мере, за его действиями, но ему приказано не выходить из города.

Ноября 6-го числа, с началом дня, замечен неприятель, идущий из Смоленска. Долго густой туман мешал определить его число, но схваченные пленные показали, что будет проходить маршал Ней с арриергардом, составленным из остальных людей всех вообще корпусов, довольно значительной артиллерии и конницы с девятьсот человек соединенных одиннадцати полков разных наций, всего до пятнадцати тысяч человек, из которых корпус самого маршала, весьма уже малолюдный, отличался примерным порядком.

Генерал Милорадович с VII-м пехотным и I-м кавалерийским корпусами занял позицию на самой дороге, пред Красным в четырех верстах. Позади его были резервы, фронт прикрывали сильные батареи, недалеко от спуска в долину, в которой переправа. Подходя к этому месту, маршал Ней поставил батарею на противоположной высоте, но недолго выдерживала действие на-

шей артиллерии. Тогда, выславши большое число стрелков, заставил наших стрелков отдалиться, исправил переправу и решил пробиваться. Долгое время расстилался густой туман по земле; скрываемые им три колонны подвигались под картечным огнем нашим с неимоверною твердостью в глубоком молчании, ни одного не делая выстрела. Батареи наши были уже свезены, и оставалось пехоте преградить путь их. Храбрый генерал-майор Паскевич, командующий дивизиею VII-го пехотного корпуса, с двумя полками оной стремительно ударил на одну из колонн, нанес ей ужасное поражение и разметал слабые ее остатки. На другую колонну бросался Павловский гренадерский полк и с не меньшим уроном ее опрокинул и рассеял. При третьей колонне шли пять орудий. Быстра была атака лейб-гвардии уланского полка на колонну. Орудия остались, не сделав выстрела, но согласно поддержанный ружейный огонь пехоты ограничил гораздо меньшим числом удары конницы, и колонна избегла истребления. Маршал Ней, сам предводивший войска [ми], убедившись в невозможности соединиться с своею армиею, принужден был, в крайнем положении своем, укрываться в лесу. Еще были у него войска, еще были артиллерия. Наполеон, хотя и недалеко был от Красного, ничего однако же не предпринял в помощь маршалу Нею. Ничто лучше не объясняло положения Наполеона, но армии нашей не возбудило деятельность. Непоколебим пребывал фельдмаршал, и занятием армии были одни остатки погибающего Нея.

В продолжение сражения генерал Милорадович для развлеченія сил неприятеля приказал генерал-адъютанту барону Корфу* его кавалерийский корпус подвинуть вперед. Он представил, что охраняет правое крыло

* Нередко, досадуя, слышал я над бароном Корфом насмешки оскорбительные: будто в случае действий наступательных всегда находил он подлежащие ему пути трудными, неудобными, и те же самые пути казались ему весьма годными, когда неприятель делал движение вперед. Генерал барон Корф отличался вежливостью в обращении, постоянством в приятных отношениях и пользовался большим уважением сослуживцев. Не подвергающийся сомнению в смелости генерал-лейтенант князь Долгоруков (Сергей Николаевич) вызвал заключение, что командиром корпуса мог он быть при князе Кутузове. Прозорливый царедворец не решится подозревать неспособности в человеке, имеющем у двора связи. Искусная классификация родов (фамилий) не бесполезным была для него соображением.

авангарда. Такое повеление другие войска исполнили без затруднения. Имея поручение наблюдать за действиями против скрывающегося в лесу Нея, лично мог я видеть, сколь неудобно было вдаваться в глубину леса по разбросанным тропинкам; приказал я, прекратить бесполезную перестрелку, действовать артиллерию в приличных случаях. Я донес Милорадовичу, что вышедшие из опушки леса неприятельские колонны, соединившись, взяли направление на нашу позицию, остановились недалеко от батарей наших и отправили от себя для переговоров офицера, который объявил, что число всех чинов, состоящих в колонне и сдающихся пленными, более шести тысяч человек; оружие у них далеко неравное числу людей, пушки ни одной.

Ужасен был вид на них близкого разрушения от города. Весьма немногих сохранить возможно было.

Фельдмаршал разрешил сделанное прежде генералом Розеном представление выступить с отрядом для наблюдения; в состав его назначены полки гвардейской пехоты, два полка кирасир и три казачьих полка Войска Донского. Не всем казалась чуждою всякого соображения мысль воспретить генералу Розену идти далее первой почтовой станции в селение Ляды.

Маршал Ней, после сдачи значительной части его войск, видя гибельное свое положение, решился на отчаянное предприятие: перейти Днепр как единственное средство спасения.

Генерал Милорадович, отделив часть войск для собрания в одно место разбросанного по лесам неприятеля, возвратился в Красный, и я сопровождал его.

Ноября 7-го числа сделал я представление фельдмаршалу: усилив отряд генерала Розена, приказать ему идти вперед, и просил поручить его мне.

С особенною благосклонностию выслушав меня, изъявил соизволение, и немедленно сделана перемена в составе отряда. По собственному назначению его поступили лейб-гвардии егерский и Финляндский полки, кирасирские полки его и ее величеств, гвардейская пешая артиллерия и батарейная рота конной артиллерии. Присоединенные батальоны пехоты в числе 12-ти имели при себе полевые орудия.

Долго не имевши случая видеть никого из лиц, обладающих главнейшим влиянием на дела, слышал я, что генерал-квартирмейстер Толь с настойчивостию доказывал необходимость наблюдения к стороне Днепра и

селения Сырокоренья, но дежурный генерал Коновницын, далеко не равных способностей для соображений дальновидных и сложных, отверг его предложение, и, конечно, ему обязан маршал Ней своим спасением. Беспрепятственно дошедши до селения Сырокоренья, решился он на отчаянное предприятие: перейти Днепр по льду. Недостаточно сильны были морозы, и лед гнулся под ногами. Оставив на берегу десять пушек, мало весьма тяжестей, Ней пустился, сопровождаемый до полуторы тысяч человек; за ним вели верховую, его единственную, лошадь.

Нерешительные и медленные действия армии при Красном⁹³ фельдмаршал в донесении государю представил баталиями, данными в продолжение нескольких дней, тогда как сражения корпусов были отдельные, не всеми их силами в совокупности, не в одно время, не по общему соображению. Робким действиям надобно было дать благовидное окончание, и какое может быть лучше баталий? А они составлялись по произволу. Вместе с тем поставлены на вид потери и расстройство неприятельской армии, готовые поражения и даже не отвергалась мысль совершенного его уничтожения при переправе чрез реку Березину, куда адмирал Чичагов обращен со всеми его силами.

Отправляясь к порученному мне отряду, получил я наставление фельдмаршала в следующих выражениях: «Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях!» — «Видевши состояние неприятельских войск, — отвечал я ему, — которые гонит кто хочет, не входит в мой расчет отличиться подобно графу Ожаровскому». Светлейший воспретил переходить Днепр, но переслать часть пехоты, если атаман Платов найдет то необходимым. Ручаясь за точность исполнения, я перекрестился, но должен признаться, что тогда же решился поступить иначе. Его желание было, чтобы Наполеона полагали недалеко, и что он готов преследовать его.

Атаман Платов намеревался затруднить неприятеля при переправе чрез Днепр в Дубровне или Орше, но уже прошел он беспрепятственно.

С возможною скоростью прибыл отряд мой в Дубровну, но посланный вперед генерал-майор Бороздин, не помыслив об исправлении моста, переправился за Днепр. Узнав, что мост устроен был под руководством французского офицера, жителем города, я заставил его

исправить мост по возможности. Ему выданы цепи и канаты от артиллерии, от всех полковых обозов выданы веревки. Сваи до поверхности воды были тверды. В продолжение полутора суток на малое время отлучался я от работ, и все приуготовлено было.

Пехота переведена без остановки, также артиллерия, подвигаемая людьми по толстым доскам, посланным вдоль моста. Большое затруднение представляли ее лошади, несмотря на принятые меры осторожности, ибо мост был потрясаем и грозил разрушением. Лошадей двух кирасирских полков не иначе переправили, как спутывая ноги каждой из них, и положивши на бок, протаскивали за хвост по доскам. Лошади казачьих полков перегнаны вплавь. Я поспешил соединиться с атаманом Платовым, который находился на том берегу и требовал пехоты. Средством сообщения служили нам две малые лодки. Он переслал мне захваченных значительных двух чиновников (*non combattans*), из которых одного отправил я при письме фельдмаршалу*. Усилившийся на Днепре лед разрушил мост, и остались на месте все вообще обозы, часть патронных ящиков и все провиантские фуры**.

Фельдмаршал приказал отрядам графа Ожаровского и Бороздина следовать для наблюдения к городу Могилеву, полагая, что там войска польские генерала Домбровского. Партизаны: Давыдов, переправясь за Днепр вплавь, схватил депо кирасир, Сеславин оставлен в распоряжение атамана Платова.

Армия в видах удобнейших средств продовольствия из Красного пошла в город Копыс.

Отряд мой недалеко за Днепром имел ночлег при хуторе, принадлежащем одному из монастырей города

* Прося удостоить его полчаса разговора, ибо он имел точные сведения о состоянии армии Наполеона, бывши с нею в одно время в Смоленске. Впоследствии видел я сочинение в одном томе господина *Puibusque*, кавалера ордена Св. Анны второго класса, который получил, находясь при особе фельдмаршала. (А. П. Ермолов имеет в виду мемуарные записки виконта М. Пюибюска «Письма о войне с Россией в 1812 году; о городе Санкт-Петербурге, нравах и обычаях жителей России и Польши», вышедшие в Париже двумя изданиями — в 1816 и 1817 гг. — *Puibusque M. L. G. Lettres sur la guerre de Russie en 1812, sur la ville de Saint-Petersbourg, les moers et les usages des habitans de la Russie et de la Pologne. Paris, 1816 et 1817. — Сост.*)

** Некоторые подробности о переправе допустил я потому единственно, что она совершена необыкновенным способом, и в доказательство, что возможно с несравненным русским солдатом.

Орши. Атаман сообщил мне, что удаляясь от Смоленска, когда Наполеон и его армия там еще находились, он с того времени не имел никаких известий и был чрезвычайно удивлен, когда захваченный пленный со всею подробностью рассказал ему, что маршал Ней с малым числом сопровождавших его, перейдя Днепр, с большою опасностью и слышав от поселян, что в окрестности появились казаки во множестве, скрывался в лесах недалеко от Дубровны, но высланные к нему из Орши полки, освободив его, дали возможность идти вперед с полною безопасностью. Я донес фельдмаршалу о переходе моем за Днепр и получил с нарочным приказание остановиться в местечке Толочне до прибытия авангарда Милорадовича. Это обнаруживало внушение окружающих его, дабы вместе с приходом авангарда могла быть допущена мысль, что и сама армия готова быть у реки Березины.

Здесь на первом ночлеге моем явился ко мне еврей с рапортом князю Кутузову графа Витгенштейна, что маршал Виктор⁹⁴ стоит с корпусом в прежней позиции у местечка Черей, вероятно закрывая собою войска маршала Удино, и что кавалерия его много препятствует наблюдению за ним. Прочитав рапорт, я вложил в него записку с замечанием моим, что поставя часть войск пред графом Витгенштейном для сокрытия движения своего, мог неприятель дать войскам направление по внешней стороне озера Долгое, обращенной к реке Березине, и ускорить соединение с Наполеоном одним, по крайней мере, очень большим переходом*.

Отряд мой заходил на короткое время в город Оршу, где незадолго пред тем был с частью конницы Мюрат король неаполитанский, и я поспешил соединиться с атаманом. Он согласился подтвердить донесение мое фельдмаршалу, что повеление его дожидаться авангарда в местечке Толочне я получил пройдя уже его (хотя я находился за один еще переход), и представил с своей стороны, что, вступая в огромные леса Минской губернии, ему необходима пехота, почему и предложил он мне следовать за собою или сколь можно ближе. Мы находили в разных местах оставленную артиллерию и

* В отсутствие мое из главной квартиры для особенных поручений фельдмаршала мне дано было приказание раскрывать посылаемые на имя его донесения, присоединяя к ним нужные сведения или подписывая просто: «Читал начальник Главного штаба такой-то».

даже сброшенную в воду с такою торопливостью, что недоставало времени скрыть ее от глаз! Потеря в людях несравненно превосходила все другие. Тысячи были умерших и замерзающих людей. Нигде не было пристанища; местечки и селения обращены в пепел, и умножавшиеся пленные, все больные и раненые, большое число чиновников (поп combattans) должны были ожидать неизбежной смерти. Ежеминутное зрелище страждущего человечества истощало сострадание и самое чувство сожаления притупляло. Каждый из сих несчастных, в глазах подобных ему, казалось, переставал быть человеком. Претерпеваемые страдания были общие, бедствие свыше всякого воображения! Не имея средств подать помощь, мы видели в них жертвы, обреченные на смерть.

Атаману Платову сообщено к сведению данное мне приказание, содействуя ему, исполнять по возможности его требования.

Обращенный к городу Могилеву с отрядом граф Ожаровский занял Могилев, взял немногих оставшихся поляков и гошпитали. Генерал Бороздин с отрядом наблюдал дороги в окрестностях, где неприятеля уже не было*. Назначением своим Бороздин обязан покровительству дежурного генерала Коновницына, которого не отказывал он человеку, имеющему способность льстить ему ловким образом. Дарованиям всякого другого имел он снисхождение способствовать не быть на видном месте.

Наполеон отступал с невероятною поспешностью, опасаясь быть настигнут нашею армиею прежде перехода за реку Березину. Но опасения его были напрасны, и хотя точные были сведения о неприятельской армии, фельдмаршал не трогался с места, правдоподобно, с тем расчетом, что далекий путь, усиливающаяся зима, свирепствующий голод и предстоящая борьба при Березине, без содействия главной армии, приведут французское войско в состояние, близкое к разрушению.

* Задолго прежде вышла из Могилева дивизия польских войск генерала Домбровского равномерно, и последние от двух до трех тысяч человек разных частей войск выступили весьма недавно. Бороздин донесения свои отправлял непосредственно в главную квартиру. Если бы Бороздин не был прежде флигель-адъютантом, князь Кутузов, со всею проницательностью своею, затруднился бы найти назначение, в котором мог он быть на что-нибудь годным. Певец искусный и приятный!

Если бы атаман Платов из главной квартиры имел вовремя извещение о выходе трех тысяч человек польских войск из Могилева, они были бы в руках наших, ибо вслед за ним шел весь отряд мой. Непонятно ему было равнодушие, с которым смотрели на важнейший тогда предмет соединения с армиею адмирала Чичагова и на необходимость усиления ее средств.

Поздно вечером, окончивши переход 15-го числа ноября, расположился я на ночлег у селения Лошницы, последней почтовой станции к городу Борисову. Здесь явился ко мне адъютант адмирала Чичагова поручик Лисаневич с предложением присоединиться к нему в городе Борисове с моим отрядом, о следовании которого узнал он от атамана Платова.

Адъютант рассказал мне подробно, что атаман, приблизившись к Борисову, имел впереди храброго партизана Сеславина, который, не замеченный в темноте, ворвался в город. Внезапность происшествия, тысячи появившихся казаков произвели общее смятение. Слабая дивизия французской пехоты генерала Пертуно⁹⁵ поспешно удалилась в надежде пройти к войскам, стоявшим у переправы, но пресекли ей путь войска графа Витгенштейна, и она, равно как два кавалерийские полка Рейнской Конфедерации, принуждена была сдаться пленными, и город остался во власти нашей, и восстановлено сообщение с противоположным берегом реки.

Отправив обратно адъютанта, я представил чрез него строевой рапорт адмиралу и просил доложить ему, что войска, только что сделавшие переход, готовы охотно совершить новый, что я, находя нужным дать время на сварение каши, поправление обуви и отдых всего не более четырех часов, выступлю непременно.

Быстро шли войска, желающие боя, и задолго пред полуднем вошли в Борисов, не сделав на марше привала, и тотчас приступили к работам при переправе.

На переходе моем от Лошницы в ночное время следовавшие позади кони трех казачьих моих полков часть захвачены были скрывшимся в лесу неприятелем, многие толпы которого в добровольной сдаче находили расчет не умереть с голоду.

Прибывши в Борисов пред полуднем, явился я к атаману, который сообщил мне желание адмирала, чтобы я поспешил присоединиться к нему и приступил немедленно к устройению переправы. Чрез реку Березину и ее

протоки сделаны были временные на козлах мосты, постланы соломою, поливаемы водою, скрепляемою морозом. Без затруднения прошла пехота, артиллерия и зарядные ящики перевезены не без опасности. Особенная способность и ловкость казаков отвратили все прочие препятствия; отысканы броды, два кирасирские полка переправились без потери времени.

Доходившие до нас смутные и тревожные слухи объяснились по прибытии в Борисов. Город весьма недавно занят был адмиралом с значительными силами, выслан авангард по направлению на Лошницы под командою генерала графа Палена⁹⁶ (родственника знаменитого Петра Петровича). Неприятель, пользующийся лесистым местоположением, кавалерию нашу, шедшую впереди, опрокинул с уроном; она смяла невдалеке подкреплявшую ее пехоту, и не предвзя о происшедшем, авангард в величайшем расстройстве явился у Борисова, и за ним преследующий неприятель ворвался в город. Адмирал отступил с войском за мост, и по его приказанию он сожжен. Потеряны обозы с лошадьми, вместе экипажи адмирала со всем имуществом, дорогими вещами и серебряным сервизом на столе, готовым для обеда. Прервано наблюдение на левом берегу Березины.

При переходе Наполеона чрез местечко Бобр к нему присоединились: свежий корпус маршала Виктора, все войска маршала Удино, защищавшие Полоцк (исключая Баварского корпуса, с которым генерал князь Вреде прямо из Полоцка отправился в Литву), равно и войска польские генерала Домбровского.

В Борисове был генерал граф Витгенштейн с его главною квартирою. Главные силы сего корпуса были в близком расстоянии; при нем находилась часть их, не допускаемая до переправы арриергардом маршала Виктора, а с ним и войска все время на правом уже берегу реки Березины.

Граф Витгенштейн по давнему знакомству* принял меня с особенным вниманием, и я нашел те же свойства рыцаря и ни малейшей гордости, хотя легко она могла выказаться при рассказе о соображениях и пла-

* 1794 года состояли мы при генерал-аншефе князе Репнине⁹⁷, главнокомандующем армиею, расположенною в Литве. 1796 года в армию под начальством генерал-аншефа графа Зубова⁹⁸, действовавшую против Аги-Магмет-Шаха⁹⁹, прислан был курьером подполковник граф Витгенштейн с известием о кончине императрицы Екатерины II.

нах, им исполненных, о многих выигранных генеральных сражениях, о мужестве войск, которым ничто противостать не может. Он говорил мне, что адмирал Чичагов, имея средства возбранить переправу или нанести армии Наполеона сильное поражение, но оставя слабый отряд генерала Чаплица, со всеми войсками отдалился на большое расстояние. Графу отвечал я, что мне известен сообщенный ему общий план действий, государем императором начертанный, который доставлен фельдмаршалу флигель-адъютантом полковником Чернышевым в селение Красная Пахра в шестой день по занятии Наполеоном Москвы, когда армия наша правым берегом Москвы-реки совершила достопамятное фланговое движение до Подольска и перешла на Калужскую дорогу. Никто предполагать не мог, что после кратковременного пребывания в Москве Наполеон найдет в необходимости предпринять отступление, и потому большую еще основательность имело соображение государя направить значительные силы на линию неприятельских коммуникаций, где находились склады огромных заготовлений, расположены рекрутские депо, проходили к армии отряды и разного рода снабжения. Исполнение сего возлагал фельдмаршал на адмирала Чичагова, рассчитывая, что к тому приступил он не менее, как с шестьюдесятью тысячами человек. Предписание получено им, когда находился он против генерала князя Шварценберга, начальствующего австрийскими войсками, и корпуса саксонцев под командою французского генерала Ренье, ревностного исполнителя повелений Наполеона, требовавшего с настойчивости от князя Шварценберга более решительных действий. Адмирал для удержания их, оставивши генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена с двадцатью шестью тысячами человек, с прочими войсками взял направление чрез город Минск на Борисов, главную операционную линию неприятеля. В обязанности его было стараться войти в сношение с войсками под городом Полоцком, сопротивление которого не полагалось продолжительным, когда придут дружины С.-Петербургского и Новгородского ополчений, отряд генерал-адъютанта Кутузова и значительные подкрепления генерал-лейтенанта Штейнгеля, призванного из Финляндии. Итак, в тылу армии Наполеона, у которого нельзя было подозревать намерения скорого отступления, могли составиться силы, угрожающие гибельными последствиями. Графу Витгенштейну известно уже

было, что причиною отдаления адмирала к городу Игумену был фельдмаршал, имевший неосновательные сведения, что Наполеон найдет там удобнейшую переправу. Сообщивши графу, что сего дня (16-го числа ноября) атаман Платов со всеми казаками и моим отрядом в течение ночи присоединится к армии адмирала, я с ним расстался*.

В позднее время ночи на 17 число ноября атаман с войсками присоединился к армии адмирала. Здесь узнали мы, что в следовании своем чрез город Минск адмирал овладел огромными в нем складами провиантских запасов, комиссариатских, госпитальных и аптекарских вещей, для охранения которых оставлен небольшой отряд войск. Далее на пути авангард его [под] начальством храброго генерал-адъютанта графа Ламберта нашел перед городом Борисовом занятое неприятелем мостовое укрепление, нами прежде устроенное для прикрытия моста, длиною немного менее версты, чрез болота, прорезанные рекою Березиною и ее протоками.

Граф Ламберт дал приказание пехоте сомкнуться в колонны, немедленно атаковал укрепление и взял его штурмом. Упорна была защита, велик неприятеля урон. Генерал Домбровский отступил за реку и в городе не остановился. Досталось победителям шесть пушек и до двух тысяч пленных**. Адмирал пришел к реке Березине, имея менее тридцати тысяч человек, следовательно, не с половиною предполагаемого фельдмаршалом количества. Он не имел сведения о наших войсках; еще менее, где и с какими силами Наполеон. На левом берегу Березины, в городе Борисове, находился неприятель, где, по твердому сопротивлению и хорошему состоянию

* В главной квартире в должности дежурного генерала нашел я артиллерии генерал-майора Бегичева (Ивана Матвеевича)¹⁰⁰. При взятии Суворовым в 1794 году штурмом варшавского укрепления Праги он служил капитаном, старшим артиллерийским офицером в его армии и командовал артиллериею. Многие из нас в равном с ним чине имели в нем начальника строгого и взыскательного. На вопрос мой «что делаете вы здесь хорошего?» вот точный его ответ: «Ведем себя как ребятишки, которых надобно сечь розгами. Знаем, что авангард близко; первая и вторая линии ходят особенно каждая, и скоро ли придут, не знаем! Главные деятели у нас артиллерии и генерал-лейтенант князь Яшвиль¹⁰¹ и квартирмейстерской части генерал-майор барон Дибиш¹⁰². Я не мог их дожидаться, и мы расстались с генералом Бегичевым.

** Граф Ламберт получил тяжелую рану, и в армии адмирала не стало одного из отличнейших и распорядительного генерала.

войск генерала Домбровского, заключил он, что и прочие части армии в равном устройстве.

Ноября 17-го числа с рассветом явился я к адмиралу. Благоклонно приняв меня, он говорил, что бывши извещен о появившейся неприятельской кавалерии на левом берегу реки Березины в 23 верстах ниже Борисова, он, оставивши с генералом Чаплицем отряд для прикрытия Зембинского дефиле, прошел мимо Борисова и далее по направлению на Игумен, но возвратился с с возможною поспешностию, извещенный, что в селение Вытча прибыл неприятель в больших силах, занял возвышенный левый берег Березины огромными батареями, обстреливающими противлежащую низменность, устроил мосты, и уже значительная часть пехоты перешла с пушками. Генерал-майор Чаплиц, не имея средств удержать их, принужден истребить мост чрез речку Гойну, открыть Зембинское дефиле и отступить в лес, которого за ним вслед большое пространство захватил неприятель. Атаману Платову предложено адмиралом послать отряд казаков вверх по речке Гойне для того, чтобы, перейдя чрез нее, разрушить мосты и гати в Зембинское дефиле. Я осмелился представить адмиралу мои мысли, что «если бы Наполеон встретил невозможность идти на местечко Зембин, ему оставалось единственное средство овладеть дорогою на Минск, где при изобильных всякого рода запасах (которыми снабжается армия наша и все прочие войска) доставить своей армии отдохновение, призвав из Литвы подкрепления и восстановить в ней порядок». Адмирал отвечал мне, что, защищая Зембинскую дорогу, он исполнял в точности повеление фельдмаршала.

«В звании моем начальника главного штаба 1-й армии мне известны предположения его светлости князя Кутузова. Вы теперь изволите видеть, сколько не сходятся с ними настоящие обстоятельства и сколько велика разность средств, состоящих в распоряжении вашем, когда с Наполеоном соединились корпус маршала Виктора и войска маршала Удино, вышедшие из Полоцка. Из них были пленные, взятые еще вчерашний день, следовательно, граф Витгенштейн не воспрепятствовал им присоединиться»*.

* Расположенному в окрестностях города Мозыря генерал-лейтенанту Эртелю с отрядом из пятнадцати тысяч человек [за]благовременно предписано прибыть к армии адмирала; но в ожидании разрешений на бессмысленные свои вопросы, потеряв время, он остал-

Рано утром 17-го числа в лесу загорелась перестрелка и усиливалась чрезвычайно. Пехотою нашею, рассыпанною в стрелках, распоряжался храбрый и отличных способностей генерал-лейтенант Сабанев¹⁰³, начальник главного штаба адмирала.

Не все еще собраны были войска армии. Составляющие резерв ее гренадерские отличные батальоны были на возвратном марше от Игумена. Кавалерия, в совершенном порядке сбереженная, по причине лесистого местоположения была бесполезною, и артиллерии часть ничтожная была употреблена, расположенная в в просеке леса на почтовой дороге: впереди легкие орудия в равном количестве с неприятельскими; сзади батарейные, стрелявшие навесно на столпившуюся в просеке пехоту. Войска моего отряда составляли резерв армии*. Замечено было, что число неприятеля умножилось; он заменял утомленные войска свежими, теснил наши. Атаки возобновлялись часто и усиленные. Не было в лесу поляны, где бы небольшие отряды кирасир не расстраивали нашей пехоты, даже нанося урон. Причину ожесточенного боя объяснили нам схваченные пленные, известив, что Наполеон переправился через Березину и находится при войсках.

На левом берегу бывшая пехота переходила по мостам, оставались во множестве тяжелые орудия, военные обозы и частные экипажи, заграждавшие доступ к реке. Но прежде десяти часов утра появились передовые войска графа Витгенштейна и ограничились перестрелкою из орудий. В первом часу пополудни соединился весь его корпус; недолго противостоял неприятель губительным его батареям; разметав препятствия, занимали они возвышенности правого берега реки, производя ужасное поражение в отступающих войсках по низменности правого берега. Все пришло в отчаяние, смятение было общее. Все вдруг бросились на мосты, тысячи

ся на своем месте. Генерал Эртель отличался особенными расторопностию и ловкостию; низкою угодливостию в должности московского обер-полицеймейстера приобрел он известность. Дежурный генерал Коновницын, зная враждебное расположение князя Кутузова к адмиралу, изыскал способ генерала Эртеля избавить [от] ответственности за ослушание и тем не раздражил фельдмаршала!

* Появление гвардейских полков егерского и Финляндского, гвардейской артиллерии, лейб-кирасирских полков его и ее величеств произвело на дух войск адмирала полезное действие. Кто бы не подумал, что и фельдмаршал с армиею находится в близком расстоянии!

безоружных людей открывали себе путь, сбрасывая повозки в воду. Мосты, не выдержавши напора, обрушились.

В десять часов утра того же 17-го числа Наполеон вступил в Дембинское дефиле. Стремительно бросилась за ним пехота его, с большим уроном изгоняемая из лесу войсками адмирала, и между пленными взяты многие чиновные офицеры*. Тогда уже замечен был большой беспорядок на мостах от опасения впасть в наши руки, когда берег занят будет нашими, овладевшими им, войсками.

Атаман Платов доложил адмиралу Чичагову о возвращении партии, посланной им для истребления мостов и гатей по дороге на Зембин. Надобно было перейти речку Гойну незамерзшую, хотя повсюду неглубокую, но невозможно было ближе тридцати и более саженей подойти к ней по причине непроходимых болот, в которых увязают лошади на всем расстоянии до самого берега.

Итак, неприятельская армия в полном и решительном отступлении. Кончены на реке Березине все трудные и сложные соображения и расчеты!

Князь Кутузов имел точные сведения о гибельном положении неприятельской армии; со свойственной ему прозорливостию предусмотрел неотвратимые бедствия, непрерывно возрастающие и грозящие ей впоследствии. Ей предлежал далекий путь до границ наших, зима наставала лютая, и необходимость быстрого отступления, при совершенном изнурении от голода и стужи. Ощутительно было, судя по тысячам трупов, застилающих дорогу, что она не избегнет состояния, близкого к разрушению. Напротив, наша армия без жертвований будет, сколько возможно, сбережена!

Постоянна была мысль князя Кутузова о том, на что может решиться Наполеон в крайности, в отчаянных обстоятельствах, и что не существует опасного и отчаянного предприятия, на которые не вызвались бы приверженцы Наполеона, его гвардия и сама армия, когда он предводительствует ими, и единственное остается

* Пленный французский офицер, старый, весьма израненный командир полка легкой пехоты, живший у меня до выступления нашего за границу, сказывал, что в сражении при переправе погибло не менее пятнадцати тысяч человек собственно военного звания и множество людей разных наций, состояний и ремесел.

средство спасти его для славы Франции и надежда увидеть отечество!

Цель достигнута! Несколько тысяч пленных более и если бы даже некоторые из маршалов не увеличили бы славы и торжества русских!

Не могла слабая армия адмирала удержать Наполеона. Ему выгоднее было направление на Минск, но более необходим был кратчайший путь, ибо мог ли он полагать, что вся наша армия в близком расстоянии и, соединясь с армиею адмирала для преследования, могла его уничтожить? Оставивши немало пленных, всех вообще не имевших оружия и больных, Наполеон отправился на Зембин. За ним вскоре послан генерал-майор Чаплиц, но как слаб был состав командуемого им авангарда, адмирал предложил мне подкрепить его моим отрядом. Я охотно исполнил приказание, предоставляя генералу Чаплицу, хотя младшему чином, полное распоряжение. Неприятель по возможности старался препятствовать скорости нашего движения, разрушал мосты на протоках и оврагах, сжигал селения. Не раз пушечные выстрелы наши разгоняли толпы их. Занявши местечко Молодечно, мы захватили офицерскую одежду, которую не успели взять с собою спасавшиеся бегством. Здесь адмирал позволил мне остановить отряд, дать людям отдых и далее идти по собственному усмотрению. Невдалеке за авангардом двигалась вся его армия.

Не позволяю себе оставить без описания о происходившем на реке Березине, когда мы оставили ее, и чего я был очевидный свидетель. На мостах, частями обрушившихся, бывшие пушки, разные тяжести упали в реку; толпы людей, сходявших на лед, между которыми немалое количество было женщин с детьми и грудными ребятами. Никто не избег лютости мороза! Никогда не случится видеть столько ужасного зрелища! Счастливы окончившие бедствия свои вместе с жизнью. Они оставили завидующих их участи! Несчастнее сравнительно были сохранившие жизнь для того, чтобы лишиться ее от жестокости холода, в ужаснейших мучениях. Судьба, отмщающая за нас, представила нам все роды отчаяния, все виды смерти. Река покрыта была льдом прозрачным как стекло: под ним видно было во всю ширину реки множество погибших. Неприятель оставил огромное число артиллерии и обозов. Не перешли Березину богатства разграбленной Москвы! Неприятель понес

срам бегства, и ограничен срок существования разрушающихся остатков его армии. Атаман Платов действовал отдельно, истребляя на пути неприятеля средства, которыми мог бы он воспользоваться.

Граф Витгенштейн не пошел вместе с адмиралом Чичаговым, который в качестве главнокомандующего армиею мог подчинить его своим распоряжениям; он отправился вправо, поставляя на вид намерение преследовать генерала Вреде, начальствующего баварскими войсками Рейнской Конфедерации. Вскоре по оставлении Полоцка они отошли в Литву и вероятно находятся уже далеко.

Свидетель происшествий при Березине, без малейшего в них участия, беспристрастно излагаю я мои замечания.

Нет побуждающих причин говорить не в пользу графа Витгенштейна, известного рыцарскими свойствами, предприимчивого на все полезное! Не соответствующие этому случайности могли принадлежать постороннему внушению.

Адмирал Чичагов при первом разговоре со мною выказался превосходного ума, и я чувствую с негодованием, насколько бессильно оправдание мое возлагаемых на него обвинений.

Проходя с отрядом моим по большой дороге на Вильну, на ночлег приехал неожиданно князь Кутузов и расположился отдохнуть. Немедленно явился я к нему, и продолжительны были расспросы его о сражении при Березине. Я успел объяснить ему, что адмирал Чичагов не столько виноват, как многие представить его желают. Не извинил я сделанной ошибки движением к Игумену; не скрыл равномерно и графу Витгенштейну принадлежавших. Легко мог я заметить, до какой степени простиралось нерасположение его к адмиралу. Не понравилось ему, что я смел оправдывать его. Но в звании моем неловко было решительно пренебречь моими показаниями, и князь Кутузов не предпринял склонить меня понимать иначе то, что я видел собственными глазами. Он принял на себя вид чрезвычайно довольного тем, что узнал истину и уверял (хотя не уверил), что совсем другими глазами будет смотреть на адмирала, но что доселе готов был встретиться с ним неприятным образом. Он приказал мне представить после записку о действиях при Березине, но чтобы никто не знал о том.

Недалеко от уездного города Ошмян (49 верст от губернского города Вильны) атаман Платов обошел авангард армии адмирала и, не остановясь, продолжал движение в ночное время. Независимо от распоряжений его шел впереди отряд партизана Сеславина: проводником его был схваченный еврей, житель города, знавший о пребывании в нем самого Наполеона и ничего о том, какой дом он занимает. Еврей провел отряд чрез лежащие в стороне мельницы по тропинке, покрытой глубоким снегом, едва приметной. В городе было спокойно и в совершенно беспечности.

Сеславин обратился к дому, отличающемуся наружностью: на обширном дворе его были толпы людей. Внезапное появление казаков произвело большое смещение, многие спасались бегством, и до того было слабо сопротивление, что казаки безнаказанно наносили поражение*. Отовсюду на призыв тревоги стекались пробужденные огромными толпами, и казаки вынуждены были удалиться. Дом, на который ударил Сеславин, по количеству при нем войск принят был за квартиру Наполеона, но в нем расположен был комендант города и отряды разных частей войск, поспешно отправляемые в Вильну. В отдаленном конце города была квартира Наполеона, и он с конвоем своей гвардии, не теряя минут, отправился в Вильну, где никем не видимый проехал за границу¹⁰⁴. Посланная из Вильны к отступающей французской армии дивизия из десяти тысяч людей свежей пехоты не могла служить ей подкреплением, когда в виду уже были авангард армии адмирала и атаман Платов со всеми казаками. Дивизия из резервных, вновь набранных конскриптов, не вынесла труда, и на расстоянии между городом Ошмянами и Вильною была жертвою лютости мороза; малое число спасшихся возвратилось в Вильну. Все большими толпами разбросанные по полю близко от дороги лежали замерзшие. Разметаны кости съеденных лошадей, оставлена новая артиллерия, не бывшая в употреблении, одежда отобрана имевшими силы идти далее.

Первый вошел с отрядом в Вильну партизан Сесла-

* Сеславин не встретил препятствий. Арриергард французский (как показали взятые из него пленные) пошел против передовых войск армии адмирала и в главной квартире Наполеона не было о том известия, так что посланный офицер с повелениями не застал уже его, и взятый казаками представлен атаману. Он подтвердил, что Наполеон точно в Ошмянах.

вин, но должен был уступить превосходству неприятеля. Пришли атаман Платов и авангард генерала Чаплица, и неприятель с поспешностью оставил город. Не замедлила прибыть армия адмирала и за нею вскоре фельдмаршал светлейший князь Кутузов. Ноября 29-го числа (термометр означал 27 градусов) вступил я с моим отрядом в Вильну и тотчас явился к фельдмаршалу. Им дано мне приказание на всех въездах поставить караулы к провиантским магазинам, складам амуниционных вещей и разного рода запасов*.

В городе нашел я адмирала Чичагова, но армия его отправлена была к границам Пруссии, и в ней под ружьем было немного более пятнадцати тысяч человек, почему и приказано отдельным от нее частям поспешнее соединиться с нею.

Граф Витгенштейн, с корпусом начавший от реки Березины вымышленное им преследование войск короля баварского и не видевши их, дошел до местечка Неменчина недалеко от Вильны, откуда послал с отрядом партизана Теттенборна**, чтобы оказать содействие при занятии города, и он расположился в одном из предместий.

Пред проездом и, можно сказать, бегством Наполеона мимо Вильны бдительная французская полиция, скрывая поражения, распускала молву о его победах. Торжества были о взятии Риги и покорении Киева. Блистательно освещен город, выставлены великолепные картины, на площадях гремела музыка, хвалебные провозглашались хоры, произносились речи, изумляющие наглою дерзостью. 1805 года после сражения при Аустерлице генерал от инфантерии Кутузов назначен был литовским губернатором, и только два батальона внутренней стражи были в его распоряжении. Общество высшего разряда очаровано было его привлекательным и особенно вежливым обхождением. Женщины поль-

* В чрезвычайных размерах были заготовления всяких для армии потребностей. Ничто не упущено из виду и ничто не истреблено неприятелем. Ценность казенного имущества может восходить до огромного числа миллионов. Остались и частные богатые магазины.

** Пред нынешнею войною австрийский генерал князь Шварценберг, бывши послом при российском дворе, имел при себе адъютантом Теттенборна, который, принят будучи в нашу службу, дал заметить себя как офицер отлично храбрый и столько же способный, оказывал в разных случаях достойные уважения заслуги.

ские, обладающие даром пленять любезностью и ловкостью, играли при нем немаловажную роль.

Теперь светлейший князь Кутузов-Смоленский явился фельдмаршалом, победителем Наполеона, изгнанным из пределов отечества нашего*.

У фельдмаршала нашел я адмирала Чичагова и графа Витгенштейна, который рассказывал ему о нескольких выигранных им генеральных сражениях и в таком тоне, что на долю главной армии оставлялись легкие, не весьма значительные, действия. Неуловимая тонкость князя Кутузова не могла однако же скрыть совершенно его негодования, и он давал чувствовать его, обращаясь с отличным вниманием к адмиралу, довольный соблюдаемою им почтительною наружностью. До отъезда его в армию взаимные их отношения были благовидны, что впрочем не препятствовало князю Кутузову делать вред адмиралу, многими замеченный впоследствии. Он относил насчет его намерение похитить славу заключения с Портою мира после знаменитой победы его над великим визирем при Рущуке¹⁰⁵.

Граф Витгенштейн часто, но всегда довольно неловко, давал чувствовать, что Петербург обязан ему спасением и путь в Литву проложен его победами. Служа в армии Кутузова во время славной ретирады из Баварии 1805 года генерал-майором, известен он был главнокомандующему блистательной храбрости шефом гусарского полка. Теперь находя его на первом плане действующих лиц, он признавал необходимым иметь основательное сведение о способности и познаниях, требуемых от начальника, которому вверяется обширное и нередко трудное командование. Рассуждая о разных происшествиях, сопровождавших непредвиденный и скорый оборот обстоятельств, о предстоящих действиях по выступлении за границу, дал он повод графу Витгенштейну высказать его о том мнение. Проницательному князю Кутузову достаточно было четверти часа познать его совершенно**.

* Несколько пред сим дней разговор князя Кутузова со мною в точных его выражениях: «Голубчик! Если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я право плонул бы тому в рожу!»

** Труд рассуждать не всегда принимал он на себя, часто представляя другим эту черную работу. Служащие при нем близко имеют сильное на него влияние, и весьма часто не принадлежат к числу людей достойных.

Превозносимый похвалами бессмысленных почитателей его спасителем Петербурга, я уверен, что он не был до той степени упоен лестиею, чтобы мечтал сравнивать себя с князем Кутузовым, который не нашел в нем даже помощника.

Через несколько дней пришла в окрестности Вильны главная наша армия. Ей назначен нужный отдых.

Фельдмаршал покоился на пожатых лаврах, готовый продолжить бездействие. Собрались генералы в главную квартиру, где после многотрудной кампании приятно было найти удобства и удовольствия, устраняя служебные занятия.

Доставлены фельдмаршалу по сделанным им представлениям назначенные награды за сражения, между прочими за битву Бородинскую. Медленно последовало утверждение их по той причине, что многие весьма из частных начальников 2-й западной армии были убиты и ранены, и временно заступившие места их присылали представления порознь, и надобно было, рассматривая достоинство оказанных отличий, соразмерять вознаграждения*.

Неприятель продолжал оставлять пределы наши. Австрийский корпус генерала князя Шварценберга выходил из Гродненской губернии. Генерал Ренье с корпусом саксонским удалялся по направлению к реке Нареву, Войска польские Герцогства Варшавского отправились к Варшаве. Корпус маршала Макдональда и с ним прусские войска следовали из Курляндии к Тильзиту. Остатки большой наполеоновской армии (*la grande armée*) близкой к разрушению**, и с нею отрывки войск прочих

* Главнокомандующий военный министр Барклай де Толли, отъезжая из армии в сентябре месяце, поручил директору министерской своей канцелярии флигель-адъютанту полковнику Закревскому показать мне собственноручный рапорт его фельдмаршалу, которым просил представить меня к награде орденом Св. Георгия 2-го класса. Конечно, не приличествовало назначать мне награду, к которой представлен сам главнокомандующий, но сколько же несправедливо просить Анненскую ленту наравне с бригадными командирами и шефами полков, награду, получаемую за смотры войск и парады.

** Когда Наполеон с невероятною скоростью поспешил к переправе через реку Березину, к нему присоединился при местечке Бобре свежий корпус маршала Виктора в отличном порядке, из которого одна только дивизия имела участие в сражении при Чашниках. Также и войска маршала Удино, защищавшие Полоцк, были довольно в хорошем состоянии. С ужасом смотрели они на бедственное положение армии и войск союзных Рейнской Конфедерации, не узнавали блистательной гвардии, которой видна была гибель неотвратимая!

союзников направились в Пруссию. И так, почти не было уже неприятеля на земле русской!

Расположение армий наших было следующее. Армия адмирала Чичагова была у местечка Ездна на реке Немане. Туда последовал отряженный от нее сильный корпус генерала барона Остен-Сакена, возбранявший австрийским и саксонским войскам захватывать обширнейшее пространство всем изобилующей страны. 1-й пехотный корпус графа Витгенштейна, беспрепятственно достигая Немана в окрестности города Ковно, наблюдал отступающего маршала Макдональда.

Князь Кутузов наслаждался полным покоем. Ничто до слуха его допускаемо не было, кроме рабственных похвал льстецов, непременных спутников могущества! О войне вспоминал нам один самовластно господствующий повсюду беспорядок, которого, как видно, не менее было у самих неприятелей наших.

В Вильне все удобные здания, самые реффлектории (приемные покои. — *Сост.*) монастырей заняты были французскими гошпиталями. В некоторых из них, несмотря на жестокую зиму, не было для печей дров; несколько вязанок разбросанной соломы заменяли постели. Малому числу больных дана одежда, необходимой посуды никакой. Провожавший меня из старших медиков показал мне огромную больницу, дверь которой оттолкнувши ногою, мы были встречены удушливым смрадом. Он говорил мне, что есть больницы, совсем оставленные врачами, ибо не существует средств спасти больных, и сообщение с ними угрожало неизбежною заразою. По мнению его, надлежало в продолжение сильных морозов, не допускающих совершенного разложения тел, очистить город, вывезти трупы без всякой опасности. Многие тысячи трупов вывезены за город, часть их сожжена, прочие опущены в рвы и засыпаны известью. Фельдмаршал приказал привести это в исполнение.

В Вильне хранились огромные запасы всякого рода предметов собственно для продовольствия войск, по распоряжению фельдмаршала неприкосновенных до прибытия генерал-интенданта Канкрина. Столько же огромные склады амунических вещей, для гошпиталей одежды, белья, посуды, для аптек медикаментов дорогой цены и во множестве лучшие хирургические инструменты. Много бочек, наполненных хиною, камфарою и проч.

Великий князь Константин Павлович испросил соизволение выбрать из запасов амуниционных вещей необходимо нужные для нижних чинов гвардейского корпуса, и приказано гвардейской пехотной дивизии генерал-майору барону Розену по исполнении поручения представить подробный обо всем отчет*.

Распространился слух о прибытии государя. Надобно было заняться распоряжениями о приуготовлении встречи, и роскошный покой фельдмаршала прикрыт был наружностью необыкновенной деятельности.

В Вильне нашли также частных продавцов богатые магазины офицерских золотых и серебряных вещей, которые присвоены себе разными лицами**.

Приехал государь, и в ознаменование признательности своей за великие услуги светлейшего князя Кутузова возложил на него орден Святого Георгия 1-го класса***. Во множестве рассыпаны награды по его представлениям, не всегда беспристрастным, весьма часто без малейшего разбора. Вскоре составился двор и с ним неразлучные интриги; поле обширное, на котором известный хитростию Кутузов, всегда первенствующий, непреодолимый ратоборец!

Между важными событиями упомяну о недавнем происшествии, маловажном по себе, оригинальном по окончанию. Австрийский корпус, вышедший уже из границ наших, малым числом последних войск своих занимал еще город Гродно. Генерал-адъютант граф Ожаровский явился с отрядом, предложил о сдаче и получил отказ. С отрядом казаков гораздо слабейшим партизан Давыдов, без чванных речей придворного человека, не вдаваясь в политику, приблизился к передовой неприятельской страже, угрожая, если не будет сдан город, атаковать идущим за ним войском. Раздался звук стаканов между венгерскими гусарами, и при хвале

* Я был свидетелем разговора, и мне легко было заметить, сколько приятно было фельдмаршалу, что его высочество с равною настойчивостию не коснулся никаких других предметов. Предполагать должно, что было в видах сбережения казенного интереса сколько возможно в большем размере.

** Не чуждыми главной квартире и без всякой осторожности. При сих обстоятельствах, многим известных, действия генералов Коновницына и Толя соответствующи достоинству звания.

*** Орден этот уничтожен императором Павлом I, восстановлен императором Александром Павловичем, и в царствование его до настоящего времени князь Кутузов наименован первым кавалером сего ордена 1-го класса,

отечественному напитку, рука в руку, в знак приязни. С начальником их сделано условие, и город наш*! В одно время дошли до фельдмаршала рапорты: графа Ожаровского, что австриец не сдает города, и партизана Давыдова, что город им занят!

Государь по прибытии своем изъявил намерение двинуть за границу армию.

Оказывая высокое уважение фельдмаршалу, из совещаний с ним он заметил, что лета его, тяжелые чрезвычайно раны, труды и заботы последней кампании ослабили в нем способности. Государь, желая продолжить его успокоение, оставил при нем громкое наименование главнокомандующего и наружный блеск некоторой власти. В распоряжение армиями входил сам; о состоянии их, о средствах снабжения всеми потребностями нужные сведения поручил собрать находившимся при его особе лицам, удостоенным особой доверенности.

Князю Кутузову полезно было представить главнейшими своими сотрудниками дежурного генерала Коновницына и генерал-квартирмейстера 1-й армии Толя, с особенными о них похвалами.

Пред началом войны государь 3-ю пехотную дивизию генерала Коновницына по устройству ее и знанию фронтальной части называл примерною, нижним чинам дана денежная награда набывалая! Государь принял его с особенною благосклонностию, благодарил его за усердие, во многих случаях оказанное мужество. Неизвестно, удовлетворил ли он его знанием военного дела, если в разговорах с ним испытывал мнение его относительно предстоящей кампании**.

* Штаб-офицеру предоставлено возвратиться к своим войскам. В городе и окрестностях водворены спокойствие и порядок. Отряд партизана Давыдова ожидает повелений!

** В царствование императрицы Екатерины II Коновницын был полковником, командовал пехотным полком. Отец его, значительный сановник, по важности занимаемых им должностей, в связи со многими могущественными особами, разными путями, с необыкновенною скоростью проводил сына в чины. При трудных в тогдешнее время средствах образования молодых людей, если не поступали они в учебные заведения, родители принимали в дома иностранцев, которые сообщали детям познания поверхностные, без всякой системы (методы) в основании. Утративши в продолжительной отставке прежний, практически приобретенный навык, Коновницын возвратился в службу, и совершенно оказывались военные его знания. Блистательна была неустрашимость его, но не могла заменить недостатка их,

Генерал граф Аракчеев в сношениях с Коновницыным не получил от него обстоятельных объяснений на многие из предложенных предметов.

Не более пользы извлек генерал-адъютант князь Волконский из совещаний с Коновницыным, и в соображении удобнейших способов к соединению частей войск соответственно предначертанному плану руководствовался он непосредственно знанием и трудами генерала Толя, о чем докладывал государю, который, обратив на него внимание, заметил хорошие его способности.

Генерал Коновницын имел надобность по домашним обстоятельствам быть некоторое время в своем семействе. Государь с изъявлением лестного внимания предоставил ему отпуск в виде полезного после трудов, им понесенных, отдохновения. Отсутствие его из армии чувствуемо было, а вскоре даже не упоминаемо о нем.

Генерал-адъютант князь Волконский наименован начальником Главного штаба всех армий при фельдмаршале*. С этого времени от самого государя исходили все распоряжения. Он наблюдал за исполнением их. При особе его величества состоял генерал барон Беннингсен, и к его изведенной опытности и познаниям обращался государь во всех случаях, когда важность обстоятельств могла требовать точнейших соображений.

Прежде прибытия государя представил я фельдмаршалу, по приказанию его, чтобы никому о том известно не было, записку о действиях адмирала Чичагова при реке Березине. Он говорил мне, что готов встретить его с изъявлением приязненных чувств. По мнению многих, вина Чичагова в отношении к князю Кутузову заключалась в том, что он умел постигнуть его совершенно!

Не мог фельдмаршал оставить без внимания записку мою (начальника главного штаба 1-й армии), в которой показывал я себя очевидным свидетелем, не участвовавшим в приобретенных успехах, и что даже пришедшие со мною войска, составляя резерв, не сделали почти выстрела**.

* Государю надобен был человек, давно к нему приближенный и совершенно им испытанный. Князь Волконский предан ему беспрдельно, и, конечно, нелегко было бы заменить его другим.

** Фельдмаршал не желал удержать при себе генерала Беннингсена, часто весьма противного с ним мнения. Генерал Толь ловким образом пользовался всяким случаем возжигать между ними несогласие, с верным расчетом упрочить влияние свое на слабого характером Кутузова,

Адмирал Чичагов был на марше с армиею к границам, когда прибыл государь, и едва ли возможно усомниться, что князь Кутузов не объяснил ему действий Чичагова при Березине, но только защитил его от обвинений неосновательных. Неизвестно мне, видел ли его государь, но вскоре оставил он командование армиею и удалился. Не касалось это непосредственно выгод князя Кутузова, и понятно равнодушие его.

Выступление армии за границу определено 1-го числа января 1813 года. Общий план действий хранился втайне.

Предварительное расположение войск следующее.

Генерал Милорадович с авангардом в Гродне и к стороне Белостока. Адмирал Чичагов в местечке Ездне и к стороне Олиты. Отделенный от его армии корпус генерала барона Остен-Сакена, наблюдая отступление австрийских и саксонских войск, остановился на границе. Генерал Дохтуров с VI-м пехотным корпусом и другими отрядами расположен также у самой границы. Генерал Торماسов со всею гвардиею и ее кавалериею, 1-ю гренадерскою дивизиею и сильною артиллериею занимал местечко Мереч и окрестности. Здесь назначена главная квартира государя и фельдмаршала. Граф Витгенштейн с I-м пехотным корпусом недалеко от Ковно наблюдал отступление из Риги прусских войск*.

Атаман Платов с большею частию полков Войска Донского приближен был к местечку Мереч; прочие все готовы были к выступлению за границу.

Генерал-адъютанту барону Винценгероде предположено составить особенный отряд**.

* Командующий прусскими войсками генерал Иорк¹⁰⁶ есть один из отличнейших начальников. Он, прекратив военные действия, вошел в переговоры, согласно желаниям войск, особенно ему преданных. В крепостях Пруссии были французские гарнизоны, и король не мог одобрить явного нарушения союза с Наполеоном.

** Наблюдательный его отряд находился недалеко от Москвы около села Всесвятского. Барон Винценгероде знал от жителей, что Наполеон вступил с армиею и в городе осталось очень мало войск. Схваченные пленные подтверждали, что оставленному с малочисленным отрядом маршалу Мортье приказано, взорвав кремлевские башни, оставить Москву и следовать за армиею. С малым конвоем и немногими из свиты своей генерал Винценгероде подъехал к заставе города, конечно, не для обозрения, но правдоподобнее, с намерением, устрашив неприятеля готовностью к бою, склонить к сдаче Москвы. Сопровождавший его слабый конвой был опрокинут и, не предвзя,

По упразднении главного штаба 1-й армии я назначен начальником артиллерии всех действующих армий. Я обратился к фельдмаршалу, прося исходатайствовать отмену назначения моего, но он сказал, чтобы я сам объяснил о том государю. Намерение его было, как тогда сделалось известным, место это доставить артиллерии генерал-майору Резвому.

После лестной должности, неожиданно и не по чину мне назначенной, когда в неблагоприятном положении дел наших государю неблагоугодно было предложить ее никому другому, мне дано приказание, и оставался долг повиновения!

Теперь новая должность моя объемлет часть обширную, но есть недостатки в ней, требующие скорого исправления, при средствах, деятельною кампаниею истощенных, в отдалении от удобнейших способов снабжения всеми потребностями. Более прежнего известный государю, я признался чистосердечно, что меня устрашают трудности и неотвратимые препятствия, чтобы поставить себя в готовность к скорейшему исполнению требований. До сего времени в каждой из армий были отдельные начальники артиллерии и у каждого свой взгляд на порядок управления делами. Теперь подчиняются они общему над ними начальнику. Государь, благосклонно выслушавши меня, изволил утвердить мое назначение.

по принятому всеми вообще порядку, не подавши знака, что прислан для переговоров (*en parlementaire*), хотя и настоятельно убеждал в том, что все против него были обстоятельства, и он взят под стражу. Слабый конвой жандармов препровождал его пленного, дорогами отдаленными, и уже по ту сторону реки Березины внезапно освобожден он разездом казаков из отряда флигель-адъютанта полковника Чернышева, который отправлен был из С.-Петербурга в главную квартиру фельдмаршала и далее с повелениями государя адмиралу Чичагову. Чернышев изумлен был появлением пред ним Винценгероде, ничего не зная о происшедшем с ним. Теперь объяснилось, что судьба лишила его славы быть освободителем древней столицы. Взаимна была горесть, и нет сомнения, что из двух этих знаменитостей каждая освобождение оставленной неприятелем Москвы охотно внесла бы в смету своих подвигов. Москва занята вскоре потом Войска Донского генерал-майором Иловайским 4-м¹⁰⁷. Примечательно описание Чернышева, нелепое и нагло хвастливое, трудно преодоленной им местности, переплывтых им рек и проч., хотя в то время реки скованы были морозами жестокой зимы. Винценгероде прежде всех знал о выступлении Наполеона из Москвы, но о том не известил фельдмаршала, вкушавшего невозмутимый покой в позиции при Тарутине после разбития и прогнания авангарда под команду неаполитанского короля Мюрата.

В облегчение возложенных мною затруднений и ускоряя распоряжения Артиллерийского департамента, государь приказал мне, составляя ведомости о всех необходимо надобных предметах, доставлять их графу Аракчееву, который для немедленного удовлетворения требований будет объявлять волю его инспектору всей артиллерии барону Меллер-Закомельскому. Мера эта тем необходимее была, что на укомплектование назначенной за границу артиллерии взято большое число офицеров, нижних чинов и лошадей. Оставлены в Вильне и поблизости шестьсот орудий и готовые кадры для формирования пятидесяти конных и пеших рот, которые, по мере приведения в надлежащий состав, должны следовать за армиею. Ротам, не участвовавшим в действиях, предписано прийти в Вильну.

Государь прибыл в местечко Мереч; в то же время и фельдмаршал.

Первый день 1813 года ознаменован выступлением за границу всех наших армий.

Итак, в течение семи месяцев, потерявши не менее восьми губерний, впавших во власть неприятеля, лишившись древней столицы, обращенной в пепел, имея в сердце своем более пятисот тысяч враждебных полчищ, Россия восторжествовала! Император примером непоколебимой твердости оживил в каждом надежду спасения отечества. Никто не пощадил жертвований, призваны в пособие все средства, все возможные усилия. Исполненные самоотвержения, двинулись храбрые ополчения России; ударил час освобождения, и Бог, поборник правых, низложил горделивые замыслы врагов, и уже нет их на земле любезного отечества нашего!

Изложив известные мне происшествия в продолжение Отечественной войны и в преследовании до границ наших спасающегося бегством неприятеля, прекращаю я описание.



Записки

Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией

По окончании войны с французами, 1814 года, государь пред отъездом своим из Парижа в Англию приказал мне отправиться в Краков к назначенной мне новой команде. По обстоятельствам тогдашнего времени со стороны Австрии можно было ожидать некоторых несогласий, и потому нужны были на границе войска и вскорости. Порученные мне состояли из большей части резервной армии, формировавшейся в Герцогстве Варшавском, и в составе своем названы сильнымавангардом. Нельзя было войскам сим дать наименование корпуса, ибо многие из генералов старше меня имели только дивизии; итак, под именем сильного авангарда, без обиды другим, могло под начальством моим быть слишком девяносто тысяч человек.

В течение 1814 года составилась в Вене конгресс, известный несогласиями собравшихся государей, но бегство Наполеона с острова Эльбы положило конец этим распрям¹, а быстрое появление его в Париже и удаление оттуда королевской фамилии воззвало к единомудушному против Наполеона ополчению.

Во время пребывания императора в Вене дано было армии нашей повеление выступить, и я с войсками, в Кракове бывшими, вышел за границу в апреле месяце 1815 года. Резервные войска, которыми я начальствовал

прежде, переменены были составленным временно 6-м корпусом из двух пехотных, одной гусарской дивизий и нескольких казачьих полков.

В сем втором нашем во Францию походе мы не имели случая сразиться с неприятелем, ибо англичане и пруссаки кончили действия совершенным рассеянием французской армии, и Наполеон, лично ею начальствовавший, предал себя власти английского правительства².

Войска наши вступили однако же во Францию, и государь отправился в Париж.

Прибывши на Рейн, вместо 6-го корпуса, с которым я пришел, дан был гренадерский корпус, и часть оного последовала в Париж для содержания при государе караула, ибо гвардии при армии не находилось.

В Париже имел я случай испросить увольнение в отпуск по болезни на шесть месяцев.

Дошедши с гренадерским корпусом на возвратном пути до Царства Польского, я поехал в Варшаву, где уже государь находился, и я был свидетелем восхищения облагодетельствованного им народа, приявшего от него и политическое бытие и конституцию³.

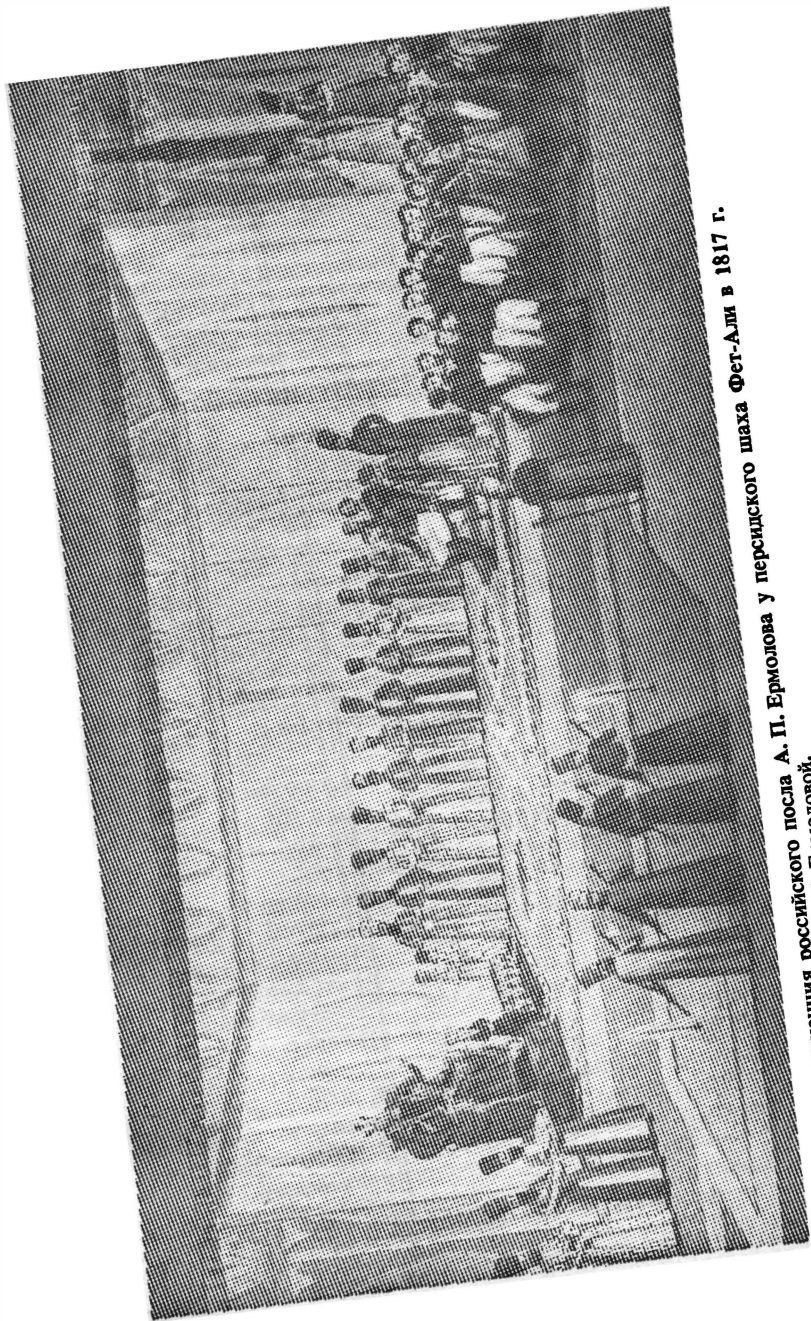
В самом начале 1816 года был я в Орле у престарелых родителей моих, среди малого моего семейства, вел жизнь самую спокойную, не хотел разлучиться с нею, намерение имея не возвращаться к корпусу, а потому и просил продолжения отпуска, дабы ехать к минеральным водам на Кавказ. Но вместо того получил приказание прибыть в Петербург.

Из частных известий знал уже, что я назначаюсь начальником в Грузию. Исчезла мысль о спокойной жизни, ибо всегда желал я чрезвычайно сего назначения, и тогда даже, как по чину не мог иметь на то права.

По приезде в Петербург, государь, постоянно мне благодворящий, объяснил мне, что он не решился бы определить меня в Грузию, если бы не были свидетельствующие, что я того желаю, ибо сам он не мог думать, чтобы назначение сие могло согласоваться с моим намерением.

Объяснением сим государь истолковал мне, какого он о Грузии мнения. Сего достаточно было, чтобы на месте моем устрашить многих, но я решился поверить себя моему счастью.

Не с равным удовольствием принял я назначение меня послом в Персию. Меня устрашали дела, по роду



Торжественная аудиенция российского посла А. П. Ермолова у персидского шаха Фет-Али в 1817 г.

Художник Машков. Из собр. М. Н. Ермоловой.

своему совершенно мне незнакомые. Я наслышался о хитрости и коварных свойствах персиян, и отчаивался исполнить с успехом поручение государя.

Ничто так не оскорбляет самолюбия, как быть обманутым, а я никак не надеялся избежать того.

Приняв наставления, сделав нужные приготовления к посольству, я выехал в начале августа месяца из Петербурга в Москву, где пробыл несколько дней, ибо государь, будучи там, приказал при себе находиться.

В Москве заметил я, что несколько странно смотрели на человека, появившегося в звании главноуправляющего Грузиею, и сверх того чрезвычайного и полномочного посла.

Я сам себе иногда не доверял, что это со мною могло случиться.

В сентябре прибыл я на границу Кавказской губернии.

Двадцать лет назад проезжал я Кавказскую линию, будучи капитаном артиллерии, в молодых весьма летах и служа под начальством генерал-аншефа графа Зубова, который с корпусом войск действовал против персиян в 1796-м году.

Первое обстоятельство, обратившее внимание мое, были высланные мне навстречу конвойные команды из поселенных на линии⁴ казаков. Всегда отличались они от прочих казаков особенной ловкостью, исправностию оружия и добротою лошадей. Я, напротив, увидел между ними не менее половины чрезвычайно молодых людей, нигде не служивших, и даже ребят.

Предместник мой⁵, по усиленному старанию Донского войска атамана генерала графа Платова, согласился сменить линейными казаками⁶ шесть донских полков, служивших на линии, и от сего неосмотрительного распоряжения должны были выйти на службу все малолетние и даже находившиеся в отставке казаки.

Повинность, превосходившая все те усилия, каковые делаемы были в кампанию 1812 года, возбуждала ропот, и я в прекращение оногo решился оставить на службе пять донских полков, отправивши только один таковой в свои жилища. Государь по донесению моему утвердил распоряжение мое.

Остановившись малое время в Георгиевске, дабы собрать нужнейшие о Кавказской линии сведения, я отправился в Грузию и прибыл в Тифлис 10-го числа октября.

Предместник мой генерал от инфантерии Ртищев нетерпеливо ожидал меня, ибо желал скорее возвратиться в Россию, куда супруга его уже прежде отправилась.

Имевши прежде сведение, что в Грузии отправление дел по службе не в надлежащем идет порядке, наслышавшись даже о многих злоупотреблениях, почел я необходимым иметь с собою нескольких чиновников, известных мне службою и на честность коих и правила мог бы я положиться.

Нужнейшего мне для военной части взял я начальником корпусного штаба полковника Вельяминова⁷, служившего прежде со мною в артиллерийской гвардейской бригаде, потом в Кракове и наконец в гренадерском корпусе в сем же звании. Офицер сей, хорошо учившийся, имел большие сведения и отличные способности. Дежурным штаб-офицером был подполковник Наумов, неутомимой деятельности и склонности особенной к порядку.

По части гражданской был при мне коллежский советник Рыхлевский, чиновник, рекомендованный мне с наилучшей стороны и знающий хорошо порядок дел. Начальником дивизии, расположенной в Грузии, выпросил я генерал-майора Кутузова⁸, коего коротко я знал хорошие способности. Обер-квартирмейстером по желанию моему назначен был полковник Иванов.

Вскоре по прибытии в Тифлис должен я был осмотреть важнейшую часть границ, ибо, готовясь к отъезду в Персию, нужны мне были сведения о состоянии оных, особенно зная, какие употреблял усилия шах персидский, дабы возвращено ему было ханство Карабахское или часть оною, в чем и предместник мой обязался ему способствовать.

Итак, я поехал в Карабах, полковнику Иванову поручил осмотреть Тальшинское ханство, офицерам квартирмейстерской части приказал сделать обозрение прочих границ с Персиею.

В Карабахе познакомился я с ханом, оттуда нарочно проехал в селение Зардаб, лежащее на реке Куре, дабы видеться с ширванским ханом, из вежливости выехавшим мне навстречу*; потом был я в селении Мингечаур, где хан шекинский меня дождался.

* Он со времени главнокомандующего князя Цицианова не виделся ни с одним начальником.

В Тифлис возвратился я 12 декабря, проездив немало более месяца.

Здесь могу сказать, что я настоящим образом вступил в отправление дел и уже ознакомился по крайней мере с главнейшими обстоятельствами, до края относящимися.

Состояние страны, управлению моему вверенной, было следующее.

Со времени вступления на престол царствующего императора Грузии постоянно занята нашими войсками⁹, и вводился постепенно наш образ управления при действии собственных законов, составленных царем Вахтангом¹⁰, коим сохранена прежняя сила. Судная часть была уже в лучшем устройстве, доходы с земли начинали приходить в большую степень определенности.

Грузию собственно составляют: Карталиния, округ чрезвычайно хлебородный; Кахетия, разделенная на Телавский и Сигнахский уезды, из коих первый изобилует прекраснейшими виноградниками; последний, не столько много занимаясь разведением садов, имеет довольно обширное хлебопашество. Карталинии принадлежит часть осетин, живущих в горах. В недавнем времени начали они принимать христианскую веру. Успехи оной хотя еще очень ничтожные, но можно надеяться, что, получив более доверенности к правительству, ибо приемлющим крещением оказывается особое внимание, они переменят зверские свои обычаи и склонность к воровству.

С Кахетиею смежны небольшие земли, в коих живут народы, именуемые пшавцы и тушинцы, издавна покорствовавшие грузинским царям. Они имеют богатое весьма скотоводство, склонностей воинственных, верны правительству. Над ними от начальства поставлен пристав из грузин, ибо необходимо знать язык. Не всегда однако же повинуются они надлежащим образом и доселе почти в диком состоянии. Сомхетия, войнами опустошенная и почти никакого населения не имеющая. Бамбаки и Шурагель, малые весьма округа, в последнюю с Персиею войну разоренные, в коих и доселе мало жителей. Дистанции татарские¹¹: Барчалинская, Казахская и Шамшадильская, довольно населенные, имеющие хорошее хлебопашество и богатое весьма скотоводство.

К Грузии присоединен Елисаветпольский округ — бывшее ханство Ганджинское — в 1804 году, взятое оружием под предводительством главнокомандующего

генерала князя Цицианова, и сим ограничивается пространство, которое мы под общим именем Грузии именуем. Округ сей богат скотоводством, производит лучшую пшеницу в здешней стране, имеет посевы сарачинского пшена и шелковичные сады. Дохода казне приносит более, нежели прочие округа Грузии.

Во всех сих округах народонаселение может простирается до...* исчисление, конечно, не верное, но между народами, чуждыми всякого порядка, паче мусульманами, трудно достигнуть настоящего.

В Имеретии, независимо от Грузии, учреждено временное правление. Бедная сия земля, бывшая до 1810 года особенным царством, заключает в себе пять округов. Население оной жестокою моровою язвою уменьшено более, нежели наполовину, и простирается свыше...* В провинциях Мингрелии, Грузии и Абхазии владетельные князья пользуются прежними, предоставленными им, правами и самыми с земли доходами, в некоторых же случаях зависят от распоряжений главного в крае начальника, приводимых в исполнение правителем Имеретии, который определяется из служащих в корпусе генералов.

Ханство Карабахское было в управлении Мехти-Хана, имеющего чин генерал-майора. Отец, умышляя против нас измену и доброжелательствуя персиянам, с которыми мы были в войне, пригласил войска их, но был предупрежден, и войска наши, внезапно напавшие на него ночью, лишили его жизни. Дочь его, сестра нынешнего хана, находится в замужестве за шахом персидским, и потому сколько ни показывает он себя приверженным нашему правительству, по привязанности к сестре имеет сношения с Персиею.

Ханство сие в 1805 году покорилося первое власти государя. Хан в ознаменование зависимости платил дани 8 тыс. червонцев.

С того самого времени войска наши имели пребывание в ханстве, и персияне смотрели с завистью на богатейшую землю сию, доставшуюся в руки наши.

Народонаселение Карабаха простирается до 24 т[ысяч] семейств. Оно не составляет половины прежнего, ибо неоднократно наносимая прежде персиянами война разорила землю; жители в большом коли-

* Отточие в оригинале (сост.).

честве увлечены в плен, не в меньшем разошлись по разным местам. Доселе еще мало весьма население в равнинах Карабаха, близко прилежащих к границе персидской, и жители не делают на них прочных заведений. Повсюду видны развалины городов и больших деревень, остатки обширных шелковичных садов и земледелия, свидетельствующих богатое некогда земли состояние.

Нынешний хан, не радеющий о благоустройстве земли, доверчивый к окружающим его чиновникам, которые его обманывают, проводит время в распутстве, ничем более не занимаясь, как охотою с собаками или ястребами. Все заведения, отцом сделанные, в упадке, и даже не только нет признака роскоши, в которой он жывал, но и самый замок или дворец его представляет развалины, и нет почти в нем убежища; любимцы расхитили собственно принадлежащее ему имущество до такой степени, что ему недостает средств к содержанию себя приличным образом. За несколько лет не представлено в казну ничтожной, платимой им, дани.

Ширванским ханством управляет генерал-лейтенант Мустафа-хан. Он владел оным и тогда, как в 1796 году был с войсками генерал-аншеф граф Зубов, но по свойству недоверчивому, по злоумышлению против русских, за которое боялся наказания, он тогда бежал в Турцию, и когда войска графа Зубова отозваны были в Россию, он возвратился и изгнал поставленного нами хана.

До 1806 года пользовался он совершенною независимостию, но, видев пример взятого оружием Ганджинского ханства, вошедшего в подданство ханства Карабахского, он поверг себя в покровительство императора и в знак подданства обязался платить 8 т [тысяч] червонцев дани.

Но с переменою состояния своего не переменил он свойств, и той же, как и прежде, недоверчивости исполнен был к нашему правительству. Он старался распространить связи свои с народами Дагестана, сильными, воинственными, никому доселе не покорствовавшими, думая тем устроить русских и заставить уважать себя более прочих. Война с Персиею¹², многие занятия предместников моих по предмету внутреннего земли устройства заставляли их для удержания Мустафы-хана в спокойствии и хорошем расположении к нам делать ему многие угождения, и он истолковал себе, что он может быть для нас опасным.

Высокомерие его простиралось до того, что он не выехал к главнокомандующему генералу Торماسову¹³, который желал иметь с ним свидание. Со мною поступил он снисходительнее, и удивлен был, когда приехал я к нему не более как с пятью человеками свиты, а он сопровождается по крайней мере пятьюстами человек конницы. Он однако же дал заметить мне, что не каждому должен я вверяться подобным образом. И что он так же точно предостерегал покойного князя Цицианова. Хан не рассудил, какая между князем Цициановым и мною была разница. Он славными поистине делами своими был для них страшен, я только что приехал и был им совершенно неизвестным.

Мустафа-хан управлял ханством лучше прочих владетелей. Народ им собственно не был отягощаем. Но если терпел некоторое утеснение, то единственно от предоставленной им власти бекам (род дворянства), между коими сделал он многих себе приверженцев. В земле была полиция, нередко наказывалось воровство, с исправностию собирались доходы. Хан жил довольно великолепно и служащих ему нередко награждал щедро.

Со стороны правительства нашего при нем находился пристав из офицеров, но он умел так отделять его, что он ничего не мог знать о его связях и поведении, и только собирал некоторые сведения от приверженных нам армян, живущих в Ширване.

Население в ханстве может быть считаемо около 20 тыс. семейств. Часть народа, довольно значительная, по причине чрезвычайного зноя в летнее время удаляется в горы и потому прочной оседлости не имеет.

Ханство изобилует шелком, сарачинским пшеном, всякого рода хлебом, имеет на реке Куре богатейшие рыбные ловли и многочисленное скотоводство. Муганская, на правом берегу Куры лежащая степь оному способствует. Есть конские заводы, но с карабахскими не могут сравниться, откуда выходят весьма статные, доброезжие и к трудам сносные лошади, славящиеся во всей здешней стороне.

В Шекинском ханстве нашел я владетеля генерал-майора Измаил-хана, человека весьма молодого, наклонностей развратных, в управлении подвластными неправосудного, в наказаниях не только не умеренного, но жестокого, кровожадного. При первом появлении моем в Грузии поступило ко мне множество на него жалоб.

Предместник мой генерал Ртищев был к нему чрезвычайно снисходительным; никакая на него просьба не получала удовлетворения; жалующиеся обращались к нему и от того подвергались жесточайшим наказаниям или избегали оных разорительною платою. Окружающие генерала Ртищева, пользующиеся его доверенностию, и, если верить молве, то самые даже ближние его, получали от хана дорогие подарки и деньги.

С негодованием должен я упомянуть об одном постыдном начальства поступке. Жители шекинские, в числе более двухсот человек, пришли в Тифлис, не в состоянии будучи сносить злодейской жестокости и утеснений хана. Жалобы их, слезы и отчаяние не тронули начальство, их назвали бунтующими против власти, многих наказали телесно, более двадцати человек как заговорщиков сослали в Сибирь.

В бытность главнокомандующим в Грузии фельдмаршала графа Гудовича¹⁴ Шекинское ханство после измены Селим-хана, изгнанного нашими войсками, состояло под российским управлением, и народ чрезвычайно доволен был избавиться от ханов.

Весьма ощутительны были выгоды от присоединения сего ханства; кроме доходов, довольно значительных, единство власти должно было быть полезною целию; но граф Гудович, по необузданному самолюбию, упорный в своем мнении, по неприступной гордости, не допускающий мнения других, представил правительству о предоставлении ханства Джафар-Кули-хану, владевшему в Персии ханством Хойским. Ловкий сей человек снискал доверенность графа, полезен будучи ему при неудачной осаде Эриванской крепости, где поблизости находилось принадлежавшее некогда ему владение; и он, имея людей, ему приверженных, мог доставлять нужные сведения и иногда открывать намерения неприятеля. Он находился также при князе Цицианове в блокаде Эривани, и с ним было собственной его конницы до семисот человек. Джафар-Кули-хан принадлежал к одной из знатнейших и сильных фамилий в Персии, имел обширные связи и многочисленную партию, которые давали ему надежды на персидский престол. Права похитителей одинаковы, преимущественно определяет сила и счастье. Сим обязан престолом ныне царствующий шах, и Джафар-Кули-хан, проиграв против него сражение, спасся к нам бегством.

Недолгое время управлявши ханством, Джафар-

Кули-хан умер, и по нем наследовал теперешний хан, сын его.

При первом свидании с Измаил-ханом в присутствии многих из народа, сделав замечание на счет злоупотребления им власти, поручил я ему быть снисходительным к народу. Приставу, при нем находившемуся, поручил собрать всех несчастных, которых подверг он жестоким истязаниям, и приказал поместить в его дворце, пока не удовлетворит, по крайней мере, семейств их обеспечением их благосостояния.

Шекинское ханство, при меньшем населении, нежели в ханстве Ширванском, дает не менее дохода, особенно если исключить откупные статьи, значительную часть дохода в Ширване составляющие.

Дани в казну вносит в год семь тысяч червонцев.

Произведения земли те же самые, как и в Карабахе и Ширване, при равном плодородии оной.

В одном сем ханстве было некогда благоустроенное управление, определены доходы и повинности, уравнительно разделены труды жителей в пользу хана. Во время Мамед-Гасан-хана, которому персияне выкололи глаза, выгнали из владений, и он, в крайней бедности, скитаясь в Турции, прибег под покровительство императора и живет в Астрахани, получая достаточное содержание. Отец нынешнего владельца несколько удерживал сей порядок, но при сем последнем ниже признаков оного не осталось.

Талышинское ханство, разоренное персиянами, имеет малое народонаселение, доходы весьма скудные, которыми пользуется хан, не платя в казну никакой дани. Приверженность к России владельца, отца теперешнего хана, вызвала мщение персиян, подвергла землю его истреблению, и полуденная часть ханства, при последнем трактате нашем с Персией¹⁵, признана принадлежностью оной.

Куринское ханство получило бытие в недавнем времени. Им управляет полковник Аслан-хан, человек, правительству приверженный.

Население малое, жители обременены налогами, дань 30 тыс. четвертей пшеницы, платимая казне, чрезвычайно их разоряет.

Казыкумыцкое ханство во владении Сулхай-хана, человека самого коварного, готового на всякие злодеяния. По древности своего происхождения он весьма уважаем; между горскими народами имеет сильные свя-

зи, ко вреду нашему им употребляемые. Участвуя во всех предприятиях дагестанцев против нас и будучи наконец наказан отделением части владения его, из коей составлено Куринское ханство, данное родственнику его врагу его непримиримому, отмщеваящему жестокую обиду, бежал в Турцию. В командование генерала Ртищева возвратился, изгнал в отсутствие его управлявшего владетеля и, пользуясь твердыми и почти непроходимыми местами гористой страны, остался без наказания.

Но если генерала Ртищева отвлекали важнейшие занятия, мог он, по крайней мере, не входить в сношение с явным изменником и злодеем, в сношение, которое не иначе должен он разуместь, как прощение его преступлений. Ханство Казыкумыцкое, по словам людей, хорошо его знающих, имеет жителей до 15 тыс. семейств. Хан никакой дани не платит.

Аварское ханство во владении генерал-майора султана Агмед-хана, лежит в середине гор Кавказских, отовсюду почти неприступных, и никогда русские в нем не бывали. Жители оного бедны, ведут жизнь самую суровую, наклонностей воинственных.

Последний пред сим владетель Умай-хан был знаменит в здешних странах военными своими подвигами. Не раз удачные делал на Грузию нападения, разорил серебряные и медные ее заводы. Пользуясь дружбою ахалцыхского паши, чрез земли его вступал в Имеретию. Прошел однажды Эриванскую область беспрепятственно, но близ города Нихичевана был разбит персиянами. Долгое время благоприятствовавшее ему счастье привязало к нему многие горские народы, алчные добычи, и он являлся, сопровождаем будучи большими силами. Он приучил их к грабежам, и Грузия, можно сказать, почти беззащитная, внутренними раздорами истребляемая, удовлетворяла их алчности. Долго еще после смерти Умай-хана врывались они в Грузию многочисленными партиями, но не было уже счастливого предводителя, и Грузия покоилась под защиту российских войск, от которых незадолго до смерти испытал он поражение.

Теперешний хан, не знаю почему, получает жалованья по 5 тыс. рублей серебром, уверяя, что он нам приносит пользу влиянием своим на горские народы Дагестана, которых будто воздерживает от нападений на Грузию. Сему верили многие из моих предместников, и я показываю ему вид до времени. Хан сей дани

никакой не платит, никаких обязанностей на себя не принимал. В Тифлисе содержится от него аманат¹⁶ на казенном иждивении.

Уцмей¹⁷, Каракайдацкий владетель провинции, соседственной Дербенту, признает зависимость от России, но всегда в связи с народами, нам не благоприятствующими; и подозревая, что начальству известно изменническое его поведение, имеет к оному совершенную недоверчивость, и еще не было никого из русских, с коим бы виделся он, не сделав предварительно условий, и без сопровождения многолюдной толпы. Во владениях его нередко бывают беспокойства, и он не всегда достаточно имеет власти смирять их, паче между жителями, гористую часть земли занимающими.

Уцмей дани в казну не платит, никаких обязанностей не имеет, ниже за безопасность проезжающих через его владения не отвечает. Русские иначе, как с благонадежным конвоем, проезжать не могут.

Сему владетелю, равно как и хану Казыкумыкскому, предместники мои предлагали чин генерал-майора с 2 тыс. рублей серебром жалованья, но они отвергли с негодованием, что не хотели сравнить их с шамхалом Тарковским¹⁸, который имеет чин генерал-лейтенанта и 6 тыс. рублей ежегодно.

Не могли подобные предложения наград людям, явно нам не доброжелательствующим, не поселить в них мысли, что их ласкают из боязни, и оттого возростала дерзость их.

Обширные занятия начальников здешнего края, малые вообще средства не допускали их употребить нужной строгости, а нередко власть наша или мало признаваема была, или не с надлежащим уважением.

Народы небольшой земли, называемой Табассарань, непостоянно повиновались нам и по чрезвычайной бедности своей никакой пользы правительству не приносили.

В Кубинской провинции, с присоединением к оной городов Дербента и Баку, введено было наше управление. Суд отправлялся по закону и обычаям земли. Комендант, собирая доходы, обращал их в учрежденное казначейство, и оные простирались до ...* рублей серебром. В ведении его состояла внутренняя полиция и вся-

* Отточие в оригинале (сост.).

кого рода казенное имущество, оставшееся от бывших прежде ханов.

Жители сей провинции более всех прочих мусульманских присоединенных к России областей любят наше правительство, во многих случаях оказали опыты верности и давно бы уже наслаждались совершенным спокойствием, но возмущает оное живущий неподалеку у горских народов бежавший владетель их Шах-Алихан, который, будучи вспомоществуем сильным Дагестаном, нередко с многочисленными толпами впадал в провинцию, и легковверные думали, что он может овладеть оною. Шах-Алихан старался сколько можно придать ему правдоподобия, разглашая о делаемых ему Персиею пособиях деньгами, которые подлинно пересылаемы к нему были чрез ширванского Мустафу-хана, казыкумыцкого Сурхай-хана и торгующих города Дербента, где наиболее имел он людей, ему преданных.

Персия и по заключении с нами мира не переставала пересылать деньги всем вредным для нас людям, в числе коих почитала беглого грузинского царевича Александра¹⁹, сына царя Ираклия²⁰. Сей во всех возмущениях Грузии являлся в Кахетии, сопровождаемый большим числом лезгин, и склонное к измене грузинское дворянство, обращаясь к нему, увлекало с собой добрый и простодушный черный народ. Лезгины, грабежом ненасытимые, обогащались добычею, в глазах подлого беглеца царевича толпами отгоняемые были пленные грузины и продаваемы в рабство отдаленнейшим народам. Царевич содействующему ему дворянству раздавал грамоты на имения тех, которые, оставаясь верными правительству, ему противились. Повсюду, встречаясь с войсками нашими, лезгины обращались в бегство. Царевич, знаменитый трусостью, никогда ни малейшей не подвергался опасности, но сие не препятствовало ему иметь приверженных людей, и при всяком новом появлении его готовы были многие из дворян к славным подвигам, желали, чтобы возвратил он престола праотцев своих его.

Предместники старались согласить его выйти из гор, обещая милость государеву. Случаями сими пользовался он, чтобы убедить персидское правительство, сколько он нам опасен, и что по влиянию его на горские Дагестана народы может отвлекать большую часть войск наших. Один из приверженцев его, татарин низкого происхождения, содержавший на откуп тифлис-

ские бани, находится поверенным в делах в Персии. Министр сей нередко приглашаем на совещание к наследнику персидского престола Аббас-Мирзе²¹. Об одном из здешних начальников генерал-лейтенанте маркизе Паулуччи²² можно сказать, что он никаких царевичу Александру не делал предложений.

В последнее время, незадолго до моего приезда сюда, один из здешних дворян, под видом собственных дел отправясь в Петербург, передал министерству нашему от царевича с жалобой, что ему препятствуют прибегнуть под покровительство императора.

Обрадовались сему случаю, не спрося генерала Ртищева, можно ли верить человеку, которого легко узнать было все гнусные свойства, поручили командовавшему на Кавказской линии генерал-майору Дельпоццо²³ войти с ним в сношение, уполномочили сделать некоторые издержки в подарки ему, и он скоро уверился, что царевич выедет в Кизляр, где уже приуготавлил он ему пышную встречу. Дворянину, привезшему письмо в Петербург, дан прямо чин поручика, хотя бы не бесполезно было прежде взять сведение, кто сей беглеца поверенный? Он дворянин армянского происхождения, избалованный не один раз в воровстве вещей и денег из карманов, по имени Иван Карганов.

Чрез сего достойного человека управляющий Министерством иностранных дел статс-секретарь граф Нессельроде²⁴ прислал царевичу письмо с самыми лестными от имени государя обещаниями.

Между тем царевич, продолжая с генерал-майором Дельпоццо независимо от генерала Ртищева переписку, явно обманывал его, вымышляя неловко глупые отговорки, что он выехать из гор скоро не может, и нередко прося денег.

Вскоре по приезде моем усмотрел я наглые царевича обманы и приказал прекратить с ним всякое сношение. Иссякли вдруг новые источники его доходов, и он во гневе своем прислал мне письмо, что будто узнал он о происках моих лишить его жизни. Я отвечал, что человек знаменитый, как он, развратною жизнью, глупостию и трусостию, в самых молодых летах своих лишенный за бегство к неприятелю благословения отца, опасным быть не может, и что я гроша не дам ни за жизнь ни за смерть подобного подлеца.

Письмо сие было одно, которым он, конечно, не похвастал правительству персидскому.

Упомянув о всех землях и народах, лежащих на полуденной стороне Кавказа и повинующихся власти нашей, остается только сказать о владении Елисеуйского султана полковника Агмат-бека. Часть подвластных его состоит из лезгин, пришедших с гор, часть из бывших в давнем времени жителей Кахетии.

Султан платит в казну дань совокупно с вольным обществом, именуемым Чарским, соседственным Кахетии. Подвластных султану считается до двух с половиной тысяч семейств.

Чарское общество признает зависимость от России; на подданство дана присяга и неоднократно нарушена. Управляется избираемыми старшинами и худо повинуются оным. В обществе сем два состояния людей. Пришедшие с гор лезгины господствуют; давние жители земли, составляющие часть черного народа, находятся в их услужении, повинуюсь им беспредельно. Они некогда принадлежали Кахетии, исповедовали христианскую веру, ныне из боязни властелинов своих оставили оную, но желают к ней возвратиться. Число сих последних не менее 4 тыс. семейств. Дани платит общество Чарское вместе с Елисеуйским султаном 13 500 руб. серебром или шелком равную сумму. Император, пекущийся о средствах образования грузинского дворянства, обратил деньги сии на учреждение благородного училища, где во времена князя Цицианова начинали оказываться хорошие в обучении юношества успехи. Теперь же училище в совершенном упадке.

Связи с горскими жителями сего общества и Белаканского, состоящего из девяти сот семейств, были всегда причиною немалых для Кахетии бедствий. Места твердые, в которых расположены богатейшие селения лезгин чарских, защищали их от мщения грузин, и был случай, что войска наши потерпели здесь урон и без всякого успеха. Кроме последнего Кахетинского бунта в 1812 году²⁵, во всех прежних содействовали они лезгинам с царевичем Александром, приходившим из гор. Впрочем благоприятствовали ему, давали у себя убежище и его приближенным и помощь в содержании.

Теперь скажу о народах, против Кавказской линии обитающих.

От вершин Кубани по левому берегу живут подвластные Оттоманской Порте народы под общим названием закубанцев, известные, воинственные, редко спокойные.

Против центра линии лежит Кабарда, некогда многолюдная, коей жители, почитаемые храбрейшими между горцами, нередко по многолюдству своему отчаянно противостояли русским в кровопролитных сражениях.

С давнего времени были кабардинцы подданными нашими²⁶, имели от царей российских грамоты. Среди них имел пребывание чиновник в качестве пристава, учреждены были суды, в коих заседали лучших фамилий князья их. Многие из них служили в наших армиях. Но давно уже нарушение присяги сделалось действием обыкновенным, давно войска наши наказуют измены, и оные возрождаются беспрерывно.

Кабардинцы менее гораздо ста лет назад были идолопоклонниками. Правительство допустило мусульманскую веру водвориться, явились озлобленные против христиан священнослужители; Порта²⁷ с намерением таковых подсылала, тайно расточаемы были подарки, обещания, и проповедуемая вера, лъстя разврату, снисходя порокам, жителей спокойных, сделавших к нам привычку, долго не могла поколебать в их приязненном к нам отношении. Но слишком равнодушное ко всем сим переменам начальство тогда предприняло противиться оным, когда меры насилия были необходимы и убеждению не давал места фанатизм. Люди, прежде нам желавшие добра, охладели, неблагонамеренные сделались совершенными злодеями. Веру и учреждения свои решились все защищать единодушно.

Корыстолюбивые священнослужители приняли на себя разбирательство дел; все подпало власти их, уничтожены прежние суды; князья и лучшие фамилии, потеряв всякое влияние, лишились уважения в народе, и мы не могли иметь никакой партии в пользу нашу. Молодые люди знатнейшего происхождения вдалились в грабежи и разбои, и между ими отличался тот, кто более мог наносить вреда русским, нападая на безоружных поселян Кавказской линии и отгоняя табуны.

Моровая язва была союзницею нашею против кабардинцев; ибо, уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и производя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах, но делали набеги малыми партиями; иначе и войска наши, на большом пространстве частями слабыми рассеянные, могли бы подвергаться опасности. Весьма многие предприняты в Кабар-

ду экспедиции, иногда заставляли их возвращать или платить за сделанные похищения.

В 1810 году в последний раз наказывал их генерал Булгаков²⁸, начальствовавший на Кавказской линии, но никогда не претерпевали они чувствительной потери, ибо нельзя было скрыть от них приуготовлений к походу, и они имели время удалять в неприступные места гор и семейства свои и драгоценнейшее имущество, и успехи войск наших ограничивались отгоном лошадей и скота.

Вступивший в командование линиею генерал Ртищев, желая показать правительству, что ему покорствуют кабардинцы, согласил их на отправление в конце 1811 года депутации в С.-Петербург; розданные деньги и подарки (к чему они весьма лакомы), составили шайку, готовую отправиться. Мог бы генерал Ртищев заметить, что ни один из хорошей фамилии, или хотя бы из порядочных людей, не предложил себя, но надобно было похвастать у двора, и шайка, можно сказать, бродяг отправилась.

Правительством были они приняты благосклонно, некоторым даны были штаб-офицерские чины, всем вообще награды и богатые подарки. В начале 1812 года они возвратились, но все сие не сделало кабардинцев ни вернейшими подданными, ни спокойнейшими соседями. Набеги, убийство, разбои не менее были частыми.

В сем состоянии нашел я кабардинцев, прибывши в здешний край.

Некоторые из князей по доброй воле или по вызову к нам приезжали, показывая себя верными и в великую вмняя заслугу, что не участвовали с другими в разбоях, тогда однако же как ближайшие их родственники и подвластные, а некоторых даже сыновья, замешаны были во всяком случае. Пристав наш не имел уже пребывания в Кабарде, и хотя сносился с главнейшими, но ему не было оказываемо никакого послушания.

Несколько князей и узденей выехали ко мне навстречу. Я ласково принял их, советовал воздержать кабардинцев от злодейств и разбоев, которые могут навлечь им жестокое наказание. Я знал, что все обещают и ничего не исполняют, но не мог приступить к мерам смирения их, ибо неизвестно мне было, какие ожидают меня занятия.

Смежные с кабардинцами в местах ближайших к хребту Кавказа живут осетины. Некоторая часть оных в совершенной покорности у кабардинцев со времени могущества сих последних. Некоторые из осетин вышли на равнину и заводят селения в окрестностях Владикавказа.

Там же, в вершинах реки Сунжи, расположились выселившиеся из гор ингуши, народ воинственный, приведенный в покорность кроткими мерами, употребленными генерал-майором Дельпоццо.

На военной дороге от Моздока в Грузию, единственной, которую мы чрез горы Кавказа величайшими поддерживаем трудами, живут тагаурцы, нам хорошо повинующиеся.

Многие другие племена горцев мало еще покорствуют или из одного страха. От некоторых содержатся аманаты во Владикавказе.

Против левого крыла линии лежит Малая Кабарда, хотя остатки жителей от моровой язвы ограничиваются ныне числом не с большим трехсот семейств, и нет следов прежних больших селений.

Ниже по течению Терека живут чеченцы, самые злейшие из разбойников, нападающие на линию. Общество их весьма малоллюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимались дружелюбно злодеи всех прочих народов, оставляющие землю свою по каким-либо преступлениям. Здесь находили они сообщников, тотчас готовых или отмщевать за них, или участвовать в разбоях, а они служили им верными проводниками в землях, им самим не знакомых. Чечню можно справедливо назвать гнездом всех разбойников.

Управление оной разделено из рода в род между несколькими фамилиями, кои почитаются старшинами. Имеющие сильнейшие связи и люди богатые более уважаемы. В делах общественных, но более в случаях предприемлемого нападения или воровства, собираются вместе на совет; но как все они почитают себя равными, то несколько противных голосов уничтожают предприятия, хотя бы и могли они быть полезными обществу, паче же голоса сии поданы кем-нибудь из сильных людей.

Народонаселение в Чечне, с присоединившимся обществом качкалыков, считается более нежели 6000 семейств. Земли пространством не соответствуют количеству жителей, или поросшие лесами непроходимыми,

недостаточны для хлебопашества, отчего много народа никакими трудами не занимающегося и снискивающего средства существования едиными разбоями...

Далее чеченцев по правому берегу Терека живут андреевские, аксаевские и костековские народы, называемые вообще кумыками, издавна подданные наши...

Каждое из трех владений кумыцких управляемо было старшим по летам беем или князем и так они чередовались между собою. Следовательно, по большей части получалось, что управлял наименее способный. Народонаселение в сих владениях ничтожное, казне никаких доходов нет. Город Андрей весьма торговый и со временем может большие приносить выгоды.

...Далее за костековскими владениями, близ устья реки Койсу, лежат земли, Мехти-шамхалу Тарковскому генерал-лейтенанту принадлежащие. Владетель сей замечен правительству весьма приверженным, как были и отец его в царствование Екатерины II-й, чина тайного советника удостоенный.

Шамхалы были прежде весьма сильными в Дагестане, коего народы им повиновались, но теперешнего шамхала соседи живут во вражде с ним, возмущают подданных его, и сие причиною, что он более прежнего ищет покровительства начальства.

Город Тарки расположен на самой коммуникации нашей от Кизляра к Дербенту, и предместники мои желали, чтобы шамхал принял войска наши, которые хотели поместить у него в виде почетного караула, но он отказал в том.

Такова была недоверчивость самого благонамереннейшего из владетелей; все прочие, о коих упомянул я выше, еще с меньшим чистосердечием расположены были к нам. Тишина и некоторое устройство удерживалось одним страхом, повсюду пребывание войск было необходимо. Охранение обширных границ требовало оных в большом количестве, в особенности Кавказская линия подвержена была беспрестанным набегам...

С полуденной стороны Кавказа наиболее делали беспокойств дагестанские народы нападениями на Кубу и нередко в больших силах; воинственный дух сих народов поддерживали частые распри мусульманских владетелей, которые, попеременно привлекая [их] на свою сторону, давали случаи приобретать добычи. Некоторые давали им плату, и они пускались иногда в отдаленные предприятия.

Кахетия разоряема была многолюдными толпами сходящих с гор лезгин. В Карталинию впадали соседние с оной осетины и лезгины, которых содержал у себя ахалцыхский паша, не взирая на существующий мир между Россиею и Портою. В некоторых местах и на персидской границе нередко производились грабежи, и причиною оных недостатки средств самого правительства удерживать в повиновении народы, иногда же алчность употребленных на границе чиновников, входящих в раздел добычи с разбойниками.

Со стороны Черного моря беспокоили Гурию Ахалцыхского пашалыка никакою властью не обуздываемые народы, известные под именем ачарцев и кобулет.

На Абхазию нападали жители гор, почитаемые поданными Порты, худо повинующиеся Анапскому паше, который сверх того думает приобрести их к себе привязанность, попуская своевольства, паче же хищничества.

Приняв команду над Грузинским корпусом, при первом взгляде на пространство земель не мог я не чувствовать, сколько недостаточно число войск, корпус составляющих.

В октябре 1816 года нижних воинских чинов, могущих быть в действии: 19-й и 20-й пехотных дивизий 30336, резервной бригады и трех гренадерских полков 7024, в гарнизонных полках и баталионах 5920, в Нижегородском драгунском полку 711, в линейных казачьих полках 5302, Войска Донского в казачьих полках 5237, Астраханского казачьего войска в трех полках 1634. Артиллерии: батарейных 48, легких 60, конноказачьих 24 орудий.

При сем надлежит взять в рассуждение климат, несродный солдату нашему, размножающий между их чрезвычайные болезни и необыкновенную смертность, что уменьшало их ощутительным образом.

В обороне земли надлежало бороться с величайшими препятствиями. Гористое положение представляли пути непроходимые, реки быстрые, в некоторые времена года непроходимые. Кроме военной дороги чрез Кавказ из Моздока все прочие оставлены без внимания, и никогда никакой работы не предпринято для их исправления. Войска, вообще имея трудные между собою сообщения, не в состоянии были производить движений быстрых, соединяться скоро. По необходимости принятая кордонная система еще большим в сем отношении подвергает неудобствам, и некоторые части

войск должны делать большие обходы для вспомоществования угрожаемым пунктам.

Движение тягостей, следовательно, продовольствия никогда не определяется верным расчетом.

Сверх того в летние три месяца по причине чрезвычайных и несносных жаров, понуждающих самих природных жителей земли удалиться в горы, во всех по положению низменных местах переходы войск совершенно невозможны.

Здесь уместно было бы описать вид границ наших, но как предместниками моими никакого не сделано обозрения оных, я же сам по краткости моего здесь пребывания успел только бросить взгляд на те, кои нас от Персии отделяют, предпочтительно пред прочими потому, что готовился к путешествию в Персию, то для некоторого о них понятия прилагаю извлечение из рапорта моего государю от 9 генваря 1817 года.

В и д г р а н и ц.

Граница от запада начинается Шурагельскою провинциею, совершенно открытою и ровною; прилежащую к ней область Бамбацкую окружает довольно высокий хребет гор, и простираясь чрез провинции Казахскую, Шамшадильскую и Елисаветпольский округ, отделяет их от Персии, потом, охватив некоторую часть Карабахского ханства, оканчивается у реки Аракса.

Граница далее идет по течению Аракса и чрез Муганскую степь. Потом ханство Талышинское, протягиваясь по Каспийскому морю и входя углом внутрь персидских владений, составляет конечность границ наших к востоку.

Т в е р д о с т ь г р а н и ц.

Чрез горы, образующие границу нашу, проходит несколько удобных дорог и во множестве такие, где только артиллерия пройти не может, но войска свободно.

В ханство Карабахское отверст вход неприятелю по всему пространству реки течения Аракса. Выход опаснее, ибо река Аракс в тылу имеет места открытые, кои обнаруживают движение.

Степь Муганская зимою, представляющая наилучшие пастбища, принимает множество кочующих наро-

дов, в прочие времена года обитают змеи — единственная ее оборона.

Ханства Талышинского принадлежащая нам часть полуденную свою границу имеет совершенно отверстою. С запада лежит хребет высоких гор, которых не только вершины, но и самые отлогости их, к нам обращенные до самой подошвы, и все почти дороги, входящие в ханство, в руках персиян.

Образ защиты.

При первом взгляде представляется обширность границ наших с Персиею и до какой степени чрезмерное протяжение делает оную неудобною. Дороги, выходящие из Шурагельской и Бамбацкой провинций в Эриванскую область, должны быть защищены достаточным войском и хорошою крепостию. От Бамбацкой провинции и до Карабаха хорошо устроенная в Елисаветполе крепость и отряд быстрых войск достаточны для обороны и наблюдения за жителями, часто нарушающими верность.

В Карабахе крепость, вмещающая довольные запасы, может быть полезна для наступательных с сей стороны действий.

Степь Муганскую, чрез которую идет лучшая дорога в Талышинское ханство, оборонять должны пребывающие в Карабахе войска, действуя в тыл неприятеля, другой обороны никакой искусство не представляет.

Талышинское ханство теперешним числом войск защитить невозможно, умножив же их, ослабить надлежало бы другие части войск, и для обороны земли совершенно никаких средств не представляющей.

В случае оборонительной войны обширность границы требует значительного количества войск.

Единый удобный способ обороны есть война наступательная; пути для оной два: чрез Эриванскую область, имеющую крепости; чрез Карабах — землю гористую, но где лежит кратчайшая к Тавризу дорога. Но в случае совокупного персиян с турками действия война наступательная едва ли может иметь место.

Собственные земли, способы для обороны.

Провинции: Шурагельская до последней войны имела жителей до тысячи семейств, теперь менее двухсот

и бедных. Также разорена Бамбацкая и жители столько же в скудном состоянии. Казахская, Шамшадильская и Борчалинская населены татарами и весьма малым числом армян, хлебородны, скотоводство имеют изобильное, народ храбрый, воинственный, несколько раз нам изменивший, но его употребить можно с пользою.

В Елисаветпольском округе народ промышленный, к войне способность одинаковая, земля тучная.

Карабахское ханство опустошено нападениями персиян: уменьшилось население, изобиловавшее богатством. Почва земли чудесна плодородием. Народ воинственный и всегда с нашей стороны. Из сей земли со временем можно извлечь величайшие выгоды, не иначе, однако же, как введя наше управление.

Ханство Тальшинское имеет с небольшим две тысячи семейств, и по тесноте места население мало умножаться может. Хлеба производится мало, ибо богатейшая часть оного уступлена Персии.

Единственным способом улучшения порочных и к обороне неудобных границ наших я поставил на вид приобретение от Персии ханств, лежащих до левого берега реки Аракса, кои первую войною должны быть отданы в руки наши или до того не будет твердой и покойной границы со стороны Персии.

Проживая в Тифлисе, собирал я, какие только возможно было, о Персии сведения, и время выезда моего с посольством приближалось. Чиновники, оное составляющие, все уже собрались. От сардаря ²⁹ эриванского прислано было с вопросом, какие нужны были в пути приуготовления для удобнейшего следования посольства.

Между прочим получал я известия, отовсюду подтверждавшиеся, что в Персии большое приуготовление войск. Крепости исправляются починкою и строятся вновь. Не могли турки быть тому причиною, ибо Персия в наилучших была с ними отношениях, повсюду же совершенное было спокойствие, кроме Хорасанской области, подъявшей оружие для снискания независимости ³⁰, но для оной не могли собираться войска близ границ наших. В то же самое время прибыли турецкие войска и несколько пашей в Арзрум, закупаем был провиант в большом количестве, из Константинополя отправлен был в Анатолию парк полевой артиллерии.

Все, судя по наружности, имело вид, что персияне взаимно с турками скрывают кикие-либо намерения.

Слышно мне было, что персияне готовы требовать с настоятельностью все присоединенные нами мусульманские провинции и Карабах непременно. В рассуждении турок уведомлял меня посланник наш в Константинополе барон Строгонов, что он встречает в негоциациях (переговорах. — *Сост.*) своих многие затруднения и крайнее упорство со стороны оттоманского министерства, что он, проживши полгода, не имел еще у султана приемной аудиенции. Обстоятельства сии заставили меня сделать императору представление, что отсутствие мое в Персию может иметь неприятные следствия, если точно скрывает она намерения неприязненные, в случае отказа удовлетворить требованиям ее о возвращении провинций, что могут меня, под благовидною наружностью переговоров, удержать у себя и между тем приближаются к границам нашим их войска. Что в лице моем соединенные должности посла и главного в здешней стране начальника делают меня в глазах недоверчивого персидского правительства подозрительным; что таковым могут меня представить оному англичане, сильное влияние имеющие на политические дела Персии, которым не нравится сближение наше с сим государством.

Император, вняв благосклонно представлению моему, удостоверил доверенности избрать на место мое по собственному моему усмотрению генерала и отправить его в Персию. Присланы были бланкеты полномочия и другие нужные бумаги.

В продолжение переписки с Петербургом рассеялись подозрения мои насчет прибытия войск турецких в Анатолию сообщенными мне от барона Строгонова сведениями, что Порта, узнав о намерении Трапезондского паши сделаться независимым, войска сии против него посылает. Довольно большое число их для того вероятно назначено было, чтобы удержать в повиновении прочих пашей, чтобы они не последовали его примеру.

В Персию отправленный от меня коллежский советник Мазарович³¹, человек особенно ловкий и одаренный проницательностью, был хорошо принят шахом, успел познакомиться с главнейшими лицами двора и министерства и сообщил мне известие, что шах весьма желает иметь российское посольство и что к принятию оного делаются все приуготовления. Итак, решился я сам отправиться в Персию и 17-го числа апреля выехал из Тифлиса.

Войска в Грузии, Имеретии и прочих провинциях

на полуденной стороне Кавказа поручил я генерал-майору Кутузову, хотя не был он старшим в чине. Начальник Кавказской линии генерал-майор Дельпоццо должен был относиться к начальнику Главного штаба е. и. в. Губернаторы Кавказский и Астраханский доносили прямо в Сенат.

Делами гражданскими в Грузии управлял генерал-майор Сталь 2-й³², которого нашел я, приехав в Тифлис, в звании губернатора Грузии на правах военного.

Весьма чувствовал я, что подобное разделение власти могло быть поводом к беспорядкам, но я принужден был сие сделать, ибо не имел старшего, которому управление всего поручить мог, и по необходимости должен был в некоторых уважить долговременное служение и старшинство в чинах. Генерал-майору Кутузову дал большую степень доверенности по известным его мне способностям.

Начальнику корпусного штаба приказал во время отсутствия моего сделать обозрение Имеретии, Мингрелии и Абхазии, о коих имели мы весьма недостаточные понятия. Надлежало осмотреть важный пункт Редуткале, единственное место (по возвращении Турции крепости Потти), к которому приставать могли приходящие из России суда с провиантом для войск, в провинциях по Черному морю расположенных. Приказал изыскать дорогу для сообщения Грузии с Имеретиею, которое производилось годами чрезвычайно трудными и только вьюками в одно хорошее время, зимою же никогда.

Приказал заняться избранием мест для постоянного расположения штабов некоторых полков, кои доселе занимали места самые нездоровые и, не имея прочных заведений, не могли иметь порядочного хозяйства, по образу службы солдат в здешней стране требующего особенного внимания.

В Персию выехал я чрез военный пост наш, называемый Гумри, следуя близ самой турецкой границы. Паша Карсский прислал ко мне чиновника с письмом, в котором поздравлял меня с благополучным прибытием, извиняясь, что не мог выехать для свидания со мною.

Чрез Талынь, армянский Эчмиадзинский монастырь прибыл я в город Эривань, где пробыв весьма недолго, отправился в Тавриз. Тут равномерно оставшись непродолжительное время, прибыл в Султанию, куда шах в том

году расположил перейти на все лето, убегая несносных жаров, каковые бывают обыкновенно в Тегеране.

Вкратце скажу, что возложенные на меня поручения кончил я довольно удачно. Переговорам моим немало способствовало то, что я вежливым образом обхождения моего и умевши оказывать лестные уважения шаху, весьма ему понравился. Он щедр был в похвалах на мой счет, и никто из вельмож не смел ничего сказать противного. Не столько нравился я Аббас-Мирзе, нареченному наследником Персии, потому что уклонился от признания его в качестве наследника, ибо не видал в том никакой для нас пользы, хотя то инструкциею и предоставлено мне было.

Со времени посещения моего Персии уничтожен в отношении к русским тот гордый этикет, которому подвергались они наравне со всеми прочими европейцами, и для коих он доселе существует.

Настояния о возвращении приобретенных нами от Персии провинций были весьма усилены, тем более, что министерство персидское хотело показать народу сей знак уважения к шаху императора как признание его могущества.

От подвластных нам ханов под видом торговли посланы были люди для разведывания, как я буду принят и не успеют ли персияне возвратить мусульманские наши земли. В простом народе неблагонамеренными людьми рассеяны были слухи, что я согласился отдать обратно ханство, и сие производило некоторые беспокойства, могущие иметь неприятные следствия. В отвращение оных должен я был во время пребывания моего в Султании оставить прокламацию к жителям наших ханств, в которой обещал не уступать и одного шага земли из приобретенной нами. Действие прокламации сей было полезно и тем много убеждало, что я писал оную из того места, где производились переговоры. Народ увидел твердость, с какою охраняет правительство своих подданных.

Чрез шесть месяцев я возвратился из Персии обратно.

В продолжение столько короткого времени нельзя собрать о государстве обширном достаточно сведений, мне же возможные предстояли препятствия приобрести оные; но что узнал я чрез собственных чиновников, сделавших знакомства, и от людей, которых нашли мы нам благоприятствующими, скажу вкратце.

Персия есть вообще страна не довольно населенная.

Северные области оной, к границам нашим и Каспийскому морю обращенные, заключают и большее народонаселение и большее земли богатство; из них Адерюжанская изобилует всякого рода хлебом и имеет наилучшее скотоводство.

Гилянская знаменита выделяваемым в ней шелком в большом весьма количестве.

Производит много хлопчатой бумаги и сарачинского пшена. Жители оной имеют с Астраханью торговые сношения и обращают в оных значительные капиталы.

В соразмерность пространства земли обработанной мало. Во многих местах по свойству своему, а паче по недостатку вод, она ничего не производит, и наипаче возвратиться к плодородию может разве при размножении народа трудолюбивого и усилиях постоянных. Довольно значительная часть народа, прочных жительств не имеющая, надолго отдалит приведение государства в лучшее устройство; нет более праздной жизни народа кочующего, никакое состояние не питает столько чувства независимости.

В Персии образа правления определенного нет. В руках шаха власть беспредельная, более или менее отягощающая подданных, смотря по свойствам царствующего. В Турции есть обычай, коим долговременная их бытность дала некую святость закона. Улема³³ имеет сильное влияние на власть и может делать представления, которые почасту не остаются без успеха.

В Персии не равным пользуются уважением священнослужители, и нет ни малейших препятствий действию власти. Нынешнего шаха господствующая страсть собирать сокровища, и народ обременяется чрезмерными налогами. Грабительство приведено в систему и обращено в необходимость для каждого из управляющих; ибо без денег и подарков ни милости шаха, ни покровительства вельмож, ниже уважения между равными снискать невозможно.

Деньги доставляют почести и преимущества, коих персияне ненасытимы. Деньги разрешают преступления, с которыми персияне неразлучны. Вера самая не только не налагает обуздания на страсти, но часто искусным толкованием получает направление, лстящее порокам.

Несмотря на сие, власть, менее порочно употребленная, может извлечь большие средства из народа покор-

ливого, терпеливого, воздержного и спокойно приемлющего новые установления.

Если будет шах, который по необузданности самовластия одно то уделит в пользу человечества, что оградит жизнь подданных законами, сделает великие начала. Если который из шахов обеспечит собственность от притязания, успеет во всяком предприятии и будет боготворим. Но едва ли возможно ожидать сего, ибо оба сии условия в понятии восточных народов составляют главные преимущества деспотизма и принадлежность властителей, и весьма вероятно, что как сии не захотят лишиться свободы самовластия, так и народы не осмелятся познать необходимости обуздания.

Теперь Персия разделена на разные части, вверенные управлению сыновей шаха, и второй сын, Аббас-Мирза, объявленный наследником, вспомоществуемый англичанами, вводит успешно значительные преобразования.

Регулярные войска устроятся на хорошем основании. Артиллерия в отличном порядке и умножается очевидно. Есть литейный хороший завод и оружейная фабрика. Учреждаются крепости по образцу европейских. Извлекаются руды, и уже медь, свинец и железо в большом количестве. Предназначается устройство суконных фабрик и заводы для очищения сахара, дабы избежать угнетающей монополии Ост-Индской компании³⁴.

Аббас-Мирза предоставляет иноземцам всякого рода выгоды, и нет сомнения, что найдутся способные люди для приведения многих частей в порядок. Под его распоряжениями теперь уже много войск и артиллерии и по обстоятельствам легко может быть увеличиваемо число оных, ибо собрание рекрут производится без затруднения, и самые даже кочующие народы начинают давать оных, почти не оказывая ропота. Сему может быть препятствием закоренелое невежество знатного дворянства, которое верить не хочет, чтобы нужны были заслуги и достоинства тому, кто имеет преимущества знатного происхождения. Они понять не могут постепенного возвышения в чины детей их, которым доселе без всяких заслуг предоставляема была власть, даваемые важные поручения и начальство над войсками.

В Персии почти каждый поселянин воин и с ребячества приобывает к оружию, а потому каждый поступает на службу хорошим стрелком. Труды переносят терпеливо, в пище чрезвычайно умерены, удобны к движениям не-

обычайно скорым, и в короткое время Персия может иметь пехоту, которая станет наряду с лучшими в Европе.

Англичане употребляют всевозможные усилия противопоставить могуществу нашему в сей стране все препятствия. Деньги, расточаемые ими в министерстве и всем приближенным шаха и его наследника, не допустят искреннего сближения Персии с Россиею. Никогда!!!

На возвратном пути из Персии получил я известие о кончине генерал-майора Кутузова, командовавшего после меня в Грузии. Горестно было лишиться приятеля испытанного и помощника по службе наилучшего.

По возвращении в Тифлис нашел я Грузию довольно спокойною. Только в Кахетию врывались партии лезгин, но ничего вредного не произвели. В Дагестане приметно было, что крылись намерения злые, и поведение Сурхай-хана Казыкумыцкого, тесные связи имеющего с Дагестаном, весьма были подозрительны. Более осторожный Мустафа-хан Ширванский, женившись на дочери Сурхай-хана, хитростию сего последнего хотя вовлечен был во все его намерения, но умел поступки свои прикрывать наружностью приверженности к правительству. Аварский хан Султан-Агмет частыми письмами уверял в преданности, но известно было мне, что действует совсем противно.

Со стороны Кавказской линии наиболее беспокойств и разбоев производили чеченцы. Кабардинцы несколько менее, но не переставали делать хищничества.

1817-й год примечателен был необыкновенным разливом вод, которые произвели величайшие опустошения в поселениях казаков на Кубани и Тереке, но император, вознаграждая понесенные ими потери, изволил пожаловать по представлению моему довольно значительные суммы денег.

В сем же году с горы Казбека обрушился снег, остановивший течение реки Терека почти на целые сутки. Ущелье, по коему он протекает, завалено было на большое расстояние и в высоту на пятьдесят сажень. Сообщение с Кавказскою линиею прервано было надолго. Подобные снежные обвалы бывают всякие семь или восемь лет, требуют величайших трудов для проложения чрез них дороги.

Имея намерение ввести войска в чеченскую землю и не имея их достаточно на Кавказской линии, испросил я прибавления одного егерского полка, и таковой назначен был из Крыма. Сверх того из Кубинской провинции

от полка Троицкого приказал я отправить один батальон в Кизляр, один батальон Кабардинского полка пошел в Моздок из Грузии.

В конце сего года собралось в Тифлис грузинское дворянство на выборы. По уничтожении многих должностей, которые во время царей или собственно при дворе их, или в судебных местах занимаемы были лучшими фамилиями, правительство в вознаграждение определяло довольно щедрые пансионы³⁵ и сверх того места советников предоставило княжеским фамилиям по выбору; другие менее важные должности назначены были равномерно по выбору для дворянства.

Здесь дворянство весьма многочисленное. Князей же по крайней мере столько же, как графов в Польше, и также ни те, ни другие прав своих на сии преимущества доказывать не желают. Предместники мои не могли успеть составить Депутатское собрание, встречая решительное со стороны дворянства упорство. Его устрашала дворянская грамота³⁶, которую российское дворянство приняло от государей своих как величайшее благодеяние. Таким образом приемлются здесь многие из благотворных правительства постановлений! Мне однако же удалось согласить дворянство на составление Депутатского собрания³⁷, хотя не без затруднения, и оно приступило к действию. Составлены правила в руководство с некоторыми облегчениями, кои утверждены по моему представлению. Я испросил дозволение мусульманам доказывать бекское свое происхождение, ибо некоторые из них в давние времена бывали даже независимыми владетелями, почему могут принадлежать им права дворянства. Действия Депутатского собрания, прежде представления их в Герольдию³⁸ и далее в Сенат, поступают на рассмотрение главноуправляющего. Я почел нужным сие средство, дабы отвратить злоупотребления, коих мог ожидать от влияния сильных фамилий, приобывших давать покровительство низшим состояниям.

Чтобы дать понятие, какие правительству предстоят препятствия в малейших его постановлениях по закоренелому невежеству и привычке к беспорядкам, достаточно сказать, что все вообще противились учреждению в городе Квартирной комиссии для уравнительного разделения постоя, тем более здесь отяготительного, что кроме военных людей и самим гражданским чиновникам отводятся квартиры. Три дня о сем рассуждаемо было

без успеха, и даже были мнения, дерзко порочившие сие правительства распоряжение, и я не иначе мог кончить то, как объявив, что все собравшиеся для рассуждения будут заперты до того, пока выберут членов в состав Комиссии. И Комиссия учредилась! Здесь вообще все состояния, исключая черного народа, довольно добродушного и готового научиться кроткому повиновению, приобькли придавать распоряжениям начальства превратное истолкование, и если когда не смеют совершенно отказаться от исполнения, то испытывают склонность к каким-нибудь переменам, дабы впоследствии рассказывать легковерным, что принудили к тому сопротивлением. Тщеславие сего рода в особенности принадлежит здесь знатнейшим княжеским фамилиям, к мнению которых все прочие имеют рабственное уважение. Многообразные обстоятельства понуждали предметников моих ласкать высокомерие сих людей, ибо слишком сильным почитаемо было влияние их в народе. Они же при возникавших часто в здешней стране мятежах употребляемы будучи к прекращению оных (в каких случаях весьма малые из них бывали сколько-нибудь надобными), почитали себя необходимыми, и щедро расточаемые им награды принимали как надлежащее им уважение, никогда как милость.

Не погрешая можно сказать о князьях грузинских, что при ограниченных большей части их способностях, нет людей большего о себе внимания, более жадных к наградам без всяких заслуг, более неблагодарных.

Здесь при царях сильнейшие фамилии пользовались большими преимуществами, и, в них имея всегда нужду, цари попускали власть беспредельную в отношении к принадлежащим им крестьянам. Доходы царства были весьма скудны, неопределительны, не было средств содержать постоянных войск, с соседями были вражды беспрестанные, и войска по надобности собирались с земли. При сих случаях богачейшим из князей, которые могли поставлять большее число воинов, оказываемо было предпочтение, прощались вины и самые преступления снискивали снисхождение. Они приобькли к своевольству, и оное нередко переходило в самое непослушание против царей и даже измены. В Грузии почти нет княжеской фамилии, особенно знатной, из которой бы не было несколько изменников в бегах в Персии или Турции. Цари, боясь наказаниями ожесточить фамилии, почасту же и средств наказания не имея, искали их

возвращения, не только обещали забвение вины, но и самые милости.

Людам с таковыми свойствами нелегко приобькнуть можно к правительству, не терпящему своевольства, полагавшему обуздание на власть прихотливую, не имеющему необходимой нужды потворствовать разврату виновным послаблением. По сей причине весьма мало есть грузинских князей, нам приверженных.

Я же в особенности обращаю их на себя негодование, ибо в поведении моем с ними примечают они разницу с моими предместниками. Уважение мое дается более приобретающим его заслугами и благонамеренным к правительству расположением, нежели происхождению от знатной фамилии. Отделяю я всякое преимущество князей над дворянами, которое доселе разумели они присвоенным к ним титулом. Между самих князей не поставляю никакого различия, которое прежде, в обиду многих, принадлежало единственно богатству или многочисленности фамилии. Чины, награды и пансионы даются редко, ибо даются достойным, повиновения требую безусловного.

В татарских дистанциях Барчалинской, Казахской и Шамшадильской, агалары³⁹ (род дворян) издавна присвоили себе такую степень власти над черным народом, что сей последний, свободный по состоянию и зависящий от них потому только, что поручен им в управление, обязан будучи некоторыми в пользу их повинностями, сделался совершенно рабами. Не было повинности определенной, не было собственности, которую бы агалар не мог присвоить по произволу. Подать в казну ими была распределяема. Увольняли от оной, кого желали, на других возлагали по прихоти. Богатые из поселян избегали ее, тягость падала на одних бедных. Наложением штрафа собирали они большие деньги и никому отчета в них не давали. В дистанциях хотя и были от правительства чиновники, называемые главными приставами, но не имели они достаточной власти смирять своевольство агалар, временем утвержденные обычаи сохранились в полной силе. Цари грузинские, неоднократно испытывавшие измену сих народов, думали удерживать их, агаларам поблажая, а сии привыкли пользоваться большими преимуществами, всегда устрашая царей, что при малейшем неудовольствии народ свободный, кочевую жизнь ведущий, оседлостью к земле не привязанный, перейдет к персиянам. Начальство доселе те же самые употребля-

ло средства, ту же самую имело боязнь, чтобы жители не бежали за границу, и продолжавшаяся с Персиею война⁴⁰ и внутренние беспокойства понуждали его к снисхождению, которое умножало власть агаларов.

Не мог я допустить сего рода управления дистанциями. Время мирное предоставляло мне возможность приступить к некоторым в оном переменам, и я издал постановление, коим определены отношения народа к своим агаларам. Они введены в обязанности управляющих деревнями, но не принадлежат им оные в собственность и могут переходить от одного к другому, служа или вознаграждением за верность и усердие, или отъемлемы будучи за измену и недоброжелательство и даже жестокие или несправедливые поступки.

Каждому из агаларов по знатности рода, по уважению в народе, по заслугам правительству и, смотря по многочисленности семейств, назначена прислуга целыми семьями, которыми распоряжаются они по произволу, употребляя в работу по своим домашним нуждам.

Семьи сии назначаются на известный срок и по очереди, разве по добровольному согласию, иначе в услужении удерживаемы быть не могут. От подати и всяких других повинностей на то время изъемяются. Всех прочих жителей работы в пользу агаларов, как во образе своем, так и во времени, определены с точностию.

Постановление сие, ограничивая выгоды агаларов, им не нравилось, и они просили, чтобы сделал я в нем перемены. Они жаловались, что с тем потеряют уважение в простом народе. Меня уверяли грузинские князья, что они не могут сделать привычки к сему вещию порядку, и, неудовольствиями их пользуясь, персияне непременно уговорят к побегу. Грузинское дворянство желало беспокойств и возмущений, ожидая, что я, уstraшен будучи ими, оставлю весь порядок управления в прежнем состоянии и что сие распространится не менее и на самую Грузию. Я ожидал, что побегут за границу некоторые из агаларов, ибо таковые охотно принимаемы персиянами и теперь живут там; знал я, что по привычке покорствовать некоторые из простого народа за ними последуют, но я решился на то, ибо уверен был, что все татары, или даже в большом количестве, на побег не согласятся, потому что далеко в Персию не пойдут, а в соседственных землях не найдут равных выгод. Я имел и то в виду, что побегии таковые могут случаться только в самом

начале, но когда простой народ увидит свои выгоды, освобождаясь от прежнего управления агаларов, улучшит состояние свое употреблением трудов в собственную пользу, влияние на него агаларов уничтожится. Я отверг все просьбы и жалобы агаларов и приказал главным приставам наблюдать за точным исполнением постановления.

Главнейшие неудовольствия обнаруживали двое важнейшие агалары Казахской и Шамшадильской дистанции, сильные обширными связями родства и привычки к господствованию. За сими учрежден бдительный присмотр и за сношениями из-за границую.

1818-го года, в самом начале апреля месяца, выехал я на Кавказскую линию. Дорога чрез горы от глубоких тающих снегов была ужаснейшая, и я немалое расстояние проходил пешком. Из Георгиевска отправился я для приобретения правого фланга линии. Темнолесную крепость нашел я по обстоятельствам совершенно ненужною. Не знаю, какую она и прежде могла приносить пользу, будучи расположена в таком месте, где ничего не защищала, куда не мог прийти неприятель по местоположению почти неприступному. Не могла даже вмещать такого числа войск, с которым бы удобно было пуститься на самое легчайшее предприятие. Нельзя было расположить в ней никаких запасов, ибо нет к ней дорог, кроме весьма трудных. Усть-Лабинскую крепость, по многим о ней рассказам, ожидал я найти чрезвычайною; она точно столь обширна, что по количеству на линии войск ее занять надлежащим образом нечем. В крепости нет ни одного строения каменного: казармы, провиантские магазины, самый арсенал деревянные. Один весьма небольшой колодезь, довольствоваться же водою из Кубани неприятель легко воспрепятствовать может; словом, подобные крепости не могут быть терпимы против неприятеля, каковы вообще здешние.

Кавказская крепость в меньшем гораздо размере и лучше Усть-Лабинской, но крутой берег, на котором она лежит, обрушился от множества заключающихся в оном источников, и уже часть большая крепости в развалинах. Я отменил исправление оной.

Прочный Окоп есть небольшое укрепление, лежащее против малосильных закубанских народов и в худом весьма состоянии.

Укрепление Св. Николая устроено предместником моим генералом Ртищевым, и трудно узнать, чего он желал более, места нездорового или бесполезного.

Во время разлития Кубань наполняла водою все укрепление и чрез окна входила в жилища солдат. Болезни и смертность превосходили вероятие. Я приказал уничтожить убийственное сие укрепление.

Вообще можно сказать о правом фланге Кавказской линии, что по причине протяжения его и мест повсюду открытых нет никаких средств сделать его более твердым и оградить от нападений закубанцев, имеющих удобные чрез Кубань переправы во множестве. Должно приписать одному несогласию живущих за Кубанью народов, что они далеко внутрь линии нашей не делают набегов, на что, по многолюдству их, легко бы могли решиться. Умножившееся в Кавказской губернии население заставило распространить жилища почти до самой Кубани, и потому наиболее подвержены они опасности. Неприятель имеет весьма сильную конницу; стоящие на кордоне казаки наши, если бы и не были рассыпаны на большом пространстве, не могли бы противостать оной по несоразмерности сил, пехота же не имеет достаточной подвижности, чтобы воспрепятствовать набегам.

Я нашел на линии данное всем войскам запрещение не преследовать за границу хищников. Причиною сего боязнь моровой язвы, которая весьма часто появляется между закубанцами, сообщаемая им чрез Анапу из Константинополя. По связям закубанских народов с кабардинцами и сих последних с чеченцами, против их вообще одинаковая предпринимается осторожность. Они знают о сем запрещении и тем с большею наглостию производят разбой, и бывали даже примеры, что возвращаясь с набега на земли наши, лишь только вступят на свою сторону, отзываются с насмешкою к преследовавшим их войскам или на кордоне стоящим пикетам и показывают безбоязненно похищенную ими добычу.

С радостью приняли войска приказание преследовать разбойников, и конечно не будет упущен ни один случай отмщения.

До сего не испытали мы еще большей опасности от заразы, и несколько раз появлявшаяся на линии была счастливо прекращена.

Я в 1816 году приехал в Грузию вместе с чумою и нимало не подозревал о том. Конвойная препровождавшая меня чрез горы команда взята была из заразившихся донских полков, следовавших на службу в Грузию. Вскоре потом обнаружилась она в полках, но уже я был в Тифлисе, и конвойная команда свободно со всеми

собралась, следовательно, весьма многие могли быть сомнительными, и меры осторожности делались невозможными.

Полки донские успел я не допустить за один марш до Тифлиса, их расположили на открытом поле, свежий воздух октября месяца чрезвычайно способствовал очищению, и вся потеря ограничилась десятью казаками. Одни сутки позднее, если бы я получил известие о заразе, полки прошли бы в Тифлис и отправились во все провинции. Нечаянный случай открыл заразу: в полках, при следовании чрез Кавказскую линию, было два человека умерших казаков. Число весьма обыкновенное, по которому нельзя ничего было подозревать чрезвычайного, но не знаю, почему вздумалось начальнику линии генерал-майору Дельпоццо приказать отрыть и освидетельствовать умерших, и медицинские чиновники нашли на них знаки моровой язвы. Тотчас же отправленный ко мне курьер успел предупредить прибытие полков, но сами они о существовании между ними заразы, ниже помышления, не имели.

Впрочем от заразы в здешней стране едва ли возможно предохраниться. Чиновникам и даже войскам можно внушить, сколько в таковых случаях спасительна предосторожность, но можно ли таковой ожидать от простолюдина, иначе от мусульман, верящих предопределению. Таковых у нас весьма много, и у всех живущих близко границы есть родственные связи в соседственных землях и беспрепятственные сношения, которых при всей бдительности прекратить совершенно невозможно. Тайным сообщениям способствует множество дорог, между коими есть некоторые, нам неизвестные. Словом, от чумы охраняет нас одно счастье!

При обозрении линии со вниманием рассматривал я окрестности города Ставрополя, ибо со временем намереваюсь я перенести туда губернский город и оставить Георгиевск как место самое губительное для всех живущих в нем. Я приказал остановить все крепостные работы, жалея о тех, которые произведены с большими весьма издержками, и там, где давно уже видеть можно было, что они совсем ненадобны. Не мешало бы и моим предместникам сие заметить!

Из Георгиевска проехал я Гребенского войска в Червленную станицу, неподалеку от коей приуготовлена была на Тереке переправа для войск, назначенных в чеченскую землю.

Я приказал некоторой части перейти на правый берег ожидать, пока соберутся прочие войска.

24-го мая переправился весь отряд, состоящий из 2-х баталионов 8-го и 2-х баталионов 16-го егерских полков, 1 баталиона Троицкого, 1 баталиона Кабардинского пехотных полков, 6 орудий батарейной, 6 легкой и 4 конной артиллерии, донских и линейных казаков 500 человек.

Оставивши одну роту и 2 орудия для охранения переправы, весь отряд в один марш перешел от Терека на реку Сунжу.

Все владельцы селений чеченских, расположенных по берегу Терека, именующихся мирными⁴¹, находились при войсках.

Селения сии не менее прочих наполнены были разбойниками, которые участвовали прежде во всех набегах чеченцев на линию. В них собирались хищники и укрывались до того, пока мирные чеченцы, всегда беспрепятственно приезжавшие на линию, высмотрев какую-нибудь оплошность со стороны войск наших, или поселян, могли провождать их к верным успехам.

Чеченцы, издали высматривая движение наше, не сделали ни одного выстрела до прибытия нашего к Сунже. Весьма немногие из самых злейших разбойников бежали из селений, по левому берегу лежащих; все прочие бывали в лагере, и я особенно ласкал их, дабы, оставаясь покойными в домах своих, могли привозить на продажу нужные для войск съестные припасы. В лагерь взяты были от их селений аманаты.

Старшины почти всех главнейших деревень чеченских были созваны ко мне, и я объяснил им, что прибытие войск наших не должно устрашать их, и если они прекратят свои хищничества; что я не пришел наказывать их за злодеяния прошедшего времени, но требую, чтобы впредь оных делается не было, и в удостоверение должны они возобновить давнюю присягу на покорность, возвратить содержащихся у них пленных. Если же ничего не исполнят из требований моих, сами будут виною бедствий, которых не избегнут, как явные неприятели. Старшины просили время на размышление и совещание с обществом, ничего не обещали, отзываясь, что ни к чему приступить не могут без согласия других. Приезжая нередко в лагерь, уверяли в стараниях своих склонить народ к жизни покойной, но между тем из многих неосновательных рассуждений их, сколько неудобно исполнение

требования о возврате пленных, можно было заметить, что они не имеют вовсе намерения отдать их. В совещаниях их находились всегда люди, нам приверженные, и от них обстоятельно знали мы, что известные из разбойников, не надеявшиеся на прощение за свои преступления, возмущали прочих, что многие из селений, по связям родства с ними, взяли их сторону и отказались ездить в собрание. Прочих же успели они уверить, что русские, как и прежде, пришли для наказания их, но потому не приступают к оному, что опасаются в летнее время вдаться в леса непроходимые. Что устройство крепости есть вымысел для устранения их, но что того не имеем мы намерения и даже ни малейших нет к тому приготовлений, что чеченцам нужно иметь твердость, и мы, побыввши некоторое время, возвратимся на линию.

Продолжавшиеся сряду три недели проливные дожди и холодная чрезвычайно погода препятствовали нам приступить не только к работам крепостным, но даже к приуготовлению нужных для того вещей и к начертанию укрепления. Сие наиболее утверждало чеченцев в мнении, что пребывание наше на земле их временное, и когда потом приступлено было к работам, они не переставали думать, что делаем только вид того и их оставим.

Впоследствии приказано было селениям, от коих были у нас аманаты, доставлять лес на стройку. Ближайшие не смели оказать непослушания, те же из селений, которые расположены были в отдалении или за известным урочищем, называемым Хан-Кале, где узкое дефиле, поросшее частым весьма лесом, делало дорогу непроходимую, отказали в доставке леса и объявили, что никаких обязанностей на себя не приемлют и ни в какие сношения с русскими не вступят. Повинующихся нам начали устрашать отгоном скота их и даже нападениями на их жилища. Урочище Хан-Кале начали укреплять глубоким рвом и валом, по всем дорогам выставили караулы и пикеты. Редкая ночь проходила без тревоги, ибо, подъезжая к противоположному берегу реки, стреляли они из ружей в лагерь. Нападали на передовые наши посты и разъезды в лесу; где вырубали мы хворост, всегда происходила перестрелка; словом, во всех случаях встречали мы их готовыми на сопротивление. К соседственным лезгинам и другим народам горским послали они просить помощи.

В продолжение сего получил я от шамхала Тарковского уведомление, что брат хана Аварского, управляю-

щий небольшою провинциею, называемою Мехтулли, смежною с владениями шамхала, давно прежде угрожавший овладеть его деревнями, собрав толпу вооруженных, захватил некоторые из оных. Что акушинский народ, сильнейший в Дагестане и воинственный, подстрекаем будучи аварским ханом и более еще беглым дербентским Шиг-Али-ханом, которого укрывал у себя, и грузинским царевичем Александром, присылает к шамхалу старшин своих с требованием, чтобы, отказавшись от повиновения русским, присоединился он к нему и содействовал в предприемлемых им намерениях, или, в случае несогласия, выгонят его из владений. В подвластных своих примечал уже шамхал большое непослушание, и многие взяли сторону акушинцев.

Командующий войсками, в Кубанской провинции и Дербенте расположенными, генерал-майор Пестель донес, что в Дагестане приметен рождающийся дух мятежа. Что горские народы, наиболее злобствуя на шамхала за приверженность его к нашему правительству, намереваются сделать нападение на его земли; страшат также уцмия Каракайдацкого, прибегнувшего наконец к покровительству нашему, и хотя поздно узнавшими, однако же нет для него другой надежной защиты. Таковые известия сообщал беглый царевич Александр наследнику Персии Аббас-Мирзе и министру его мирзе Бюзурку, приписывая деятельности своей и усердию к пользам Персии, что он возмутил Дагестан против русских.

Письма сии были перехвачены, и явно открылось, что Аббас-Мирза для сего предмета доставлял царевичу деньги. Но всегда оных было однако же недостаточно, ибо царевич жаловался на свою бедность и точно претерпевал оную.

Аварский хан, имеющий вражду с уцмием Каракайдацким, давал у себя убежище людям для него вредным и подослал таковых для произведения возмущения в его владениях.

Генералу Пестелю дал я немедленно подробнейшие наставления.

С двумя баталионами пехоты, шестью орудиями артиллерии и сколько можно собрав казаков, выступить к реке Дарбах или ближе к городу Башлы, буде есть место удобное для расположения лагеря. Город сей, имеющий до 3 тыс. семейств, заключал в себе всех людей,

не повинующихся уцмию и явно недоброжелательствующих нам. Связи с горцами заставляли и прежних владетелей с осторожностью употреблять власть свою, снисходить к винам жителей, и сии наконец вошли в привычку худо повиноваться.

При войсках наших должны были находиться полковник Аслан-хан Кюринский с своею конницею и конница кубинская и дербентская.

Генерал-майору Пестелю запрещено было начинать военные действия, но оказывая к тому готовность, пропуская слух о следовании 3 тыс. войск в Дагестан, для которых требовать заготовление продовольствия от шамхала, удерживать акушинцев во внимании к собственной защите и не допускать к оскорблению находящихся под покровительством нашим. Смирная присутствием войск самовольство жителей города Башлы, удерживать их в повиновении к уцмию и тем усилить его власть. Взять под надзор в Дербент подосланных аварским ханом, живущих во вражде с уцмием, его родственников, делающих в подвластных ему разврат и беспорядки, уверив их, что предосторожность сия употребляется для сохранения их от опасности, по злобе к ним уцмия. Найти приличное средство войти в сношение с акушинским народом и требовать от него аманатов, или иначе могут в опасности быть пасущиеся на плоскости в осеннее время стада их. Наклонить уцмия, чтобы войсками своими изгнал Абдулла-бека, зятя беглого Ших-Али-хана, который похитил управление Табасарана, провинции, состоявшей частью под нашим покровительством, дав надежду уцмию, что сын его заступит его место.

Шамхала и уцмия уведомил я о назначении войск собственно для их защиты. Аварскому хану, который до того казался приверженным, писал я, чтобы он старался воздержать акушинский народ от наглых угроз, которые смеет он делать владетелям, подданным императора, и чтобы брату своему воспретил поступать неприязненно с шамхалом. Акушинскому народу дал я знать, что, приняв на себя обязанность не делать набегов на владения российские и утвердив то данною присягою, нарушение оной не оставит правительству без наказания. Что неприязненным действием почту я нападение на земли, шамхалу и уцмию принадлежащие, что я лучше хочу предостеречь народ, которого желаю я спокойствия, нежели впоследствии подвергнуть себя упреку,

что оставил его в неведении, какие бедствия он себе приуготовляет.

В чеченской земле между тем приступлено к построению крепости, которая по положению своему, стесняя жителей во владении лучшими землями, стоя на удобнейшей дороге к Кавказской линии и недалеко от входа чрез урочище Хан-Кале, названа Грозною.

В производстве работ сколько могли чеченцы делали препятствия. Нередко случалось, что солдаты, оставляя шанцевый инструмент, тут же брали ружья и отражали нападение. Но когда чрез реку Сунжу сделана была переправа и на противоположном берегу устроено укрепление, чеченцы менее появлялись на нашей стороне.

Все ближайшие к урочищу Хан-Кале селения, или те, к коим полагали они, что войска удобнее пройти могут, вывезли лучшее свое имущество; жены и дети оставались в таком положении, чтобы при первой тревоге удалиться в ближайшие леса, где приготовлены были шалаши. На ближайших полях брошен был хлеб, который по боязни не собирали, и уже в летнее время чувствуем был в оном недостаток.

Пришли наконец в помощь лезгины, и между чеченцами примечена большая деятельность в приуготовлениях к сражению. Повсюду показывались они в больших уже силах. Деревни по левому берегу реки Сунжи и одна на правом берегу, называемая Сунженскою, сохраняя все наружности преданности, не только лезгин, кои самих даже чеченцев, явно противящихся нам, не принимали.

Между многих перестрелок с отрядами нашими была одна весьма сильная, когда квартирмейстерской части подполковник Верховской послан был занять лес, в котором надобно было произвести порубку для строений.

Войска Донского генерал-майор Сысоев с малым числом казаков, сделав атаку на сильную чеченскую конницу, наказал за сделанное нападение на отводные наши караулы, причем изрубили они несколько человек.

Главное же дело происходило 4 августа. С Кавказской линии должен был прибыть в лагерь большой транспорт с провиантом и разными другими вещами, при которых много было едущих к войскам чиновников. В конвое находились одна рота пехоты с пушкою и несколько казаков. Чеченцы с лезгинами вознамерились сделать на транспорт нападение. О сем незадолго дали

нам известие, и я на встречу транспорту отправил часть войск. Когда же из крепости замечено было движение в больших силах, то отправил я еще в помощь с частию начальника корпусного штаба полковника Вельяминова. Неприятельская конница успела уже перейти реку Сунжу и пустилась на транспорт, часть пехоты шла вслед за оною, и еще довольно оной оставалось для охранения переправы. Увидев идущие из крепости войска наши, конница тотчас обратилась к своей пехоте, и сия двинулась навстречу нашей. Толпы ее, боясь действия артиллерии, не смели весьма приближаться, но стрелки вышли во множестве, и начался весьма сильный огонь.

В сей день чеченцы дрались необычайно смело, ибо хотя недолго, могли однако же они стоять на открытом поле под картечными выстрелами; но когда полковник Вельяминов приказал войскам идти поспешнее к деревне Ачага, куда бросилась неприятельская конница, как приметно, к переправе, ибо известен был в сем месте хороший брод, то чеченская пехота обратилась в бегство в величайшем беспорядке. На переправе происходило замешательство, и немало людей потонуло. Полковник Вельяминов мог их стеснить в селении Ачага, и артиллерии удобно было действовать с большим успехом: но жители селения сего, нам покорные и не участвовавшие в предприятии чеченцев, выбежали к нему навстречу, прося пощады. Он не мог не исполнить их просьбы. Потеря в сем деле с нашей стороны была ничтожная, и транспорт без всякого вреда прибыл в крепость.

Вскоре после сего произошли между чеченцами и лезгинами несогласия и ссоры, и сии последние, не в состоянии будучи переносить жаркого летнего времени и оставивши не менее половины людей до выздоровления, удалились в дома свои.

Сим кончились все подвиги лезгин, и чеченцы, знавшие их по молве за людей весьма храбрых, вразумились, что подобными трусами напрасно они нас устрашали. Прежде, в ожидании от них большого вспомоществования, разглашали они о прибытии их в больших силах; открылось наконец, что их было до тысячи человек.

Из Грузии получено известие, что укрывавшийся в горах беглый грузинский царевич Александр проехал тайным образом и с весьма малым числом приближенных к нему людей в Ахалцыхский пашалык, правдоподобно тому, что в Персию опасно было проехать, ибо

по дорогам туда повсюду поставлены были караулы, и татарам строго подтверждено было о тщательном наблюдении. Царевич проехал недалеко от штаба одного из донских казачьих полков, и, конечно, от оплошности командующего оным, который потому только избавлен мною [от] ответственности, что я не хотел показать грузинам, что я желал достать его, ибо они, по невежеству, всегда считали его опасным для нас человеком, и многие, недоброжелательствующие нам, старались размножить мнение, что правительство в некоторых случаях потому поступает снисходительно, что опасается огорчить дворянство, чтобы оно не приклонило народ на сторону царевича.

В бегстве его сей раз в Турцию провожатыми были чарские лезгины, имеющие повсюду связи, и конечно многие из наших если не способствовали тому, то без сомнения знали. Начальство же было предупреждено с большою подробностью и в поимке все нужнейшие приняты меры.

Из Дагестана генерал-майор Пестель сообщил мне известие, что акушинцы намереваются прийти с войском и потом вступить с ним в переговоры; что жители города Башлы, видя расположенные недалеко от них войска наши, тайно приглашают их к себе на помощь; что уцмий, показывая притворную вражду с ними, сам того желает, ибо по свойствам недоверчивости имеет сомнение, чтобы мы для пользы его хотели смирить башлынцеv.

Я предписал, если точно придут акушинцы и захотят иметь с нами переговоры, не входя с ними ни в какое объяснение, требовать аманатов.

Если шамхал, уцмий, хан Аварский будут предлагать какие-нибудь условия, напомнить им просто обязанности верноподданных. Между тем стоять лагерем в открытых местах, никак не вдаваясь в горы или трудные местоположения что в равнине и имея с собою артиллерию, может он противостоять всяким их усилиям. Если нужна будет ему в войсках подвижность, чтобы все тягости отправил назад, и самый необходимый имея обоз, сохранял бы его в укреплении хорошо защищенном. Подтвердил не побуждать неприятеля к действию; напротив, ничего решительно не предпринимая, дать время несогласию поселиться между ними; ибо без единоначалия и без привычки к послушанию необходимы будут различные мнения, и следствие оных — раздор. Что собравшись

в значительных силах, без приуготовления способов продовольствия, долго вместе пробыть не могут и возвратятся домой, а тогда на оставленных башлынцева напасть будет удобно; или если по обширности города и по многолюдству в оном нельзя будет разорить его, то по крайней мере нанести действием артиллерии большой вред в стесненном его расположении. Пользоваться случаем отгонять лошадей и скот, коих потеря тем чувствительнее, что составляет главнейшее здешних народов богатство. Для усиления отряда генерал-майора Пестеля из батальона, расположенного в Елисаветпольской крепости, приказал я отправить 300 человек. В Дербенте распоряжено иметь огнестрельные запасы.

1-го числа октября поехал я из крепости Грозной на линию, где в селении Прохладном пригласил к свиданию со мной князей кабардинских, главнейших и священнослужителей и знатнейших из узденей⁴². Все почти приехали, кроме малого числа злейших разбойников, которые явиться не смели.

С досадою упрекал я им в нарушении обещаний вести жизнь мирную и самой присяги в том, несколько раз ими данной. Упоминал о многих в недавнем времени происшествиях, которые обнаруживают их самыми подлыми мошенниками, и что известные некогда храбрость их и воинственная между горскими народами слава помрачена презрительнейшими делами, одним гнусным ворами свойственными. Поставил им в пример того же года наказанный за укрывательство разбойников Трамова аул, неподалеку от Константиногорска отстоявший, который по приказанию моему разрушен до основания, взято до 2 тыс. лошадей и весь скот, и что жителям оно только позволено было вывести жен своих и детей. Обещал, что равное сему и их ожидает наказание, если не переменят своего поведения, если родители не будут воздерживать детей своих и родственников, помещики своих подвластных; если священнослужители, имеющие большое в народе влияние, не будут делать предписываемых законом наставлений и внушения. Предложив им средством избегнуть грозящих бедствий то, чтобы наказывая сами за воровство и возвращая похищенное, убийц представляли для наказания к российскому начальству. Что несколько таковых примеров воздержат разбойников и за преступления злодеев не потерпят менее виновные, а начальство не будет принуждено посылать беспрерывно войска, которые разоряют землю

прекраснейшую. Справедливость замечаний моих не допустила возражения; многие говорили, что есть средства исполнить требования мои, и что они о том будут стараться, видя, что в советах моих заключается собственное их благо, но только два или три человека осмелились сказать при всех, что льстят мне обещаниями ложными, что ничего не сделают; ибо первейшим из князей надлежит сделать пример над своими ближними и выдать к наказанию за разбой, что трудно быть первым в подобном случае, ибо все прочие поручаться сим будут. Если же так поступят знатнейшие, то они готовы то исполнить и ручаются, что средством сим прекратятся беспорядки, и боязнь, которую он имеют от русских, превратится в прежнее к ним расположение.

После сего расстался я с ними и тут же видел, что свидание было бесполезно. Со мною был генерал-майор Дельпоццо, который коротко знал их, и, бывши некогда в Кабарде главным приставом, чрезмерною кротостию своею и снисхождением, оставляя вины без наказания, наконец попустил их и на самые преступления. Он был причиною уничтожения родовых судов, и с ним вместе начались разврат и беспорядки. Если странным казалось кабардинцам видеть главного начальника без той пышности, каковая окружала всегда моих предместников, то не менее удивлялись они, что на свидание с ними приехал я в сопровождении 180 человек пехоты, малого весьма числа казаков и с двумя пушками гарнизонной артиллерии, запряженной мужичьими лошадьми, с прислугою обветшалых гарнизонных канониров, когда все они вместе составляли не менее 600 человек. Я не мог сие сделать с намерением, чтобы не показать особенного внимания, которым напрасно давно их баловали, но причина настоящая была та, что не можно было найти более войск праздных.

В сие время получил я из Дагестана донесение, что генерал-майор Пестель, заметив непрерывные обманы жителей Башлы и получив [от] аварского хана уведомление, что акушинцы идут в помощь Каракайдацкому народу, решился он занять Башлы, что и сделал без всякого сопротивления. В то же время дал он знать, что хотя уцмий ведет себя со всею осторожностью и показывает вид приверженности, ибо за противные поступки его боится подвергнуть наказанию старшего сына его, живущего аманатом в Дербенте, но многие причины заставляют его думать, что он в со-

обществе с акушинцами и внушениями своими возмущает против нас башлынцев. Аварский же хан, о коем писал генерал-майор Пестель как об участвующем в предприятиях акушинцев, тогда же прислал мне письмо с уверениями, что он старается склонить их к отдаче аманатов, но я уже предуведомлен был о сомнительном поведении и ему не верил.

Генерал-майору Пестелю приказал я взять от уцмия объяснения, каким образом идут к нему в помощь акушинцы, если он их не требовал, и почему ему нужна она, когда российские войска ни ему, ни его подвластным обид не причиняют? И что если идут они к городу Башлам, то объявить ему, что почту сие за измену с его стороны императору, и тотчас другой возведен будет в достоинство уцмия. В сношениях с акушинцами отдавать всякое влияние аварского хана и ему отозваться, что не входите с ним в объяснение, как с человеком, народу сему не принадлежащим. Акушинцев по прибытии в Башлы отразить оружием и для того всегда в готовности оставить занимаемые в городе квартиры, ибо удобнее несравненно напасть на них в поле. С башлынцев взять непременно аманатов из лучших фамилий.

Вскоре после сего известил генерал-майор Пестель, что акушинцы вместе с другими народами Дагестана прибыли и расположились в 30 верстах от Башлы с намерением напасть на войска наши и их истребить, надеясь на свою многочисленность. От башлынцев взял уже он аманатов, и они объявили ему, что будут вместе с войсками нашими защищаться, в провианте делают охотно помощь. Генерал-майор Пестель, устроив некоторые около города укрепления, дожидался неприятеля спокойно.

О шамхале Тарковском дошли до меня слухи, что не смотря ни на какие угрозы его неприятелей, он не согласился на предложения их с ними соединиться против нас и остался в приверженности своей непоколебимым, но что возмущение в его владениях понудило его оставить Тарки и удалить его семейство в место безопасное, а жители города, боясь нападения лезгин, большею частию рассеялись.

Генерал-майору Пестелю поручил я дать шамхалу, что как скоро только мне возможно будет действовать в пользу его, я ничего не упущу для владетеля, оказывающего столько похвальный пример верности императору. До того же предложил Дербент убежищем для

его семейства, где также могло сохраняться его имущество.

Возвратясь с линии в крепость Грозную, нашел я Сунженскую деревню, одну из богатейших, которой жителей особенно ласкал я, с намерением оберегая деревню, дабы лежащая поблизости крепость могла получать из нее все необходимые потребности, уже разоренную. Один из жителей оной выстрелил из ружья в солдата посланной за покупками команды, когда не отдавали ему вола из казенной повозки, которого называл он своим. Офицер приказал схватить преступника, но самого офицера лошадь схватили за повод, и он едва избавился от смерти. Команда должна была возвратиться. Начальник корпусного штаба послал успокоить жителей, чтобы за вину одного мошенника не боялись они мщения, но чтобы выдали преступника для должного наказания, которое он и потому заслуживает, что дерзостью своею подвергал опасности всю деревню. Посланный нашел жителей поспешно выбирающихся из домов и удаляющихся в лес, и ему ответствовано, что стрелявшего по солдату не отдадут и будут защищаться, если войска придут.

Начальник корпусного штаба пошел сам с несколькими ротами, желая однако же уговорить их, но встречен был выстрелами; жены и дети и лучшее имущество были уже отосланы, оставались одни люди для защиты домов. Когда атаковали деревню, части же войск приказано было обойти, дабы отхватить отступление в лесу, все бросились бежать с такою скоростью, что догнать было невозможно. Деревня взята, хлеб, фураж и годный лес на строение вывозились несколько дней.

После сего происшествия деревни, лежащие на левом берегу Сунжи недалеко от крепости, все были оставлены жителями без всякой с нашей стороны причины. В них были многие благонамеренные люди и которые весьма желали спокойствия, но как между чеченцами совершенное безначалие, и ни воздерживать своевольных, ни наказывать преступных никто не имеет права, ибо все почитают себя равными, то люди порядочные боятся подвергнуться ответственности за мошенников, и оттого удаляются от места пребывания русских. Выдавать же злодеев в руки неверных, каковыми христиан разумеют, почитают погрешением против своего закона...

Все земляные работы крепости Грозной были при-

ведены к окончанию в половине октября месяца; на зиму приуговлялись для жилища гарнизону землянки, и для вооружения крепости доставлена была артиллерия. Чеченцы верили уже, что пребывание на Сунже русских не временное.

В сие время пронеслись разные слухи, что дагестанцы в больших весьма силах сделали на генерал-майора Пестеля нападение и дрались при Башлах в продолжение двух дней, и что намерены возобновить сражение, а часть войск отправить для разграбления Кубинской провинции, где войск почти не было. От генерал-майора Пестеля давно уже не было донесения, а из Казиюртского укрепления нашего на реке Сулаке дали знать, что сообщение с Дербентом прервано, и последнее предписание мое генерал-майору Пестелю не могло быть отослано.

По расчислению времени не мог я успеть прийти ему на помощь, но знал, что если появлюсь во владениях шамхала или угрожать стану провинции Мехтулинской, принадлежащей брату Аварского хана, бывшему причиною всех беспокойств, то находящиеся против генерал-майора Пестеля дагестанцы, особенно акушинцы, возвратятся для защищения собственных границ. И потому немедля выступил я из крепости Грозной 25 октября.

Войска мои состояли из 2-х бат[альонов] Кабардинского, одного бат[альона] Троицкого, 2-х бат[альонов] 8-го егерского полков, 14 орудий и артиллерии, 300 человек казаков линейных, всего войск вообще не более было 3200 человек.

В крепости Грозной осталось девять рот 16-го егерского полка, 6 орудий артиллерии и 400 человек линейных казаков.

Переправясь через реку Сунжу, в устье ее, у селения Брагунского, пришел я в город Андрей 29-го числа и дал войскам день отдохновения. Здесь подтвердились слухи, что генерал-майор Пестель был атакован, но что находится в Башлах. Многие говорили, что в сражении мы много потеряли, что взяты у нас пушки, но в сем последнем мог я усомниться, ибо число пушек показывали более того, каковое у него было. Все утверждали, что Аварский хан предводительствует возмущившимися дагестанцами.

В Андрееве были подсланные акушинцами люди для наблюдения за движениями и числом войск наших.

Я растягивал баталионы так, что казались они гораздо многочисленнейшими. Батарейные орудия играли важную весьма роль.

В город Тарки прибыл я 3-го числа ноября и расположил войска по квартирам, ибо проливные дожди препятствовали идти далее. Шамхал находился при генерал-майоре Пестеле, жены его готовы были выехать из города и только потому остановились, что услышали о движении войск; лучшее имущество отправлено было за реку Сулак. Многие из жителей разбежались, боясь возмущения собственных подвластных шамхала. Все они вышли из послушания, некоторые пошли с оружием против русских, ибо в то самое время Аварский хан возвращался в город Башлы и собирал войска для защиты Мехтулинской провинции, принадлежащей ему с братом его Гассан-ханом. В окрестных селениях привезены были раненные в сражении против генерал-майора Пестеля и для погребения тел убитых там. В измене генерал-майора Аварского хана не было уже сомнения.

Здесь получил я от генерала-майора Пестеля рапорт, что дагестанцы не менее 30 тыс. напали на него в городе Башлы, и сражение было самое упорнейшее. В первый день мог он защищать построенную им вне города батарею и небольшие окопы, но жители города, оборонявшие некоторую часть укреплений, изменили и впустили неприятеля, который легко мог отрезать сообщение его с войсками, защищавшими ту батарею, и он должен был оставить ее и с нею вместе часть города и расположиться по каналу, проходящему посредине города, что сосредоточило более его силы. Неприятель по многочисленности своей испытывал атаки со всех сторон, но безуспешно. Левый фланг войск наших был наиболее опасный, ибо неприятель все усилия употреблял, чтобы овладеть замком уцмия, который занимали две роты с одною пушкою. Он, прикрыт будучи возвышением, мог легко приблизиться к замку и начал рыть род трашей, дабы скрыться от ружейных выстрелов и, вероятно, чтобы удобнее зажечь деревянное строение, которое поверх стен замка расположено было. Пушка не могла уже действовать, и опасно было потерять замок, ибо одна дорога, для отступления войск возможная, проходила в самой близи от него.

Генерал-майор Пестель удерживал замок сей и половину города еще одни сутки, непрерывно сражаясь

с упорностью, ибо неприятель сменял атакующих свежими войсками. Артиллерия наша наносила ужаснейший вред, и конечно она была причиною, что таким несообразным силам противостоять было невозможно. Наконец войска наши отступили ночью, взяв с собою всех раненых. Неприятель долго не заметил отступления, ибо большой в городе пожар препятствовал. После хотя и преследовал, но отбит был с уроном. Жители города Башлы с большим остервенением бросались, дабы отбить детей своих, которые взяты были в аманаты, но не могли успеть в том.

Генерал-майор Пестель на дороге к Дербенту должен был проходить некоторые деревни каракайдацкие. Все дороги были перекопаны или завалены, мосты истреблены, но слабо преследуемый неприятелем, без препятствия обошел он их, склонившись к дороге, идущей по берегу моря.

Во всех сих сражениях к удивлению потеря наша в убитых и раненых не достигает 400 человек.

11-го числа ноября, лишь только немного переменилась погода, выступил я из Тарки по направлению на селение Параул в Мехтеулинской провинции, где прежде жывал Аварский хан, будучи Бахтулинским беком, до возвышения его в сие последнее достоинство.

За четыре дня до сего предписал я генерал-майору Пестелю, чтобы немедленно возвратился к Башлам и разорил город до основания, что удобно сделать он может, ибо все внимание дагестанцев обратилось к пришедшим со мною войскам, следовательно, не встретит он другого сопротивления, кроме жителей Башлы.

В небольшом от города Тарки расстоянии увидели мы неприятеля, большими толпами занимающего вершины хребта, называемого Талгин, у подошвы коего должны мы были, прошедши несколько верст чрез него самого, переправиться. Короткий день, трудное движение артиллерии по грязной весьма дороге сблизили к вечеру прибытие к тому месту, где был въезд на гору по чрезвычайно крутой отлогости. Неприятель, перекопавши оную во многих местах, защищал большими силами. Поздно было начать дело, ибо надлежало изыскивать обход и не иначе, как в виду у неприятеля, следовательно, он повсюду, предупреждая и имея выгоду местоположения, мог затруднять подъем войск в гору. Я приказал им отойти и расположиться на ночлег.

Авангард мой сделал несколько пушечных и ружейных выстрелов, и конечно не принесши никакой другой пользы, кроме той, что увидел я, до какой степени лезгины боятся пушек. Некоторые из сопровождавших меня подвластных шамхала заметили на вершине горы самого Аварского хана. По крикам, во всю ночь продолжавшимся, и песням войск видна была его радость, что они нас не пропустили. Я готовился с рассветом начать действие и предвидел ощутительную потерю по трудности восхода на гору. Нельзя было отступлением ободрить неприятеля. В первый раз в стране сей появились русские войска и с ними главный начальник. Горские народы смотрели со вниманием на происшествия, и малейшая со стороны нашей неудача или действие, которому бы можно было дать невыгодное истолкование, соединило всех их, и мгновенно имел бы я против себя большие силы, ибо сие самое время все дагестанцы возвращались от города Башлы в дома свои, гордые успехом, что принудили генерал-майора Пестеля к отступлению.

Один из проводников, давний житель земли, хорошо знающий места, объявляет, что в четырех верстах есть дорога, которая по трудности ее оставлена жителями, но легко по оной может взойти пехота, и вероятно, что неприятель или малыми силами, или небрежно ее охраняет. В полночь на сию дорогу послал я один баталион с тем, что если может он взойти на вершину, то, чтобы заняв находящийся на оной лес, присоединил к себе составляющие резерв две роты и ими старался взвести на гору два при них бывших орудия, а мне немедленно дал знать об успехе. Между тем, дабы развлечь внимание неприятеля со стороны хорошей дороги, где он ожидал нас, производилась в ночи перестрелка.

Бурная и чрезвычайно мрачная ночь посланному в обход баталиону способствовала, пробираясь чрез густой лес, дойти неприметно до самых неприятельских караулов, которые были столь же нетрезвы, как и неосторожны.

Залп впереди стрелков, крик «ура» и барабан такой произвели страх, что неприятель рассеялся, оставя на месте все, что имел с собою, и даже немало оружия. При сем случае было у нас только два раненых солдата, и баталион беспрепятственно овладел вершиною хребта; дорогу сию охранял брат Аварского хана довольно с большим числом людей, но он бежал первый.

Всем прочим войскам приказал я туда следовать: не менее суток подымали мы на гору артиллерию нашу и обозы, но неприятель тотчас бежал со всех пунктов и не было противящегося.

Из некоторых близких селений явились старшины с покорностию, между прочим из одного, где в ту ночь главный кади⁴³ акушинский с 4000 человек имел ночлег свой. Они пришли в помощь изменнику Аварскому хану.

В селении Параул не застали мы ни души; жители бежали из оногo, но войска нашли богатое продовольствие и некоторую добычу; отсюда на донесение генерал-майора Пестеля, что вскорости не может выступить к городу Башлы, по неимению провианта и готовых огнестрельных запасов, повторил я, чтобы непременно исполнено было прежнее мое предписание, и что, по обстоятельствам, весьма правдоподобно, что он никакого не встретил сопротивления.

Надобно было разрушить сие давнее гнездо разбойников и нам злодейски изменивших; наконец уведомился, что он вышел с отрядом в Башлы и что в городе нашел весьма малое число жителей, которые при появлении войск разбежались, и он без помешательства мог зажечь город.

14-го числа ноября приблизились мы к селению Большой Джангутай, где дожидался нас неприятель, занявший лежащие впереди довольно крутые возвышения, на коих были сделаны окопы и засеки. При самом начале сражения, когда нельзя еще было хорошо осмотреть местоположение, сделался такой густой туман, что в близком расстоянии различать предметов было невозможно, и сие необходимо, умедлив наши успехи, могло немало затруднить, ибо в шести верстах находившийся с 4 тыс. человек кадий акушинский мог прийти совершенно в тыл нам. И хотя взял я против того предосторожности, но, разделяя силы, уменьшал число сражавшихся. Возвышения были взяты на штыках, но неприятель с такою побегом поспешностью, что его могла догнать одна та часть войск, которая с левого фланга обойдя, занимала уже часть селения. Выбежав из селения, встречен он был нечаянно казаками, которые нанесли ему вред. Спасением своим совершенно обязан он туману, ибо местоположение, как усмотрено после, представляло удобность отрезать отступление и всех истребить. Потерю однако же имел он довольно чувствительную; Аварский хан в сем случае не находился,

брат же его равномерно и здесь бежал из первых; с нашей стороны ранено 3 офицера и рядовых убитых и раненых до 50-ти человек.

Селение Большой Джангутай имело до 600 дворов, и в нем был дом брата Аварского хана довольно обширный. Все приказано истребить, кроме одной небольшой части селения, которую оставили в пользу пришедшим просить пощады жителей, которые, всего лишившись, должны были проводить зиму без пристанища. От них узнали мы многие подробности и что Гассан-хан имел немало войска, ибо в помощь к нему приходили живущие по реке Койсу народы.

Войска возвратились в Параул, где в хороших квартирах дано им два дня отдохновения.

Акушинцы отправились домой. Аварский хан ожидал ответа на присланное ко мне письмо, в котором, признаваясь виновным в глупом сведении счетов, просил прощения. Я отвечал ему, что нет подлым изменникам прощения, что он лишился чина своего и жалованья.

Он тотчас уехал в Аварское ханство, а я, в прокламации описавши подлую его измену, именем императора лишил его чина генерал-майорского и получаемого им 5 тыс. рублей серебром жалованья.

В Парауле истреблен дом сего изменника, строение огромное и нарядное. Селение осталось сохранено, ибо в земле сей хотел иметь я людей благодарных.

Из Параула пошел я на Карабудаг-Кент, принадлежащее шамхалу большое селение и против него бунтовавшее. Все трепетало от страха, жители вышли войскам навстречу.

Собранным старшинам и жителям истолкованы обязанности повиновения шамхалу, прощено прежнее преступление, по просьбе его, но в пример справедливой строгости повешен при всех один из злейших изменников, семейство его выгнано из селения, дом разорен до основания.

Во владениях шамхала водворилось совершенное спокойствие и тишина. В Карабудаг-Кенте в первый раз увиделся я с шамхалом, который только что возвратился из Дербента.

Привыкши слышать о пышности многих из моих предместников, видев некоторое великолепие, когда с войсками отца своего находился он при генерал-аншефе графе Зубове в походе против персиян, он удивлялся неприхотливой жизни моей и простой одеж-

де солдата. Короче познакомившись со мною, он признался, что имел сомнение, чтобы я был настоящий начальник, но что пришла ему мысль, что под именем своим прислал я другого генерала. Всякие нелепости находят место в головах здешних жителей!

В городе Тарки пробыл я три дня. Шамхал доволен был приведением в покорность земли его, уверился, что готов помогать я ему во всяком возможном случае. Он желал, чтобы для охранения его часть войск расположена была в городе, ибо опасался он акушинцев и брата Аварского хана.

Имея другие намерения, я не мог уделить войск, и потому советовал ему стараться подвластных своих в таком расположении удерживать, чтобы они готовы были на его защиту, склонял его до некоторого времени не раздражать акушинцев и возобновить связи, которые прежде имел он между ими, не щадя некоторых для того издержек.

Шамхал скупостью своею потерял людей, ему доброжелательствовавших, ибо по обычаям земли, чем знатнее владелец, тем большее число должен иметь приверженцев, которые не иначе приобретаются, как подарками и деньгами. Акушинцы же издавна сими единственно средствами всеми прежними шамхалами удерживаемы были на своей стороне.

Поручил шамхалу, по связям близкого родства его с уцмием, внушать сему последнему, чтобы не изменил обязанностям верноподданного государю и старался обратит к повиновению возмутившиеся его владения, и буде может, чтобы наказал дерзнувших поднять против нас оружие, в особенности лежащие на плоскости Терекешинские селения.

30-го ноября возвратился я на линию и переправился через Терек к Старогладковской станице, откуда войска отпущены на назначенные им квартиры. В сем году были они на работе при крепости Грозной и в походе сряду 7 месяцев. Государю императору донес я, что, лично видев положение Андреевских, Костековских и Аксаевских владений, нахожу необходимым устройство крепости при селе Андрее, которое, производя богатый торг, удовлетворяет всем необходимым потребностям горцев, и что сих последних со временем, не употребляя оружия, но одними нуждами их можно будет содержать в зависимости; что крепость сия на спокойствие левого фланга Кавказской линии будет иметь

немалое влияние, и довел также до сведения, что старшего андреевского владельца или князя, по неспособности его и невоздержному поведению, переменял я другим, испытанной к нам приверженности.

Командующему в крепости Грозной приказано в зимнее время порубить лес, покрывающей ущелье Хан-Кале, чрез которое проходит лучшая и кратчайшая дорога ко всем большим чеченским деревням. Для сообщения от Терека до сей крепости при селении Старый Юрт устроен редут и в нем расположена рота. Всем владельцам лежащих по правому берегу Терека деревень дано наставление не терпеть у себя вредных людей, не пропускать чрез земли свои хищников и выставить в известных местах караулы.

Начертаны правила самые строгие, коими руководствоваться должны начальники воинские в отношении к владельцам, каким сии последние обязаны им послушанием и подвластные им повинностями. Вместо дани постановлено по наряду начальников высылать на службу людей с собственным вооружением и на своем содержании.

Еще не было примера, чтобы кто заставить мог чеченцев употреблять оружие против своих единоземцев, но уже сделан первый к тому шаг и им внушено, что того всегда от них требовать будут. Прекраснейшие земли, коими они пользуются, и боязнь с потерю их подвергнуться бедности, которую претерпевают непокорствующие, строго преследуемые, вынуждают со стороны их сие повиновение.

В продолжительное отсутствие мое прибыли из России виртембергские колонисты в числе 500 семейств. Министр внутренних дел по неосмотрительности препроводил их тогда, как не только не сделано было никаких для водворения их приуготовлений, даже не было достаточно казенной земли для них. Старшины сих колонистов представили прошение свое государю во время его путешествия, и ему угодно было приказать, чтобы они отправили ко мне несколько человек, которые бы могли предварительно узнать, какие предложу я им для поселения земли, и найдут ли они ожидаемые ими выгоды? Они приезжали в Грузию, все рассматривали в подробности, но прежде нежели уведомить могли свое общество о сделанных наблюдениях, на возвратном пути своим нашли оно на Кавказской линии. Колонисты, не ожидая никаких известий, отправились вслед за ними. Большую

часть из них застигло в горах холодное время, надобно было снабдить их теплою одеждою, недостаток способов к препровождению их через горы умедлил движение их, люди испытали болезни, много пало скота, и колонисты вместо обещаний правительству не требовать никаких пособий стоили одному своим доставлением около миллиона рублей, включая вспоможение, данное некоторым семействам на обзаведение.

Я, желая дать грузинам пример хозяйственного порядка ... выписал тридцать семейств колонистов, изыскивая тех из жителей Германии, которые по испытанной нравственности отличаются порядком домашнего устройства. Министр доставил мне первых ему попавшихся, и я не достиг своей цели. Но такого количества, в каком прибыли колонисты, я никогда не желал, а еще менее мог быть довольным, нашедши их секты сепаратистов, без всякой нравственности, преданных разврату, невоздержных, небережливых и праздных. Многие из них были солдатами в числе контингента, который давал Рейнский Союз Наполеону. Наделение землями колонистов тем более представляло затруднение, что не было достаточно оных на левом берегу Куры, где желал я расположить их поселения, дабы в безопасности сохранить заведения, больших казне издержек стоящие.

На правом же берегу нет благонадежных средств ограждения, в случае войны с персиянами или турками, ибо для разорения поселений не нужны значительные силы, которые всегда почти отразить возможно, недостаточно набега конной партии, от чего остеречься решительно нет способов по множеству у неприятелей конницы, по множеству дорог. Итак, колонисты по необходимости поселены на правом берегу, чего не должно было случиться, если бы прежде нежели прислать их в большом, несоразмерно со способами, количестве, спрошено было мнение начальства.

Во время пребывания моего на Кавказской линии проехал в С.-Петербург и возвратился обратно чиновник, посылаемый от шаха персидского с письмами и подарками к высочайшему двору. Желая предупредить о сем министерство, я приказал открыть письма и сделать им перевод, удержав некоторое время чиновника. Ему представлено было, что то же самое сделано было с письмом моим, прежде нежели представили его шаху. Письма и подарки были только предлогом, но чиновнику

сему поручено было просить о признании Аббас-Мирзы наследником Персии, чего не сделал я, бывши там в качестве посла.

Причины сего и сделанные мною по сему предмету представления не найдены уважительными, хотя между прочим замечал я, что не приличествует взять в защиту сторону неправую, ибо шах избрал наследника вопреки закону земли, предоставляющему право старшему из сыновей, и Аббас-Мирза признан наследником, о чем объявило мне министерство, спустя десять месяцев, советясь быть может основательных моих возражений! Достойный сей наследник с удовольствием окружает себя всеми вредными для нас мошенниками, в непрерывном сношении с обитателями Кавказа, возбуждая их против нас и расточая на то деньги. Ласкает и осыпает дарами недовольных правительством или недоброжелательствующим оному.

В начале сего года представлен мною императору проект системы крепостей для здешнего края...

Для обороны сих крепостей предлагал я, независимо от действующих войск, составить особенные гарнизоны на равных преимуществах с армейскими полками, с тем, чтобы часть оных была подвижною и во всегдашней готовности для защиты края, ибо не все вдруг крепости могут быть угрожаемы неприятелем. Обозы для оных предположены были чрезвычайно умеренные, следовательно, мало лошадей и потому издержек. Одежду для солдат предлагал я более с климатом согласованную, различествующую от теперешней, но всюду единообразной и для знойной Грузии и для Камчатки ледовитой. На случай, если бы не скоро был рассмотрен проект мой или бы совершенно не удостоился одобрения, просил я усилить корпус тремя полками пехоты и двумя ротами легкой артиллерии.

В то же самое время сделано государю представление, чтобы если присланы будут из России два батальона пехоты, то успокоив совершенно Абхазию, можно будет для Черноморского флота доставить неистощимые корабельные леса наилучшего качества. В пример поставлены строящиеся при тамошних берегах большие купеческие суда турецких подданных, потому что нигде за столько ничтожную цену сделать таковые невозможно. Предположено в бухте, именуемой Пицунда, лучшей по всему восточному берегу Черного моря, сделать заведение, в котором бы хранились заготавливаемые леса для

отправления по назначению. Охранение сего заведения, как и устройство на границе Абхазии крепостцы при урочище Гагра для пресечения пути от стороны Анапы делающим набеги горцам, подданным Порты, должно возлежать на сих двух баталионах, и по расчету их для того весьма достаточно. Дорогою необычайною ценою поставленный в Черноморское адмиралтейство корабельный лес должен проект сей сделать заслуживающим особенное внимание.

Декабря 25-го дня возвратился я в Тифлис. В Грузии в продолжение лета лезгинами делаемы были набеги на Кахетию, но повсюду были отражены и чувствительного вреда не причинили. Живущие в Ахалцыхском пашалыке семьями поселившиеся лезгины делали в Карталинии хищничества. На письма заступающего место мое генерал-лейтенанта Вельяминова 1-го отзывался паша ахалцыхский, что вышлет их на прежние жительства в горы.

В ханствах было покойно. В Шекинском озлобленные прежними поступками хана жители явную оказывали к нему ненависть, и я должен был употреблять меры для удержания их в послушании. Хан строгим наблюдением определенного мною пристава содержим был в пределах умеренности. Жители довольны были защитою правительства, ибо послан был от меня штаб-офицер для понуждения хана удовлетворить их за присвоенное несправедливо имущество, за прихотливо наложенные на них денежные штрафы, и взыскание сие простиралось до ста тысяч рублей ассигнациями.

Мустафа-хан ширванский способствовал живущим в горах беглому царевичу Александру и изменнику Ших-Али-хану дербентскому в тайных их с Персиею сношениях, пропускал чрез земли свои посланцев от горских народов, и сим Персия обещвала или дать деньги или умножить на границе свои войска, заставить нас развлечь силы наши и тем доставить средства дагестанцам производить опустошение в наших провинциях.

Замыслы сии принадлежат Аббас-Мирзе, но в исполнение приводил их находящийся при нем Каймакам Мирза Бюзюрк, который, образуя его в юности и впоследствии сохранив над ним влияние, совершенно управлял им. По наружности же Мустафа-хан старался казаться приверженным, и я не имел до сего средств изблечить его в поведении, хотя многие весьма подробности о изменнических поступках его сообщены

мне были одним из чиновников его, служившим в походе в Дагестан.

Сурхай-хан Казыкумыцкий, самый хитрейший из мусульманских владетелей и ненавидящий русских, возбуждал против нас дагестанские народы, но сохраняя вид доброжелательствующего нам, не раз писал ко мне, что оскорбляется, оставаясь без воздаяния за непоколебимую верность. Со всеми ими был я в приятной переписке в ожидании удобного случая воздать каждому по заслугам.

В самом городе Тифлисе начинали оказываться некоторые перемены. Сколько можно расширились улицы разорением строений, грозящих падением, учреждались площади и возводились как казенные, так и некоторые частные здания, лучшие прежних. Я приказал разрушить обветшалые и ни к чему не надобные городские стены, дабы соединить форштадт, на котором, по привычке страшиться прежних беспокойств, жители никак не хотели поселяться. Против меня был ужаснейший в городе ропот и действия мои называли прихотливыми. Так бранили меня за Армянское старое кладбище, находившееся в лучшей части города, которое велел я обратить в площадь, но на сей площади менее, нежели через две недели, хорошо расположенная иллюминация, поставленная музыка и песенники привлекли множество народа, и порицавшие меня перестали быть недовольными моим распоряжением. Надеяться можно, что город примет другой вид, и даже в скором времени могло бы сие последовать, если бы здешнее дворянство не было чрезвычайно запутано в своих делах и весьма бедно.

Для возведения казенных зданий пожаловано было императором по представлению моему сто тысяч рублей медною монетою, которая при моем предместнике генерале Ртищеве прислана была для мелочной войскам раздачи, ибо медь обращалась здесь в выгодном весьма курсе. Также сто тысяч рублей ассигнациями (в червонцах), которые представил я в казну по возвращении из Персии, сбереженные от сумм, на содержание посольства отпущенных.

Предположив в сем году отправиться на Кавказскую линию, сделал я поручение об изыскании новой дороги из Грузии в Имеретию или исправления прежней для движения тягостей. Из Нухинского ханства посылаю несколько человек для исследования о дороге на

Кубинскую провинцию чрез ветвь гор, отделяющую от Кавказа и вообще называемую Солват. По тому же предмету производились изыскания и от стороны Кубы.

Гвардейского генерального штаба капитана Муравьева 4-го⁴⁴ назначил в экспедицию для обозрения восточного берега Каспийского моря, собрания сведений о народах туркменских, по оному обитающих, об их количестве, торговле, промышленности и о прочем. Ему поручено было изыскать удобную для судов пристань и место для устройства крепости, и буде нет особенной опасности в переезде степи, отделяющей Хиву от моря, отправиться с письмами от меня к хивинскому хану, на каковой случай дал я капитану Муравьеву приличные подарки и приказал употребить возможные убеждения в дружественном расположении к хану российского правительства, и сколько торговля, обеспеченная от набегов живущих на степи народов, может принести взаимных выгод.

Основание торгового заведения на восточном берегу было мнением адмирала Николая Семеновича Мордвинова⁴⁵, предложенным им на рассмотрение Комитета министров, от коего и получил я оное при отъезде в 1816 году в Грузию, дабы при удобном случае собрал я нужные по сему предмету сведения и их представил.

Что же касается до сношений с ханом хивинским, я начал их сам, рассуждая, что не имея некоторых познаний о самой земле, с которою намереваемся распространить торговые связи, не можно с верным расчетом приступить к оным и еще менее решиться на заведения, требующие от казны издержек немалозначущих. Сношения от имени моего предпринял потому, что знал своеобычный и гордый характер хана, и что скорее мне приличествовало снести, нежели самому правительству, если бы он сделал гордый и дерзкий отзыв, который мог последовать по его понятию о его могуществе и в надежде на ограждение степями непреодолимыми. К тому же имел я в предмете живущих в Персии английских Индийской компании чиновников, которым посланная от правительства экспедиция могла наводить сомнения, а от меня отправленный офицер ни малейших не возбуждал подозрений, особенно когда я нарочно не скрыл о том и писал к персидскому министру, чтобы суда наши приняты были дружественно, если им случится зайти в Астрабат.

Берег восточный Каспийского моря со времен Петра Великого обращал на себя внимание⁴⁶, и есть довольно хорошее описание оною нашими офицерами, но о пути в Хиву по сему направлению и собственно о самой земле не мог я ничего сообщить капитану Муравьеву в руководство.

В письмах моих к хану употреблены скромные выражения собственно на мой счет, например, «великий и могущественный главнокомандующий» и тому подобное. Долго писал я обыкновенным образом, но приметил, что здравое суждение не столь внятно здешним народам, как пышные глупости.

От шамхала Тарковского и военного начальника в Кубинской провинции получил я известие, что акушинцы возмущают соседственные им дагестанские народы и в особенности наказанных в прошедшем году жителей Мехтулинской области, обращая сих последних на шамхала; что башлинцы живут по-прежнему в городе, в надежде, что акушинцы защитят их, если бы русские вздумали их выгнать, что владения уцмия Каракайдацкого готовы к возмущению, хотя сам он нимало не примечен в участии; что идущие от Дербента торговые караваны подвергаются грабежу, и уже нет безопасного сообщения. Словом, видна была необходимость наказать акушинцев, которых самонадеянность и дерзости начинали быть несносными. По поводу сего, повторив представление о прибавлении войск, я в рапорте моем от 12-го февраля писал следующее:

«Государь! Внешней войны опасаться не можно. Голова моя должна ответствовать, если вина будет со стороны нашей. Если сама Персия будет причиной оной, и за то отвечаю, что другой на месте моем не будет иметь равных со мною способов. Государь, употребив меня в качестве посла, дал мне средства иметь те сведения о земле, которые другой долго собрать не может.

Видел я, каких стоит Персии усилий одна Хорасанская провинция, в которой не может в продолжение девяти лет погасить возгоревшееся пламя мятежа, и Хорасан не повинуетя.

В мое пребывание в Султании, и можно сказать под моими глазами, с поспешностию отправлены были войска на место истребленных хорасанцами. Не укрылся от меня ропот подданных на беспутное управление, на изнуряющие налоги; знаю, что не встретим сопротивле-

ния со стороны жителей пограничных провинций, напротив, ожидать можем пособий.

Сии сведения составляют преимущество мое над теми, которые займут мое место, и она обратится во вред ей. Внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее. Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худые следствия; несколько позднее и умноженных будет недостаточно. В Дагестане возобновляются беспокойства, и утесняемы хранящие вам верность! Они просят справедливой защиты у государя великого, и что произведут тщетные их ожидания? Защита сия не состоит в бесславном рассеянии и наказании мятежников, ибо они появляются после, но необходимо между ими пребывание войск, и сей есть единственный способ смирения их.

Народ дагестанский акушинцы, о коих доносил я прежде, виною всех беспокойств, и так далеко простирается его дерзость, что если вашего величеста и не будет высочайшего соизволения на дополнение корпуса, я должен непременно идти для наказания сего народа, и мне, государь, не за себя страшиться надобно будет. Иначе Кубинская богатейшая наша провинция может быть угрожаема нападением, и за ее непоколебимость ответствовать не можно. Теперь уже нет у нас сообщения верного Кавказской линии с Дербентом, пресеклась торговля от расхищения караванов и убийства торгующих. Так было и прежде, и конечно ничего не будет хуже того, что было при последних моих предместниках, но не в моих правилах терпеть, чтобы власть государя моего была неуважаема разбойниками, и чтобы народы покорствующие вотще надеялись на его защиту».

Начальником в Дагестане определил я генерал-майора барона Вреде на место генерал-майора Пестеля, которому выпросил отпуск с состоянием по армии. О нем узнал я, что во время пребывания его в городе Башлы с отрядом войск он редкий день не был пьян, жителей города не только не умел содержать в должном повиновении и не видел, что они вывозят семейства свои и имущество и явное имели с неприятелем сношение, но сверх того раздражал их самым оскорбительным распутством. Старшим по нем чиновником был

командир Севастопольского пехотного полка подполковник Рябинин во всех его упражнениях лучший ему товарищ; оба они не были при войсках в сражении. Генерал-майор же Пестель замечен еще весьма робким и даже вне опасности неспособным распоряжаться, и еще бы не управляли войсками артиллерии подполковник Мищенко и майор Износков, командующий батальоном, то могли они испытать величайшую потерю и быть совершенно разбитыми, и генерал-майору Пестелю дано было место и подполковнику Рябинину полк по наилучшим о них свидетельствам, и таковыми обманут будучи, представил я их обоих к награждению за сражение при Башлы.

Начальника корпусного штаба генерал-майора Вельяминова отправил я во Владикавказ, приказал ему, проходя до крепости Грозной, осмотреть реку Сунжу и лежащие на ней временные укрепления. Надзрановский редут при ингушевских селениях и преградный стан, построенный генерал-майором Дельпоццо, по моему разрешению. Далее должен он был видеть прорубленную чрез урочище Хан-Кале дорогу и потом, собрав на Кавказской линии войска и переправясь у Шелководского селения за реку Терек, следовать к городу Андрей, где на устроение крепости имел уже я высочайшее соизволение.

В продолжение зимы приказано было старшему андреевскому князю заготовить лес для строений, за чем обязан был наблюдать и главный пристав; но некоторые из жителей, обывшие к своевольствам, не желая исполнить сей первой для них повинности, и прочих от послушания отвратили. Прибывши с войском, начальник корпусного штаба привел все в должный порядок, и начались нужные к работам приуготовления.

Я остался в Грузии по случаю некоторых беспокойств в Шамшадильской дистанции. Там агалары, недовольные введенными мною в управлении переменами, наклоняли народ к возмущению, дабы тем понудить меня оставить все на прежнем основании. Обширные родственные связи шамшадильского султана способствовали ему иметь сильное влияние на большую часть простого народа, и сей по привычке покорствовать ему, не вникнув в выгоды нового постановления, умышленно толкуемого ему в превратном смысле, также приносил мне просьбы об отмене оногo. Приближалось время, в которое жители дистанции удаляются на

кочевья в горы к самым границам Персии; приносились слухи, что султан намеревается бежать и увлечь с собою народ.

Я приказал усилить войска, которые обыкновенно высылаются для караула при кочевьях, а генерал-майору князю Мадатову⁴⁷ взять под стражу султана и одного из главнейших агаларов Казахской дистанции, которые и отправлены на жительство в Россию. Строгость водворила спокойствие, и здешние жители получили пример, что упрямство не всегда средство благонадежное против распоряжений начальства.

Наконец получил я высочайший рескрипт, коим одобрено предположение мое об устройении в здешней стране крепостей без всякой перемены. Проект о составлении особенной обороны крепостей, независимо от действующих войск, не утвержден. Император назначил новый комплект для полков Грузинского корпуса, и впредь каждый из них, в трех баталионах состава своего, должен иметь унтер-офицеров 300, рядовых 3000 человек. Средние баталионы должны быть обращены на защиту крепостей.

Для укомплектования по-новому корпуса вместо рекрут, в которых всегда чувствительная от климата происходит потеря, назначены полки, и им дано повеление расположиться в ближайших губерниях, откуда мог я взять их когда надобно. Полки сии суть следующие: пехотные Апшеронский, Ширванский, Куринский, Тенгинский, Навагинский, Мингрельский, егерские 41-й, 42-й, 43-й, 44-й. Находившийся временно при корпусе 8-й егерский полк поступил также в укомплектование прочих. От прежних полков корпуса должны составить кадры и отправиться для сформирования в России полков.

Из штаб- и обер-офицеров, не исключая самих командиров полков, предоставлено мне было оставить в Грузии тех, кои могли быть мне нужными. Назначены были сверх того две легкие артиллерийские роты. Государь приказал во всех войсках переменить старое и к употреблению негодное оружие. Было еще таковое со времен покойной Екатерины II. Состоявший в корпусе Грузинский гарнизон из 2-х баталионов полк уничтожен. При сем умножении корпуса имел я случай отправить с кадрами офицеров не столько здесь нужных или которые желали возвратиться в Россию, оставить здесь на службу способнейших из прибывших.

Государь преподал мне большие средства к приведению дел здешней страны в лучшее состояние. Не взирая однако же на все количество пришедших из России войск, в корпусе по новому положению был изрядный недостаток до комплекта.

О сделанном мною предложении переменить одежду солдат, приспособляя оную к здешнему климату, вовсе умолчено.

17-го числа июня отправился я на Кавказскую линию и скоро прибыл к городу Андрей. Во владениях кумыцких было покойно.

К устраниению крепости нельзя было приступить, потому что место засеяно было хлебом и надобно было вырубать много весьма леса. Не прежде половины июля начались работы. Вблизи живущие чеченцы и народ Ауха часто беспокоили отводные караула города.

Отряд войск состоял из 2-х бат[альонов] Кабар[динского], одного бат[альона] Троиц[кого], 3-х бат[альонов] 8-го ег[ерского] пехотных пол[ков]. Один из самых последних составлен был из прибывших рекрут, которые ни на какую не употреблялись службу; баталион же Троицкого полка отделен был на прикрытие чрез Терек переправы и сообщение с Кавказскою линиею. Артиллерии состояло 6 батарейных, 6 легких, 4 конных орудий. Линейных казаков 300 человек. Одна пионерная рота.

Со стороны Кубинской провинции небольшою частью войск наблюдаемы были дороги, выходящие из Казыкумыцкого ханства, ибо явно было неблагонамеренное поведение Сурхай-хана, также обращали внимание табассаранцы, в совершенном возмущении бывшие.

Дабы с помощью сих народов не могли акушинцы сделать нападение на Кубу или разорить ханство Куринское, принадлежащее верному нам полковнику Аслан-хану, приказано под начальством генерал-майора князя Мадатова составить отряд из 1500 человек пехоты, 300 казаков и 8-ми орудий артиллерии; при нем должна была находиться конница, собранная в ханствах Шекинском, Ширванском и Карабахском. Она значительно могла усилить отряд, но между тем не меньшую приносила пользу, служа залогом в поведении ханов. Неохотно приняли они сие поручение, но не смели его не исполнить. Мустафа же хан Ширванский не прислал ни одного из знатных людей или ему близких.

Аслан-хан Кюринский с величайшим усердием присоединил к нашим войскам конницу свою и пехоту, которые набрать мог.

Генерал-майор князь Мадатов, сделавший смелый марш в самые твердые места Табасарана, разбил мятежников. Жители, пребывавшие верными, много способствовали ему знанием земли и дорог. Главный бунтовщик Эрсинский Абдула-бек, зять беглого Ших-Али-хана, имевший большое влияние в народе, потеряв имущество, бежал в горы.

Жители города Башлы, ожидая наказания, пригласили разные народы соседних вольных обществ и между ними отличающийся храбростию народ, называемый кабодерги, и в силах довольно значительных вознамерились защищать город, в котором успели поправить почти все строения, в прошедшем году генерал-майором Пестелем разоренные. Генерал-майор князь Мадатов атаковал город, и жители, весьма недолго защищавшись, рассеялись. Дом уцмий и весь город разрушен до основания. Уцмий, с своей стороны собрав людей, ему приверженных, войскам нашим содействовал, но сам лично, по недоверчивости, избегал случая быть при войсках.

Желая уничтожить в нем чувство недоверчивости и показать ему, сколько начальство готово благотворить во всяком случае людям, постоянным в своих обязанностях, приказал я отпустить сына его, живущего в Дербенте в виде аманата. Лишь только получил он его, тотчас с ним и вместе с семейством удалился в верхний Каракайдак, который не оказывал нам повиновения.

Генерал-майор князь Мадатов имел с ним свидание, но не иначе, как поехав к нему один, тогда как он сам окружен был толпою вооруженных людей. Напрасны были старания уговорить его, чтобы возвратился. Он обещевал быть в верности непоколебимым, но приметно было желание изменить. Вскоре потом, набрав партию, делал он набеги на дорогу между Дербентом и Тарку, грабил проезжих и торгующих и вошел в связи с явными нашими врагами, думая с помощью их удержать за собою свои владения.

Таковы были многих надежды на Дагестан и до толе еще могущественных акушинцев. Генерал-майор князь Мадатов, делая с отрядом движения, не давал ему поблизости верного убежища. Родственники его,

во вражде с ним бывшие и сильную в народе имевшие партию, действовали против него вместе с нами. Они успели жителей города Башлы привести в раскаяние, и как они, равно жители селений Терекеминских, приняли присягу на подданство, и им позволено возвратиться на прежнее жительство.

Вместе с сим лишился уцмий всех своих доходов. Не было средств наделять наградами приверженцев, не из чего было составить войск, и те, которые прежде обнадеживали в помощи, видя его ничтожество, к нему охладели. Прокламациею объявил я его изменником и что никто из фамилии его впредь не будет уцмием. Таким образом, уничтожилось достоинство уцмия, несколько веков существовавшее в большом между здешними народами уважении.

В течение августа месяца аварский хан начал собирать горские народы, обещая им не только препятствовать нам производить работы, но прогнать нас за Терек и разорить Кизляр; легковверные последовали за ним, и их составилось не менее 6 или 7 тысяч человек. Он пришел к селению Боутугай, в 16 верстах от Андрея лежащему по реке Косу, и занял в ущелье весьма твердое место, которое сверх того укрепил завалами и окопами. Чеченцы пришли ему на помощь; жители кумыкских владений готовы были поднять оружие, из Андрея многие из узденей, отличнейший класс в городе составляющих, с ним соединились. Принадлежащие городу деревни, называемые Солотанскими, нам изменили; словом, все вокруг нас было в заговоре.

Чеченцы сделали нападение на табуны нашего отряда и отогнали не менее 400 упряжных лошадей артиллерии и полкам принадлежащих. Недалеко от лагеря повсюду были неприятельские партии; сообщение с линиею удерживаемо было большими конвоями от самого лагеря до переправы на Тереке. Пост в Сулаке при селении Казиярте должен был я усилить двумя ротами и с двумя орудиями, ибо дагестанцы угрожали прийти прямейшею на Кизляр дорогою.

В сем положении производил я работы даже в ночное время при зажженных кострах, спеша сделать укрепления способными к какой-нибудь обороне на случай нападения до прибытия войск, которых ежедневно ожидал я из России.

Первый пришел ко мне 42-й егерский полк из Таганрога, и я, дав ему самый краткий растах, в ночь

на 29 число августа выступил, чтобы атаковать аварского хана. В крепости, совсем еще не вооруженной, оставил я достаточный гарнизон и несколько пушек.

Неприятель впереди позиции своей встретил мой авангард сильным огнем и бросился с кинжалами. Две роты 8-го егерского полка, удивленные сею совсем для них новою атакою, отступили в беспорядке, но артиллерия удерживала стремление напавших. В сие время прибыли все войска, и баталион Кабардинского пехотного полка, ударив в штыки, все опрокинул, и если бы изрытые и скрытые места не способствовали бегству неприятеля, он понес бы ужасную потерю, но скоро мог он собраться позади своих окопов. Деревню Боутугай тотчас заняли наши войска. Я, избегая потери, не допустил атаковать окопы, но удовольствовался тем, что мог стеснить неприятеля в горах, отрезав сообщение с равниною, откуда получал он продовольствие, уверен будучи, что недолго в таком останется он положении. Перестрелки продолжались сначала довольно горячие, но артиллерия наводила величайший ужас, и неприятель смешным образом прятался от оной. В ночи на 3-е число бежал с неимоверною поспешностию и в беспорядке. Вслед за ним сделал я один марш в горы, но уже догнать было невозможно. Войска возвратились в крепость, которой дано наименование Внезапная.

Между бегущими лезгинами произошли драки и убийства. Возмутившиеся ожидали нашего наказания. Салотавские деревни просили пощады, на них наложен штраф и ежегодная дань. Таким образом вдруг в пользу нашу обратились все обстоятельства. Аварский хан бежал в Авар [ию], сопровождаемый проклятием разорившихся.

В город Андрей, совершенно прежде оставленный, начали жители возвращаться, но главные из возмутителей подвергнуты конскрипции.⁴⁸

Аксаевских и Андреевских владельцев наказал я за то, что без ведома их не могли пройти чеченцы, отогнавшие лошадей наших, что было доказано свидетелями, и они должны были доставить мне равное число из собственных лошадей. Таким образом вдруг в пользу нашу обратились все обстоятельства.

Шамхал между тем по настоянию моему старался удерживать акушинцев в мирном расположении. Они приехали к нему в большом числе, под видом будто бы примирить его с соседями и заставить брата авар-

ского хана возвратить захваченные у него деревни, но точное намерение их состояло в том, чтобы, пользуясь его боязнью, брать с него подарки и деньги. Шамхал имел осторожность не верить обещаниям их и обо всем давал мне известия, прося беспрестанно о помощи.

Еще прибыли полки: Апшеронский к отряду, Куринский оставлен до особого назначения на линии.

От генерал-лейтенанта Вельяминова 1-го получено известие о происшедших в Имеретии беспокорствах. Причины оных следующие. Экзарх⁴⁹ Грузии Феофилакт, определен будучи для управления духовною частию в Грузии и Имеретии, не узнав подробно обстоятельство, сделал представление Синоду о многих переменах по вверенной ему части, вследствие одного уничтожилось значительное число церквей и приходов, коих причты⁵⁰ оставались без должностей в ожидании размещения на вакансии. Перемены сии были частию необходимы, ибо духовенство было в числе чрезмерном, церкви в бедности и потому без приличного благолепия, доходы без определительности, употребление оных без ясной отчетности. Перемены сии однако же не весьма нравились, ибо в числе духовенства в здешней стране есть люди, принадлежащие знатнейшим фамилиям, имеющие сильные связи. Их оскорбляла строгая подчиненность, уничтожившая прежнее их значение; не менее огорчало то, что не могли они употреблять доходы безотчетно и в свою пользу; но в Грузии не произвело сие никаких худых последствий, ибо экзарх призвал к содействию местные власти. В Имеретии же людьми неблагонамеренными между дворянством, паче же своим духовенством, преобразование управления истолковано было возмутительным образом, и простой народ, в невежестве своем наиболее послушный оному, по сделанным тайно внушениям, не только во многих местах не допустил посланных от экзарха комиссионеров для описания церковного имущества, но угрожал оным, и они были даже в опасности потерять жизнь. Митрополита Феофилакта не раз предупреждал я, что нельзя приступить к равным переменам как по Грузии, так и по Имеретии, ибо в сей последней по недавней ее независимости власти не в полном действии и им не полное оказывается повиновение, и что простой народ, в состоянии несравненно большего невежества, нежели в Грузии, легко может быть возбужден к беспокорствам, и надобно будет прибегать к мерам крайним для

укрощения. Митрополит казался согласующимся с моим мнением, но думал, что присутствием своим удалит всякий беспорядок и успеет исполнить свое намерение, ввести новое преобразование. Он отправился в Имеретию и, пребывая в Кутаисе, управлял действиями своих комиссионеров; но когда начал народ собираться толпами, власти, в округах учрежденные, не в состоянии будучи удержать его в послушании и рассеять скопища, удалились, и надобно было послать войска для умирения их, тогда митрополит уехал обратно в Грузию. Поспешность обнаружила малодушие его и робость, и он, угождая требованиям буйственного народа, приказал возвратить сделанное описание некоторой части церковных имений.

Генерал-майор Сысоев успел без выстрела обратить жителей в дома свои, и толпы рассеялись. Не взирая на сие приметно однако же было неудовольствие народа, известны были люди, возбуждавшие его, и нельзя было сомневаться, что при малейшем случае водворится мятеж.

Я поспешил приходящие полки из России обратить на укомплектование войск, в Имеретии и Мингрелии расположенных. Митрополиту Феофилакту сообщил, что нельзя оставить без исполнения высочайше утвержденное преобразование, раз уже приступивши к оному; что всякое в подобном случае снисхождение народам непокорливым принято будет за слабость и даже боязнь правительства и может иметь весьма неприятные последствия. Я объявил ему необходимость взять двух старших имеретинских митрополитов, которые весьма ощутительно противились преобразованию и в народе рассеивали нелепое высочайшей воли истолкование, самому ему как первосвященнику не оказывая надлежащего уважения.

Оскорбленное самолюбие горделивого монаха одобряло мое намерение. Я сообщил генерал-лейтенанту Вельяминову 1-му о сделании распоряжения взять митрополитов сколько возможно скромным образом и менее возбуждая негодование народа. В особенности надлежало удалить митрополита Путателя, явно ненавидящего российское правительство, чего он даже скрывать не старался. Давно известны были поступки сего неблагонамеренного человека, но правительство боялось беспокойств в Имеретии и потому оставляло его совершенно в действиях свободным.

По воспоследовавшей смерти генерал-майора Исмаил-хана Шекинского приказал я для описания провинции и доходов отправить артиллерию генерал-майору Ахвердову к правителю канцелярии моей статскому советнику Могилевскому. Издал прокламацию, что ханство Шекинское навсегда принимается в российское управление. Приказал всю фамилию хана отправить в Елисаветполь, дабы не могла производить беспорядков; назначил всем членам оной на первый случай пристойное содержание вплоть до усмотрения, каких вознаграждений они достойны за имущество, обращаемое в распоряжение казны. Всем персиянам, которые некогда переселились с отцом умершего хана, приказал я дать позволение возвратиться в Персию, если у нас остаться не пожелают. Удерживать их я не старался; ибо они, будучи другой секты, у жителей провинции были в ненависти, как не менее потому, что находясь при хане в почетнейших должностях, озлобили народ притеснениями.

Желая наказать чеченцев, непрерывно производящих разбой, в особенности деревни, называемые Качкальковскими жителями, коими отогнаны у нас лошади, предположил выгнать их с земель Аксаевских, которые занимали они, сначала по условию, сделанному с владельцами, а потом, усилившись, удерживали против их воли. При атаке сих деревень, лежащих в твердых и лесистых местах, знал я, что потеря наша должна быть чувствительною, если жители оных не удалят прежде жен своих, детей и имущество, которых защищают они всегда отчаянно, и что понудить их к удалению жен может один только пример ужаса.

В сем намерении приказал я Войска Донского генерал-майору Сысоеву с небольшим отрядом войск, присоединив всех казаков, которых по скорости собрать было возможно, окружить селение Дадан-юрт, лежащее на Тереке, предложить жителям оставить оное, и буде станут противиться, наказать оружием, никому не давая пощады. Чеченцы не послушали предложения, защищались с ожесточением. Двор каждый почти окружен был высоким забором, и надлежало каждый штурмовать. Многие из жителей, когда врывались солдаты в дома, умерщвляли жен своих в глазах их, дабы во власть их не доставались. Многие из женщин бросались на солдат с кинжалами.

Большую часть дня продолжалось сражение самое

упорное, и ни в одном доселе случае не имели мы столько значительной потери, ибо кроме офицеров простиралась она убитыми и ранеными до двухсот человек. Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и число оных не менее могло быть четырехсот человек. Женщин и детей взято в плен до ста сорока, которых солдаты из сожаления пощадили как уже оставшихся без всякой защиты и просивших помилования (но гораздо большее число вырезано было или в домах погибло от действия артиллерии и пожара). Солдатам досталась добыча довольно богатая, ибо жители селения были главнейшие из разбойников, и без их участия, как ближайших к линии, почти ни одно воровство и грабеж не происходили; большая же часть имущества погибла в пламени. Селение состояло из 200 домов; 14 сентября разорено до основания.

30 числа сентября я сам пошел с 6-ю батальонами и 16-ю орудиями артиллерии к деревням Качкалыкским, и 2 октября атакована деревня Горячевская, сильнейшая из них. Твердое положение оной местами укреплено было окопами, но чеченцы, будучи выгнаны из них штыками, не могли удержаться в самой деревне и только производили перестрелку из лесов, ее окружавших. Потеря наша была ничтожная.

Через день войска приблизились к деревням Ноенберды и Аллаяр-аул. Из первой выгнаты чеченцы сильною канонадою, последняя была ими оставлена, потому что легко могла быть окруженною. Обе разорены совершенно. При возвратном войск следовании чеченцы показались из лесов, но перестрелка не продолжалась. Деревня Хангельды просила пощады, обещавшая жить покойно и не делать разбоев. Аксаевские владельцы ручались за жителей оных, и им дана пощада. Вообще чеченцы защищались без упорности, и ни в одной из деревень не было жен и детей, имущество также было вывезено. Пример Дадан-юрта распространил повсюду ужас, и вероятно мы нигде уже не найдем женщин и семейств.

В сие самое время генерал-майор Сысоев из крепости Грозной с батальоном 16-го егерского полка и Куринским пехотным полком вступал в чеченскую землю чрез урочище Хан-Кале, дабы согласованным с разных сторон движением, развлекая силы чеченцев, облегчить предприятие против селений Качкалыкских; 5 октября войска возвратились в крепость Внезапную.

Между тем получал я от шамхала Тарковского известия, что брат изменника аварского хана собирает войска, дабы истребить его; что вся Мехтулинская провинция, забыв потерпенное в прошедшем году наказание, по-прежнему повинуетя ему.

Акушинцы не только не сдержали обещания смирить его и заставить возвратить захваченные у шамхала деревни, напротив, втайне ему благоприятствовали, желая уничтожить шамхала как человека, нам непоколебимо преданного, хотя по наружности показывали ему приязненное расположение.

Шамхал оставил Тарки, где не мог защищаться против брата аварского хана, ибо как жители города, так и большей части его владений готовы были на него обратиться. Он удалился в небольшой загородный домик и собрал около себя некоторое количество людей приверженных, решившись погибнуть сопротивляясь. Желал я дать ему помощь, но по обстоятельствам не мог того сделать. Брат хана аварского сделал на него нападение довольно с большими силами, и хотя шамхал защищался отчаянно, но конечно должен был уступить им, если бы не устранил их несколько значительный урон, отчего они поспешно разбежались.

Акушинцы заняли земли вольного общества Гарми-Юзень называемого и нам приверженного, где, расположившись, часть войск их прервала сообщение мое с отрядом генерал-майора князя Мадатова, и посылаемые курьеры (верные из татар) проезжали с большою опасностью. В надежде на силы свои и прежние успехи акушинцы думали понудить нас возвратить уцмию Каракайдацкому его владения, и сей предался им совершенно. К себе русских войск они не ожидали, почитая земли свои огражденными горами непреодолимыми.

В то же самое время на крепостцу Чираг, лежащую на границе, отделяющей Кюринское ханство от Казыкумыцкого, сделали нападение дагестанские народы, соседственные акушинцам. Сии последние не могли не иметь в том участия, и Сурхай-хан Казыкумыцкий хотя старался уверять, что народы сии перешли чрез его земли, не прося его на то согласия, и когда не имел он о намерении их ни малейшего известия, но весьма ощутительная была его измена, и я приказал принять нужные против коварства его меры, запретив принимать подвластных ему казыкумыхцев во всех на-

ших провинциях, дабы потерю выгод торговли возродить в них на него неудовольствие.

Небольшой гарнизон крепостицы Чираг отразил нападение, и неприятель рассеялся.

Если бы предприятие сие имело некоторый успех, вероятно, что Казыкумыцкое ханство, Табассарань и с ними соединившись прочие вольные общества, вспомоществуемые сильною партией, которую беглый Ших-Алихан имел в Дербенте, произвели бы беспокойство в Кубинской провинции, где войск чрезвычайно было мало. Я должен был бы обратить туда отряд генерал-майора князя Мадатова, которому предстояло другое назначение.

Примечательно также было сомнительное поведение Мустафы, хана Ширванского, который принимал посланных к нему акушинцев старших с просьбою о помощи против русских, и отправил с обнадеживанием и щедрыми подарками. Также служащая при войсках наших, набранная в ханстве его конница почти вся возвратилась в дома свои, и он не только не присылал других людей, но и ни малейшего не сделал наказания самовольно отлучившимся.

Все сии обстоятельства показывали мне необходимость идти с войском в Дагестан и наказать акушинцев, которые служили твердою опорю всем прочим народам и могущественным своим влиянием их против нас вооружали. Известно было, что удар, им нанесенный, прочие народы как слабейшие удержит в страхе и покорности. В крепости Внезапной ускорены работы сколько возможно. Жилища для гарнизона, на зимнее время необходимые, устроены, артиллерия для вооружения крепости доставлена. Оставив один баталион в гарнизоне для охранения оной, 11-го числа ноября выступил я в город Тарки, куда двумя днями прежде отправил часть войск с полковником Верховским. Ему приказано было приуготовить квартиры, ибо некоторое время должен я был остановиться, дабы отряд генерал-майора князя Мадатова мог прибыть из Каракайдацкой области.

14-го ноября пришел я в Тарки, немедленно отправил приказание генерал-майору князю Мадатову прибыть с войсками и всею татарскою конницею в селение Карабудагент, от Тарки в 30 верстах, и, расположив оную, приехать самому за приказанием.

Начавшаяся дождливая погода вскоре переменялась

на весьма холодную, и несколько дней непрерывно шедший снег выпал в таком количестве, что артиллерия и обозы были совершенно оным покрыты. Тесные улицы города так завалены были, что прекращено было сообщение. Отряд генерал-майора князя Мадатова с величайшими затруднениями перешел из Каракайдака, испытав в пути жестокие метели и холод.

В ожидании перемены погоды пробыл и я в Тарках 17 дней; между тем подвозился из Кизляра провиант, ибо находившийся в запасе был уже большею частию в расходе.

Акушинцам отправил я бумагу, коей требовал, чтобы они дали присягу на верность подданства императору, прислали лучших фамилий аманатов, не давали у себя убежища неблагонамеренным и беглецам, возвратили имеющихся у них русских пленных. Обещал, если не согласятся, наказать оружием и взять главный город, Акуша называемый. Жителям провинции Мехтулли, коих акушинцы склоняли на свою сторону, послал я объявить, что, если не останутся они покойными в домах своих, разорю их до основания и пленных отошлю в Россию. Сии были в ужаснейшем страхе, ибо участвовали в возмущении изменника аварского хана, были в сражении при Боутугае и сопровождали брата его, когда сделал он от шамхала нападение. Сей последний, бывший главною причиною беспокойств в Дагестане, незадолго пред сим умер. Его отравила прекрасная жена его, которой начинал он замечать распутство.

К шамхалу приезжали некоторые из старшин акушинских под разными предлогами, но главное их желание состояло в том, чтобы узнать о числе войск наших и точно ли есть намерение наше вступить в их землю. Всякий раз бывали они у меня, и сего не мог я скрывать от них, раз объявивши мое требование, которое впрочем почитали они за одни угрозы.

Шамхал имел между акушинцами верных людей и потому знал обо всем, что между ними происходило, и о решительном намерении их защищаться. Достоверно известно было, что они, приуготовляя все свои силы, приглашают соседей.

Декабря 2-го числа собранные до 2 тыс. человек жители исправили дорогу, а в некоторых местах расчищали глубокий снег до самой земли, и я выступил в селение Кумторкали, авангард вошел в Мехтулинскую провинцию. Все потребное для войск было в готовности

и повсюду совершенное спокойствие. Погода стояла прекраснейшая против обыкновенной, и признака не было снега, хотя уже приближались мы к горам.

В селении Шора соединил я все войска, и отряд генерал-майора князя Мадатова прибыл из Карабудагента. Незадолго перед сим акушинцы довольно в больших силах занимали гору Калантау, чрез которую лежит лучшая дорога в их владения. Подъем не менее шести верст и в некоторых местах довольно крутой затруднял вход на гору; неприятель, с удобностию защищая оный, мог причинить нам чувствительный урон; но мне удалось посредством шамхала внушить акушинцам, что они раздражат русских, занимая землю, принадлежащую Мехтулинской провинции, находящейся под их покровительством. Они оставили гору Калантау, и сие немало облегчило мои предприятия. Немедленно часть войск расположил я на вершине горы, и не менее трех дней продолжался подъем на гору артиллерии и сколько возможно меньшего числа прочих тягостей. Все надобно было втаскивать волами, ибо по крутизне горы лошади не могли быть употреблены без изнурения.

Генерал-майор князь Мадатов с четырьмя баталионами пехоты и частью артиллерии расположился у селения Урума, близ границы Акушинской. Селение сие, принадлежащее мехтулинцам, разорено было пребыванием войск акушинских. Взятые в проводники жители земли, не веря успеху предприятия нашего, посланному для обозрения мест подполковнику Верховскому показывали, как бы в насмешку, места, где разбиты были войска Шах-Надира, дороги, по коим спасались они рассеянные. Таково было мнение о могуществе акушинского народа, и немало удивляло всех появление наше в сей стране. Предместники мои не имели такого количества войск, чтобы идти в горы почти неприступные, к народам, славящимся воинственными способностями.

12-го числа декабря генерал-майор князь Мадатов оттеснил неприятельские передовые караулы и осмотрел им занимаемую не в дальнем расстоянии позицию.

16-го числа пришел я с остальными войсками к селению Урума, на другой день делал обозрение расположения неприятельских войск.

Приметны были многочисленные толпы, занимающие обширное пространство по хребту довольно больших возвышений, к коим доступ чрезвычайно был затруднителен по причине крутизны и защищаем укреплениями,

из плитного камня построенными. Нельзя было идти по большой дороге, ибо по мере приближения к позиции спускалась она в глубокий и тесный овраг под самыми выстрелами.

Невозможно было при обозрении видеть всех сил неприятельских, ибо оные частью скрывались за высотами, но замечено было более десяти тысяч человек; правое крыло позиции прилегало к речке, протекающей в берегах чрезвычайно утесистых, чрез которую переправа была неудобна, и потому противоположный берег не был укреплен и только малыми охраняем караулами. Неприятельские стрелки встретили нас, не доходя далеко до позиции, дабы воспрепятствовать обозрению, перестрелка была ничтожная, я не приказал употребить артиллерию.

С мною находился шамхал, которому поручил я под начальство собранных по приказанию моему мехтулинцев, с коими соединил он своих подвластных. Не имел я ни малейшей надобности в сей сволочи, но потому приказал набрать оную, чтобы возродить за то вражду к ним акушинцев и поселить раздор, полезный на предбудущее время.

В лагерь наш приезжали многие из старшин акушинских с разными переговорами, никогда не давая прямого на требования мои ответа; вероятно искали выиграть время, дабы умножить средства обороны, ибо усмотрено было, чтобы работы производились с деятельностью. Или протянуть до ненастной погоды, которой, судя по позднему времени, ожидать надлежало, что могло иметь весьма неприятные для нас последствия. Приметно было, что старались они осмотреть наши войска, но изрытое местоположение скрывало их, и по недостатку дров мало весьма было огней на бивуаках, почему также не могли они судить о количестве.

Не преставал я настоятельно требовать ответа, представляя, сколько упорство со стороны их может быть для них пагубным; но они не только не изъявляли по гордости своей никакого согласия, напротив, присланные 18-го числа старшины ответствовали довольно дерзко, уверяя впрочем, что о настоянии моем рассуждаемо будет в общем совете, которого решение сообщат они мне в непродолжительном времени. Таковы были отзывы их и прежде, и чрез людей, подсланных от шамхала, известно было нам, что ежедневно собираемый совет, по разности мнений, ничего твердого постановить

не может, что рассуждения многих благоразумнейших из старшин остаются без внимания; что молодые люди, наиболее имеющие влияние на главного кади, также молодого человека, желают непременно защищаться и народ к тому возбуждают, представляя, что покорность русским разрушают они воинственную свою славу и знаменитость между дагестанскими народами.

Присланных старшин приказал я, угощая вежливейшим образом, задержать в лагере, и они не прежде отправились обратно, как около полуночи, а в три часа за полночь выступили войска к неприятельской позиции, отстоящей не более восьми верст. Ночь была месячная и чрезвычайно ясная, но войска приблизились почти на пушечный выстрел, не будучи примеченными. До рассвета устроились они в боевой порядок, и пять батальонов пехоты под командою генерал-майора князя Мадатова, спустясь глубокими рытвинами к реке, перешли беспрепятственно на противный берег. Неосторожный неприятель не защищал переправы, и сие одно уже могло ручаться за успех; движение сих войск в гористом местоположении долго не было примечено, и потому прошли они довольно большое расстояние, не будучи встречены неприятелем. Вскоре увидели мы, что из позиции большие толпы поспешно обратились против отряда генерал-майора князя Мадатова, и вдруг загорелся сильный ружейный огонь. В сие время войска, при коих я находился, выслав стрелков, сбили передовые посты пред главною позицією, и батарейная артиллерия начала действовать на укрепления. Но с сей стороны менее опасался неприятель, ибо приближение к укреплениям было (как и выше сказано) чрезвычайно затруднительно. Шамхал, с своими толпами занимавший конечность правого нашего фланга, имел перестрелку с небольшими неприятельскими постами, по возвышениям поставленными, принудил их к отступлению.

Конечно, не с сей стороны могли акушинцы ожидать решительного нападения, но не менее отвлекало оно некоторую часть сил их и для нас тем более полезно было, что прикрывало расположением своим запасный наш парк и за войсками идущие обозы.

Приспевшие к отряду генерал-майора князя Мадатова шесть орудий устроились на продолжении укрепления, и рикошетная стрельба наносила вред полкам. 300 человек линейных казаков, опрокинув слабую неприятельскую конницу, заняли впереди большое про-

странство и высоту, с которой могли легко спуститься к дороге в тылу неприятеля. Пехота отряда генерал-майора князя Мадатова поддерживала казаков стрелками, которые в то же время начинали приближаться к дороге, угрожая овладеть ею. В позиции неприятельской происходило величайшее смятение, и вскоре толпы бросились в поспешнейшее бегство, так что из некоторых укреплений, наиболее подверженных действию артиллерии, исчезли они мгновенно. Со стороны, где я находился, татарская наша конница набранная в ханствах, с решительностью ударившая на неприятеля, бегущего по большой дороге, изрубила несколько человек и понудила его оставить дорогу. С частью войск начальник корпусного штаба генерал-майор Вельяминов пошел поспешно за неприятелем, поддерживая татарскую конницу, которую неприятель беспокоил с гор выстрелами. Пехота отряда генерал-майора князя Мадатова, переправясь обратно на наш берег речки, с ним соединилась, и селение Лаваша, лежащее в верстах четырех от нашего расположения, немедленно занято. Татарская конница и казаки по обеим сторонам речки посланы вперед преследовать бегущих. Перекопанная во многих местах большая дорога исправлена, и на ночлег при селении Лаваша пришла к войскам вся артиллерия и обозы. Толпы шамхаловой милиции рассеялись грабить ближайшие деревни.

В селении Лаваша захвачено несколько жителей, которые не успели увезти семейств своих и для них оставались. Они рассказали нам, что тут было во все время пребывания главного кади акушинского и знатнейших из старшин. Ежедневно собирались совещания, и вчера еще уверяемы были жители, что русские не придут; ибо по малочисленности своей сделать нападение не осмеливаются. Один из бывших в лагере нашем старшин, возвратясь, объявил, что нас весьма немного и войска в таком изнуренном состоянии, что против них едва ли оружие употребить достойно. По таковым известиям жители во всех далее деревнях не вывозили семейств своих и имущества, и повсюду совершенное спокойствие.

Тут узнали мы, что с тремя тысячами человек находился единственный сын Сурхай-хана Казыкумыцкого, что на помощь акушинцам приходили койсубукинские народы и многие другие вольные общества Дагестана, менее их значительные, и весьма правдоподобно

было показание жителей, что все вообще силы составляли более двадцати тысяч человек. Уцмий Каракайдацкий, известный между здешними народами человеком отличной храбрости, с сыном своим находился против войск левого нашего крыла, и жители селения Лаваша видели его, бежавшего ранее прочих. Вместе с ним бунтовавший родной племянник и зять шамхала. Ших-Али-хан дербентский составлял главнейшую в совещаниях особу, но в опасности не вдавался и в бегстве не был из последних. Аварский хан не был, из его поданных приходили весьма немногие.

Судя по твердости неприятельской позиции, я решился на довольно значительную потерю, и она конечно была бы таковою, если бы отряд генерал-майора князя Мадатова нашел сопротивление при переправе и были заняты трудные места, которые прошел он без выстрела. Но тогда уже встретил его неприятель, когда, воспользовавшись местоположением, мог он развернуть свои силы и уже начинал обходить конечность правого его крыла, после чего вскоре укрепления подверглись действию артиллерии. Сражение вообще продолжалось около двух часов. Неприятель не успел употребить четвертой части сил своих: затруднения в переправе на правый берег реки не допустили обратить таковых, которые бы в состоянии были остановить успехи генерал-майора князя Мадатова, коего решительное и весьма быстрое движение было главнейшею причиною его бегства. Потеря наша вместе с татарскою конницею не превзошла пятидесяти человек, что конечно не покажется вероятным.

Во весь переход 20 числа декабря не видали мы неприятеля; посланные в разъезд партии открыли, что жители из всех деревень вывозят в горы свои семейства, угоняют стада. Конница наша взяла несколько пленных, отбила обозы и множество скота. В селениях находили имущество, которое жители спасти не успели.

Приказано было истреблять селения, и между прочими разорен прекраснейший городок до 800 домов, Уллу-Айя называемый. Отсюда с такою поспешностию бежали жители, что оставлено несколько грудных ребят. Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание.

Многие старшины деревень пришли просить помило-

вания; не только не тронуты деревни их, ниже не позволено войскам приближаться к оным, дабы не привести в страх жителей. На полях хлеб их, все заведения и стада их остались неприкосновенными. Великодушная пощада, которой не ожидали, истолковала акушинским народам, что одною покорностью могут снискать свое спасение, и уже многие являлись с уверенностью, что они найдут снисхождение.

Посланные партии к стороне главного города Акуши, отстоящего от ночлега нашего в 15 верстах, заметили чрезвычайно большое стечение в городе народа и движение необыкновенное, из чего можно было заключать, что жители приуготавливаются к защите. По слухам знала, что дорога на расстоянии 6-ти верст к городу проходит весьма тесною ложиною и местами, где неприятель может нанести нам большой урон, занимая окрестные и во многих пунктах неприступные высоты; что нет дороги, которую бы возможно было обойти оные, и что сверх того сам город лежит в самых крепчайших ущельях, среди коих отделившийся холм защищает вход в них на расстоянии не более выстрела.

Отправив с начальником корпусного штаба генерал-майором Вельяминовым и генерал-майором князем Мадатовым казаков и татарскую конницу до 1500 человек, приказал я осмотреть окрестные города места, не вступая с неприятелем в дело до прибытия пехоты, войскам приказано было выступить весьма рано. На пути встречен был я двумя из важнейших старшинами, из коих один был прежде главным кади. Они просили, чтобы одними сутками умедлил я приближение к городу, и что между тем употребят они старание согласить жителей просить прощения. В ответ, что мог бы я поверить присланным с воли народа, но тогда не было бы их двое, они же не предлагают от имени его, но собственное свое старание, и потому на одних подобных обещаниях не могу я остановить моих предприятий, и войска продолжали марш свой. Старшины уехали. Начальник корпусного штаба прислал сказать, что беспрепятственно дошли они до города, и оный найдя оставленным жителями его, заняли. Вскоре пришел я с войском и расположился в городе. Все окрестные горы наполнены были спасающимися жителями с их семействами и имуществом; я запретил их преследовать, хотя, рассеянными и объятами ужасом, легко можно было овладеть ими. В городе нашли мы несколько хлеба...

К шамхалу явились знакомые ему люди и посредством их вызваны многие из знатнейших старшин, а вскоре и сам главный кади, который весьма боялся явиться, будучи причиною своевольства акушинцев и следуя внушениям вредных нам людей, которых принимал всегда с особенным дружелюбием и оказывал им помощь.

Наконец начали появляться жители и водворяться по-прежнему. В лагерь приходили женщины отыскивать грудных ребят своих, которых солдаты сберегали. Одному из знатнейших старшин возвращена была молодая дочь его, которую во время плена ее содержали с должным уважением. В городе разорить приказал я несколько домов, принадлежащих друзьям беглеца Ших-Али-хана и участвовавших с ним во всех вредных замыслах его против нас. Войскам доставлен был провиант, в котором начали они нуждаться. Собравшиеся жители и главнейшие из старшин приведены были к присяге на подданство императору в великолепной городской мечети; войска были под ружьем и сделан 101 выстрел из пушек.

Я назначил главным кадием бывшего в сем звании незадолго прежде и добровольно сложившего оное старика, известного кроткими свойствами и благонамеренностью, и выбор мой был принят акушинцами с удовольствием. От знатнейших фамилий приказал я взять 24 аманата и назначил им пребывание в Дербенте. Наложена дань ежегодная, совершенно ничтожная, единственно в доказательство их зависимости. Они обязались никого не терпеть у себя из людей, правительству вредных, были признательны за пощаду и видели, что от меня зависело нанести им величайшие бедствия. Мне при выражениях весьма лестных поднесена жителями сабля в знак особенного уважения. Многим из отличнейших людей, в особенности пяти кадиям, начальствующим в магалах или округах, роздал я приличные подарки; некоторых, потерпевших разорение, наделил скотом, отбитым во множестве.

Во время пребывания в Акуше явился бунтовавший зять шамхала и некоторые беки, сопровождавшие в бегстве Ших-Али-хана, прося о помиловании и позволении возвратиться на родину, и получили прощение. Нескольких магалов жители казыкумыцкие, недовольные поступками Сурхай-хана, пришли с жалобой на него и просили, чтобы я их отдал под покровительство пол-

ковника Аслан-хана Кюринского, которому они присягнули в покорности. Аслан-хан с самого начала военных действий находился с своими войсками в отряде генерал-майора князя Мадатова в Табасаранской и Каракайдацкой провинциях и при мне в Акуше. Ему за непоколебимую верность и усердие государю обещал я Казыкумыцкое владение и достоинство хана в непродолжительном времени.

В Акуше с достоверностию узнал я о связях Сурхай-хана Казыкумыцкого и Мустафы-хана Ширванского с Дагестаном и о стараниях их возмущать оный против нас, думая, что тем обратят на себя большое уважение правительства, из опасения, что они могут участвовать в намерениях народов дагестанских. Из захваченных письменных дел главного кади открылись тайные действия многих других изменников и злодеев, и в собственности уцмия Каракайдацкого и хана Аварского. Мать сего последнего, имевши двух своих дочерей в замужестве за шамхалом, просила письмом акушинского кади, чтобы он старался схватить шамхала и доставил бы ей удовольствие выпить его крови. Какие нежные чувства женщины и великодушная попечительность о зяте!

Тут же бежавший от Ших-Али-хана казначей, долго при нем служивший, сказывал, какие и когда пособия деньгами или в вещах доставляла ему Персия, и в каких еще в недавнем времени находился он в сношениях с наследником Аббас-Мирзою. Что почасту скудны бывали сии пособия, что недоставало на содержание, и он принужден был войти в долги и находиться в беднейшем положении, ибо потеряна надежда, чтобы когда-нибудь заплатит оные Персия согласилась. С начала бегства Ших-Али-хана имел при себе довольно многочисленную свиту, желая тем придать себе более важности, и сие требовало от него больших издержек и наконец последние средства его истощило.

26 числа декабря выступил я из Акуши обратно, сопровождаем поставленным мною главным кадием и всеми почетнейшими старшинами, которых и отпустил я с первого моего ночлега.

Провинция Акушинская имеет жителей не менее пятнадцати тысяч семейств; лежит вообще вся в местах гористых, среди коих заключаются не весьма обширные, но прекрасные долины. Земля оной весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет малейшего

пространства невозделанного; каждого поселянина участок отделен межою. В некоторых местах произрастают хорошие леса, но рек весьма мало. Селение все обстроено опрятно, дома содержатся с особенною чистотою, которая приметна на самых дворах и гумнах. Жители главного города поблизости от оного имеют загородные дома или хутора. Отличительные народа свойства есть добронравие и кротость. К воровству нет склонности ни малейшей, праздность почитается пороком и ободряется трудолюбие. Но начинает вселяться разврат от употребления горячих напитков, к которым большое имеют пристрастие. Доселе роскошнейшим служит казенное наше вино, и разве спасет их то, что вице-губернаторы продают вместо водки воду!..

27 числа декабря отпустил я в дома набранную в ханствах татарскую конницу; отряд войск генерал-майора князя Мадатова отправился в Дербент и Кубу к квартирам.

От генерал-майора барона Вреде, командующего в Кубинской провинции, получил известие, что Сурхай-хан Казыкумыцкий с войсками в числе не менее 5 или 6 т [ысяч] атаковал Чирагское укрепление. Командующий в оном двумя весьма некомплектными ротами Троицкого пехотного полка штабс-капитан Овечкин, защищаясь отчаянно, два раза отражал штурмовавшие толпы, но не взирая на понесенный урон неприятель упорствовал в намерении взять укрепление, приступил к заготовлению лестниц, и может быть преодолел бы ужасною несоразмерностию сил, ибо находившаяся в укреплении артиллерия, по причине возвышения своего, не могла вредить неприятелю до самого его приближения, и одна сторона довольно удобна была для приступа. Но внезапное известие о занятии войсками Акуши в такой привело ужас Сурхай-хана, что не только он бежал и толпы его мгновенно рассеялись, но послал даже в город Казыкумык приказание, чтобы семейство его удалилось в горы. Он ожидал, что измена его не будет оставлена без наказания.

При нападении на Чирак случилось следующее примечательное происшествие. Вне укрепления в близком расстоянии находилась мечеть, обращенная в провиантский магазин; неприятель хотел занять оную, ибо чрез то легче мог подойти к укреплению. Один молодой офицер, защищаясь в мечети до последней крайности, видя наконец, что удержать ее не в состоянии, отпустил

в укрепление свою команду, сам с четырьмя человеками лучших стрелков, запасшись большим количеством патронов, засел в минарете при мечети, и производя величайший вред толпившемуся неприятелю, не допускал его приблизиться к укреплению. Не иначе мог преодолеть неприятель сего бесстрашного офицера и его товарищей, как подкопавши основание минарета и опрокинув его на землю. Офицеру и солдатам предложено было сдаться, но они ответствовали на то выстрелами. По сведениям, собранным после, неприятель одними убитыми имел до пятидесяти человек в продолжение полутора суток их защиты. В виду укрепления были они, уже мертвые, изрублены в мелкие части.

Прибывши 1-го числа генваря в селение Параул, Мехтулинской провинции, дал я отдых войскам, расположив их в селениях по квартирам. После чего вскоре началась зима и весьма жестокая. Я назначил войска, которые под командою подполковника квартирмейстерской части Верховского должны были остаться здесь на зиму. На счет земли учредил снабжение их фуражом и дровами, перевозку провианта из магазинов Кизлярского и Дербентского обратил в повинность мехтулинцам и жителям Табасарана. Отряд войск сих обязан был наблюдать за поведением акушинцев и чтобы они не могли мстить народам, нам содействовавшим.

Шамхалу, дающему собою пример постоянной верности императору, способствовавшему нам всеми зависящими от него средствами, в награду за усердие высочайшим именем государя дал я в Мехтулинской провинции в потомственное владение не менее 2500 семейств, что составит по крайней мере 10 тыс. душ, и снабдил его грамотою. В остальных деревнях учредил наибо⁵¹ (правителя русского начальства), в пользу двух малолетних детей умершего Гассан-хана, брата изменника хана Аварского, которых отправил в Россию вместе с бабкою их, тою злою и гнусною старухою, которой переписка захвачена была в Акуше. Некоторых из старшин мехтулинских и владельца селения Каферкумыцкого, возбудивших в последние два года все мятежи и беспокойства, участвовавшего во всех предприятиях Аварского хана и его брата, в особенности злобствовавших на шамхала за его приверженность к русским, отправил в Кизляр и приказал некоторых повесить, дабы беспокойные соседи Кавказской губернии знали,

что и в Дагестан простирается власть наша, и тщетны их на него надежды!

Желая осмотреть округ Гамры-Езень, отправился я чрез оный и 17 генваря приехал в Дербент, где нужно было мне видеть крепость, которую не знаю почему спешил Инженерный департамент приводить в оборонительное положение. Я нашел, что крепость имеет одно достоинство древности, но что бесполезно укреплять или исправлять оную, ибо часть возвышенная оной или цитадель слишком тесна для вмещения малого даже гарнизона, вся же вообще крепость потребовала бы весьма значительный расход. В общем мнении долгое время Дербент почитаем был непреодолимою твердынею, преграждающею путь от стороны России. Мог он казаться нам таковым, пока земля была нам неизвестна, но почему так разумели о нем древние, когда удобно обойти его, и если точно существовала стена, проходившая по горам, то невозможно по крайней мере употребить повсюду равные для защиты оной средства.

В Дербенте явился ко мне возвратившийся из Хивы гвардейского генерального штаба капитан Муравьев. С ним приехали два посланца от хивинского хана, с которым желал я вступить в сношения. Они представили мне пышные письма хана и ничтожные подарки. Я приказал им отправиться в Тифлис, где должны они были прожить зиму и весною возвратиться в отечество. Сколько ни мало благосклонен был прием, сделанный в Хиве Муравьеву, посланцы доказывали однако же уважение хана к российскому правительству, и я имел надежду на успех в моем намерении.

В Дербенте с удовольствием взглянул я на развалины одной башни, где 24 года тому назад устроена была брешь-батарея, которою командовал я, будучи артиллерии капитаном. В положении моем не мог я быть равнодушным к воспоминанию, и если бы не хотел признаться, никто не поверит, чтобы не льстило оно честолюбию.

Во время пребывания моего в Дербенте один из беков сделал донос на многих, находящихся в сношениях с Ших-Али-ханом и помогающих ему деньгами и вещами...* получают в возврат от персидского правительства, отъезжая туда нередко таким образом с получаемыми от него свидетельствами в принятии пособия. Доноси-

* Отточие в оригинале (сост.).

тель знал все обстоятельно, ибо сам долгое время был их товарищем. Мошенники были большею частью пришельцы из разных стран, не уроженцы земли и люди, производящие лучший в городе торг. Они уличены были и не могли оправдаться. Я в страх другим приказал произвести над ними военный суд. Полезно было рассеять сие гнездо с Дагестаном. Пример такого взыскания произвел большой страх и следствия для правительства невыгодные.

Из Дербента в Кизляр приехал я 12-го числа февраля с намерением отправиться в С.-Петербург, на что имел уже я позволение.

В Кизляре удержан я был множеством дел, собственно до Кавказской губернии относящихся; был потом в Георгиевске и на минеральных водах, где, осмотрев временные ванны, по распоряжению моему вновь построенные, приказал составить архитектурные проекты для всех необходимых зданий. На сей предмет выпрошен мною был весьма искусный архитектор, и предварительно имел уже я уведомление, что по партикулярному письму моему, государю показанному, обещаны были деньги, и о том сообщено мне официально дежурным генералом Главного штаба, что государь жалует деньги для возведения зданий.

По известию, полученному от командующего в Грузии генерал-лейтенанта Вельяминова 1-го⁵², что приказание мое исполнено, и митрополиты из Имеретии вывезены, отложил я намерение ехать в С.-Петербург, напротив, поспешил возвратиться в Тифлис, ибо ожидал, что в Имеретии произойдут беспокойства.

В бытность мою на линии командир 43-го егерского полка полковник Греков делал экспедицию к чеченцам: войска прочистили дорогу чрез урочище Хан-Кале и прорубили вновь дорогу на Гребенчуцкую поляну, на коей расположена деревня сего же имени, известная как убежище главнейших в Чечне разбойников. Полковнику Грекову старались чеченцы делать возможные препятствия, но он, приобывши совершенно к их образу войны, повсюду преодолел оные, и дело кончилось несколькими весьма неважными перестрелками.

В Тифлис прибыл, никем не ожидаемый, 23-го числа февраля. Все думали, что уехал я в Россию.

По собрании подробнейших сведений о бывших в прошедшем году в Имеретии беспокойствах легко заметил я, сколько по слабости своей и нерешительности

неспособен командовать в сем краю правитель Имеретии генерал-майор Курнатовский, и я предложил ему оставить службу. Находясь долгое весьма время на Кавказской линии, где много раз отличился он храбростию, по представлению моему он был определен в сию должность. Его рекомендовали мне особенно хорошо. По увольнении место его приказал я занять командиру 44-го егерского полка полковнику Пузыревскому, офицеру отличного усердия, расторопному и деятельному. Служа два года в той стране, знал он все обстоятельства и жителей оной; знали также, что никто скорее его смирить своевольств не в состоянии.

Один из родственников гурийского владетельного князя, дядя его родной князь Койхосро Гуриел, человек, известный непокорностию своею правительству, явно приверженный туркам и с ними имеющий вредные для правительства связи, не исполнив ни одного из распоряжений, сделанных полковником Пузыревским, знал, что не только не оставит он послушания ненаказанным, но может еще открыть злодеяния его, удалясь из дома своего, где боялся быть захваченным, скрывался в лесах и подговорил людей, которые бы убили полковника Пузыревского.

Вскоре представился удобный случай для произведения сего злодеяния. Полковник Пузыревский, обозревая Грузию, заехал в жилище сего князя, и узнав, что он находится не в дальнем расстоянии, желал видеться с одним из друзей его, который, так же будучи замечен человеком неблагонамеренным, имел тогда у него свое пребывание. В проезд-чрез лес в сопровождении одного офицера, переводчика и одного казака, встретился он с несколькими гурийцами, и когда спрашивал их, где их князь, сделаны по нем ружейные выстрелы, одним из них он убит был на месте, как же убит и казак, офицер и переводчик схвачены и увлечены. Конвойная весьма небольшая команда, которой приказал полковник Пузыревский оставаться назади, не смея идти в лес, где слышны были выстрелы, возвратилась.

Старший военный в Имеретии начальник, Мингрельского пехотного полка командир подполковник Згорельский, собрал тотчас отряд войск и вступил в Гурию, в которой мятежники собрались в нескольких силах. Худо сделавши распоряжения свои, и, как после узнал я, не будучи весьма храбрым человеком, при первых ничтожных препятствиях, потерявши в одной перестрелке

несколько человек, не смел идти далее и возвратился. Сие ободрило мятежников, и не только усилились оные в Гурии, но водворился мятеж в Имеретии⁵³. Невежественное и самое подлое духовенство, паче же родственники вывезенных митрополитов, старались умножить оный. Многие из дворян были участниками, а главнейший виновник всех беспорядков, некто князь Абашидзе, подкрепив шайки мятежников несколькими сотнями жителей Ахалцыхского пашалыка, заставил провозглашать себя царем имеретинским. Мать его, ехидная старуха, от царской фамилии происходящая, обширные имеющая связи, много ему способствовала. Отыскался и один царевич, которого правительство не удалило в Россию по причине скотоподобной его глупости, и сей также нашел людей, которые верили, что произойдет перемена в правлении, и дурак царевич получил большое на оное влияние. Все недовольные соединились, явились повсюду шайки вооруженного народа, прервалось сообщение с Грузиею. Мингрелия, одна некоторое время пребывавшая спокойною, последовала наконец общему движению. Владетельный князь генерал-майор Дадиан остался непоколебимым в верности, но родной брат его, с ребячества в России воспитанный в Пажеском корпусе и служащий лейб-гвардии в Преображенском полку офицером, получив отпуск для свидания с родственниками, завел вражду с братом, и сим не будучи воздерживаем в поведении, проводя жизнь в праздности, развратился до такой степени, что искал убить брата, в намерении сделаться вместо него владетелем, наконец следуя внушениям одного из ближайших родственников, молодого человека самых гнуснейших наклонностей, с которым вступил он в теснейшие связи дружбы, имел он тайные сношения с мятежниками Гурии и взбунтовал против русских. Собрав шайку, напал он на команду, препровождавшую транспорт с порохом и свинцом, из Редут-Кале отправленный, но по горячей довольно перестрелке отбит оною, успевши однако же схватить приставшие две повозки. В другом случае захватил он провиантского комиссионера, посланного с небольшою суммою денег, но вьюки, в коих оная сумма уложена была, спасена расторопностию казаков конвойной команды. Владетельный князь, составив медленно часть войск своих, преследовал взбунтовавшего брата, который скрылся в горы, взятого комиссионера вскоре доставил начальству.

Об убийстве полковника Пузыревского узнал я 17 апреля; немедленно в должность правителя Имеретии определил командира 41-го егерского полка полковника князя Горчакова, офицера храброго, расторопного и хороших способностей.

Для наказания мятежников отправил начальника корпусного штаба генерал-майора Вельяминова, которому поручено стараться истребить убийц или по крайней мере жестокое преследование оных оставить памятником в земле злодейской. Войска Донского генерал-майора Власова 3-го послал на дорогу между Кутаисом и Карталиниєю, дабы обеспечено было сообщение. Приказал баталионам Херсонского гренадерского, 7-го карабинерного и Тифлисского пехотного полков немедленно туда следовать; хотел я отложить действия до осени, когда поросшая ужасными лесами земля может представлять более удобство для движения войск, а мятежникам менее средств укрывать семейства свои и имущества, когда переставшие жары летнего времени не будут рассеивать между войсками убийственные болезни, но медлить до того времени было уже невозможно, ибо из некоторых округов начальники должны были выехать, и власть правительства прекратилась. Во многих местах сделали мятежники нападение на посты наши, прервали между ними сообщение, и некоторым из них, по малочисленности их, надлежало уже дать помощь, дабы не впали в руки злодеев. Сверх того люди, нам приверженные и своим обязанностям не изменившие, угрожаемы были мятежниками, что разорят их, если не будут участвовать в их предприятиях, чего тем более они опасались, что уже были примеры, что некоторые принуждены к тому силою, противящиеся же наказаны истреблением домов и лишением имущества. Войска наши должны были дать им защиту, приспеть в помощь к разбросанным нашим войскам, и так начались действия в самое знойное и нездоровое время, и число в войсках больных умножалось до чрезвычайной степени. Полковник князь Горчаков вошел с отрядом в Рачинский округ, известный гористым и твердым своим местоположением, рассеял мятежников с большим для них уроном.

Многие из жителей, представив ему оружие, вошли в свои жилища и спокойно занялись домашними своими работами. Селения, лежащие недалеко от хребта Кавказа, не повиновались его распоряжениям, но он до-

стиг до них и жестоким наказанием привел в послушание. Другой небольшой отряд разбил шайку царевича Давыда; он был убит, жена и дети взяты в плен. Генерал-майор Власов 3-й стеснил в так называемом Ханском ущелье изменника князя Абашидзе, который, истощив все способы на содержание пришедших из Ахалцыха турок, обольщал их обнадеживанием, что введет их в Имеретию и ее предаст им на разграбление. Видя войска наши, потеряли турки надежду на успех, возвратились в свои границы; небольшое число имеретин, бывших при нем, рассеялись, и он сам, боясь, чтобы оставшиеся, уразумев, в каком они находились бедственном положении, не вздумали, выдав его русскому начальнику, снискать себе прощение, бежал в Ахалцых.

В непродолжительное время Имеретия приведена была в совершенное спокойствие, в некоторых местах даже составлена была милиция, и она ходила с нашими войсками. Многие из главных виновников мятежа схвачены, некоторые сосланы, имения конфискованы в казну, и мужики в восхищении были, когда объявлено им, что они помещикам своим более принадлежать не будут.

После сего начальник корпусного штаба отправился с войсками в Гурию. Мятежники до того напали на пост наш в Чехтаури, состоящий из 70 рядовых при офицере, который, ранен будучи, взят в плен; потеря из нижних чинов простиралась до 30 человек, прочие возвратились. Убийца полковника Пузыревского, собрав сколько можно людей, приготавливался защищаться. В замке его, Шамокмети называемом, находился гарнизон.

Владетельный князь хотя желал прекращения беспоконств в земле его, но ни малых не употреблял к тому средств. Хотя нельзя было упрекнуть его ни одним неблагонамеренным поступком, но окружающие его, и между ними многие известные худыми свойствами и довольно явно благоприятствующие изменникам, внушали ему недоверчивость к правительству и боязнь наказания за происшедшие беспорядки. К начальнику штаба он не являлся, отзываясь разными вымышленными извинениями, и сношение происходило чрез пересылаемых чиновников, иногда приезжал он близко к лагерю и предлагал свидание, делая условие в количестве людей, которые со стороны начальника корпусного штаба должны сопровождать его при свидании. Я наконец

писал к нему, что если бы правительство имело причины быть им недовольным или бы не желало сохранить его в достоинстве владетельного князя, укрывательство не спасет его; что достаточно мне одного слова, и он земли своей не увидит. Обнадежил его в милости государя, и что начальнику войск приказано оказывать ему всякую помощь и во всем охранять его выгоды.

Сперва приехала жена его, которую прислал он, вероятно желая испытать, как принята будет. Оказанное ей уважение и вежливость дали ему понятие, что он не имеет причины опасаться, и он сам приехал в скором времени и уверился в намерениях начальства. Он вспомоществовал войскам доставлением провианта и своих войск, несколько сот человек просил присоединить к ним, в чем впрочем не было никакой нужды.

Не дал я ему чувствовать, что перемену в поведении его отношу я не действию письма моего, но решительным успехам оружия против мятежников. Приметно весьма было, что он выжидал, какой дела примут оборот, и позволительна была некоторая ненадежность после неудачных распоряжений подполковника Згорельского.

Подполковник Згорельский мною представлен был командиры полка, ибо не мог я не иметь о нем отличных мыслей, нашедши его дежурным штаб-офицером корпуса, в каковом звании конечно выгодно бы было предместнику моему иметь человека способного. Не должен я был сомневаться в храбрости его, ибо на полковнике видел С [вятого] Владимира 3-й степени, и оказанный им подвиг описан был великолепным образом.

Генерал-майор Вельяминов вступил в имение убийцы, атаковал замок его Шамокмети. В лесах почти непроходимых, на скале утесистой и только с одной стороны приступной стоит сие убежище злодея, но ни в оном, не почитая себя довольно в безопасности, он не ожидал войск наших, заблаговременно удалился в леса. Войска с величайшею трудностию втащили два орудия, но столько тесно было окружающее замок место, что вместе их поставить нельзя было, и не иначе, как в ближайшем расстоянии.

Мятежники со стен с большим вредом производили ружейный огонь, но вблизи действующая артиллерия немедленно отбила ворота, и они, спустясь в отверстие, сокровище прилегающим к замку лесом, спас-

лись бегством. Не было проводника, которому бы известна была сия сокрытая тропинка, а стрелки наши хотя уже и начинали со стороны оной занимать лес, но не успели овладеть оною. Мятежники понесли незначительный урон, но приобретение замка потому было важным, что оный почитался в Гурии местом непреодолимым, и жители смотрели, какой успех будет войск наших. Самые приверженные к нам думали, что войска, встретив затруднение, отступят. Неблагонамеренные утешались, что неудача с нашей стороны будет сигналом ко всеобщему возмущению Грузии.

Замок истреблен был до основания, одна только оставлена церковь. Полковнику Пузыревскому, в близком расстоянии оттуда застреленному, построена гробница. Владетельный князь представил самого убийцу, молодого весьма человека, который по сделанном им признании, что подговорен был на то Койхосром Гуриелом, загнан на самом месте преступления до смерти⁵⁴.

Начальник корпусного штаба, вышедши обратно из лесов, расположил войска лагерем, откуда посылаемые отряды преследовали мятежников в разных направлениях, и они, скрываясь повсюду в местах самых неприступных, нигде не могли сыскать убежища. Койхосро Гуриел бежал в Турцию, и некоторые главнейшие из злодеев, прочие рассеялись, и вскоре мятеж прекращен был совершенно. Бунтующие селения были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня и чрез многие года не придут изменники в первобытное состояние. Нищета крайняя будет их казнию. Лишение жизни определено наказанием тому, кто примет к себе или не объявит о появлении из Турции разбойников.

В Мингрелию не нужно было посылать войск, ибо скрывавшийся в горах брат владетеля не мог собрать большой шайки, и уже до окончания в Гурии беспокойств бежал в турецкую крепость Поты, вместе с родственником его, который вовлек его в измену и вскоре там умер. Владетель внимательно наблюдал на ним, повсюду выставлены караулы, и он собственными войсками способствовал доставлению провианта от Редут-Кале и по реке Риону.

В Имеретии между тем под руководством военного начальства приводились в известность принадлежащие церкви имущества, и все исполнилось с наилучшим порядком, к чему митрополит Феофилакт без посредст-

ва военной власти не мог склонить никакими средствами. Описание имуществ производилось одним из епископов имеретинских, который, принадлежа к знатной фамилии, имел обширные связи и чрез него удобно было внушить князьям и дворянству, что правительство весьма далеко от намерения присвоить их собственность. Он действовал с усердием, ибо старался загладить вину свою, как имевший некоторое с мятежниками согласие, чего доказательства были в руках моих.

Наказывая неоднократные измены Сурхай-хана Казыкумыцкого, злобнейшего из врагов наших и содействовавшего в прошедшем году акушинцам, коего войска приходили им в помощь и в то же время осаждали Чирацкое укрепление, отправил я в Кубу генерал-майора князя Мадатова, и там, составив отряд войск, долженствующий поступить под его команду, приказал с ним войти в Казыкумыцкое ханство, стараться наказать жестоко изменника, и буде особенных не встретится препятствий, взять главный город. Полковнику Асланхану Кюринскому приказано собрать свои войска; к ним присоединены набранные в Табасаранской провинции и конница от ханств, и все они поступили в состав отряда, назначенного к действию.

Генерал-майор князь Мадатов вступил по направлению от укрепления Чираг, ибо нет другой удобнейшей дороги в Казыкумыцкое ханство. Гористое и чрезвычайно возвышенное местоположение давало возможность совершить сие предприятие в летнее время, не опасаясь от жаров худых последствий. Сурхай-хан Казыкумыцкий, зная о приуготовлении войск, с своей стороны предприимля все меры обороны, пригласил в помощь себе соседние общества вольного народа, и собрав все силы у селения Хозрек, сделал в окрестности оного несколько отдельных укреплений. Были места, известные твердостью и трудные к преодолению или по крайней мере с большим весьма уроном, но не хотел Сурхай-хан удалиться внутрь земли, ибо тогда многие деревни и более населенная часть ханства доставались в руки наши. Аслан-хан Кюринский, непримиримый враг его, мог воспользоваться сильными связями, которые имел он между жителями, и сии, боясь разорения, оставили бы Сурхай-хана и, конечно, изгнали бы его из главного города.

Генерал-майор князь Мадатов, не доходя немного до Хозрека, увидел неприятельскую конницу, которая,

расположась на возвышении близ дороги, имела оную под выстрелами. Часть татарской конницы нашей тотчас вступила в дело, но приведена была в беспорядок, приспевшая же пехота оттеснила неприятеля и открыла дорогу всему отряду. Пройдя непродолжительное дефиле, войскам нашим представились неприятельские окопы и все силы. Окопы прилегали к горе довольно утесистой, и вершина оной занята была большими толпами. Там был особый лагерь стражи Сурхай-хана, который не любил подвергаться опасности и весьма часто прежде оной заботился о средствах верного отступления.

Атаку укреплений распорядил генерал-майор князь Мадатов в трех пунктах. Оной предшествовала сильная канонада, которая произвела в неприятеле приметное замешательство. Конница его, бывшая впереди, усилилась пехотою, вышедшею из окопов, составляла значительные толпы, и генерал-майор князь Мадатов должен был употребить против них особенную часть войск; после нескольких выстрелов бросились они в бегство; конница проскакала чрез селение, поспешно спасаясь, вместе с нею наша татарская конница успела захватить часть селения. Из некоторых укреплений атакующие колонны наши встречены были сильным огнем, но оный не остановил их. Укрепления взяты штыками без выстрела. В одном из них сопротивлявшийся неприятель в числе 180 человек вырезан до последнего. Повсюду проникшие войска наши грозили отрезать у них отступление.

Когда же увидел неприятель, что вся конница наша и часть татарской пехоты обратились на единственную дорогу, по которой мог он надеяться отойти беспрепятственно, тогда все толпы в величайшем замешательстве, не помышляя более о защите, бросились в стремительнейшее бегство к той утесистой горе, которая находилась позади укреплений. Тесные тропинки не могли вмещать вдруг всего множества, стрелки наши преследовали бегущих, нанося им чувствительный вред. Умножила бедствия их приспевшая артиллерия, которая, расположась при подошве горы по отлогости оной, усеянной спасающимися, производила картечные выстрелы.

Сурхай-хан бежал при самом начале атаки на укрепления, и войска его остались без начальника. За ним последовало весьма малое число приверженцев; все спасшиеся от поражения рассеялись в разные стороны.

Неприятель потерял убитыми и ранеными не менее пятисот человек, весь лагерь и одиннадцать знамен, в

плен взято шестьсот три человека. Кроме сих взяты многие татарскими нашими войсками, но оные, по отобрании у них оружия, давали им свободу. С нашей стороны потеря русских войск убитыми и ранеными не простиралась свыше шестидесяти человек, в татарских же войсках восемьдесят четыре человека. В числе убитых лишились мы майора Гасан-аги, известного отличною храбростию, брата родного Аслан-хана. Он в виду войск наших с частию конницы, подскакав на ближайшее расстояние к укреплениям, спешился и пошел на штурм, где и погиб вскоре. Сражение происходило 12-го числа июня⁵⁵; никогда Дагестан не испытал подобного поражения; войска русские в первый раз появились в местах сих.

15-го числа генерал-майор князь Мадатов занял без всякого сопротивления главный город Казыкумык; в нем найдено 9 пушек и 3 мортиры, оставленные некогда Шах-Надиром при покорении оного. Жители ханства приведены к присяге на верное подданство императору; полковник Аслан-хан Кюринский объявлен ханом Казыкумыцким. Народ обложен податью самую ничтожною, единственно в знак зависимости. Сурхай-хан изгнан из пределов ханства; издана прокламация, что гнусный сей изменник и никто из рода его терпимы правительством российским не будут. На счет народонаселения Казыкумыцкого ханства мнения весьма различны. Некоторые почитают оное не свыше 9 тыс. семейств, другие простирают его до 12 тыс. Большая часть селений лежит в гористых местах и хлебопашество имеет весьма скудное. Пастбищами изобилуют обширными и превосходнейшего качества, на коих в летнее время собирается скотоводство всех окрестных народов. С одних пасущихся баранов, собирая по пяти с каждой сотни, хан получает от 12 до 13 тысяч баранов. Во многих местах ханства не производится посева хлеба, ибо оный по чрезвычайной возвышенности положения земли не вызревает, и потому ежегодно значительное количество хлеба ввозится из Кюринского ханства.

Назначив Аслан-хану пребывание в Казыкумыке, приказано ему преследовать всеми средствами изменника Сурхай-хана. Кюринское ханство, которым до сего управлял Аслан-хан, оставил я в прежнем своем составе, не присоединяя к ханству Казыкумыцкому, и назначил, чтобы в нем был особенный наиб. Сие разделение полезно в том случае, если бы хан вздумал выйти из послу-

шания: всегда будет кто-нибудь из родственников его служить с усердием, чтобы иметь в управлении ханство, коего жители, приобьикши к особому управлению, далеки будут от единодушия с прочими.

Общество Кубиченцев, известное искусным изделием оружия, приняло также присягу на верность и обложено податью. Генерал-майор князь Мадатов возвратился с отрядом, и войска отпущены в их квартиры.

Акушинцы в действиях Сурхай-хана не приняли никакого участия, сколько ни старался он возбудить их. Они похвальным образом сохранили свои обязанности и тогда, как со стороны нашей совершенно ничего не могли опасаться, ибо отряд войск под командою полковника Верховского, занимавший зимние квартиры в Мехтулинском округе, которому приказано было наблюдать за поведением их, выступил оттуда еще в апреле месяце, и даже ни одного человека не оставалось во всех владениях шамхала Тарковского.

Полковник Верховский с войсками обращен был к построению в бывшей Калчалыцкой деревне, называемой Горяченской (Истису), укрепления на 300 человек гарнизона, дабы сколько возможно препятствовать набегам чеченцев на земли Аксаевского селения и к городу Кизляру. Войска сии были несколько усилены, и командующий на Кавказской линии генерал-майор Сталь 2-й находился с ними в лагере. Чеченцы, часто появляясь в силах, атакуя передовые посты и угрожая сделать нападение на табун и сенокосы, старались препятствовать работам. Нередко происходили сшибки, и одна весьма горячая, в которой линейные казаки наши, несравненно менее числом, оказали особенную неустрашимость. В продолжение работ не имел неприятель ни малейшего успеха. Укрепление к осеннему времени было совершенно окончено и на первый случай необходимые жилища; наименование получила Неотступного стана; оттуда войска перешли к селению Аксай и небольшую деревню Герзели-аул, лежащую против оногo, обратили в укрепленный пост, где и расположилась одна рота 43-го егерского полка для охранения Аксая от беспокойства, которые беспрестанно наносили ему живущие вблизи чеченцы.

Бывший хан Казыкумыцкий, чувствуя более и более стесняемое его положение, вознамерился бежать в Персию. Лезгины Чарского общества взялись проводить его скрытыми дорогами, и он, выехав из гор с сыном и

малою весьма свитою, несколько дней проживал в лесу близ селения Алмалы в надежде переправиться чрез Куру у деревни Самуха, но, боясь расположенных по правому берегу караулов, решился ехать чрез ханство зятя его генерал-лейтенанта Мустафы Ширванского.

Комендант города Нухи, услышав о бегстве Сурхай-хана, выслал партию татарской конницы, дабы схватить его, если вознамерится взять путь свой чрез Шекинскую провинцию. Спасти ему совершенно было невозможно, но падает подозрение, что способствовал ему султан Елисеуйский, по жене своей родственник ему близкий, а после дознано, что высланные с конницею шекинские старшины, зная, по которой дороге он проезжает, с намерением отправились совершенно по другой, дабы ему не воспрепятствовать. Таким образом в длину всей провинции безопасно проехал он в Ширванское ханство и в близком от главного города расстоянии был по приказанию Мустафы-хана принят одним из преданных ему беков. Мустафа с верными своими людьми отправился должно быть за Куру и далее в Персию. Обо всем тотчас дано было мне знать, но Мустафа-хан, оправдываясь, что совершенно не знал о проезде Сурхай-хана, не переставал уверять в преданности его и верности государю. Не имел я доказательств к изобличению его до того, как потребовал от султана Елисеуйского, чтобы немедленно прислал находящегося у него прислужника Мустафы-хана, которому все дела его и тайны были известны. Сей открыл все его злодейства, связи в Дагестане, и средства, которыми возбуждал оный — сношения с Персиею, куда весьма часто посылаемы были от него чиновники к Аббас-Мирзе и принимаемы от него приезжающие. Описал дружеские связи его с Сурхай-ханом и что посредством его раздражает против нас акушинцев, с каковыми поручениями сам ездил неоднократно; что всех неблагонамеренных и вредных правительству людей принимает весьма дружественно и во всех злых совещаниях непременно участвует. Мустафа-хан, узнавши о захвачении его прислужника, не сомневался, что от боязни наказания может он открыть его поступки, начал приуговлять лошадей и выюки, и все означало намерение побега. Состоявшему при нем офицеру в звании пристава подарил он деньги, чтобы не делал о том донесения, который немедленно обо всем уведомил. Мустафа-хан чрез откупщика рыбных промыслов, величайшего из мо-

шенников, надворного советника Иванова, прислал письма ко всем своим знакомым, особенно при мне служащим чиновникам и переводчикам, поручая им не щадить ни денег ни подарков, а меня уверить, что он ни в чем участия не имеет, что о проезде Сурхай-хана не знал и пред сим задолго прервал с ним всякие связи, что хотят злодеи его повредить ему клеветою, будто умышляет он бежать в Персию. С армянином Ивановым приехал секретарь его (мурза Агмед), имея тысячу червонцев на подарки при первом случае, в моей канцелярии, Иванову же поручено было, по надобности, на имя его большие суммы. Деньги тысячу червонцев приказал я полицеймейстеру и коменданту взять в казну и вместо ответа на письма Мустафы-хана, доставленные ко мне чрез нарочных трех чиновников, приказал я командующему в Кубе генерал-майору барону Вреде отправить в Ширван два баталиона пехоты и артиллерии форсированным маршем, и туда поспешнейшим образом послал войска Донского генерал-майора Власова 3-го с 800 человеками казаков, дабы отнять средства к побегу и, буде можно, схватить Мустафу-хана. О движении войск был он предуведомлен, но с такою быстротою шли казаки, что едва успел он переправиться за реку Куру, как они появились на берегу. Один из беков, имевших на него вражду, собрав людей, догнал у переправы часть его вьюков и отбил несколько оных. Мустафа стрелял на него с другой стороны реки.

Два или три часа замедления, и он был бы в руках казаков! Но о поспешности его можно судить по тому, что он оставил двух меньших своих дочерей, из коих одну, грудную, нашли задавленную между разбросанных сундуков и пожитков.

Из предосторожности назначил я в Ширван войска, полагая, что Мустафа может собрать большое число приверженцев и вздумает защищаться в гористой части ханства, но ему сопутствовали некоторые из ближайших родственников и малое весьма число беков, прислужников; при всех вообще было с небольшим триста человек. Все прочие оставались совершенно покойными и как будто никогда не бывало хана в Ширване.

Генерал-майору князю Мадатову и правителю канцелярии моей статскому советнику Могилевскому поручено сделать описание провинции и доходов, казне принадлежащих. Жители приведены к присяге на под-

данство, учрежден городской суд. Главный город провинции по неудобству гористого местоположения, которым жители были чрезвычайно недовольны, и где Мустафа-хан жил вопреки желанию всех потому только, что почитал себя в безопасности, переведен в старую Шемаху, некогда бывшую обширным городом и коего остатки свидетельствуют о его некогда великолепии.

Дочь маленькую, оставленную Мустафой-ханом, приказал я отправить к нему, снабдив ее приличною одеждою и составив ей свиту из прежних ханских прислужников. Жены бежавших с ханом родственников и некоторых из беков также отсланы. Им позволено взять движимое их имение и пристойную прислугу. Поступок сей удивил персиян, ибо в подобных случаях, если не всегда преследуют они родственников бежавшего, то по крайней мере отнимают все их имущество. Мустафа-хан тронут был до слез возвращением дочери от любимой из всех жен своих, и я имел благовидный предлог избавиться [от] многих бесполезных людей, которые, оставаясь у нас, конечно имели бы с бежавшими тайные сношения.

В Ширванской провинции расположен один батальон пехоты с четырьмя орудиями артиллерии и малым числом казаков. Из обывательской конницы составлены караулы на Муханской степи и по левому берегу реки Куры, дабы Мустафа-хан, живущий недалеко в пограничной персидской провинции, не мог предпринять чего-нибудь для Ширвана вредного. Между тем по усмирении мятежа в Имеретии и Грузии войска начинали возвращаться к своим местам.

Владелец Мингрелии представил брата своего, который явился к нему из турецкой крепости Потти. По важности преступления я отправил его в гарнизоны Сибирского корпуса, донеся императору, что решился сие сделать потому, что не смею почитать изменника достойным служить в гвардии при лице его. Впоследствии распоряжение мое утверждено.

Чарского общества селение Амалы, близ коего укрывался Сурхай-хан при побеге в Персию, приказал я наказать, что исполнено собранными в Шекинской провинции конницею и пехотою, без всякой помощи русских войск. После небольшой перестрелки селение было сожжено и разграблено.

В Барчалинской дистанции умножившиеся грабежи

и убийства от впадающих в наши границы из Ахалцхского пашалыка разбойников заставили меня обратиться к паше с просьбою об усмирении оных и сохранении подобно нам существующих между обоими государствами дружественных отношений. Паша обещал все и ничего не исполнил. Не будучи уважаем в провинции, ему порученной, не мог он ни в чем успевать, если бы даже и наилучшие имел намерения. Итак, оставалось мне употребить собственно от меня зависящие меры. Я приказал собрать довольно сильную партию барчалинской конницы: ею отогнано некоторое количество лошадей и скота, была небольшая перестрелка, но разбойники не успели собраться в равных силах и потому вреда не могли нанести; видя же готовность со стороны нашей отмщевать за грабежи и злодейства, прекратили оные и по-прежнему восстановился порядок.

От министерства сообщено посланнику нашему в Константинополе, что находящиеся в пограничных турецких областях начальники попускают подчиненные им народы на неприязненные действия. Сколько же мало внимали представлениям его по сему предмету, как и делам, о коих производил он переговоры. Турецкое министерство утверждало, что нельзя прекратить беспорядки сии, разве, по содержанию последнего трактата⁵⁶, возвращены будут Редут-Кале, маленькая и ничтожная крепость Анаклия и Сухум-Кале в Абхазии. На приобретение сего последнего изъявлено особенное желание. Посланник, надеясь на успех в прочих делах, дал уразуметь, что возвращение Сухум-Кале может иметь место, донес о том нашему министерству, а сие разрешило его дать в том обещание и меня по принадлежности уведомило. Весьма не приличествовало обстоятельством здешнего края сие великодушие, и я возразил следующими объяснениями: турки, владея Анапою, и сильное потому имея влияние на многочисленные закубанские народы, содержат в непрерывных беспокойствах земли войска Черноморского и правый фланг Кавказской линии, но трудное весьма имея сообщение с Абхазиею, не простирают они владычества своего на живущие по полуденной покатости Кавказа народы, и потому единственно сохраняется спокойствие в провинциях наших, лежащих по берегу Черного моря. Предоставление им Сухум-Кале допустит решительное влияние на обитателей гор, и подобно закубанцам будут они снабжаемы оружием и возмущае-

мы против нас. Турки получают при Сухум-Кале лучшую при сих берегах и довольно безопасную рейду, и в ней находящиеся суда дадут покровительство продаже невольников, которая вместе с присоединением Абхазии почти совсем прекращена. Невольники сии похищаемы будут в наших провинциях, и как в недавних еще бывало временах, снабдят серали вельможей оттоманских. Надобно будет для безопасности наших владений содержать гораздо большее число войск в местах, где нездоровый климат производит между ними чрезвычайную смертность и ужасные болезни. Продовольствие оных, привозимое с большими затруднениями из России и не менее тягостными издержками, введет казну в разорительные расходы. В заключение объяснил я, что весьма невыгодное произведет впечатление на подвластных нам народах то, что области, добровольно принявшей покровительство российского государя, владетель коей принял христианскую веру, лучшая часть отторгается в пользу державы мусульманской. Что сие поколебать может доверенность прочих владетелей к правительству, и они по-прежнему искать будут связей с турками, которые они начинают оставлять, не находя их более для себя полезными.

Министерство наше не отвергло моих замечаний, и посланнику в Константинополе поручено было отклонить требование по сему предмету Порты; если же имел он о том переговоры, то объяснить, что ни малейшего со стороны нашей не будет сделано затруднения в возвращении Сухум-Кале, если в продолжение пятнадцати лет Оттоманская Порта сохранит постоянно дружественное свое расположение и не подаст основательных причин к неудовольствиям. Нельзя сомневаться, что при коварной политике оттоманской не может так долгое время продолжаться доброе согласие, и потому правдоподобно, Сухум-Кале останется нашим.

В сем году производилась работа на новой дороге от Тифлиса в Кахетию чрез хребет гор, называемый Гомбор, и я осматривал оную. Но заметить возможно было, что без шоссе дорога сия хорошею не будет, сколько ни хорошо дано оной направление. Множество источников, растворяя глубокую грязь, местами делают ее весьма неудобною. Новая сия дорога сокращает вполвину расстояние до города Телавы, проходя возвышениями, для устройства постов чрезвычайно здоровыми.

Войско Черноморское⁵⁷ по высочайшему соизволе-

нию поступило в сем году под начальство командира Кавказского корпуса. Задолго прежде искал я средств избавиться сего войска, ибо известны были мне допущенные в нем беспорядки, расстроенное хозяйство, бестолковое распоряжение Войсковой канцелярии, которою самовластно управляли адъютанты генералов дюка де Ришелье⁵⁸ и потом графа Ланжерона. Французским администраторам нелегко было познакомиться с нуждами и особенно свойствами запорожцев. Сверх того знал я, что самое отправление службы производится казаками нерадиво, и закубанцы, желая частые и весьма удачные на земли их набеги, содержат их в большом страхе. Прежде для охранения их расположен был полк пехоты и полурота артиллерии, и хотя до поступления еще казаков в мою команду представлял я о необходимости продолжить пребывание там полка, но оный оттуда удален, и я должен был уделять в помощь войска с Кавказской линии, тогда как для собственной защиты оной их недостаточно.

Для наблюдения за лучшим управлением войска и в особенности для распоряжения кордонною стражею, введения строгой и казакам незнакомой дисциплины и большей в сохранении границы бдительности отправил я Войска Донского генерал-майора Власова 3-го, дав ему степень приличной власти.

Я получил уведомление, что войско Черноморское умножается до 25 000 душ, переселяемых из Малороссии по добровольному их вызову, и что переселение, начавшись в 1821 году, продолжится три года. Распоряжение сие сделано по представлению генерал-майора Киселева⁵⁹, которому поручено было обозрение войска, и оное необходимо по уменьшению народонаселения от вредного климата.

Довольно задолго до окончания года повсюду было совершенно покойно, и я вознамерился ехать в Петербург. Из России имел я известие, что государь по окончании конгресса в Троппау⁶⁰ возвратится к новому году в С.-Петербург. Выехав из Тифлиса в конце декабря месяца, до самого Орла не имел я никаких из Петербурга известий. Посланный ко мне фельдъегерь ехал другою из России дорогою и заболел в пути. С ним, как после узнал я, посланы были бумаги, что возникшая в Неаполе революция понудила союзных государей продолжить конгресс, и дабы находиться ближе к месту происшествий, перенесен оный в

город Лайбах⁶¹, в австрийских владениях, куда уже отправился император, и потому нет ничего точного насчет его возвращения. В Орле подтвердились все сии известия, и я не знал, на что решиться. Мог я, пробыв в Петербурге несколько времени, не дожидаться государя, ибо не приличествовало мне долгое время быть в отсутствии от своего места, возвратиться же из Орла было не более прилично, ибо никто не поверил бы, что неизвестны мне были происшествия, и подумать могли, что ехал я единственно для свидания с отцом моим. Итак, предпочел я ехать далее.

В бытность мою в Петербурге короткое время получены известия о возмущении греков против турок⁶², и все давало вид, что неуспешные дела посланника нашего в Константинополе доведут нас до разрыва с Портою; о возвращении государя подтверждались слухи и приуготовлены были на границе экипажи. На сделанный мною вопрос партикулярным письмом, могу ли я дожидаться государя, начальник Главного штаба его величества отвечал мне по его приказанию, чтобы я оставался в Петербурге.

Вскоре за сим возгорелась революция в Пиемонте⁶³, и казалось, что Франция принимает в оной участие. Заговор скрывался между войсками, и часть оных, возмущившись, заняла крепость Александрию. Король, угрожаемый опасностью, оставил государство. Австрийские войска из соседственных Пиемонту областей выступили немедленно⁶⁴, дабы воспрепятствовать распространению духа мятежа, а государь император, вспооществуя австрийцам, назначил особенную армию из ста тысяч человек, которой и дано повеление приуготовиться к следованию в Италию⁶⁵. В Австрии делались распоряжения для путевого продовольствия сих войск.

Я получил высочайший рескрипт и приказание приехать в Лайбах. Начальник Главного штаба сообщил мне, чтобы я поспешил приехать. Были слухи, что я назначен главнокомандующим идущей в Италию армии, и прежде отъезда моего из Петербурга получены некоторые иностранные газеты, в коих о том упоминаемо было.

В конце апреля месяца приехал я в Лайбах. Революция в Неаполе совершенно прекратилась, самый город занят уже был австрийцами. Успехи австрийских войск в Пиемонте и сдача на капитуляцию Алексан-

дрийской крепости положили конец возмущению. Не было ни малейшего сомнения, что Франция не примет никакого в том участия, и определено возвратить российскую армию. Государь 1-го мая отправился в Петербург, мне приказано прибыть туда же. Я получил позволение провести некоторое время в Вене и Варшаве.

Таким образом, сверх всякого ожидания моего, был я главнокомандующим армии, которой я не видал и доселе не знаю, почему назначение мое должно было сопровождаться быть тайною. Не было на сей счет указа, хотя во время пребывания в Лайбахе государь и император австрийский не один раз о том мне говорили. Это не отдалило неудовольствия от тех, которые почитали себя вправе быть предпочтенными мне, и я умножил число завистующих моему счастью. Немного оправдался я в глазах их, оставшись тем же, как и прежде, корпусным командиром. Конечно, не было доселе примера, чтобы начальник, предназначенный к командованию армиею, был столько, как я, доволен, что война не имела места. Довольно сказать в доказательство сего, что я очень хорошо понимал невыгоды явиться в Италии вскоре после Суворова и Бонапарте⁶⁶, которым века удивляться будут. Русскому нельзя не знать, какие препятствия поставляемы были Суворову австрийским правительством, а из наших и лучших даже генералов не думаю, чтобы возмечтал кто-нибудь ему уподобиться.

Проживши в Петербурге до 30 числа августа, имел я вид претендента на какую-нибудь награду, и государь, всегда ко мне милостивый, между прочими награжденными в сей день пожаловал мне и аренду, от принятия которой я отказался. Давно великодушен был государь, и награждая меня и выслушивая отзыв мой, что я награды не приемлю. Могу признаться, что в отказ мой не вмешивалось самолюбие, но почитал я награду свыше заслуг моих и мне ни по каким причинам не принадлежащую. Средства существования, хотя не роскошные, доставляла мне служба, вне оной не страшился бы я возвратиться к тому скудному состоянию, в котором я рожден, но еще мог надеяться на гораздо лучшее, ибо отец мой за усердную службу свою получил награды от императрицы Екатерины II.

В первых числах сентября я отправился обратно в Грузию, чего многие не ожидали. Прибыв в Екатери-

нодар, занялся я рассмотрением состояния войска Черноморского, и оно как в отношении военном, равно как и по части хозяйства, в совершеннейшем расстройстве. Тут узнал я о подробностях сражения с закубанцами, которые в числе до полутора тысяч лучших, под предводительством известнейших их разбойников, сделали нападение на земли черноморцев с намерением разорить их селения. Приличные распоряжения, смелость в предприятии генерала Власова 3-го и чрезвычайно темная ночь, скрывшая малые его силы, приуготовили гибель разбойников. Следуя за ними с тылу, отрядив небольшую часть казаков, которая вела с ними перестрелку спереди в то время, как в окружности повсюду зажженные маяки и пушечные сигнальные выстрелы привели закубанцев в замешательство, он успел отрезать дорогу к отступлению, и когда они, не подозревая о его присутствии, думали безопасно возвратиться, встретил он их картечными выстрелами и ружейным огнем расположенных в камышах казаков. Почитая себя отовсюду окруженными, искали они спасения в бегстве: часть одна, случайно направившаяся по сухому месту, могла, хотя с потерею, удалиться, но главные их силы, обманутые темнотою, попали на обширный и глубокий залив из реки Кубани, и сильно преследуемые казаками, потонули в оном, и не спасся ниже один человек. Казаки вытащили в последующие дни слишком 600 лошадей и более нежели таковое число богатого оружия.

Закубанцы, приезжавшие для вымена пленных, признавались, что в сем случае лишились они храбрейших из своих вожатых и разбойников и что вообще потеря их простирается свыше тысячи человек. Черноморские казаки никогда не имели подобного успеха против закубанцев и, как узнал я от генерала Власова, что если бы не ночь препятствовала им видеть силы их, конечно, не смели бы они вступить с ними в дело. И при сем неожиданно счастливом происшествии страх, внушенный прежде закубанцами, навел на них робость.

В Черномории нашел я переселяемые из Малороссии семейства в ужаснейшей бедности. Войско без всяких средств вспомоществовать им по источению своих доходов. В одно время выслано их из Малороссии вдвое большее число, нежели распорядено было правительством. На прежних жилищах своих продава-

ли они имущество за бесценок, ограблены были земской полицией чиновниками, отправлены в путь в самое позднее осеннее время, и многие, весьма лишившись по дороге скота своего, без средств идти далее, остались зимовать по разным губерниям, выпрашивая для существования милостыню. В такой нищете нашел я их разбросанных по дороге, возвращаясь из Петербурга. Сие несчастные должны умножить силу войска Черноморского против многочисленного, угрожающего ему, неприятеля. Правительства же распоряжения были и полезны и благоразумны.

Прибыв в Георгиевск, узнал я, что кабардинцы произвели на линии грабежи и разбои, которые с некоторого времени весьма умножились; что все, имевшие на равнине селения, удалились к горам, где почитали себя в безопасности, и в случае движения войск наших могли сыскать близкое убежище; что в тайных сношениях были с закубанцами, приглашая сих к содействию в нападениях на линию. Генерал-майору Сталю 2-му приказал я назначить тысячу человек пехоты, четыре орудия артиллерии и триста человек казаков, и отряд сей поручил подполковнику артиллерии Коцареву, офицеру расторопному и деятельному, приказав ему с 1-го числа генваря вступить в Кабарду и стараться наносить возможный вред хищникам.

Зимнее время кабардинцы по необходимости имеют конские заводы и стада скота на равнине, ибо глубокие в горах снега отъемлют совершенно средства продовольствия. Подполковнику Коцареву приказано быть в непрерывном движении, дабы неприятеля содержать повсюду в страхе и неизвестности, где наиболее угрожает ему опасность. Подвижность войск облегчила их успехи, ибо, заботясь о защите, не мог неприятель соединиться в силах.

Во Владикавказе задержан я был двадцать дней непрерывными бурями и выпавшим в горах снегом, прервавшим совершенно сообщение с Грузиею. В сие время, собрав подобные сведения о шалостях, делаемых чеченцами, приказал генерал-майору Грекову 1-му сделать экспедиции в лесистую часть земли их, куда доступ в зимнее время удобнейший. Одни частые перемены наказания народ сей могут держать в некотором обуздании, и лишь прекратилась боязнь взыскания, склонность к своевольству порождает злодейские замыслы.

В Грузии нашел я совершенную тишину, также и в провинциях мусульманских. Многие из сотрудников моих и войска рады были моему возвращению; многие, в особенности смиряемые мною князья и дворяне грузинские и избалованные старшины татарские, не с удовольствием меня увидели. Доходили многие слухи о разных на мое место назначениях, и легко мне было понять, что чрезмерная в предместниках моих снисходительность многим нравилась.

В начале года приметны были готовые возродиться в Абхазии беспокойства. Владетель области сей князь Шарванидзе, молодой человек, воспитывавшийся в Петербурге в Пажеском корпусе, назначен будучи в достоинство владетеля, не понравился знатым людям своей земли, ибо, сделавши отвычку от их обычаев, забыв даже природный язык, будучи при том весьма средственного ума, не умел взяться с твердостью за управление и отличить тех, кто привыкли пользоваться большим уважением. Аслан-бей, убийца отца своего, некогда также владетель Абхазии, укрывавшийся после сего преступления во владениях турецких, собрал многочисленную шайку горцев и готовился напасть на Абхазию. Молодой князь Шарванидзе не имел людей приверженных, которые бы его остерегли, напротив, многие были со стороны убийцы и скрывали его намерения, но узнал обо всем правитель Имеретии генерал-майор князь Горчаков, и собрав небольшой отряд войск, пошел поспешно в Абхазию.

Владетель прибег под защиту гарнизона нашего в крепости Сухум-Кале, которую неприятель не будучи в состоянии взять, пошел навстречу князю Горчакову с намерением препятствовать ему в следовании. Дорога от границ Мингрелии на довольно большое расстояние лежит по низменному песчаному берегу моря, по коему не прерываясь протягивается весьма густой лес. Неприятель занимал оный и в одно время вел перестрелку с авангардом и арриергардом его. Но храбрые войска наши и в сем положении умели рассеять оное и даже с весьма незначительною потерею. Дорогу очищала артиллерия, распространяющая ужас между народами, к ней не прибыхшими. В лесу и наши стрелки не хуже здешних. Более урона понесли трусливые мингрельцы, которые присоединены были к нашим войскам, и не принося ни малейшей пользы, делали одно лишь замешательство. Неприятель бежал, не

видя возможности противостоять войскам нашим; генерал-майор князь Горчаков, взяв из крепости Сухум-Кале владетеля, последовал за бегущими, привел в покорность возмущившихся подданных, взял аманатов из лучших фамилий, и Цебельдинское, никому не повиновавшееся общество, довольно сильное и воинственное, привел в зависимость. Аслан-бей скрылся в горах, спасаясь от самих сообщников его, которые негодовали на него за претерпленный ими урон и обманутые надежды на добычу и приобретение пленных.

Князь Горчаков, оставивши две роты в месте пребывания владетеля в селении Соупсу, возвратился в Имеретию.

Спустя несколько времени после сего Аслан-бей обольстил обещаниями легковерных, и еще нашлись многие, пожелавшие испытать счастья. В больших силах напал он на селение Соупсу, но войска наши, находясь в замке, к которому присоединили некоторые укрепления, защищаясь храбро и вспомоществуемые действием артиллерии, причинили неприятелю урон, какого он никогда не испытывал, и он, бросивши тех, спасся стремительным бегством. После сего совершенное водворилось спокойствие.

При сем последнем происшествии подданные владетеля не изменили своим обязанностям и, находясь с меньшим его братом, усердно сражались. Чарские лезгины, соседственные Кахетии в буйственных наклонностях своих и надеясь на силы свои и некоторые прежде удачи, начали выходить явно из послушания, принимать разбойников и способствовать им в нападениях на Кахетию. Когда требованы были от них захваченные пленные, они не возвращали оных, посланным к ним с приказанием причинили побои и оскорбление. Защищаться против нас обязались присягою. Генерал-майор князь Эрстов⁶⁷ послан был с отрядом войск для усмирения возмущившихся. В марте переправился он за реку Алазань, прошел равнину без сопротивления. Лезгины укрывались в селениях своих у самой подошвы гор, избирая места твердые. Князь Эрстов занял Чары, главнейшее из селений; жители укрепились в части одного, называемой Закатала, которую почитают неприступною. Князь Эрстов по твердости местоположения не решился атаковать, боясь большой потери, но жители медление его, в ожидании моих приказаний приняв за уготовление, прислали

просить о прощении, объявляя, что готовы выполнить все его приказания. Дав прощение, генерал-майор князь Эрстов пошел к лежащему недалеко оттуда селению Кахети, коего жители не помышляли просить о прощении. Они, оставив селение, удалились в тесное место между почти неприступных гор, укрепились окопами и готовы были упорно защищаться, ибо при них были семейства их, которых по причине в горах снегов не могли отправить далее. Баталионы 1-го Грузинского гренадерского и 41-го егерского полков атаковали укрепления под жарким огнем неприятеля, который обращен был в бегство штыками, но собрался для защиты семейств своих. При сем случае потерпел он большой урон, пострадали многие семейства и в плен взято некоторое число.

Водворившееся повсюду в областях наших спокойствие, дружественные отношения с Персиею, которым, сколько могло от меня зависеть, дал я по возвращении из Петербурга еще большую прочность, доброе согласие с пограничными турецкими начальниками, дало мне возможность отправиться в Кабарду, которую предположил я занять войсками, и часть старой линии нашей, порочную по слабости своей, пагубную для войск по нездоровому местоположению перенести в места несравненно удобнейшие и выгодные. Между тем отряд войск артиллерии подполковника Коцарева в начале зимы не оставлял Кабарды, некоторых из владельцев, более наклонных в жизни безмятежной, согласил жить на плоскости под нашу зависимость, других непреклонных и нам непокорствующих преследовал повсюду, разорил селения их, отогнал во множестве лошадей их и стада, но по малочисленности войск не мог изгнать злейших разбойников, и они не переставали возбуждать мятеж.

Проехав с малыми весьма затруднениями чрез горы, в Екатеринограде собрал я отряд войск и 22-го мая вступил в Кабарду. В состав отряда вступили: 1 баталион 7-го карабинерного полка, 1 баталион Ширванского пехотного полка, легкой артиллерии 8 орудий, 300 линейных казаков.

Генерал-майору Сталю 2-му приказал я усилить отряд подполковника Коцарева, расположенный на реке Баксане, присутствовать при нем лично и занять на реке Малке урочище, называемое Каменный мост. На вершинах Кубани наблюдать предписано Войска

Донского полковнику Победнову с небольшим легким отрядом.

Первое обозрение начато с реки Уруха и по течению оной [до] впадения ее в Терек и далее вверх по оному. Потом отряд ходил на вершины реки Черека и имел небольшую перестрелку, где и сожжено несколько непокорных селений. Партия, посланная на реку Нальчик, отбила табун лошадей и стадо овец. Осмотрены места по реке Чегему, где в самых трудных местах истреблено селение, и кабардинцы, неожиданно атакованные, не воспользовались удобностью обороны.

Отряд под личным моим начальством, соединясь с отрядом под команду генерал-майора Сталя 2-го, ходил к самым вершинам реки Баксана до того, как не только кончились дороги, по коим могли проходить пушки, но где и самая пехота должна была пробираться по тесным тропинкам. Отряд генерал-майора Сталя 2-го следовал по левому берегу реки. Засевший в самом сжатом месте ущелья неприятель предпринял остановить войска наши. Ночью четыре орудия на людях подняты были на гору, и от нескольких выстрелов неприятель удалился; но как удобно мог он засесть в некотором назади расстоянии, и орудий далее провезти было уже невозможно, то по обоим берегам реки посланы были в обход команды, которые, заняв ближайшие к дороге места, могли затруднить его отступление. Неприятель сего не дождался, и поспешно побегав, открыл путь войскам нашим.

Далее нашли мы довольно пространные долины, где и все войска собрались и занимали оба берега реки. Наконец близ селения осетинского, называемого Ксанти, где собрались главнейшие силы кабардинских разбойников, войска встретили сопротивление, но неприятель в ночи оставил сделанные им каменные завалы и бежал за Кубань, более же в земли карачаевского народа, живущего на Кубани. Осетины пришли просить пощады. Войска, вышедшие из Баксанского ущелья, перешли на реку Куму близ истребленного Бибердова аула. Отсюда генерал-майор Вельяминов 3-й с частью войск, к каким присоединился с отрядом полковник Победнов, отправлен на Кубань к Каменному мосту для воспрепятствования кабардинцам при побеге за Кубань увлечь подвластных их с семействами и имуществом. Лишь скоро узнали они о движении

войск, поспешили перейти за Кубань, но некоторых застали еще войска наши, отбили стада их и преследовали спасающихся вверх по Кубани, где места неприступные могли служить им убежищем. Далее семи верст и с величайшим затруднением не могли пройти войска наши, и нигде при всем усилии не мог остановить их неприятель. 7-го Кабардинского полка несколько человек, переплыв Кубань, сожгли оное селение, перестрелка во многих местах была довольно сильная.

От речки Тахтамыш прошел я сам до Каменного моста для обозрения Кубани. Оттуда все войска возвратились к речке Тахтамышу, и сим кончено обозрение Кабарды во всем ее пространстве от Владикавказа до Каменного моста в вершинах Кубани.

Офицеры квартирмейстерской части сделали довольно обстоятельную съемку или по крайней мере совершеннейшую всех дотоле произведенных обозрений, хотя нельзя сказать, что недостаточно было времени собрать о стране сей сведения, особенно когда Кабарда наслаждалась продолжительным прежде спокойствием и совершенно повиновалась нашей власти. В делах предместников моих ничего не нашел я, кроме нелепо составленной карты из произведенных частных экспедиций, для связи коих надобно было прибегать к разным вымыслам. Не избежала оных и лучшая карта Буцковского, по рассказам сочиненная.

Впрочем войска в сей раз приходили туда, где никогда прежде не были.

На возвратном пути моем от реки Кубани для образования новой чрез Кабарду линии избрал я следующие места...

Во время пребывания моего в Кабарде некоторые укрепления приводились к окончанию, всем сделан чертеж и начались работы. Войскам в зимнее время приказано сделать шалаши.

В Кабарде учрежден суд из князей и узденей на основании прежних их прав и обычаев, уничтожено вредное влияние глупого и невежественного духовенства, которое со времени удаления князей от судопроизводства и уничтожения их власти в народе произвело все беспорядки и разбои, побудившие наконец местное начальство желать ближайшего за кабардинцами примотра. В составлении суда почти ни одного не нашлось способного человека. Никто почти из князей,

и лучшие непременно, ни читать ни писать не умеют. Молодые люди хвастают невежеством, славятся одними разбоями и хищничеством...

Два баталиона Ширванского полка оставлены в Кабарде, баталион 7-го Кабардинского пока возвращен в Грузию, излишние казаки распущены по домам. Сентября 7-го числа я возвратился в Тифлис.

Во всех областях наших на полуденной стороне Кавказа было совершенно покойно. Персия, не получив от Турции удовлетворения за сделанные торгующим утеснения и обиды, причиненные ездящим на богомолье в Калбалай, начала неприязненные действия. Война с греками, отвлекающая все внимание Порты и большую часть средств ее и многочисленные из Анатолия войска, поставила ее в затруднительное положение против персиян. Сии воспользовались оным, без всякого почти сопротивления заняли Баязетский пашалык, крепостцу Муш, Малашгерд и некоторые другие места, разграбили многие селения и увлекли значительное количество в плен армянских семейств. Набеги их простирались до окрестностей Багдада, где все небольшие сшибки окончились в их пользу. Измена одного из турецких пашей много способствовала лучшим их успехам.

Со стороны Эриванского ханства не с одинаковыми действовали персияне выгодами, ибо один из главных куртинских чиновников с тысячью и более семейств воинственного сего народа, предавшись к туркам, снискал храбростию и предприимчивостию своею их доверенность и с их войсками, делая на ханство набеги, производил опустошение и брал в плен. В одной довольно горячей схватке вырезал часть персидской конницы, состоявшую из разбойников, бежавших давно уже из татарских наших дистанций.

Турецкие посланные начальники в отношении к нам поступали весьма дружественным образом, повсюду прекращено было почти обыкновенное воровство, и паша Карсский не только не препятствовал армянам в числе пятисот семейств, боявшихся разорения от персиян, переселиться в наши пределы, но впоследствии вывезти оставленный ими хлеб и скот.

Некоторое время жители Карса, страшась персиян, присылали ко мне с предложением, чтобы я занял войсками их город и места, по границе расположенные. Не мог я сделать сего по настоящим обстоятель-

ствам, но многие селения спасли мы тем, что для охранения купленного у них нами хлеба расположен был малый отряд войск наших.

Время совершенно свободное вознамерился я употребить на обозрение некоторых провинций. Осмотрев расположение артиллерийских рот на горе Гомбор, в первый раз видел я Кахетию, богатую и прелестную страну, лучшую во всей Грузии.

Нетрудно понять, как удобно смирить соседственных Кахетии лезгин чарских, которые не только давали у себя убежище всем преступникам, но способствовали горцам разными пособиями и вместе с ними нападали на Кахетию и производили в ней грабежи. Занимаемые сими лезгинами земли, лучшие в сей стране и будучи расположены на возвышенностях, в знойное время лета несравненно менее подвержены болезням, свирепствующим на низменности. Занятие земли сей отдаст нам в руки все выгоды из гор, все торговые горских народов сношения и сверх того по крайней мере четыре тысячи семейств, бывших не в давнем времени христианами, народа весьма трудолюбивого, который лезгины оторвали от Грузии, пользуясь слабостию царей и внутренними раздорами, несчастную страну сию раздиравшими. Покоренный ими народ сей под зверскою их властию и нас ожидает как избавителей. Необходимо нужно привести сие в исполнение, но не мне будет предлежать оное, ибо занят будучи другими делами, не менее возможности заключающими, не имею я времени.

Пробыв несколько в поселении Нижегородского драгунского полка, осматривал я урочище Царские Колодцы, где располагается штаб Ширванского пехотного полка и одна батареинная рота.

Вскоре после сего был я в Карталинии и в...* отправился осмотреть Шекинскую, Ширванскую и Карабахскую провинции. Сию последнюю особенно нужно мне было видеть после набега генерал-майора Мехти-хана. Причины удаления его в Персию были следующие: родной племянник хана полковник Джафар-Кули-ага, наследующий по нем ханское достоинство, имел с ним явную вражду, которую несколько раз старался я прекратить безуспешно и которая более усилилась от несправедливости хана при разделе между ними имения. Про-

* Отточие в оригинале (сост.).

езжая по городу Шуше в позднее время ночи, Джафар-Кули-ага неподалеку от ханского дома был ранен двумя выстрелами из ружей; следовавшие за ним несколько человек прислужников, испуганные, не имели смелости броситься на убийц, и они успели скрыться. Окружной в Карабахе начальник генерал-майор князь Мадатов по жалобе Джафар-Кули-аги, который по происшествии прямо к нему явился, произвел строжайшее исследование. На хана первого пасть должно было подозрение: сам Джафар-Кули-ага доказывал, что за несколько дней предупрежден он был о сем намерении хана, и потому взяты были под стражу люди, служащие при хане, и на которых, по известной особенной их предприимчивости, удобнее мог он возложить подобное препоручение. Между тем по другим совсем причинам арестован был знатнейший из беков, к которому наиболее имел хан доверенности, и хан, боясь, чтобы не быть изблеченным если не в намерении убийства, то в других каких-либо непозволительных поступках, паче же в худом управлении землею, против которого доходил до него ропот народа, бежал поспешно в Персию. До приезда моего приказал я отпустить в Персию оставшихся двух жен его, и не только позволил взять имущество свое, но и дал денег на дорогу.

Прибыв в Карабах, учредил я городской суд (диван); народ во всей провинции приведен был к присяге на верность подданства императору, и чиновникам поручено было, описав землю, привести в ясность принадлежащее казне имущество. Я оставил имущество каждого неприкосновенным, прежние права и обычаи в прежней силе. Главнейшего из беков, который именем хана управлял землею, пользуясь неограниченной его доверенностию, приобрел огромное имение и не надеясь сохранить его, оставил при прежних правах его, не отъемля его собственности. Словом, употребил я все средства, чтобы успокоить каждого и внушить приверженность к новому правительству.

В исчислении доходов, казне принадлежащих, приказал я соблюсти умеренность, и все, что поступило в оную из частных имуществ, не оставил я без должного вознаграждения. Распоряжением сим оставил я всех довольными. Исследование на покушение на жизнь полковника Джафар-Кули-агу было довершено и совершенно обнаружилось, что хан не имел ни малейшего в том участия; напротив, весьма многие из лучших

людей заключили, что Джафар-Кули-ага сделал то сам, с намерением взвести подозрение на хана, подвергнуть его наказанию и воспользоваться его местом. Наиболее производило сомнение то, что он прежде за несколько дней говорил многим, что известно ему намерение хана, а сам ни малейше не брал предосторожности, хотя генерал-майор князь Мадатов особенно ему то советовал.

Таковой поступок, худое расположение к Джафар-Кули-аге всего Карабаха и то обстоятельство, что будучи уже не раз изменником и находясь при персидских войсках во время нападения Аббас-Мирзы на Карабах, коему, по знанию мест, служил наилучшим провожатым в земле собственного отечества, заставили меня удалить его в Россию, положив ему достаточное содержание, и я при себе отослал его.

Был я в Ширванской и Шекинской провинциях, вошел в подробное рассмотрение казенного хозяйства и взимаемых в пользу оных разных податей. В первой из сих провинций обширные посеы сарачинского пшена, требующего большой работы и трудов поселян и с большими затруднениями за малую цену поступающею в продажу, переменял на заведение шелковичных деревьев, ибо шелк приносит несравненно более выгод и может долгое время сохраняться без повреждения. В облегчение народа и дабы дать торговле несколько более свободы, уменьшил я рахтарный сбор (таможенный).

В первый раз мог я видеть обстоятельство, сколько богаты сии провинции хлебопашеством и шелководством, и что если бы могла казна сделать некоторые заведения и фабрики, они доставили бы казне доход весьма значительный. Некоторое время воздерживаясь я предложить о сем, дабы сколько-нибудь более могли привыкнуть жители к недавно введенному российскому управлению и не могли думать, что главнейшее внимание оного обращено исключительно на умножение выгод казны.

Будучи в старой Шемахе, вызвал я к себе генерал-майора барона Вреде, бригадного командира, начальствующего в Дагестане, и обоих полковых командиров. Предписал штаб-квартиру Апшеронского пехотного полка перенести из города Кубы на избранное вновь место на реке Куссар. Давно желал я избавиться [от] неопрятного и гнусного города, в котором войска под-

вергались всегда необыкновенной смертности, но по недейтельности и лености барона Вреде не мог того достигнуть, хотя место избрано в близком весьма расстоянии. При сем полку назначено поселить женатых одного солдат, перенести военный из Кубы госпиталь [и] жилище окружного в Дагестане начальника. Так же равномерно назначено место для штаб-квартиры Куринского пехотного полка неподалеку от Дербента и для поселения женатых солдат. Осмотрена кратчайшая дорога из Шемахи в Кубу, но по затруднительной разработке не признана удобною: приказано осмотреть идущую через Алты-Агач.

На возвратном пути из Нухи к Тифлису проезжал я владениями полковника султана Елисеуйского, имея в виду учредить со временем прямейшую в Грузию дорогу. Конечно, некоторое время не будет она безопасною по близости лезгин Чарского общества, но при значительном сокращении представляет большие удобства.

В феврале возвратился я в Тифлис. Поручику путей сообщения Боборыкину поручал я прежде осмотреть новую чрез хребет Кавказа дорогу по направлению от города Гори чрез Рачинский округ Имеретинской области и далее по северной покатости гор, следуя течению реки Ардон до плоскости Кабардинской. Переправясь чрез хребет гор, в небольшом расстоянии от одного остановлен он был непокорствующими нам осетинами селения Тиби, все перейденное им расстояние нашел он несравненно удобнейшим теперешней чрез Кавказ дороги, и если расстроено будет прочное сообщение, то оно менее подвержено будет разрушению и меньших потребует издержек. Кроме сего новая дорога и ту представляет важную выгоду, что, с Кавказской линии достигая до Рачинского округа, разделяется она надвое, и проходя Грузию, в то же время идет в Имеретию и другие по Черному морю лежащие провинции. Теперь же как войска, так и вообще транспорты, проходят из России весьма в близком расстоянии от Тифлиса. Посланный со стороны линии офицер также не допущен был сделать обозрение. С Кавказской линии получил я известие, что закубанцы, собравшись в больших силах, сделали нападение на Круглолеское селение, и разграбив большую часть оно-го, увлекли в плен до четырехсот душ обоего пола. Две роты пехоты, спешившие идти на помощь селению,

встречены были особенною толпою закубанцев в превосходных силах, и хотя перестрелка была весьма жаркая, но роты, опрокинув их, не допустили истребить всего населения, и неприятель обратился поспешно к Кубани.

Генерал-майор Сталь 2-й, направив ближайшие войска на преследование неприятеля, не мог с пехотою догнать его, но линейные казаки в числе до семисот человек с двумя орудиями конной артиллерии при самой переправе чрез Кубань ударили на толпы с решительностию, и неприятель в замешательстве бросался в реку, причем из собственного признания закубанцев потерю свою почитают они свыше полутора-ста человек убитыми и потонувшими. Немало погибло и наших поселян, захваченных в плен, ибо всех их не успели они переправить прежде. Отбито пленных как в сем случае, так и при отступлении из Круглолеского селения, не более как до ста человек. Отогнанные стада вообще все остались в руках наших.

При первом известии о нападении закубанцев командир Навагинского пехотного полка подполковник Урнажевский, перешедши довольно с большим отрядом за Кубань и к реке Лабее, мог удобно разбить неприятеля, в большом беспорядке спасающегося и обремененного добычею, но посланные от него для разведывания закубанцы, находившиеся проводниками при его войсках, уверили его, что неприятеля вблизи нет, и что, напротив, все разъехали в свои жилища, и он возвратился на линию. После достоверно дознано, что неприятель в самом расстроеном положении и, боясь быть атакованным при переправе, находился в близком расстоянии.

В то же время между кабардинцами, владельцами и узденями, тайным сношениям с закубанцами приверженными нами людьми даны известия, что сии последние обещали кабардинцам прийти с силами, дабы способствовать им увлечь с собою подвластных своих, ибо без оных не могли они за Кубанью найти средства удобного существования.

В июле месяце отправил я на Кубань начальника корпуса штаба генерал-майора Вельяминова 3-го, приказал собрать ему сколько возможно войск и казаков, остановить два донских казачьих полка из числа сменившихся и отправляющихся на Дон. С сим отрядом перешел он Кубань, напал на селения живущих

за Кубанью ногайцев, которые участниками были в разорении Круглолеского селения, и к толпе закубанцев присоединили 500 человек своей конницы, предводительствуемой многими из их князей.

Генерал-майор Вельяминов 3-й⁶⁸ при разорении селений не встретил почти никакого сопротивления, взял в плен 1400 душ обоего пола и всякого возраста и весьма большое количество скота. Возвращаясь от реки Большого Зеленчука, затрудненные нестройным движением великого числа арб и скота, войска наши вскоре догнаны были закубанцами в числе до тысячи человек. Арриергард наш испытывал жестокое нападение намеревавшегося отбить пленных, и наконец толпа неприятеля, отделясь, обскакала вперед, думая остановить войска наши при переходе одно тесное и неудобное место. Но войсками нашими предупрежденный неприятель не мог воспрепятствовать следованию отряда и был опрокинут с потерей, весьма для него чувствительною. В действии со стороны нашей были одни линейные казаки и конные орудия, от пехоты малое число стрелков. После сего, не видя успеха в дальнейшем преследовании, неприятель возвратился, и отряд без препятствия перешел обратно за Кубань.

Большие чрезвычайно воды делали переправы затруднительными. Генерал-майор Вельяминов 3-й заметил, что войска наши, по Кубани расположенные, долгое время не имевшие действий с закубанцами, имеют к ним чрезмерно большое уважение, в котором участвуют и самые офицеры.

Избегая ужаснейших в Тифлисе жаров, отправился я для осмотра части границы с Турциею и Персиею.

Прибыли в Караклису назначенные мною для разграничения с Персиею по Гюлистанскому трактату чиновники генерал-майор Ермолов, действительный статский советник Могилевский и полковник Ага-бек Садыков, со стороны Персии ожидаемы были чиновники.

Со всем возможным вниманием осмотрев в военном отношении округ Самхетию, для лучшей обороны земли и преграждения путей к Тифлису избрал я разоренное селение Манглис для штаба 7-го карабинерного полка, урочище Белый Ключ определил для 31-го егерского полка, и при обоих должны быть поселены женатые их солдаты. Перемена расположения егерского полка наиболее представляет выгод, ибо он перехо-

дит из места чрезвычайно нездорового, где всегда необыкновенная бывала между людьми смертность.

В урочище Гергер, где расположен баталион 41-го егерского полка, назначил я поселить женатых солдат Тифлисского полка. На Каменной речке (Джалал-Оглу), у самой чрез оную переправы, квартиры одной артиллерийской роты, полки казачьи, содержащие стражу на границе, переменят теперешние места свои.

Крепость Цалку нашел я в разрушенном состоянии, каковое терпимо быть может по одному мирному с турками согласию. Местоположение оной худое, не мог я в окрестности избрать лучшего; покрывает она собою места по большей части гнусные, землю совершенно опустошенную; желал я отклонить ее далее от границ, но она скрылась бы между горами, и сообщение ее с другими и даже в самой близи лежащими местами сделалось бы совершенно затруднительным. Итак предполагаю я несколько ее исправить, в такое приведя состояние, чтобы невозможно было сорвать малыми силами.

Проезжал я до Дилижанского ущелья с намерением рассмотреть место для устройства небольшого укрепления, ибо дорога сия есть лучшая для караванов и кратчайшая.

Возвратясь в Тифлис, приказал я командиру Херсонского гренадерского полка полковнику Попову со отрядом из 400 человек пехоты пройти по вновь отыскиваемой чрез Кавказ дороге столько далеко, как без большого затруднения могут проходить повозки, дабы мог я сообразить, до которого расстояния можно будет подвозить провиант для войск, которые употреблены будут на обозрение дороги. Со стороны Кабарды послан был путей сообщения майор Кершень.

Полковник Попов прошел все расстояние до хребта и несколько даже за оный, встречен был теми же осетинами, которые прежде посланного офицера не пропустили, имел с ними перестрелку и весьма благодарно не упорствовал идти далее, ибо опасно вдаться в незнакомые совершенно места с малым числом людей и когда по отдалению никем не мог он быть вспомоществуем. Майор Кершень с пособием священника, проповедующего в горах христианскую веру и весьма уважаемого по его благочестию, успел осмотреть дорогу по северной плоскости Кавказа на всем пространстве, где представляет она самые величайшие затруднения,

и подходил довольно близко к тем деревням, жители коих противились полковнику Попову. По мнению осматривавших дорогу и доставленным ими сведениям заключать можно, что дорога должна быть гораздо удобнейшею прежней. Я сам желал ее видеть, но удержан был разными обстоятельствами.

От командующего в Дагестане генерал-майора фон Краббе⁶⁹ получил я донесение, что некоторые из деревень Мехтулинского округа вышли из повиновения, не исполняют обязанностей своих, и когда поставленный над ними пристав понуждал их к высылке рабочих и подвод, то жители имели дерзость нанести ему побои, и что к такому поступку возбуждены они неблагоприятными людьми, обнадеживающими их пособием. Генерал-майор фон Краббе, находя малое число войск, занятых работою при крепости Бурной, недостаточным на случай важнейшего возмущения, поспешил отправить с шестью ротами пехоты, 6 орудиями артиллерии и частью татарской конницы Куринского пехотного полка командира полковника Верховского, которому хорошо известны были места и самый народ того края, ибо он в 1820 году в продолжение нескольких месяцев расположен был в оном с значительным отрядом войск. По прибытии в Мехтулинский округ к полковнику Верховскому должен был присоединиться один батальон Апшеронского полка и 4 орудия из крепости Бурной. Управляющий работами при сей крепости пионерный подполковник Евреинов до прибытия полковника Верховского усмирив оказавшие против пристава дерзость деревни, которые не только без всякого сопротивления обратились к покорности, но и просили прощения в вине своей и приступили к исполнению прежних повинностей. Сие скорое усмирение дало повод полковнику Верховскому возвратиться с отрядом, и он, достигнув селения Карабудагент, пошел обратно к Дербенту. Находившийся при полковнике Верховском родной племянник и зять шамхала Умалат-бек, которому благодетельствовал он в продолжение 3-х лет, воспользовавшись отдалением его от войск, убил его выстрелом из ружья и скрылся в горы. Точной причины гнусного злодейства сего неизвестно. Некоторые думают, что оно было следствием заговора с аварским бывшим ханом, с которым убийца имел сношения с позволения г. Верховского. Другие полагают, что, отчаявшись в примирении с шамхалом, с которым

был он во вражде за развод с дочерью его, что между знатными мусульманами почитается величайшим бесчестьем, подозревал он, что полковник Верховский тому препятствует, и будто, подозревая перемену его к себе прежнего расположения, боялся, чтобы начальство не имело насчет его сомнения. Вскоре после сего происшествия убийца, имея приверженных людей между подвластными шамхала, взбунтовал некоторые из его деревень, к ним присоединился горский народ, называемый койсу-бойменцы.

Генерал-майор фон Краббе тотчас возвратил войска и не замедлил сам прибыть к ним. Желая не дать усилиться возмущению, тотчас пошел он наказать селения Каранай и Эрпели. Первое из сих при малом сопротивлении разорено до основания. При последнем собравшийся в силах неприятель, пользуясь лесистым местоположением, дрался довольно упорно. С нашей стороны не было удобства употребить с выгодою артиллерии и по малочисленности войск нельзя было овладеть всею деревнею, и потому не вся истреблена она. Войска, проводивши ночь на месте сражения, отошли на другой день. Неприятель не осмелился выйти из лесов. Сражение сие, происходившее 29 и 30 июня, удержало многих от возмущения, но подъявшие оружие недовольно были наказаны. Генерал-майор Краббе возвратился к своей должности в Кубу, войска остались по старшинству в команде подполковника Евреинова и расположились в Мехтулинском округе.

В первых числах августа жители Мехтули убили определенного при них от начальства пристава, и тотчас во всем округе приметно было расположение к бунту, хотя еще не было ничего явного. Но 13-го числа, когда от войск отделена была рота для препровождения транспорта с провиантом, внезапно конница неприятельская напала на оную при селении Каффер-Кумык, два часа продолжалась перестрелка, но против построенного из повозок каре, при коем было орудие, конница ничего решительного предпринять не осмелилась. На звук выстрелов пришел из Параула весь отряд, и неприятель, увидев движение оного, удалился. Войска, соединясь, расположились при Каффер-Кумык в твердой позиции. Транспорт провианта и обоз, устроенный в каре, защищаемы были малым числом людей и все прочие занимали лежащие по области высоты.

В ночи собрался неприятель в больших силах и

расположился по возвышениям далее пушечного выстрела. Во весь день продолжалась перестрелка, но в таком расстоянии, что вреда от оной не произошло никакого. На 15-е число в продолжение весьма темной ночи неприятель, собравшись в значительном количестве за обширным курганом, начал работу укрепления, и вырыв род траншей, приблизился к передовым нашим постам, занимающим высоты, с тем, чтобы, не проходя под выстрелами большого расстояния, вдруг из траншей сделать нападение.

Высланные от передовых постов наших на ночное время секретные пикеты открыли работу неприятеля, весьма уже близко производимую. Тотчас будучи подкреплены, начали они перестрелку, которая продолжалась до рассвета не менее двух часов. Лишь только возможно было различать предметы, пехота наша при сильном действии артиллерии ударила в штыки на неприятельские окопы и в такое привела замешательство стеснившиеся в траншеях толпы, что они, не скоро выбравшись из оных, подверглись поражению штыками, и оставив до двухсот тел, предались поспешнейшему бегству. Войска преследовали их до самого селения, которое немедленно было очищено. В продолжение дня неприятель оставил и самые отдаленные возвышения. Отряд, не более как из 1300 человек и 6 орудий состоявший, потеряв убитыми 11 и ранеными 32 человека, рассеял силы не менее 6 тысяч. Войска беспрепятственно, и даже никого не встретив, прибыли к селению Параул и около его расположились лагерем.

Жители всех селений, участвовавших в действии против наших войск, пришли просить пощады, не скрывая своего преступления. Избегая необходимости наказывать большое число виновных, им объявлено прощение, но наложен штраф хлебом и скотом в пользу войск и весьма небольшое число денег, дабы взыскание было чувствительнейшим. Некоторые из главнейших зачинщиков бунта взяты под стражу.

Получив о сих происшествиях известие, почел я нужным быть сам в Дагестане. Малое число войск, там находящееся, могло ободрить горские народы к новым предприятиям, тем более, что по глупости своей верили они распущенным убийцею слухам, что с турками и персиянами война занимает все войска наши и туда никто не прибудет. Сверх того нельзя было совершенно положиться на акушинцев, которых присоеди-

нение к мятежникам могло быть опасным, хотя до того не брали они в беспокойствах никакого участия, и поведение их было без упрека. Итак, составив отряд во Владикавказе из одного баталиона Херсонского гренадерского полка, из Грузии отправленного, одного взятого из Кабарды баталиона Ширванского пехотного полка, восьми орудий артиллерии и одной сотни линейных казаков, пошел я с оным сентября 20 числа по реке Сунже, дабы осмотреть места вновь учрежденной линии.

Сделав один день роздыха в крепости Грозной, пошел я чрез крепость Внезапную, укрепления Амир-Аджи-Юрт и Казиюрт до крепости Бурной, куда прибыл октября 3-го числа, и немедля вошел в Мехтулинский округ, расположив квартиру мою в селении Казанишь. Два некомплектных баталиона, прибывших со мною, показались силами ужасными, ибо никого здесь не уверишь, чтобы могло их быть мало при главном начальнике. Горцы, которые, как предполагали жители, намерены были собраться и сделать нападение, отложили предприятие, соседственные им селения, надеявшиеся на помощь их и до того не покорствовавшие, просили помилования, которое и даровано им, и войска расположились по селениям, где назначены им зимние квартиры.

Пред самым отъездом моим из Грузии наследник Персии Аббас-Мирза прислал ко мне чиновника с объявлением, что между Персиею и Турциею прекращены неприязненные действия и уже составлены пункты мирного договора⁷⁰. При сем случае довольно хвастливо упомянул, что турки принуждены к тому блистательными успехами его оружия.

Комиссары наши, посланные для назначения границы, уведомили, что вскоре последовать долженствующий мир чрезвычайно возгордил персиян и что в переговорах их с чиновниками на каждом шагу начинали они испытывать противоречия вопреки здравому смыслу и в самых ничтожных случаях. Например, берега реки определяют они не по течению оной, но напротив. Впрочем подобные понятия принадлежат собственно Аббас-Мирзе, которого многие почитают великим гением, преобразователем своего народа и вводящим европейское просвещение. Мнение сие разделяет с прочими и наше министерство, имеющее нужду знать его короче.

От начальника штаба получил я донесение, что он сделал вторичный поиск за Кубань. Первое нападение произвело такой ужас между жителями, ближайшими к нашей границе, что они сколько можно отделились к горам, и сие было причиною, что войска, под командою его бывшие, сделали три перехода, не будучи никем усмотрены. Внезапно напал на три ногайские аула, в совершеннейшей беспечности бывшие, с потерю двух человек вырезано до 400 душ всякого возраста и обоего пола, взято в плен 566 душ и более 2 тыс. рогатого скота. Владелец успел спастись с женою, но всего лишившись имущества. Непомерная потеря неприятеля произошла от того, что казаки на самом рассвете застали жителей спящих, мгновенно отрезали между аулами сообщение и не допустили их соединиться. Оставалась одна сторона, свободная к реке Лабе, но скрытно прошедшая к самой переправе наша пехота, встретив на оной спасающихся, многих побила и перехватала.

На возвратном пути к Кубани собрались большие толпы неприятеля, думая воспользоваться затрудненным движением войск от пленных и большого числа скота, но, в подобном же случае испытав прежде чувствительный урон, не осмелились сделать они чувствительного нападения и ограничились одною издалика перестрелкою. Места открытые способствовали беспрепятственному движению. В верхнем Каракайдаке и части независимой от нас Табасарани обнаружилось беспокойства, и небольшие шайки разбойников начали производить грабежи на землях наших. Родственники возмущившегося изменника тайно ему вспомоществовали тем более успешно, что занимали почетные у нас места, но я приказал в селениях их расположить войска и на их продовольствии, смотря в то же время за исправностью обывательских караулов, и тотчас прекратились шалости. Генерал-майор Аслан-хан Кюринский и Казыкумыцкий наказал табасаранцев отгоном стад их.

В сем году в первый раз в странах здешних появилась опасная болезнь Cholera morbus. В 1821 году перенесшись из Индии в Персию, произвела она там большие в некоторых местах опустошения, повторилась в следующем году не с меньшей жестокостию, и наконец у нас на границах, первоначально посетив лежащие по нижней части реки Куры селения, распространилась

в город Баку, по Ширванской провинции, некоторым округам провинции Кубинской и даже в городе Астрахани. Нельзя исчислить точной потери людей, ибо между мусульманами, паче кочующими, нет средства собрать верных сведений, но где таковые были возможны, заметно, что из числа заболевающих умирал пятый и даже шестой человек.

Правительство не упустило в сем случае прислать несколько лекарей и наставления, но прежде сего взяты уже были нужные меры, и первые сведения о средствах пользования сей болезни доставлены мне англичанами, давно знакомыми с нею в Индии, и там пребывающими армянами. Вообще, к счастью нашему, болезнь сия стоила нам несравненно меньшей потери, нежели в Персии.

По известиям из Грузии мир между Персиею и Портою не приведен к окончанию по некоторым несогласиям, но правдоподобно, что Порта по причине неудачных действий в Греции стараться будет устранить все затруднения, ибо имеет нужду в войсках, против Персии употребленных. Аббас-Мирза имел свидание на границе Карабаха с генерал-майором князем Мадатовым, и встретились весьма дружелюбно.

Но объяснение сего, что непрерывное переселение и бегство кочующих народов порождает между дружественными державами неприятности и охлаждение, что беглые ханы и всякого другого состояния люди, принимаемые в Персии, получая позволение жить близко границ наших, производят разбои и подговаривают подданных наших, что имеют тайные связи и сношения, правительству вредные, и что разные по сему предмету мои представления Персия, не приемля никаких мер, дает мне право поведение ее почитать неблагонамеренным.

Аббас-Мирза, приняв объяснение благосклонно, уверял, что он употребит все средства доказать, как велико желание его приобрести милостивое к себе расположение императора, и что он не замедлит сделать распоряжение, которым здешнее начальство будет довольно. Мне остается сказать, что, зная Аббас-Мирзу, я никогда ни одному слову его не поверю.

Генерал-майор Власов донес, что войско Черноморское весьма удачно отразило шайку закубанцев из 1500 человек, которые под предводительством известных разбойников намеревались напасть на учреждаемое

вновь на левом фланге селение. Черноморцы были в гораздо меньшем числе, ибо известие о приближении неприятеля, незадолго полученное, не дало достаточно времени собрать большое число войск. Казаки особенно оказали решительность и бесстрашие под собственным распоряжением генерал-майора Власова.

Я намеревался наказать лежащее в горах селение Ара-Кан, и, собрав войска при селении Джангутай, часть небольшую отрядил для обозрения дороги, которая по слухам была непроходимой. Она найдена совершенно не таковою, и даже артиллерия, хотя и с затруднением, могла однако же следовать за войсками на большое расстояние, но наставшая ненастная погода, недостаток леса для дров и трудность подвезти фураж, заставили меня отложить предприятие. Вскоре потом, с частью войск прошедши до селения Эрпели, приказал я осмотреть дороги к деревням Гимри и Иргана, принадлежащие обществу Койсу-бойлинцев, нам не повинующемуся. Переход чрез хребет, называемый Аракес, оказался несколько затруднительным, особенно спуск по необычайной крутизне своей; ущелье, по коему пролегает к деревням путь, паче к Иргана, довольно проходимо, но без артиллерии. При осмотре дороги произошла перестрелка. Неприятель, трусливо защищавший хребет, обратился в поспешнейшее бегство.

Генерал-майор Власов 1-й, составив отряд войск в три тысячи казаков, с двумя ротами пехоты и несколькими орудиями, выступил за Кубань для наказания народа абадзехского, во всех набегах на границы наши участвующего и дающего у себя пристанище разбойникам. Предупрежденный о движении войск неприятель укрыл в лесах семейства, но не мог спасти имущества. Генерал-майор Власов, прошедши в ночь до шестидесяти верст, окружил два селения, но уже не было жителей, кроме караулов и нескольких человек, засевших в ближайшем лесу, из которого производили ружейный огонь. Селение было разграблено и обращено в пепел и взято одно медное шестифунтовое орудие из числа тех, кои даны анапским пашею закубанцам. В обратном следовании чрез лесистые места абадзехи думали остановить войска наши и отбить захваченное орудие, но повсюду отраженные с уроном уступили храбрости казаков. На равнине встречены были большие толпы конницы закубанцев, но они не решились препятствовать следованию войск.

Со стороны Дагестана продолжалось бездействие войск наших. Посредством шамхала и акушинцев надеялся я достать аманатов от ближайших горских народов. Я сам не должен был их требовать, дабы не подвергнуться отказу, который легко могли сделать, не будучи угрожаемы никакою опасностью и не видя вблизи войск наших. Я заставил жителей страны разуметь, что главнокомандующему нельзя сделать отказа безнаказанно, и покорение акушинской области в сем смысле было им вразумительнейшим примером.

Здесь в Казанише склонил я шамхала пригласить к себе Сеид-ефенди, известного ученостию и между горцами пользующегося величайшим уважением и доверенностию. Принадлежа к числу главнейших священных особ, он имел большое влияние на действия ближайших к нам народов. В дружеских с шамхалом сношениях, он приехал к нему и познакомился со мною. Несколько раз виделся я с ним, но не иначе, как у шамхала и в ночное время, дабы не было подозрения между горцами о знакомстве между нами, и они оставались в убеждении, что он не угождал ни одному из русских начальников. В нем нашел я человека здравомыслящего, желающего спокойствия, и мне нетрудно было угадать, что он не откажется быть мне полезным. О свиданиях с ним не знал никто из моих приближенных, кроме одного, необходимого мне, переводчика. Посредством шамхала я обещал Сеид-ефендию доставлять жалованье.

Умершего мехтулинского владельца Гассан-хана сын, молодой человек, увезенный дядею его, изменником аварским ханом, бежал из Авара, явился ко мне, испрашивая прощения в беспокойствах, которые возбуждал он во владениях, отцу его принадлежавших, подстрекаем будучи к тому умершим в недавнем времени его дядею. Сей последний мечтал, в глупости своей, казаться опасным для нас и тем склонить правительство к прощению гнусной его измены и возвращению отнятого жалованья, которое давало ему избыточные способы существования и средство иметь людей, себе приверженных. Молодому человеку, надевавшемуся на великодушие правительства, даровал я прощение и возвратил деревни, бывшие отца его, приняв присягу на верность подданства императору. Мера сия, по удостоверению здешних, может дать спокойствие, ибо всегда мятежники возрождались со стороны жителей мехту-

линских, которыми легко может он управлять по обязанности к нему оных.

Наставшее холодное время и снега, покрывшие горы, составляющие границу нашу с Персиею, воспрепятствовали комиссарам нашим продолжать их действия по предмету назначения границ, и я приказал им возвратиться в Тифлис. Из присланных ими донесений обнаружилось затруднения, которые сам Аббас-Мирза вымышлял для воспрепятствования в разграничении и при свидании с комиссарами старался в присутствии многих своих чиновников выставить несправедливое занятие русскими войсками части ханства Талышинского. Окружающие его не раз говорили, что Аббас-Мирза намерен отправить в Петербург доверенную особу, если встретит со стороны комиссаров несговорчивость в определении границы, как он желает, то есть совершенно уклоняясь смысла трактата⁷¹. Он нимало не сомневается в успехе, полагаясь на внимание, которое правительство оказывает без разбора каждому ничтожному из персиян. Весьма мало понимает Аббас-Мирза великодушную систему нашего правительства и, конечно, не подобного ему человека, исполненного всех низких свойств, можно вразумить легко в оную.

Болезнь начальника штаба генерал-майора Вельяминова 2-го заставила меня позволить ему ехать в Тифлис для излечения, и войска, по Кубани расположенные для охранения границы от набегов, поручены артиллерии полковнику Коцареву.

1824 г. Из числа бежавших за Кубань кабардинцев один знатнейший между князьями в сопровождении нескольких известных разбойников приехал ко мне в Дагестан. Начальник штаба предупредил меня, что князь Арслан-бек Биесленев имеет поручение от прочих предложить мне условия, на коих готовы они возвратиться на прежнее свое жительство. Я вызывал его одного, желая, чтобы он как человек по способности своей могущий быть полезным правительству, переселился в Кабарду, но ни с кем из прочих не почитал я приличным входить в переговоры.

Встретив в нем человека, более многих кабардинцев здравомыслящего, легко мне было вразумить его, что уничтожительно было бы для меня допустить условия с людьми, нарушившими данную присягу в верности государю; что виновные должны просить о прощении, а не предлагать условия; что могут надеять-

ся на великодушие правительства, готового оказать оное раскаивающемуся; что несправедливо было бы предоставить большие выгоды изменникам пред теми, кои, не оставляя земли своей, покорствуют правительству и его распоряжения выполняют беспрекословно. Не страшил я угрозами виновных, но не скрывал от них, что не должно терпеть пребывание их близко границ наших, дабы примером безнаказанности не одобрили к злодеяниям людей неблагонамеренных.

Нелепые желания кабардинцев состояли в следующем:

1. Возвратиться в свою землю не иначе, если правительство уничтожит устроенные в 1822 году крепости и удалит войска с гор.

Это значит иметь средство продолжать прежние злодеяния, не подвергаясь наказанию, иметь в горах убежище.

2. Разбирательство дел оставить во всем на прежнем основании, то есть в руках священных особ.

Это происки мулл, самых величайших невежд, которые из всех исповедующих закон мусульманский, как будто для того собраны в Кабарде, чтобы славиться мудростью своею между людьми еще большей степенью невежества омраченными. Князья кабардинские первое между таковыми занимают место. Кабардинским князьям потому выгоден шариат⁷² или суд священных особ, что они, пользуясь корыстолюбием их, в решении дел всегда могут наклонять их в свою пользу в тяжбах с людьми низшего состояния. Закон мусульманский хотя признает все вообще состояния свободными, но священные особы, удаляясь сего правила, полное действие шариата допускали в разбирательстве дел между князьями и знатнейшими фамилиями узденей, а простой народ, когда требовала польза знатнейших и богатых, всегда был утесняем, и бедный никогда не получал правосудия и защиты. Возобновления шариата выпрашивали у меня кабардинские князья и уздени, оставшиеся под управлением нашим, с тем, чтобы дела простого народа разбираемы были по российским законам.

3. Если бы начальство отказало исполнить желания, то испросить согласие оного на пребывание их за Кубанью, с тем, чтобы воспрещено было войскам их преследовать или нарушать их спокойствие, что

в удостоверение удаления их от всяких вредных замыслов дадут они аманатов.

Это означает намерение продолжать тайные связи с соотечественниками своими, оставшимися под управлением нашим, дабы, возбуждая оных против правительства, предоставляя им убежище за Кубанью и защиту тамошних народов, склонить начальство...* беспокойства, предложила им возвратиться в Кабарду на тех условиях, которые найдут они для себя полезными.

До побега кабардинцев за Кубань были от них у нас аманаты. Из присяжных листов их можно составить целые томы. Со стороны нашей употреблены увещания убедительнейшие, самое великодушное снисхождение, истолковано, сколько необходима перемена поведения их для собственной их выгоды, но ничто не помешало им быть изменниками... Итак, по известности мне обстоятельств, отверг я желание кабардинцев, за Кубанью живущих. Аслан-бек Биесленев, принятый ласково и с уважением, получа от меня подарки самым приветливым образом, отправился обратно. Кажется, что приятно ему было дать мне чувствовать, что он, лишь только возможно ему будет, возвратится в Кабарду и что он получил совсем другое о русских понятие. Он прежде не бывал ни у одного из русских начальников.

Оставив небольшое число войск в Мехтулинском округе для утверждения водворенного спокойствия, отправился я в Дербент. Дав постановление Каракайдацкой провинции и обложив постоянно податью Терекеминские оной селения, которые пользовались льготою для поправления после военных действий в 1819 году, истребивших их, поручил я привести в известность жителей Дербента и ввести некоторый полицейский порядок, что нерадением прежнего коменданта и послаблением генерал-майора барона Вреде совершенно было пренебрежено. Город приказал я по возможности улучшить расширением улиц, и не допуская исправлять починкою ветхие строения, сделать площади. Город, стесненный до чрезвычайности неопытностью жителей, делает воздух необыкновенно вредным, что и понудило к расширению одного.

В Кубинской провинции исправил я постановление, которым доселе руководствовались беки, имеющие в

* В подлиннике тут пропуск. Примечание *Н. П. Ермолова*.

управлении казенные деревни. В перемене сей доставлено народу немалое облегчение и определена обстоятельно мера повинности оною в отношении к бекам. Издал я постановление в рассуждении священных особ, коим определено нужное количество, им — приличное содержание. Положены правила для постепенного возведения в звания ефендиев и ахундов. Воспрещено посылать за границу для обучения закону, где многие до сего получали свидетельства на различные звания и сообразно оным занимали места в провинциях наших. Постановлением уничтожено невежественное постановление звания мулл сохранять наследственно в семействах, отчего произошло, что большая часть таковых ничему не имели нужды учиться и о законе ни малейшего понятия не имеют. Учредил комиссию для разбора бекских фамилий, ибо многие присвоили себе достоинство сие несправедливо.

В Кубинской провинции нашел я большую часть бекских фамилий и вообще простой народ весьма приверженными правительству и старающимися доказать свою верность. Войска, в провинции временно набираемые, служат с усердием и довольно храбро. Семейства определенных на военную службу людей, из коих содержатся в провинции караулы и посылаются против неприятеля отряды, ограничил я числом четырехсот, с тем, чтобы пополняемые были убывающие семейства. В числе военных людей приказал назначить зажиточнейших, дабы могли иметь лучших лошадей и исправное оружие.

В Ширванской провинции не мог я тех же ввести постановлений, как в Кубинской, ибо народ и самые беки не имели времени сделать к нам привычки по недавнему введению управления нашего.

С особенным вниманием обратился я к казенному хозяйству; уменьшил несколько отяготительные для народа посевы хлеба и часть таковых заменил заведением шелковичных садов, распределив постепенное оных умножение. Вообще поставил на вид местному начальству, что полезнее ограничить количество посева чалтыка (сарачинского пшена), который затруднительно сохранять без повреждения даже короткое время и который требует несравненно больших трудов и работы, нежели шелк, порче не подвергающийся. Породил также посев хлопчатой бумаги.

В городе Шемахе, издавна разоренном и остав-

ленном, мною возобновленном в 1821 году по начертанному плану, начаты строения, и уже большое количество лавок весьма хороших возведены в разных местах. Главную мечеть, здание весьма великолепное, которое исправляли жители на пожертвованные ими деньги, приказал я строить на казенный счет, возвратив сделанные ими издержки.

Вскоре по возвращении моем в Тифлис примечены в Абхазии некоторые неудовольствия соседственных горцев. Молодой владетель не мог прекратить их, мать его, женщина глупая и своеобычная, напротив, умножала их своею неловкостью, и ближайших селений жители, прежде спокойные, начали производить разбои. Для усмирения их должна была часть находящегося в Сухуме гарнизона сделать нападение на одно из селений. Оно было разорено, но войска, возвращаясь, встретили скрывшегося в лесу неприятеля и при начале перестрелки убит подполковник Михин, храбрый офицер, командовавший отрядом. Вероятно, что за сим последовал некоторый беспорядок, и он был причиною потери нашей, ибо убито и ранено 42 человека, что не весьма обыкновенно.

Вскоре за сим возгорелся общий мятеж и неудовольствия на фамилию владетельного князя вооружили против него и самих соседей. Он удалил мать свою в Сухум, под защиту войск наших, сам, оставшись в доме своем в селении Соупсу, где находилось до 300 человек пехоты при двух орудиях, содержался в тесном obleжании (осаде. — *Сост.*) более полутора месяца. Недостаток в укреплении воды и необходимость запастись оною понуждала делать вылазки, но потеря со стороны нашей не достигала даже и десяти человек.

Начальствующий в Имеретии генерал-майор князь Горчаков с 1400 человеками пехоты и двумя орудиями пошел для освобождения находившегося в Соупсу отряда.

При реке Ингур неприятель был в небольших силах и не мог воспрепятствовать переправе, хотя она была весьма затруднительна, но далее к Сухум-Кале сделал во многих завалы; собравшиеся толпы были многочисленны и дрались упорно. Войска, рассеяв их, дошли до Сухума. От сего места до селения Соупсу 30 верст, но дорога тесная лежит по берегу моря между утесистыми скалами, покрытыми лесом почти непроходимым, и здесь-то ожидал неприятель с большими

выгодами встретить наши войска. Генерал-майор князь Горчаков, сделав обозрение дороги и усмотрев, что невозможно без чувствительной потери выгнать многочисленного неприятеля из мест, по природе твердых и сверх того тщательно укрепленных, решился сделать высадку. Первоначально с 800 человеками вышел он на берег в пяти верстах от Соупсу, овладел прилежащим лесом и устроил небольшое укрепление. Действие артиллерии с судов не допустило неприятеля затруднить высадку, и она совершилась с ничтожным уроном. Вскоре прибыло из Сухума еще 250 человек пехоты. Сих оставил он в укреплении, а с первыми пошел к Соупсу. Неприятель делал усилия не допустить его, но не мог устоять. Находившийся в укреплении отряд, усмотрев, что главнейшие неприятельские силы обратились против войск, идущих от берега, сделал вылазку, зажег ближайšie к укреплению строения, в которых укрывались мятежники, и заставил их удалиться. Между тем неприятель побежал, потеря его была значительна, и войска, беспрепятственно соединившись, возвратились на берег. Военные суда, в достаточном количестве из Крыма присланные, способствовали успеху высадки и предприятия. Генерал-майор князь Горчаков благоразумно сделал распоряжение к действию столько же решительному, как и смелому.

Владетель абхазский пребыл непоколебимым в верности императору и с семейством выехал в Мингрелию к родственнику своему генерал-лейтенанту князю Дадияну, который, собрав милицию свою, содействовал войскам нашим. Но оказались ничтожными пособия его, ибо народ, не без основания, разумеется, [является] весьма робким между жителями здешней страны.

В течение лета войска наши за Кубанью имели повсюду весьма счастливые успехи. Командующий оными артиллерии полковник Коцарев преследовал укрывавшихся там беглых кабардинцев. Абазинцы, принявшие их и с ними участвовавшие в разбоях, наиболее за то потерпели: селения их разорены, лошади и скот захвачены во множестве, в людях имели они урон необыкновенный. Страх распространен между соседственными народами. Более нежели в двадцать раз отмщено злодеям за нападение на селение Круглолеское.

Анапский паша по убедительной просьбе закубанцев присылал чиновника испрашивать помилования им

и прекращения действий войск. Некоторые из ближайших обществ приуговетались дать аманатов в удостоверение, что будут жить спокойно и возбранять производящим разбой и хищничества переход в их земли. Нельзя верить обещаниям паша, ибо не имеет он силы воздержать народы, к грабежам приобыкшие и ему не повинующиеся. Столько же неблагонадежны и клятвы самих народов, ибо нет между ними людей, имеющих власть, и никто влияние оной не допускает над собою. Полезнейшие советы старейших в посмеянии у буйной молодежи и нет обуздания на оную. Разбой и грабежи в их понятии — слава, приобретаемая добыча составляет значительную выгоду.

В непродолжительное пребывание мое сего года на Кавказской линии осмотрел я строящиеся казенные здания на Минеральных водах. Нет ни малейшего хозяйства в приуготовлении нужных материалов, ничто не доставляется в потребное время.

Смерть командующего на линии генерал-майора Сталя 2-го дает удобность ввести как по сей части, так и по многим другим, лучший порядок.

Я осмотрел большую часть укреплений по новой в Кабарде линии и нашел много сделанных временных жилищ для воинских чинов довольно прочных и удобных. Построены мосты чрез некоторые из рек.

Из укрепления на Урухе прошел чрез Татартунский хребет до Владикавказа и легко увидеть мог, сколько удобнее будет дорога от сего последнего места не чрез Моздок, как было прежде, но прямо на Екатериноград, и предварительные по сему предмету сделаны распоряжения.

В нынешнем году намеревался я пройти чрез Кавказ для обозрения новой дороги в Грузию, о которой по доходящим слухам и из сведений, хотя впрочем не весьма обстоятельных, наших офицеров, видевших оную, судить надлежит, что она несравненно лучше теперешней дороги, но принужден был отложить обозрение до другого времени по причине необычайно дождливой осени, которая, продлив пребывание в горах войск, могла затруднить продовольствие оных. Отряд войск, из Грузии посланный, переходил чрез хребет беспрепятственно, и жители гор оказывали довольно приятное расположение.

Начальнику корпусного штаба поручив командование войска на Кавказской линии впредь до назначе-

ния настоящего начальника, возвратился я в Грузию на тот случай, если наследник Персии Аббас-Мирза вознамерится иметь со мною свидание, как потом объяснился он нашему поверенному в делах.

На линии свирепствовали ужаснейшие болезни: в Георгиевске до того достигла смертность, даже между чиновниками, что в присутственных местах мало было занимавшихся делами, и я, дабы совершенно не остановились оные, решился просить государя о скорейшем переводе областного города в Ставрополь и об ассигновании некоторой суммы для найма частных строений под присутственные места до устройства казенных зданий. Император соизволил на представление мое, и решено обратить Ставрополь в областной город. Ассигнована сумма для найма строений из имеющейся в распоряжении моем экстраординарной. Георгиевск остался временно уездным городом до учреждения такового в Горячих Водах.

1825. Год сей начал спокойно, пребывая в Тифлисе. С персидским правительством продолжалась переписка о границах, и он казалось наклонным кончить все неприятности, возникшие по сему предмету. С точностью исполняя строгие предписания, закрывал глаза на многие неловкости Аббас-Мирзы, обращая их на счет невежества пограничных начальников. Поверенный в делах при персидском дворе г. Мазарович предупредил меня о намерении его прислать ко мне чиновников для переговоров, и что сам он готов назначить со мною свидание на границе, в полной уверенности кончить дело дружелюбным образом.

В марте месяце прибыл в Тифлис Фетх-Али-хан, беглербег Тавризский; при нем находился мугандис баши — главный инженерный чиновник — и один секретарь, которого недоверчивый Аббас-Мирза как шпиона придал для наблюдения за его поведением. Фетх-Али-хан имел полномочие заключить со мною условия о разграничении. Я поручил генерал-лейтенанту Вельяминову войти с ним в переговоры, имея в виду то, что если бы я сам составил условный акт, не приличествовало бы мне, или по крайней мере было бы неудобно, сделать в оном изменения. Фетх-Али-хан объявил мне о желании Аббас-Мирзы видеться со мною и что от меня зависит назначить для того место и время. Сие наиболее побуждало меня оставить зависящими от меня некоторые средства, при свидании с Аббас-Мирзою

сделать ему угождение небольшою в некоторых статьях перемену.

Фетх-Али-хан действовал довольно чистосердечно, и со стороны его, после некоторых усилий и возражений, весьма вежливо и с отличным благоразумием генерал-лейтенантом Вельяминовым опрокинутых, заключен акт. Я призвал к себе Фетх-Али-хана, истолковал ему умеренность требований в сравнении с пожертвованиями, на которые решаюсь я для сохранения дружбы и доброго согласия. Он не мог не чувствовать справедливости моего предложения, и то же подтвердили его чиновники, из коих мнение шпиона, как нетрудно было заметить, было у него в особом уважении. Я объяснил Фетх-Али-хану, что хотя вправе я требовать, дабы приложил он печать свою к заключенному условию, но что желая избавить его от жестокой ответственности в случае, если условие не понравится наследнику, и он с ним не будет согласен, я его от того увольняю. Сколько ни был он благодарен за внимание мое об охранении его, он не только ручался, что Аббас-Мирза будет доволен успехами его, но что в полном убеждении, что он оказал отечеству величайшие заслуги, он не сомневался обратить на себя самые щедрые награды, каковых весьма немногие удастаиваются. Словом, он был в восхищении. Во все время пребывания его в Тифлисе он был содержан роскошным образом. Удовлетворен со стороны честолюбия отличным приемом и почестями. Со стороны корыстолюбия — необыкновенно дорогими подарками.

Из слов Фетх-Али-хана должно было предполагать, что Аббас-Мирза желал со мною сблизиться (если только сам он не был им обманут), но что нет сомнения, что нужно было ему лучшее мое расположение к нему, ибо Фетх-Али-хан секретно объявил мне, что Аббас-Мирза, будучи чрезвычайно озлоблен на сардара Эриванского, не видит другого средства сменить его, разве со стороны моей будут принесены жалобы на него шаху. Он подтвердил мне, что давно хочет Аббас-Мирза поставить сына своего в Эриванской провинции, дабы присвоить богатые оной доходы. Не скрыл и того от меня, что если бы отозвался я шаху довольным поведением пограничных начальников, непосредственно зависящих от него, и что для лучшего спокойствия и утверждения прочнейшей связи предоставил бы я шаху о пользе подчинить всю границу одному

начальству, что надеется Аббас-Мирза успеть в желании своем получить в управление и Гилянскую область. Итак, Аббас-Мирза хотел сделать меня орудием своих выгод. Я дал Фетх-Али-хану надежды, что буду действовать согласно видам его, стараясь все средства употребить в пользу окончания дела о границах.

Фетх-Али-шах по возвращении в Тавриз был принят Аббас-Мирзою весьма неблагоклонно и даже угрожаем наказанием. Заключение условиями был недоволен, и на письмо мое, наполненное вежливостями и всем, что могло казаться обязательным, не хотел отвечать сам, но поручил отнести ко мне кайшакалу*. Поверенный наш в делах г. Мазарович поставил неприличие подобного поступка, и Аббас-Мирза рассудил за благо сам объясниться письмом. Он сообщил мне замечания свои на заключенный акт генерал-лейтенантом Вельяминовым, оспаривал все то, что требовал я в замену несравненно больших выгод, уступаемых нами, превратно толковал смысл Гюлистанского трактата, и что по силе оного должна была Персия возвратить нам, утверждал принадлежащим ей. В заключение предложил, по данному ему от шаха повелению, утвердить условия сии, если мною приняты оные будут, но что в противном случае, не имея власти и полномочия, он не откажется однако же употребить свое старание, дабы исходатайствовать волю шаха, его родителя. Отзыв сей, совершенно противный уверениям Фетх-Али-хана и слишком решительный для свойств Аббас-Мирзы, который, в обстоятельствах, гораздо менее верных, готов прибегать к разным изворотам, скрывая настоящее намерение, ясно доказывал, что подпал он сильному влиянию людей, не доброжелательствующих нам.

Вскоре сделалось мне известным, что он следовал советам тавризского первосвященника муштенда⁷³ Мирзы-Мехти, человека хитрого, славящегося фанатизмом. Он уверял Аббас-Мирзу, что малейшая сговорчивость его потеряет его во мнении народа, что одним оружием можно смирить гордость русских и даже возвратить потерянные Персиею области и самую Грузию, изгнав неверных за хребет Кавказа. Что все мусульмане, подвластные нам, возьмут участие в войне столько священной. Рассуждение сие происходило в совете Аббас-Мирзы, и между прочими, наиболее пользующи-

* Придворный чин (сост.).

мися доверенностью его, Сурхай, бывший хан Казыкумыцкий, известный изменник, изгнанный по распоряжению моему в 1820 году из его владений, ручался, что, имея много приверженцев и сильные между горскими народами связи, он возбудит их против нас и многочисленные полчища их обратит на Грузию. Чиновник, присланный от сардара Эриванского, будучи призван в совет сей, утверждал, что если только позволено будет его начальнику, то в продолжение двух месяцев будет он в Тифлисе, на что без всякого пособия со стороны наследника собственных средств его достаточно. Первосвященник Мирза-Метхи присовокупил, что, благословя победоносные знамена Аббас-Мирзы, он, предводительствуя 15 тыс. муллов, пойдет впереди, указуя путь к славе. Аббас-Мирза, приученный к самой подлой лести, верил всем сим нелепостям тем с большим удовольствием, что если бы не удалось ему одною наружностью твердости и без войны заставить нас исполнить его требование, тоже общее стремление всех состояний не оставляло ни малейшего сомнения в успехах. Аббас-Мирза введен был в заблуждение одним из чиновников его, бывших в Петербурге, который уверил его, что все затруднения, которые я ему поставляю, могут удобно разрешены быть в министерстве, с которым выгоднее иметь ему непосредственное сношение. Чиновнику сему, как из собственных слов его известно, внушено было в Петербурге, что я имею столько многих и сильных неприятелей, что Аббас-Мирзе достаточно возложить на меня вину существующих неудовольствий, и конечно достигнет он желаемого; ибо готовы они действовать против самых убедительных моих представлений.

Поверенный в делах г. Мазарович в подробности уведомил меня как о рассуждениях, бывших в совете Аббас-Мирзы, так и о других обстоятельствах, которые показывали его готовым на самые решительные меры. Известно было сильное влияние его на шаха, и что сим последним предоставлен ему был полный произвол.

Тем страннее должен был мне казаться последний отзыв Аббас-Мирзы, когда, в первый раз присылая Фетх-Али-хана, писал он, что он имеет от него полную доверенность, и когда после, опровергая заключенные им условия, он сообщил мне, что сам он не имеет власти иначе доверить дело о границах, как по сделанному им предложению. Бессмысленные проти-

воречия сии поставили меня довольно в затруднительное положение. Трудно было успеть в Аббас-Мирзе по его упорству; не более было надежды склонить шаха, который совершенно не входил в дела и внимание которого Аббас-Мирза конечно уже склонил на свою сторону; однако же испытывая всевозможные средства и в точности исполняя волю государя отдалять всякий повод к разрыву, написал я вежливое письмо Аббас-Мирзе и самому шаху, которому предложил я, как средство последнее, некоторые изменения в акте, заключенном генерал-лейтенантом Вельяминовым. Более сего не оставалось ничего сделать, и далее малейшее угождение с моей стороны было бы виновное пренебрежение собственных выгод и не удалило бы впоследствии повода к возобновлению неудовольствий. Аббас-Мирза весною сего года объезжал границу со стороны Эриванского ханства под видом будто бы охоты. Наблюдение за ним обнаруживало, что он точно ничего более не видал, как собак своих и ястребов. В цель путешествия его входило намерение устрашить сардара Эриванского сменой или заставить откупиться большими пожертвованиями. Но сардар имел при шахе сильных друзей, которые его поддерживали; их наделял он подарками, и сардар, нимало не страшась Аббас-Мирзы, отделался от него обыкновенными вежливостями и весьма небогатыми дарами. Аббас-Мирза был в большом озлоблении. Не взирая на вызов его видеться со мною, объявленный мне Фетх-Али-ханом на самый обязательный ответ мой, которым представлял я ему назначение места и времени, он не уведомил меня даже о прибытии своем в Эривань, что по обычаям персидским разумеется величайшею грубостью. Я со стороны своей из приличия показал совершенно тому равнодушие.

Вызвал из Тавриза г. Мазаровича, поручил ему мои письма и окончательные переговоры. Знание его министерства персидского, некогда доверенность и даже приязнь Аббас-Мирзы, особенное благоволение самого шаха давали еще мне некоторые надежды если не кончить дело разграничения, по крайней мере сделать на некоторое время условие, оставляя до возобновления переговоров в настоящих границах.

Государю императору отправил я письмо, в котором изобразил поведение Аббас-Мирзы, и что, увлекаем будучи советами враждующих нам людей и обма-

нутый льстивыми уверениями, что приверженный ему народ жаждет случая освободить стенающих под игом нашим единоверцев, имеет он намерение поддерживать оружием требования свои о границах. Что сделаны им соображения о собрании войска и производятся приуготовления к войне. Донес я об отправлении Мазаровича, но в то же время объяснил, что шах, удаляясь всяких дел, сложил оные на Аббас-Мирзу, предоставив ему полную свободу действовать по произволу; что сей со стороны его не встречает ни малейшего противоречия в своих замыслах, и что по ходу дел предвижу я войну неизбежную. Я просил приумножения войск одною пехотною дивизиею и несколькими казачьими полками как средства предупредить войну. Вместе с сим 12-го числа июля известил я обо всем с возможною подробностью управляющего Министерством иностранных дел статс-секретаря графа Нессельроде.

Поверенный наш в делах г. Мазарович был принят Аббас-Мирзою неблагоприятно. Он не умел даже воздержаться себя от разных дерзостей, которые, кажется, делал с намерением, дабы, вызвав Мазаровича на возражение, иметь право поступить с ним неприятным образом. Аббас-Мирза имел неблагоприятное страшить даже угрозами, хвастливо говоря о войсках своих, об артиллерии. Он сказал г. Мазаровичу, что напрасны надежды его на шаха, на счет мой расточал самые оскорбительные ругательства. Г. Мазарович нашел между вельмож [ами] подлейших льстецов, рабственно угождающих наследнику, холодность и отдаление, но он имел людей, ему обязанных, и от них узнал все обстоятельства. Шах в обращении с г. Мазаровичем был гораздо вежливее, но приметно предупрежден был Аббас-Мирзою, и о делах переговоры были безуспешны. Можно сказать, что о них рассуждать не хотели, но скрывая решительное намерение прервать сношения дружественные, объявили, что с письмом от шаха и окончательными предложениями будет прислан ко мне чиновник, облеченный в доверенность.

Будучи предварен, что между чеченцами примечаемы тайные совещания, что появился между ними лжепророк, возмущающий их против нас, приказал я баталиону 41-го егерского полка, расположенному в Ширвани, немедленно следовать в станицы Гребенского войска обоим баталионам Ширванского полка, стоявшим в Ка-

барде, быть в готовности, поручив их в распоряжение начальствующего на линии генерал-лейтенанта Лисаневича.

Вскоре получил я известие, что чеченцы, предводимые лжепророком, довольно в больших силах, в ночи с 7-го на 8-е число, напали на Амир-Аджиуртский пост и сожгли оный. Укрепление поста было непрочное, ибо наскоро из плетня сделанное, и рва вокруг его почти не было. Но в гарнизоне находилась рота пехоты и весьма сильная артиллерия. Сего для обороны было слишком достаточно, но начальник гарнизона, был чрезвычайно неосторожен, не взирая, что в тот же самый день выступивший из укрепления генерал-майор Греков предварял его о намерении чеченцев сделать покушение на пост. Незадолго пред нападением успел он даже прислать одного из привлеченных на аксаевских жителей с известием, что сильные толпы конницы взяли направление к посту и в ночи прибудут к оному.

Начальствовавший оным 43-го егерского полка капитан Осипов, сделав расчет гарнизона по местам, распустил людей в казармы и нимало не усилил обыкновенного караула. Чеченцы со стороны леса подошли, не будучи замеченными. Весьма темная ночь и сильный ветер им способствовали. Внезапно вошли они в укрепление и тотчас опрокинули часть плетня, ограждавшего оное. Люди в беспорядке выскакивали из казарм, когда укрепление было уже наполнено неприятелем: они не могли противиться малыми силами; капитан Осипов, защищавшийся с горстью людей и будучи уже ранен, бросился в Терек и утонул. Неприятель испытал только два выстрела из орудия, стоявшего в воротах, при коем был главный караул не более как из девяти человек при унтер-офицере. Выстрелы сии на некоторое время привели в замешательство чеченцев, но уже не было кому оным воспользоваться, ибо люди наши были рассеяны, и большая часть гарнизона спасалась переплывая Терек.

В сие время переправлялся пороховой погреб, и снаряды крепостных орудий хранились в сарае, покрытом камышом. Сообщившийся оному огонь произвел столько сильный взрыв, что орудия были разбросаны и части лафетов разметаны на противном берегу реки. Чеченцы в ужасе побежали из укрепления и уже не появлялись. Потеря наша простирается убитыми, по-

гибшими при взрыве и потонувшими всего до семидесяти человек. Потеря неприятеля была не менее. Взбешен я был происшествием сим, единственно от оплошности нашей случившимся. Еще досаднее мне было, что успех сей мог усилить партию мятежников, умножить верующих в лжепророка. Я не обманулся! Генерал-майор Греков не мог приспеть к защите поста, ибо силы его состояли из пехоты, сделавшей уже большой переход. Он прибыл к укреплению Герзели-Аул, дабы обеспечить его от нападения, усилил гарнизон одною ротою егерей и двумя орудиями, приказал поправить укрепление. Оттуда, прошедши крепость Внезапную, усилил ее также одною ротою и возвратился в станицу Червленную, дабы собрать несколько войск. Между тем чеченцы, распустив лживую молву о приобретенных ими успехах, ободрили сообщников, пригласили соседних им горцев, в числе четырех тысяч человек пришли к укреплению Герзели-Аул и начали стеснять его облежанием до того, что гарнизон вскоре лишен был воды. Неприятель в близком расстоянии расположил свои окопы вроде траншей и предпринял штурм. Некоторая часть перешла уже ров и была на валу, но штурм отбит с чувствительным уроном. Лжепророк однако же нашел средство восстановить упавший дух обещанием блистательных успехов, то есть обогащения добычею. Но более ободрила мятежников измена аксаевских жителей, которые с ними соединились, и готовность андреевских жителей последовать тому же при малейшей удаче.

Мятеж сей мог распространиться в Дагестан, где по многолюдству мог быть несравненно опаснейшим, тем более, что из Грузии мало весьма мог я отделить сил, и некомплект войск был чрезвычайный.

Генерал-лейтенант Лисаневич, узнавши о случившемся в Амир-Аджи-Юрте, приказал баталионам Ширванского полка, 1-му следовать в крепость Грозную, 2-му сколько возможно поспешнее прибыть в станицу Червленную, для чего выставлены были подводы, сам прибыл туда же.

Между тем генерал-майор Греков собрал три роты 43-го егерского полка, 400 линейных казаков и несколько орудий. Генерал-лейтенант Лисаневич взял отряд сей под личное начальство, и не дожидаясь 2-го баталиона Ширванского полка, переправился [через] Терек в Амир-Аджи-Юрте и пошел к Герзели-

Аулу. Приближаясь к оному, замечен он был неприятельскою конницею, которая немедленно обратилась в бегство, не давши ничего знать облегающей укрепление пехоте. Посланные вперед казаки успели отхватить часть неприятеля; гарнизон, видя приспешую помощь, сделал вылазку, и вскоре потом прибыл отряд. Мятежники понесли чувствительный весьма урон, который мог быть гораздо значительнее, если бы не способствовали спасению их лежащие поблизости леса и гористое местоположение. Потеря наша была самая ничтожная. Лжепророк бежал [один] из первых в сопровождении самого малого числа сообщников, все разошлись по домам, не помышляя о соединении и в боязни жестокого наказания. Жители Акса, кроме главнейших зачинщиков, оставивших город, искали измену свою загладить совершенною покорностию и просили пощады. Невозможно было ожидать благоприятнейших обстоятельств и столько скорого уничтожения мятежа, но внезапное происшествие вдруг все переменяло. Генерал-лейтенант Лисаневич, желая схватить некоторых оставшихся в Аксае мятежников для примерного их наказания, приказал старшему князю майору Мулле-Хассаеву представить к себе всех почетнейших старшин с тем, чтобы в числе их были непременно замеченные им самые буйные и наиболее к мятежу склонные. Потребовал от него списка таковых. Генерал-майор Греков, лучше знавший народ сей, представлял ему, что не приличествовало задержать людей, им призванных, паче еще подвергнуть наказанию; что поступок сей произведет в народе беспокойства и уничтожит совершенно доверенность к начальству. Майор князь Мулла-Хассаев обязывался в самое непродолжительное время всех их доставить без всякого затруднения.

Генерал-лейтенант Лисаневич не послушал обоих, и 16 числа поутру не менее 300 человек лучших жителей Акса введены были в укрепление Герзели-Аул. Не было взято никаких мер осторожности, аксаевцы многие были вооружены, наш караул не был не только усилен, даже не выведен в ружье, команды отпущены за дровами и на фуражировку, и в укреплении оставалось менее людей, нежели аксаевцев. Вышедши пред них в сопровождении нескольких офицеров, генерал Лисаневич стал в оскорбительных выражениях упрекать их гнусною изменою, грозить истреблением виновнейших и начал вызывать некоторых по

представленному ему списку. Он знал хорошо татарский язык и потому объяснялся без переводчика, который бы мог смягчить выражения. Двое из вызванных старшин с покорностью предстали пред ним. У них сняли кинжалы и отвели их под стражу; третий, будучи вызываемый по списку, видя участь первых двух, противился, но когда его принудили, он, тихо подойдя к генералу Лисаневичу, вдруг бросился на него с кинжалом, который он до того скрывал под одеждою. Он нанес рану смертельную в живот насквозь. Не оставаясь, кинулся на генерал-майора Грекова, и сей в мгновение кончил жизнь под его ударами. Поблизости находились казаки и некоторые из приверженных нам мусульман, которые после поражения генерала Лисаневича могли остановить его, но до того велико было их изумление, что они пребывали неподвижны. Человек уже немолодой главный пристав кумьцкий капитан Филатов бросился на него, и хотя получил прежде рану, но по счастью она не была тяжелою, и он, схватясь с ним грудь с грудью, успел вонзить ему кинжал в брюхо, отвратя удар его рукою.

Силы злодея были превосходнее, и уже преодолевал он Филатова, но один из армян, приставив ему ружье, поверг его мертвого выстрелом. Генерал Лисаневич, захватя рукою рану, стоял опершись о забор и сохранял твердость, но когда сказали ему о смерти генерала Грекова, вырвалось у него слово «Коли!», и оно было сигналом истребления всех без разбора. В сие время командир 43-го егерского полка выводил из казарм караульных 20 человек, кои немедленно ударили на толпу, и к ним присоединились прочие, бывшие в укреплении. Аксаевцы в величайшем страхе и замешательстве бросились к воротам и чрез вал укрепления успели заколоть двоих часовых у ворот, но вслед кололи их штыками и пустили ружейный огонь. Вырвавшиеся из укрепления встречены были возвращавшеюся с фуражировки командою, прибежали конвой команд, посыланных за дровами, и из 300 человек аксаевцев весьма немногие спаслись бегством. Между тем погибли люди совершенно невинные и несколько испытанных в приверженности к нам. В числе их были некоторые из жителей города Андрея. Если бы не овладел аксаевцами совершенный страх, они могли бы захватить близко их стоявшие ружья караульных и людей, высланных за дровами, и без всякого затруднения овладеть укреплением и артиллериею, при коей не

было ни одного канонира. В укреплении были большие запасы снарядов и патронов.

Таким образом, неблагоразумие генерала Лисаневича могло быть причиной важнейших следствий. На линии не оставалось ни одного генерала. Начальник корпусного штаба генерал-майор Вельяминов, один, который мог привести дела в порядок, находился с отрядом за Кубанью для наказания хищных народов за набеги и разбои, делаемые ими на линии.

Тотчас по получении известия об Амир-Аджи-Юрт хотел я выехать на линию, но болезнь меня удерживала; когда же 22-го числа узнал я о случившемся в Герзели-Ауле и о смерти генерал-майора Грекова, я отправился 24 числа.

Во Владикавказе усиливавшаяся болезнь удержан я был до 3-го числа августа, и уже не было надежды на выздоровление. Здесь сделал я распоряжение оставить укрепление Преградный Стан, покойным генерал-майором Дельпоццо построенное весьма невыгодным образом и в таком расстоянии от реки Сунжи, что вода легко могла быть отрезана. Укреплению за отдалением его ниоткуда нельзя было дать помощи. Старую дорогу от Моздока во Владикавказ, лежащую чрез хребет Кабардинских гор, чрезвычайно неудобную, для движения транспортов затруднительную и подверженную нападению хищников, которые могли укрываться в лесах и, почти не подвергаясь опасности, наносить большой вред, приказал я перенести от Екатеринограда, чрез Урухскую крепость, мимо Татартунского мыса и чрез реку Ардон до Владикавказа; приступить немедленно к устройению мостов и временных укреплений, для расположения в оных конвоев. Дорога сия в сравнении с прежнею представляла величайшие во всех отношениях преимущества, но к учреждению оной нельзя было приступить, не став твердою ногою в Кабарде, которую в 1822 году занял я перенесением линии.

От Владикавказа до крепости Грозной прошел я с 1-м баталионом Ширванского полка, двумя орудиями и 250 донскими казаками полковника Сергеева полка, и хотя известно было, что повсюду были сборища возмущившихся чеченцев и карабулаков, однако же я нимало не был ими обеспокоен в пути. В Грозной присоединил я две роты 41-го егерского полка о два орудия; прошедши чрез Червленную станицу и переправившись [через] Терек в Амир-Аджи-Юрте, имел я с собою шесть рот пехо-

ты, 300 донских и 250 линейных казаков и 9 орудий артиллерии. Я поспешил к городу Андрею, где неблагонамеренные люди готовы были произвести возмущение и, соединясь с соседними горцами, пристать к лжепророку, который проповедовал повсюду истребление неверных, возбуждая ко всеобщему вооружению.

Приближение войск к городу прекратило смятение в оном, главнейшие из возмутителей бежали. Здесь нашел я баталион Апшеронского полка, который прибыл из крепости Бурной, и одну роту 41-го егерского полка. В крепости Внезапной сделал я большие перемены: уменьшил пространство оной, усилил профиль, и она, при несравненно меньшем гарнизоне, сделалась непреодолимою. Уничтожив обширное нижнее укрепление, я заменил его одною каменною башнею с пристройкою, дабы иметь в власти своей воду. Работы в крепости продолжались около трех недель. Чеченцы в числе четырех тысяч человек показались на высотах в окрестностях Андрея, надеясь на измену жителей оного, но как они остались в совершенной покорности, то они удалились, ничего предпринять не осмелившись.

Между тем был я в городе Аксае, коего жители, исключая князей, были в бегах, и город совершенно оставался пустой. Без участия их в измене не могли чеченцы ничего предпринять против укрепления Герзели-Аул, которое в подобном случае всегда подвергалось большой опасности. По сему уважению вознамерился я перенести укрепление на лучшее место, и в то же время, дабы прервать связи аксаевцев с чеченцами, давним соседством и даже родством утвержденные, и избежать всегда неприятной необходимости наказывать за измену, предположил я перевести самый город, который расположен будучи в местах гористых и покрытых непроходимым лесом, где удобно могли они укрываться, утверждал в них некоторое чувство независимости и своевольства, столь соблазнительных для прочих.

Я вызвал жителей, дав им прощение, и хотя многим из них не нравилось перенесение, но они согласились. Но явилось только 200 семейств, которые настаивали, чтобы позволено им было остаться на прежнем жительстве, чего я не должен был предоставить. Место для нового Аксая назначено мною на речке Таш-Кечу, во всех отношениях несравненно выгоднейшее прежнего, ибо здесь жители Аксая имели лучшее свое хлебопашество, здесь прежде бывало их богатое скотоводство. Для охра-

нения их в местах сих, более открытых, и для того, чтобы иметь за ними необходимый надзор, учредил я укрепление, которое и построено по возвращении моем из крепости Внезапной. В продолжение работ многие начали уже селиться в новом Аксае; в городе начертаны правильные улицы и площади, и люди благонамеренные одобряли выбор места и выгоды оною.

Составив отряд мой из 1-го и 2-го баталионов Ширванского, 2-го баталиона Апшеронского, 2-го баталиона 41-го егерского полков и роты 43-го егерского полка, бывший в гарнизоне в Герзели-Ауле, мог я отделить часть войск для устройства укрепления в Амир-Аджи-Юрте, дабы ускорением работ выиграть время. 300 донских казаков полковника Сергеева полка отпустил на Дон, две роты 41-го [егерского] полка отправил в крепость Грозную, около коей поселившийся форштадт был слабо защищен, и на который, известно мне было, чеченцы намеревались сделать нападение. Распоряжено доставление в крепость Грозную больших запасов провианта и снарядов на зимнюю экспедицию против чеченцев, и сии две роты, не ослабляя гарнизона крепости, должны были служить конвоем для транспортов.

17 ноября кончены были все главные работы в укреплениях Таш-Кечу и Амир-Аджи-Юрте, и войскам, с необычайною деятельностью и доброю волею трудившимся, дал я отдохновение, расположа их в станицах войск Гребенского и Семейного. Было приказано готовиться к зимнему походу.

Пребывание мое в кумыцких владениях водворило совершенное спокойствие в Дагестане. Акушинцы в добром согласии с шамхалом, приверженным к нам, пребывали в совершенной покорности и других удерживали своим примером. Сын шамхала и владелец Мехтулинский приезжали ко мне, и тишина в Дагестане давала мне полную свободу действовать против чеченцев и строго наказывать их.

В октябре вспыхнуло возмущение в Кабарде; некоторые из владельцев бежали в горы, дабы пройти на Кубань, но прежде напали они на селение солдатское и разграбили оное, вспомоществуемы будучи перешедшею к ним из Кубани сильною партиєю. В нападении сем участвовали почти все живущие по реке Малке кабардинцы. Трусость подполковника Булгакова, командира Кабардинского пехотного полка, не допустила наказать хищников, ибо догнавши их в тесном ущелье, обремененных добычею

и пленными, имея достаточные силы и пушки, не смел на них ударить. Солдаты явно негодовали за сию робость, я назначил тотчас другого начальника, и вразумительно разъяснившись насчет подлой его трусости, приказал ему подать прошение в отставку. Генерал-майор Вельяминов, находясь с войсками за Кубанью, был извещен о намерении закубанцев сделать набег на границы наши, и заблаговременно предупредил Булгакова. Партия сия и с нею соединившиеся кабардинские изменники, на возвратном пути своем находя удобнейшие дороги захваченные нашими войсками, принуждены были вдаться в непроходимые пути почти у самого хребта Кавказа, где испытав ужасный холод, бросивши вообще всех лошадей, потеряв много людей погибшими, возвратилась за Кубань. Черный народ не последовал за владельцами, какие ни предпринимали они средства, дабы удержать оный. Для усиления войск в Кабарде приказал я прибыть из Грузии одному сводному баталиону из Херсонского и Грузинского гренадерских полков. Генерал-майору Вельяминову предписал, ускорив окончанием его действий, возвратить войска на линию.

26 октября командир 43-го егерского полка подполковник Сарочан с отрядом из 700 человек пехоты, малого числа казаков, чеченскою конницею и 6-ю орудиями артиллерии выступил из крепости Грозной, дабы возмутившимся чеченцам помешать укрепиться в Хан-Кале, где начали они большие работы. Они в числе до 4 тыс. человек встретили войска наши, опрокинули чеченскую нашу конницу и смешали казаков, и сей успех их был причиною чувствительного их урона, ибо нагло приблизившись к каре нашей пехоты, подверглись они картечным выстрелам. Войска наши, неоднократно обращая их в бегство, наконец возвратились в крепость при сильной довольно перестрелке. Мятежники после сего не продолжали уже работ своих в Хан-Кале.

Желая обстоятельнее знать о происшествиях в Кабарде, отправился я в Екатериноград, где дожидался меня начальник корпусного штаба и куда вызвал я из Тифлиса поверенного в делах г. Мазаровича, возвратившегося из Персии.

Из Червленной станицы выехал я 20 ноября рано поутру. День был мрачный и по земле расстился чрезвычайно густой туман. Были неверные слухи, что партия чеченцев намеревалась переправиться на левый берег Терека. Им известно было о моем выезде по [за]благовре-

менному заготовлению лошадей и конвоя, по той причине, что оных нет на местах в достаточном количестве. Партия до тысячи человек, приблизившись к Тереку против Казиорского Шанца, отрядила на нашу сторону 400 человек, дабы напасть на меня. Места совершенно открытые допустили бы меня заметить в далеком расстоянии, но густой туман тому воспрепятствовал, и я проехал спокойно. Вскоре после напали они на большую дорогу, схватили несколько человек проезжих и пустились на казачьи хутора в надежде на добычу. Едва отпустил я конвой, прибыв в Калиновскую станицу, как дано было знать о появившейся партии. Конвой, состоявший из 120 человек храбрых гребенских казаков, быстро помчался к Казиорскому Шанцу, где, нашедши чеченцев, ударил на них и в величайшем замешательстве погнался к Тереку. Они оставили несколько человек убитыми и всех захваченных пленными. Вскоре подоспели казаки из Калиновской станицы с одним конным орудием, и чеченцы удалились от Терека. Таким образом ускользнул я от сил несоизмеренных, но не думаю, однако же, чтобы для того только, дабы схватить меня, решились они на большую потерю, без чего нельзя было преодолеть казаков.

В Екатеринограде г. Мазарович сообщил мне, что Аббас-Мирза не хотел слышать о сделанных мною предложениях и что в приеме, сделанном ему шахом, видел он совсем противное прежнему его расположению и той доверенности, которую он отличал его. Г. Мазарович не сомневался, что война непременно последует, хотя по отпуске его из Султанни вскоре отправлен будет чиновник с поручениями от шаха, впрочем, заключающимися в повторении желаний его, дабы границы были назначены на основании предложения Аббас-Мирзы, который успел совершенно склонить его к своему мнению. Через несколько дней уведомил меня генерал-лейтенант Вельяминов о прибытии чиновника надменного и горделивого, который желал непременно трактовать со мною. Вместе с тем получил я от него самого письмо, в коем испрашивал он, дабы назначил я ему время и место свидания на линии. Сего по многим причинам нельзя мне было ему предоставить, и я самым вежливым образом отвечал ему, что он может с тою же доверенностью переговорить с генералом Вельяминовым, заступающим место мое с полною властью. Он, не вступая ни в какие переговоры, отправился обратно, и из сего легко можно было заметить, что поручение его было единый предлог, дабы выиграть время.

Здесь получил я известие о кончине императора Александра I-го⁷⁴: весть внезапная и тем еще более горестная. Прежде пронесли слухи не довольно обстоятельные, и приятно находить их невероятными.

Вскоре указ Сената о присяге императору Константину⁷⁵. Начальнику корпусного штаба позволил я отправиться в Тифлис по причине болезни. Туда же обратив г. Мазаровича, сам поехал в Червленную. Декабря 26 дня прибыл фельдъегерь с отречением его от престола и Манифестом о восшествии на трон императора Николая I-го⁷⁶. Войска, при мне и в окрестностях находившиеся, приняли присягу в величайшем порядке и тишине.

1 8 2 6 г о д. Генерал-майор князь Меньшиков⁷⁷, бывший генерал-адъютант покойного императора, назначен в Персию с объявлением о восшествии на престол ныне царствующего. Под сим предлогом имел он поручение войти в переговоры о разграничении и стараться сколько возможно кончить дело сие, утвердив приятные с Персией связи. На сей конец, сверх выгодных предложений, сделанных мною Аббас-Мирзе, угодно было государю императору уступить полуденную часть Талышинского ханства.

Генералу князю Меньшикову приказано было войти по сему предмету со мною в рассуждение и собрать все нужные от меня сведения, почему и прибыл он в Червленную. Почти никакого не было неудобства отдать и все ханство Талышинское, которое, не принося нам ни малейших выгод, малым числом войск защищено быть не может, а содержания для того большого числа оных не стоит. Но по свойству персиян, в особенности же Аббас-Мирзы, невозможно было надеяться достигнуть тем прекращения неудовольствий и даже претензий со стороны его. Давно было желание Аббас-Мирзы приобрести его, дабы показать народу своему, что Россия ищет дружбы его даже самыми пожертвованиями. Он не один раз обращался ко мне о том с бесстыдною просьбою. Наконец предлагал за ханство деньги, но с тем, чтобы издан был публичный акт, которым ханство предается во власть его, а им деньги будут уплачены по тайному условию. Не только подобные меры не почитал я приличествующими, но отдачу ханства, сколько впрочем ни бесполезного для нас, не находил возможным, потому что оно покорилось России добровольно. Отец нынешнего хана в надежде на покровительство России противился Персии, испытал войну несчастную, изгнан был из своих владений и на-

конец Гюлистанским трактатом в конце 1813 года часть ханства, довольно значительная предоставлена была Персии.

России принадлежат многие мусульманские провинции, на коих уступка Талышинского ханства непременно произвела бы невыгодное для нас влияние, которое не упустила бы Персия поддерживать тайным образом, и сопредельного Персии ханства Карабахского владетель, соединенный тесными узами родства с шахом, был бы поводом к величайшим неудовольствиям. Когда в 1817 году отправлялся я послом в Персию, известно мне было, что шах, обнадеженный ходатайством Англии, объявил разные желания, и хотя предоставлено мне было, обозрев границу, изыскать средство, не повреждая, разумеется, выгодам нашим, сделать какую-нибудь уступку, я не нашел ничего другого в угождение шаху, как сделать Талышинское ханство независимым от России и под покровительством обеих держав. Но сего предложения моего государю императору негодно было одобрить. Следовательно, давно видел я, что отдать Талышинское ханство во власть Персии было неприлично.

Чрез несколько дней генерал-майор князь Меншиков отправился в Тифлис. Можно было надеяться, что одарен будучи отличным умом, счастливыми способностями и притом довольно хитрый, что в делах с персиянами совсем не мешает, он успеет в исполнении поручения и даже без уступки ничтожной частицы Талышинского ханства.

Поручение дела, независимо от меня, должно было обнаружить, что не я был причиною затруднений. Я просил о сем прежде официально, но при покойном императоре сего не сделано; теперь же легко заметить я мог, что успели сделать внушение, что несговорчивость со стороны моей виною всех неудовольствий, и что Аббас-Мирзе гораздо приятнее иметь дело со всяким другим. Словом, я начинал видеть недостаток ко мне доверенности.

Января 22-го войска собрались при крепости Грозной. Они состояли из двух баталионов Ширванского, одного Апшеронского, одного 41-го егерского полков, одной гренадерской роты Тифлисского пехотного полка, 600 линейных казаков и 16 орудий артиллерии. С такими войсками можно было наказать не одних чеченцев.

26-го числа прошли войска Хан-Кале, неприятеля было не более 200 человек, который произвел перестрелку

с арриергардом. В первый раз был я на сем месте и видел труды покойного генерал-майора Грекова, ибо едва оставались признаки леса, прежде непроходимого, где в 1806 году генерал Булгаков понес весьма чувствительный урон, много ободривший чеченцев. Теперь обширная и прекрасная долина представляет свободный доступ в средину земли их, и нет оплота, на который они столько прежде надеялись. В тот же день занято селение Большая Атага. Войска нашли роскошное продовольствие для себя и для лошадей. Жителей застали весьма немногих, ибо спаслись они в ближайшие леса, в домах осталось много имущества. Селение не менее 600 дворов, и много домов хороших.

Войска, расположенные лагерем у селения, два дня сряду имели довольно сильную перестрелку. Казаки дрались при обозрении переправы чрез реку Аргун. В Малой Атаге, лежащей на противоположном берегу, замечены большие огни, слышны были выстрелы и крик в ознаменование радости о прибытии на помощь соседей, и тогда же дали знать лазутчики, что пришли чеченцы, по Мичику живущие, часть ичкеринцев и несколько лезгин.

30 числа в 4 часа пополуночи послал я два баталиона Ширванского полка, одну роту 41-го егерского, 8 орудий артиллерии и 500 казаков сжечь селение Чахкери, где неприятель имел удобное пристанище и всегда собирался. Пред рассветом войска, приблизившись к селению, замечены были караулом, и потому, не теряя времени, после нескольких выстрелов из пушек, один баталион бросился в селение, из коего неприятель спасся бегством. Баталион, сжегши селение, без препятствия выступил из оногo; но когда в обратный путь отошли около версты, чрезвычайно густой туман лег на землю, с которым соединившийся дым от горящего селения до того затмили свет, что в самом близком расстоянии нельзя было ничего видеть.

В сие время приспел стоявший за Аргуном неприятель; он не мог видеть числа войск наших, так как и его прибытие познано было по одному ужасному его крику. Часть конницы его, проскакав мимо наших стрелков, столкнулась с казаками, но была опрокинута ими. От силы столкновения несколько человек чеченцев и казаков опрокинуты были на землю. Редко видят сие кавалеристы, хотя нередко говорят о шоке. За сим большие толпы атаковали нашу пехоту. Артиллерия действовала карачею и не далее пятидесяти шагов, так что отрываемы

были члены и раздираемы тела. Бросавшиеся спасти тела по обыкновению в свою очередь истребляемы. Третье нападение было сильнейшее и продолжалось долее. Неприятель ударил всеми силами: встреченный картечью, батальным огнем пехоты и казаками, он обращен в стремительное бегство. Неприятель был в числе трех тысяч человек, дрался отчаянно, ибо лжепророк лично сам находился, и многие священнослужители возбуждали их к тому пением молитв. Но далее не было уже ни одного выстрела, вероятно потому, что поднявшийся туман обнаружил число войск наших. Из признания чеченцев известно, что они потеряли не менее двухсот человек одними убитыми, в числе коих многих отличных между ними людей. Они говорили, что никогда прежде не испытывали они столько жестокой схватки. После сего сражения неприятель рассеялся, и войска 2-го февраля, пройдя Хан-Кале без выстрела, возвратились в крепость Грозную.

5-го числа, оставив обозы, дабы двигаться с большею быстротою, войска, пройдя ночью Хан-Кале, у селения Большой Чечень, переправились за Аргун и заняли деревню Бельгетой, которую оставили жители. Казаки сожгли небольшое селение Ставноколь, где захватили в плен семейства и отбили стадо скота. Керменчук, одно из главных и богатейших селений в Чечне, просило о пощаде и получило оную, дало аманатов. Я ласкал жителей, имея в виду проложить дорогу.

8-го числа войска, после ничтожной перестрелки, заняли половину селения Алды, которой буйные жители, никогда прежде не повинуваясь, всегда возбуждали беспокойства, другой половине дана пощада, и жители с семействами остались в домах покойными. Здесь застигли нас жестокие морозы, продолжавшиеся более недели. По прекращении оных войска последовали чрез Гойтинский лес, где ожидал я быть встречен неприятелем. Но он был в малых силах, и баталион 41-го егерского полка с такою быстротою погнался за ним, что и самые завалы оставил без сопротивления. За баталионом посланные казаки выгнали чеченцев из селения Балакай и сожгли оное. Далее в следовании к селению Рошни небольшая часть пехоты в арриергарде и казаки вели перестрелку. В сей день казаки, прикрывая фланговое движение войск, показали примерную неустрашимость под огнем довольно сильным чеченской пехоты: я не видал ни одного казака, стреляющего по-пустому, ни одного иначе едущего, как

малым шагом. Смее думать, что это не самое легкое и в регулярной коннице.

Оставленное селение Гихи, большое и богатое прекрасными садами, приказал я сжечь, ибо жители оного упорствовали прийти в покорность. Сады истреблены одних только главнейших мятежников. Чрез Гихинский лес нашел я проход весьма трудный: большие и старые деревья, между коими множество валежнику, дорога тесная и излучистая, представляли неприятелю удобства обороны, и я конечно потерпел бы урон, но он полагал, что я пойду в обратный путь тою же дорогою, там ожидал меня, и войска прошли беспрепятственно. Мошенническое селение Доун-Мартан, в котором укрываются всегда кабардинские абреки⁷⁸, сожжено. Отсюда довольно обширными и прекрасными полями, принадлежащими карабулакам, прошел я до селения Казах-Кечу. Пришедшие с покорностью жители, впрочем много раз виноватые, испросили пощаду. Войска возвратились в крепость Грозную 21 числа.

Во все время движения делал я с намерением малые весьма переходы, дабы неприятелю дать возможность собраться, ожидая, что он решится дать сражение. Способ сей был вернейший положить конец мятежу, или иначе надобно отыскивать мятежников в их убежищах, на что не доставало у меня времени.

Наставшая ненастная погода, дороги от чрезвычайной грязи сделавшиеся затруднительными и невозможность продовольствовать лошадей за недостатком фуража понудили меня отложить действия до удобнейшего времени, и потому, усилив гарнизон крепости Грозной одним баталионом, одною сотнею казаков, оставивши в ней всю артиллерию, приказал я всем прочим войскам отправиться по квартирам на линию; сам 28 февраля поехал в Червленную...

6 числа апреля, приказав войскам переправиться за Терек, прибыл я вперед в Грузию. В Чечне продолжался мятеж; лжепророк старался возбуждать обольщающими прорицаниями, но уже приметно уменьшилось верование в него; посыланные люди к лезгинам с требованием помощи привезли одни обещания. Напротив, весьма многие из селений не нарушили покорности и представили аманатов лучших фамилий по нашему назначению. Сделав наблюдение, что упорнейшие из чеченцев суть те, кои живут в местах менее приступных, где никогда или давно весьма не бывали войска наши, куда по множеству

в пути препятствий не могут приходить внезапно, а потому жители, имея время скрыть в лесах семейства и имущество, являются с оружием, вознамерился я открыть кратчайшие дороги и прорубить леса далее от дороги ружейного выстрела в обе стороны. По таковым путям, не испытывая никаких затруднений, могут войска повсюду появиться, с большою быстротою и без всякой [для себя] опасности, даже в небольших силах. Таким образом, без неприязненных действий, можно удерживать их в послушании, а впоследствии приучить к спокойствию.

10 числа войска прибыли к селению Алхан-Юрт, и тотчас небольшая часть пехоты на каюках переправилась на правый берег Сунжи, причем была ничтожная перестрелка. Сожжена деревня Курчали, где мятежники в лесу, чрезвычайно густом, дрались с некоторою упорностью. Дорога прекрасная открыта до селения Гихи и часто проходит прелестною поляною.

17 числа возвратился я в Алхан-Юрт, дабы дать войскам отдохновение в праздник светлого воскресения Христова. В сей день близко к переправе чрез Сунжу арриергард был сильно атакован, и я должен был дать ему подкрепление, перестрелка продолжалась до глубокого вечера, но переправа совершенно была безопасна.

Предводитель Кизлярского уезда с несколькими дворянами и депутатами всех сословий приехали поздравить войска с праздником, и в знак уважения их к трудам их гг. офицеров угаживали обедом, солдатам выдана была роскошная порция вином и мясом.

Между тем производилась порубка леса в окрестности. Прибыли казаки, 500 человек, которых оставлял я на линии, за неимением подножного корма, и с ними 300 человек чеченцев, живущих по Тереку, с топорами для работ.

23 числа, оставя все тягости в вагенбурге (обоз. — *Сост.*) при Алхан-Юрте, войска налегке прибыли 25 числа рано пред селение Урус-Мартан. После сделанного мне отказа на повторение несколько раз предложения дать аманатов нашел я жителей к обороне готовых и с ними соединившихся соседей. Построив батарею против селения, обратил я внимание их на оную, и в то же время с противоположной стороны баталион 41-го егерского, две роты Апшеронского полков и рота гренадерского Тифлисского полка бросились в деревню: испуганный неприятель бежал стремительно, и даже в лесу не смел

остановиться. Многие побросали ружья. Урон был довольно чувствительный. На звук орудий собирались окрестные жители, но казаки наши и чеченцы заняли дороги, и потому, пробираясь лесами, не успели они прийти вовремя.

Селение приказал я истребить, великолепные сады вырублены до основания. Через реку Мартан сделана хорошая переправа и открыта широкая дорога. На обратном пути сожжены два селения Рошни. Многие другие приведены в покорность, и войска беспрепятственно чрез Алхан-Юрт возвратились в крепость Грозную 28 числа. Войскам дано три дня для приуготовления сухарей. Чеченская конница отпущена на праздник байрам. Она служила с отличным усердием, заглаждая вину свою, когда 26 октября бежала она, оставив наших казаков.

2-го числа мая войска, пройдя Хан-Кале, перешли чрез Аргун у селения Беглекой. Очищена дорога через лес, отделяющий селение Шали, которая прежде прорублена была генерал-майором Грековым. Селение сожжено и сады вырублены. С 600 человек пехоты, четырьмя орудиями и 300 казаков пошел я сделать обозрение Шалинских полей. Чеченцы засели в одном месте, где надобно было проходить лесом. Нельзя было выгнать их, не овладевши небольшою деревушкою. Генерал-майор Лаптев мгновенно занял оную, но к ней прилежал частый очень лес; неприятель усилился, мы должны были захватить довольно большое пространство и в местоположении совершенно для нас невыгодном. Я сберегал казаков, но должен был спешить часть оных, ибо чувствовал в пехоте недостаток; 4 орудия артиллерии служили нам величайшим пособием, и мы прошли трудное место. Огонь был жестокий, и неприятель имел дерзость броситься в шашки на одну егерскую роту. Казаки поддерживали оную и обратили его с уроном.

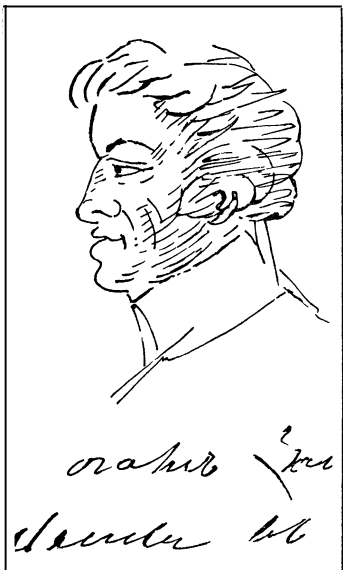
Впоследствии проложены дороги от селения Беглекой на поля Теплинские мимо возвышения, называемого Гойт-Корт, с вершины коего видна Чечня на большое расстояние. Далее прорублена дорога мимо селения Чертой за речку Джалгу до селения Керменчук и мимо оного. Жители Керменчука разумели леса свои непреодолимою оградю их свободы и потому не хотели, чтобы к ним проложена была дорога. Они всячески старались отклонить меня от того, и присланные ко мне от общества старшины говорили, что они не могут ручать-

ся, чтобы народ не стал тому противиться. В то же время дано мне знать, что общество просило помощи от соседей. В таком случае перемена намерения и даже самая нерешительность могла показаться им робостью или недостатком средств с нашей стороны, и потому приступлено к работе. Селение нашли мы совершенно пустым, семейства и имущество скрыты были в ближайших лесах, хозяева домов, не менее 600 человек, были под ружьем при входе в селение. В ужасном страхе находились они, когда увидели, что направление дороги пошло чрез те самые места, где укрывались семейства, и я не был покоен, опасаясь, чтобы в лесу, где трудно было усмотреть за солдатами, малейший беспорядок не возбудил их к драке в защиту семейств. Приказано было старшинам находиться при каждой команде, дабы были они свидетелями, что мы никакой обиды, или паче оскорбления, делать им не хотели, и сказать надобно к удивлению, что не произошло ни одного неприятного случая. Рассыпанные по лесу люди находили женщин и детей и поступали с ними ласково, находили имущество и ставили караул для охранения оногo. Жители, удивленные подобным обращением, из благодарности угасчивали солдат, приуготовливая для них пищу.

Когда надобно было на другой день прийти для окончания работы, все семейства были в домах, и нам оказываема была полная доверенность. Часть войск введена была в селение по собственному желанию жителей, дабы неблагонамеренные из соседей не могли, закравшись в обширные сады, нарочно завести перестрелку, чтобы пало подозрение на самих жителей и чтобы за то подвергнуть их наказанию. В продолжение двух дней работы производилась сильная весьма перестрелка с прибывшими от реки Мичика с шалинцами и других окрестных мест чеченцами. Одна из рот Ширванского полка имела случай наказать штыками более дерзких, и сие было поучительным для других примером.

По окончании работы войска 17 числа мая перешли чрез реку Аргун. Вода была уже высокая и переправа довольно затруднительная. Я поспешил, дабы не остаться за рекою без провианта. На завтра прибыли войска к крепости Грозной.

После двух дней роздыха Хан-Кале расчищено совершенно, расширена долина более прежнего, проложена дорога по самой середине, и место, прежде страшное, может ныне уподоблено быть прекрасному гулянию.



А. П. Ермолов.
Рисунок А. С. Пушкина.

В сие время приказано было 500 казакам и 100 отборным чеченцам собраться у Наура и скрытым образом дойти до Сунжи, переправиться за оную близ селения Казах-Кечу и напасть на селения Карабулацкие, дабы отогнать скот. Подполковник Петров и Ефимович исполнили поручение в точности, произвели нападение внезапно и с неимоверною быстротою.

Неподалеку от селения Дауд-Мартан и Акбарзой за рекою Оссою схватили несколько человек в плен, нескольких преследуя потопили в реке, отбили 100 штук рогатого скота и более 100 баранов. Войска собрались у крепости Грозной 23 числа и 25-го отпущены на квартиры на линию.

Таким образом кончилась экспедиция против чеченцев. Одни, живущие по реке Мичику, остались непокорными, но они кроме воровства и разбоев ничего более сделать не в состоянии; потух мятеж во всех прочих местах, и все главнейшие селения приведены в послушание и представили аманатов. Исчезло мнение, что леса могут служить твердою оградой; напротив, движение войск в весеннее время было несравненно пагубнее для чеченцев, ибо не смея показываться в открытых местах, оставили они поля невозделанными, по той же причине скотоводство их оставалось без корму. При вскрытии

весны прятавшиеся в лесах семейства подверглись чрезвычайным болезням и смертности, которые должен продолжать угрожающий голод. Впредь всеобщий мятеж едва ли возможен, ибо всюду и скоро могут проходить войска. Охранение семейств обратит каждого к собственной защите, действия будут частные, соединять силы будет неудобно.

В заключение должен я отдать справедливость отличному усердию и неутомимой деятельности войск, труды коих были постоянны, ибо надлежало ежедневно или быть с топором на работе или под ружьем для охраны работающих и весьма часто в действии. К подобным усилиям без ропота может возбуждать одна привязанность к своим начальникам, и сия справедливость принадлежит гг. офицерам. Полное уважение мое приобрели линейные казаки. Прежде видал я их небольшими частями и не так близко, но теперь могу судить и о храбрости их и о предприимчивости. Конечно, изо всех многочисленных казаков в России едва ли есть подобные им!

26 числа возвратился я в Червленную и имел нужду в отдохновении.

Июня 4-го числа был я в укреплении Таш-Кечу, где, собрав старших владельцев и всех князей кумыцких, дал я нужные наставления по части управления. Главному кумыцкому приставу приказал на речке Ярык-Су водворить сильное селение, расположив главный из караулов, которые поставляются от земли для охранения оной от чеченцев. Селение сие закроет идущие к городу Андрею дороги, по коим после оставления старого Аксая легко могли прокрадываться хищники.

На обратном пути моем чрез Червленную станицу дал я приказание 2-му батальону Ширвинского полка следовать в Кабарду, куда отправлена также часть казаков для усиления кордона.

В Екатеринограде занят я был делами линии с начальником оной генерал-майором князем Горчаковым. В Кабарде все было тихо и не предвиделось никаких беспокойств. За Кубанью не слышно было, чтобы собирались хищники. Для начальствования войсками на правом фланге линии назначен мною полковник князь Чевчевадзев. Генерал-майору князю Горчакову поручил ускорить переселение казаков на новую линию и другие избранные места.

Во Владикавказ прибыл я по новой от Екатеринограда дороге и сопровождавшему меня путей сообщения

полковнику Гозиуму поручил сделать в ней следующие перемены: при урочище Пришиб в 13 верстах от Екатеринограда учредить укрепленный пост. Уничтожить укрепление при речке Аргудан, в которой вода оказалась весьма нездоровою, и перевести пост к реке Уруху, неподалеку от устья оною, чрез которую построить мост. Лежавшую выше по реке Урухскую крепость срыть, отчего немало сократится дорога и будет проходить местами более открытыми. Укрепление на реке Лескене, выходящее вне линии, уничтожить. Бывшие со мною 1-й батальон Ширванского полка и сводный из гренадерских Херсонского и Грузинского полков во многих местах расчистили дорогу и сделали ее еще удобнейшею и менее опасною. Генерал-лейтенант Вельяминов доставил мне полученную от князя Меншикова шифрованную бумагу, в которой уведомляет он, что Аббас-Мирза сыскал человека, который за 5 тыс. таманов (20 000 руб. сереб.) взялся убить меня. Я удивлен был сим, но не впал в отчаяние, что не нравлюсь такому человеку, как Аббас-Мирза.

Июля 2 числа возвратился я в Тифлис после одиннадцати месяцев отсутствия.

Генерал-майор князь Меншиков находился в Тавризе, а оттуда были последние его депеши, в коих уведомлял, что по приглашению шаха отправляется он в Султанию, что Аббас-Мирзою был принят благосклонно.

Повсюду на границе было совершенно спокойно и невозможно было ожидать никаких неприятных со стороны персиян поступков, по крайней мере в то время, как у них находился князь Меншиков с изъявлением желания императора хранить и еще более сделать твердыми связи дружества, и когда император послал Аббас-Мирзе собственноручное письмо чрезвычайно благосклонное. Шаху в подарок отправлена была чрез Астрахань великолепная кровать хрустальная с серебряною оправою, сделанная по его желанию, объявленному поверенному в делах г. Мазаровичу. Со стороны Эривани с некоторым числом войск стоял сардар Эриванский близко к урочищу Мирак.

Во время отсутствия моего Аббас-Мирза жаловался генерал-лейтенанту Вельяминову на занятие войсками нашими Балыкчайского поста при озере Гокча. Мною приказано было ответствовать, что урочище Балык-Чай признаю я принадлежащим к Персии и сего не оспариваю, но что занято оно на том же самом основании,

как персияне удерживают во власти большое пространство населенной земли от реки Чоундур до реки Капанак-Чай в Карабахском ханстве, и что окончание дела о разграничении разрешит, должны ли мы оставить урочище Балык-Чай или получить оное взамен уступаемого нами. Генерал-лейтенант Вельяминов приказал построить небольшое укрепление при разоренном селении Мирак на границе Эриванского ханства, но работы были прекращены по просьбе Аббас-Мирзы к князю Меншикову, когда еще он был в пути к Тавризу. Он еще не знал персиян, и его можно было уверить, что если не сделает он угодного ему, то может он принять его неблагоприятно или даже отказать принять его. Князь Меншиков прислал находившегося при нем полковника Бартоломея, убеждая генерала Вельяминова оставить Мирацкое укрепление.

Я располагался ехать для обозрения границы, как вдруг 19-го числа получаю из Караклиса от артиллерии подполковника Флиге рапорт, что сардар Эриванский напал с большими силами на пост наш при урочище Мирак и что в то же самое время истреблено селение Малая Караклиса, лежащая неподалеку от укрепления Гумри, и отогнан казенный табун, принадлежавший Тифлисскому пехотному полку, пасшийся на речке Гамзачиман в 18 верстах от Большой Караклисы. О полковнике князе Севарсемидзеве, командующем войсками на границе, который находился на Мирацком посту, не было никакого известия, и подполковник оставался по нем старшим. Из сего происшествия явно было нарушение мира прежде обдуманное, но отнюдь не самовольный поступок сардаря Эриванского, как то поняло министерство наше.

Итак с сего времени начинается война с Персиею!⁷⁹

Приложение

Автобиография, написанная А. П. Ермоловым в 1858 г.

«Подлинная биография.

Генерал-лейтенант Ермолов высочайшим приказом в 1816 году назначен командиром Отдельного Грузинского корпуса, управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Приехал в октябре месяце на Кавказскую линию в город Георгиевск и немедленно отправился в Тифлис, где ожидал его бывший главнокомандующий генерал от инфантерии Ртищев¹. По обозрении границы с Персиею отправился в 1817 году чрезвычайным и полномочным послом ко двору Фет-Али-шаха² персидского. Мир был утвержден³, изъявлено в первый раз согласие допустить пребывание нашего поверенного в делах и с ним вместе миссии. По возвращении из Персии всемиловитвейше награжден чином генерала от инфантерии. Занимался внутренним порядком страны, устройством укреплений против враждебных горских народов и дерзких вторжений их в наши пределы. По просьбе его повелено корпус Грузинский именовать впредь Кавказским⁴. Из покоренной Акушинской области дорога проходила чрез Казыкумыцкое ханство до реки Самура и далее чрез город Кубу беспрепятственно до Тифлиса, по ней двигались орудия полевой артиллерии (не горной, легкой). На чеченской земле первые появились чрез леса широкие просеки. От крепости Грозной по реке Сунже

положено основание новой линии. В начале 1821 года Ермолов отправился в С.-Петербург. Государь находился в Лайбахском конгрессе. Высочайшим рескриптом вызван Ермолов в Лайбах, где по обстоятельствам времени в помощь австрийскому императору предназначалась в Италию Российская армия и главнокомандующим ею Ермолов. Австрийские войска, рассеяв армию короля неаполитанского⁵, заняли Неаполь. Утихло восстание в Пьемонте⁶, движение нашей армии отменено, и государь возвратился в С.-Петербург⁷. Ермолову назначено пребывание в Царском Селе довольно продолжительное, и после обращен он на Кавказ в прежнем звании корпусного командира. В царствование императора Николая I-го по несогласию с Персиею в определении некоторой части границ, без объявления войны наследник Персидской державы Аббас-Мирза вторгся с войсками в пределы наши и овладел некоторыми из провинций⁸. Ермолов отправил против него присланного под главное его начальство генерал-адъютанта Паскевича. Авангард персидский был уже разбит совершенно, взято много пленных, командовавший им ближайший родственник Аббаса-Мирзы убит, и город Елисаветполь в руках наших. Вскоре затем генерал-адъютант Паскевич встретил Аббас-Мирзу. Регулярные войска его атаковали стремительно, и опрокинутые столько же стремительно побежали; несколько баталионов сдалось, артиллерия до окончания сражения ушла⁹. Прибывший в Тифлис начальник Главного штаба его величества генерал-адъютант барон Дибич два месяца был свидетелем распоряжений Ермолова; прибыли сильные подкрепления, начались наступательные действия, и Ермолову объявлено повеление: сдать начальство главнокомандующему генерал-адъютанту Паскевичу, отправиться из края. Не имея ничего сказать более, прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Покорнейший слуга
Алексей Ермолов,
генерал от артиллерии».

Комментарии

А. П. ЕРМОЛОВ И ЕГО «ЗАПИСКИ»

¹ *Шамиль* (1799—1871) — 3-й имам Дагестана и Чечни в 1834—1859 гг. (имам — глава мусульманского теократического государства в Дагестане и Чечне, возникшего в конце 20-х годов XIX в.; 1-й имам Гази-Магомет: 1828—1832; 2-й имам Гамзат-бек: 1832—1834); руководил освободительной борьбой кавказских горцев против царских колонизаторов и местных феодалов под флагом газавата — «священной войны» против неверных. 26 августа 1859 г. был взят в плен русскими войсками в районе аула Гуниб и выслан в Калугу. Умер по пути в Мекку, в Медине (Аравия).

ЗАМЕТКИ А. П. ЕРМОЛОВА О ЕГО МОЛОДОСТИ

Публикуемые в настоящем издании «Заметки» А. П. Ермолова служат дополнением к его мемуарным «Запискам» за 1801—1826 гг. Они были найдены после смерти Ермолова в его бумагах и представляли собой три листа из тетради, в которой, как полагают, содержалось описание первых лет жизни мемуариста и начала его службы при Павле I. Тетрадь, которую видел в 1845 г. историк М. П. Погодин, не сохранилась. Оставшаяся небольшая часть этих ранних воспоминаний Ермолова была передана Погодиным издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу и опубликована в № 3 этого журнала за 1867 г. (с. 367—376), откуда она и воспроизводится в настоящем издании. Название этого отрывка воспоминаний А. П. Ермолова дано П. И. Бартеневым.

¹ Имеется в виду император Павел I.

² Речь идет о брате А. П. Ермолова по матери Александре Михайловне Каховском, организаторе кружка «смоленских вольнодумцев», за причастность к которому понес наказание Ермолов (см. об этом во вступительной статье к настоящему изданию).

³ *Гене[рал] Л.* — Федор Иванович Линденер (настоящая его фамилия Липинский, но он изменил ее на немецкий лад, по свидетельству А. П. Ермолова, «из своих видов»).

⁴ В 1795 г. А. П. Ермолов состоял при австрийском генерале Девисе и находился в Северной Италии, где в составе австрийской армии принимал участие в войне против Французской республики.

⁵ Костромским губернатором в то время был Н. И. Кочетов.

⁶ *Матвей Иванович Платов* (1751—1818) — известный герой Отечественной войны 1812 г., атаман Донского казачьего войска. В конце 1790-х гг., будучи в чине генерал-майора, вызвал неудовольствие Павла I и сослан в Кострому.

⁷ *Иван Павлович Кутайсов* (1759—1834) — граф, обер-штаб-лейб-камергер, фаворит Павла I, бывший ранее у него камердинером.

⁸ Павел I был убит в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. заговорщиками из столичных дворянских кругов, преимущественно гвардейского офицерства, недовольных его политикой.

⁹ *Иван Варфоломеевич Ламб* — генерал от инфантерии, вице-президент Военной коллегии.

¹⁰ *Алексей Андреевич Аракчеев* (1769—1834) — временщик при Павле I и Александре I; с 1799 г. граф, с 1807 г. генерал от артиллерии и инспектор всей артиллерии; в 1808—1810 гг. военный министр, с 1810 г. председатель военного департамента Государственного совета, начальник военных поселений (с 1816 г.).

¹¹ *Николай Иванович Богданов* (1752—?) — генерал-майор, инспектор конной артиллерии, в 1811—1814 тульский гражданский губернатор.

¹² *Леонтий Леонтьевич Беннигсен* (Беннигсен) (1745—1826) — с 1801 г. виленский военный губернатор, генерал от кавалерии (с 1802 г.), граф (с 1812 г.). В 1807 г. командовал русской армией в войне с Францией, с августа по октябрь 1812 г. и. о. начальника штаба действующих армий; уволен за интриги против М. И. Кутузова.

ЗАПИСКИ АРТИЛЛЕРИИ ПОЛКОВНИКА ЕРМОЛОВА,
С ОБЪЯСНЕНИЕМ ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ТЕХ СЛУЧАЕВ,
В КОТОРЫХ ОН НАХОДИЛСЯ,
И ВОЕННЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ ТОГО ВРЕМЕНИ
[1801—1807 гг.].

¹ О пребывании в ссылке в Костроме см. «Заметки А. П. Ермолова о его молодости».

² «Мне отказан чин» — Ермолову следовал чин полковника, но вследствие «немилости» со стороны Аракчеева, недовольного Ермоловым за его «дерзкое» поведение, в это ему было отказано.

³ «Употреблен был в войне против Польши и против персиян» — речь идет об участии Ермолова в составе войск под предводительством А. В. Суворова в 1794 г. в военных действиях против Польши и о походе русских войск под командованием генерала В. А. Зубова в 1796 г. против войск иранского шаха Аги-Мохаммеда, подвергнутого в 1795 г. разгрому Грузию.

⁴ В 1795 г. Ермолов находился в составе австрийских войск, ведущих военные действия против Французской республики в Северной Италии.

⁵ *Екзерциргауз* — помещение для строевых упражнений.

⁶ Рассказывают, будто на выговор Аракчеева Ермолову о том, что лошади в его роте «худы», последний ответил: «По службе наша участь, ваше сиятельство, часто зависит от скотов».

⁷ Имеется в виду Итальянский и Швейцарский походы Суворова против французских войск в Северной Италии и Швейцарии в апреле — октябре 1799 г.

⁸ *Михаил Илларионович Кутузов* (1745—1813) — выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал, князь Смоленский, главнокомандующий русской армией в Отечественную войну 1812 г. В 1805 г. — командующий русской и австрийской армиями против войск Наполеона.

⁹ *Иван Иванович Михельсон* (1740—1807) — генерал от кавалерии, командовал в 1805 г. русским корпусом на территории Пруссии.

¹⁰ *Петр Александрович Толстой* (1761—1844) — в 1805 г. в чине генерал-лейтенанта командовал отрядом русских войск в Ганновере, впоследствии чрезвычайный и полномочный посол при Наполеоне; в 1812 г. командовал резервными войсками при волжских губерниях; был начальником Нижегородского ополчения, позже генерал от инфантерии.

¹¹ *Мак* (Макк) *Карл* (1752—1828) — фельдмаршал австрийской армии; в 1805 г. генерал-квартирмейстер; с началом в том же году войны России и Австрии с Францией назначен начальником штаба австрийской армии эрцгерцога Фердинанда, а фактически был командующим армией.

¹² *Курфюрст баварский* — Максимилиан Иосиф (1756—1825) — курфюрст (с 1799), король (с 1806) Баварии.

¹³ *Эрцгерцог Карл* — Карл Людвиг Иоганн (1771—1847) — брат австрийского императора Франца I; в 1805 г. генерал-фельдмаршал и военный министр Австрии.

¹⁴ *Фердинанд Федорович Винценгероде* (1770—1818) — граф, командовал русской армией в 1805 г. до прибытия М. И. Кутузова. В 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал отрядом русских войск, прикрывавших направление Москва — Петербург; позже генерал от кавалерии.

¹⁵ *Солдатские артели* — создававшиеся по разрешению военного начальства в ротах солдатские объединения для совместного ведения финансово-хозяйственных дел. В мирных условиях в свободное от службы время солдатским артелям даже позволялось для дополнительного заработка заниматься работами по найму.

¹⁶ Речь идет о разгроме и пленении австрийской армии Наполеоном 20 октября 1805 г. при Ульме.

¹⁷ *Эрцгерцог Фердинанд* — Фердинанд Карл Иосиф (1781—1850), — австрийский фельдмаршал, командующий австрийской армией в 1805 г.; в 1809 г. командовал австрийским корпусом, действовавшим в Варшавском герцогстве.

¹⁸ *Реверс* — обязательство.

¹⁹ Во время второй русско-турецкой войны (1787—1791 гг.) Россия выступила против Турции вместе с Австрией, войска которой вели военные действия на территории Белградского пашалыка. В составе этих войск находился и Карл Макк (Мак).

²⁰ Речь идет о подавлении австрийскими войсками революционного движения в Бельгии в 1790 г.

²¹ *Франциск II* (Франц II) — последний император «Священной Римской империи»; с 1808 г. Франц I — австрийский император.

²² *Петр Иванович Багратион* (1765—1812) — князь, участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791, в Итальянском и Швейцарском

походах Суворова 1799 г., в войнах против Франции в 1805—1807 гг., в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. и русско-шведской войне 1808—1809 гг.; герой Отечественной войны 1812 г.; смертельно ранен при Бородине.

²³ *Михаил Андреевич Милорадович* (1771—1825) — граф, в 1812 г. начальник авангарда Главной армии; впоследствии петербургский военный генерал-губернатор; смертельно ранен 14 декабря 1825 г. во время восстания декабристов на Сенатской площади П. Г. Каховским.

²⁴ *Дмитрий Сергеевич Дохтуров* (1756—1816) — участник войн с Наполеоном в 1805—1807 гг.; в сражении при Бородине командовал центром русской армии, в 1813 г. участвовал в сражениях при Дрездене, Лейпциге, руководил осадой Гамбурга и Магдебурга. В марте 1813 г. назначен командующим войсками в Варшаве, генерал от инфантерии.

²⁵ *Леонтий Федорович Мальцц* (?—1828) — в 1805 г. командовал 5-й колонной Подольской армии; генерал-лейтенант, шеф Ярославского мушкетерского полка.

²⁶ *Михаель Кинмейер* (1755—1828) — австрийский генерал от кавалерии; в 1805 г. после соединения русской и австрийской армий командовал всей австрийской кавалерией.

²⁷ *Эдуард Адольф Моргье* (1768—1835) — герцог Тревизский, маршал и пэр Франции; в 1805 г. командовал корпусом при Кремсе, который был разбит М. И. Кутузовым; в 1812 г. командовал молодой гвардией Наполеона. При занятии французами Москвы был назначен ее генерал-губернатором; впоследствии — военный министр Франции. Убит при покушении на короля Луи Филиппа.

²⁸ *Федор Федорович Буксевден* (1750—1811) — генерал от инфантерии, в 1805 г. командующий корпусом русской армии, в 1808—1809 гг. — главнокомандующий русской армией в войне со Швецией; петербургский военный генерал-губернатор.

²⁹ Великий князь и цесаревич *Константин Павлович* (1779—1831) — генерал-инспектор кавалерии, участник Итальянского и Швейцарского походов Суворова в 1799 гг., войны России и Австрии в 1805 г. против Наполеона, в конце 1812 г. командовал резервными войсками русской армии, в 1815—1831 гг. наместник царя в Варшаве и командующий Литовским корпусом (польских войск); умер от холеры.

³⁰ *Виталий Федорович Шепелев* (?—1813) — генерал-лейтенант, участник войн России с Наполеоном в 1805—1807 гг.; в 1812 г. начальник Калужского ополчения.

³¹ *Массена Андре* (1758—1817) — маршал Франция, герцог Риволи, князь Эслингский, участник революционных и наполеоновских войн Франции, командовал французской армией в Италии и Швейцарии в 1799 г., в Португалии в 1808 г.; командовал корпусом при Ваграме 5—6 июля 1809 г., завершившей разгром австрийской армии.

³² *Негоциятор* — посланный для переговоров парламентар.

³³ *Франциск I* — австрийский император Франц I (см. коммент. 21).

³⁴ *Ланн Жан* (1769—1809) — герцог Монтебелло, маршал Франции, в 1805 г. командир 5-го пехотного корпуса армии Наполеона. Участник сражений при Аустерлице (1805), Йене (1806), войны в Испании (1808); смертельно ранен в битве при Асперне (в Австрии).

³⁵ Речь идет о бегстве австрийского императора Франца I с семьей из Вены в 1805 г. перед занятием ее Наполеоном.

³⁶ *Петр Христианович Витгенштейн* (1768—1842) — граф, в 1805 г. генерал-майор и командир Мариупольского гусарского пол-

ка. В 1812 г. — генерал-лейтенант, командир корпуса, прикрывавшего Петербург, в 1813 г. генерал от кавалерии; после смерти М. И. Кутузова в апреле 1813 г. командовал всеми русскими армиями за границей. С начала 1826 г. генерал-фельдмаршал, командующий русской армией в русско-турецкую войну 1828—1829 гг.; с 1834 г. — светлейший князь.

³⁷ *Петр Петрович Долгорукий* (1777—1806) — князь, генерал-адъютант, один из ближайших советников Александра I; в 1805 г. после поражения русско-австрийских войск под Аустерлицем вел переговоры с Наполеоном.

³⁸ *Иван Николаевич Эссен 1-й* (1759—1813) — генерал-лейтенант, в конце 1805 г. командовал корпусом русской армии; в 1807 г. уволен по болезни.

³⁹ *Федор Петрович Уваров* (1769—1824) — генерал-адъютант, в 1805 г. командовал кавалерийской дивизией; в 1812—1813 гг. генерал-лейтенант, начальник кавалерии Главной армии; впоследствии генерал от кавалерии.

⁴⁰ *Александр Федорович Ланжерон* (1763—1831) — граф, французский эмигрант, состоявший на русской службе; в 1805 г. генерал-лейтенант, командир отряда русских войск в Пруссии, позже херсонский военный губернатор, одесский градоначальник, генерал от инфантерии; в 1812 г. командовал корпусом в армии П. В. Чичагова.

⁴¹ *Петр Иванович Меллер-Закомельский* (1755—1823) — барон, генерал-майор в 1805 г. и командир уланского полка; в 1807—1819 гг. инспектор всей артиллерии, с 1812 г. генерал-лейтенант, начальник Петербургского и Новгородского ополчений; позже генерал от артиллерии.

⁴² Битва при Аустерлице близ Брно состоялась 2 декабря 1805 г. Увенчалась блестящей победой Наполеона над соединенной русско-австрийской армией.

⁴³ *Фабриан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен* (1752—1837) — барон, впоследствии граф, генерал-лейтенант; в 1805 г. командир дивизии; в 1812 г. командир корпуса, действовавшего в Варшавском герцогстве, позднее командир корпуса Силезской армии; в 1814 г. за отличие в битве при Канцбахе произведен в генералы от инфантерии; позднее генерал-фельдмаршал и командующий 1-й армией.

⁴⁴ *Александр Иванович Остерман-Толстой* (1770—1867) — в 1806 г. генерал-майор и командир 2-й пехотной дивизии; в 1812 г. генерал-лейтенант и командир 4-го пехотного корпуса; впоследствии генерал от инфантерии.

⁴⁵ *Дмитрий Владимирович Голицын* (1771—1844) — князь, генерал-лейтенант; в 1812 г. командир кирасирского корпуса, в 1820—1843 гг. московский военный генерал-губернатор.

⁴⁶ *Принц Брауншвейгский* — племянник прусского короля Фридриха II; прусский фельдмаршал.

⁴⁷ *Фридрих Великий* — Фридрих II (1712—1786), прусский король с 1740 г.; видный полководец и государственный деятель.

⁴⁸ Разгром Наполеоном 14 октября 1806 г. двух прусских армий при Йене и Ауерштедте положил конец так называемой 4-й антинаполеоновской коалиции, созданной 15 сентября 1806 г.; от коалиции отпали Пруссия и Швеция; Россия оказалась один на один с могущественной наполеоновской Францией.

⁴⁹ «Пруссия уклонилась от содействия нам» — речь идет об отказе Пруссии в 1805 г. оказать поддержку Австрии и России в борьбе с Наполеоном.

⁵⁰ *Иван Яковлевич Каннабих* (Каннабих) — генерал-лейтенант с 1798 г., один из «гатчинцев», выдвинувшихся при Павле I.

⁵¹ *Михаил Федорович Каменский* (1738—1809) — граф, генерал-фельдмаршал (с 1797 г.). В войне России и Пруссии против Франции в 1806—1807 гг. главнокомандующий русской армией.

⁵² *Петр Петрович Пален* (1778—1864) — граф, генерал-майор; в 1806—1807 гг. командир пехотной дивизии; в 1813 г. генерал-лейтенант, командующий пехотным корпусом, затем авангардом в армии Витгенштейна; впоследствии генерал от кавалерии и генерал-инспектор (с 1847 г.) всей кавалерии.

⁵³ *Ефим Игнатьевич Чаплиц* (1768—1825) — в 1806 г. командовал пехотной дивизией, в 1812 г. генерал-лейтенант, командующий пехотным, затем авангардным корпусом 3-й Западной армии.

⁵⁴ *Николай Алексеевич Тучков 1-й* (1761—1812) — генерал-лейтенант и командир 5-й пехотной дивизии в 1806—1807 гг., в 1812 г. командующий 3-м пехотным корпусом; смертельно ранен в Бородинском сражении.

⁵⁵ *Иоахим Наполеон Мюрат* (1771—1815) — маршал Франции, вице-король Неаполя и Обеих Сицилий, видный военный деятель, участник всех наполеоновских войн. В 1812 г. командующий кавалерийским корпусом, действовавшим в авангарде французской армии; в 1813 г. командующий всей французской конницей. После отречения Наполеона был предан суду и расстрелян.

⁵⁶ *Алексей Григорьевич Щербатов* (1777—1848) — князь, в войне 1806—1807 гг. генерал-майор и командир Костромского мушкетерского полка.

⁵⁷ Битва при прусском городе Пултуске между русскими и французскими войсками произошла 26 декабря 1806 г., завершилась победой русских войск.

⁵⁸ *Ираклий Иванович Марков* (Марков, 1750—1829) — в войну 1806—1807 гг. в чине генерал-майора командовал дивизией, в 1812 г. генерал-лейтенант и командующий Московским ополчением.

⁵⁹ *Михаил Богданович Барклай де Толли* (1761—1818) — выдающийся русский полководец. В войне с Францией в 1806—1807 гг. в чине генерал-майора командовал дивизией; в русско-шведской войне 1808—1809 гг. генерал-лейтенант и командующий корпусом. С 1810 г. военный министр; в 1812 г. командующий 1-й русской Западной армией. В 1813—1814 гг. после смерти М. И. Кутузова командовал соединенными русской и прусской армиями; руководил русскими войсками в сражениях под Кульмом и Лейпцигом. В марте 1814 г. за взятие Парижа получил чин генерал-фельдмаршала.

⁶⁰ *Карл Федорович Багговут* (1761—1812) — в войне 1806—1807 гг. в чине генерал-майора командовал пехотной дивизией; в 1812 г. — генерал-лейтенант и командир 2-го пехотного корпуса; убит 6 октября в бою под Тарутином.

⁶¹ *Анастасий Антонович Юрковский* (1752—?) — в войну 1806—1807 гг. в чине полковника командовал передовыми частями русской армии. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал авангардом в корпусе М. А. Милорадовича; впоследствии генерал-лейтенант.

⁶² *Барнадогг* (Барнадот) *Жан Батист* (1763—1844) — маршал Франции (1804), участник наполеоновских войн до 1810 г., когда был уволен Наполеоном и избран шведским дворянством наследником шведского престола, а фактически регентом при короле Карле XIII; после его смерти в 1818 г. стал королем Швеции под именем Карла XIV Юхана.

⁶³ *Николай Михайлович Каменский* (1776—1811) — граф, в 1806—1807 гг. в чине генерал-майора командовал 8-й пехотной дивизией, а в феврале 1810 — марте 1811 гг. главнокомандующий Молдавской армией.

⁶⁴ *Карл Осипович Ламберг* (1771—1843) — граф, по происхождению француз, политемигрант. На русской службе с 1793 г. В 1812 г. — генерал-майор, командовал кавалерийским корпусом в 3-й армии.

⁶⁵ *Луи Никола Даву* (1770—1823) — маршал Франции (с 1804 г.), герцог Ауэрштедтский (с 1808 г.) и князь Экмюльский (с 1809 г.). Участник всех наполеоновских войн, командир корпуса в битвах при Ауэрштедте (1806), Ваграме (1809) и в походе против России в 1812 г. Во время «ста дней» власти Наполеона в 1815 г. военный министр.

⁶⁶ *Никола Жан де Дьё Султ* (1769—1851) — маршал Франции, герцог Далматский (с 1807 г.). В 1808—1814 гг. командовал французскими армиями в Испании, Португалии и в Южной Франции. Начальник штаба во время «ста дней» Наполеона в 1815 г.; во время правления короля Луи Филиппа военный министр (1830—1832) и председатель Совета министров (1832—1847).

⁶⁷ *Ней Мишель* (1769—1815) — маршал Франции (с 1804 г.), герцог Эльхингенский (с 1808 г.), князь Московский (1812), участник наполеоновских войн, командующий корпусом в битвах под Йеной и Аустерлицем, в походе на Россию в 1812 г.; участвовал в битве под Ватерлоо в 1815 г.; взят в плен и по приговору французского королевского суда расстрелян.

⁶⁸ Генеральное сражение между французскими и русскими (вместе с прусским отрядом) войсками при Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии произошло 26—27 января (6—7 февраля) 1807 г. В нем участвовало с обеих сторон около 150 тыс. человек (70 тыс. русских, 8 тыс. пруссаков и 70 тыс. французов). Обе стороны понесли большие потери. Несмотря на последующий отход русской армии сражение явилось для русской стороны стратегическим успехом.

⁶⁹ *Бертье Луи Александр* (1753—1826) — маршал Франции (1804), князь Невшательский (1805) и Ваграмский (1809), участник всех наполеоновских войн; в 1796—1798 гг. командовал армией. В 1799—1807 гг. военный министр Франции, в 1799—1814 гг. начальник штаба Наполеона.

⁷⁰ *Федор Карлович Корф* (1774—1826) — в 1806—1812 гг. генерал-майор, в 1812 г. командовал 2-м резервным кавалерийским корпусом в составе 1-й Западной армии Барклая де Толли; позже генерал-лейтенант.

⁷¹ *Федор Григорьевич Гогель* (1775—1875) — в войну 1806—1807 гг. командир 5-го егерского полка; в сражении при Бородине командовал 1-м передовым отрядом левого фланга, после Тарутина находился в составе 26-й дивизии в корпусе М. И. Платова.

⁷² *Фаддей Федорович Штейнгель* (1762—1831) — генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер русской армии в 1806—1809 гг., генерал-губернатор Финляндии; в 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командир корпуса.

⁷³ *Сикурсы* — подкрепления.

⁷⁴ *Алексей Иванович Горчаков* (1779—1855) — генерал-лейтенант позже генерал от инфантерии; в 1812—1817 гг. управляющий Военным министерством.

⁷⁵ *Николай Николаевич Раевский* (1771—1829) — участвовал в войнах России с Францией в 1805—1807 гг. в чине генерал-майора,

в войне России со Швецией в 1808—1809 гг. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир 7-го пехотного корпуса, герой Бородинского сражения, прославившийся упорной защитой центрального редута — «батареи Раевского»; участвовал в битве под Малоярославцем. Был близок к декабристам.

⁷⁶ *Яков Петрович Кульнёв* (1763—1812) — в 1806—1807 гг. в чине генерал-майора командовал кавалерийским отрядом, участник русско-шведской 1808—1809 гг. и русско-турецкой 1806—1812 гг. войн; в 1812 г. командовал кавалерийским отрядом в арьергарде русской армии; смертельно ранен в бою.

⁷⁷ *Василий Дмитриевич Иловайский* (1785—1840) — генерал-лейтенант казачьих войск. Участвовал в войнах 1806—1814 гг. против наполеоновской Франции; в 1826—1827 гг. во время русско-иранской войны командовал казачьим отрядом.

⁷⁸ *Удино Никола Шарль* (1767—1847) — герцог Реджио, маршал Франции (1809), в 1799—1810 гг. начальник штаба армии, командир дивизии и корпуса. В 1812 г. командовал пехотным корпусом; при отступлении французской армии прикрывал переправу Наполеона через Березину; в 1814 г. после отречения Наполеона перешел к Бурбонам; с 1815 г. командовал парижской национальной гвардией; возглавлял французскую армию при подавлении в 1823 г. испанской революции.

⁷⁹ Сражение 2 (14) июня 1807 г. при Фридланде в Восточной Пруссии, несмотря на проявленные стойкость и неустранимость русских войск, завершилось победой Наполеона. Французская армия заняла Кёнигсберг и вытеснила русскую из пределов Пруссии. Этим завершились военные действия в войне 1806—1807 гг. между Россией и Францией.

⁸⁰ *Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский* (1758—1838) — князь, генерал от инфантерии, вел в 1807 г. переговоры с Наполеоном о перемирии по поручению Александра I. В 1812 г. ведал формированием резервных частей. В 1826 г. в должности министра юстиции исполнял обязанности генерал-прокурора в Верховном уголовном суде над декабристами.

⁸¹ «Вскоре заключен мир» — речь идет о заключении 25 июня (7 июля) 1807 г. в пограничном городе Тильзите мира и союзе России с Францией. Хотя Россия и не понесла территориальных потерь, она временно вовлекалась в фарватер французской внешней политики. На территории Польши было создано герцогство Варшавское под протекторатом Наполеона — плацдарм для будущего вторжения Наполеона в Россию. Александр I обязался вывести войска из Молдовы и Валахии, таким образом были утрачены позиции России в Средиземноморье. Тяжелым условием для России было присоединение в 1808 г. к континентальной блокаде Англии, ибо Англия была главным торговым партнером России. Тильзитский мир ограничивал самостоятельность России в ее внешнеполитических делах, наносил серьезный удар по ее международному престижу. Условия Тильзитского мира, а затем и обязательство присоединиться к континентальной блокаде вызвали сильное недовольство как в консервативных, так и в передовых кругах России.

⁸² *Луиза-Амалия* — жена прусского короля Фридриха Вильгельма III, союзника Александра I в войне против Франции в 1806—1807 гг.

⁸³ Сражение при Гейльсберге произошло за несколько дней до битвы при Фридланде. Здесь Наполеон принудил командующего русскими войсками Беннигсена отступить к Фридланду.

ЗАПИСКИ АРТИЛЛЕРИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЕРМОЛОВА.
ОТ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ В ПРУССИИ
ДО КАМПАНИИ 1812 ГОДА

¹ *Аркадий Александрович Суворов* (1780—1811) — князь италийский, граф Рымникский, генерал-лейтенант, командующий 9-й пехотной дивизией, расквартированной в 1807 г. на Правобережной Украине.

² *А. А. Аракчеев* находился в должности военного министра в 1808—1810 гг.

³ *Александр Александрович Прозоровский* (1732—1809) — генерал-фельдмаршал, в 1807—1809 гг. главнокомандующий Молдавской армией.

⁴ Сражение между русскими и турецкими войсками при Обилешти произошло 27 декабря 1806 г., в результате чего русскими войсками был взят г. Бухарест.

⁵ *Сергей Федорович Голцын* — в 1809 г. назначен командующим группой русских войск для военных действий против Австрии.

⁶ *П. И. Багратион* командовал Молдавской армией в 1809—1810 гг.

⁷ *М. Н. Каменский* командовал Молдавской армией с февраля 1810 г. по март 1811 г., когда он был смещен М. И. Кутузовым.

⁸ Речь идет об осаде турецкими и сербскими войсками в 1798—1803 гг. крепости Видин на Дунае, в которой находился мятежный паша Пазван-оглу.

⁹ Константин Павлович.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА,
НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО ШТАБА 1-Й ЗАПАДНОЙ АРМИИ,
В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 ГОДА

¹ *Григорий Владимирович Розен* (1782—1841) — генерал от инфантерии; в 1812 г. генерал-майор и бригадный командир, под командованием которого находились лейб-гвардии Семеновский и Преображенский полки. Впоследствии член Государственного совета.

² *Евстафий Евстафиевич Удом* — генерал-лейтенант; в 1812 г. командовал бригадой, в которую входили лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки.

³ *Карл Иванович Бистром* (1767—1838) — генерал от инфантерии; в 1812 г. в чине полковника, а затем генерал-майора командовал гвардейской бригадой в составе полков лейб-гвардии Егерского и Финляндского. С 1821 г. командир гвардейской дивизии, с 1825 — гвардейского корпуса.

⁴ *Нарбонн Лара Луи Мари Жак* (1755—1813) — граф, генерал, адъютант Наполеона, исполнял его дипломатические поручения; в 1813 г. посол при венском дворе. Граф Нарбонн прибыл в Вильну 18 мая 1812 г. и находился там 3 дня. По его словам, его миссия заключалась в том, чтобы предотвратить назревавший военный конфликт и решить дело мирным путем. В действительности, как установлено советскими историками (П. А. Жилин), цель миссии — стремление затянуть время, дабы дать возможность сосредоточиться французской армии на исходных к вторжению рубежах.

⁵ Это был курьер от генерала В. В. Орлова-Денисова, полк

которого стоял на границе и первым был свидетелем переправы французских войск через Неман.

⁶ *Балашов* (Балашев) *Александр Дмитриевич* (1770—1837) — генерал-адъютант, в 1810—1812 гг. министр полиции, в 1812 г. член комитета по делам ополчений. Впоследствии генерал от инфантерии и член Государственного совета.

⁷ *Павел Андреевич Шувалов* (1774—1823) — граф, генерал-лейтенант, в 1812 г. командир 4-го пехотного корпуса.

⁸ *Александр Петрович Торماسов* (1752—1819) — граф, генерал от кавалерии, в 1812 г. командующий 3-й резервной армией; состоял при Главной квартире; с 1815 г. военный губернатор Москвы.

⁹ *Павел Васильевич Чичагов* (1767—1849) — адмирал, в 1807—1811 гг. морской министр, в 1812 г. командующий Дунайской армией, затем 3-й Западной армией, преследующей с фланга отступавшую французскую армию; в 1811—1834 гг. член Государственного совета.

¹⁰ Речь идет о Бухарестском мирном договоре 16 (28) мая 1812 г., завершившем русско-турецкую войну 1806—1812 гг. К России отошла Бессарабия с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. Часть Молдавии за р. Прут и Валахия в составе Турции получали автономию. Расширилась автономия Сербии; Турция вышла из союза с Францией.

¹¹ Рейнский союз образован 12 июля 1806 г. под протекторатом Наполеона в числе 13 западногерманских государственных образований, составленных из многочисленных светских и духовных владений.

¹² Во время заключения Тильзитского мира Наполеон по настоянию Александра I согласился на сохранение самостоятельной Пруссии, однако ее территория была сокращена наполовину: Белостокская область передавалась России, а из принадлежавших Пруссии польских земель создано Великое герцогство Варшавское под протекторатом Наполеона.

¹³ Война Франции с Испанией началась вступлением в Испанию 12 ноября 1807 г. французских войск под командованием генерала Депона. Противодействие агрессии вылилось во всенародную партизанскую войну (герилью). В результате поражения французских войск 22 июля 1812 г. при Саламанке вся Испания фактически была освобождена. Последнее сражение испанских повстанцев с оккупационными французскими войсками произошло 13 июня 1813 г. при Витории.

¹⁴ *Нарбонн* — см. коммент. 4.

¹⁵ *Карл Людвиг Август Фуль* (1757—1826) — прусский генерал на русской службе; с 1806 г. советник по военным вопросам при Александре I. По проекту Фуля был построен укрепленный лагерь в Дриссе (в Литве) на Западной Двине; к этому лагерю должны были стянуться войска для решающего удара по наступавшей армии Наполеона. План Фуля был бездарен и губителен для русской армии, ибо крепость на деле превращалась в ее ловушку. План Фуля был отвергнут русским командованием.

¹⁶ *Иосиф Антон Понятовский* (1763—1813) — князь, маршал Франции, командир Польского корпуса в 1812 г., действовавшего в составе «Великой армии» Наполеона в походе на Россию. В 1813 г. он утонул в р. Вейсе-Эльстер при отступлении французских войск от Лейпцига.

¹⁷ *Филипп Осипович Пауллуччи* (1779—1849) — маркиз, выходец из Италии, в 1809—1811 гг. начальник штаба, а в 1811—1812 гг.

командующий Грузинским корпусом; начальник штаба 1-й Западной армии в 1812 г. до занятия этой должности А. П. Ермоловым; генерал-лейтенант, позже — генерал-губернатор лифляндский и курляндский; в 1829 г. вернулся в Италию, где был министром у короля Сардинии.

¹⁸ *Карл Федорович Толь* (1777—1842) — граф, генерал-квартирмейстер русской армии в 1812—1814 гг.; в 1812 г. генерал-майор, в 1813 г. генерал-лейтенант, генерал-адъютант, начальник штаба 1-й армии. В декабре 1825 г. снимал первоначальные допросы с арестованных декабристов.

¹⁹ *Федор Филиппович Довре* (1766—1846) — в 1812 г. в чине генерал-майора начальник штаба 1-го корпуса 1-й Западной армии; в 1819—1827 гг. — командир Литовского отдельного корпуса; генерал от инфантерии (с 1826 г.).

²⁰ *Ганс Давид Людвиг Йорк* (1756—1828) — прусский генерал, командующий в 1813 г. 1-м Силезским корпусом Силезской армии в составе союзных войск против Наполеона; впоследствии генерал-фельдмаршал.

²¹ *Жак Стефан Жозеф Александр Макдональд* (1765—1840) — герцог Тарентский, маршал Франции; в 1812 г. командовал корпусом французской армии, действующим в направлении на Ригу и Петербург.

²² *Жан Луи Ренье* (1771—1814) — французский генерал, в 1812 г. командовал Саксонским корпусом.

²³ *Карл Филипп Шварценберг* (1771—1820) — князь, австрийский полководец, фельдмаршал (с 1813 г.). Во время нашествия наполеоновских войск на Россию в 1812 г. командовал австрийским вспомогательным корпусом в составе «Великой армии» Наполеона. После присоединения Австрии к русско-прусской коалиции против Наполеона (авг. 1813 г.) главнокомандующий союзными войсками.

²⁴ *Федор Федорович Эгель* (1767—1825) — в 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал 2-м резервным корпусом, затем военный генерал-полициемер действующей армии, генерал от инфантерии.

²⁵ *Александр Семенович Шишков* (1754—1841) — адмирал, в апреле 1812 г. назначен государственным секретарем и членом Комитета по делам ополчений; в 1813—1841 гг. президент Российской академии, в 1824—1828 гг. министр народного просвещения.

²⁶ *Василий Сергеевич Трубецкой* (1776—1841) — князь, генерал-адъютант, генерал-лейтенант.

²⁷ *Александр Иванович Чернышев* (1785—1857) — в 1812 г. полковник, затем генерал-майор; в 1812 г. командир легкого отряда в армии П. В. Чичагова, в 1813 г. командир армейского партизанского отряда; в 1821—1835 гг. председатель комитета по устройству Донского войска; в 1826 г. член Следственного комитета по делу декабристов; в 1832—1852 гг. военный министр, в 1848—1856 гг. председатель Государственного совета; генерал от инфантерии (с 1826 г.), светлейший князь (с 1849 г.).

²⁸ *Людвиг Адольф Вильгельм Вольцоген* (1774—1845) — прусский полковник, в 1807 г. перешел на русскую службу; в 1812 г. состоял при Главном штабе русской армии.

²⁹ *Адам Петрович Ожаровский* (1776—1851) — граф, в 1812 г. в чине генерал-майора назначен командиром отдельного партизанского отряда; впоследствии генерал от кавалерии.

³⁰ *Евгений Францевич Канкрин* (1774—1845) — граф, в 1812 г. генерал-интендант русской армии, в 1823—1843 гг. министр финансов.

³¹ *Яков Васильевич Виллие* (1768—1854) — лейб-медик Александра I, в 1812 г. главный военный медицинский инспектор русской армии, президент Петербургской медико-хирургической академии (1808—1838).

³² Речь идет о третьем разделе Польши (между Россией и Пруссией), состоявшемся в 1795 г. (а не в 1794-м, как указано Ермоловым).

³³ «В 1809 году Варшава уже союзница наша против Австрии, и мы в пользу ее, вопреки пользе собственной, исторгаем часть Галиции» — речь идет о присоединении в 1809 г. России к коалиционной войне Франции и Великого герцогства Варшавского против Австрии. В 1809 г. территория Великого герцогства Варшавского была расширена Наполеоном за счет присоединения к нему западной части Галиции в нарушение Тильзитского договора 1807 г.

³⁴ Бой у селений Салтановки и Дашковке между корпусом Н. Н. Раевского и наступающей армией маршала Даву произошел 11 июля и носил ожесточенный характер, с большими потерями с обеих сторон. В результате удалось несколько задержать наступление армии Даву и дать возможность армии Багратиона организованно отступить по направлению к Смоленску.

³⁵ *Иван Федорович Паскевич* (1782—1856) — в 1812—1813 гг. в чине генерал-майора командовал 20-й пехотной дивизией; он также командовал в 1813 г. осадой крепости Модлин; за отличие в битве под Лейпцигом произведен в генерал-лейтенанты; командовал русской армией после А. П. Ермолова в русско-иранской войне в 1826—1828 гг.; граф Эриванский (с 1828 г.), генерал-фельдмаршал (с 1829 г.), наместник Кавказа в 1827—1830 гг.; наместник Царства Польского с 1831 г.; руководил подавлением польского восстания в 1830—1831 гг. и Венгерской революции в 1848—1849 гг.; главнокомандующий войсками на Дунае в 1853—1854 гг. в ходе Крымской войны; с 1831 г. князь Варшавский.

³⁶ *Павел Васильевич Кутузов* (1772—1843) — князь, в 1812 г. генерал-майор, в 1825 г. генерал-лейтенант и петербургский военный генерал-губернатор, генерал-адъютант.

³⁷ *Василий Васильевич Орлов-Денисов* (1775—1843) — граф, в 1812 г. в чине генерал-майора командовал лейб-гвардии казачьим полком; начальник личного конвоя Александра I; командир партизанских казачьих отрядов; с 1813 г. генерал-лейтенант и генерал-адъютант.

³⁸ *Николай Осипович Лаба* (1766—1816) — в 1812 г. генерал-провиантмейстер, с 1814 г. директор Провиантского департамента.

³⁹ «Почему он не русский» — Барклай де Толли по происхождению был шотландец, его предок поступил на русскую службу при Петре I.

⁴⁰ «Сильный предместник» — А. А. Аракчеев, которого в 1810 г. сменил на посту военного министра Барклай де Толли.

⁴¹ Соединение 1-й и 2-й армий в Смоленске произошло 22 июля. Здесь Ермолов намекает на оплошность маршала Даву, не сумевшего воспрепятствовать движению армии Багратиона и соединению ее в Смоленске с армией Барклая де Толли.

⁴² *Иван Леонтьевич Шаховской* (1775—1860) — в 1812 г. в чине генерал-майора командовал 3-й пехотной дивизией, в 1813 г. отличился в сражениях при Калише и Бауцене; после битвы при Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты.

⁴³ *Дмитрий Петрович Неверовский* (1771—1813) — в 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал 27-й пехотной дивизией, отличившейся в бою при Шевардинском редуте 24 августа. Смертельно ранен в битве при Лейпциге.

⁴⁴ *Евгений Александрович Виртембергский* (Вюртембергский; 1787—1857) — племянник императрицы Марии Федоровны. В 1807 г. принят на русскую службу, в 1821 г. был вынужден покинуть Россию из-за личных расхождений с Александром I. Вернулся в Россию в 1825 г.

⁴⁵ *Павел Алексеевич Тучков 3-й* (1776—1864) — в 1812 г. в чине генерал-майора командовал бригадой, взят в плен под Смоленском во время наступления французской армии. Впоследствии член Государственного совета.

⁴⁶ *Павел Николаевич Чоголок* (1770—1832) — в 1812 г. в чине генерал-майора командовал 11-й пехотной дивизией, в 1813 г. присвоено звание генерал-лейтенанта.

⁴⁷ *Павел Александрович Строганов* (1774—1817) — граф, один из «молодых друзей» Александра I, член его Негласного комитета, тайный советник, товарищ министра внутренних дел; в 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал корпусом в авангарде русской армии.

⁴⁸ *Рагза* — привал, отдых войск во время похода.

⁴⁹ *Илларион Васильевич Васильчиков* (1777—1841) — князь, в 1812 г. в чине генерал-лейтенанта командовал 4-м резервным кавалерийским корпусом русской армии, затем авангардом Главной армии; впоследствии командир отдельного гвардейского корпуса, председатель Государственного совета и Комитета министров.

⁵⁰ *Эммануил (Иммануил) Францевич Сен-При* (1776—1814) — граф, французский эмигрант на русской службе с 1793 г.; в 1812 г. в чине генерал-майора командовал 9-й кавалерийской дивизией; в 1813 г. генерал-лейтенант, командир 4-го кавалерийского корпуса.

⁵¹ *Карл Карлович Сиверс* (1772—1856) — граф, в 1812 г. генерал-майор, командующий 9-й кавалерийской дивизией и одновременно 4-м кавалерийским корпусом.

⁵² *Александр Алексеевич Панчулидзе* (1789—1867) — командир Черниговского драгунского полка; в 1831—1859 гг. пензенский губернатор.

⁵³ *Иван Кузьмич Краснов* (1752—1812) — в чине генерал-майора в Отечественную войну 1812 г. командовал донскими полками.

⁵⁴ *Иван Георгиевич Шевич* (1754—1813) — в 1812 г. в чине генерал-майора командовал легкой кавалерийской дивизией; убит при Лейпциге.

⁵⁵ *Христиан Иванович Труссон* (Труссон) — в 1812 г. инженер-генерал-майор, в 1814 г. начальник инженерных войск 1-й Западной армии, генерал-лейтенант.

⁵⁶ М. И. Кутузов прибыл к Главной армии в Царево-Займище 17 августа.

⁵⁷ М. И. Кутузов после опалы в связи с поражением союзных войск при Аустерлице был назначен генерал-губернатором Литвы, с 1806 г. — Киева.

⁵⁸ «*Прелиминарные пункты*» — условия мирного договора с Турцией после войны 1806—1812 гг.

⁵⁹ Бой при Шевардине 24 августа (5 сентября) дал возможность Кутузову подготовиться к Бородинскому сражению — выиграть время, чтобы произвести оборонительные работы на наиболее уязвимом, левом фланге, так называемых «Багратионовых флешах». В бою за

Шевардинский редут против 8 тыс. русской пехоты и 4 тыс. кавалерии действовало 30 тыс. французской пехоты и 10 тыс. кавалерии, против 36 орудий русского корпуса действовало 186 орудий французских войск.

⁶⁰ *Андрей Иванович Горчаков* 2-й (1779—1855) — князь, в 1812 г. генерал-лейтенант, командир 8-го, затем 1-го резервного корпуса; впоследствии генерал от инфантерии.

⁶¹ *Михаил Семенович Воронцов* (1782—1856) — в 1812 г. генерал-майор, начальник сводной гвардейской дивизии, в конце 1812 г. командир авангарда 3-й Западной армии; в 1823—1844 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1844—1856 гг. наместник на Кавказе, князь, фельдмаршал.

⁶² *Карл Мекленбургский* — Карл Фридрих Август (1785—1837), герцог мекленбург-стрелицкий, прусский генерал от инфантерии, участник коалиционных войн с Наполеоном в 1805—1815 гг.

⁶³ *Николай Петрович Лавров* (?—1822) — в 1812 г. генерал-лейтенант, командир 5-го пехотного корпуса; впоследствии генерал от инфантерии.

⁶⁴ *Шарль Август Бонами* (?—1830) — французский генерал, взятый в плен при Бородине.

⁶⁵ *Петр Гаврилович Лихачев* (1758—1812) — в 1812 г. генерал-майор, командир 24-й пехотной дивизии, смертельно ранен при Бородине.

⁶⁶ *Павел Дмитриевич Цицианов* (1754—1806) — генерал от инфантерии (с 1804 г.), с 1802 г. главнокомандующий русскими войсками в Грузии и астраханский военный губернатор. Руководил присоединением к России Имеретии и Мингрелии; в начале русско-иранской войны 1804—1813 гг. командовал русской армией; присоединил к России Гянджинское, Карабахское, Ширванское и Шекинское ханства. В 1806 г. убит во время переговоров с бакинским ханом.

⁶⁷ *Павел Христофорович Граббе* (1789—1875) — адъютант А. П. Ермолова, участник войн с Наполеоном в 1805—1814 гг., с 1814 г. полковник и командир Лубенского гусарского полка; в 1817 г. получил отставку «за явное несоблюдение военной службы»; в 1822 г. определен полковником в Северский конноегерский полк; декабрист, привлекался к следствию, наказан содержанием в крепости в течение 4 месяцев с последующим полицейским надзором; в 1829 г. генерал-майор, в 1837 г. генерал-лейтенант и командующий войсками на Кавказской линии, в 1854 г. командующий войсками в Эстляндии и военный губернатор в Ревеле; в 1855 г. наказной атаман Войска Донского; с 1866 г. граф.

⁶⁸ *Федор Васильевич Ростопчин* (1763—1826) — граф, в 1812 г. московский военный генерал-губернатор и главнокомандующий в Москве; генерал от инфантерии, член Государственного совета.

⁶⁹ Совет в Филях собрался 1 сентября. На нем присутствовали М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, Ф. П. Уваров, Д. С. Дохтуров, А. П. Ермолов, П. П. Коновницын, А. А. Остерман-Толстой, К. Ф. Толь и П. С. Кайсаров. Позже присоединились прибывшие Л. Л. Беннигсен и Н. Н. Раевский.

⁷⁰ *Орас Михайлович Рибас* (Дерибас; 1749—1800) — испанец по происхождению, на русской службе с 1772 г. Руководил строительством порта и города Одессы.

⁷¹ *Себастиани де ла Парта Орас* (1775—1851) — французский дивизионный генерал, в 1812 г. командовал 2-м кавалерийским корпусом; впоследствии маршал Франции,

⁷² *Иван Ефремович Ефремов* (1774—1843) — в 1812 г. в чине полковника командовал армейским партизанским отрядом; впоследствии генерал-лейтенант.

⁷³ *Николай* (Ермолов неверно называет его Тимофеем) *Васильевич Иловайский 2-й* (1773—1816) — в 1812 г. находился в арьергарде русской действующей армии.

⁷⁴ *Александр Самойлович Фигнер* (1787—1813) — известный партизан в 1812 г., штабс-капитан; в 1813 г. полковник, командир армейского партизанского отряда; 1 октября 1813 г. был окружен французскими войсками при г. Дессау и погиб при переправе через р. Эльбу.

⁷⁵ *Александр Никитич Сеславин* (1780—1858) — в 1812 г. в чине полковника командовал Сумским гусарским полком, затем начальник партизанского отряда; в сентябре 1812 г. произведен в генерал-майоры, вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. Впоследствии известен жестоким обращением со своими крестьянами в Тверской губернии.

⁷⁶ *Николай Данилович Кудашев* (1784—1813) — в 1812 г. полковник, начальник партизанского отряда; в 1813 г. генерал-майор, командир авангарда корпуса М. И. Платова; убит под Лейпцигом.

⁷⁷ *Жак Александр Бернар Лористон*, маркиз де Лоу (1768—1828) — в 1811—1812 гг. французский посол в России; 5 октября 1812 г. прибыл к Кутузову с миссией Наполеона о заключении мира. В 1813 г. дивизионный генерал, командир observationalного корпуса на Висле; взят в плен при Лейпциге; в 1815 г. после второго отречения Наполеона перешел на службу к Бурбонам; маршал Франции (с 1823 г.).

⁷⁸ *Арсений Андреевич Закревский* (1783—1865) — граф, в 1812 г. в чине полковника заведовал канцелярией штаба Барклая де Толли; финляндский генерал-губернатор (1823—1831); министр внутренних дел (1828—1831); московский генерал-губернатор (1848—1859).

⁷⁹ *Петр Михайлович Волконский* (1776—1852) — князь, в 1812 г. генерал-адъютант, впоследствии начальник Главного штаба; с 1826 г. министр императорского двора и уделов, генерал-фельдмаршал (с 1843 г.).

⁸⁰ Речь идет о битве при Чернишне 5 октября 1812 г.: участвовали с русской стороны пехотные и кавалерийские полки под командованием Л. Л. Беннигсена и В. В. Орлова-Денисова, с французской — передовые части под командованием маршала Мюрата. По данным советских историков (П. А. Жилин, А. Н. Троицкий), французы потеряли 2500 убитыми и 1 тыс. пленными; русские потери убитыми и ранеными составили 1204 человека.

⁸¹ Э. А. Мортье: см. коммент. 27 на с. 435.

⁸² Речь идет о сыне А. В. Суворова — Аркадии Александровиче, генерал-лейтенанте, утонувшем 11 апреля 1811 г. в реке Рымнике.

⁸³ *Аким Акимович Карпов* (1767—1838) — в 1812 г. генерал-майор и командир казачьего полка 2-й армии.

⁸⁴ *Евгений Богарне* (1781—1824) — пасынок Наполеона, вице-король Италии (1805—1814); в 1812 г. командовал 4-м корпусом французской «Великой армии»; в 1813—1814 гг. командующий французскими войсками в Италии.

⁸⁵ *Алексей Васильевич Иловайский* (1767—1831) — командующий казачьей дивизией в 1812 г., в 1817—1827 гг. атаман Войска Донского.

⁸⁶ *Дмитрий Ефимович Кутейников* (1766—1844) — в 1812 г. ко-

мандовал в чине генерал-майора казачьей бригадой; впоследствии генерал от кавалерии.

⁸⁷ *Мишель Ней* (1769—1815) — маршал Франции (1804), командовал дивизией и корпусом в войнах 1805—1812 гг. При отступлении французов из Москвы командовал арьергардом; в кампаниях 1813 и 1814 гг. командовал корпусом. В 1814 г. после первого отречения Наполеона перешел к Бурбонам, во время «ста дней» Наполеона выступил на его стороне, участвовал в битве при Ватерлоо, где был взят в плен и по приговору королевского французского суда расстрелян.

⁸⁸ *А. А. Юрковский*: см. коммент. 61 на с. 437.

⁸⁹ *Пьер Франсуа Шарль Ожеро* (1757—1816) — герцог Кастильонский; маршал Франции, (с 1804 г.). В 1801—1803 гг. командовал французской армией в Голландии, в 1809—1810 гг. — в Испании; в 1812—1813 гг. командовал наблюдательным корпусом, расквартированным в Берлине. В битве при Лейпциге командовал резервами Наполеона, после поражения Наполеона перешел на службу к Бурбонам.

⁹⁰ *Анри Франсуа Мари Шарпантье* (1769—1824) — французский дивизионный генерал, в 1813 г. командовал корпусом.

⁹¹ *Луи Бараге д'Илье* (1764—1812) — граф, французский генерал, отличился в битве при Аустерлице. При отступлении французских войск из России сдался в плен со своей дивизией. Умер в декабре 1812 г.

⁹² *Ян Генрих Домбровский* (1755—1818) — польский генерал, с 1796 г. на французской службе; в 1812 г. командовал пехотной дивизией во французской армии.

⁹³ Сражение при г. Красном произошло 3—6 ноября 1812 г. Здесь русский авангард нанес значительный урон отступавшей французской армии.

⁹⁴ *Клод Перрен Виктор* (1764—1841) — герцог Беллуно, маршал Франции (с 1807 г.), с 1808 г. командовал французским корпусом в Испании; в войне 1812 г. против России командовал корпусом, прикрывавшим левый фланг французской армии, наступавшей на Москву. После падения Наполеона перешел на сторону Бурбонов; в 1821—1823 гг. военный министр Франции, затем член Тайного совета.

⁹⁵ *Пертуно* (Партуно) *Луи* (1769—1833) — французский генерал; в 1812 г. командовал дивизией в корпусе маршала Виктора; взят русскими войсками в плен у г. Борисова.

⁹⁶ *Павел Петрович Пален* (1775—1834) — граф, генерал-лейтенант, старший брат Петра Петровича Палена.

⁹⁷ *Николай Васильевич Репнин* (1734—1801) — князь, в 1794 г. генерал-аншеф, главнокомандующий русскими войсками в Польше, с 1796 г. генерал-фельдмаршал.

⁹⁸ *Валериан Александрович Зубов* (1771—1804) — граф, генерал-аншеф, главнокомандующий на Кавказе.

⁹⁹ *Ага-Мохаммед-хан Каджар* (1742—1797) — шах Ирана с 1796 г., основатель династии Каджаров; в 1796 г. произвел опустошительный набег на Грузию.

¹⁰⁰ *Иван Матвеевич Бегичев* — генерал-майор, в 1812 г. член Устроительного комитета С.-Петербургского ополчения.

¹⁰¹ *Лев Михайлович Яшивиль* (1768—1836) — князь, в 1812 г. генерал-лейтенант, в 1813 г. начальник артиллерии действующей армии; впоследствии генерал от артиллерии.

¹⁰² *Иван Иванович Дибич* (1785—1831) — генерал-майор, в 1812 г. занимал в корпусе П. Х. Витгенштейна должность генерал-

квартирмейстера; в 1813 г. генерал-лейтенант, с 1815 г. начальник штаба 1-й армии; с 1823 г. начальник Главного штаба его императорского величества, в 1829 г. во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. сменил на посту главнокомандующего действующей русской армии П. Х. Витгенштейна; по окончании войны получил звание графа Забалканского и чин генерал-фельдмаршала. Командовал русской армией при подавлении польского восстания 1830—1831 гг. Умер от холеры.

¹⁰³ *Иван Васильевич Сабанеев* (1772—1829) — в 1812 г. генерал-лейтенант и начальник штаба в армии П. В. Чичагова; в 1813—1814 гг. командир пехотного корпуса; с 1817 г. исполнявший обязанности командующего, а с 1824 г. — командующий 2-й армией, генерал от инфантерии.

¹⁰⁴ После перехода через Березину Наполеон, утром 17 ноября, сопровождаемый поредевшей гвардией, быстро отбыл к Зембину, через неделю он добрался до местечка Сморгони и, оставив войска под командованием Мюрата, сам в сопровождении Коленкура, своего адъютанта, тайно отбыл в Париж.

¹⁰⁵ Имеется в виду разгром М. И. Кутузовым турецкой армии при крепости Рушук (ныне Русе) на Дунае 22 июня (3 июля) 1811 г.

¹⁰⁶ Прусский генерал-фельдмаршал Иоганн Йорк, граф фон Вартенбург, сыграл большую роль в заключении 28 февраля 1813 г. в Калише между Россией и Пруссией союзного договора, что было очень важно при начале заграничных походов русской армии.

¹⁰⁷ *Иван Дмитриевич Иловайский 4-й* (1767 — после 1827) — в 1812 г. генерал-майор и командующий отрядом донских казаков, впоследствии исполнял обязанности наказного атамана на Дону. Вышел в отставку в 1827 г.

ЗАПИСКИ АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНИЯ ГРУЗИЕЙ

Венский конгресс держав-победительниц в войне с Наполеоном открылся в конце сентября 1814 г. и заседал до июня 1815 г. На нем была установлена система новых государственных границ, провозглашены восстановление и укрепление на престолах прежних феодальных династий (принцип «легитимизма»). Вместе с тем на конгрессе разгорелись острые разногласия по территориальным вопросам. Во время этих споров было получено известие о бегстве Наполеона с острова Эльбы и высадке его во Франции. Наполеон покинул Эльбу 26 февраля, высадился во Франции 1 марта, занял Париж 20 марта 1814 г. Споры между державами отошли временно на второй план, спешно была создана 7-я по счету коалиция против Наполеона, завершившаяся его разгромом при Ватерлоо в июне 1815 г.

² Наполеон после поражения при Ватерлоо сдался англичанам 15 июля 1815 г. и был отправлен на остров Св. Елены.

³ Конституция Царства Польского была обнародована 12 декабря 1815 г. Царство Польское образовалось в составе Российской империи. Королем польским провозглашался российский император, в руках которого находилась высшая исполнительная и отчасти законодательная власть. Король в Варшаве был представлен его заместителем либо избранным из польской высшей знати лицом, либо из членов царской фамилии. Высшую законодательную власть осуществлял

сейм и Государственный совет. Провозглашалась свобода печати и личности; в составе российских вооруженных сил создавался Польский (Литовский) корпус под командованием наместника царя в Варшаве.

⁴ Имеется в виду Кавказская укрепленная линия от Терека до Кубани. Ее устройство было завершено во время наместничества А. П. Ермолова.

⁵ Предшественником А. П. Ермолова в должности командующего отдельным Грузинским (с 1820 г. Кавказским) корпусом, наместника Кавказа и генерал-губернатора Астраханской губернии был генерал Николай Федорович Ртищев.

⁶ «Линейные казаки» — казаки, поселенные на Кавказской укрепленной линии.

⁷ *Иван Александрович Вельяминов 1-й* (1771—1839) — в чине генерал-майора управлял гражданской частью на Кавказе при А. П. Ермолове, с 1818 г. начальник его штаба, в 1838 г. генерал-лейтенант.

⁸ *П. В. Кутузов*: см. коммент. 36 на с. 443.

⁹ Речь идет о присоединении Восточной Грузии (Картлии и Кахетии) по манифесту Александра I от 12 сентября 1801 г. По этому манифесту царствующая грузинская династия Багратидов лишалась престола, управление Картлией и Кахетией переходило к русскому наместнику, вводилась русская администрация. В 1803—1804 гг. на тех же условиях в состав России вошли и остальные части Грузии — Мингрелия, Гурия и Имеретия.

¹⁰ Имеется в виду кодекс законов, составленный в 1705—1708 гг. грузинским царем Вахтангом VI Законодателем (1675—1737) и юридически закрепивший крепостное право в Грузии. При А. П. Ермолове был пересмотрен, часть основных положений кодекса была сохранена.

¹¹ «Татарские дистанции» — так назывались округа на территории Азербайджана, вошедшие после 1813 г. в состав России.

¹² «Война с Персией» — имеется в виду русско-иранская война 1804—1813 гг.

¹³ *А. П. Торماسов*: см. коммент. 8 на с. 441.

¹⁴ *Иван Васильевич Гудович* (1741—1820) — генерал-фельдмаршал с 1807 г. Командовал Кавказской линией в русско-турецкую войну 1806—1812 гг., одержал победу при Арпачае (1807 г.). В 1809—1812 гг. член Государственного совета, сенатор.

¹⁵ Речь идет о заключенном 12(24) октября 1813 г. между Россией и Ираном мирном договоре, завершившем русско-иранскую войну 1804—1813 гг. Он оформил включение в состав России Дагестана и Северного Азербайджана в составе 13 ханств.

¹⁶ *Аманат* — заложник.

¹⁷ *Уцмей* (уцмий, усми) — наследственный, владетель Кайтага (области Дагестана). В 1820 г. звание уцмья было упразднено А. П. Ермоловым.

¹⁸ *Шамхал* (или шавкал) — титул правителя кумыков в Дагестане, существовавший в конце XIV в. до 1867 г. Шамхальство *Тарковское*, о котором здесь идет речь, возникло в XV в. на территории от р. Терека до южных границ Дагестана. Вошло в состав России по Гюлистанскому мирному договору с Ираном 1813 г.

¹⁹ Грузинский царевич *Александр Ираклиевич* (1778—1838) — сын Ираклия II, боролся за отторжение Грузии от России; опираясь на поддержку иранского шаха, устраивал заговоры и восстания на ее территории. Во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. командовал 23-тысячным отрядом иранских войск, наступавших на Ти-

флис; безуспешно пытался поднять восстание в Кахетии. Был захвачен в плен; умер в Тифлисе.

²⁰ *Иракий II* (1720—1798) — царь Кахетии (с 1744 г.) и Картлинско-Кахетинского царства (с 1762 г.). В 1783 г. заключил Георгиевский трактат с Россией о ее покровительстве Грузии.

²¹ *Аббас-Мирза* (1789—1833) — государственный и военный деятель Ирана, наместник шаха в южной (иранской) части Азербайджана, командовал иранскими войсками в войнах с Россией в 1804—1813 и 1826—1828 гг., а также в ирано-турецкой войне 1821—1823 гг.

²² *Ф. Паулуччи*: см. коммент. 17 на с. 441—442.

²³ *Иван Иванович Дельпоццо* (1739—1821) — генерал-майор, на службе на Кавказе с 1795 г., с 1810 г. начальник Владикавказской крепости, затем командир 19-й пехотной дивизии Грузинского корпуса. В 1818 г. назначен А. П. Ермоловым комендантом Астрахани.

²⁴ *Карл Васильевич Нессельроде* (1780—1862) — граф, государственный канцлер (с 1845 г.), министр иностранных дел (1816—1856).

²⁵ Вспыхнувшее в 1811 г. восстание в Кахетии было вызвано поборами и притеснениями местных помещиков и царских чиновников, тяжестью воинского постоя. Подавленное в марте 1812 г. оно вскоре вспыхнуло вновь, но на этом этапе приняло реакционный характер, ибо руководство восстанием захватили феодалы, преследовавшие сепаратистские цели. Во главе князей и дворян стал грузинский царевич Александр, придерживавшийся протурецкой ориентации. Восстание было подавлено в январе 1813 г.

²⁶ «С давнего времени были кабардинцы подданными нашими» — еще в 50-х годах XVI в. черкесские и кабардинские князья обращались к Ивану IV с просьбами об обороне от Турции и Крыма и от соседнего дагестанского шамхала и признали себя вассалами Москвы. В 1589 г. было подтверждено подданство кабардинских князей России.

²⁷ *Порта* (или Оттоманская Порта) — так тогда называли Турецкую империю.

²⁸ *Сергей Александрович Булгаков* (?—1811) — генерал-майор, начальник Кавказской линии в 1805—1811 гг.

²⁹ *Сардар* (сердар, сирдар) — в Иране сановник и глава племени; в Турции командующий полевой армией.

³⁰ *Хорасанская область* — северо-восточная часть Ирана, население которой неоднократно поднимало восстания в связи с непосильным гнетом шахского правительства, тяготевшим над этой областью, в основном населенной туркменскими племенами.

³¹ *Семен Иванович Мазарович* — коллежский советник, глава русской миссии при шахском дворе в 1813—1828 гг.

³² *Иван Карлович Сталь 2-й* (1798—1868) — барон, генерал-майор, гражданский правитель Грузии, позже генерал от кавалерии.

³³ *Улема* (улама) — знающий учение (араб.), мусульманский теолог, представитель высшего сословия теологов и законовевов в исламских странах.

³⁴ *Английская Ост-Индская компания* (1600—1858) — торговое общество (компания) купцов, действовавшая в Индии, юго-восточной Азии и распространившая свое влияние также и на Иран.

³⁵ *Пансионы* — денежные содержания от русского правительства представителям местной знати.

³⁶ Имеется в виду изданная 21 апреля 1785 г. Екатериной II «Жалованная грамота дворянству», определявшая личные права и при-

вилегии российского дворянства и устанавливавшая корпоративные дворянские выборные органы — губернские и уездные дворянские собрания во главе с губернскими и уездными предводителями дворянства. В данном случае речь идет о распространении действия указанного акта на грузинское дворянство.

³⁷ *Депутатское собрание* — дворянский корпоративный орган, о котором говорится в примечании 36-м.

³⁸ *Герольдия* — имеется в виду Департамент Герольдии Правительствующего Сената. Ведал учет дворян, вел родословные книги дворянства и составлял дворянские гербы.

³⁹ *Агалары* — лица привилегированного феодального сословия в Восточном Закавказье.

⁴⁰ Речь идет о русско-иранской войне 1804—1813 г.

⁴¹ «Именующихся мирными» — т. е. присягнувшими на верность российскому императору, принявшими подданство России.

⁴² *Узденъ* — в Дагестане свободные крестьяне-общинники. «Знатнейшие из узденей» выдвигались в ряды местной феодальной верхушки.

⁴³ *Кади* (тюрк.) или *кази* (перс.) — в мусульманских странах судьи, единолично совершавшие судопроизводство на основе шариата (т. е. норм, установленных Кораном).

⁴⁴ *Николай Николаевич Муравьев 4-й* (1794—1866) — участник первой декабристской организации «Союз спасения», затем отошедший от тайного общества, брат декабристов А. Н. и М. Н. Муравьевых. В 1817 г. вышел из тайного общества и в чине капитана отправился на службу на Кавказ. В 1819 г. по заданию А. П. Ермолова возглавил экспедицию в Хиву. О ней в 1822 г. издал книгу с описанием этой экспедиции. В 1854—1856 г. наместник Кавказа и главнокомандующий русской армией на Кавказе; в Крымскую войну руководил взятием турецкой крепости Карс, за что получил титул Карского.

⁴⁵ *Николай Семенович Мордвинов* (1754—1845) — граф, русский государственный и общественный деятель, адмирал; в 1802 г. морской министр; Председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, в 1823—1840 гг. президент Вольного экономического общества. Известен своими умеренными либеральными взглядами. Декабристы намечали ввести его в состав Временного революционного правительства. В 1826 г. введен в состав Верховного уголовного суда над декабристами — единственный из судей, открыто выступивший против применения к их руководителям смертной казни.

⁴⁶ «Берег восточный Каспийского моря со времен Петра Великого обратил на себя внимание» — еще в 1717 г. Петр I снарядил 5-тысячный отряд в Хиву князя А. Бековича-Черкасского, который был в том же году вероломно убит по приказу хивинского хана.

⁴⁷ *Валерян Григорьевич Мадатов* (1782—1829) — князь, генерал-лейтенант, командующий русской армией в русско-иранской войне 1804—1813 гг., участник войны 1812 г.; в 1818 г. подавил восстание в Табасарани.

⁴⁸ *Конскрипции* — здесь составление списков виновных лиц, подлежащих наказанию.

⁴⁹ *Экзарх* — глава независимой церкви.

⁵⁰ *Причт* — штат священнослужителей (священники и дьяконы) и церковнослужителей (дьячков, пономарей, псаломщиков и пр.) церковного прихода.

⁵¹ *Наиб* (заместитель — араб.) — начальник духовной и светской

власти в области; здесь, в азербайджанских ханствах, начальник участка (магала).

⁵² *И. А. Вельяминов 1-й*: см. коммент. 7 на с. 449.

⁵³ «Мятеж в Имеретии» — в 1819—1820 гг. на почве церковной реформы, лишившей части грузинского духовенства церковных приходов и подчинившей остальное духовенство строгой власти грузинского экзарха Феофилакта, началось восстание, которое возглавили местные епископы, князья и дворяне, пытавшиеся найти поддержку у крестьян, недовольных царскими чиновниками и местными управителями. Восстание было сурово подавлено царскими войсками.

⁵⁴ «Загнан на самом месте преступления до смерти» — прогнан сквозь строй со смертельным исходом.

⁵⁵ Здесь описано сражение при Хозреке, где казыкумыкский хан Сурхай был наголову разбит отрядом русских войск под командованием генерала Мадатова.

⁵⁶ Имеется в виду Бухарестский мирный договор 1812 г., завершивший русско-турецкую войну 1806—1812 гг.

⁵⁷ Черноморское казачье войско было учреждено в 1787 г. сначала на отвоеванных у Турции землях между Днепром и Бугом, затем казаки этого войска (бывшие запорожцы) были в 1792 г. переселены на р. Кубань; при А. П. Ермолове в 1821 г. подчинены его управлению.

⁵⁸ *Арман Эммануил дю Плесси* (Иммануил Осипович) *Ришелье* (1766—1822) — герцог, французский эмигрант на русской службе. В 1805—1814 гг. генерал-губернатор Новороссии. В 1814 г. вернулся во Францию.

⁵⁹ *Павел Дмитриевич Киселев* (1788—1872) — граф, генерал-лейтенант, начальник штаба 2-й армии; в 1837—1856 гг. министр государственных имуществ. До 1821 г. в чине генерал-майора служил на Кавказе.

⁶⁰ *Конгресс в Троппау* — конгресс Священного союза, созданный по инициативе австрийского канцлера К. Меттерниха в октябре-декабре 1820 г. в связи с революционным движением в Италии и Испании. Здесь было принято решение о «праве» европейских монархов, составлявших этот реакционный союз, на интервенцию в случае восстаний в другой стране.

⁶¹ В связи со вспыхнувшей революцией в Пьемонте (Северная Италия) собравшиеся на конгрессе в Троппау европейские монархи перенесли свои заседания в Лайбах (ныне Любляна) — город, находившийся вблизи от революционных событий. На Лайбахском конгрессе, состоявшемся в январе — апреле 1821 г., было принято решение о посылке карательных австрийских войск для подавления революции в Пьемонте.

⁶² Восстание греков поднял в конце февраля 1821 г. находившийся на русской службе князь Александр Ипсиланти, грек по происхождению. Само восстание длительное время готовилось греческой Гетерией (тайным обществом).

⁶³ Революция в Пьемонте вспыхнула 10 марта 1821 г. Восставшие выступили с требованием конституции и объединения Италии. В середине апреля 1821 г. восстание было разгромлено и восстановлен абсолютизм.

⁶⁴ Австрийские войска вступили в Пьемонт 10 апреля 1821 г. Революция была подавлена и восстановлен абсолютизм.

⁶⁵ В помощь австрийским войскам для подавления революции в Италии Александр I готовил армию, командующим которой назначил А. П. Ермолова. Не желая усиления влияния России в этом регионе

Европы, Австрия отклонила предложение русского царя и поспешила отправить карательные войска в Северную Италию. Таким образом, вмешательство Александра I не потребовалось, и уже отправленная в поход армия возвратилась в Петербург.

⁶⁶ Имеются в виду Итальянские походы Наполеона Бонапарта в 1796—1797 гг. и Суворова в 1799 г.

⁶⁷ *Георгий Исеевич Эристов* (1760—1864) — князь, генерал-майор в корпусе А. П. Ермолова, участвовал в подавлении восстаний городских народов. В русско-иранской войне 1826—1828 гг. в чине генерал-лейтенанта командовал отрядом русских войск при взятии Тавриза и др. иранских городов.

⁶⁸ *Алексей Алексеевич Вельяминов 3-й* (1775—1838) — сподвижник А. П. Ермолова, с 1831 г. начальник его штаба.

⁶⁹ *Карл Карлович фон Краббе* — генерал-майор, командующий русскими войсками в Дагестане.

⁷⁰ Речь идет об окончании ирано-турецкой войны 1821—1823 гг.

⁷¹ Гюлистанский мирный договор 1813 г. между Россией и Ираном.

⁷² *Шариат* — систематизированный свод религиозно-этических и правовых предписаний ислама, опирающихся на Коран и его толкования (сунну и фикх), определяющих нормы государственного, гражданского, уголовного и процессуального права.

⁷³ *Муштенд* — высшее духовное лицо в округе или провинции.

⁷⁴ Александр I умер 19 ноября 1825 г. в г. Таганроге.

⁷⁵ Указ Сената о присяге Константину последовал 27 ноября 1825 г.

⁷⁶ Манифест о восшествии Николая I на престол датирован 12 декабря 1825 г.

⁷⁷ *Александр Сергеевич Меншиков* (1787—1869) — князь, в 1826 г. генерал-майор и генерал-адъютант; впоследствии управляющий Морским министерством, адмирал; в 1853 г. русский посланник в Константинополе; в Крымскую войну главнокомандующий русской армией в Крыму.

⁷⁸ *Абрек* — изгнанный (осет.) человек, ведущий скитальческую жизнь, совершающий разбойные нападения.

⁷⁹ Русско-иранская война 1826—1828 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АВТОБИОГРАФИЯ, НАПИСАННАЯ

А. П. ЕРМОЛОВЫМ В 1858 г.

Публикуемый здесь документ представляет собой краткую автобиографическую справку, представленную в 1858 г. А. П. Ермоловым по-видимому военному ведомству о прохождении своей службы в бытность наместником на Кавказе. Справка воспроизводится по факсимильному ее изданию в кн.: *Ермолов А. Алексей Петрович Ермолов. 1777—1861 гг. Биографический очерк.* СПб., 1912. С. 169—170.

¹ *Николай Федорович Ртищев* (1754—1835) — генерал от инфантерии, главнокомандующий в Грузии в 1812—1816 гг.

² *Фетх-Али-шах* (1766—1834) — иранский шах (1797—1834) из династии Каджаров.

³ «Мир был утвержден» — имеется в виду утверждение прелиминарных условий Гюлистанского мирного договора, заключенного меж-

ду Россией и Ираном в 1813 г. по окончании русско-иранской войны 1804—1813 гг.

⁴ Переименование произошло в 1820 г.

⁵ Речь идет о подавлении австрийскими войсками в начале 1821 г. революции в Неаполе.

⁶ Революция в Пьемонте вспыхнула 10 марта 1821 г. Ровно через месяц она была подавлена австрийскими войсками.

⁷ Александр I возвратился в Петербург в 20-х числах мая 1821 г. Здесь он получил подробный донос А. Х. Бенкендорфа на тайное общество декабристов.

⁸ Аббас-Мирза занял Карабах с центром г. Елисаветполь и Шурагельскую область; в августе 1826 г. занял Гянджу.

⁹ Разгром войск Аббас-Мирзы произошел 10 сентября 1826 г. в окрестностях Гянджи.

Именной указатель

- Аббас-Мирза 11, 18, 281, 295, 306, 323—325, 350, 365, 383, 391, 393, 396, 403—408, 417—419, 428—429, 431, 450
- Абашидзе, князь 358
- Абдулла-бек 307, 333
- Авнариус А. А. 15
- Агмат-бек 282, 366
- Агмед-хан 278
- Ага-Мохаммед 5, 433, 447
- Адеркас, полковник 109
- Александр I 6—7, 9—11, 16, 28, 32, 200, 261, 418, 436, 439, 441, 443—444, 449, 452—453
- Александр Ираклиевич 280—282, 306, 309, 325, 449—450
- Анреп, кавалерийский генерал 74—75
- Апушкин, офицер 163
- Аракчеев А. А. 6, 29—32, 36, 51, 113, 115, 132, 170, 172, 263, 266, 433—434, 440, 443
- Арсеньев, полковник 134
- Аслан-хан 277, 307, 332—333, 350, 361, 392
- Ахвердов, генерал-майор 338
- Аш, барон 154.
- Баговут К. Ф. 71, 78, 89, 98, 100, 102, 122, 141, 168—171, 180, 187, 189—190, 194—196, 217, 226
- Багратион П. И. 8, 22, 29, 36, 39—51, 56—58, 75—82, 88, 91—94, 96, 99—104, 107—110, 116, 122, 126, 128, 134—138, 144, 153, 157—161, 165, 167, 175—179, 189, 193, 214
- Балашов (Балашев) А. Д. 121, 132, 441
- Бараге Д'Илье Луи 235, 447
- Барклай де Толи М. Б. 9, 22, 71, 79—81, 84, 116—121, 130, 134, 148—151, 159—160, 183, 198, 203, 214, 259
- Бегичев И. М. 250, 447
- Бегнов, полковник 106
- Бенардос, полковник 106
- Беннигсен Л. Л. 7, 22, 61, 65—70, 112, 125—126, 130, 186, 188, 190—191, 198—199, 203—204, 207—208, 210—218, 236, 237, 263
- Бекович-Черкасский А. 451
- Бернадотт Ж. Б. 73, 75—77, 87, 89, 104
- Бертъе Л. А. 91, 109, 438
- Биесленев Арслан-бей 375—376, 396, 398
- Бистром К. И. 99, 120, 440
- Богарне Евгений 221, 227, 232, 446
- Боборыкин, поручик 384
- Бонами Ш. А. 191, 447
- Богданов Н. И. 29, 435
- Бороздин М. М. 187, 224, 237, 239, 243, 244, 246
- Брауншвейгский, принц 62, 436
- Буксгевден Ф. Ф. 39, 50, 56, 68—70, 130, 435
- Булгаков, подполковник 415—416, 420
- Булгаков С. А. 285, 450
- Буняковский, подполковник 110
- Бюзюрк-мирза 306, 325
- Васильчиков И. В. 160—161, 176, 178, 444
- Вахтанг VI 272, 449
- Вадбольский, полковник 230
- Вергилий Марон Публий, римский поэт 61, 119
- Вельяминов А. А. 378, 385—386, 396, 413, 416, 453
- Вельяминов И. А. 271, 309, 325,

- 330, 336—337, 346, 348, 354, 357, 359, 403—407, 417, 428, 429, 449, 453
- Вейнрот, генерал-квартирмейстер 53
- Верховский, полковник 308, 341, 343, 352, 364, 366, 388
- Виктор К. П. 245, 248, 251, 259
- Виллие Я. В. 134, 181, 442
- Винценгероде Ф. Ф. 33—34, 48, 145, 153, 158, 180, 206, 221, 264—265
- Виртембергский Е. А. 164, 228, 239, 444
- Витгенштейн П. X. 22, 51, 121, 131, 154—155, 245—255, 257, 264—265
- Власов, генерал-майор 357—358, 366, 370, 392, 394
- Власов, подполковник 220
- Воейков Н. П. 20, 162
- Волконский П. М. 215, 234, 263, 446
- Волконский С. Г. 16—17, 21
- Вольцоген Л. А. 132, 138, 177, 442
- Воронцов М. С. 187, 445
- Вреде, генерал-майор 248, 255, 329, 351, 383—384
- Вуич, полковник 73, 89, 222.
- Гази-Магомет-Магома 432
- Гамзат-бек 434
- Гогель Ф. Г. 71, 93, 99, 438
- Голицын Д. В. 62, 75—76, 88, 95, 436
- Голицын С. Ф. 114, 440
- Головкин, граф 36
- Гасан-хан 316, 320, 352, 363, 395
- Гозим, полковник 428
- Гораций Квинт Флакк, римский поэт 144
- Горчаков А. И. 95—96, 158, 164—169, 185, 187, 189
- Горчаков, полковник 357, 375—376, 400—401, 427
- Граббе П. X. 15, 173, 196, 232, 445
- Грибоедов А. С. 3, 8
- Гудович И. В. 276, 451
- Гулевич, подполковник 208
- Гуриел, грузинский князь 173, 355, 360
- Давид (Давыд), грузинский царевич 358
- Даву Л. Н. 79, 94—95, 123, 126, 128, 136—137, 143, 145, 153, 156, 158—160, 221, 232, 236, 240
- Давыдов Д. В. 4, 19, 234
- Давыдов Н. В. 239, 244, 262
- Дадян (Дадияни), грузинский князь 356, 401
- Девис, австрийский генерал 5, 433
- Дегтярев, полковник 83
- Дельпоццо И. И. 281, 285, 292, 303, 312, 330, 413, 450
- Демидов, майор 191
- Денисов, казачий генерал 179
- Дерибас О. М. 203, 445
- Деюнкер, штабс-ротмистр 173
- Дибич И. И. 16, 18, 250, 431, 447
- Джафар-Кули-хан 276—277, 381—383
- Довре Ф. Ф. 131, 155, 442
- Долгорукий П. П. 51, 436
- Долгоруков В. Ф. 80, 87
- Долгоруков С. И. 241
- Долгоруков, смоленский губернатор 24
- Домбровский Я. Г. 236, 244, 246, 248, 250—251
- Дорохов И. С. 208, 211, 219—220
- Дохтуров Д. С. 36, 44, 45—46, 61, 65, 70, 78, 95, 97—98, 106, 122, 163, 171, 175, 187, 189, 193, 201, 203—205, 217, 219—224, 264
- Евреинов, подполковник 388—389
- Екатерина II 4—5, 28, 34, 140, 213, 248, 262, 286, 331, 372
- Екатерина Павловна, вел. княжна 204
- Ермолов Н. П. 21
- Ермолов П. А. 4
- Ермолова Е. П. 21
- Ефимович, подполковник 426
- Ефремов, подполковник 208
- Жамбар, французский офицер 177
- Жевахов, подполковник 66—67
- Желтухин, полковник 170, 172, 174
- Жилин П. А. 446
- Жуковский В. А. 3

- Закревский А. А. 214, 259, 446
 Згорельский, подполковник 355, 359
 Зубов В. А. 5, 22, 248, 273, 320, 435, 447
- Иванов, полковник 271
 Иванов, надворный советник 366
 Игнатъев, майор 36, 118—119, 136
 Игельстром, подполковник 40
 Измаил-хан 273, 275, 277, 338
 Износков, майор 330
 Иловайский А. В. 230, 448
 Иловайский Д. И. 441
 Иловайский И. Д. 100, 153, 265, 448
 Ираклий II 280, 449—450
- Йорк Ганс Д. В., прусский генерал 131, 264, 442, 448
- Кайсаров П. С. 198, 445
 Каменский М. Ф. 64, 68, 437
 Каменский Н. М. 78, 94, 95, 107, 116
 Канабих (Каннабих) И. Я. 63, 437
 Канкрин И. Я. 133—134, 260, 442
 Кантакузин, офицер 189
 Карганов И. 281
 Карл XIII, шведский король 437
 Карл XIV Юхан, шведский король (Бернадотт) 439
 Карл Людвиг Иоганн, австрийский эрцгерцог 33, 39, 434
 Карпенко, полковник 188, 210
 Карпов А. А. 169—172, 226, 446
 Каховский А. М. 4, 28, 432
 Каховский П. Г. 15, 435
 Кершень, майор 387
 Кикин, полковник 129—130, 161—162, 173, 181, 215
 Кинмейер М. 35, 37, 435
 Киселев П. Д. 16, 370, 452
 Коленкур Арман Огюстен Луи, французский генерал и дипломат 448
 Коновницын П. П. 140—141, 163—164, 166, 169, 174, 183, 190, 195, 203—204, 213, 215—216, 219, 224, 231, 243, 246, 252, 262—263, 445
- Константин Павлович, вел. князь, цесаревич 6, 39, 50, 110, 122, 134, 145, 147, 154—157, 188, 204, 261, 418
 Копылов Г. И. 15
 Корф Ф. К. 91—92, 122, 131—133, 143—144, 167, 171—174, 226—227, 241
 Костюшко Тадеуш, польский революционер 4
 Кошелев А. И. 17
 Коцарев (Кацарев), подполковник 374, 377, 396, 401
 Краббе К. К. 388—389, 453
 Краснов И. К. 180, 444
 Крейц, подполковник 153, 177
 Кроссар, полковник 201
 Кудашев Н. Д. 189, 198, 212, 446
 Кульнев И. К. 98, 439
 Курнатовский, генерал-майор 355
 Кутайсов А. И. 94, 164, 166, 190—192, 194
 Кутайсов И. П. 28—29, 433
 Кутейников Д. Е. 230, 446
 Кутузов М. И. 6—7, 9, 22, 33—35, 41, 50—53, 58, 118, 138, 171, 182—190, 193—207, 210—216, 225—226, 232, 241, 245—246, 249, 252—255, 257, 259—264, 433—434, 436, 437, 443, 448
 Кутузов П. В. 271, 292, 296, 449
 Кюхельбекер В. К. 3, 15
- Лаба Н. О. 146, 443
 Лавров Н. П. 144, 188, 445
 Ламб И. В. 28, 32, 433
 Ламберт К. О. 82, 87, 105—106, 142, 251, 438
 Ланжерон А. Ф. 56, 370, 436
 Ланн Жан, маршал Франции 46, 435
 Лаптев, подполковник, впоследствии генерал-майор 99, 424
 Лебедев, генерал-лейтенант 154
 Лермонтов М. Ю. 3, 19
 Лесли А. Д. 154
 Лесток, генерал-майор 85—87
 Ливен, командир Ливенского полка 102
 Лихачев П. Г. 195—196, 445
 Линденер Ф. И. 24, 433
 Лисаневич, поручик 247
 Лисаневич, генерал-лейтенант 409—412

- Лихтенштейн, князь 56
 Лобанов-Ростовский Д. И. 79, 109, 439
 Лористон Жак Александр Бернар, французский генерал 213, 236, 446
 Лошкарев, подполковник 93
 Луи Филипп, французский король 437, 438
- Мадатов В. Г. 12, 330—333, 340—351, 362—364, 382—383, 393, 454
 Мазарович С. И. 291, 403—408, 416—418, 428, 450
 Майборода А. И. 17
 Мак (Макк) Карл, австрийский генерал-фельдмаршал 33—35, 38, 434
 Макаров, чиновник 26
 Макдональд Жак Стефан Александр, маршал Франции 137, 139, 154—155, 259—260
 Максимилиан Иосиф, курфюрст баварский 33, 434
 Мальтиц Л. Ф. 36, 435
 Манфреди, полковник 183
 Мария Федоровна, императрица 444
 Массена Андре, маршал Франции 39, 435
 Мамед-Гасан-хан 277
 Марков (Морков) И. И. 69, 71, 74—75, 77, 80, 88, 90—91, 100, 437
 Мекленбургский Карл 160, 187, 193, 445
 Меллер-Закомельский 56, 117, 142, 145, 216, 219—221, 239, 266, 436
 Меньшиков (Меншиков) А. С. 144, 418—419, 428—429, 453
 Мерфельд, австрийский генерал 35, 41
 Мехти-мирза, 405—406
 Мехти-хан 273
 Мехти-шамхал 381, 386
 Мищенко, подполковник 330
 Милорадович М. А. 36, 40—48, 50, 54, 114, 143, 152, 173, 179, 183, 195, 203—210, 217, 226—234, 237—238, 240—242, 264, 435
 Михельсон И. И. 33, 39, 61, 434
 Михин, подполковник 400
- Мордвинов Н. С. 19, 327, 451
 Меттерних Клеменс, австрийский канцлер 452
 Мортье Эдуард-Адольф, маршал Франции 38, 41, 43—45, 220, 264, 437, 446
 Могилевский, статский советник 358, 386
 Муравьев А. Н. 451
 Муравьев Н. Н. 13, 327—328, 353, 451
 Мустафа-хан 274—275, 280, 296, 325, 332, 341, 350, 365—367
 Мюрат Иоахим, маршал Франции 65, 67, 108—109, 145, 216, 219—221, 239, 266, 436
- Надир-шах 343, 363
 Наполеон Бонапарт 4, 6—7, 9—10, 38, 48, 50—54, 62—63, 66—68, 77, 87, 89, 94—95, 98, 103, 105, 112, 117, 121—122, 124—126, 132, 134, 138, 143, 154—159, 164, 186, 188, 194, 199—200, 204—209, 213, 220, 224—227, 230—238, 241, 243—259, 264—268, 323, 372
 Нарбонн Лара Луи Мари Жак, адъютант Наполеона 121, 124, 440—441
 Наумов, подполковник 271
 Неверовский Д. П. 157, 161, 164, 185, 443
 Ней Мишель, маршал Франции 85, 87, 91, 94, 96, 98, 232, 240—245, 438, 447
 Нессельроде К. В. 281, 408, 452
 Нечкина М. В. 17
 Никитин, полковник 190—193, 219, 221, 223
 Николай I 16—20, 418, 431, 453
 Новиков, губернский прокурор 7
 Ностиц-Римек Иоганн, австрийский фельдмаршал 41, 47
- Овечкин, штабс-капитан 351
 Ожаровский А. П. 132, 238—239, 243—244, 246, 261—262, 442
 Ожеро Пьер Франсуа Шарль, маршал Франции 235, 237, 447
 Оленин, генерал-майор 146, 154, 157—162, 164
 Олсуфьев, генерал-лейтенант 173
 Опшерман К. И. 128

- Орлов М. Ф. 3, 15—16
 Орлов-Денисов В. В. 139, 173, 216, 223, 227, 234—235, 237, 440, 443, 446
 Осипов, капитан 409
 Остен-Сакен Ф. В. 61—62, 64, 85, 89—90, 95—97, 249, 260, 264, 436
 Остерман-Толстой А. А. 62, 64, 85, 86, 88, 139—142, 144, 170, 187, 189, 195, 203, 205, 217, 226, 228—229, 237, 436, 445
- Павел I 4—5, 28, 31, 113, 118, 261, 432—433, 437
 Пазван-оглу, турецкий паша 442
 Пален П. П. 64—65, 70, 75, 82, 87, 89—90, 122, 125, 130, 133—134, 141—142, 144—145, 153, 157—158, 437
 Панчулидзеv А. А. 178, 444
 Партуно (Пертуно) Луи, французский генерал 247, 447
 Паскевич И. Ф. 10, 18, 136, 191—192, 226, 229—231, 241, 431, 443
 Паулуччи Ф. О. 129, 281, 441
 Пестель П. И. 17
 Пестель, генерал-майор 306—307, 310—313, 315—319, 329—330, 333
 Петр I 328, 451
 Петров, подполковник 426
 Платов М. И. 5, 27—28, 89, 95, 122, 134, 137, 145—146, 153, 156—162, 171, 175, 176, 178, 183, 188, 193—194, 197—198, 222—232, 234, 238, 243—247, 250, 251, 253, 255—257, 264, 270
 Победнов, полковник 378
 Погодин М. П. 20, 432
 Поздеев, поручик 223
 Понятовский И. А. 128, 190, 220, 225, 441
 Попов, полковник 387—388
 Потемкин Я. А. 164, 228
 Прозоровский А. А. 113—114, 440
 Проперций Секст, римский поэт 31
 Пршибишевский, польский генерал 56
 Пузыревский, полковник 355—358, 360
- Пукато (Пуккато), генерал-лейтенант 116
 Путатель, грузинский митрополит 337
 Пушкин А. С. 3, 19
- Раевский Н. Н. 16, 97, 101—102, 104, 136—137, 160—163, 176, 187, 191, 203—209, 212, 217, 223, 238—239
 Резвый, генерал-майор 265
 Ренье Жан Луи, французский генерал 155, 294, 259, 442
 Репнин Н. В. 248, 447
 Римский-Корсаков, майор 110
 Розен А. Е. 18
 Розен Г. В. 120, 156, 175, 239—240, 242, 261, 440
 Ростовцев Я. И. 16
 Ростопчин Ф. В. 199—202, 207, 445
 Ртищев Н. Ф. 10, 276, 278, 281, 284, 301, 326, 430, 449
 Рылеев К. Ф. 3, 15
 Рыхлевский, коллежский советник 271
 Рябинин, подполковник 330
- Сабанеев И. В. 252, 448
 Савоини, полковник 192
 Садыков Ага-бек 386
 Сакен, см. Остен-Сакен
 Самойлов А. Н. 4, 5, 26
 Сарочан, подполковник 416
 Себастиани де ла Парта Орас, французский генерал 157, 206, 445
 Севарсемидзеv (Севарсемидзе), грузинский князь 429
 Седморацкий, генерал-майор 62—63, 95
 Сеид-эфенди 395
 Селим-хан 276, 280
 Селихов, генерал-майор 49
 Сен-При Э. Ф. 160, 177, 198, 444
 Сеславин А. Н. 219—221, 224, 232, 234, 244, 247, 256
 Сиверс К. К. 177, 444
 Скобелев, капитан 198
 Сомов, майор 84
 Сталь И. К. 292, 364, 374, 377—378, 385, 402
 Строганов П. А. 175, 217, 240, 291, 444
 Суворов А. А. 221, 440

- Суворов А. В. 22, 33, 93, 113, 130, 150—151, 153, 203, 250, 372, 433—435, 446
 Султан-Агмет 296
 Сульт де Дье Николая Жан, французский генерал 79, 100, 438
 Сурхай-хан 277, 296, 326, 340, 346, 349—351, 361—367, 406, 452
 Ставраков, полковник 130, 161, 181
 Сысоев, казачий полковник 72, 108, 217, 221, 308, 337—339

 Талызин Ф. И. 222
 Теттенборн Фридрих Карл 257
 Титов, генерал-майор 78
 Тишин, полковник 146
 Толстой Л. Н. 21
 Толь К. Ф. 130, 141, 143, 164, 180, 198, 200—201, 213, 216, 229, 242, 262—263, 442, 445
 Тормасов А. П. 22, 122, 132, 154, 204, 264, 275, 441, 449
 Трубецкой, генерал-майор 132
 Трусзон (Труссон) Х. И. 180—181, 444
 Турчанинов П. П. 74
 Тучков Н. А. 65, 81, 122, 129, 140, 143, 169—170, 187, 190, 437
 Тучков П. А. 167, 170—172, 444

 Уваров Ф. П. 53—58, 61, 122, 142, 169, 172, 188, 193—194, 204—205, 231, 436, 445
 Удино Шарль Николая, маршал Франции 104, 154—155, 237, 245, 251, 259, 439
 Удом Е. Е. 120, 442
 Уланиус, генерал-майор 42, 48
 Умай-хан 278
 Умалат-бек 388
 Урнажевский, подполковник 385
 Устимович П. М. 15

 Феофилакт, экзарх Грузии 336—337, 360, 452
 Фердинанд Карл Иосиф, австрийский фельдмаршал 35, 59, 434
 Фетх-Али-хан 403—406, 430
 Фигнер А. С. 212, 219, 232, 234, 446

 Филатов, капитан 412
 Фитингоф, полковник 110
 Фишер, майор 73
 Флиге, подполковник 429
 Фок, генерал-майор 92, 102
 Фонвизин М. А. 15, 223
 Франц I Иосиф Карл, император австрийский 6, 35, 42, 122, 434—435
 Фридрих II, прусский король 62, 436
 Фридрих Вильгельм III, прусский король 7, 439
 Фуль К. Л. 124, 126, 132, 134, 441

 Халявин, полковник 222
 Хассаев, мулла 411
 Хитрово Н. Ф. 112

 Цицианов П. Д. 195, 271, 273, 275—276, 282, 445

 Чаплиц Е. И. 64—65, 249, 251, 254, 257, 439
 Чевчевадзе (Чавчавадзе), грузинский князь 427
 Чернышев А. И. 19, 132, 249, 265, 442
 Чеченский, ротмистр 161
 Чичагов П. В. 22, 122, 132, 199, 204, 243, 247, 249, 253, 255, 257, 260—265, 436, 441, 442, 448
 Чоглоков П. Н. 173, 231, 444

 Шамиль 21, 432
 Шерванидзе, грузинский князь 375
 Шарпантье Анри Франсуа Мари, французский генерал 235, 447
 Шау В. И. 57
 Шах-Али-хан 280, 306—307, 325, 333, 341, 346—350, 353
 Шаховской И. Л. 157—158, 161, 172, 443
 Шварценберг Карл Филипп, австрийский фельдмаршал 132, 155, 249, 257, 259, 442
 Шевич И. Г. 142, 144 180, 209, 444
 Шепелев Л. Л. 36, 39, 47, 97, 437
 Шишков А. С. 132, 442
 Шмидт, австрийский генерал 45

- Штейнгель Ф. Ф. 94, 104, 249, 438
Штрих, генерал-майор 38, 39
Шувалов П. А. 122, 441
- Щербатов А. Г. 66, 94, 437
- Эртель Ф. Ф. 132, 251, 253, 442
Эссен И. Н. 52, 56, 60, 104, 436
- Юзвицкий, комиссионер 133
Юрковский А. А. 71, 72, 234, 437, 447
- Эристов (Эристави) Г. Л. 376—377
Экономов, майор 49
- Якубович А. И. 15, 17
Яшвилъ Л. М. 113, 118—119, 234, 250, 447

Литература

1. Записки и письма А. П. Ермолова, материалы о нем.

Ермолов А. П. Записки. М., 1865, 1868. Т. 1—2 (с приложениями).

Ермолов А. П. Заметки о молодости//Русский архив. 1867. № 3.

Письма А. П. Ермолова к Р. И. Ховену//Русская старина. 1876. Т. 17.

Два письма А. П. Ермолова к кн. М. С. Воронцову//Русский архив. 1905. № 4.

Ермолов А. П. Письма его к кн. В. О. Бебутову. 1835—1857 гг.//Русская старина. 1872. № 3.

Письма А. П. Ермолова к П. А. Кикину. 1817—1832//Русская старина. 1872. № 11.

Письма А. П. Ермолова Николаю I//Чтения в императорском об-ве истории и древностей российских. 1862, июль — сентябрь.

Ермолов А. П. Письма. Махачкала, 1926.

Письма А. П. Ермолова к А. А. Закревскому. 1812—1828//Сб. Русского ист. об-ва. СПб., 1890. Т. 73.

Письма А. П. Ермолова к Д. В. Давыдову. 1819—1821//Чтения в императорском об-ве истории и древностей российских. 1862, октябрь — декабрь.

Ермолов, Дибич и Паскевич на Кавказе в 1826—1827 гг. Донесения и письма//Русская старина. 1872. № 3, 7, 9.

Журнал посольства в Персию генерала А. П. Ермолова//Чтения в императорском об-ве истории и древностей российских. 1863. Кн. 2.

Погодин М. Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863.

Фигнер А. Воспоминания об А. П. Ермолове//Исторический вестник. 1881. № 1.

Храповицкий С. И. Знакомство с Ермоловым//Русская старина. 1872. № 11.

Цебриков Н. П. Ермолов. Воспоминания декабристов. Северное общество. М., 1981.

Князь Воронцов и А. П. Ермолов//Русский архив. 1890. № 2—4.

Андреев В. Воспоминания из кавказской старины//Кавказский сборник. Тифлис. 1876. Т. 1.

Берг Н. Встреча моя с Ермоловым//Русский архив. 1872. № 5. Кавказские материалы для биографии А. П. Ермолова//Исторический вестник. 1893. № 3.

Лачинов Е. Е. Дневник следования посольства А. П. Ермолова (1817—1818 гг.)//Историко-филологический журнал. 1967. № 1.

Баргнев П. И. Разговор с А. П. Ермоловым. М., 1866.

Лажечников И. И. Несколько заметок и воспоминаний по поводу «Материалов для биографии А. П. Ермолова»//Лажечников И. И. Посмертн. полн. собр. соч. СПб., 1884. Т. 12.

Похвиснев М. Н. Алексей Петрович Ермолов//Русская старина. 1872. № 11.

2. Исследования.

Абдуллаев Ф. Миссия Ермолова в Персию (1816—1817). Науч. работы и сообщ. Отделения обществ. наук АН Узбекской ССР. Ташкент, 1963. Кн. 6.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. СПб., 1888. Т. 6.

Ермолов А. А. П. Ермолов в Персии. СПб., 1908.

Ермолов А. Алексей Петрович Ермолов. 1777—1861. Биографический очерк. СПб., 1912.

Задонский Н. А. Опальные годы генерала Ермолова//Вопросы истории. 1966. № 8.

Кавтарадзе А. Г. Герой Отечественной войны 1812 г. (А. П. Ермолов)//Военно-исторический журнал. 1971. № 6.

Кавтарадзе А. Г. Генерал А. П. Ермолов. Тула, 1977.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885—1887. Т. 2. Вып. 1—4. Тифлис.

Уманец Ф. М. Проконсул Кавказа. СПб., 1912.

Ермолов А. Библиографический указатель сочинений, журнальных статей и заметок об А. П. Ермолове. СПб., 1911.

Содержание

А. П. Ермолов и его «Записки»	3
Заметки А. П. Ермолова о его молодости	24
Записки артиллерии полковника Ермолова, с объяснением по большей части тех случаев, в которых он находился, и воен- ных происшествий того времени [1801—1807 гг.]	31
Записки артиллерии генерал-майора Ермолова. От окончания войны в Пруссии до кампании 1812 года	112
Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года	120
Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией	267
Приложение. Автобиография, написанная А. П. Ермоловым в 1858 г.	430
Комментарии	432
Именной указатель	455
Литература	462

Записки А. П. Ермолова. 1798—1826 гг.

Составление, подготовка текста,
вступительная статья и комментарии
Владимира Александровича Федорова

Заведующий редакцией *М. Ф. Гржебин*. Редактор *Н. А. Федорова*. Млад-
ший редактор *М. В. Колосова*. Художник *Э. А. Марков*. Художественный
редактор *Е. Д. Косырева*. Технический редактор *А. К. Нестерова*. Коррек-
тор *Л. А. Исаева*

ИБ № 9063

Изд. № Ист-99. Сдано в набор 10.08.90. Подп. в печать 12.02.91.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. Гарнитура таймс. Печать высокая.
Объем 24,36 усл. печ. л. + 0,21 усл. п. л. форз. + 0,84 усл. п. л. вкл. 28,04
усл. кр.-отт. 26,62 уч.-изд. л. + 0,33 уч.-изд. л. форз. + 0,68 уч.-изд. л. вкл.
Тираж 170 000 экз. Зак. № 1191. Цена 5 р.

Издательство «Высшая школа», 10Г430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул.,
д. 29/14.

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97.



А. П. Ермолов (23 лет).
Неизвестный художник.
Из собр. М. Н. Ермоловой.



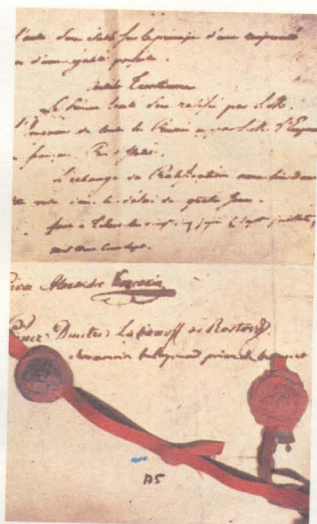
Аустерлицкое сражение 20 ноября (2 декабря) 1805 г.
С картины Ф. Жерара. Начало XIX в.



Александр I.
Гравюра Тардьё
с портрета
Кюгельхенома.
Конец XIX в.



Встреча на Немане Александра I и Наполеона.
Гравюра Ламо и Мисбах. 1-я четверть XIX в.



Тильзитский мирный
и союзный договор
25 и 27 июня
(7 и 9 июля) 1807 г.



Наполеон I Бонапарт.
Литография М. Лавине.
Середина XIX в.



Переправа через Неман у Пилони. 30 июня 1812 г.
Литография А. Адама. 1830-е гг. (фрагмент).



М. В. Барклай де Толли.
Неизвестный художник.
1-я четверть XIX в.



П. И. Багратион.
Неизвестный художник.
1830-е гг.

**М. И. Голенищев-
Кутузов.**
Художник Р. Волков.
1813 г.



Французы около Бородина 6 сентября 1812 г.
Литография по рисунку А. Адама. 1830-е гг. (фрагмент).



Бородинское сражение 26 августа (7 сентября) 1812 г.
Неизвестный художник. 1-я четверть XIX в.



М. И. Платов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.



Н. Н. Раевский.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

А. П. Ермолов.
Литография, изданная
Обществом поощрения
художников.
Начало XX в.



Контратака А. П. Ермолова на батарею Раевского.
Хромолиграфия А. Сафонова. Начало XX в.



Кавалерийский бой во ржи. Фрагмент панорамы
«Бородинская битва». Художник Ф. Рубо. 1912 г.





М. И. Кутузов на командном пункте в день Бородинского сражения (среди генералов А. П. Ермолов).
Художник А. Шепелюк. 1951 г.

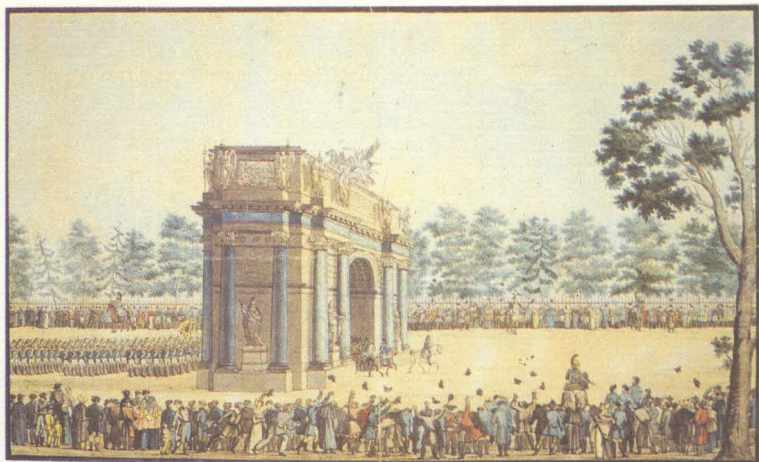
Д. В. Давыдов.
Раскрашенная гравюра М. Дюбурга по оригиналу А. Орловского. 1814 г.



Военный совет в Филях.
Художник А. Кившенко. 1880-е гг.



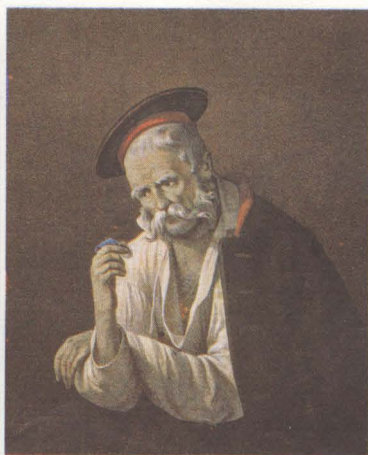
Переправа через Березину 29 ноября 1812 г.
Автолитография В. Адама. Середина XIX в.



Вступление союзных войск в Париж 31 марта 1814 г.
Английская гравюра неизвестного художника. 1815 г.

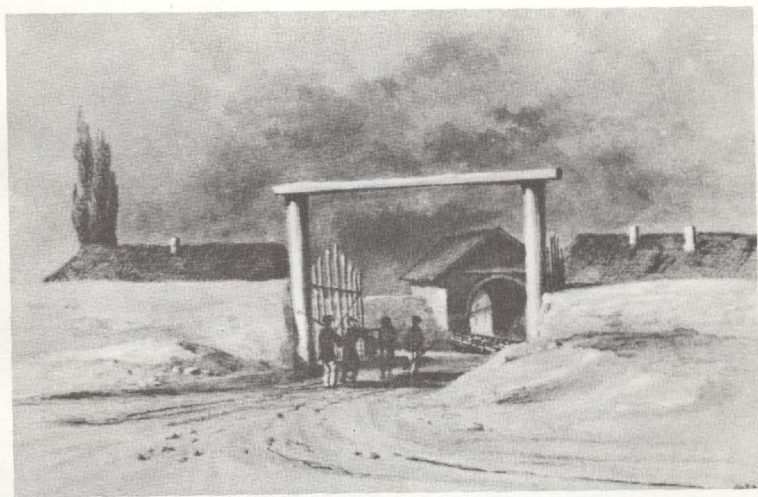


Ветеран
Отечественной войны 1812 г.
Художник П. Заболотский.
1836 г.



Солдат-ветеран 1812 г.
Раскрашенная литография
П. Пети по оригиналу
Р. Жуковского. 1844 г.

А. П. Ермолов.
Художник Д. Доу.
1825 г.



Главный вход в крепость Грозную.
Акварель П. А. Дьяконова. XIX в.



Вид Тифлиса. Картина М. Ю. Лермонтова. 1837 г.



Перестрелка в горах Дагестана.
Картина М. Ю. Лермонтова. 1837—1838 гг.



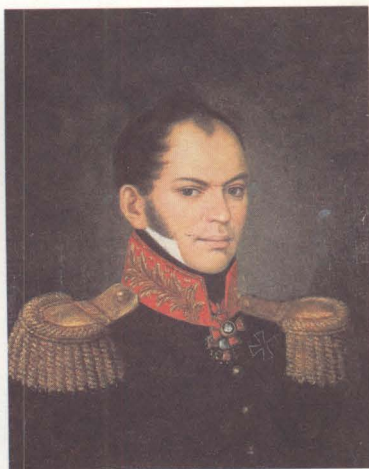
С. Г. Волконский.
Художник Ж.-Б. Изаба.
1814 г.



К. Ф. Рылев.
Неизвестный художник.
1820-е гг.



А. С. Грибоедов.
Гравюра Н. Уткина с оригинала
Е. Эстеррейха. 1829 г.



М. А. Фонвизин.
Неизвестный художник.
1820-е гг.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧЪ
ЕРМОЛОВЪ
17 АПРѢЛЯ 1810 Г.



Рис. Г. В. Каваса

581. РИСКОВА КИТАЙСКОГО ДИВИЗІОНА. 1874

